
Российская академия наук
Институт психологии

Разработка понятий современной психологии

Ответственные редакторы:

*А. Л. Журавлев,
Е. А. Сергиенко*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2018

УДК 159.9

ББК 88

Р 17

Редакционная коллегия:

*Г.А. Виленская (уч. секр.), А.Л. Журавлев (отв. ред.), Е.И. Лебедева,
Е.А. Никитина, Е.А. Сергиенко (отв. ред.), А.Ю. Уланова*

**Р 17 Разработка понятий современной психологии / Отв. ред.
А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 702 с. (Методология, теория и история психологии)**

ISBN 978-5-9270-0376-1

УДК 159.9

ББК 88

Коллективный труд сотрудников Института психологии РАН посвящен рассмотрению современных психологических понятий в сетевой парадигме. Представлено широкое разнообразие понятий, разрабатываемых в современной психологии, показано, что они отвечают постмодернистской методологии и отражают новый этап в развитии психологической науки. Книга адресована профессиональным психологам, философам, социологам и всем, кто интересуется методологическими вопросами науки.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2018

ISBN 978-5-9270-0376-1

Содержание

<i>А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. Вместо введения.</i>	
Современные понятия в психологической науке: попытка анализа	5

Раздел 1 ПОНЯТИЯ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Е. Харламенкова.</i>	
Индивидуальный субъект в психологии	63
<i>А. Л. Журавлев. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии .....</i>	116
<i>В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета. ....</i>	162
<i>В. П. Позняков. Психологические отношения человека: история понятия и его разработка в современной психологии .....</i>	186
<i>М. А. Холодная. Основные теоретические линии формирования понятия «интеллект»: ретроспективный анализ. ....</i>	214
<i>Е. А. Валueva, А. А. Медынцев, Д. В. Ушаков. Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути. ....</i>	245

Раздел 2 ПОНЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОТРАСЛЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, А. Ю. Уланова. Модель психического — способность понимания мира людей .....</i>	269
<i>Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции .....</i>	343
<i>Т. П. Емельянова. Разработка понятия социального представления — новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии. ....</i>	379
<i>Т. А. Нестик. Коллективный образ будущего .....</i>	401

<i>Т.А. Гребенщикова, И.А. Зачёсова, Н.Д. Павлова.</i> Развитие понятия «дискурс» в психологии речи и психолингвистике	431
<i>Н.Д. Павлова.</i> «Интенция» как психологическая и психолингвистическая категория	445
<i>А.Н. Воронин.</i> Дискурсивные способности: конструкт, эмпирические исследования, направления развития	461
<i>Е.В. Волкова.</i> Вопросы определения и измерения специальных способностей	482
<i>В.А. Толочёк.</i> Стили деятельности	508

Раздел 3

ПОНЯТИЯ В ПРИКЛАДНЫХ ОТРАСЛЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>А.В. Махнач.</i> Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы	533
<i>Е.А. Сергиенко.</i> Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности.	561
<i>Н.Е. Харламенкова.</i> Психологический смысл понятия «компенсация» в истории науки и в современных исследованиях.	592
<i>М.И. Воловикова, Т.В. Галкина.</i> Разработка понятия «психологическое здоровье» в российской психологии	617
<i>А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.</i> Счастье как психологическая категория . .	631
<i>А.В. Юревич.</i> Патриотизм как психологический феномен и понятие . . .	650
Аннотации	675
Сведения об авторах	698

Вместо введения

Современные понятия в психологической науке: попытка анализа

А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко

Настоящий коллективный труд ставит своей целью дать обобщенное представление о современном уровне разработки понятий в психологической науке. Этот пласт понятий представлен сотрудниками Института психологии РАН и отражает именно те проблемные поля, которые разрабатываются исследователями. Эта работа дает представление о направлении поисков, разработке понятийной системы на современном этапе развития психологической науки именно в Институте психологии РАН, где сложилась своеобразная психологическая школа, представляющая синтез естественнонаучного (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, В. Д. Небылицын и др.) и социогуманитарного направления (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова, Я. А. Пономарев, К. К. Платонов, Е. В. Шорохова и др.), объединенных системным подходом, берущим начало в работах В. М. Бехтерева, Б. Г. Ананьева и реализованным Б. Ф. Ломовым.

На современном этапе развития науки становится особенно важными «ревизия» и анализ понятийного поля. Междисциплинарность и трансдисциплинарность научного знания обуславливают введение новых понятий, уточнение и реорганизацию понятийного строя психологической науки, которая, впитывая, ассимилируя понятия других наук, сохраняет свой предмет, свои тематические поля изучения.

Задача такого анализа представляется достаточно сложной, однако первые шаги в данном направлении сделать необходимо, чтобы отразить те изменения, которые произошли, происходят или вот-вот произойдут в психологической науке.

В любой науке прирост знаний и методологического аппарата тесно взаимосвязан с развитием как содержания, так и объема понятий, которые отражают изменения, происходящие в самой науке и в современном ей обществе. Психология (и естественнонаучная, и социогуманитарная дисциплины) среди других наук занимает особенное место и имеет специфический понятийный строй, который в большей степени отличается размытостью и неопределенностью.

В книге «Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития» под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича (2018) дается анализ структуры, содержания и прогноза тенденций развития. Этот труд обращен именно к психологическому знанию как общему полю достижений психологии, и в нем представлено все многообразие мнений современных ученых. В статье А. В. Юревича (2018) приводится структура психологического знания, где после методологических принципов (или идеологий) выделяются категории. Автор пишет: «Понятно, почему психологическим категориям нередко отводится роль основных «сгустков» психологического знания и его опорных компонентов (Петровский, Ярошевский, 1998). Вся история психологической науки может быть представлена как история развития психологических категорий, а один из возможных ответов на вопрос о том, в чем же состоит ее прогресс в условиях хаотичности знания и отсутствия его кумулятивности, звучит так: „в обогащении категорий“» (там же) (Юревич, 2018, с. 12). Далее автор обращается к работе А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского по вопросу о построении классификации понятийной системы как возможности структурировать знание. «Один из главных путей построения единой и стройной системы психологического знания, подобной системам естественнонаучного знания, видится в построении *иерархической системы* психологических категорий (Петровский, Ярошевский, 1998). А установление гносеологических отношений между ними рассматривается как эквивалент установления онтологических отношений между соответствующими фрагментами психологической реальности. Такой путь объединения психологического знания — его объединение „сверху“, путем „наведения мостов“ между психологическими категориями — выглядит гносеологически обоснованным, хотя и чреват построением довольно произвольных конструкций» (Юревич, 2018, с. 13).

Во-первых, возникает вопрос о тождестве «понятия» и «категории», которые большинство авторов употребляют как синонимы, тогда как философские словари их дифференцируют. Так, категории определяются как ключевые и самые общие понятия, в мысли-

тельном процессе или науке (материя, движение, сознание). «Категории – наиболее общие понятия, отражающие основные свойства и закономерности явлений объективной реальности и определяющие характер научно-теоретического мышления эпохи» (Краткий словарь по философии, 1979, с. 127–128). В то же время понятие – «одна из основных форм мыслительной деятельности, с помощью которой строятся другие формы мышления (суждения, умозаключения)» (там же, с. 128).

Для психологии, с ее бурно развивающимся и несформированным понятийным аппаратом, более точным будет обращение к понятиям как основе научного знания.

Для каждой науки характерна своя специфическая система тесно взаимосвязанных понятий. Каждое новое понятие должно быть введено в соответствующую систему понятий науки. Образование нового понятия является результатом теоретических и экспериментальных (эмпирических) усилий, его значение открывает новые горизонты в понятийном поле науки.

М. А. Холодная в монографии «Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям» (2012) ставит вопрос об отождествлении «понятия» и «знания». Поскольку понятия в большей степени изучались философией, логикой и лингвистикой, то психология в основном заимствовала у других наук их определения и критерии. При этом остается открытым вопрос о специфике понятийного мышления: «Понятийная мысль, отождествляемая с характеристиками ее содержания, в итоге рассматривается исключительно как явление сознания. На самом деле понятие как психологическое образование функционирует по принципу „айсберга“, основная часть которого скрывается в глубинах индивидуального ментального опыта, а только его „верхушка“ находится на поверхности предметного слоя сознания» (Холодная, 2012, с. 23). Глубокий анализ специфики понятийного мышления, проведенный автором, своеобразие его изучения в психологии в отличие от философии, логики и лингвистики, убедительно показывает, что критерии понятий не могут сводиться ни к выделению существенных признаков, ни к их вербально-логическому обозначению, ни к логике их образования. На основе теоретического анализа и собственных исследований она выделяет концептуальные структуры как носители понятийного мышления и указывает их психологические характеристики: многомерность, нелинейную динамику, самоорганизацию, субъектность, концептуальность, уникальность, гетерогенность, мобильность (Холодная, 2011).

Данная концепция изменяет представление о «понятии» как формально-логической структуре, создавая представление о его психологической природе. Тогда можно приблизиться к пониманию того, почему психологическое научное знание отличается большой неопределенностью, размытостью границ, субъектностью содержания, зачастую разными содержательными полями понятий. Психологические понятия, с одной стороны, позволяют структурировать сверхсложную, многослойную психологическую реальность, часто текучую и ускользающую от статических определений. С другой стороны, психологические понятия в науке действительно, как «айсберг», обозначая некоторый феномен или событие, содержат невидимые, не эксплицированные латентные знания и представления, теоретические конструкты, индивидуальные ориентиры в попытке понятийного осмысления психологии человека. Упреки в адрес психологической науки в неопределенности и нестрогости ее понятийного аппарата только отчасти справедливы и связаны как с относительной молодостью науки, так и с высочайшей сложностью ее предмета. Кроме того, любую науку, и психологию в частности, создают люди, которые имеют особенности понятийного мышления, отчего пересечение индивидуальных пространств смыслов и полноты/неполноты концептуальных схем эволюционно складывается в общую картину знания. Изменение представлений о понятийной системе знаменует переход к иному типу научной рациональности — метамодернизму (постпостнеклассической науки) (Гусельцева, 2016).

Далее, говоря о системе понятий в психологии, необходимо обсудить вопрос о возможности такой их иерархии, которая образует каркас психологической науки.

О системе психологических понятий писал К. К. Платонов. Он считал, что «наука — это система теорий, а теория — система понятий» (Платонов, 1972, с. 14). Он выделял два вида понятий: общепсихологические и частнопсихологические. К общепсихологическим категориям относятся понятия, объем которых совпадает с объемом психологической науки. Он считал, что таких понятий шесть: психическое отражение, психическое явление, сознание, личность, деятельность, развитие психики.

Частнопсихологические категории образуют несколько взаимосвязанных психологических понятий, «... объемы и содержание которых в своей совокупности исчерпывающе совпадают с объемом и содержанием той или иной общепсихологической категории» (там же, с. 18). Автор приводит примеры таких конгломератов: «психические процессы», «психические состояния» и «свойства личности» совпа-

дают с категорией психических явлений; понятия «переживание», «познание» и «отношение» вместе описывают содержание и объем категории сознания.

К. К. Платонов писал: «Чем более четко определены и связаны в единую систему общие и частные психологические категории, тем точнее и единообразнее понимаются и входящие в них понятия, отражающие отдельные психические явления» (там же, с. 18—19). При этом особое внимание он уделял историзму и генезису понятийной системы. Некоторые понятия, родившись, быстро становятся анахронизмом (как например, «реактология», введенная К. Н. Корниловым), другие, напротив, сначала, рождаясь, выражают проблему, а затем становятся научным принципом, обоснованным положением и направлением в дальнейших исследованиях. Например, понятие личности стало «личностным подходом» или, если продолжить эту мысль автора, понятие системы стало системным подходом и научным принципом, а понятие субъекта — и подходом, и принципом психологической науки. Говоря об историзме в понятийном анализе, К. К. Платонов указывает: «Без истории понятий нет теории, а без теории нет науки или ее отрасли. Но при этом оперативное научное понятие, которым пользуется наука, должно соответствовать современному ему научному пониманию предмета или явления, им отражаемого» (там же, с. 19).

Идеи о понятийной системе психологической науки, высказанные К. К. Платоновым еще в 1972 г., указывают на два важных принципа: исторический и генетический. Другой особенностью становится выделение уровней понятий, их взаимосвязанности и взаимообусловленности. Историко-генетический принцип и идея взаимообусловленности и иерархичности понятий найдут свое выражение в позднее разработанной категориальной системе психологии, представленной в работе А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (1998, 2001). Несмотря на дискуссионный характер данной системы понятий, она закладывает основы для поисков новых решений. Свою систему авторы строят в координатах биосферы и ноосферы В. И. Вернадского, где психосфера (т. е. психология, по определению Н. Н. Ланге) представляет единое пространство природы и социума. Авторы определяют понятийную сетку психологического познания, образованную пятью категориями: биоцентрические, протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и социоцентрические, образующие весь понятийный аппарат психологической науки. Приведем таблицу категориальной системы Петровского и Ярошевского для понимания сути их системы.

Таблица 1
Категориальная система психологии
(Петровский, Ярошевский, 2001, с. 20)

НООСФЕРА								ПСИХОСФЕРА
	Субстанцио- нальность	Направлен- ность	Активность	Когнитив- ность	Субъектив- ность	Событий- ность	Действи- тельность	
Социоцентри- ческие катего- рии	Человек	Идеал	Свобода	Разум	Экзистен- ция	Соучаство- вание	Эйкумена	
Метапсихо- логические категории	Личность	Ценность	Деятель- ность	Сознание	Чувство	Общение	Персонос- фера	
Базисные пси- хологические категории	«Я»	Мотив	Действие	Образ	Пережива- ние	Интеракция	Ситуация	
Протопсихо- логические категории	Индивид	Потребность	Рефлекс	Ощущение	Аффектив- ность	Сосущество- вание	Предмет- ность	
Биоцентричес- кие категории	Организм	Нужда	Метаболизм	Сигнал	Избиратель- ность	Синергия	Среда	
БИОСФЕРА								

Могут быть выделены как плеяды (параллели), так и кластеры (меридианы) категорий. Каждая из приведенных категорий в строках неотделима от других категорий строки, и они составляют плеяды. Например, категория «Личность» из плеяды метапсихологических понятий находится в тесной взаимосвязи с категориями «Ценность», «Деятельность», «Сознание», «Чувство», «Общение», «Персоносфера» (термин А. В. Петровского). Категория «Образ» из плеяды базисных психологических категорий неотъемлема от понятий «Я», «Мотив», «Действие», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация». При этом уровни категорий снизу вверх от биоцентрических к социоцентрическим отличаются нарастанием сложности, способности к интерсписктивному отражению, следовательно, и специфичностью их изучения (от естественнонаучных методов к социогуманитарным). Столбцы образуют кластеры понятийной системы. Так, кластер субстанциональности объединяет разноуровневые категории от организма—индивида—личности к человеку (высший уровень). При этом авторы подчеркивают, что обозначение данного кластера «Субстанциональность» восходит к философской традиции данного термина как свойства быть первоосновой чего-либо, что раскрывается все более полно при переходе от нижнего к высшему уровню. Или кластер «Событийность», означающий социальность, общность, сопричастность. По мере движения вверх по столбцу изменяется мера взаимодействия с другими. Кластер «Действительность» — это движение от категории «Среды» как условия существования к «Предметности», далее к «Ситуации» как проблемной ситуации, требующей решения, к «Персоносфере», определяемой в виде множественного пересечения персонализаций людей друг в друге, с человечеством, и завершающему уровню «Эйкумена» («Ойкумена») как связанности в единое пространство жизненных миров.

В таблице 1, как полагают авторы, находят свое воплощение три объяснительных принципа психологического познания: принципы детерминизма, развития, системности (там же). Категории вертикали детерминированы как снизу, так и сверху. Например, категория «Я» (метапсихологическая) включает в себя биологическое начало в виде нижележащих категорий — индивидуальных особенностей — и наполняется социально-психологическим содержанием сверху. Следовательно, можно выделить категориальное ядро и оформляющие категории, которые выступают как условия «проращивания» ядерных. Например, категория «Ценность» становится развитием категории «Мотив», оформляясь через категории «Переживание», «Отношение» («Интеракция»), «Действие» и др. При этом посредством

ядерных и оформляющих категорий возможно порождение новых понятий. Авторы приводят сравнение «взаимоотношения категорий внутри плеяды со взаимоотношениями лейбнизианских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительное определение» (там же, с. 31). Здесь уместно напомнить голографический принцип, иллюстрируя взаимоотношение базисных и метапсихологических категорий: «часть голограммы (базисная категория) заключает в себе целое (метапсихологическая категория) достаточно взглянуть на любой фрагмент голограммы под определенным углом зрения» (там же, с. 13). Так, понятие «Я» как «индивида в саморефлексии» строится на основе нижележащих «Индивид», «Ощущение», «Аффект», затем включает «Образ», «Действие», в той же строке, что приводит к становлению „чувственного Я“, „Я“ в восприятии, „Я“ в представлении, „Я“ в мысли, соединяя все ипостаси: субъекта, объекта носителя и содержание рефлексии» (там же, с. 31). Категориальная сетка отражает принцип системности, приметой которого становятся связанность и взаимообусловленность категорий, выделение иерархии их развития, выделение уровней, нисходящего и восходящего детерминизма. Этот принцип соединяет в единое целое онтогенез и социогенез психики. Авторы допускают возможность уточнения элементов предложенной таблицы, но считают, что неизменными должны оставаться принципы построения взаимосвязи категорий: «...1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтезирования системообразующих (ядерных) и оформляющих категорий; 2) сущность как явление и это же явление как сущность; 3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы (биогенетическая и социокультурная детерминация)» (там же, с. 29).

Петровский и Ярошевский считают данную систематизацию переходом к конструированию теории теорий, лишенной недостатков монотеоретических построений, когда одно понятие, поставленное в центр теории (деятельность или установка и др.) как из клеточки (понятия) выводит всю психологию человека. Авторы пишут: «Не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система категорий способна охватить и отразить в себе психический мир человека» (там же, с. 34).

Другой вариант категориальной системы научного знания на современном этапе проводит Т. Д. Марцинковская. Ее взгляд на категориальный аппарат психологии, так же, как и у авторов представленной системы, опирается на исторический и генетический принципы (историко-генетический подход). Это связано с изучением генезиса психических знаний по отдельным проблемам, с использованием

понятий оппонентного круга, когнитивного стиля и идеи прогресса как кумуляции знаний (введенных М. Г. Ярошевским). *Оппонентный круг* означает необходимость сравнений и развития собственных понятийных систем с оппонентами, не только развивающих возможность анализа категорий, но и обогащающих их другими/иными контекстами и содержанием. *Когнитивный стиль* интегрирует и историческое начало творчества, безотносительное к уникальности творца, и уникальные для личности способы выбора проблем, их решений, коммуникации с научным сообществом. Общая картина развития психологического знания может быть описана метафорически как аналог «сети» и «невода». Если сетевой принцип применим к изучению отдельных категорий и их взаимосвязи, предполагая встраивание новых категорий, проблем, образующих систему знаний, то «невод» образует единую многомерную систему концепций и подходов (вертикальных и горизонтальных отношений, т. е. разные представления о предмете анализа в одной концепции и однотипные — в разных научных подходах), собирая их воедино, не давая растекаться в разные стороны (Марцинковская, 2015).

Данные метафоры чрезвычайно важны для развития научного знания, однако здесь возникает вопрос о выборе «материала»: теорий и подходов, равнозначности и составе ячеек в «сети» и «неводе». Этот вопрос сопряжен с субъектностью самого научного знания, с ответственностью и профессионализмом самого исследователя, от которого зависят и выдвижение гипотезы, и их экспериментальная проверка, и интерпретация, и дальнейшее место в выбранной «сети» категорий и в «неводе» теорий. Возможно, именно такое положение отвечает *метамодернизму*, предполагающему поиск творца. Однако данные метафоры лишены какой-либо системной иерархии в построении категориального строя психологической науки. Фиксируя общую связанность, которая ярко выражена в классификации и А. В. Петровского, и М. Г. Ярошевского, необходимо построение новой системы психологических знаний, дающей возможность выделять закономерности и отношения между понятиями (на субординантном, базовом и суперординантном уровнях), включая возможность пересечения как подходов, так и субъективных предпочтений, социокультурных координат и контекстов. При всей значимости стремления отойти от матричного принципа понятийного аппарата в психологии более логичную «сетку», как ее называют Петровский и Ярошевский, с ее закономерными отношениями и принципами построения (системности, развития, биосоциальной детерминации) пока предложить сложно.

В работе Т. В. Зеленковой (2018) обосновывается *тенденция к интегративности* психологического знания, которая с иных позиций представлена и в работе Е. А. Сергиенко (2018), опубликованная в том же коллективном труде (Психологическое знание: современность и перспективы развития, 2018). Зеленкова указывает, что интегративные структуры эволюционируют от иерархических систем к сетевым и холархическим, которые являются более продуктивными для психологического знания. *Сетевые структуры* более гибкие, открытые, самоорганизующиеся системы, включающие разные теории и практики, сохраняющие собственную самостоятельность. *Холархические* — это более сложные системы, в основе которых лежит понятие холона. Холон определяется как открытая система, которая одновременно проявляет и свойства целого, и свойство части в зависимости от условий функционирования (там же). Однако нельзя не заметить, что это основной принцип системного подхода, наиболее полно развитый в трудах Б. Ф. Ломова (1984) и целого ряда его последователей. Пояняя данное определение, Т. В. Зеленкова вслед за Кестнером пишет: это, с одной стороны «свойство холона как целого — интегрировать мир, который его окружает, а с другой — свойство холона как части, которое заключается в том, чтобы быть интегрированным в другое, более обширное целое (мир)» (там же, с. 349). Автор дает подробный анализ диалектического потенциала понятия холона через соотношение оппозиций. В зависимости от наличия логической и диалектической контекстности и наличия наблюдателя выделяются четыре класса противоположностей. Так, логические внеконтекстные противоположности симметричны, однородны и не требуют контекста, на них не влияет наблюдатель (прямая—кривая). Логические контекстные противоположности аналогичны, но зависят от наблюдателя (рассеянность—сосредоточенность). Диалектические внеконтекстные противоположности остаются несимметричными, различными, но у них есть совместимость полюсов (свобода—необходимость). Диалектические контекстные (холархические) обладают теми же характеристиками, но связаны с наблюдателем, что соотносится с принципом дополнительности Н. Бора. Данная классификация противоположностей применительно к психологическому знанию может рассматриваться как развитие идеи оппонентного круга, формализованного относительно логико-диалектического принципа анализа в контексте представлений о холоне. Т. В. Зеленкова показывает, что данные идеи развивались как в отечественной, так и в мировой науке. Кроме того, идеи взаимопроникновения разных психологических парадигм, теорий и подходов через призму рассмотрения холархического анализа

также согласуются и с идеями проницаемости парадигмальных границ и большей открытости теоретических подходов (Марцинковская, 2016) и идеей межпарадигмальных мостов (Сергиенко, 2016). Возможность анализа понятийной системы психологии через призму холярхического анализа позволяет реализовать идею оппонентного круга М. Г. Ярошевского на основе выделенных критериев.

В своей книге «Методологическое введение в психологию» Я. А. Пономарев (1983) также обращался к закономерностям развития психологических знаний. На основании закона трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации и функциональные ступени дальнейших развивающих взаимодействий автор построил концептуальную схему этапов развития психологического знания в соотношении с его *типом*. Выделены три типа знания: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. *Созерцательно-объяснительный* тип непосредственно связан с житейским опытом, отличается созерцательным способом приобретения знаний, когда исследователь не становится причиной изучаемых событий, а знания носят поверхностный характер и интерпретации произвольны. *Эмпирический тип* формируется внутри созерцательно-объяснительного типа, трансформируя и включая в себя его содержание, характеризующееся эмпирической многоаспектностью. Формирующийся в недрах эмпирического *действенно-преобразующий* тип, включая содержание предыдущего типа, переходит к выработке критериев упорядочивания эмпирической многоаспектности, образует полюса абстрактных и конкретных знаний. Из анализа типов и сформулировано представление о предмете психологии. «На стадии созерцательно-объяснительной психологии актуальным предметом оказывается лишь один из ингредиентов потенциального предмета — субъект. В данном типе знания субъект выступает как психика, как субъективное отражение объективной действительности» (Пonomарев, 1983, с. 201), что означает изучение поведения и деятельности. На стадии эмпирической психологии предметом становится другой ингредиент — функции субъекта во взаимодействии. Следует указать, что автор понимает субъект как компонент живой системы взаимодействия. Переход к действенно-преобразующему знанию означает переход к представлению о психике как объективной реальности, где психика — «своеобразная сторона живого существа, как один из компонентов психического взаимодействия...» (там же, с. 202). Если психика — один из компонентов взаимодействия, тогда психология — это конкретная наука. Следовательно, вопросом для психологической теории на данном уровне

является вопрос о месте психологии в системе современного знания. Взаимодействие с другими науками превращает «психологию в абстрактную науку о структурных уровнях организации живых систем — психологический механизм поведения, психическое отражение продуктов преобразования окружающего мира» (там же, 202—203).

Для нашего анализа данные представления важны в части последовательного развития и преобразования в организации типов психологического знания, дающего все более многоаспектные (многомерные) модели и принципиально междисциплинарный характер в развитии психологического знания. Кроме того, в представлениях Я. А. Пономарева также усматривается принцип холархического анализа психики как системы функциональных систем, «моделей, отражающих, побуждающих, направляющих и регулирующих жизненный путь живого существа как компонента живой системы» (там же, с. 202).

Попытка анализа общепсихологических категорий материалистической диалектики в психологии была представлена в книге 1988 г. под редакцией и при авторском участии Л. И. Анцыферовой (1988). Идея данной книги — показать, как общенаучные философские понятия реализуются в психологической науке. Мировоззренческо-методологические функции философии, как отмечает Л. И. Анцыферова, состоят, в частности, в обобщении научных знаний конкретных дисциплин для создания целостной «научной картины мира», интегрирующей и социогуманитарные, и естественнонаучные, и технические науки. «В понятиях психологии отражается текучесть, пластичность, постоянная изменчивость, напряженность, многокачественность явлений душевной жизни человека, основным способом которых является развитие», пишет Л. И. Анцыферова (1988, с. 6). Данная характеристика психологических понятий перекликается с характеристикой понятий метамодернизма в психологии, описанных М. С. Гусельцевой. Говоря о соотношении общенаучной философской и частнонаучной психологической методологии, Л. И. Анцыферова отмечает принципиальную особенность содержания психологии: «Так, в результате определения психики как свойства реального индивида, субъекта жизни в содержании принципа отражения был подчеркнут момент эмоционально-оценочного отношения человека к миру, переживания. Введение в психологию марксистского понятия деятельности и анализ психологической структуры деятельности позволили выделить новый методологический принцип психологии — единства сознания и деятельности. Многомерную и многоуровневую структуру на материале психологии приобрел принцип историзма или об-

шественно-исторической обусловленности: сама природа человека, прижизненно формирующиеся психические процессы, строение сознания, психологическая организация личности выступили как результаты разных форм и способов социальной детерминации индивида» (там же, с. 9–10).

В книге представлены общие категории и раскрывается их психологическое содержание, это такие категории, как «развитие», «время», «возможность» и «действительность», «форма и содержание», «количество и качество», «непрерывность и прерывность», «активность отражения», разработка которой привела к становлению принципа активности как философии познания. Данный анализ показал, с одной стороны, особенность психологической науки, а с другой – ее включенность в общеметодологический научный контекст того периода научного развития. Отметим, что многие идеи, представленные в данной книге, получили свое развитие в современных разработках, например, принцип развития (Принцип развития..., 2016). Важно подчеркнуть, что представления о психологических понятиях и их специфике не утратили своей актуальности и сегодня.

Понятия в современной психологии

Обратимся к анализу понятийного поля психологической науки, представленного в рамках настоящего коллективного труда, используя те идеи и ориентиры, которые обсуждались выше. Попытаемся представить некоторую понятийную сеть как некий наличный срез понятий, обсуждаемых в настоящей книге.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что любое понятие в психологической науке отражает научный подход и определенную научную школу. Как уже отмечалось, Петровский и Ярошевский указывали еще почти три десятилетия назад на переход от монотеорий, в которых одно понятие описывает всю психологию человека (например, теории деятельности, теории установки), к метатеориям, включающим «динамическую систему категорий». Именно такая трансформация и происходит с ведущими школами и подходами в отечественной психологии, которые расширяют свои возможности, интегрируясь с другими парадигмами. Например, М. С. Гусельцева отмечает: «Что же касается потенциала развития деятельностного подхода, то и последний занимает довольно уверенные позиции в современной психологии, перестав быть теорией деятельности А. Н. Леонтьева или С. Л. Рубинштейна и тем самым утратив первородную чистоту, но воплотившись в ряд контекстуально трансформировав-

шихся и смешанных с иными подходами направлений: культурно-деятельностный, экзистенциально-деятельностный, системно-деятельностный и др.» (Гусельцева, 2018, с. 639). Проницаемость границ и трансформации классических психологических теорий и подходов достаточно широко обсуждались разными авторами (Марцинковская, 2015; Гусельцева, 2007, 2013; Сергиенко, 2016, 2018; Зеленкова, 2018; и др). Приведенный пример с деятельностным подходом справедлив и для других школ и направлений психологической науки. М. С. Гусельцева утверждает, что на постнеклассическом этапе исследований и реализации полипарадигмальности происходит переход от борьбы методологий в разных психологических школах к большей толерантности, когерентности исследований, к поиску консенсуса, что означает и продуктивность плюрализма вместо иллюзорного стремления к построению единой теории психики (Гусельцева, Изотова, 2016). Перечислим лишь некоторые из современных отечественных подходов: структурно-функциональный, системно-деятельностный, историко-культурный, историко-генетический, историко-эволюционный, культурно-аналитический, системно-субъектный, субъектно-аналитический, культурно-аналитический. Эти и многие другие подходы отражают необходимость выйти за рамки одной парадигмы, неизбежное взаимодействие и взаимовлияние разных парадигм и, наконец, потребность в более объемной оптике изучаемых психических феноменов и их динамики. Приведем лишь некоторые примеры взаимодействия и взаимовлияния различных подходов.

Взаимопроникновение подходов можно проиллюстрировать на примере соотношения категорий «индивид», «личность» и «индивидуальность».

Согласно историко-эволюционному подходу, индивид — это представитель человеческого вида в координатах природно-биологических систем. Развитие индивида происходит на основе его генетических программ. Личность же рассматривается как социальное качество человека, приобретаемое в процессе социальных взаимодействий, т. е. социокультурные ориентиры становятся ведущими. Понятие индивидуальности связано с уникальностью и своеобразием человека, в которой он выступает как субъект своего развития, жизни в целом (Асмолов, 2007). Однако сравним понимание Б. Г. Ананьевым соотношения данных категорий. Именно Ананьев различал понятия «индивид», «личность», «субъект деятельности». Индивид — это представитель человеческого вида, системы его природных свойств. Первичные природные свойства: конституциональные, нейродинамические, билатеральные особенности, половой диморфизм. Вто-

ричные свойства — темперамент, структура организации потребностей, задатки, сенсомоторная организация. Личность — это система социальных отношений, в которой человек становится социальным существом. Субъект деятельности — это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной) деятельности. Человек как субъект характеризуется операциональными механизмами, тогда как индивид — функциональными механизмами, а личность — мотивационными механизмами, включающими потребности индивида и ценностные ориентации. Интеграция этих трех подструктур образует неповторимую индивидуальность человека. Онтогенез развития человека можно представить как последовательность переходов от одной системы к другой с нарастающей интеграцией: Индивид→Личность→Субъект деятельности→Индивидуальность (Ананьев, 1977).

Сравнение двух подходов — историко-эволюционного и комплексного (предтечи системного) — показывают, что данные идеи, сформулированные Ананьевым, стали общими для обеих концептуальных схем.

Представление о движущих силах психического развития — ключевая проблема дискуссий между культурно-исторической теорией, теорией деятельности Леонтьева и теорией деятельности Рубинштейна. Не обсуждая сути и деталей спорных представлений, которые достаточно хорошо известны, укажем только на то, что современное представление о мультидетерминации психического развития включает множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных направляющих, где в центре — человек как саморазвивающаяся система; это позволяет подготовить «переправу» между разными парадигмами и определяет мультипарадигмальность и междисциплинарность современного этапа развития наук (подробнее см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007). В психологии выбора (Леонтьев и др., 2015) авторы утверждают деятельностно-процессуальную концепцию как теоретического основания их исследования, включающую в себя и культурно-историческую теорию, и экзистенциальную парадигму. Однако полагаем, что данная концепция представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа. Стереоскопическая оптика психологии выбора дает представление о взаимодействии личностных и субъектных составляющих, личностного потенциала как основы субъектного выбора, саморегуляции, самодетерми-

нации, самоэффективности. Процесс выбора — это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями «субъект» и «личность», хотя не разводят их. Таким образом, в психологической концепции выбора можно выделить признаки постнеклассической методологии: с характерным нарастанием неопределенности, фокусом на внутренних сложных процессах самоопределения, саморазвития, подчеркиванием процессуальности, текучести воспринимаемой жизни, ее контекстуальности. В ней объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы (Сергиенко, 2018).

Приведенные примеры показывают, насколько велико взаимовлияние и взаимодействие разных психологических школ и подходов в стремлении расширить и углубить анализ психологических феноменов и процессов.

Проводя анализ современных трендов методологических поисков в психологии, М. С. Гусельцева отмечает, что «в современной эпистемологии имеет место движение от анализа дихотомий и поляризации крайностей к интеграционному мышлению, — в частности, к передающему целостность жизни принципу антиномий, где доминирование того или иного полюса отражает факт ограниченности методологической оптики (образным выражением чего служат зрительные иллюзии, — например, «заяц» или «утка» Дж. Ястрова). «Заяц» или/и «утка», пост- или/и прото-, консервация или/и модернизация, архаика или/и модернизм — все эти тенденции так или иначе представлены в дизайне текучей реальности» (Гусельцева, 2018, с. 642). Применительно к анализу современной разработки понятий в психологии принцип антиномии означает еще большую толерантность разных парадигм и объемную оптику психических явлений с разных пересекающихся и/или непересекающихся позиций. Описывая сетевой принцип организации понятийного аппарата, М. С. Гусельцева подчеркивает: «Сетевая методология не стремится выстроить „теорию всего“, она применима для решения конкретных, локальных и ситуативных задач, где концептуальные конгломераты спонтанно возникают вокруг определенной проблемы, а выполнив свои функции, легко распадаются (ибо в отличие от иерархий сети не ригидны, а гибки, неустойчивы и летучи). Парадоксальные жизнестойкость и устойчивость эфемерных сетей — в их изменчивости, пластичности, текучести, неуловимости, в отсутствии централизма и во взаимозаменяемости звеньев. Подобно неутомимому ручейку, сетевая методология, встречая на своем пути преграды (или недостающие звенья),

устремляется иным путем (обходясь тем или иным аналогом отсутствующего звена или же сотворив его по ходу дела). С эпистемологией латентности сетевой подход сближает *неочевидность творческого формообразования отсутствующей структуры*, лакуны, что позволяет строить устойчивые мосты в неизвестность» (там же, с. 650–651).

При анализе современных понятий для нас важно, что *сетевой принцип* обладает пластичностью и отсутствием центризма в построении понятийных сетей, способностью взаимодействия различных теоретических позиций и их взаимодополнительностью. Второе важное положение для анализа — это эпистемология латентности. Каждый ученый, придерживающийся одной и той же теоретической позиции, относящий себя к одной и той же теоретической школе, обосновывая свой подход или понятие, включает в свои представления латентные составляющие, эксплицировать которые часто невозможно или маловероятно. На первый план выступает роль творца в разработке научного знания и субъектность методологических построений.

Проводя анализ постмодернизма в науке XX в., М. С. Гусельцева выделяет следующие основные его черты: толерантность, креативность, «сверхрефлексивность — сосредоточенность на многомерности, на возможных ходах мысли оппонента...» (там же, с. 657). Эта методология отвечала сомнениям и изменениям времени с его радикальными сдвигами в социальной организации, усилением ценности индивидуальности, уникальности человека, гуманистических ценностей. Но XXI в. потребовал дальнейших решений и изменений. В ответ на вызовы современного мира (нарастание сложности, неопределенности, уникальности и разнообразия, разрыв линии прогресса и нарастания регрессивных тенденций) возник метамодернизм как эпистемология современной науки (Гусельцева, 2016). Это интеллектуальная стратегия, где на смену и/или приходит и/и. «Тем не менее метамодернистская эпистемология служит удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, принципа антиномий, эпистемологии сложности и латентности» (Гусельцева, 2018, с. 660). Ведущей метамодернистской стратегией является сочетание продвижения и раскачивания, что создает поле напряжения для новых решений, порождения новые научные решения, понятия, концепции, методы, соотношения теории и практики, что, в свою очередь, указывает на ведущую роль субъекта как научного творца.

Такому методологическому повороту соответствуют особенности современного общества с нарастанием неопределенности и же-

ланием определенности, нарастанием глобализма и утверждением локального своеобразия, роста национализма, утверждением гуманитарных ценностей и ростом жестокости, агрессии, отчужденности, повышением значения уникальности человеческой жизни, личности и нарастанием роли коллективистических сообществ, появлением информационного общества с изменением понимания пространства и времени, изменением коммуникаций и их виртуализацией, краткостью, иными законами речи, нарастанием роли визуальной информации, интенсивности обменов и необходимостью самопрезентации в доступном общем информационном пространстве глобального общества. Информационные технологии изменяют деятельность и сознание человека, его субъективность: размываются границы автора и читателя, происходит смещение ролей творца и зрителя — все чаще используется интерактивность в создании произведений искусства, вмешательство в конструирование реальности. Совмещение и смешивание таких противоречивых явлений и тенденций требует антиномичности. «В свете принципа антиномий, чем глубже человек осваивает универсальные ценности, тем сильнее он индивидуализируется и обретает творческое своеобразие» (Гусельцева, 2018, с. 640).

Обратимся к анализу представленных в рамках настоящего труда психологических понятий в свете обсуждаемых методологических координат.

Понятия как основа развития общей теории современной психологии

Рассмотрим понятия, которые, как мы полагаем, становятся частью основы развития общей теории современной психологии. Прежде всего, это понятия индивидуального субъекта, коллективного субъекта и субъекта поведения. Родовым по отношению к данной группе понятий становится «субъект». Заметим, что понятие субъекта отсутствует в классификации А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. Но меридиан (кластер) Субъектности представляет на разных категориальных уровнях его свойства: Избирательность—Аффективность—Переживание—Чувство—Экзистенция как нарастание степени сложности от биосферы к ноосфере (см. таблицу 1). Однако в работе А. В. Петровского и В. А. Петровского (2000) появляется понятие субъекта, которое обозначается как базовая психологическая категория, над которой располагаются вышестоящее образование в кластере «Я» на появившемся макроуровне, который тождествен метауровню в предыдущей схеме, и, наконец, самый высший уро-

вень — Личность. Но в этой классификации уже нет понятия Человека. Субъект же занял место в плеяде базовых категорий Субъект—Мотив—Действие—Образ—Переживание—Интеракция—Ситуация, которое занимало понятие «Я» в классификации А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. Социоцентрический уровень категорий заменен Экстрауровнем с теми же понятиями, образующими кластеры. Принципы построения остаются теми же. В таком случае Личность как наивысшая категория становится наивысшей инстанцией, вбирающей в себя и базовую категорию субъекта. Как указывают авторы, рассмотрение категории субъекта как базовой при построении метапсихологической категории «Я» означает, что другие базовые категории Мотива, Действия, Образа, Переживания, Интеракций и Ситуаций порождают внутреннюю картину «Я», образ и переживание себя в системе взаимоотношений с другими субъектами в тех или иных ситуациях, а также процессы самоотражения и «самостроительства» как его внутренне мотивированные действия. Такая позиция отражает понимание В. А. Петровским сути субъекта как проявления личности и рассматривалась нами при анализе его концепции (Сергиенко, 2008). В таблице 2 представлена категориальная схема А. В. Петровского и В. А. Петровского (2000).

В данном варианте основы классификации не изменились, изменилось только некоторое наполнение и реорганизация соотношений базисных, макро- и экстра- уровней категорий, что скорее свидетельствует о согласовании категорий с заданным каркасом и принципами первоначальной схемы (таблица 1).

Скорее понятие субъекта можно рассматривать как метаинтегративное, объединяющее возможности и естественно-научного и социогуманитарного изучения, но максимально специфичное для психологии. Зародившись в недрах философии, с богатой традицией изучения данного конструкта, оно стало психологической категорией, благодаря разработке субъектно-деятельностного подхода, у истоков которого стоял С. Л. Рубинштейн и его ученики К. А. Абульханова и А. В. Брушлинский.

«С интегрирующей позиции принципа антиномий движение к открытости дисциплинарных границ и стремление к внутренней согласованности психологического знания видятся взаимодополняющими. Согласно А. В. Брушлинскому, методологическому единству отечественной психологической науки способствует разработка психологии субъекта» (Гусельцева, 2018, с. 651).

Перейдем к характеристике работ, содержащихся в данном издании.

Таблица 2
Категориальная система
А. В. Петровского и В. А. Петровского

Ноосфера							
Категории	Субстанцио- нальность	Направлен- ность	Активность	Когнитив- ность	Пристраст- ность	Событий- ность	Действи- тельность
Экстра	Личность	Идеал	Свобода	Разум	Экзистенция	Сопричаст- ность	Мир
Макро	Я	Ценность	Деятель- ность	Сознание	Чувство	Общение	Предмет- ность
Базисные	Субъект	Мотив	Действие	Образ	Пережива- ние	Интеракция	Ситуация
Протопсихологи- ческие	Существо	Потребность	Рефлекс	Ощущение	Аффектив- ность	Сосущество- вание	Предмет- ность
Биологические	Организм	Нужда	Метаболизм	Сигнал	Избиратель- ность	Синергия	Среда
Биосфера							

Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков и Н. Е. Харламенкова (раздел I) анализируют пути становления категории *индивидуального субъекта* в психологии. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С. Л. Рубинштейн, помимо гносеологического основания субъекта, вводит онтологическое. Показано принципиальное развитие понятия субъекта в работах А. В. Брушлинского. Дифференцируются понятия субъекта и личности (представлена гипотеза соотношения субъекта и личности как двух неразрывных ипостасей в психической организации). Рассматривая соотношение понятий, авторы считают, что интегративным является понятие субъекта, тогда как термины «актор» и «агент» в большей степени несут смысловую нагрузку как субъекты деятельности, что становится только частью более универсального представления о субъекте как авторе собственного развития (саморазвития), самодетерминации и творца своего бытия, целостности его индивидуальности. Категория субъекта играет и будет играть все большую роль в психологии, не умаляя, а развивая и дополняя категорию личности, стягивая не только многие психологические понятия, но и подходы через анализ субъективного опыта, его своеобразия, индивидуальных способностей, особенностей деятельности, сознательного и неосознаваемого, своеобразия понимания себя и мира, построения собственных ментальных моделей, субъективных переживаний и экзистенциальных решений. Обосновывая уровневый характер критериев субъекта, авторы фактически объединяют возможности изучения внутреннего мира человека через анализ развития его субъектности как максимально индивидуализированного и самодетерминированного, целостного отношения к миру, творцу собственного развития, своеобразно представленных на разных уровнях развития субъекта от протоуровней к высшей самореализации собственной индивидуальности.

А. Л. Журавлев указывает: «Одним из бесспорных теоретических достоинств понятия „субъект“ является его интегральный характер и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида („индивидуальный субъект“), так и группы („групповой, коллективный субъект“). То есть понятие «субъект» позволяет выявлять *общее в психологических свойствах* личности, малой и большой группы и общества в целом» (раздел I). Определяя понятие *коллективного субъекта*, А. Л. Журавлев обосновывает его психологический статус, имеющий и гносеологический, и онтологический смысл. Автор выделяет критерии коллективного субъекта в отличие от индивидуального. Субъектность группы одновременно описы-

вается тремя основными признаками: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью, с выделением главного признака — способности к совместной активности. При этом уровни выраженности субъектности группы могут быть различными: «от элементарных форм взаимосвязанности (*потенциальной субъектности*), через многообразные формы совместной активности (*реальной субъектности*) к различным, в том числе от простых к сложнейшим, формам групповой саморефлексии как особой, качественно отличной от других форм совместной активности (*развитой субъектности*)». Разные уровни коллективной субъектности могут служить показателем степени *целостности* группы, способности ее к саморазвитию и самодетерминации. Кроме того, группы, коллективные субъекты неоднородны, их цели, мотивы, активность и саморефлексивность также могут быть выражены в разной степени у членов коллектива. Представлен анализ субъектности, форм ее проявления в малых и больших социальных группах.

Выделение индивидуального и коллективного субъекта как интегративных понятий в современной психологии ставит вопрос об их самостоятельности и отношениях. Вероятно, обращаясь к классификации Петровского и Ярошевского, понятие Индивидуального субъекта может занять меридиан (кластер) Субъектности (Избирательность—Аффективность—Переживание—Чувство—Экзистенция), тогда как понятие Коллективного субъекта — меридиан (кластер) Действительности (Среда—Предметность—Ситуация—Персоносфера—Эйкумена при восхождении от био- к ноосфере), далеко не исчерпываясь ими, но и охватывая другие понятия, не заданные системой этих плеяд и кластеров (так же, как и в классификации Петровского, см. таблицу 2). К новой интерпретации связей понятий мы обратимся ниже. Рассматривать понятие Индивидуального субъекта как родовое по отношению к Коллективному субъекту по общепсихологическим основаниям вполне допустимо, но тогда возникает вопрос о самостоятельности коллективного субъекта. Представляется, что Коллективный субъект как общепсихологическое понятие обладает самостоятельным статусом, не выводимым из понятия Индивидуального субъекта, хотя и связанным с ним. Переход от индивида к группе, порождает качественный скачок от психологии индивида к психологии группы. Группа — это не простая совокупность индивидов, а иной психологический феномен, с особенностями структуры, функций и психологических характеристик. Следовательно, установление родовидовых отношений между понятиями Индивидуального субъекта — Коллективного субъекта вряд ли возможно с методо-

логических и теоретических позиций. Эти понятия могут выступать как интегративные для психологии — человека и людей, объединенных в различные группы, что дает возможность на новом этапе рассматривать феномены, свойства, состояния человека и людей как психологические системы разной степени сложности, но имеющие свои особенности и характеристики. Но при этом оба этих понятия выступают как *метапсихологические* или общепсихологические категории, с одной стороны, антропоцентрическая (индивидуальный субъект), с другой — социоцентрическая (коллективный субъект). При этом два рассматриваемых понятия являются взаимосвязанными и взаимодополняющими, описывая все многообразие психических феноменов.

Понятие *менталитета* тесно взаимосвязано с понятием коллективного субъекта. Авторы работы подчеркивают, что менталитет «создается коллективным субъектом и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменений которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики. Это касается, прежде всего, периферийных характеристик менталитета, ибо его ядерные свойства обладают большей устойчивостью и консервативностью. Трудно представить возможность преобразования архетипического начала в менталитете так же, как и его базовых черт» (статья В. А. Кольцовой, А. Л. Журавлева, раздел I). Ядром же менталитета выступают духовные основания — верования, ценности, идеалы. Понятие менталитета — сложная самоорганизующаяся система, выступающая своеобразным фильтром в избирательности, отборе и защите собственной целостности, что обеспечивает процессы социализации и культуризации на разных уровнях психологии народа. Данное понятие раскрывает потенциал коллективного субъекта как целостного и качественно иного образования по сравнению с индивидуальным субъектом, показывая его специфику относительно большой общности — народа. «В целом в науке сложилось понимание менталитета как психического склада народа, совокупности характерных для него психологических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов». В категориальной сетке А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского понятие менталитета может быть отнесено к социоцентрической категории (плеяда: Человек—Идеал—Свобода—Разум—Экзистенция—Соучастие—Эйкумена), но если рассматривать менталитет в отношении к коллективному субъекту, то здесь коллективный субъект выступает как родовое, а менталитет — как видовое понятие, в котором в качестве коллективного субъекта выступает народ во всей совокупности своих особенностей, сохраняя свою це-

лостность и специфичность как большая группа, т.е. понятие менталитета, хотя и связано с психологией больших социальных групп, но коллективный субъект раскрывает качественную психологическую целостность данного понятия, не сводимого к характеристикам группы, а выступающего как единый коллективный субъект выбирающий, творящий и изменяющий свое бытие. Менталитет становится как бы включенным в более общее понятие коллективного субъекта.

В работе В. П. Позняка (раздел 1) представлено обоснование и современное развитие понятия *психологического отношения*. Анализируя историю развития данного понятия и его соотношение с другими социально-психологическими понятиями (социальные представления и социальные установки), автор отмечает: «Понятие „психологическое отношение“, изначально определявшееся как психологическое отношение личности, в рамках социальной психологии приобрело статус более общей категории, используемой для описания и анализа психических явлений, возникающих в процессе межиндивидуального и межгруппового взаимодействия, а также взаимодействия между личностью и группой». Раскрывая взаимодействие между понятиями «социальные представления» и «социальные установки», автор показывает большую универсальность понятия «отношения» и тесную взаимосвязанность и взаимодополнительность этих понятий (включающих познавательную, эмоциональную и поведенческую составляющие). Кроме того, психологические отношения относятся как к индивидуальному, так и к коллективному субъекту. В категориальной сетке Петровского и Ярошевского понятие отношений отнесено к *базовым* психологическим категориям (или частнопсихологическим в представлениях Платонова). Авторы категориальной классификации именно таким образом раскрывают содержание интеракции как психологических отношений. Действительно, психологические отношения человека, субъекта, коллективного субъекта составляют основу его существования на разных уровнях взаимодействий с миром. В этом случае понятия «отношения» будет базовым для метапсихологических понятий индивидуального субъекта и коллективного субъекта как узловых категорий в психологии.

Еще одним условно базовым понятием, представленным в первом разделе труда, является *интеллект*. М. А. Холодная (раздел 1) на основе анализа истории развития представлений об интеллекте отмечает отсутствие консенсуса в понимании его сути, структуры и функций. Одно из возможных решений существующих противоречий она видит во встраивании «психологии интеллекта в постнеклассическую

научную парадигму — это попытка посмотреть на интеллект не через процедуру его измерения или перечисление его разнообразных проявлений, а с точки зрения его онтологического статуса. В рамках онтологического подхода интеллект определяется как форма организации ментального (умственного) опыта индивидуального субъекта, которая предопределяет результативные и функциональные свойства интеллектуальной деятельности. Использование понятия «ментальный опыт» не только возвращает интеллекту статус психической реальности на основе анализа состава, строения и эволюции разнообразных ментальных структур (на уровне когнитивного, понятийного, метакогнитивного, интенционального опыта), но и усиливает аксиологическую нагрузку данного понятия за счет обращения к телесным, эмоциональным, духовно-ценностным составляющим интеллекта, включая уникальные состояния индивидуального ментального опыта».

Данная категория отсутствует в понятийной классификации Петровского и Ярошевского. В то же время понятие интеллекта становится неотъемлемой частью индивидуального субъекта как его гносеологическая способность взаимодействия с миром, организации собственного ментального опыта, управления своими психологическими процессами, становления индивидуального стиля познания, поиска новых путей и новых стратегий решений в нарастающей неопределенности. Концептуальные схемы составляют когнитивный ресурс субъекта, а способность к их образованию — индивидуальные способности субъекта как интегративной индивидуальности. Статус базовой психологической категории означает, что ментальные интеллектуальные способности пронизывают и другие психологические категории. Например, они тесно связаны как с другими способностями, так и с уровнем отношений (другой базовой категорией), со способностью взаимодействия с разными сторонами мира, с возможностью образования социальных и ментальных представлений, концептуализацией знаний, успешностью самореализации, социализацией и многими другими проявлениями психической организации. В классификации Петровского и Ярошевского координата Когнитивность представлена такими понятиями, как Разум, Сознание, Образ, Ощущение, Сигнал, образующими кластер. Понятие Интеллекта включает все эти категории, хотя и в модифицированном виде, но представлены они как отдельные элементы, восходящие от простого (Сигнал) к сложному (Разум). Современное понимание интеллекта включает многомерность, нелинейную динамику, самоорганизацию, субъектность, концептуальность, уникальность,

гетерогенность, мобильность, что отражает переход от изолированных понятий к стереоскопическим, интегративным (репрезентация, интенция, ментальный опыт, концептуальная структура).

Понятия интеллекта и коллективного субъекта также имеют взаимосвязи, можно говорить об интеллектуальном уровне группы, коллектива, социальных представлениях и планах, мотивах, прогнозах, что невозможно без когнитивных, метакогнитивных и интенциональных структур, входящих в понятие интеллекта. Критерий саморефлексии в характеристике коллективного субъекта также невозможно представить вне метакогнитивной способности, входящей в интеллект.

Следовательно, не только понятия Индивидуального субъекта, Коллективного субъекта, но и понятие Интеллекта не вмещает понятийная сетка, они не могут быть описаны и совокупностью частных понятий (Платонов, 1972). В таком случае можно рассматривать на данном этапе анализа только сетевой принцип их соотношения.

Развитие представлений о природе и психологических механизмах *инсайта* раскрывается в статье Е. А. Валуевой, А. А. Медынцева и Д. В. Ушакова (раздел I). Они показали динамику представлений об инсайте, где непрерывность объективного продвижения к поиску решения сочетается с субъективной скачкообразностью его нахождения. Понятие инсайта в рамках междисциплинарных исследований дает представление об условиях и психологических составляющих, механизмах инсайтных и неинсайтных решений, роли осознаваемых и неосознаваемых психологических процессов. Однако понятие инсайта остается при этом частью ментальных способностей, это означает, что данный конструкт входит в более общее понятие интеллектуальных ментальных способностей.

Понятия как компонент развития современных отраслей психологии

Во втором разделе настоящего издания представлены понятия, которые способствуют развитию самых разных областей психологической науки. При этом они изменяют и современные тематические поля психологических исследований. Как отмечают фактически все авторы работ, представленные понятия являются интегративными и знаменуют переход к обобщенным теоретическим моделям и теориям.

Новым понятием для психологии, особенно отечественной, стал термин «*модель психического*». Понимание ментальных состояний из-

учается в рамках направления когнитивной психологии, обозначаемого в зарубежной психологии как Theory of Mind (Сергиенко, 2006; Сергиенко и др., 2009). Наш перевод Theory of Mind как «модель психического» наиболее точно передает суть данного подхода: модель понимается как некоторая *система концептуализации знаний* о своем психическом и психическом других людей. Понятие модели психического возникло на пересечении различных парадигм (когнитивной, социального познания, субъектной, психолингвистической, метакогнитивной). Подход «Модель психического» позволяет перейти к анализу внутренней концептуализации (внутреннего мира человека), к анализу субъективного опыта, пониманию мира человеком в его индивидуальных и универсальных составляющих. При сравнении понятий модели психического, социального и эмоционального интеллекта определяется пересечение их концептуальных границ, однако модель психического является родовым понятием, ментальным механизмом, включающим способности к социализации, пониманию эмоциональных состояний и коммуникации, предсказания поведения людей и адаптивного с ними взаимодействия. Для развития модели психического необходимо интеллектуальное развитие хотя бы среднего уровня, но только его недостаточно для развития способности понимать психический мир (статья Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедевой, А. Ю. Улановой, раздел 2).

Модель психического является развитием когнитивного подхода, его обогащением другими парадигмами. Авторы обосновывают представление о возможности рассматривать модель психического как ментальный механизм понимания, как когнитивную функцию субъекта. Если говорить о статусе данного понятия, то его можно отнести скорее к базовому психологическому уровню (или частным понятиям), хотя оно интегративно и включает в себя такие понятия, как ментальные репрезентации, категорию отношений (межличностные взаимодействия), интеллект. Поскольку это новое понятие в психологической науке, его нельзя позиционировать в категориальной сетке Петровского и Ярошевского, но возможно поместить в сети взаимоотношений рассматриваемых понятий.

Контроль поведения — также новое понятие, которое расширяет представление о регуляции и саморегуляции (статья Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, раздел 2). Представление о контроле поведения как базовой основе регуляции — это попытка обоснования интегративного конструкта субъектной регуляции. Проведенное нами рассмотрение концепций и подходов к психической регуляции поведения и деятельности ясно показывает, что понятие контроля поведения

не сводится только к понятию саморегуции, или регуляции психических состояний. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целями и задачами (внешними и внутренними). Показано также отличие контроля поведения как основы субъектной регуляции от близкого понятия жизнеспособности, где акцент в большей степени ставится на высокоуровневых процессах самоорганизации, тогда как контроль поведения лежит в их основе и становится индивидуальным психологическим механизмом адаптивного поведения на всем протяжении развития субъекта. Контроль поведения тесно взаимодействует с возможностями понимания мира субъектом, следовательно, будет сопряжен с уровнем организации модели психического (такая связь проверяется в настоящее время (Виленская, Лебедева, 2017)). Таким образом, в понятийной сети контроль поведения будет связан с такими рассматриваемыми нами понятиями, как Психологическое отношение, Модель психического, Интеллект, и метапонятием Индивидуального субъекта. Гипотетически контроль поведения становится основой и для групповой регуляции, следовательно, будет взаимосвязан с метапонятием Коллективного субъекта.

В обосновании понятия «психологическое отношение» В. П. Позняков указывал на тесную взаимосвязь его с категорией социального представления. В работе Т. П. Емельяновой (раздел 2) раскрывается суть, история возникновения и потенциал понятия *социального представления*, которое определяется как совокупность знаний, убеждений, схем восприятия и действия по отношению к социально значимому объекту. Оно составляет особую форму повседневного знания, которое определяет реальность для социальной общности, выработавшей его для целей деятельности и коммуникации. В структуре социального представления выделяется ядро, связанное с коллективной памятью и историей группы, определяющее ее гомогенность через консенсус, стабильное и устойчивое образование, порождающее значения социального представления, и периферия, обеспечивающая интеграцию индивидуального опыта и истории каждого члена группы, поддерживающая гетерогенность группы, подвижная, противоречивая часть, которая обеспечивает адаптацию к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро. Автор также проводит анализ соотношения понятия «социальные представления» с понятиями социального познания, атрибуции и аттитюда, показывает возможности расширения концепции атрибуции за счет социальных представлений, ограни-

ченность концепций социального познания в раскрытии сути социального представления и невозможность совмещения его с теорией аттитюда, указывает на необходимость будущего анализа понятия социальных представлений и ценностных ориентаций, разделяемых группой, групповой идентичности, преобладающих у представителей группы коллективных чувств, коллективной памяти и других социально-психологических феноменов. Таким образом, понятие социального представления — понятие базовое (частное), оно относится к родовому метапсихологическому понятию Коллективного субъекта, но в меньшей степени — к Индивидуальному субъекту, скорее через взаимодействие данных родовых категорий. Обоснована взаимосвязь данного понятия с понятием психологического отношения.

Одной из форм социальных представлений становится *коллективный образ будущего*. Т. А. Нестик (раздел 2) определяет его как «совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе». Раскрывая содержание данного понятия, он выделяет пять составляющих: *коллективные цели и планы*, объединяющие и координирующие усилия группы, *групповые ожидания*, *групповые мечты* — представления о желательных для группы изменениях в обществе, *коллективные страхи* — представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия, *коллективные идеалы*, желаемые ситуации и результаты. К *содержательным* характеристикам коллективного образа будущего автор относит и субъектность как авторство коллектива (веру в способность влияния на обстоятельства), уверенность в достижениях, оптимизм, понимание перспектив развития. Выделены психологические механизмы формирования коллективного образа будущего: групповая рефлексия совместной временной перспективы, общие переживания, целенаправленное воздействие лидера, групповая идентификация. Все перечисленные признаки указывают, что данное понятие относится к метапсихологическому понятию Коллективного субъекта, но тесно связано как с понятием Психологического отношения, так и с Социальным представлением. Оно раскрывает важнейший аспект хронотопа коллективного субъекта, делая акцент на образе коллективного будущего. Представляется его взаимосвязь и с понятием Интеллекта как когнитивным ресурсом группы.

Понятия социального представления, коллективного будущего, коллективного субъекта тесно взаимосвязаны с дискурсом. Понятие *дискурса* представлено в работе Т. А. Гребеншиковой, И. А. За-

совой, Н. Д. Павловой (раздел 2). «Дискурс имеет речевое выражение, формируется в результате взаимодействия субъектов друг с другом и социумом, влияет на социальные и индивидуальные представления, служит воспроизводству групповых норм». Междисциплинарное понятие дискурса изучается на пересечении когнитивных, коммуникативных, социокультурных и психологических исследований. Приводятся находящиеся в одном тематическом поле понятия: дискурсивная практика, дискурсивное мышление, дискурсивные процессы и др. Отмечаются, что актуальной проблемой является изучение видов дискурса, феноменов и закономерностей психологического воздействия и взаимодействия. Понятие дискурса относится к частным или базовым понятиям психологии. В сети понятий оно взаимосвязано с родовыми метапонятиями Коллективного и Индивидуального субъекта, поскольку объединяет когнитивно-аффективные, уникальные и индивидуальные дискурсы, способность к рефлексии, сохраняя целостность и избирательность субъектов поведения и деятельности. Понятие дискурса тесно взаимосвязано с другими частными понятиями — Психологических отношений, Социальных представлений, Коллективного будущего, представленными в книге.

Исследование речевого взаимодействия включает анализ интенций коммуникантов, его психологической основы. Понятие *интенции* раскрывается в работе Н. Д. Павловой (раздел 2). В философии и психологии оно обозначает активность сознания, его направленность на предмет. Автор считает, что интенция, «понимаемая как устремленность сознания к миру, выступает более общим понятием по отношению к таким категориям, как „мотив“, „цель“, „отношение“, которые отражают различные аспекты интенции. Так, категории мотива и цели отражают регуляторную функцию интенции по отношению к деятельности. Понятие отношения — избирательность и оценочную роль интенции применительно к различным предметам». Раскрывая интенциональный подход к анализу речи как междисциплинарный (на пересечении психологии и лингвистики), автор полагает, что процессы выражения и распознавания интенций становятся важнейшими составляющими речевого общения, лежащими в основе *взаимопонимания, координации действий, достижения целей коммуникантов*. Однако *речевые интенции* могут быть осознаваемыми и неосознанными, содержащими «глубинные» посылки, намеренно или ненамеренно завуалированные. Кроме того, интенции субъектов общения выступают одной из важнейших детерминант формирования и организации дискурса. Они составляют его

психологическую основу и во многом определяют, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией. Целостное интенциональное пространство дискурса определяется его видами (политическим, семейным, научным, консультационным и др.). Интенциональное пространство составляет психологическую основу дискурса и выступает ведущей детерминантой, обуславливающей его специфику в различных социальных контекстах.

Понятие интенции может быть отнесено к базисным психологическим категориям. Если нанести его на сетку Петровского и Ярошевского, то оно условно вписывается в плеяду базовых психологических понятий: Я, Мотив, Действие, Образ, Переживание, Интеракция, Ситуация. В этой плеяде Интенциональность объединяет все категории, но и включает другие, которые занимают место в иной плеяде метапсихологических категорий: Личность, Ценность, Деятельность, Сознание, Чувство, Общение, Персоносфера. Если представить понятие интенции в системе координат К. К. Платонова, то данная частная категория, наряду с другими (мотив, цель, деятельность, общение), не приводит нас к общепсихологическим категориям, выделенным им (психическое отражение, психическое явление, сознание, личность, деятельность, развитие психики). В той или иной мере понятие интенции связано со всеми перечисленными категориями. Следовательно, только сетевой принцип дает возможность позиционировать это понятие. Оно связано с метапонятиями Индивидуального и Коллективного субъектов, раскрывая содержание коммуникативной функции субъект-субъектных отношений как базовое, тесно переплетается с понятием Дискурса, вступает в связи с понятием Отношение как необходимыми для анализа интенциональности, с понятием Социальные представления (собственно интенциональное пространство дискурса выступает как необходимое условие становления и формирования социальных представлений).

Развитием понятия интенционального пространства дискурса становится разработка представления о *дискурсивных способностях*. А. Н. Воронин (раздел 2) определяет содержание данного понятия следующим образом: «Дискурсивные способности позволяют человеку эффективно инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, уско-

ряя процесс выработки стратегии взаимодействия». Дискурсивные способности входят в языковые (наряду с лингвистическими), но они непосредственно связаны с дискурсивными практиками и конкретной ситуацией общения. Автор считает, что дискурсивные способности тесно связаны с Коллективным субъектом, что предполагает трансляцию смыслов, культурных кодов и т. п.

Определяя место понятия Дискурсивных способностей в системе понятий в рамках нашей книги, можно выявить его тесные взаимоотношения с понятиями Дискурса, Интенции, Отношения, которые выступают основанием выделения этого понятия, с метапонятием Коллективного субъекта (дополняя и раскрывая содержание коммуникативной функции), на что указывает и сам автор. Представляется, что понятие «дискурсивные способности» раскрывают и выраженность коммуникативной функции Индивидуального субъекта, а не только Коллективного, поскольку способность — прежде всего, индивидуальная характеристика человека. Дискурсивные способности связаны и с другими базовыми понятиями: Отношение (как необходимое условие коммуникативной эффективности), Интеллект (имеет связь с развитием как вербальных способностей, так и ментального и интенционального опыта). Если использовать классификацию Петровского и Ярошевского, то понятие дискурсивных способностей может быть сопряжено с кластером Событийности: Синергия, Сосуществование, Интеракция, Соучастие — с большой долей условности, поскольку понятие способностей, тем более дискурсивной способности, не образуется сочетанием представленных в сетке категорий. Также не находит места в качестве частной способности данное понятие и в классификации К. К. Платонова. Дискурсивные способности входят в пространство определений специальных способностей.

Современный тезаурус понятия *специальные способности* представлен рядом терминов: *способности, одаренность, талант, гениальность, успешность, компетентность, профессиональные способности, дарование, задатки, склонности, усвоение, знание, умение, навыки, мастерство, научение, легкость овладения деятельностью* и др. (статья Е. В. Волковой, раздел 2). Термины, обозначающие данное понятие, могут быть обобщены в трех основных классах: обозначающие условия формирования (социокультурные — усвоение, знание, умение, навыки, научение; природные — дарование, задатки, склонности); отражающие родовидовые отношения (способности, специальные способности, профессиональные способности, талант, гениальность, одаренность, компетентность) и свидетельствующие

об их проявлении (легкость овладения деятельностью, мастерство, успешность).

Анализ подходов и соотношения терминов, обозначающих общие и специальные способности, приводят автора к заключению, что «способности — это функциональное свойство структур ментального опыта, являющихся психическим носителем свойств субъекта, мера соответствия которых объективной реальности определяет продуктивность жизнедеятельности человека. Базовой характеристикой способностей является мера соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта объективной реальности, начиная с избирательной чувствительности к определенным характеристикам среды и заканчивая уровнем организации концептуальных структур как референтов знаний и способов деятельности».

Следовательно, общие и специальные способности — это континуум, в котором многие индивидуальные психологические способности и избирательность, активность по отношению к окружению ведут к становлению специальных способностей на основе общих. Поскольку понятия *способность* и *специальная способность* являются ключевыми для дифференциальной психологии, психологии творчества, представляют основу для развития индивидуальности как характеристике субъекта, следовательно, данные понятия тесно взаимосвязаны с рассмотренными понятиями Индивидуального субъекта, Психологических отношений, Интеллекта как общей способности, Дискурсивной способности как проявления общих и специальных способностей. Данные понятия никак не вписываются в классификацию Петровского и Ярошевского или системный анализ понятий Платонова. Скорее, они занимают место частных понятий в психологии, но задающих большое понятийное поле и определяющих широкий оппонентный круг теорий, подходов.

К проблемному полю индивидуальности относится также понятие *стиля деятельности* (статья В. А. Толочка, раздел 2). В феномене «стиль» автор выделяет две стороны: стили как индивидуально-своеобразные психологические системы отдельных лиц и стили как совокупности компонентов деятельности. Соответственно отличны признаки двух видов стилей: «*типовые (объективированные) стили* существуют безотносительно к отдельному субъекту, отражают объективные закономерности организации деятельности и среды, являются устойчивыми и функционально завершенными образованиями; *индивидуальные стили* выполняют функцию организации и согласования индивидуальности человека с условиями деятельности в специфической среде; они отличаются индивидуальным своеобразием,

вариативной изменчивостью, иерархией уровней адаптации, разной степенью развития и меры адекватности как индивидуальности человека, так и условий среды; они формируются спонтанно или направленно, осознанно и бессознательно». Автор выделяет основные детерминанты стиля: «объектная» («профессионально-деятельностная»); «субъектная» («индивидуально-психологическая»); «интерсубъектная» («социально-психологическая», «интерперсональная»); «средовая». Реализуя попытки, с одной стороны, вписать понятие стиля в общие проблемы организации деятельности, а с другой — разрабатывать понятия стиля в общем проблемной психологическом поле, данная категория хотя и относится к частным психологическим понятиям, но вбирает в себя многие более общие — субъектность, индивидуальность, способности, интеллект, контроль поведения, психологические отношения, социальные представления, коллективный образ будущего, и не представленные в данной книге понятия «знание», «бессознательное» и др.

Понятия как теоретические источники развития прикладных направлений в психологии

Последний раздел книги охватывает понятия, связанные с развитием прикладных направлений психологии. Понятно, что в данном издании представлены только некоторые из таких понятий, разрабатываемые сотрудниками Института психологии РАН.

Понятие *жизнеспособности*, развивающееся бурно, в психологической науке относительно ново, кроме того, оно вбирает в себя многие концептуальные представления разных областей психологии (психологии развития, социальной психологии, психофизиологии, патопсихологии и др.), формируется в междисциплинарных областях (в социологии, экологии, например экологическая жизнеспособность) оказывается востребованным практикой конструктом (статья А. В. Махнач, раздел 3). Автор считает, что история развития данного понятия указывает на изменения парадигм его изучения и становления межпарадигмальных отношений. Он дает следующее определение понятия: «Жизнеспособность — это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств и событий, не только к восстановлению, но и к выходу на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы» (там же). Начав с описания жизнеспособности индивида, исследования распространяются и на жизнеспособность общества, жизнеспособность в инженерии, жизнеспособность горо-

да, жизнеспособность государства. Следовательно, понятие жизнеспособности становится *междисциплинарным*, хотя и недостаточно изученным. Определяя место данного понятия среди других в нашей сети, отметим тесную взаимосвязь с понятиями Индивидуального и Коллективного субъекта, на которую указывает и сам автор, оно связано также с понятиями Психологические отношения, Контроль поведения как индивидуальными ресурсами регуляции поведения, Социальными представлениями, направляющими жизнеспособность в группе, Коллективным образом будущего, также выполняющим регулирующую роль, Интеллектом, как индивидуальным и групповым ресурсом, Специальными и общими способностями как частью индивидуальной ресурсной основы, тесно взаимосвязан с конструктом Психологического здоровья, его обеспечивающим, Субъективным возрастом и Компенсацией как личностными регулирующими психическими механизмами.

Понятие *субъективного возраста* также относительно новое в психологической науке. Субъективный возраст становится не альтернативой другим оценкам (биологического, социального, психологического возрастов) или подходам к изучению проблемы человека и времени, но неотъемлемым компонентом психологического исследования, более эффективно предсказывающим индивидуальные возрастные изменения, способность к регуляции жизнедеятельности и даже предвестником смерти (статья Е. А. Сергиенко, раздел 3). Субъективный возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая *психологическим механизмом* регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение. Все это служит доказательством его самостоятельного понятийного значения, расширением понятия «возрастная идентичность».

Это понятие взаимосвязано с узловым понятием Индивидуального субъекта, понятиями Контроля поведения как интегративной субъектной регуляции, Модели психического, способности понимания себя и других людей, их психических состояний, с Психологическими отношениями как основой социальных сравнений и взаимодействий, Интеллектом как ресурсной основой регуляции и понимания социального мира. Тесная и эмпирически доказанная связь существует и с понятием Психологического здоровья.

Понятие *психологического здоровья* (сопряженный, но не тождественный термин психическому здоровью) также возникло относительно недавно в психологии. В данном понятии акцент в большей степени сместился с медицинских критериев на психологические (статья

М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной, раздел 3). Если в определении психического здоровья доминируют качества «постоянство и идентичность, способность планировать и способность изменять способ поведения», то в характеристиках психологического здоровья — целеустремленность, автономия, независимость, работоспособность, полноценность семейной жизни, самоактуализация, чувство юмора, ответственность, оптимизм, т. е. личностные субъектные свойства, дающие возможность не только к широкой адаптации, но и саморазвитию, самоутверждению. Авторы отмечают, что данный конструкт остается плохо разработанным. В настоящее время он бурно развивается и остро востребован не только психологической, но и медицинской, социологической практикой, о чем свидетельствует значительное число работ, появляющихся на данную тему (например: Психологическое здоровье..., 2014). Однако ясно, что в нашей сети данное понятие взаимосвязано с узловыми понятиями Индивидуального и Коллективного субъектов, отражающими восприятие качества жизни и возможности самореализации, социализации, с понятием Психологического отношения как условием взаимодействия с окружением, Контролем поведения, индивидуальной основой регуляции, категорией Интеллекта, ментального ресурса такого взаимодействия, Жизнеспособности, проявлением и/или не проявлением психологического здоровья, Субъективным возрастом как личностным гибким конструктом, регулирующим свою жизнедеятельность как индивидуального субъекта и отношения с социальным окружением.

Способность быть и оставаться психологически здоровым сопряжена с понятием *компенсации* (статья Н. Е. Харламенковой, раздел 3). Категориальный анализ понятия «компенсация» позволил выделить сущностные признаки этого явления в психологии и сравнить с другими понятиями — адаптацией, замещением и др. Показано, что понятие «компенсация» связывает разные уровни научного знания — эмпирический, теоретический и методологический, что доказывает его значимость для данной области знания и принципиальную незаменимость другими понятиями. Автор показывает роль субъекта в символизации дефекта, его замещении и восполнении. Данное понятие также имеет большое значение для клинической практики, корректирующих и психотерапевтических программ как представление о возможностях и ограничениях компенсации дефекта. В понятийной сети явно выступают его связи с Индивидуальным субъектом, Контролем поведения как возможностью использования индивидуальных ресурсов для компенсации, Интеллектом, обеспечивающим возможность ментальных ресурсов, Психологическим отношением,

обеспечивающим разные типы взаимодействий, Психологическим здоровьем, в котором возможность компенсации соединяет понятия психического и психологического здоровья.

В житейской психологии термин *счастье* был понятен, но трудно определяем. Научное рассмотрение термина, пришедшего из обывательской психологии, позволяет не только определить и operationalизировать его, но и начать его научное изучение. Именно данное понятие раскрывается А. Л. Журавлевым и А. В. Юревичем (раздел 3). Авторы анализируют психологическую структуру счастья и его ключевые компоненты. Они сопоставляют понятие *счастья* с близкими понятиями, такими, как *удовлетворенность жизнью, качество жизни, субъективное благополучие*. Трактовка счастья не просто эквивалентна субъективному или психологическому благополучию, а понимается как *превосходная степень* полюса на его шкале. Авторы полагают, что представление о смысле жизни является одним из ключевых компонентов удовлетворенности ею и счастья. Коллективные смыслы жизни характеризуются как один из главных элементов счастья в коллективистских культурах. Ранее авторы подчеркивали: «Нетрадиционные понятия психологической науки, такие, как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни, цель жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему понятий, все же прорисовывается определенный вектор детерминации этих феноменов» (Журавлев, Юревич, 2014, с. 14).

Положения данного психологического понятия в категориальной сети указывает на его связи с метапонятиями Индивидуального и Коллективного субъектов, взаимосвязи с понятиями Социальных представлений, Коллективного образа будущего как координат смысла жизни, Психологическими отношениями как основой индивидуальных взаимодействий, условиями субъективного благополучия, счастья, Интеллектом как ментальным ресурсом, Менталитетом, отражающим ценности и смыслы, характерные для народа как большого сообщества людей, Контролем поведения как основой регуляции собственного поведения и жизнедеятельности, Моделью психического, дающего возможность понимать и предсказывать социальный мир, Жизнеспособностью, сохраняющей устойчивость и адаптивность в жизни и деятельности, Субъективным возрастом как проявлением гибкой возрастной идентичности, Психологическим здоровьем, где счастье, субъективное благополучие становится ключевым усло-

нием, Компенсацией, необходимой для поддержания и развития психологического здоровья и самореализации, смыслообразования.

Последнее понятие данного раздела — *патриотизм*, при всей идеологической нагруженности и обилии связанных с ним житейских ассоциаций оно должно быть и объектом научного изучения, в котором в настоящее время чувствуется острая потребность (статья А. В. Юревича, раздел 3). Автор показывает, что патриотизм — многослойное понятие и явление, а основными составляющими его ядра являются: чувство любви к Родине, готовность приносить в жертву личные интересы общественным, соответствующее поведение, идентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом соответствующие компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в непростых отношениях друг с другом, что усложняет понимание патриотизма и его применение к различным ситуациям.

Понятие Патриотизма в категориальной сети соотносится с понятиями Индивидуального субъекта, его гражданской и личностной идентичностью, Коллективным субъектом, порождающим коллективные смыслы, ценности, включающим индивидуальность в координаты коллективной рефлексии и самоопределения, Менталитетом, но также и Социальными представлениями, когнитивной составляющей коллективного субъекта, Коллективным образом будущего, связывая чувство патриотизма с перспективами своего общества, страны. Также могут быть обнаружены взаимосвязи с Интеллектком как ментальным ресурсом собственной идентичности, тождественности общности, Психологическим отношениям, необходимым для становления патриотизма.

Таким образом, представленные в данном разделе понятия отличаются новизной, интегративностью и междисциплинарностью, хотя и в разной степени, но главное — они составляют современный багаж прикладных исследований, порождающих целые области практико-ориентированных работ.

Рассмотренные в рамках данной книги понятия современной психологии (ограниченные только теми, которых разрабатываются в Институте психологии РАН), представлены в виде рабочей сети на рисунке 1.

На рисунке 1 показаны связи между рассмотренными понятиями. Ясно видны их тесные взаимосвязи. Однако они неоднородны. Выделенные нами метапонятия Индивидуального и Коллективного субъекта «стягивают» многие понятия, связывая их прямо или опосредованно. В данной сети также можно выделить понятия, сопряженные с большинством из рассматриваемых концептов: это Психологичес-

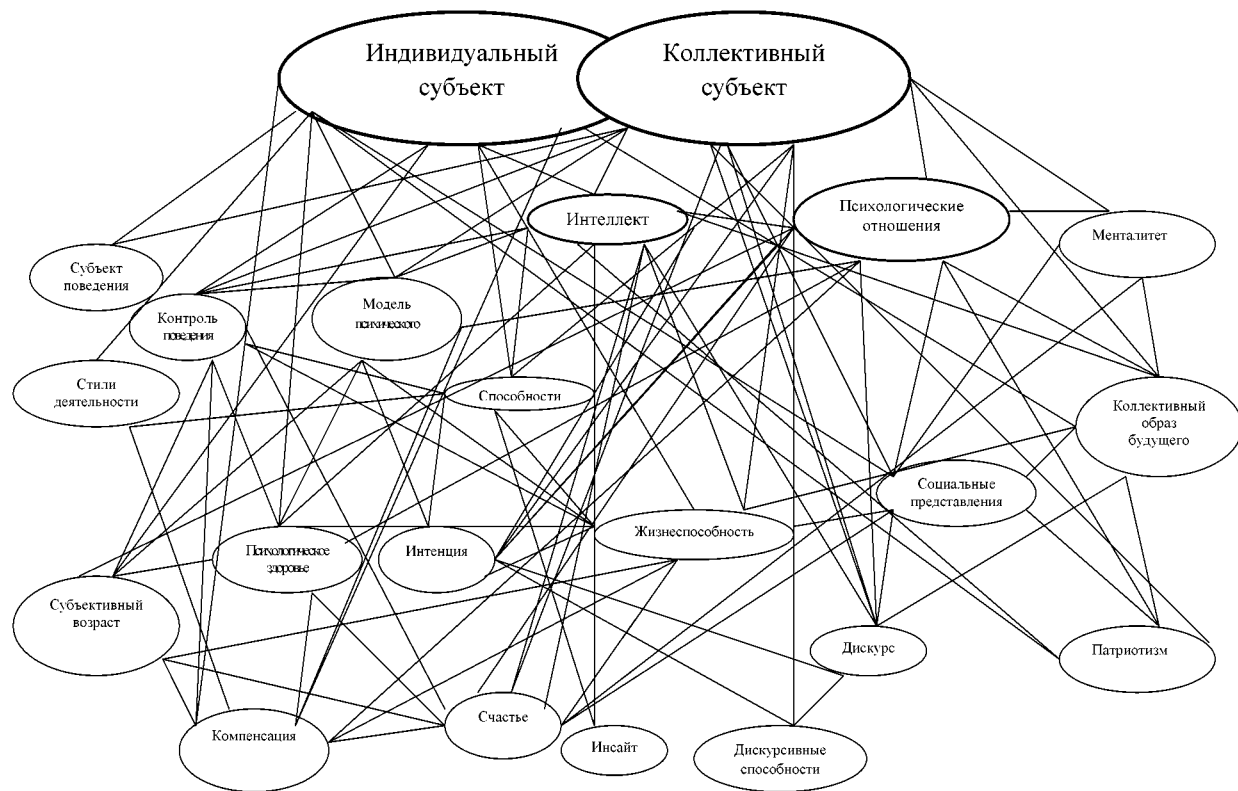

Рис. 1. Сеть представленных понятий

кое отношение и Интеллект. Таким образом, сеть даже при отсутствии явной иерархической структуры имеет понятийные «узлы», обладающие большим весом и взаимодействующие с большим числом понятий. Более того, отдельные понятия также включают в себя другие концепты, образующие интегративную структуру. Приведем некоторые примеры. Понятие Жизнеспособности, как указывает автор, представляет собой зонтичное понятие, т. е. включающее в себя целый ряд других. Так, жизнеспособность человека опирается на индивидуальные психологические ресурсы, личностный потенциал, способность к саморегуляции, контроль поведения, интеллектуальные способности, определяется возможностью совладания с повседневными и травматическими стрессами, по-разному определяется экологической системой (семейной, школьной, институциональной и прочими уровнями социальных взаимодействий), реализуется разными типами психологических отношений (рисунок 2). Другой пример — Коллективный образ будущего. Выделим только самые очевидные концепты, входящие в понятие: социальные представления, коллективные ценности, идеалы, субъектность коллектива, временная перспектива, коллективная идентичность, коллективная рефлексия, коллективные переживания (страхи, надежды), психологические отношения (рисунок 2).

Еще один пример — контроль поведения — интегративное понятие индивидуальных основ субъектной регуляции, основанное на специфике соотношения способностей человека. Включает в себя концепт «эмоции», которые, в свою очередь, объединяют понимание эмоциональных состояний и их регуляцию, когнитивный анализ ситуации и когнитивные контроли, исполнительные функции, уровень интеллектуального развития, что можно обозначить понятием «интеллектуальные ресурсы», способность волевой/произвольной регуляции действий, деятельности, поведения. Контроль поведения взаимосвязан с моделью психического, предполагающей способность «чтения» психических состояний и их сопоставления со своими психическими состояниями в отношении ситуаций и событий. Своеобразие контроля поведения предполагает и специфику индивидуально предпочитаемых психологических защит, совладающих стратегий. Именно психологические отношения и определяют степень контроля поведения как индивидуальной субъектной регуляции (рисунок 2).

Представленные примеры понятий показывают их интегративный характер, сеть их взаимосвязей может быть развернута в еще большей степени, где выделенные в классификации Петровского

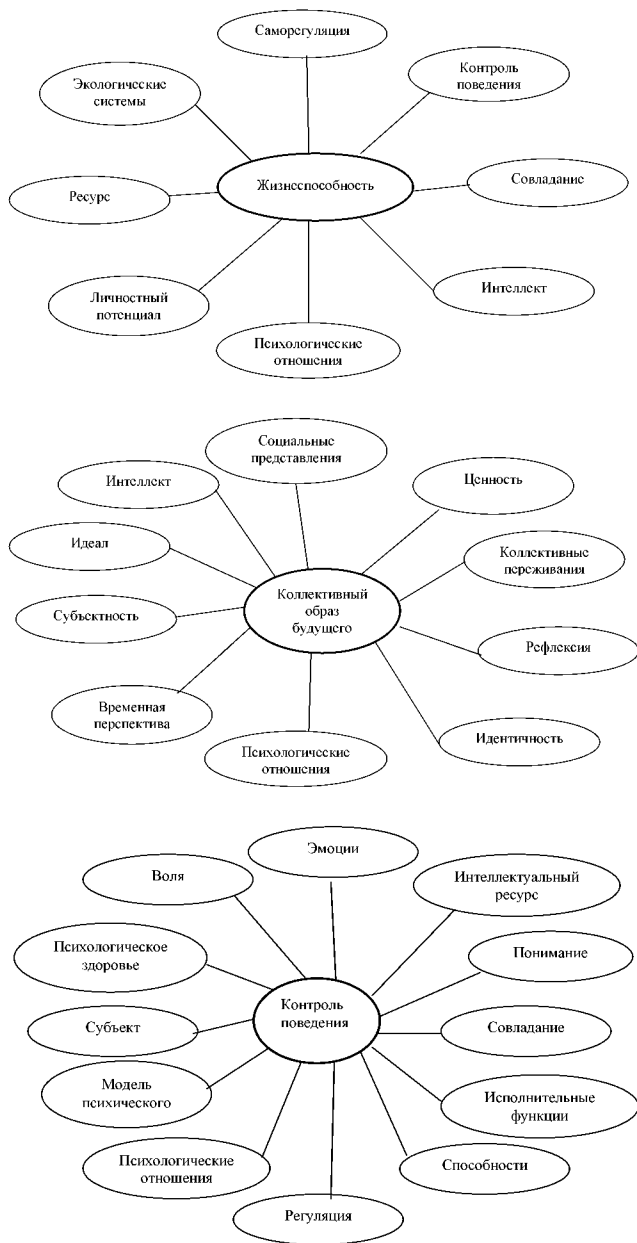

Рис. 2. Примеры «понятийных узлов»

и Ярошевского базовые категории (Я, Мотив, Действие, Образ, Переживания, Интеракция, Ситуация) «вплавлены» в их структуру так же, как и метапсихологические понятия — Личность, Ценность, Деятельность, Сознание, Чувство, Общение, Персоносфера. Таким образом, еще раз на примере отдельных понятий можно показать, что существующая категориальная сетка не вмещает современную понятийную систему.

Современные понятия в методологии метамодернизма

Как мы пытались показать, современные понятия никак не вписываются либо только частично вписываются в плеяды и кластеры понятийной сетки Петровского и Ярошевского. Также они не могут быть представлены совокупностью частных понятий, образующих общепсихологические понятия в системе Платонова. Здесь налицо смена методологического принципа психологической науки и его переход от постнеклассического к постпостнеклассическому (метамодернизму) с его сетевой неструктурированностью, принципом антиномий, эпистемологией сложности и латентностью. Более того, представляется, что современные понятия содержат в себе в явном и неявном виде все базовые психологические понятия, выделенные в сетке Петровского и Ярошевского: Я, Мотив, Действия (Активность), Образ (Репрезентации), Переживания, Интеракции (Отношения), Ситуации. Кроме того, они включают в себя и понятия, относимые к метапсихологическим: Личность, Ценность, Деятельность, Сознание, Чувство, Общение, Персоносфера. Например, если взять даже понятия, условно обозначенные как частные или базисные, например, понятие Социального представления, то здесь мы уже находим необходимость обращения к Я, Мотиву, Действию, Образу (репрезентации), Переживанию, Отношению, Ситуации, с обращением к понятиям Личности, Ценности, Деятельности, Сознания, Чувства, Общения, Персоносферы. Или понятие Интеллекта также включает все перечисленные базовые и метапсихологические понятия. Если обращаться к выделенным нами метапонятиям Индивидуального и Коллективного субъекта, то они вбирают в себя фактически все понятия и базового, и метапсихологического и социоцентрического уровней (Человек, Идеал, Свобода, Разум, Экзистенция, Соучастие, Эйкумена). Представляется, что современные понятия суть аккумулярованные понятийные структуры психологической науки, которые в разной степени становятся латентными, обобщенными, создавая сложные конгломераты в виде интегративных понятий и междис-

циплинарных комплексов. Здесь можно сравнить современные понятия с понятиями, которые присущи экспертам. В работе М. А. Холодной (2006) было показано, что экспертам трудно эксплицировать критерии своих оценок, поскольку их ментальные структуры, лежащие в основе экспертного мнения, максимально интегрированы, обобщены, содержат в латентном состоянии большое число концептуальных структур, расчленение которых вызывает сложности и часто ведет к потерям основы суждения. Концепты, которые были актуализированы на предыдущих стадиях развития концептуальных схем, перешли в состояния максимальной интегрированности, стали имплицитными, достигая нерасчлененности и интуитивности в оценке ситуации. Аналогично происходит и с историей развития современных понятий, которые перешли на уровень *интегративных комплексов*, вобравших в себя предыдущие стадии концептуального анализа. Все авторы отмечают интегративность выделяемых понятий и их междисциплинарный характер. Таким образом, можно фиксировать эпистемологическую сложность и латентность, где научный дискурс задает возможные решения при гибкости понятийной сети.

Антиномичность понятийной сети можно проиллюстрировать на примере соотношения понятий Индивидуального и Коллективного субъекта как видимых противоречий между единичным и общим, частным и универсальным. Однако это лишь кажущееся противоречие, поскольку в данных понятиях заложено их тесное взаимодействие и взаимоотношения. Коллективный субъект состоит из индивидуальных субъектов разной степени сложности, что порождает и напряжение внутри него. В то же время индивидуальный субъект включает коллективные цели, идеалы, коллективную рефлексию, потребность отношений с Другими, способность понимать и интерпретировать мир в координатах Я—Другой, проникновение в социальные представления, чувства, переживания, коллективные смыслы и временную перспективу. Антиномия «индивидуальный и коллективный субъект» создает постоянное движение, напряжение и развитие и того, и другого понятия, его полидетерминацию, саморазвитие и реализацию.

Таким образом, данные примеры показывают, что современная понятийная сеть (рассмотренная только в рамках представленных в книге понятий) обладает признаками постпостнеклассической методологии (метамодернизма). Во-первых, даже приведенные примеры понятий показывают явную ограниченность матричной классификации. Несомненно, современные понятия описываются только

по сетевому принципу, но с выделением условно узловых понятий (Индивидуального и Коллективного субъектов). Во-вторых, понятия обладают многоаспектностью, нарастающей сложностью, включающей многие концептуальные структуры, образующие интегративные понятийные конгломераты, для которых характерна латентность и субъектность построения.

Новые понятия в психологии

Проведенный анализ позволяет говорить о появлении новых понятий в современной психологии. Это понятия Модели психического, Контроля поведения, Субъективного возраста, Жизнеспособности. Все эти понятия имеют непродолжительную историю и отражают общие тенденции психологической науки к интегративным конструктам, основанным как на парадигмальных пересечениях, так и на междисциплинарных связях. Они появились в результате теоретических, и эмпирических исследований. Так, например, понятие Модели психического (Theory of mind) возникло на пересечении разных областей: когнитивной психологии, социального познания, психолингвистики, метакогнитивного подхода и др. Оно было теоретически обосновано в рамках психологии сознания Фодором. Проведенное сравнение понятий модели психического, социального познания, ментализации, «чтения психического», социального и эмоционального интеллекта показало, что они связаны с понятием модели психического, которое не покрывается ими и порождает новую перспективу в разработках представлений о внутреннем мире человека, его представлении о социальном мире. Модель психического может рассматриваться как психологический механизм и социального познания, и ментализации, и «чтения психического», а также социального и эмоционального интеллекта. Обоснование этого понятия послужило основой развития подхода «модель психического», вызвало взрыв исследований данной интегративной способности понимания социального мира и себя в нем, к сожалению, в основном в зарубежной психологии. Так, число обращений к данному термину с периода 1975—1980 гг. до 2010—2015 гг. возросло почти в 50 раз. Это также свидетельствует о значительном научном интересе и признании данного понятия (статья Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедевой, А. Ю. Улановой, раздел 2).

Другой пример связан с понятием Жизнеспособности (resilience), которое первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках.

Концепция жизнеспособности утверждается в качестве доминирующей в области управления системами, природными и человеческими ресурсами, т. е. изначально оно даже не было психологическим или биологическим, носило скорее междисциплинарный и универсальный характер, обозначая формы активности и адаптивности систем и сохранение ими упругости, способности к восстановлению при внешних воздействиях. В психологической науке оно развивается на пересечении разных областей, в междисциплинарной области становится широко востребованным практикой конструктом (статья А. В. Махнач, раздел 3). В психологической науке данное понятие только в последние десятилетия начало интенсивно изучаться, при этом оно претерпело изменения, сместился фокус интереса — от концентрации работ на защитных механизмах к поиску внешних и внутренних детерминант развития, к изучению особенностей развития данной способности в разные периоды детства и в популяции, к анализу микро- и макросистемных воздействий экологических систем (природных и социальных). А. В. Махнач указывает, что настоящее представление о жизнеспособности включает в себя способность человека не только к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств и событий, не только способность к восстановлению, но и способность к выходу на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы. Данное понятие не может быть сведено ни к защитным механизмам личности, ни к способности к совладающему поведению, ни к локусу контроля, ни к силе духа, ни к ресурсам человека, хотя и тесно взаимосвязано с ними. А. В. Махнач указывает: «Развитие психологии как науки закономерно приводит к появлению понятий, которые являются во многом зонтичными с широким интерпретационным полем. Жизнеспособность можно рассматривать как „зонтичный“ термин для психологических ресурсов, которые имеют решающее значение для человека. В таком понимании термин становится еще более обобщающим и менее формализованным, что, несомненно, увеличивает сложность сопоставления результатов различных исследований, поскольку налицо отсутствие согласованности по всему понятийному полю». Рассматривая жизнеспособность, как «зонтичный» тип понятия, автор указывает на его онтологическую связь и взаимопресечение с другими проанализированными им понятиями. Наш анализ показывает тесную сопряженность этого понятия с другими понятиями, представленными в рамках данного труда, что не противоречит его «зонтичному» типу, означает его сложность и интегративность.

Как было показано, контроль поведения составляет ресурсную индивидуальную основу жизнеспособности человека (Сергиенко, 2016). Это понятие современное, новое для психологической науки, не сводимое к понятию саморегуляции, когнитивной, волевой или эмоциональной регуляции поведения (статья Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, раздел 2). Оно представляет индивидуальное сочетание ресурсов человека как реализации его способностей (когнитивных, эмоциональных, волевых), создающее уникальный индивидуальный паттерн регулятивных возможностей субъекта. Теоретическое и эмпирическое обоснование данного конструкта требует решения многих вопросов, в том числе вопроса о соотношении внутренних и внешних ресурсов, ограничениях и возможностях его интерпретации. Включение данного конструкта в систему регуляторных возможностей субъекта позволяет также перейти к интеграции ранее разрозненных понятий в психологии и вписать его в широкий континуум организации поведения.

Субъективный возраст как новый конструкт, раскрывающий возможности самовосприятия возрастной идентичности, отличается от биологического, социального, психологического возраста, но не инициирует нового подхода, а скорее может рассматривать как расширение и уточнение понятия возрастной идентичности. Субъективный возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение. Все это служит доказательством его самостоятельного понятийного значения. Перспективами развития понятия видится выявление его теоретического места в системно-субъектном подходе взаимодействия субъекта и личности.

Все авторы приведенных понятий обращаются к истории их возникновения, описывают истоки их образования и концептуализируют их содержание, определяют место понятия в системе современной психологической науки. Однако каков критерий образования нового понятия?

Н. В. Богданович (2005) выделяет следующие *критерии* категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии.

Первый критерий категорий состоит в несводимости к другим и не выводимости из других (М. Г. Ярошевский). Авторы достаточно подробно обосновали данный критерий. Эти понятия не выводимы из других и не сводимы к другим понятиям.

Второй критерий — категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом — методологический критерий. В статьях авторов обоснованы основные методологические принципы психологической науки. В большинстве случаев это принцип системности и субъектности.

Третий критерий состоит в том, что категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом, — критерий систематизированности (Б. Ф. Ломов). Вводя новые категории в современную психологию, авторы указывают на системный характер отношений понятий, интегрированность их составляющих. Наконец, четвертый критерий — принципообразующий — утверждает, что каждая категория должна выдвинуть новый принцип науки. Этот критерий не применим к выделенным новым понятиям. По-видимому, во-первых, мы рассматриваем понятия, а не категории. Во-вторых, новые складывающиеся концепты в научной системе не сразу могут породить принципы, для этого требуется достаточно значительный эволюционный этап в их развитии. Но принципообразующий критерий применим к рассмотренным нами метапонятиям: Индивидуальному и Коллективному субъекту. Данные метапонятия и отвечают всем трем предыдущим критериям категории и образуют принципы психологической науки.

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет *системообразующую роль* и привлекает внимание многих ученых. В отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта. В психологии субъекта фактически представлена история главных проблем психологической науки XX столетия: это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики, представление о субъекте развития, жизнедеятельности, субъекте деятельности. Следовательно, категория субъекта не только обрела статус системообразующей, методологической категории, но и стала методологическим принципом психологической науки. Понятие Коллективного субъекта, как мы уже показали, хотя и взаимосвязано с понятием Индивидуального субъекта, но представляет собой самостоятельную метакатегорию. Понятие Коллективного субъекта имеет собственные критерии и свое поле онтологически связанных понятий, которые или прямо включены в него, например Психологические отношения, Социальные представления, Коллективный образ будущего, менталитет и др., или косвенно, опосредованно с ней связаны: жизнеспособность группы, организации, общества, кол-

лективная интенция, групповой дискурс, общие дискурсивные способности, совместная регуляция (Контроль поведения), понимание себя и другого (модель психического), интеллектуальный потенциал или ресурс группы (Интеллект) и др. Следовательно, данное понятие обретает статус категории в психологии, так же как понятие Индивидуального субъекта, отвечая признакам несводимости к другим и невыводимости из других понятий, включает систему понятий (системообразующий принцип), имеет обоснованный методологический статус среди других понятий и соответствует критерию принципообразования, раскрывая принцип субъектности групп, коллективов в социально-психологическом пространстве исследований.

Несмотря на продолжительную историю развития понятия субъекта, Коллективный субъект можно отнести к новым понятиям в психологической науке, задающим новое направление поисков в социогуманитарных областях, психологической науке, в частности.

Анализ других понятий, проведенный в данной книге, хотя и не позволяет отнести их к новым понятиям в современной психологии, но они существенно отличаются на данном методологическом этапе своего развития от введенных первоначально.

В чем состоят изменения понятий на текущем этапе развития их системы?

Как мы старались показать при рассмотрении понятий, все авторы указывают на их интегративный и междисциплинарный характер. Это первая характеристика современной понятийной системы. Вторая состоит в изменении содержания самого понятия. Такое изменение заключается не только в его расширении, но и в его использовании в более широком тематическом поле.

Например, понятие интеллекта стало использоваться не только для характеристики фиксации способности решения некоторых типов задач, но и в отношении порождения ментальных структур, выделения ментального и интенционального опыта, в попытке связать интеллектуальные способности с понятийными.

Или возьмем Коллективный образ будущего. В его основе лежит представление о временной перспективе, которое не только расширяется до коллективных представлений о будущем, но и рассматривается как характеристика коллективной субъектности: авторство коллектива (вера в способность влияния на обстоятельства, уверенность в достижениях, оптимизм, понимание перспектив развития).

Такое традиционное понятие, как Индивидуальный субъект, не только серьезно расширило свое понятийное пространство (вы-

делены критерии, показана полидетерминированность его развития, разные аспекты его реализации, описана возможность выделения функций), но и предпринята попытка представить его соотношение с метакатегорией личности, выделены их взаимосвязи и взаимодействия как двух ипостасей психической организации человека. Кроме того, понятие Индивидуального субъекта породило становление Коллективного субъекта, качественно отличного образования, побуждающего к развитию социоцентрированных тематических полей в психологии.

Как уже отмечалось нами, современные понятия не сводимы к классификациям Петровского и Ярошевского, варианту Петровского и Петровского, системе Платонова, не могут быть представлены в координатах развития психологического знания Я.А. Пономарева. Кроме того, современные психологические понятия, хотя и связаны с общенаучными философскими категориями, но обладают своей логикой образования и эволюции. Несмотря на стройность и конструктивность идей этих ученых, следует подчеркнуть невозможность категоризации психологических понятий в настоящее время в их координатах, что связано с изменением общенаучных методологических принципов. Представленные классификации в большей степени описываются критериями классической или неклассической методологии, чем постнеклассической или постпостнеклассической.

Современные понятия отличаются многоаспектностью, нарастающей сложностью, включающей многие концептуальные структуры, образующие интегративные понятийные конгломераты, для которых характерна латентность и субъектность построения. Кроме того, многие авторы показали динамичность развития данных понятий, которая, с одной стороны, демонстрирует преемственность и непрерывность их изменений, эволюцию понятийных полей, с другой — динамичность и подвижность самих понятийных структур, осваивающих новые тематические пространства в теории и исследовательской практике.

Третья особенность современных понятий состоит в ином типе структурной организации. Это уже не отдельные понятия типа Образа, Мотива, Действия и т. п., а сплав в интегрированные понятийные образования, в которых имплицитно представлены многие базовые психологические конструкты, которые трудно уже эксплицировать как единичные. Если обратиться к уже рассмотренному примеру Коллективного образа будущего, то автор указывает на его составляющие: *коллективные цели и планы*, объединяющие и коорди-

нирующие усилия группы, *групповые ожидания*, которые необходимо учесть, *групповые мечты* — представления о желательных для группы изменениях в обществе, *коллективные страхи* — представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия, *коллективные идеалы* как желаемые ситуации и результаты, составляющие саморефлексию и авторство коллективного субъекта. Этот список составляющих структур можно дополнить, например, понятиями Социальных представлений, порождающих ожидания, цели, смыслы, или понятием Модели психического как основы соотнесения понимания ментальных состояний себя и других людей, без чего невозможна взаимная связанность представлений, целей, желаний и других характеристик членов группы, контроля поведения — основы субъектной регуляции, направляющей образование совместной регуляции, дискурса и интенциональных полей как основы коммуникативных взаимодействий и др. Автор сам указывает на включенность понятия Коллективного образа будущего в понятие Коллективного субъекта, который вбирает в себя еще более широкий круг понятийных пространств современной психологической науки. Латентными в данном понятийном конструкте остаются, например, понятие Менталитета, которое также должно оказывать воздействие на Образ будущего, Интеллекта, который необходим как когнитивный ресурс и другие не менее важные понятийные образования для развертывания, развития данного понятия. Мы попытались показать некоторые явно существующие взаимосвязи рассматриваемых понятий, в которых не представлены латентные понятийные структуры и потенциал развития понятий. Такой анализ требует специальной работы, что является делом будущего.

Сложность структурной организации современных понятий аналогична понятийным структурам экспертам (см. выше), где сплав и интегрированность достигают такого уровня, на котором попытка дифференцированного выделения признаков приводит к потере сути и возможности эффективного использования знания. Приведем еще один пример. При изучении способности дифференцировать младенческие лица по полу (мальчик или девочка) в работе Е. А. Никитиной, выполненной под научным руководством Е. А. Сергиенко (Сергиенко, Никитина, 2004), было показано, что когда экспертов просили выделить признаки классификации, то ранее успешное разделение фотографий лиц по полу, доходившее и до 75%, резко падало до случайного уровня, т. е. интуитивная классификация представляла сплав признаков, а ее расчленение разрушало существующую имплицитную понятийную структуру.

Это, безусловно, не означает, что в понятии не могут быть выделены его составляющие, но свидетельствует о том, что уровень интегрированности очень высок, что осложняет этот процесс, с одной стороны, а с другой — знаменует переход к иному *типу организации* понятийной структуры — свернутому, сжатому, максимально интегрированному, поэтому часто и ускользающему от точных определений.

Еще одна характеристика современных понятий — это их субъектность, которая выступает в двух смыслах: как субъектность работника и творца понятийного анализа со своим пристрастным отношением и «оптикой» анализа психологических феноменов, методологических подходов и их пересечений и как обращение фактически всех авторов к категории субъекта (индивидуального и коллективного), что служит дополнительной основой выделения категорий Индивидуального и Коллективного субъекта как узловых в понятийной сети.

Подводя итог анализа представленных в данной книге современных понятий, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что они отражают новый этап развития методологии науки, этап метамодернизма, с максимальной пластичностью понятийных полей, сетевым принципом их организации, иным типом построения понятий, нарастающей сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью, отражая как эволюцию развития психологической науки, так и познания в целом.

В настоящей книге был представлен ограниченный круг понятий, который разрабатывается в Институте психологии РАН. Планируется подготовка второго тома, посвященного продолжению анализа понятий. В основном в планируемой работе будут представлены понятия, важные для развития конкретных областей психологической науки: когнитивной, социальной, экономической психологии, психологии личности, психологии труда и организационной психологии. Такое отнесение понятий к областям психологической науки весьма условно, поскольку, например, понятия ментальных и когнитивных ресурсов, эмоционального и социального интеллекта, понимания, экономического субъективного благополучия, субъективного качества жизни и другие давно перешагнули отраслевые рубежи и широко востребованы в самых разных областях психологической науки. Кроме того, так или иначе они затрагивают метапонятийные категории Индивидуального и Коллективного субъекта, позволяя операционализировать, с одной стороны, когнитивные, регулятивные и коммуникативные функции субъекта, а с другой — становятся необходимыми для обобщения метауровней субъектной организации: субъекта раз-

вития, субъекта жизни, субъекта деятельности, где разные понятия образуют пересекающиеся тематические пространства взаимосвязанных, взаимопроникаемых понятий. Так, для развития понятия Коллективного субъекта, его хронотопа понятия группового отношения ко времени, коллективной памяти, групповой рефлексии расширяют и углубляют понимание его когнитивной функции, а понятия «доверие—недоверие», «психологические воздействия» наряду с ценностными ориентациями личности — коммуникативную и регулятивную функции. Для понятия Индивидуального субъекта представления о понимании и самопонимании, ментальных, когнитивных ресурсах, эмоциональном и социальном интеллекте, исполнительных функциях являются важными составляющими раскрытия содержания функций субъекта, возможностей анализа субъекта развития, субъекта жизни. Понятно, что Понятно, что понятия Индивидуального и Коллективного субъектов взаимодействуют и взаимосвязаны, следовательно, развитие одного понятия приводит к развитию и динамике другого.

В завершение анализа хотелось бы подчеркнуть, что представленная картина современных понятий в психологии отражает неполный срез текущего состояния понятий, разрабатываемых в Институте психологии РАН. Авторы хорошо понимают ограниченный характер предложенного анализа и его дискуссионность. Данная попытка, реализованная в настоящем издании, фактически является приглашением к диалогу, началом трудного, но необходимого этапа методологической работы с ее основами — понятийным полем отечественной психологической науки.

Литература

- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Анохин К. В. Мозг и разум. 2015. URL: <http://omiliya.org/article/konstantin-anohin-mozg-i-razum> (дата обращения: 22.05.2018).
- Анциферова Л. И. Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
- Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл—ИЦ «Академия», 2007.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3—23.
- Богданович Н. В. Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология

- человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 58–84.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Модель психического и контроль поведения у младших школьников // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 15 июня 2017 г. / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: ООО «Буки-Веди»–ИППиП, 2017. С. 63–69.
- Гусельцева М. С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
- Гусельцева М. С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.
- Гусельцева М. С.* Принцип развития в психологии: высоты полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–61.
- Гусельцева М. С.* Перспективы развития психологического знания: блеск и нищета прогнозов // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 628–670.
- Гусельцева М. С., Изотова Е. И.* Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Зеленкова Т. В.* Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 332–367.
- Ключарев В. А., Шмидс Э., Шестакова А. Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14–35.
- Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 3-е изд., доработ. и доп. М.: Политиздат, 1979.
- Леонтьев Д. А., Овчинникова У. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х.* Психология выбора. М.: Смысл, 2015.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Марцинковская Т. Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред. сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.

- Петровский А. В., Петровский В. А.* Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 3–17.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология: Учебное пособие для студ. псих. фак. выс. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2001.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 257–280.
- Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–61.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке* / Препринт под ред. В. И. Аршинова, В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А.* Психология субъекта: поиски и решения // Психол. жур. 2008. Т. 29. № 2. С. 16–28.
- Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.10.2016).
- Сергиенко Е. А.* От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 308–331.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А., Никитина Е. А.* Механизмы восприятия пола человека по изображению лиц новорожденных // Психол. журнал. 2004. Т. 25. № 4. С. 5–14.
- Холодная М. А.* Структура и функции естественного интеллекта в контексте проблемы искусственного интеллекта // Искусственный ин-

теллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. М.: ИИТЕЛЛ, 2006. С. 149–162.

Холодная М. А. Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта // Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 469–477.

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Юревич А. В. Вместо введения: Состав и структура психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 9–36.

РАЗДЕЛ 1

Понятия в общей теории современной психологии

Индивидуальный субъект в психологии

Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Е. Харламенкова

Одной из ключевых задач науки является разработка понятийного аппарата. Уровень развития категориальной системы становится характеристикой науки. Целостность и дифференцированность научных понятий выполняют интегрирующую роль, создавая неизменные опорные точки в пространстве научного знания, становятся ориентирами ее поисков, инструментами объяснений и интерпретации.

Одной из центральных для современной психологической науки становится категория субъекта. На сегодняшний день eLibrary.ru содержит данные о более чем 6000 публикациях, обращающихся к понятию субъектности. Но это не означает, что это понятие разработано в полной мере и не нуждается в анализе.

Субъект в философии

Понятие субъекта изначально было философским. «Субъект (от *лат.* *subjectus* — лежащий внизу, находящийся в основе, от *sub* — под, *jacio* — бросаю, кладу основание) — носитель деятельности (прежде всего практической), сознания и познания. Важно заметить, что такое понимание субъекта берет начало только в философии Нового времени, это связано с характерным для этой философии субъектоцентризмом. До этого под субъектом понималось метафизическое основание вещей, предметов, прежде всего тех, которые существуют объективно реально» (Лекторский, 2010, с. 10).

Именно в антропоцентризме Нового времени вызревает понятие субъекта. Если в античной философии субъект и реальность слиты и неразделимы (Аристотель), то Р. Декарт уже разрывает эту слитность, указывая на непротяженность мыслящей души и протяженность тела.

Наиболее разработана категория субъекта в немецкой классической философии и связана с эволюционными представлениями о его проявлениях, трансформациях в ходе развития. Специальный анализ категории субъекта прослеживается от И. Канта, И. Г. Фихте, В. Ф. Шеллинга, Б. Спинозы и наиболее развернуто в работах Г. В. Ф. Гегеля (см.: Введение в философию, 2003).

И. Кант явно противопоставляет субъект и объект, указывая, что человек как субъект конструирует свой объект. Здесь уже явно выражена идея активности субъекта познания по отношению к объекту. Субъект активно формирует объект познания на основе ощущений, с одной стороны, и априорных (доопытных) форм сознания — с другой. Тип познания связан с двумя слоями субъекта: эмпирическим (индивидуально-психологические особенности человека) и трансцендентальным (всеобщее, надындивидуальное начало в человеке).

И. Г. Фихте полагал, что субъект и объект — две неравновесные стороны единой системы (без объекта нет субъекта), где субъект страстен, активен по отношению к объекту, а объект равнодушен к субъекту. Субъект стремится к объекту с целью достижения «не Я», необходимого для «Я». Это стремление понимается как деятельность, для которой объект становится пусковым стимулом, толчком, тогда как ее содержание определяется субъектом, «Я» потому и «Я», что оно деятельно (существует только в действовании). Таким образом, в разделении субъекта и объекта имманентно заложена их непосредственная взаимосвязь. И субъект, и объект — это мерности одного и того же бытия.

Г. В. Ф. Гегель рассматривал появление субъекта из неживой (несубъектной) формы. Живое для него — это субъект как источник активности, направленной на объект для его достижения или избегания. Субъект потребляет предназначенное ему в объекте и поддерживает себя. Это соответствует необходимому достижению «не Я» для «Я» у Фихте и Шеллинга. Основная проблема здесь состоит в том, как взаимодействовать с объектом. Субъект отражает для себя объект, оставляя одновременно его самим собой. В этом суть психического: идентифицировать в объекте предмет потребности субъекта, не подвергая прямому воздействию.

Г. В. Ф. Гегель подверг пересмотру кантовское определение трансцендентального субъекта. Он видел главный недостаток в неистори-

ческом характере, который исходил у Канта в противопоставлении истинного знания, постигаемого точными науками и теми формами знания, которые дают искусство, язык, культура. Именно этот тип знания существенно отличается от естественно-научного, которое, по Гегелю, не следует абсолютизировать. Это лишь разные стороны знаний о мире. Немецкий идеализм предложил рассматривать трансцендентальный субъект исторически, как историю человечества в целом. Субъектом знания у Гегеля выступает человеческая история как «объективный дух» или субстанция — субъект. Субстанция субъекта не имеет жестко фиксированной формы, а это развивающиеся, подвижные формы, суть которых исторические формы культуры. Данное понимание привело к важнейшей теоретической перестройке: снята дихотомия научного и ненаучного знания (наука не противопоставлена мифологии, а становится формой донаучного знания); снята дихотомия ложного и истинного, которая связана с противопоставлением научного и ненаучного (истинно для своего времени); в саму историю вводится понятие эмпирического (история фактическая) и трансцендентального (умозрительная конструкция) уровней. Таким образом, возникает онтология культурно-исторической деятельности, представляющая абсолютный (божественный) субъект. В индивидуальном субъекте отражен субъект общественный, абсолютный.

Гегелю принадлежит разработка идеи развития качеств субъекта в природе, как ступеней абсолютного духа: растения—животные—человек—абсолютный дух.

Субъект возникает при изменении соотношения субъекта и объекта. Первоначально соотношение меняется на уровне растений (неполный субъект), обладающих активностью, но не обладающих субъектностью (ср.: развитие психики по А. Н. Леонтьеву — это раздражимость, низший уровень). Субъектность возникает на уровне животных — обособленность от среды и самоощущение. Животные ощущают не просто себя, а определенные состояния, но всегда себя, а не другого, т.е. субъект имеет внутреннюю форму — самость, отражающую состояния внешних и внутренних воздействий. Субъектность на уровне человека, по Гегелю, — это переход к духовной деятельности и мышлению. Источником духовной деятельности становится абсолютный дух, воплощенный в индивидуальном субъекте.

В. А. Лекторский, анализируя философское понимание субъекта, пишет: «Для современной философии субъект — это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биогра-

фию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Непосредственно внутренне по отношению к индивиду субъект выступает как Я. По отношению к иным людям он выступает как Другой. По отношению к физическим вещам и предметам культуры субъект выступает как источник познания и преобразования» (Лекторский, 2010, с. 5).

Можно выделить два подхода, восходящих к разным философским традициям: антропоцентрической (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) и эволюционно-генетической (И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель). Они также имплицитно и эксплицитно выражены в развитии понятия субъекта в психологии.

В социогуманитарных науках последних десятилетий, кроме индивидуального субъекта, выделяется также коллективный (групповой) субъект как носитель определенных норм деятельности, познания и коллективного сознания, «коллективных представлений», как система взаимоотношений входящих в него индивидов. Отличиям коллективного и индивидуального субъекта посвящена отдельная работа А. Л. Журавлева (2000).

Разработка понятия субъекта в психологии

Не претендуя на полноту анализа становления понятия субъекта в психологии, выделим наиболее значимые взгляды и концепции, определяющие данное понятие.

Г. И. Челпанов можно отнести к психологам, проложившим путь к развитию категории субъекта. Г. И. Челпанов связывает понятие субъекта с душой, относя ее к внутреннему миру человека. Именно этот внутренний мир отвечает за активность, причинность и источник душевной жизни. Челпанов полагал, что сознание нельзя объяснить без понятия субъекта, поскольку оно не сводится к ощущениям и представлениям. Более того, к субъекту относятся не только сознательные, но и бессознательные психические сферы. Однако главное качество — это развитие, изменение и сохранение. Так, сравнивая свои состояния, изменяющиеся и перетекающие во времени, необходимо допустить для процесса сравнения общий субъект, позволяющий отнести их к себе (Богданович, 2004). Г. И. Челпанов внес в развитие понятия субъекта важнейшие характеристики: отнесенность к психической категории, развитие и сохранение субъекта и констатация проявлений субъекта не только в сознательном, но и в бессознательном человека. Взгляды Г. И. Челпанова, по мне-

нию Н. В. Богданович (2004), заложили понимание субъекта как основы целостности психического.

Как указывает Н. В. Богданович, согласно фактической исторической последовательности, категория субъекта впервые употребляется в психологической науке в СССР в работах *Д. Н. Узнадзе*, в то время как у С. Л. Рубинштейна она представлена впервые в статьях и рукописях 1920-х годов, и в рукописи книги «Человек и мир» (1950-е годы).

Для Узнадзе понятие субъекта имело важное значение. Он подчеркивал, что «психология как наука должна исходить... из понятия самого субъекта как целого, который, вступая во взаимодействие с действительностью, становится принужденным прибегнуть к помощи отдельных психических процессов» (Узнадзе, 1961, с. 66). Следовательно, одной из важнейших характеристик субъекта становится целостность, которая связана с его теорией установки. При этом установка определяется им как меняющееся состояние субъекта в зависимости от задач, которые он сам себе ставит и от условий их осуществления. Установка связана с деятельностью, поскольку является модусом субъекта. Узнадзе критиковал тождество психики и сознания, поскольку это приводит к разрушению целостного активного субъекта психической жизни (Богданович, 2004). Следовательно, согласно теории установки, субъект не всегда является сознательным, что противоречит представлениям С. Л. Рубинштейна. Побуждающая сила действия не всегда связана с действием на субъекта, она может порождаться им самим. Следовательно, в теории установки субъект представляется как целостное образование, не всегда сознательное, тесно связанное с деятельностью, обладающее способностью к самодетерминации. Дифференциация категорий субъекта и личности у Узнадзе фактически не проведена.

Анализ работ *Л. С. Выготского*, сделанный Н. В. Богданович, приводит ее к выводу, что он использует понятие субъекта в основном в значении человека и оно остается в его теории неразработанным. Л. И. Божович, последовательница теории Л. С. Выготского, представила стройную концепцию развития субъекта как личности, которая ближе к школе С. Л. Рубинштейна или, по крайней мере, выражает ее отдельные положения.

Г. Г. Шпет представлял субъекта в качестве автора-творца, который реализует заложенные потенциальные возможности, присущие самому слову или формам искусства. Шпет считал, что язык обладает независимым, внешним бытием и оказывает на человека влияние. Во многих аспектах развитие его духовного мира определяется языком, который уже содержит в себе определенные мировоззренческие

константы. Шпет вводит понятие «языковое сознание». Интерпретация субъектом объекта есть единственная форма, в рамках которой только и может проявляться действительность. Именно в этой интерпретации выражена свобода субъекта, вновь создающего реальность. Особое значение этот процесс приобретает в эстетическом переживании. Шпет указывает, что проблема субъекта является основной в герменевтике. Таким образом, представления Г. Г. Шпета о субъекте фактически ограничены сознательными характеристиками, детерминированными культурой языковой среды и степенью овладения ею субъектом-творцом. Здесь мы видим существенные параллели с концепцией развития психики Л. С. Выготского.

Концепция деятельности А. Н. Леонтьева фактически обращается к понятию субъекта, но он представлен только как продукт деятельности. Несмотря на многозначность понятия субъекта, употребляемого А. Н. Леонтьевым, К. А. Абульханова на основе контент-анализа книги А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» делает вывод о том, что субъект как категория фактически там отсутствует, хотя слово «субъект» употребляется очень часто и в разных сочетаниях. Место субъекта занимает здесь деятельность (Богданович, 2004).

Основные идеи А. Н. Леонтьева получают свое продолжение в рамках концепции В. А. Петровского. Но в отличие от Леонтьева В. А. Петровский вводит понятие «субъектность» как понятие, соединяющее категории деятельности и личности. «В нашем понимании „индивидуальный субъект“ („субъект“) есть сущее, имеющее образ своего существования. Из этого понимания вытекают четыре характеристики (индивидуального) субъекта: 1) субъект — целеполагающее (т. е. целеустремленное и целедостигающее) существо: иначе ни о каком „воспроизводстве“ нет и не может быть речи; 2) субъект — рефлексорирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено; 3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено); 4) субъект — развивающееся существо (ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства)» (Петровский, 2010, с. 17–18).

Субъектность трактуется как устремленность к новым возможностям, включающим в себя внешние (производимые, присваиваемые) и внутренние (актуализируемые, «высваиваемые») возможности.

Автор выделяет понятие *рациональной субъектности*, характеризующей тем, что возможности, вкладываемые субъектом в процесс, соответствуют возможностям, обретаемым в результате. Выделяются два варианта *иррациональной субъектности*: сверхадаптивная пассивность и активная неадаптивность («надситуативная активность»). Автор на основе данных представлений выстраивает соответствие между уровнем обретаемых субъектом возможностей и уровнем его побуждения к последующим действиям: чем выше уровень обретаемых субъектом возможностей («могу»), тем сильнее стремление воплотить их («хочу») — условие равенства «могу» и «хочу». Такое динамическое единство автор называет *состоятельностью* — средоточием возможностей, побуждающих активность. Несмотря на введение модели состоятельности, В. А. Петровский вновь утверждает мультисубъектный характер личности. Присутствие разных субъектов во внутреннем пространстве личности рассматривается как результат интериоризации культуры, межсубъектных отношений, существующих вовне. Следовательно, субъектные характеристики суть атрибуты личности и производные внешних взаимодействий (Петровский, 2015).

Субъект в работах С. Л. Рубинштейна

Субъектный подход в психологию ввел С. Л. Рубинштейн. Раскрывая принципиальное отличие гуманитарной методологии от естественнонаучной, он показал, что «специфика гуманитарных наук в их субъектности и ценностной опосредованности знания», что привело к созданию принципа самодеятельности субъекта, его самодетерминации, сформулированного С. Л. Рубинштейном в 1922 г. (Гусельцева, 2009). Преодолевая формально-структурный подход к анализу сознания и деятельности, С. Л. Рубинштейн формулирует представление о «действующем лице», творящем деятельность, вкладывая в это понятие значение личности как субъекта собственной активности. В его работе «Человек и мир» (Рубинштейн, 1997) субъект рассматривается не только как носитель активности, но и как источник причинности бытия. Сознание, обеспечивая познание субъектом мира, определяет не только его отражение, но и выражение отношения к нему субъекта — созерцательности. Деятельность преобразует объект в целях субъекта, а созерцание сохраняет и раскрывает для субъекта его ценность. Утверждая и доказывая единство предметного содержания и переживания, благодаря которому возникает значение объекта и события, С. Л. Рубинштейн, помимо гносеологического основания субъекта, вводит онтологическое.

Он выделял три аспекта деятельности человека: деятельность — всегда практическая, реально осуществляемая человеком; условия ее реализации создает сам человек, и деятельность имеет свою внутреннюю структуру — цели, мотивы, направленность личности. Первый аспект не обязательно связан с субъектом, поскольку труд и его продукт носят отчужденный от личности характер. Второй и третий аспекты связаны с разными свойствами субъекта, именно он организует реальную деятельность и одновременно внутреннюю систему активности. В теории С.Л. Рубинштейна действительность выступает через призму возможностей и отношений к ней субъекта, а не противостоящего ему в существовавшей дихотомии субъект-объекта. Субъект выступает активным конструктором собственной жизни, бытия. В качестве субъекта рассматривается субъект психической деятельности, конкретный индивид, а не абстрактный конструкт. Таким образом, категорию субъекта С.Л. Рубинштейн перевел из философского плана в конкретно-психологический. Более того, изменилось представление и о категории деятельности. Не деятельность всецело детерминирует внутренний психический мир человека, а человек в реальной деятельности, благодаря внутренним психическим основаниям, определяет и направляет свою деятельность. Знаменитая формула С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее» изменила содержание принципа детерминизма в психологии. Это обстоятельство часто подчеркивал А.В. Брушлинский. Как пишет М.С. Гусельцева (2009), книга «Человек и мир» являлась приметой нового мышления в психологии. В этой работе исследовалось введение человека в состав бытия. С.Л. Рубинштейн обогатил психологию методологическими принципами: единства сознания и деятельности (просвечивать психику через деятельность), детерминизма (внешнее через внутреннее), субъектности, саморазвития (в творческой деятельности рождается творец), показывая, что преобразуя бытие, человек преобразуется и сам.

Итак, переход к онтологическому основанию субъекта (С.Л. Рубинштейн) определил смещение центра научных интересов в психологии, побудил исследовать человека как субъекта деятельности, индивидуального и группового. Начал формироваться субъектно-деятельностный подход в психологии.

Субъект в работах А.В. Брушлинского

А.В. Брушлинский внес существенный вклад в наполнение понятия «субъект» психологическим содержанием. Принципиальная новизна его подхода к разработке категории субъекта заключается главным

образом в трех основных положениях: в значительном расширении представлений о содержании *активности* как фактора детерминации психики; в переходе от микросемантического к *макроаналитическому* методу познания психического; в целостном системном характере исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта.

Кратко рассмотрим эти положения.

1. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности (фактора детерминации психики). Брушлинский субъектом называл человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (Брушлинский, 1999а, с. 30). Целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще всех видов его активности. Помимо бесспорно деятельностных оснований, в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни — видениям и переживаниям во время сна и т.д. Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый высказывал мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса является способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.
2. В публикациях Брушлинского выделены структурный, динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: *критериям субъекта* и разнообразию *видов человеческой активности*.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии

с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т. п. «Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения *объектов* благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев, прежде всего, в *динамическом* плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества, способа длительно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т. п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений А. В. Брушлинского и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить, по меньшей мере, два критерия. Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Четвертый критерий — развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих взгляд на себя со стороны. Способность к рефлексии, направленной на себя, — ключ к превращению человека в субъекта. Субъект — это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта

представляет собой *структурный* план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б. Ф. Ломов), созерцание (С. Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б. Г. Ананьев). По Брушлинскому, субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности.

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень *отражения* действительности и потому высший тип *регуляции* всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т. п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром всё психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т. д.» (Брушлинский, 2000, с. 7).

3. Обращение к категории субъекта привело А. В. Брушлинского к выводу о том, что хорошо зарекомендовавшие себя микросемантический, микрогенетический и другие приемы микроанализа психики в современных условиях необходимо дополнить макроаналитическим методом познания психического. Используя в исследовании этот метод, психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического такие интегративные образования, которые отражают обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека. В этом случае тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т. п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей. Прежде всего, его интересуют такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий: события, ситуации общения учителя с учеником, руководителя с подчиненным, психотерапевта с пациентом. Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Такой подход дал ему возможность под новым углом зрения взглянуть на фундаментальные психологические проблемы.

В целом А. В. Брушлинский внес неоценимый вклад в развитие объема и содержания психологической категории «субъект». Его заслуга не только в том, что он создал новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). В его трудах психология субъекта описана как новая *целостная* область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. Можно утверждать, что А. В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, что отличает его от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эписте-

мологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А. Н. Поддьяков, безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций (Поддьяков, 2014).

Субъект в концепции Б. Г. Ананьева

Принцип целостного изучения человека в его развитии был основной методологической стратегией Б. Г. Ананьева (1996), ориентированной на многоаспектное, междисциплинарное изучение человека в психологии. Все многообразие феноменов человека может быть представлено большими объединяющими пластами его организации: индивид—личность—субъект—индивидуальность. Это деление «есть отражение многообразия самих феноменов человека, выступающих как вид *Homo sapiens*, как человечество в его историческом существовании и личность, как субъект и индивидуальность» (Ананьев, 1996, с. 24). Для Ананьева индивидуальность человека выступает интегрирующим началом. «Общим эффектом этого слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией» (Ананьев, 1996, с. 278).

Б. Г. Ананьев, таким образом, решал вопрос о соотношении личности и субъекта: «Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека, как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого — структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта (Ананьев, 1996, с. 220). Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б. Г. Ананьев указывает, что «структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С.Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы» (Ананьев, 1996, с. 218). Здесь мы видим разли-

чия в понимании субъекта Б. Г. Ананьевым и авторами субъектно-деятельностного подхода. Если, по мнению Б. Г. Ананьева, личность является ядерной структурой организации, то в соответствии с субъектно-деятельностным подходом — субъект всегда является личностью, но не сводим к ней. Для Б. Г. Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества как высшего уровня профессиональной деятельности, тогда как в представлении последователей С. Л. Рубинштейна субъект — качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности. «Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания» (Брушлинский, 1999б, с. 345).

Развитие субъектного подхода

Субъектно-аналитический подход

В современной российской психологии новое осмысление проблемы определения содержания и сути аналитического метода осуществлено в исследованиях М. С. Гусельцевой (Гусельцева, 2009). В рамках субъектно-аналитического подхода В. В. Знаков (Знаков, 2015) ищет ответ на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной? Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли в этом различении характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответить на эти вопросы и должен субъектно-аналитический подход. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная, и аналитическая составляющая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека. Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает три компонента.

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Например, личностные знания являются внутренними условиями понимания, в значительной мере определяющими индивидуальную специфику взгляда субъекта на реальность, его схему понимания мира. Субъектность,

внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т. п. статуса фактов.

2. Гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта. Показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом. Разрабатывая психологию субъекта, А. В. Брушлинский опирался на положение о том, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики и анализировал ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой продукт (мыслительного поиска, распределения внимания и т. п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане (Брушлинский, 2003). Тем не менее следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.
3. Способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой, которая выделила четыре особенности активности человека как личности (Харламенкова, 2010). Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъектность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения индивидов, вероятные способы существования возможных субъектов) (Фуко, 2011).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода состоит из двух компонентов:

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности) в конечном счете нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека).
2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез. С. Л. Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. «Анализ через синтез»: в нем анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался в школе С. Л. Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Несмотря на то, что субъектно-аналитический подход в психологии делает только первые шаги, его польза для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является и определение сходства и различия с другими методами изучения психического, в частности с культурно-аналитическим подходом (Гусельцева, 2009). Таким образом, развитие субъектно-аналитического подхода представляется необходимым и перспективным, особенно в контексте психологии понимания.

Системно-субъектный подход в психологии

Е. А. Сергиенко (2011) обосновала объединение системного и субъектно-деятельностного подходов, что способствует расширению мерности (многомерности) изучения психологии целостного человека.

Проведенное сравнение показало, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения как в системно-эволюционном (и теории динамических систем), так и субъектно-деятельностном подходе. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем, единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека: «внешнее через внутреннее», саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системная организация его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному «деятелю» собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе, проблемной остается анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представлений о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека.

Последовательное применение континуально-генетического принципа привело к постановке и разработке важнейшего вопроса о критериях становления субъекта. Именно применение континуально-генетического принципа в системно-субъектном подходе позволило связать разные представления о возникновении субъекта в непрерывный континуум его становления: от протоуровней в начале жизни до вершинных акмеологических зрелого человека. *Критерий субъекта может быть только уровневым.* С позиций системно-субъектного подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, А. В. Петровский и др.) не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта.

Нами обоснована гипотеза о соотношении субъекта и личности, в которой две ипостаси человеческой индивидуальности — субъект и личность — представляют неразрывное единство и развиваются,

начиная с самых первых этапов онтогенеза. Уровни субъектно-личностного развития — увеличивающиеся и усложняющиеся структуры — рассматриваются всегда как существующие на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и структурном отношениях. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции-дифференциации (Сергиенко, 2014).

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, которое было предложено нами в поисках дифференциации образований личности и субъекта. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Выделены когнитивные, регулятивные и коммуникативные функции субъекта и личности. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта (Сергиенко, 2012, 2014). Реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности открывает возможность не только анализа развития психологической зрелости человека как гармоничного соответствия организации этих интегративных подсистем человеческой индивидуальности, но и позволяет связать воедино представление о содержательных основах внутреннего пространства человека и особенностях выборов, действий и поступков во внешнем социальном пространстве.

Развитие представлений о субъекте через самодетерминацию и саморазвитие

Согласно И. Б. Дермановой (2004, 2009) в качестве ведущей характеристики субъекта часто выступает показатель общей активности человека, причем не любой активности, а качественно специфической, какой является самодетерминация (произвольная, сознательная, целенаправленная) (Дерманова, 2004, с. 107). Автор, однако, отмечает, что в этом случае анализ поведения субъекта ограничивается изучением только осознаваемых действий, что существенно сужает предметное поле исследования. Предлагается рассматривать активность «как общий атрибут субъекта», как атрибут свойств человека разного уровня, не в системе координат «высший—низший», а с функциональной точки зрения. Все это позволяет, согласно автору, реализовать комплексный подход к изучению субъекта и субъектности в структуре свойств человека. Последовательно реализуя эту идею, Дерманова прослеживает связь субъектности как специфической

активности с другими подструктурами свойств человека — индивидуальностью, личностью, индивидом и др. — и показывает возможности предлагаемого подхода с точки зрения соотношения структурных и функциональных компонентов разных уровней организации свойств человека: «индивидуальность» соотносится с проявлениями человека как «субъекта жизни», «личность» — с особенностями человека как «субъекта отношений», «индивид» — с характеристиками человека как субъекта витальной активности»; «субъект деятельности» также анализируется в категориях структурных и функциональных свойств человека (там же, с. 114).

Предлагаемый *М. А. Шукиной* подход к проблеме саморазвития личности реализуется на основе методологического принципа субъекта и субъектного подхода. В качестве одного из видов субъектности автор выделяет саморазвитие личности как субъектность в отношении своего развития (Шукина, 2014, с. 9). Саморазвитие характеризуется «осознанным и активным участием личности в его осуществлении посредством управления направленной на саморазвитие деятельностью и образом жизни» (там же, с. 7). На основе большого массива эмпирических данных автор делает вывод о том, что общая субъектность личности и субъектность, проявляемая ею в процессе саморазвития, являются самостоятельными модусами субъектности, связь между которыми устанавливается посредством эмоциональных индикаторов субъектного опыта. Автором разработана субъектная концепция саморазвития личности (Шукина, 2015), а также показано, что, несмотря на общие особенности развития личности и ее саморазвития, последнее отличается тем, что в этом процессе реализуется «высший уровень субъектности развития, когда личность сама управляет его инициацией, ходом, коррекцией» (Шукина, 2016, с. 137).

Тесная связь между понятием субъекта и понятием психического развития в рассмотренных концепциях обосновывается доводом, что одним из источников самоорганизации, саморазвития, самоосуществления, которые приписываются субъекту, его особой, специфической активности является жизненный опыт человека, который выступает ресурсом проявления субъектности. Субъект самоорганизуется не только и не столько «здесь и теперь», сколько в аспекте своего бытия и всего жизненного пути. В связи с этим важнейшей задачей изучения проблемы и категории субъекта является задача исследования механизмов проявления человека как субъекта в пространстве его жизни, в ее ретроспективе и перспективе.

Одним из методолого-теоретических исследований этой проблемы стало изучение стратегий интеграции жизненного опыта в аспекте

прошлого, настоящего и будущего, а именно ретросказания и предсказания и реализующих их механизмов: в процедуре ретросказания — регрессии, эмоциональной переоценки и когнитивной реструктуризации, в предсказании — антиципации и мотивационного опосредствования (Харламенкова, 2010; Журавлев, Харламенкова, 2018). Авторами было показано, что выделенные психологические механизмы не разделены в своих временных границах, но функционируют как целое, что и позволяет понять природу активности субъекта, представить ее в неделимости на отдельные топологии с фиксированной хронологией (прошлое, настоящее, будущее). В исследовании выявлено, что специфичность этих процессов относительно ретроспективы и перспективы не исключает возможности их взаимопересечения и взаимообуславливания; описаны варианты такого взаимодействия механизмов и показано, что активность субъекта, представленная в ретроспективе и перспективе жизни, непрерывна и определяется двумя базовыми особенностями — своей обратимостью и внутренней связанностью, т. е. возможностью проживания разных эпизодов личной истории — истории длинную в жизнь, между которыми существует «смысловая перекрестная связь» (К. Юнг).

О критериях субъектности

Принципиально важным для психологии субъекта остается вопрос о критериях субъекта.

Определяя субъектность, первоначально А. В. Брушлинский указывал на то, что «субъект — качественно определенный способ самоорганизации...» (Брушлинский, 1999б, с. 331). С другой стороны он отмечал, что субъект — это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. Каждая личность является субъектом, но субъект не сводится к личности. С одной стороны, А. В. Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой, постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности. Данное противоречие нуждалось в разъяснении и разработке, поскольку вопрос о критерии категории субъекта остается открытым.

В одной из последних работ Андрей Владимирович более детально раскрыл проблему критериев в становлении субъекта: «Субъектом столь неразрывного, недизъюнктивного единства природного и социального (культуры) становится человек по мере того, как он — будучи еще ребенком, подростком и т. д. — начинает выделять себя (не отде-

лять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д. Первый существенный критерий становления субъекта — это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий — это выделение детьми в возрасте 7–10 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13). Далее Брушлинский указывает на то, что «изначальная социальность, включенность в культуру человеческих индивидов на вышеуказанном этапе их развития характеризуется понятийностью их познания и вообще деятельности. Понятия не существуют как платоновские идеи — вне субъекта и его деятельности (познания, обучения, учения и т. д.). Отсюда вытекает, по крайней мере, два вывода, существенных для всей рассматриваемой проблематики. Во-первых, понятия не существуют для ребенка, пока он — в качестве школьника — не начнет овладевать ими в процессе своей деятельности (совместно с учителями, воспитателями и т. д.). Во-вторых, понятия не входят в состав „третьего мира“ как его раскрывает К. Поппер» (там же, с. 13). Наши позиции в свете последних работ Андрея Владимировича сблизилась, особенно по вопросу о самом первом уровне становления субъекта и необходимости рассматривать вопрос о критериях относительно уровневой психической организации. Первый критерий — выделение ребенком себя из окружающего мира — очень важен (см.: Сергиенко, 2002, 2012). Ранние периоды онтогенеза человека рассматриваются как решающие как для становления концепции мира (физического и социального), так и для развития личности.

Второй критерий, выделенный Брушлинским как основной в становлении субъекта — понятийная деятельность — вызывает дискуссию. Истоки представления о «понятийном» критерии лежат в трудах С. Л. Рубинштейна, который утверждал единство предметного содержания и переживания, где возникает значение объекта и события. Это рождает не только отражение мира, его познание, но и отношение субъекта, выраженное в его созерцании (Рубинштейн, 1999).

Этот критерий не может выступать как основной и достаточный. Более того, по сравнению с первым критерием он очевидно дизъюнктивен. Трудно согласиться с появлением понятий в 6–7-летнем возрасте и их жесткой связью с вербальными обозначениями. Процесс становления понятийного ментального мира субъекта происходит

постепенно, шаг за шагом, образуя все более сложную иерархию когнитивного пространства, начало же этого процесса опирается на базовые когнитивные способности младенцев упорядочивать мир объектов, организуя базовую модель мира.

Применение континуально-генетического принципа привело нас к гипотезе о решении проблемы критериев субъекта. *Критерий субъекта может быть только уровневый.*

Так, в понимании Б. Г. Ананьева, человек как субъект деятельности — это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной деятельности). Субъект характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности (Ананьев, 1996). А. В. Карпов фактически тождественно описывает критерии субъектности: как и каким образом изучать субъект через метапознавательные процессы, включая рефлекссию в деятельности (Карпов, 2009).

К. А. Абульханова предлагает акмеологическое понимание субъекта. Личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только на высших, взрослых этапах своего развития. Абульханова пишет: «Говоря о становлении личности субъектом мы имеем в виду взрослую личность» (Абульханова, 2005). В другой работе К. А. Абульханова выделяет критерии личности, которая становится субъектом. В качестве первого критерия она выдвигает способность личности к организации собственной жизни, жизненных этапов и регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств. Вторым критерием является способность личности как субъекта «вырабатывать свои способы решения постоянно возобновляющихся противоречий» между нормативными требованиями и индивидуальными особенностями и притязаниями личности. Третий критерий личности как субъекта заключается в оптимальном использовании психических, личностных, профессиональных и других возможностей для решения жизненных задач. «Личность не просто обладает восприятием, мышлением, памятью и не только способна видеть, думать и помнить, она определяет, как и зачем вспоминать, чтобы решить жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее „мета-личностное качество субъекта“» (Абульханова, 2005, с. 15). Четвертый критерий — собственно акмеологический, который определяет личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала. Пятый критерий в большей степени дополняет четвертый: субъектом будет совершенствование личности, которая стремится к достижению подлинности. Неподлинность

жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь — это выбор жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концепция. «Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...» (там же, с. 15).

Останавливаясь достаточно подробно именно на взглядах К. А. Абульхановой, хотелось бы выделить те противоречия, которые существуют между ее представлениями и мнениями других авторов. Напомним, что Б. Г. Ананьев полагал в качестве ядра человеческой организации личность, которая сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития.

Приведенные критерии личности как субъекта показывают, что К. А. Абульханова только раскрывает акмеологическое понимание субъекта. Выделенные критерии субъектности, по нашему представлению, не являются специфичными и достаточными для данной категории. Напомним, в чем состояло несогласие с принципиальным решением К. А. Абульхановой. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне определяется как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Более того, слишком неопределенным кажется положение об оптимальном способе организации жизненного пути, способе разрешения противоречий. Получается, что уровень субъекта является как бы операциональным уровнем личности, задающим общее направление движения. Более того, субъектом человек может и не стать, если он не достиг вершин своего развития. В то время как человек становится субъектом, реализуясь на разных уровнях, что означает континуальность его развития.

Близкую точку зрения на соотношение личности и субъектности в человеке высказывает А. В. Петровский (2010). Он развивает личностный подход к активности субъекта, принимая выдвинутое А. Н. Леонтьевым представление о личности как о системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, в которую включен субъект. Говоря о субъектности, он в большей степени использует индивидуально-психологический анализ человека, тогда как по отношению к личности — социально-психологический. А. В. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта. «Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивиду-

альное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество» (Петровский, 2010, с. 358). Концепция субъектной личности объединяет в себе идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. «В этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности — ролью, и снятие роли — субъектностью» (там же, с. 363). Таким образом, субъектность понимается А. В. Петровский как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

П. Я. Гальперин считал: «Чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно-ответственным субъектом» (Гальперин, 1976, с. 143), полагая, таким образом, что личность становится вершинным уровнем развития субъекта. Здесь налицо понимание личности как высшей индивидуальности человека, при этом отвечающей общественным нормам.

Разрабатывая психологию субъекта, В. В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смысла жизни (Знаков, 2016). Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего развития. Здесь принципиальным является вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность».

Субъект и личность

Л. И. Анцыферова отмечает, что в работах С. Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о „личности“, „субъекте“ и „человеке“ как синонимах...» (Анцыферова, 2006, с. 219). Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве личности, употребляя такие понятия, как «субъект практики», «субъект истории». Анализируя теории личности, Л. И. Анцыферова указывает, что субъект в них «характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т. д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т. п.» (Анцыферова,

2004, с. 362). Далее она указывает, что существует неравномерность в развитии человека как субъекта и как личности. Один из вариантов рассогласования – это высокий уровень развития субъектности и низкий – в развитии личности. Например, люди преуспевающие в бизнесе, политике и других областях, могут быть личностно недостаточно развиты. «Высокое же развитие человека как личности невозможно без столь высокого развития его как субъекта» (Анцыферова, 2004 с. 363). При таком варианте человек должен отстаивать свои идеалы, убеждения, реализовывать себя в деятельности, т.е. соответствовать своему содержанию.

Л. И. Анцыферова соглашается с С.Л. Рубинштейном в вопросе о необходимости выделения особой функции человека как личности, а именно функции организации им своей жизни, обеспечения ее осмысленности, цельности, содержательности, которые в целом соотносятся с понятием субъекта. При этом Анцыферова указывает и на другую сторону человеческого существования – страдательную, претерпевающую, созерцательную и др., которая не вписывается в «осознанный телеологический способ бытия как субъекта» (Анцыферова, 1999, с. 18). Отмечается, что все многообразие душевной жизни человека невозможно уложить в рамки субъектно-деятельностного подхода, тем более что самосозидание не всегда коррелирует с психологическим благополучием и здоровьем личности. Понятие личности, таким образом, представляется ученому более широким, чем понятие субъекта, и выступает как многоплановое, многоуровневое, многокачественное образование (Анцыферова, 2000, с. 211). Согласно автору, по мере развития личность все более овладевает способами преобразования окружающего мира, все более выступает как субъект жизни, но не подменяется им. Выделяя уровни развития личности, Анцыферова считает, что на первом из них человек еще недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения, не может в полной мере регулировать степень своего воздействия на ситуацию; субъектные качества проявляются на этом уровне через «акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения цели». Второй этап развития личности как субъекта характеризуется возрастающей способностью человека как личности соотносить свои цели и мотивы, предвидеть результаты своей деятельности, регулировать процесс постановки и достижения целей. На третьем этапе личность становится субъектом своего жизненного пути и ощущает себя более свободной «выявлять, переживать и собственными действиями разрешать назревшие противоречия развития общества» (там же, с. 212).

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Ф. Мальрие. «Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником» (цит по: Зауш-Годрон, 2004, с. 19). Существует континуум процессов субъективизации и персонализации между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации (как двух комплементарных процессов) (Зауш-Годрон, 2004).

Приведенные взгляды разных авторов на соотношение субъекта и личности послужили основанием для выдвижения и проверки собственной гипотезы.

Гипотеза о соотношении субъекта и личности с позиций системно-субъектного подхода

Основные положения системно-субъектного подхода, развиваемого Е.А. Сергиенко, были изложены в нескольких работах (Сергиенко, 2009, 2011, 2013).

Предполагается следующее гипотетическое решение. Личность (персона) — это стрележевая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект. *В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект—личность.*

В этом процессе познание Себя и Другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной) форме. Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами Я—Другой, выступает как когнитивная основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития (Сергиенко и др., 2009).

Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делать то, что соответствует его жизненным смыслам и в соответствии с собственной субъектностью, т. е. в соответствии со своей интегративной уникальностью (где все образует единую систему: вся история развития субъекта, генерархия уровневой организации). Показателем синхронности и со-

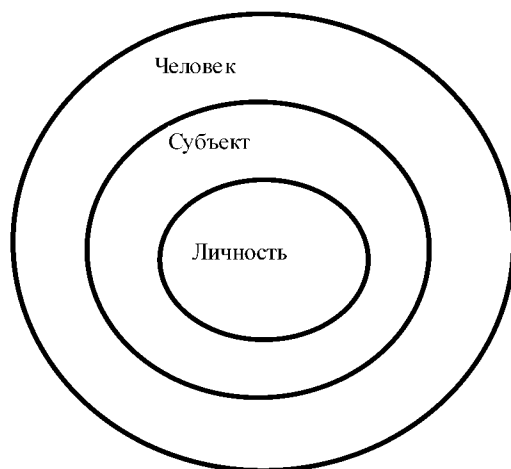
ответствия в континууме личность—субъект может выступать спонтанность поведения человека. Можно привести аналогию со знанием языка: как только мы способны выразить спонтанно то, что хотим сказать, можно говорить о владении языком как средством общения или средством обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами).

В этом случае *психологическая зрелость — это, прежде всего, континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта.*

Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий «субъект» и «личность» включает положения Л. И. Анцыферовой и Б. Г. Ананьева. В работах Б. Г. Ананьева мы находим указание на то, что личность является ядерным образованием в структуре целостного человека. Более того, мы находим указание на существование своеобразия и дифференциации этих понятий в психологии субъекта А. В. Брушлинского («субъект всегда является личностью, но не сводим к ней»), в работах Б. Г. Ананьева: «Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности» (Ананьев, 1996, с. 253).

Таким образом, гипотетическое решение имеет некоторые параллели в работах других авторов.

Гипотетически соотношение понятий субъекта, личности и человека можно представить в следующем виде:

Рис. 1. Соотношение понятий «Человек—Субъект—Личность»

Соотношение понятий «субъект», «субъектность», «субъективность», «актор» и «агент»

Важным для рефлексии проблемы соотношения психологических понятий становится различие не только понятий субъекта и личности, но и различие *субъектности* и *субъективности*. *Субъектность* означает отнесенность к субъекту, присущее субъекту, понимаемому как непреложное свойство человеческой сущности. *Субъективность* означает отнесенность к внутреннему миру индивидуального человека, его уникальности, неповторимости. *Субъектность* остается целостной психологической характеристикой человека в течение всей его жизни: человек рождается субъектом и умирает субъектом, учитывая уровневые критерии субъектности. С этой точки зрения — это постоянная характеристика человека. Но его субъективные характеристики все время меняются, стремясь ко все большей индивидуализации и уникальности. В этом случае субъективность — психологически динамическая характеристика человека. Однако следует отметить, что характеристики субъекта и субъектности тесно взаимосвязаны, поскольку субъект — это всегда индивидуализация человека (Брушлинский), со свойственной ей динамикой субъективного мира.

Однако следует указать на еще одно значение понятия субъективного. Субъективное — противоположное объективному, противоречащее общепринятому. При указании на субъективизм чьего-то мнения хотят подчеркнуть его несоответствие реальному или очевидному положению вещей или событий. Следовательно, субъективный в двух этих смыслах, все-таки адресуется к уникальной индивидуальности человека.

В последние годы в научной литературе социогуманитарного направления активно используется термин *актор* (actor), который фактически понимается как тождественный субъекту. *Актор* — действующий субъект (индивидуальный или коллективный); индивид, социальная группа, организация, институт, общность людей, совершающих действия, направленные на других¹. Например, государство является главным политическим актором на поле политики и ведущим социальным актором в обществе. Наиболее активно данный термин стал использоваться в социологии и общественных науках. Эта традиция берет свои основания в работах Э. Дюркгейма, в которых актор рассматривался как субъект, полностью детерминированный социальными причинами. Субъективные мотивы поступков и их интерпретация обусловлены скрытыми и/или явными объек-

---

1 <https://ru.wikipedia.org>.

тивными условиями (социальными, конфессиональными, профессиональными, гендерными. Следовательно, актер скорее представлялся как персонаж, управляемый социальными факторами, даже часто и неосознаваемыми им самим.

Новый поворот в содержании понятия был совершен во французской социологии. Ален Тулен вводит понятие действующего лица как субъекта деятельности, активного творца общественных процессов. А. Тулен в книге «Возращение человека действующего» отождествляет актора и субъекта: «Понятие субъекта... отождествляется с идеей сознания, значение которого не перестает усиливаться в течение XIX века. Человечество в результате не представляется более хозяином Разума и Природы, но творцом Себя» (Тулен, 1998, с. 38).

Наиболее влиятельной в социологии последних тридцати лет стала работа Люка Болтански и Лорана Тевено. Смысл, который вкладывают авторы в решение проблем экономики (рынка), включает понятие актора (действующего лица, лиц), что не сводимо только к экономическим классическим моделям. В рецензии на книгу Г. Юдин так излагает данную идею: «Культурное определение блага в его отличии от других благ необходимо для того, чтобы мог появиться рынок этого блага, на котором впоследствии могли бы проявиться эгоистические и рациональные мотивы. Все это означает, что предметом социологического анализа должно стать само возникновение рынка посредством серии «испытаний», позволяющих *акторам* выработать совместное определение блага. Социологии, таким образом, не следует воспринимать рынок как самоочевидность с тем, чтобы потом искать его ограничения (именно так выглядит привычный *modus operandi* экономической социологии); она должна начать с объяснения того, как рынок возникает как согласованное смысловое поле» (Юдин, 2014, с. 127). В работах Л. Болтански и Л. Тевено акцент смещен в сторону анализа конкретных ситуаций споров и конфликтов в повседневной жизни, прежде всего, аргументов, которые их участники (акторы) выдвигают для обоснования справедливости своих притязаний.

Агент (лат. *agens* — действие), определяется Оксфордским словарем как «человек или предмет, который играет активную роль или создает определенный эффект» (Dictionaries O., 2014). Наиболее частными определениями данного термина становятся: «представитель, действующий от организации или другого лица, химический или биологический агент воздействия».

Анализ термина «агент» и «агентность» (*agency*) был проведен М. В. Селезневой. Она приходит к выводу, что «*agere* и *agentia*, *agent*,

а значит, и activity и agency принадлежат к одной и той же сфере представлений, связанной с действием, условием для осуществления действия, т.е. активностью, деятельностью и тем, кто представляет результаты либо осуществляет это действие или деятельность» (Селезнева, 2015, с. 50). Термин «агент» в англоязычной литературе часто тождествен понятию «субъект деятельности». Селезнева указывает на то, что в западной психологии отсутствует стройная концепция субъектности. Теоретические построения в основном затрагивают несколько тем: субъектность как способность к выбору и самореализации и субъектность как свобода воли и автономия без анализа внутренних субъективных и субъектных условий таких способностей (см., напр.: Frie, 2008; Martin, Gillespie, 2010).

Приведенное сравнение понятий «субъект», «актор» и «агент», указывает на значительное смешение данных терминов и их фактически тождественное использование в социогуманитарных науках. Более универсальным и интегративным является понятие субъекта, тогда как термины «актор» и «агент» в большей степени несут смысловую нагрузку как субъекты деятельности, что становится только частью более универсального представления о субъекте как авторе собственного развития (саморазвития), самодетерминации и творца своего бытия, целостности его индивидуальности.

Развитие субъекта

Принцип развития как наиболее перспективный для раскрытия сущности психических образований применялся в отношении к субъекту и отечественными учеными.

Топологическая и генетическая модель субъектности представлена в работах А. Ш. Тхостова (Тхостов, 2002; Журавлев, Тхостов, 2003). В топологической модели субъектность обособляется как граница напряжения в континууме субъект—объект. Полюса в континууме субъект—объект никогда не могут быть достижимы: движение в сторону полюса субъекта означает превращение себя в объект наблюдения, движение к полюсу объекта не может быть абсолютным в силу непрозрачности и неподконтрольности. Следовательно, исчезновение иного — это исчезновение субъекта. Генетически субъектность может быть представлена как дифференциация Я—не Я, как становление континуума Субъект—Объект. Автор полагает, что «в фило- и онтогенезе существуют стадии отсутствия дифференциации Субъект—Объект и что подобная поляризация возникает на поздних этапах эволюции. Ребенок на ранних стадиях онтогенеза не об-

ладает развитой способностью дифференцировать себя, собственные мысли или чувства и вещи окружающего мира» (Журавлев, Тхостов, 2003, с. 10). При этом расчленение Субъекта и Объекта происходит при становлении произвольности. «Они (функции) могут стать произвольными, лишь пройдя путь растворения в Субъекте, продвигая постепенно границу субъектности. Но когда-то они были объектными и сохранили в замаскированном виде свой исходный характер» (Тхостов, 2002, с. 213). Диалектика субъектности состоит в объединении топологической и генетической моделей, что означает движение к произвольному овладению.

Идея континуальности субъекта и объекта представляется чрезвычайно интересной, сходной с континуально-генетическим принципом системно-субъектного подхода, развиваемого нами. Однако согласиться с тем, что произвольность есть причина образования субъектности, которая поздно возникает и в фило-, и онтогенезе, трудно.

Произвольность не существует отдельно от индивида и тем более субъекта, поэтому не может выступать как формирующая сила. Идеи А. Ш. Тхостова перекликаются с теорией Л. С. Выготского о становлении высших психических функций, которые опосредуются культурно-специфическим знаком-средством. Согласно Л. С. Выготскому, культурные средства ребенку даются, вкладываются взрослым, при этом ребенок остается пассивным реципиентом воздействий, а не субъектом развития.

В. В. Селиванов (2008) определяет генезис психического как развитие субъекта. Выделяя стадии развития, он указывает двадцать два критериальных свойства: носитель активности, источник познания, наличие сознания, саморазвитие, целостность, единство, интегральность, способность к саморегуляции и творчеству, наличие личной истории, жизненного пути и т.д. При этом все свойства субъектности рядоположенны, что и отражается в характеристиках девяти стадий развития субъекта.

Отсутствие системы и иерархии в выделении критериев субъекта, отсутствие дифференцированности между категориями субъекта и личности, привели к фактическому описанию разных психологических характеристик человека в их развитии, и, что досаднее всего, выбранные характеристики уже не согласуются с современными представлениями о психическом развитии человека. Кроме того, неясно, что является спецификой развития собственно субъекта, описываемой автором данной классификации. Здесь происходит явное смешение понятий и классификаций психического развития (клас-

сификации Д. Б. Эльконина, Л. С. Выготского, Э. Эриксона). Однако в указанных классификациях были строгие теоретические основания, которые позволяли проследить закономерности изменений в психике человека, тогда как в данной «смешанной» картине принцип построения стадий развития уловить трудно.

В картине становления субъектности В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева (1995) также представлены некоторые аспекты развития личности без дифференциации того, что же данная ступень развития личности дает в развитии субъектности, в чем состоят эти особенности. Однако в классификации В. И. Слободчикова есть внутреннее основание — постепенное становление способности быть автором собственной жизни, что проявляется в разноуровневых возможностях взаимодействия с различными социальными партнерами. В данной классификации не прояснены возрастные границы ступеней развития субъекта. Почему границы ступеней индивидуации так широки: от 17 до 42 лет? И почему именно 42 года становятся границей индивидуации? Заканчивается ли стадия универсализации в 62 года и что следует за этим? Более того, описание развития субъекта через такие категории, как персонализация, индивидуация, поиск экзистенциальных ценностей, скорее можно отнести к психологии личности. В чем тогда состоит необходимость обращения к понятию субъекта? Все эти вопросы остаются открытыми, поскольку авторы данной картины развития субъекта их не рассматривают.

Наиболее логичными нам представляются идеи Л. И. Божович (2008), раскрывающей процесс формирования личности как становление субъекта. Л. И. Божович в цикле работ, посвященных формированию личности, фактически обращается к вопросам становления субъектности. Первая форма субъекта, по Л. И. Божович, возникает на первом году жизни и связана с возникновением «внутренней мотивации», «с появлением мотивирующих представлений», что освобождает ребенка от оков конкретной ситуации, доминанты внешних воздействий и «превращает его в субъекта» (Божович, 2008). Это первый шаг на пути к внутренней свободе. Второй шаг или этап в развитии субъекта связан с осознанием себя как субъекта, что связано с новообразованием Я. Признаком такого осознания выступает появление местоимения «я». Процесс самопознания начинается с осознания себя субъектом собственных действий, поскольку ребенок обращается уже не только к внешнему миру, но и к себе, выходя на новый уровень самопознания. Этот шаг к новому этапу субъектности ребенок совершает между кризисами первого года и трех лет. В конце раннего детства появляется система Я, что выражается в потребнос-

ти действовать самому (Я-сам). Заметим, что появление местоимения «я» не является надежным маркером становления самосознания. Третий шаг в развитии субъектности связан с кризисом 7 лет, когда ребенку уже доступно осознание себя не только субъектом собственных действий, но и субъектом в «системе общественных отношений» (Божович, 2008, с. 335).

В подростковом возрасте совершается новый этап в развитии личности как субъекта. Он связан с возникновением жизненного плана, временной перспективы будущего, подросток становится субъектом во времени своей жизни, способным к самопроектированию в ней.

Картина становления субъектности в теории Л. И. Божович в сравнении с другими наиболее непротиворечива и обоснованна. Однако возникает вопрос о разведении понятий личности и субъекта. Неудивительно, что в тексте постоянно присутствует их совместное звучание: формирование личности как субъекта, развитие субъекта как личности. Основным критерием субъектности названа «внутренняя свобода», раскрыт путь к ней и степень ее представленности в период от рождения до подросткового возраста через возникновение личностных новообразований. Во многом соглашаясь с Л. И. Божович, следует все же подчеркнуть недифференцированность понятий субъекта и личности, неопределенность понятия «внутренняя свобода». Как связана внутренняя свобода и произвольность, воля, свобода воли? Данный критерий субъектности остается крайне неопределенным и неоперационализированным.

Попытка описания этапов становления субъектности предпринята Ю. А. Вареновой (2001). Вопрос о развитии субъектности, которое начинается с рождения, она соотносит с ведущей деятельностью (по Д. Б. Эльконину), взаимодействием, определяющим развитие субъектности. В результате преимущественных форм взаимодействия выделяются ведущие сферы, в которых происходит развитие субъекта и определяется опыт субъектности. Так, в возрасте до года ведущей деятельностью является непосредственное эмоциональное общение, при взаимодействии ребенка со взрослым, а опыт субъектности выражается в развитии этапа субъекта эмоционального контакта. В подростковом возрасте (13–17 лет) при ведущей деятельности общения в процессе взаимодействия со сверстниками происходит развитие субъекта в сфере общения и становление этапа субъекта общения.

Знакомство с данной картиной субъектогенеза не дает возможности понять, что же изменяется во внутреннем мире растущего человека, в чем его активность, выбор, самостоятельность и самосозидание?

Если субъект — это отраженная деятельность, то что новое вносит данная классификация по сравнению с периодизацией Д. Б. Элькониной? Кроме приписывания слова «субъект» к новообразованиям возраста (субъект эмоционального контакта, субъект предметной деятельности, субъект саморазвития и т. п.) мы получаем даже менее глубокое представление о развитии психики, чем имели в предшествующих классификациях.

Также и в концепции В. А. Татенко при утверждении континуальности развития субъекта характеристики субъектогенеза описаны через ведущие психические процессы (внимание, память и т. п.), т. е. берут основы в представлениях Л. С. Выготского.

В приведенных концепциях развития субъекта общим становится идея непрерывности развития субъекта, т. е. их можно отнести к эволюционному направлению в понимании развития субъекта. Однако в данных концепциях нет разграничения понятий личности и субъектности, и скорее субъектность выступает как характеристика личности. Тогда понятие субъекта теряет свою специфику и статус самостоятельной категории. Наконец, авторы приведенных концепций в значительной степени понимают субъекта как производное деятельности.

Предлагая рассматривать человека как единство развития личности и субъекта в качестве неразрывных ипостасей его организации, выделяя специфические для развития субъекта и личности функции, с одной стороны, мы делаем попытку дифференцировать понятия, а с другой — показать их неразрывную взаимосвязь в психическом развитии (Сергиенко, 2011, 2014).

Остается сложной задачей описание уровней развития субъекта и личности на протяжении всего онтогенеза человека, поскольку объединение в целостное развитие требует иных теоретико-методических решений. Однако ранние периоды развития могут показать такую возможность.

При рассмотрении вопроса о соотношении субъекта и личности нельзя обойти вниманием концепцию субъекта В. А. Татенко (1998), которая имеет пересечения с нашими гипотетическими решениями. Его концепция субъектогенеза носит, безусловно, континуально-генетический характер и по многим положениям согласуется с нашими предположениями. В представлении В. А. Татенко субъект — реально существующее образование на всем протяжении развития человека. Он указывает, что необходимо говорить не о возникновении субъектности в каком-то возрасте, а о генетических уровнях и этапах субъектности. На каждом этапе онтогенеза индивид выступает

как целостный субъект психической активности определенного уровня развития (сначала бессознательного, а затем все более осознанно-го). Субъект всегда находится в состоянии саморазвития, самосовершенствования. Он выделяет интуиции субъектного ядра — движущие силы развития человека как субъекта с присущими им механизмами психической активности и доминирующими психическими функциями (например, для новорожденного — внимание, для детей раннего возраста — память, для подростков — речь). Различия между концепцией В.А. Татенко и нашей концепцией лежат в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий субъект—личность. Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230). Согласно его схеме соотношения понятий, субъект является центральной структурой в психической организации человека, а личность, индивидуальность, индивидуальность и универсальность представлены как рядоположенные, связанные с ней образования, оппозиционными парами: личность—индивид; универсальность—индивидуальность.

На наш взгляд, в данном подходе субъект фактически поглощает другие стороны человеческой психики, делая их выводимыми из субъекта. Несомненно, субъект интегрирует все психические способности человека: и индивидные, и индивидуальные, и универсальные, и личностные. Однако отсутствие иерархии и специфики в соотношении различных аспектов психической организации, онтологически весьма различных, делает данную схему весьма спорной. Наша точка зрения на соотношение субъекта—личности позволяет описать человека как единство этих ипостасей, их специфику, непрерывность их уровневого развития в онтогенезе, критерии согласованности через процессуальное представление о зрелости.

Различия между концепцией В.А. Татенко и нашей концепцией лежат в понимании структуры, функций субъекта, в соотношении категорий субъекта—личности. Он отмечает, что «личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот» (Татенко, 1998, с. 230).

Выделение функций субъектности: когнитивная — понимание, регулятивная — контроль поведения и коммуникативная как специфическое взаимодействие субъект-субъектных или субъект-объектных отношений — позволяет увидеть специфику категории субъекта в психологии. Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная — осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысло-жизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция,

которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; и коммуникативная функция — направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта. В таблице представлена специфика структуры и функций субъекта и личности.

Таблица 1
Структурно-функциональная специфика
организации субъекта и личности

Индивидуальность человека	Функции			Структура
	Когнитивная	Регулятивная	Коммуникативная	
Личность	Смыслообразование, ценностные ориентации	Переживание	Избирательность взаимодействия	Я-концепция
Субъект	Понимание	Контроль поведения (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, произвольность/волевой контроль)	Субъектность/Объектность, Субъект/Субъектность взаимодействия	Индивидуальные ресурсы (когнитивные, эмоциональные, волевые)

Уровневое развитие субъекта—личности

Применение континуально-генетического принципа позволило выделить несколько уровней непрерывного становления субъектности — от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта развития, субъекта деятельности, субъекта жизни (Сергиенко, 2009).

Кратко картина генезиса становления континуума «субъект—личность» представляется следующей.

Одной из важнейших начальных задач в развитии ядра личности выступает выделение себя из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, через оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и его изменения в среде.

Можно предположить, что первым представлением о себе является экологическое Я; это Я, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое Я образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как составная часть Я-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь.

Второй начальной важнейшей задачей в развитии Я-концепции является установление эквивалентности Я—Другой. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как Я-интерперсональное. Я-интерперсональное появляется у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях: Я-индивид, который участвует в человеческих обменах. В эту праформу Я-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений складывается непосредственно. В человеческой жизни люди часто взаимодействуют прямо, лицом к лицу, средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, включая телесные контакты или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями, эмоциональными состояниями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это — арсенал невербальной коммуникации, на котором строятся интерсубъективные циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения. Два типа ранних форм структуры Я — экологическое и интерперсональное — являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы «Я—физический мир», Я-интерперсональное — системы «Я—социальный мир». Развитие этих личностных образований направляет становление первичных уровней протосубъектности: первичной и вторичной протосубъектности. Эти два аспекта ядра личности на первом году жизни могут развиваться относительно независимо, что дает возможность только выделить себя из окружения (физической и социальной среды). Это — протоуровень становления «первичной субъектности» (на 2-м месяце жизни).

Однако взаимодействие Я-экологического и Я-интерперсонального необходимо для возникновения следующего уровня протосубъ-

ектности — «вторичной интерсубъектности» (9–12 месяцев), который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект, и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию.

Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности. Наличие интерсубъективных отношений позволяет установить тождество: Я—Другой. Образующей становления биполярной шкалы Я—Другой служит репрезентационная система, возможная благодаря врожденным механизмам амодального восприятия и интерсенсорного взаимодействия. Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить, что истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека. Но из этого не следует, что субъектом рождаются. Субъектом становятся. Этот процесс становления можно представить как становление определенных уровней развития субъектности, которые организованы гетерархично. В представлениях об основах становлении первичных уровней субъектности не все сводится к когнитивному выделению себя из окружения. Однако мы настаиваем на единстве когнитивного и аффективного, что означает, что, выделяя себя из мира вещей и мира людей, младенец начинает относить к себе или другим свои репрезентации и эмоциональные состояния, которые он регулирует на возможном ему уровне при взаимодействии и с объектами, и с людьми. Поэтому интеграции Я-экологического и Я-интерперсонального в единую систему и составляет основу перехода на новый уровень «вторичной протосубъектности».

Выделяя функции субъекта, мы надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта.

В настоящее время изучение когнитивной функции субъекта позволило выделить уровни развития субъекта в дошкольном возрасте, опираясь не только на теоретические разработки, но и на достаточно объемный экспериментальный материал (Сергиенко и др., 2009). В рамках изучения модели психического как ментальной основы понимания мнений, желаний, намерений, мыслей, эмоций — своих ментальных состояний и ментальных состояний других людей (см.: Сергиенко и др., 2009) были проведены исследования понимания эмоций, намерений, обмана, понимания физического и ментального мира. На их основе выделены еще три уровня развития субъектности в дошкольном возрасте: 3 года — недифференцированные,

фрагментарные модели отдельных психических состояний; 4–5 лет – уровень ситуативно-зависимых моделей, позволяющих понимать и отделять свои ментальные модели от моделей другого – уровень агента; 6–7 лет – уровень ситуативно-независимых моделей, означающих понимание себя и другого как самостоятельных субъектов. Это уровень наивного субъекта.

Развитие модели психического (общего показателя и отдельных параметров) связано с успешностью передачи информации и с пониманием сообщений по описанию Другого. Развитие происходит согласованно и отражает переход от уровня агента к наивному субъекту. Дети, лучше понимающие различные феномены психического мира, чаще достигают понимания других участников коммуникации, т. е. более коммуникативно успешны. Успешность участников коммуникации опирается на уровень развития модели психического как свой, так и партнера. Возможность выделения субъектности и установления субъект-субъектных отношений в коммуникации обеспечивает успешность в роли агента и реципиента информации (Уланова, Сергиенко, 2015).

Таким образом, изучение функций субъектности, таких как понимание и субъект-субъектные отношения, субъектная регуляция – возможность успешной адаптации, позволяет утверждать, что выдвинутая гипотеза вполне продуктивна, но нуждается в дополнительных исследованиях и теоретической разработке.

Изучение развития субъектности в онтогенезе дает аргументы, что понятие субъекта обладает огромным теоретико-эмпирическим потенциалом и доказывает возможности интегративного изучения человека. Данное понятие позволяет ввести такие объяснительные категории в процесс интерпретации, как понимание, субъектная регуляция, субъект-субъектная коммуникация.

Категориальный статус понятия субъекта в отечественной психологии

Анализ категории субъекта в отечественной психологии был принят Н. В. Богданович (2004, 2005). Она выделяет следующие критерии категориального статуса понятия на основе обобщения разных подходов в отечественной психологии:

- 1) категория должна иметь свое поле значений, «не выводимое из других и не сводимое к другим» – критерий предельности (М. Г. Ярошевский);

- 2) категория должна быть связана с основными принципами науки и ее предметом — методологический критерий;
- 3) категории должны состоять в определенном соотношении друг с другом — критерий систематизированности (Б. Ф. Ломов);
- 4) каждая категория должна выдвигать новый принцип науки — принципообразующий критерий.

Выделенные критерии категориальности анализировались на основе рассмотрения полей значений категории «субъект» через ряд понятийных оппозиций, выделенных в результате историко-теоретического анализа.

Первый критерий категориального статуса субъекта раскрывается через оппозицию *сохранение—изменение*, введенную Г. И. Челпановым. Здесь важно выделить недизъюнктивность субъектности, которая реализуется при применении континуально-генетического метода. Непрерывность развития субъекта, которую мы попытались проанализировать через описание системогенеза и критериев субъектности, показывает, что введение уровневого критерия позволяет непротиворечиво сохранять целостность субъекта при его непрерывных изменениях. И напротив, понимание субъекта только как высшей стадии развития личности делает данную категорию лишь ее стадией, при этом выделение субъекта как самостоятельного понятия становится дискуссионным. Другая опасность лежит в понимании субъекта как результата деятельности, как у В. А. Петровского. Но тогда понятие «субъект» теряет свое значение, так как вся смысловая нагрузка переходит на понятие деятельности.

Вторая оппозиция — *осознанность—неосознаваемость* — формулируется в виде проблемы: может ли человек быть субъектом, не осознавая этого. А. В. Брушлинский считал, что в жизни человека нет ничего полностью осознанного или полностью бессознательного, «человек остается субъектом в той или иной степени также и на уровне психического как процесса и вообще бессознательного». Выделение протоуровней субъектности также позволяют считать, что субъект существует в континууме осознанности—неосознаваемости.

Оппозиция *коллективный—индивидуальный* традиционно выражается, как указывает Богданович, в дифференциации категорий субъекта и личности: личность — индивидуальный субъект, в отличие от общностей как совокупных субъектов. Представляется, что выделение критериев коллективного субъекта А. Л. Журавлевым (2002) решает данную проблему.

Наиболее дискуссионная для понимания субъекта оппозиция — *свобода—ответственность*. Суть ее состоит в том, является ли чело-

век автором своей жизни и может ли он управлять ее обстоятельствами или, наоборот, управляется ими.

Представление об активности человека как системообразующем качестве, по мнению А. В. Брушлинского, становится избыточным, поскольку словосочетание «субъектная активность» является тавтологией. Активность — свойство всего живого, и никакой специфики для определения субъекта она не несет, но становится необходимой при взаимодействии и избирательности такого взаимодействия человека с миром. Изначальная избирательность взаимодействий и воздействий характеризует различную степень субъектной активности, всегда отражающей индивидуальные особенности и возможности. Но в отечественной психологии просматривается и другая тенденция — рассмотрение качественных характеристик активности как критериальных признаков субъекта. Так, одной из базовых субъектных характеристик определяется ответственность как форма проявления активности. Как творец своей жизни человек несет ответственность за свои деяния и поступки. К. А. Абульханова примиряет возникшее противоречие, отмечая, что ответственность представляет высший уровень активности, к чему следует добавить: на более высоких уровнях развития субъекта и личности как единых психологических образования человека. Кроме того, свобода и ответственность также развиваются непрерывно, от становления регуляции собственных действий, эмоций, выбора целей к самопроизвольности, саморегуляции, свободе воли. Здесь представлена дихотомия единства субъекта и личности как необходимых звеньев в изучении данных процессов.

Наконец, оппозиция *целостность—множественность*, или полисубъектность.

Раскрывая природу целостности субъекта, А. В. Брушлинский указывает, что эта целостность означает, прежде всего, неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека. Этому подходу противостоит утверждение полисубъектности, когда единый субъект расчленяется в зависимости от осуществляемых им видов активности и, соответственно, выделяются специфичные по своей природе субъект деятельности, субъект общения, субъект познания, субъект жизнедеятельности, субъект психической активности и т. д. (например, у В. А. Петровского). Хотелось бы критически отнестись к идее полисубъектности. Все модусы существования и проявления субъектности общения, познания, деятельности реализуются целостным субъектом с его индивидуальными ресурсами, особенностями в соответствии с уровнем личностного развития

как проявления самодетерминации, саморазвития и самореализации, что относится к человеческой самости — субъекту. Множественные роли позиции и диспозиции — суть его личностной организации и, следовательно, уникальной реализации как субъекта.

Наиболее важным представляется дифференциация понятий субъекта и личности как пересекающихся понятийных полей. Выше были рассмотрены варианты решения данной проблемы. Хотелось бы подчеркнуть, что два этих понятия тесно взаимосвязаны и развиваются в единстве, однако имеют собственную специфику и функциональные особенности. Обоснование данных различий даны выше и представлены в работах Е. А. Сергиенко (2011, 2014).

Прежде всего, большинство психологов понимают личность как признак социального, продукт социализации и социальных взаимодействий.

Для категории «субъект» нет оппозиции *внешнее—внутреннее*; она изначально относится к внутренним условиям, внутреннему миру, составляет именно психологическую реальность, которая мультидетерминирована.

Для категории личности не типична, по крайней мере в отечественной традиции, проблема сознания и бессознательного, которая для субъекта остается дискуссионной. Но здесь также можно высказать некоторое осторожное несогласие, поскольку первые этапы развития личности могут быть неосознаваемыми, интуитивными, слабо дифференцированными. Более того, не все проявления, смыслы, ценности и установки личности носят осознанный характер.

Сопоставительный анализ категорий личности и субъекта приводит Богданович к выводу: их семантические пространства имеют пересечения, или проекции. Действительно, обе структуры саморазвиваются и мультидетерминированы и самодетерминированы, обе структуры отражают целостную индивидуальность человека, но, как предлагается в соответствии с нашей гипотезой, личность задает направление и ориентиры движения, а субъект реализует цели, задачи развития, жизни и деятельности, опираясь на собственную уникальную индивидуальность, ресурсы и способности (Богданович, 2004).

Представленный анализ субъектогенеза был направлен также и на то, чтобы показать взаимосвязь принципа субъектности и других психологических принципов. Подробный анализ развития субъектности вызван тем, что обоснование принципа субъектности в психологии развития потребовало аргументации его применимости к разным феноменам и процессам психического развития. Задача подробного анализа заключалась в демонстрации необходимости из-

учения и учета развития человека как субъекта, чья избирательность, выбор внешних воздействий и взаимодействий указывает на его индивидуальность с самого начала жизни. Кроме того, рассмотрение субъектогенеза — это демонстрация тесного переплетения принципа субъектности, непрерывности и антиципации в анализе феноменов развития человека. Такое же тесное переплетение принципа субъектности мы обнаруживаем с принципами неопределенности «авторства психической активности», принципом системности, который продемонстрирован через анализ субъекта как системы всех способностей, свойств, активностей, где субъект является системообразующим фактором. Тесную взаимосвязь принципов субъектности и антиципации можно обнаружить в последовательности и предвосхищающем характере уровней субъектного развития, в возможности антиципации внешних воздействий и взаимодействий в зависимости от уровня субъектного развития (Сергиенко, 2012).

Реализация понятия субъекта в принципе субъектности позволяет перейти от анализа его отдельных характеристик, индивидуальных способностей, особенностей его деятельности, часто слабо связанных между собой к изучению целостного субъекта собственной деятельности, жизни, развития, саморазвития, творца собственного бытия.

Принцип субъектности — это еще и перенос фокуса рассмотрения психологии человека извне — внутрь, это оптика его внутреннего мира, уникальности и самодостаточности.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что понятие «субъект» отвечает основным критериям, определяющим категориальный статус понятий. Показана его взаимосвязь и поле значений (через понятийные оппозиции), что особенно важно в паре «субъект—личность» (как системе понятий). Продemonстрирована и аргументирована его взаимосвязь с основными принципами психологии (активности, системности, неопределенности, развития, антиципации) и показан потенциал и необходимость принципа субъектности в психологической науке.

Кроме того, представленный анализ современных подходов к проблеме субъекта в психологии указывает на значительный потенциал перехода к целостной психологии, потребность в которой остро необходима.

Однако, несмотря на высокую ценность категории субъекта и расширение областей ее применения, психология субъекта нуждается в детальном теоретико-экспериментальном обосновании. А. В. Брушлинский отмечал, что «путь от несубъектной психологии к субъектной очень труден» (Брушлинский, 2003, с. 158).

Следует привести еще несколько аргументов, подтверждающих, что «субъект» может быть включен в качестве отдельной категории в понятийный аппарат психологической науки. Прежде всего, более века понятие «субъект» используется учеными при формулировке общих философских оснований психологической науки (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев и др.). Кроме того, при проведении категориального анализа понятий категория субъекта дифференцируется от других категорий (личность, индивид, индивидуальность) и используется для обозначения определенной части психической реальности. Еще один аргумент – структурная и функциональная устойчивость системы подкатегорий, благодаря которым категория субъекта может быть представлена рядом теоретических конструкторов (субъектная активность, системность, автономность и др.), которые, в свою очередь, могут быть операционализированы. Также немаловажным аргументом является наличие многообразия теоретических подходов к пониманию психической реальности, обозначаемой понятием «субъект».

Перспективы развития понятия субъекта

Несмотря на возрастающий интерес и все увеличивающееся число исследователей, направляющих свои научные поиски на психологию субъекта, в данной области остается много дискуссионных вопросов. Именно дискуссионность и открытость психологии субъекта, полифония научных представлений и решений, многообразие реализации субъектного подхода обуславливают перспективы разработки.

Говоря о перспективах субъектного подхода в психологии, можно выделить несколько основных направлений. Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к субъектной психологии, что потребует значительных усилий и времени, поскольку эта задача чрезвычайной сложности. А.В. Брушлинский подчеркивал сложность такой задачи. Выделенная триада метауровней организации и реализации субъекта: субъект жизни, субъект развития, субъект деятельности, требует теоретической и экспериментальной разработки, конкретизации соотношения данных метауровней, описания их критериев и особенностей.

При анализе разных модусов существования субъекта (жизни, развития и деятельности) осталась в тени проблема субъекта познания. Проблема субъекта познания имеет длительную историю изучения в рамках философии. Однако данная проблема может быть

рассмотрена в новом ракурсе на основе развития представлений о психологии субъекта. Фактически речь идет об изменении акцентов анализа особенностей познания. Если в классическом подходе в фокусе исследований были рациональные знания и законы причинности, то для субъекта важнее понимание и интерпретация окружения, где не всегда законы рациональности имеют силу. Например, убеждения и мнения, понимание интенций, желаний означает иной ракурс рассмотрения ментальных моделей, порожденных субъектом. В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование, при этом необходимо отличать собственные модели от моделей других людей.

Психология человеческого бытия — направление, которое является продолжением и следствием психологии субъекта — выводит проблему субъекта на междисциплинарный уровень взаимосвязей с экзистенциальной, социальной, когнитивной психологией, психологией индивидуальности, личности. Психология человеческого бытия предполагает обращение к самым общим категориям, занимающим умы человечества на всем протяжении его существования: жизнь и смерть, любовь и ненависть, доверие и недоверие к миру и людям, надежда и безнадежность и др. Это анализ вершинных, духовных ценностей человека с позиций субъектного подхода выводит психологию на уровень реальных жизненных проблем человека, соединяя классическую психологию с психологией человеческого бытия.

Следующим перспективным направлением стало введение и обоснование категории группового субъекта. Возникновение группового субъекта обусловлено не только совместной трудовой деятельностью, но и наличием общих целей, мотивов, интересов. При этом общественные интересы существенны в том случае, если они одновременно являются личностными, но не внеличностными или надличностными. В этом свете очевидно, что тоталитаризм и субъект — понятия несовместимые. Психология насилия при тоталитарной организации делает людей объектами общественных влияний, не оставляя места свободе выбора, самореализации, автономности и другим проявлениям и развитию субъектности. Исследования группового субъекта приобретают особую значимость в связи с социальными, экономическими, религиозными, этническими конфликтами, которые сопровождаются насилием и подавлением субъектности человека.

Важнейшей перспективной задачей для субъектного подхода является разработка представлений о развитии субъектности человека.

Имеющиеся в настоящее время описания стадий или уровней развития субъекта либо фрагментарны, либо описывают в большей степени развитие личности как субъекта. Генетический принцип анализа субъекта позволит раскрыть условия и факторы становления разных уровней организации субъектности, соотношение различных внешних и внутренних условий реализации субъектности определенного уровня. Перспективы разработки уровней развития субъекта мы видим в изучении и исследовании становления функций субъекта на разных этапах онтогенеза человека, охватывающих разные периоды от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, междисциплинарных, сетевых подходов в разработке представлений о функциях субъекта.

Жаркие споры о необходимости категории субъекта в психологии («третий лишний» — В. П. Зинченко) аналогичны дискуссии, которая разворачивалась относительно категории личности в 1960—1970-е годы. Перспективной и необходимой задачей для психологии субъекта становится разграничение категорий личности и субъекта, определение их специфичности, соотношения и места в психологической науке.

Обсуждая современный постнеклассический этап развития психологической науки, М. С. Гусельцева (2007) выделяет следующие принципиальные характеристики рациональности в отличие от неклассического этапа, которые свидетельствуют о перспективности субъектного подхода в психологии. Так, постнеклассическая рациональность предполагает открытость новому опыту, междисциплинарный дискурс, парадигмальную толерантность. Это приводит к ценности субъективного опыта, особой креативности в конструировании мира субъектом. В логике постнеклассической психологии особое место уделяется расшифровке внутренней логики развития, уникальности человеческой судьбы, сензитивных периодов, взрывов, экзистенциальных поисков в отличие от неклассической рациональности, где основное внимание было направлено на универсальные законы организации психического. Традиционная психология обсуждала вопросы биологического и средового детерминизма, на неклассическом этапе главное место занимал социодетерминизм, а для постнеклассического развития науки на первый план выступают свобода воли и свобода выбора (самодетерминация) субъекта. Объектом исследования постнеклассической науки выступают саморазвивающиеся системы в отличие от объективизма неклассического этапа. Отсюда большое внимание уделяется анализу текста, семиотическому дискурсу, субъекту понимания и диалогического

взаимодействия. Таким образом, приведенные характерные черты постнекласической науки убедительно показывают самый современный уровень и своевременность в разработке субъектного подхода в психологии, который означает парадигмальную толерантность, междисциплинарный дискурс, герменевтический стиль мышления, сетевой принцип организации знания, обращение к внутреннему миру человека, что становится основой его целостного изучения через развитие субъектности как специфичного конструкта для психологической науки.

Развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств

Российская психология субъекта прошла *первый этап* развития, содержательно-структурный. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-е годы (Брушлинский, 1991). На первом, фактически познавательном этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления, по существу, был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект — это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2003, с. 29). На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта, проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния предактивности, коллек-

тивная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т. п. (Журавлев, 2002).

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, проводившихся на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг — необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На *втором этапе* главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например духовные практики, с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. В современных исследованиях наблюдается смещение фокуса внимания ученых на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Идеи о становлении субъекта, его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тулчинский, 2010), в идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

На втором этапе психологических исследований одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во все нарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. Это отражено в большом массиве отечественных работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само-»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в четырех направлениях: Psychological mindedness (осмысление психического), Self-construal (самоконструирование), Self-understanding (самопонимание), Self-de-

termination (самодетерминация). В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Литература

- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
- Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Анцыферова Л. И.* Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся мире (К 110-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна) / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 17–19.
- Анцыферова Л. И.* Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2-е испр. и доп. изд., 2006.
- Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Богданович Н. В.* Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2005. С. 58–84.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999а. С. 30–41.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999б. С. 330–346.

- Брушлинский А. В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 5–11.
- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуально- и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Варенова Ю. А.* Исследования субъектности и ее развития в дошкольном возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2001.
- Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / И. Т. Фролов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003.
- Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Гусельцева М. С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. № 3. С. 107–119.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 17–27.
- Дерманова И. Б.* К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 8 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб., 2004. С. 89–101.
- Дерманова И. Б.* Субъект, личность, индивидуальность // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 82–93.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Per Se», 2002. С. 51–81.
- Журавлев И. В., Тхостов А. Ш.* Субъектность как граница: топологическая и генетические модели // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 5–12.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психологи человека // Институт человека. Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2018. С. 280–290.
- Зауш-Годрон Ш.* Социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2004.
- Знаков В. В.* Субъектно-аналитический подход в психологии понимания // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2018).
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Карпов А. В.* Категория субъекта и современный метакогнитивизм // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Зна-

- кова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 68–85.
- Корбут А. М.* Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.
- Лекторский В. А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 5–18.
- Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Петровский В. А.* «Субъектность» в пространстве культуры и наяву // Мир психологии. 2015. № 3 (83). С. 14–38.
- Поддьяков А. Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2014.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Селезнева М. В.* Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2015. № 2. С. 47–53.
- Селиванов В. В.* Онтогенез психического развития субъекта // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Бушлинского, 15–16 октября 2008 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 73–76.
- Сергиенко Е. А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–309.
- Сергиенко Е. А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 50–67.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.02.2018).
- Сергиенко Е. А.* Соотношение функций субъекта и личности в период взрослости // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 254–283.
- Сергиенко Е. А.* Психология развития: идеи Л. И. Анцыферовой и их разработка (К 90-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 25–34.

- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъектности. Учеб. пособ. для вузов. М., 1995.
- Татенко В. А.* Личность в субъектном измерении. Киев: Просвита, 1998.
- Тулен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Тульчинский Г. Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию. Грани творчества Галины Иванченко. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. С. 49–63.
- Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
- Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961.
- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 60–72.
- Фуко М.* Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Харламенкова Н. Е.* Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
- Чепелева Н. В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского). В 4 т. Т. 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 342–345.
- Шукина М. А.* Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 7–22.
- Шукина М. А.* Психология саморазвития личности: Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
- Шукина М. А.* Роль генетического принципа в психологическом изучении саморазвития личности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 135–150.
- Юдин Г. Б.* Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой; под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение,

2013 // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 3. С. 126–129.

Frie R. Psychological agency: Theory, practice and culture. The MIT Press, 2008.

Martin J., Gillespie A. A Neo-Meadian Approach to Human Agency: Relating the Social and the Psychological in the Ontogenesis of Perspective-Coordinating Persons // Integrative Psychological & Behavioral Science. 2010. V. 44. № 3. P. 252–272.

Oxford Dictionaries. Language matters. 2014. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 01.02. 2016).

Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии

А. Л. Журавлев

Современные представления о психологии коллективного субъекта постепенно складывались на основе философско-психологических идей С. Л. Рубинштейна. Во-первых, это понимание С. Л. Рубинштейном *социальной сущности человека* и выполняемой им деятельности, сформулированное в одной из его ранних работ, посвященной анализу философской системы Г. Когена (Рубинштейн, 1994). Делая акцент на этическом аспекте, он писал: «Этическое деяние человека предполагает другого человека... Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности... Деяние есть лишь в отношении человека к человеку, и в отношении человека к человеку есть только деяние... Я не существую без другого; я и другой сопринадлежат...» (Рубинштейн, 1994, с. 252). Таким образом, социальная сущность человека, в понимании С. Л. Рубинштейна, заключается в его постоянной обращенности к другому человеку, другим людям, через взаимодействие с которыми человек существует и самоосуществляется.

Во-вторых, это теоретическое положение о *деятельностной природе психики, сознания человека*, сформулированное через единство сознания и деятельности: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них созидается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Несколько позднее, передавая фактически тот же смысл, С. Л. Рубинштейн использовал другие термины, ставшие

широко известными и сжато выражающие, по мнению А. В. Брушлинского, содержание теоретических взглядов С. Л. Рубинштейна: «Главная идея этой теории состоит в том, что человек и его психика формируются, развиваются и проявляются в деятельности» (Брушлинский, 2006, с. 465).

В-третьих, характеризуя деятельность субъекта, С. Л. Рубинштейн выделяет некоторые ее особенности, главной из которых он называет осуществление *совместной деятельности субъектов* (Рубинштейн, 1986, с. 106). Пожалуй, данное положение является наиболее принципиальным для современного понимания психологической природы коллективного субъекта, суть которой состоит в способности группы к совершению совместных действий, совместной деятельности и других многообразных форм совместной активности (Журавлев, 2005; Совместная деятельность..., 1988, 1992, 1997; Психология совместной жизнедеятельности..., 2001; и др.).

Концентрированное представление теоретических оснований современной разработки проблемы коллективного субъекта по мере необходимости будет ниже дополнено и конкретизировано обращением к отдельным теоретическим положениям С. Л. Рубинштейна.

Обоснование необходимости и целесообразности использования понятия «коллективный субъект»

Актуальность исследования коллективного субъекта определяется прежде всего *теоретическими основаниями*, потребностями дальнейшего развития психологической теории групп и коллективов в современной психологии. Важнейшей среди таких потребностей является необходимость более дифференцированного представления (или обозначения) многочисленных групповых явлений, изучаемых социальной и организационной психологией. В настоящее время, к сожалению, термином «групповые» (здесь не будем его отграничивать от термина «коллективные») обозначаются чрезвычайно разнообразные явления, имеющие место в группе. К ним одновременно относятся, например: потенциальные и реальные, установочные и поведенческие, внутренне существующие и внешне проявляющиеся и многие другие характеристики группы.

Такое положение, конечно, характерно для соответствующего уровня теоретического осмысления результатов исследования групповых явлений, т. е. уровня, который уже не может сегодня считаться удовлетворительным. Многочисленные исследования групповых феноменов, активно выполнявшиеся и в зарубежной, и в отечест-

венной социальной психологии, начиная с 1920-х годов, многократно доказывали высочайшую степень разнородности, многообразности, множественности этих феноменов. Существует теоретическая потребность сделать продуктивный шаг в направлении *дифференциации и спецификации групповых психологических явлений*, т. е. общая теоретическая проблема глубокого дифференцированного анализа психологии группы, которая не отождествляется с проблемой коллективного субъекта, несмотря на чрезвычайную важность последней. Таким образом, для продвижения в решении данной проблемы есть необходимость и возможность использовать понятие «коллективный (или групповой) субъект» для обозначения определенной совокупности групповых характеристик, которые ниже будут рассмотрены специально. Хотя отдельные авторы по-прежнему подвергают некоторому сомнению само существование коллективного (группового) субъекта как социально-психологического феномена (Митькин, 2002).

Здесь необходимо подчеркнуть, что в контексте широко поставленной проблемы дифференцированного рассмотрения психологии группы предполагается введение новых понятий для квалификации каких-либо совокупностей групповых феноменов (процессов, состояний, свойств). Ожидается, что в перспективе, наряду с понятиями «группа», «общность», «коллектив», «коллективный (групповой) субъект», в социальной психологии появятся новые понятия, обозначающие то или иное качество (в смысле качественно отличного состояния) группы, более четко оформится содержание некоторых уже известных понятий и терминов, имеющих отношение к группе и используемых в современной психологии, таких как: «совокупность людей», «групповое образование», «сообщество», «коллективное бессознательное», «корпорация», «клан», «клика», «группировка» и т.д. (Совместная деятельность, 1997; Соснин и др., 2014; Социальная психология экономического поведения, 1999; Шорохова, 2002; и др.).

В последние десятилетия именно субъектная парадигма (Проблемы субъектов..., 2007; Субъектный подход..., 2009; и др.) стала широко востребованной при разработке теоретических моделей личности (Петровский, 1996), социально-психологического пространства (Журавлев, Купрейченко, 2006; и др.), в изучении психологии больших социальных групп (Емельянова, Журавлев, 2009; Сайко, 2006; Сосулина, 1999) и формировании других современных научных направлений в психологии (Личность и бытие, 2008; Психология человека..., 2009; и др.). Субъектный подход, основателем которого является С.Л. Рубинштейн (1994; и др.), имеет также явные перспективы,

по мнению Н. И. Леонова и М. М. Главатских, в психологическом исследовании социальных миров (Леонов, Главатских, 2006). О книге С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» эти авторы пишут следующее: «Самое существенное в работе С. Л. Рубинштейна состояло в том, что мир и человека автор рассматривал в соотношении друг с другом, впервые высказав мысль о взаимопроникновении человека в мир и мира в человека. Справедливости ради отметим, что современные представления дают возможность существенно расширить онтологическую картину категории „мир“» (Леонов, Главатских, 2006, с. 11). В этой работе фактически с позиций субъектного подхода поставлена задача формирования «психологии социального мира» как относительно нового социально-психологического направления исследований.

Одним из бесспорных теоретических достоинств понятия «субъект» является его интегральный характер и возможность использования в психологии для обозначения характеристик как индивида («индивидуальный субъект»), так и группы («групповой, коллективный субъект»), т. е. понятие «субъект» позволяет выявлять *общее в психологических свойствах* личности, малой и большой группы и общества в целом. Можно согласиться с мнением А. В. Брушлинского, что фактически субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество (Брушлинский, 1996, с. 14). Следовательно, понятие и феномен «коллективный субъект» исходно характеризуются качествами интегративности и универсальности.

Наряду с теоретической, существует важнейшая *практическая актуальность* выделения феномена и понятия «коллективный субъект» с целью его специального анализа. Именно в настоящее время хорошо осознается тот факт, что любое современное общество (будь оно западным, восточным, в частности, российским) живет в условиях различных видов угрозы для его нормального функционирования и тем более развития. Более конкретно под угрозами имеются в виду природные катаклизмы и техногенные катастрофы, различных масштабов войны и террористические акции, разной интенсивности экономические, политические, идеологические, информационные и другие виды массового воздействия на людей и мн. др. (Психологическое воздействие..., 2014; Социально-психологическая оценка..., 2017; и др.). Однако осознается не только угроза как некая реальность, но и единственная *возможность противостоять этой угрозе общностью людей* как коллективным субъектом. Хотя в каждом конкретном случае под общностью понимается группа разных размеров и разных масштабов (или уровней), всякий раз эффективно

противостоять угрозе и, соответственно, выжить может лишь активная, целостная, совместно и согласованно действующая совокупность людей. И в этом смысле, по нашему мнению, следует использовать понятие «коллективный субъект», обозначающее ту или иную общность с соответствующими характеристиками (качествами, возможностями, способностями и т. п.).

В этой связи отметим, что в настоящее время в социальной психологии интенсивно формируется довольно широкий круг новых научных направлений исследования групповых явлений, причем в самых разных сферах общественной жизни (см., напр.: Психологические исследования глобальных процессов, 2018; и др.). Их особенностью, по нашему мнению, является изначальная *практическая ориентированность*, а результаты их исследований, соответственно, используются в практической работе с различными естественными и искусственно создаваемыми группами. К таким направлениям относятся исследования групповой психотерапевтической практики, групповых форм обучения и профессиональной подготовки (с использованием различных видов тренинга, деловых игр и т. п.), комплектования трудовых управленческих команд и мн. др. В теоретическом плане общим для этих исследований является использование понятия «групповой (коллективный) субъект» или «группа как субъект», и это закономерная общая тенденция, которая лишь более четко и более интенсивно проявилась именно в практически ориентированных исследованиях (Гайдар, 2006; Гиркало, 1992; Кирьянов, 1992; Коргова, 2000; Левин, 1992; Новожилов, 2002; Позняков, 2000; Сосулина, 1999; Тлемешок, 2001; и др.).

В настоящее время существуют как теоретические, так и практические основания для конкретных исследований психологии коллективного субъекта. По нашему мнению, становление субъектной парадигмы в социальной психологии является одним из наиболее интенсивных направлений развития этого подхода в психологической науке.

Понимание коллективного субъекта в современной психологии

Необходимо отметить, что проблема субъекта в отечественной психологической науке нового исторического периода ее развития, начиная с 1960-х годов, была актуализирована К. А. Абульхановой в самом начале 1970-х годов (Абульханова, 1973). Примерно с этого времени в различных разделах социальной психологии, психологии труда и управления, а несколько позднее — в организационной и экономи-

ческой психологии понятие «коллективный субъект» стало использоваться в самых разных значениях (или смыслах). Наиболее распространенные из них предлагается рассмотреть специально.

Во-первых, «коллективный субъект» и «коллектив как субъект» используются в одном и том же смысле, и тем самым первое становится лишь *гносеологическим смыслом коллектива*. Эти понятия рассматриваются как альтернатива «коллективу (группе) как объекту». В наиболее яркой форме такое понимание коллективного субъекта встречается в социальной психологии управления, хотя не только в ней, оперирующей понятиями «коллектив как субъект и объект управления (воздействия)», т.е. в контексте гносеологического противопоставления субъекта и объекта (Гайдар, 2006; Новожилов, 2002; Трудовой коллектив..., 1980, 1983; и др.).

Однако в психологии и социологии управления «коллектив как субъект управления (воздействия)» рассматривается и в ином, онтологическом смысле — как его способность к реальному управлению и самоуправлению (Журавлев, 2004; Иванов, 1980; Кирьянов, 1992; Коргова, 2000; Чернышев, Крикунов, 1991; и др.). Но это уже относится к принципиально другому пониманию и будет рассмотрено несколько ниже.

Во-вторых, «коллективный субъект» понимается как альтернатива (в смысле противопоставления) «индивидуальному субъекту» или «субъекту» вообще, который как бы априорно понимается как «индивидуальный субъект» (Абульханова, 1973, 2005; Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999; Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Чернышев, 1981; и др.). Такое рассмотрение коллективного субъекта характерно для социально-психологических исследований совместной деятельности, особенно совместной трудовой деятельности, а также для исследований в области психологии труда, анализирующих совместный труд. Фактически акцент делается на том, что «коллективный субъект» — это не один и не отдельный человек, а человек, связанный с другими людьми в некоторой общности. Это взаимосвязанная и взаимозависимая *группа людей, выполняющих совместную деятельность*.

«Индивидуальный субъект» и «индивидуальная деятельность» при этом являются лишь некоторыми условностями, которые допускаются в исследовании или в практическом анализе. В настоящее время очень важно осмыслить данное теоретическое положение, которое имеет уже давнюю историю, ибо фактически было впервые сформулировано С.Л. Рубинштейном, основателем субъектно-деятельностного подхода в психологии, в начале 1920-х годов. В статье

«Принцип творческой самодеятельности», раскрывая *главные* особенности деятельности, С. Л. Рубинштейн называет *первой* из них следующее: «...это всегда деятельность субъекта (т. е. человека, а не животного и не машины), точнее, *субъектов, осуществляющих совместную деятельность*» (курсив мой. — А. Ж.) (Проблема субъекта..., 2000, с. 9). Эта первая из главных особенностей деятельности, выделенных С. Л. Рубинштейном, излагается нами по работе А. В. Брушлинского специально, чтобы совершенно избежать собственной субъективной интерпретации этого важного положения, полагаясь на точное воспроизведение его смысла одним из учеников С. Л. Рубинштейна и последователей рассматриваемого концептуального подхода.

То же самое теоретическое положение наиболее четко и еще более развернуто сформулировал Б. Ф. Ломов, который писал: «Строго говоря, любая индивидуальная деятельность является составной частью деятельности совместной. Поэтому в принципе исходный пункт анализа индивидуальной деятельности состоит в том, чтобы определить ее место в деятельности совместной, а соответственно и функцию данного индивида в группе... Конечно, с целью научного исследования можно индивидуальную деятельность „вырезать“ из общего контекста и рассматривать ее изолированно. Но при этом неизбежно картина становится неполной. Вообще, вряд ли возможно (и особенно в условиях современного общества) найти такую деятельность, в которой бы индивид, подобно Робинзону, все от начала и до конца делал сам» (Ломов, 1984, с. 232). Возвращаясь к изложенной точке зрения Б. Ф. Ломова, еще раз подчеркнем следующее: при изолированном рассмотрении индивидуальной деятельности субъекта, что, безусловно, является допустимым в научном исследовании (о допустимости этого в практическом анализе говорить значительно сложнее или совсем невозможно), нельзя забывать предупреждение Б. Ф. Ломова о явной неполноте такого рассмотрения деятельности.

По нашему мнению, если теоретические взгляды С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова на соотношение совместной и индивидуальной деятельности, особенно на роль первой в проявлениях последней, интерпретировать в более широком контексте, то можно выйти на анализ соотношения значительно более емких психологических феноменов «Мы» и «Я», которые ранее были предметом специального рассмотрения в работе С. Л. Франка (1990). С. Л. Франк обосновал именно феномен «Мы», а не «Я» в качестве важнейшей основы духовного и социального бытия человека, а феномен «Я» предложил фактически выводить из «Мы». Объясняя свое понимание феномена «Мы» и его роль в формировании «Я», он считал, что «Мы» есть не «позднее

образовавшийся синтез, объединение нескольких „Я“ или „Я“ и „Ты“, а... их *первичное неразложимое единство*, из лона которого *изначально произрастает „Я“* и благодаря которому оно только и возможно» (Франк, 1990, с. 184; курсив мой. — А. Ж.). Теоретические позиции С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова и С.Л. Франка, хотя и по отношению к разным, но все-таки связанным феноменам, фактически являются сходными и даже близкими, что, по нашему мнению, вполне закономерно, так как эти выдающиеся ученые достаточно точно отражали суть рассматриваемых явлений, ставших объектами пристального внимания в психологической науке.

Особая роль именно совместной деятельности была понята С.Л. Рубинштейном еще в период зарождения первых попыток теоретического анализа деятельности в психологии, относящегося к началу 1920-х годов. Однако последующая история становления и развития как деятельностного, так и субъектно-деятельностного подхода складывалась так, что доминирующим (наиболее распространенным) оставался анализ индивидуальной деятельности, тем более, если говорить о конкретных экспериментальных и эмпирических исследованиях субъекта деятельности, в которых он чаще всего рассматривался как отдельно взятый, индивидуальный деятель. Конечно, чрезвычайно трудно объяснить, почему история психологических исследований деятельности складывалась именно таким образом, что главная ее особенность, которую определил С.Л. Рубинштейн как *совместная деятельность субъектов*, не только долгие годы подробно не исследовалась, но нередко даже не учитывалась и не предполагалась как таковая на стадии организации исследований субъекта деятельности. По-моему, сложившаяся ситуация радикально, коренным образом еще не изменилась и до сих пор, особенно в вопросах о конкретных исследованиях субъекта деятельности во многих отраслях психологии (например, педагогической, возрастной, психологии труда и др.), хотя понимание значимости анализа совместной деятельности в процессе исследования психологии субъекта стало принципиально иным (Брушлинский, 1992, 1996; Донцов, 1979; Журавлев, 2002, 2005; Чернышев, Сурьянинова, 1990; и др.).

Хочется выразить уверенность в том, что со временем будет выполнен специальный историко-психологический анализ становления и развития исследований деятельности в отечественной психологии (а такая потребность остро чувствуется в настоящее время) и будет, естественно, дано объяснение тому, что сегодня остается непонятным.

При таком понимании коллективный субъект имеет и гносеологический, и онтологический смысл. Это принципиально отлича-

ет данный подход от первого, который оперирует лишь гносеологическим значением коллективного субъекта.

Однако в рамках такого понимания коллективного субъекта альтернативой ему может рассматриваться не только индивидуальный субъект, но и *несвязанная совокупность индивидов*, что принципиально важно для выделения критериев и конкретных характеристик коллективного субъекта. Это хорошо понимал еще В. М. Бехтерев, который, анализируя характерные особенности коллектива, писал: «Собирательной личностью, обществом или коллективом не может быть названо случайное скопление множества лиц в данный период времени в определенном месте. Такое скопление народа есть сборище без всякого объединяющего начала... понятно, что о каком-либо коллективе в этом случае не может быть и речи» (Бехтерев, 1994, с. 82). Поэтому можно утверждать, что взаимосвязанность, взаимозависимость, объединенность составляющих совокупность индивидов является важнейшей особенностью коллективного субъекта. Именно взаимосвязанность как признак, характеристика феномена совместности делает из разрозненной, ничем не объединенной совокупности (группы) людей единое, целостное образование, наделенное своими психологическими свойствами, состояниями, с характерными для него групповыми психологическими процессами, что и обозначается как коллективный субъект.

В-третьих, содержание «коллективного субъекта» есть определенное качество коллектива (группы), *качество быть субъектом*, которое в разной степени характеризует различные коллективы. В последние годы это качество стало обозначаться как «*субъектность*», хотя и не получило пока широкого распространения. Следовательно, разные коллективы являются коллективными субъектами в разной степени. В полной же мере быть коллективным субъектом означает быть активным, действующим, интегрированным, т. е. выступающим единым целым, ответственным и т. д. Характеризовать коллективный субъект может та или иная совокупность качеств, причем качества могут быть чрезвычайно многообразными, а сами совокупности — различного объема. Именно этим отличаются разные точки зрения, но принципиальное понимание не изменяется.

Такой смысл «коллективного субъекта» чаще встречается при изучении детских, школьных, молодежных коллективов (Гайдар, 1994, 2006; Осипова, 1992; Чернышев, 1981; Чернышев, Крикунов, 1991; и др.), которые интегрируются, прежде всего, межличностными отношениями, общением и в меньшей степени — совместной деятельностью. Данное понимание «коллективного субъекта» слабо отре-

флексировано социальными психологами, поэтому сложно ответить, например, на вопрос о том, может ли коллектив (группа) не быть субъектом или всякий ли коллектив есть субъект, но с разной степенью выраженности качества субъектности? Здесь возникает целый ряд принципиальных теоретических вопросов, на которые только начинают формулироваться ответы (Брушлинский, 1992; Журавлев, 2002; Проблема субъекта..., 2000; Проблемы субъектов..., 2007; Чернышев, Сурьянинова, 1990; и др.).

В-четвертых, наиболее широкое толкование «коллективного субъекта» в социальной психологии может быть представлено следующим образом. Коллективный субъект есть всякая совместно действующая или ведущая себя группа людей. Всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т. п., есть коллективный субъект. Группы могут быть реальными или потенциальными субъектами. При этом «групповой» и «коллективный» субъекты чаще всего не дифференцируются. «Коллективность» же в современных понятиях социальной психологии все чаще понимается как «совместность», не более того, что чрезвычайно принципиально. *Коллективность (совместность)* нельзя смешивать с коллективистическими отношениями и с коллективизмом как психологическим качеством коллектива или личности в коллективе. Такое понимание коллектива и коллективности было характерно для отечественной социальной психологии начала XX в. и было определено в работах В. М. Бехтерева, который писал: «Коллектив есть коллектив и в том случае, когда мы имеем толпу, и в том случае, когда мы имеем организованное общество людей того или иного рода, как, например, научное, торговое или какое-либо иное общество, кооператив, народ, государство и т. п.» (Бехтерев, 1994, с. 41). Однако необходимо признать, что близкая трактовка коллектива встречается и в более ранних работах представителей отечественной психологической (субъективной) социологии. Следовательно, когда нами используется термин «коллективный» применительно к субъекту, понимается он при этом прежде всего как «совместный».

Подводя итог различным научным взглядам на коллективный субъект, можно заключить, что в современной социальной психологии не только не существует общепринятого понимания «коллективного субъекта», но и отсутствует даже какое-либо толкование, получившее достаточно широкое распространение. Различия в значениях данного понятия сегодня определяются прежде всего разным пониманием «коллективности», «коллективного» в социальной пси-

хологии. Содержание же «субъекта» (т. е. второй составляющей понятия «коллективный субъект») должно разрабатываться в социальной психологии именно в контексте «коллективного (совместного)» и «коллективности (совместности)», тогда социальная психология реально сможет внести принципиально новое содержание в это понятие по сравнению со сложившимися в общей теории психологии. По нашему мнению, только в таком случае можно будет в подлинном смысле вернуться к исходному пониманию С. Л. Рубинштейна и, соответственно, содержательному раскрытию главной особенности деятельности (т. е. исследованию «субъектов, осуществляющих совместную деятельность»), выделенной им в период самого зарождения субъектно-деятельностного подхода в психологии.

В настоящее время ни один из психологических словарей не включает, а, следовательно, и не толкует понятия «коллективный субъект». Когда нет четко установившихся, хотя бы и различных толкований этого понятия, теоретический выход, по нашему мнению, фактически состоит в использовании «открытого пути» для формирования интегрального подхода, объединяющего используемые в настоящее время основные значения и смыслы коллективного субъекта в современной психологии.

Основные признаки коллективного субъекта

Несмотря на описанную многозначность толкований коллективного субъекта, его понимание остается явно неполным, если не выделить более или менее четко те основные признаки (свойства, качества) группы, которые необходимы и достаточны для того, чтобы признать группу коллективным субъектом. Это так называемая проблема его *критериев*. Как упоминалось выше, в последнее время все чаще стал использоваться термин «*субъектность*», под которой понимается способность индивида или группы быть субъектом, т. е. проявлять субъектные качества. И это не вызывает больших разногласий и тем более возражений, однако самым трудным в этом и, безусловно, спорным является выделение и описание конкретных *субъектных качеств*, хотя таких работ стало появляться все больше (Журавлев, 2004, 2005; Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999; Позняков, 2000; Психология индивидуального и группового субъекта, 2002; и др.). К сожалению, в литературе сложно отыскать какой-то достаточно полный и тем более концептуально непротиворечивый ряд таких субъектных качеств, особенно, когда речь идет о коллективном субъекте. Наиболее подробный ана-

лиз субъектных свойств именно малых групп выполнен в работах К. М. Гайдар (1994, 2006 и др.).

По нашему мнению, можно выделить три важнейших свойства группы, являющихся необходимыми и фактически критериальными в описании коллективного субъекта.

1. *Взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе* способствует формированию группового состояния как состояния предактивности, в частности, преддеятельности — важнейшей предпосылки (условия) любой активности, в частности, деятельности. Критериальность данного качества состоит в том, что только при его наличии группа становится коллективным субъектом. Однако важными являются и конкретные характеристики (показатели) взаимосвязанности и взаимозависимости, причем показатели двух классов: а) динамические (интенсивность, или теснота взаимных связей и зависимостей между индивидами в группе); б) содержательные (содержание, или предмет взаимных связей и зависимостей).

Перечисленные показатели являются принципиальными именно потому, что они, отличаясь, фактически характеризуют существенно (качественно) различные состояния одного и того же или разных коллективных субъектов. Не выделив факт наличия взаимосвязанности индивидов и конкретные динамические и особенно содержательные характеристики (показатели) этой взаимосвязанности, невозможно исходно идентифицировать сам феномен коллективного субъекта.

Взаимные связанность и зависимость индивидов, являясь базовыми качествами совместности, имеют даже более общее значение, поскольку благодаря им может существовать группа (коллектив) как такое образование, которое качественно отлично от суммы индивидов, так называемое «наиндивидуное», выступающее носителем целостных психологических феноменов.

Целостность как качество группы (коллектива) и групповых (коллективных) психологических явлений (процессов, состояний, свойств и т. п.), по сути, основана на различных реальных видах взаимных связей составляющих ее индивидов. Проблему целостности психологии коллектива и субъекта коллективной деятельности, пожалуй, наиболее последовательно и специальным вопросом разрабатывает А. И. Донцов (1979).

2. *Качество (способность) группы проявлять различные формы совместной активности*, т. е. выступать, быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой. К различным формам совместной активности можно отнести следующие: общение и взаимодействие в группе (включая диадy),

групповые действия, совместная деятельность, групповое отношение, групповое поведение, межгрупповые отношения и взаимодействия и т. п. Для обозначения данного качества группы в последнее время все чаще используется понятие «активность», под которым имеется в виду широкий спектр ее проявления, а не только в форме совместной деятельности. Использование понятия «совместная активность» позволяет объединить целую совокупность групповых феноменов и, соответственно, сложившихся понятий «совместная деятельность», «коммуникация», «общение», «групповое действие», «групповое поведение», «внутригрупповые и межгрупповые отношения» и т. п.

Некоторая сложность использования понятия «активность» в социальной психологии, в частности применительно к коллективному субъекту, заключается в существовании ее различных смыслов. Во-первых, имеется в виду свойство, качество, т. е. конкретная, одна из многих, хотя и очень важная характеристика личности, группы, действия, поведения, деятельности и т. д. Как правило, данное свойство используется в паре с полярным — «пассивность». В результате отмечается, что существуют «активные и пассивные группы», «активное и пассивное поведение» и т. п. Во-вторых, активность понимается (и в контексте данной работы это важнее) как способ существования (или в других терминах: проявления, реализации, бытия и т. д.) группы, как некоторая ее общая способность к совместной активности. Таково критериальное качество группы быть субъектом, коллективным субъектом. Для понимания его сути очень важно то, что имеются в виду проявления группой любых вышеназванных форм совместной активности, возможно, по-разному характеризуемых в отдельности, а не только оптимальных форм, наиболее эффективных, совершенных, развитых и т. п. По нашему мнению, такое понимание важнейшего критериального качества коллективного субъекта в полной мере соответствует той трактовке взглядов С. Л. Рубинштейна на категорию субъекта, которая была дана К. А. Абульхановой в одной из ее работ: «Рубинштейн вначале опирается на принцип детерминизма, а позднее — в труде „Человек и мир“ — на категорию субъекта, трактуемого не просто как источник активности (согласно Гегелю), но как источник „причинения“ всего бытия» (Проблема субъекта..., 2000, с. 21; курсив мой. — А. Ж.). В этом положении для нас принципиально важно то, что, во-первых, активность фактически рассматривается как атрибутивный, неотъемлемый признак субъекта, а во-вторых, о субъекте необходимо судить по всему «причиненному» им бытию, «источником» которого он является, а не только по отдельным, избирательным формам его проявления, какими бы важными и яркими они ни были.

Активность — это одно из немногих качеств индивидуального и коллективного субъекта (может быть, единственное), которое рассматривается практически всеми специалистами, использующими понятие «субъект» в общей и социальной, экономической и организационной психологии, в психологии личности, труда и управления и др. В этом смысле оно как бы объединяет разные школы, различные взгляды и представления о психологии субъекта. Анализируя понимание субъекта (при этом имеется в виду индивидуальный субъект), представленное зарубежными и отечественными психологами разных научных направлений, Л. И. Анцыферова выделила основные его качества, среди которых, например, «способности человека быть иницилирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом» (Проблема субъекта..., 2000, с. 29–30), что характерно для зарубежных психологов, представляющих теории личности психоаналитической ориентации (А. Адлер, К. Роджерс, К. Хорни и др.); «активность... — основа развития личности в качестве субъекта» (Проблема субъекта..., 2000, с. 30) — такое понимание характерно для Л. И. Божович и др.

В результате теоретического анализа различных представлений о субъекте в мировой психологической науке Л. И. Анцыферова выделяет и рассматривает некоторые наиболее важные особенности человека как субъекта, однако первой среди них обоснованно выступает характеристика его активности: «субъектное начало человека связывается с его способностью самому инициировать активность на основе внутренней мотивации, порождать движения и действия» (Проблема субъекта..., 2000, с. 33–34). Подводя итог анализа соотношения феноменов «личность» и «субъект», Л. И. Анцыферова приходит к заключению о том, что в психологических теориях личности субъект характеризуется прежде всего через различные *формы внешней и внутренней активности* (Проблема субъекта..., 2000, с. 41).

Обобщая сформировавшиеся представления о субъекте в разных психологических школах, можно использовать для его характеристики близкие по содержанию термины: «иницилирующее начало», «инициатор собственной активности», «актор», «деятель», «действующее лицо» и т. п., что объединяется понятием «активность», выступающим фактически генеральным качеством, способностью как индивидуального, так и коллективного субъекта. Применительно к последнему этот общий и важнейший признак формируется как способность группы проявлять самые различные формы совместной активности, причем как внутригрупповой, так и по отношению к другим группам, т. е. межгрупповой.

Здесь уместно отметить не только в связи с анализом коллективного субъекта назревшую острую необходимость теоретического исследования соотношения основных понятий социальной психологии, среди которых на роль наиболее общих претендуют не только «активность», но и «взаимодействие», «жизнедеятельность», «групповое поведение», возможно, и что-то совсем другое, например «бытие» группы, «деяния», «функционирование», «жизнь» группы и т. п.

3. *Качество (способность) группы к саморефлексии.* В отличие от первых двух признаков коллективного субъекта групповая саморефлексия явно недостаточно изучена, поэтому значительно менее известна.

В настоящее время можно выделить несколько *основных функций* групповой саморефлексии. Во-первых, это формирование в группе социально-психологического чувства «Мы», т. е. переживания членами группы своей принадлежности к ней, единства (процесса единения) со своей группой. Хорошо известно, что такое чувство возникает не сразу, а чаще всего постепенно, в процессе включения личности в группу, одним из механизмов которого является групповая саморефлексия. Во-вторых, это формирование групповых социальных представлений о своей группе, ее когнитивных оценок, суждений, мнений и т. п., которые также требуют определенного времени. В-третьих, групповая саморефлексия настраивает членов группы на разные формы совместной активности, т. е. способствует формированию их психологической готовности к совместной активности, что, в частности наиболее важно в организации совместной деятельности группы. В-четвертых, групповая саморефлексия помогает членам группы более адекватно ориентироваться в социальной среде, оптимальнее адаптироваться к ней. Этому способствуют развиваемые групповой саморефлексией способности личности к более адекватным оценкам своей группы и чужих групп и их социальному сравнению.

Содержанием групповой саморефлексии могут стать самые многообразные стороны жизнедеятельности группы — об этом свидетельствует накопленный на сегодняшний день богатый практический опыт использования групповой саморефлексии, который и составляет эмпирическую основу рассматриваемых здесь теоретических положений. Такой опыт составляют следующие *виды социально-психологической практики*, которые основаны на применении групповой саморефлексии:

- развитие различных тренинговых групп, особенно направленных на тренинг коммуникации, групп активных форм обучения и профессиональной подготовки;

- групповая психотерапевтическая и психокоррекционная практика;
- разнообразные групповые формы работы с представителями заказчика в организационно-управленческом консультировании;
- комплектование и развитие управленческих команд в организации;
- разбор спортивной командой проведенной игры, ставший обязательным элементом спортивной подготовки;
- опыт управления процессом развития детских и юношеских коллективов, как временных, так и постоянно функционирующих (интенсификация развития);
- групповые формы работы с персоналом: групповое принятие решений, групповое обсуждение промежуточных и итоговых результатов работы, проведение производственных совещаний, оперативок и т. п.;
- опыт управления соревновательными и конкурентными отношениями как между трудовыми, так и досуговыми (также развлекательными) группами и мн. др.

Обобщая существующие данные об использовании групповой саморефлексии, можно утверждать, что *типичным ее содержанием (или предметом)* становятся следующие стороны жизнедеятельности группы:

- историко-биографический опыт жизни группы, особенности ее первоначального формирования, становления и последующего развития, включая особенности существования группы на момент анализа, т. е. порождение некоторой групповой «схемы», «сценария» с элементами некой «легенды» об истории группы (или групповой «автобиографии»);
- главное предназначение своей группы – это групповой «образ цели», групповое представление о существовании группы;
- реальные (как достаточно общие, так и частные) формы совместной жизнедеятельности группы, ее конкретные поступки, деяния, достижения, эффективность и т. п., в результате саморефлексии этого содержания возникает феномен группового «портрета» сегодняшнего функционирования группы, ее жизни, бытия, этапа развития;
- потенциальные возможности, способности, ресурсы группы, в которых выражаются прежде всего групповые притязания; психологическая готовность к каким-либо видам и результатам совместной деятельности, групповым действиям, групповому

поведению и т. п. — в результате отражения группой всего этого порождается групповой образ (групповые представления) потенциалов и притязаний группы;

- невозможное, нереальное для группы в ее совместной деятельности и поведении по самым разным причинам, причем как в условиях, если бы группа захотела этого (например, при завышенных, необоснованных ее притязаниях), так и в условиях специального установления запретов, т. е. того, что группа себе не разрешает, запрещает — здесь возникают некоторые социальные образы «совести» группы;
- то, что упущено и не было осуществлено группой, но было бы необходимо и полезно; то, что считается ошибочным, недостаточно хорошо (или совсем плохо) сделанным группой, т. е. порождается групповой образ нереализованного.

Здесь возникает множество аналогий с образом-Я личности, однако из-за полной неизученности *групповой саморефлексивности* не будем в данном случае опережать результаты конкретных эмпирических исследований выделяемого качества коллективного субъекта. Однако уже сейчас очень важно подчеркнуть необходимость и обязательность данного признака для квалификации группы в качестве коллективного субъекта. Дело в том, что нередко встречаются такие группы, которые вполне отвечают только двум первым признакам коллективного субъекта, например, совместные формы активности разных видов толп или каких-то других скоплений людей. Они явно не характеризуются способностью к групповой саморефлексии, поэтому и могут порождать лишь отдельные виды недостаточно развитой субъектности, принципиально отличной от качества тех групп, которые проявляют саморефлексию (см. также: Нестик, Журавлев, 2011; и др.).

В целом можно заключить, что групповая саморефлексия в наибольшей степени актуализируется (становится востребованной) в группе и наиболее успешно используется в практическом управлении группой тогда, когда возникает *необходимость ее развития*, изменения ее состояний и свойств, раскрытия и реализации групповых потенциалов, т. е. фактически в процессе становления группы коллективным субъектом. Именно поэтому групповая саморефлексия рассматривается как его критериальный признак.

Следовательно, субъектность группы одновременно описывается *тремя основными признаками*: взаимосвязанностью членов группы, совместной активностью и групповой саморефлексивностью.

Выделяя три основных признака коллективного субъекта, следует признать, что среди них *главным является способность группы проявлять совместные формы активности*. Это положение необходимо пояснить следующим образом. С одной стороны, если группу характеризует второй признак, то взаимосвязанность и взаимозависимость, естественно, будут иметь место, хотя обратная зависимость между этими признаками отсутствует. С другой стороны, групповая саморефлексия (самоотражение, самопознание группы) может рассматриваться как очень специфическая форма совместной активности, направленной на себя. Поэтому, чтобы подчеркнуть важность второго признака, можно обозначить его *генеральным*.

В предлагаемой *теоретической модели* основные выделенные признаки коллективного субъекта должны одновременно рассматриваться в качестве его параметров, если переходить к конкретному изучению, оцениванию, измерению субъектности реальных групп, хотя сейчас речь идет только о теоретическом моделировании. В данном контексте работы очень важно подчеркнуть, что три вышеперечисленных признака (или параметра) одновременно, но в разной степени характерны для группы как субъекта.

Сохраняя в анализе все три основных признака коллективного субъекта, тем не менее целесообразно сформулировать следующее положение: для конкретных групп эти признаки характерны не просто в разной степени, но какой-то из них может быть ведущим, доминирующим, а другие будут менее выраженными. Это позволяет выделять принципиально различные проявления (состояния, качества) *субъектности группы*:

- субъектность как взаимосвязанность и взаимозависимость совокупности индивидов может быть обозначена как *потенциальная субъектность*, или *предсубъектность* (принципиально важно то, что конкретная группа может еще не проявлять совместных форм активности, но уже быть психологически готовой к этому и в этом смысле быть коллективным субъектом в наиболее элементарном, потенциальном его качестве, что ниже еще будет рассматриваться специально);
- субъектность как совместная активность обозначается как собственно субъектность, или *реальная* (в отличие от потенциальной) *субъектность*, тем самым очередной раз подчеркивается главный смысл субъектности в способности группы к проявлению совместных форм активности;

- субъектность как групповая саморефлексивность применительно к естественным группам может рассматриваться как наиболее сложное состояние *рефлексирующей субъектности*, далеко не всегда характеризующее ту или иную конкретную группу.

Три основных психологических качества коллективного субъекта, при условии их неравномерного развития в группе и, соответственно, преобладающей выраженности какого-то из них в отдельности, могут рассматриваться как различные *уровни субъектности*: от элементарных форм взаимосвязанности (*потенциальной субъектности*), через многообразные формы совместной активности (*реальной субъектности*) к различным формам (в том числе от простых к сложнейшим) групповой саморефлексии как особой, качественно отличной от других форм совместной активности (*развитой субъектности*), проявляемой далеко не всякой группой — такое поуровневое развитие может быть характерно для коллективного субъекта. Однако еще раз необходимо подчеркнуть, что о разных уровнях субъектности можно говорить только тогда, когда имеется доминирующее развитие каких-либо его качеств, описываемых признаками.

Три выделяемые уровни субъектности рассматриваются как наиболее универсальные, они могут характеризовать самые различные группы. Однако наряду с ними вполне допускается существование каких-то других, дополнительных, специфических уровней субъектности, имеющих отношение к состояниям и качествам конкретных групп, выделенным по каким-то другим основаниям, чем критерии. Для более глубокого понимания развития таких групп могут специально разрабатываться характерные именно для них уровни субъектности как по их содержанию, так и по числу.

И еще одно важное понятие необходимо ввести именно в этом контексте — *психологический тип субъектности* (и соответственно коллективного субъекта). С одной стороны, наличие наиболее выраженного признака (или признаков) и определяет психологический тип субъектности, что приводит к выделению, например, трех основных ее типов, соответствующих описанным выше признакам. Но, с другой стороны, связи между признаками таковы, что наличие одного из них автоматически предполагает наличие другого, отсюда каждый из трех типов характеризуется разным числом признаков, чем нарушается традиционная логика построения типологий, когда каждый тип выделяется на основе какого-то одного, наиболее выраженного качества из ограниченной совокупности последовательно сменяемых, «перебираемых» качеств. Первый тип коллективного

субъекта, основанный на взаимосвязанности, характеризуется одним ведущим признаком (первым); второй же тип, основанный на совместной активности, характеризуется двумя признаками (и первым, и вторым); третий тип коллективного субъекта (если речь идет о естественных группах) предполагает выраженность всех трех признаков одновременно.

Конечно, возможны и некоторые другие психологические типы коллективного субъекта, встречающиеся, например, среди специально формируемых групп социально-психологического тренинга, психотерапевтических групп и т. п. Для них характерны основные формы совместной активности, направленные на себя, прежде всего, в форме групповой саморефлексии, т. е. наиболее выраженными являются первый и третий из выделенных выше признаков коллективного субъекта. По-видимому, в качестве исключения аналогичные случаи можно встретить и среди некоторых естественных групп, не проявляющих реальные формы совместной активности, кроме групповой саморефлексии, которая может выполнять компенсаторную психологическую функцию, т. е. компенсировать тем самым отсутствие в группе каких-либо конкретных форм совместной активности, например: в группе друзей, в отдельных нетипичных семьях (диада супругов) и в целом в группах, склонных к рефлексивным, «созерцательным» формам своей активности.

Таким образом, использование основных признаков коллективного субъекта позволяет выделять не только в целом психологический феномен субъектности группы, но и его возможные уровни и психологические типы.

Естественно то, что введение различных отдельно взятых признаков (фактически критериев) коллективного субъекта либо их разных совокупностей может сужать или, наоборот, расширять границы интересующего феномена. В тесной связи с этим возникает принципиальный вопрос о возможности существования групп, не обладающих качеством субъектности или свойствами коллективного субъекта. Проблема критериев коллективного субъекта, которая фактически сейчас рассматривается, может формулироваться в разных взаимно дополняющих формах. С одной стороны, это так, как было сделано выше: какими критериальными признаками должна характеризоваться группа, чтобы быть коллективным субъектом? С другой стороны, это так называемая постановка проблемы «от противного»: какими характеристиками обладает группа, которая явно, очевидно не является субъектом? Возможны ли в принципе «группы-несубъек-

ты» или всякую группу необходимо считать субъектом, но с его разными качествами, свойствами и т. п.? Или по-другому: коллективный субъект (в данном случае не имеется в виду его дифференциация с групповым субъектом — этот вопрос здесь вообще не рассматривается) есть группа на определенном уровне ее развития, например, более социально зрелая или всякая, с самыми разными ее проявлениями, которые и рассматриваются как субъектные и т. д.?

Отвечая на эту совокупность вопросов, можно утверждать, что в определенных социальных условиях существуют такие группы, среди которых могут быть выделены следующие:

- стихийные группы, которые образуются в соответствии с конкретно сложившейся ситуацией, а затем легко распадаются или видоизменяются, например, так называемые транспортные, уличные и другие подобные;
- группы, объединенные общим пространством и временем (т. е. группы по типу «здесь и сейчас»), не имеющие других видов связей, кроме пространственно-временных, в основе своего объединения;
- территориальные группы, образующиеся по общему месту и времени проживания, в принципе могут становиться реальными субъектами, но типичные их состояния, как правило, субъектностью не характеризуются;
- любая кратковременно существующая группа, которая может быть как стихийной, так и специально, но временно (ситуативно) организованной, остается чаще всего группой лишь с формальными ее характеристиками (сложность здесь заключается в том, что в каждом конкретном случае только дополнительный анализ может показать, в какой степени организационные связи наряду с пространственно-временными между членами группы позволяют самой группе перейти из некоторого исходного состояния в группу с предсубъектными характеристиками, в частности, с психологической готовностью к каким-либо формам совместной активности);
- многие естественные и организованные группы, но находящиеся на самых ранних стадиях (этапах) их формирования и становления, совсем не соответствующие или номинально, но не реально соответствующие критерию взаимосвязанности и взаимозависимости, а тем более другим критериям (в социально-психологической литературе такие группы известны давно, однако обозначаются они разными терминами, например: «номинальная»,

«зарождающаяся», «диффузная», «группа-конгломерат», большая социальная группа типологического уровня развития и т. п.).

Следовательно, такие социальные группы, которые объединены лишь пространственными и временными признаками, связями, реально не обладают качествами коллективного субъекта. Однако такое толкование возможно лишь тогда, когда первый из вышеназванных признаков коллективного субъекта считается уже достаточным для отнесения к нему той или иной группы. Если же второй признак (совместная активность) понимать как необходимый наряду с первым, то совокупность групп, не обладающих качеством субъектности, резко возрастет, что, по нашему мнению, теоретически неоправданно потому, что это сразу отнесет феномен коллективного субъекта к разряду скорее исключительных, чем обычных.

Таким образом, из вышеприведенного анализа совокупности групп, не относящихся к категории коллективных субъектов, следует, что не всякий по содержанию вид взаимосвязанности людей в группах является достаточным для порождения феномена коллективного субъекта. Как видно, наличие только пространственно-временных связей не делает группу обладающей таким феноменом. Для этого должны иметь место (состояться) и какие-то другие виды взаимных связей, которые в совокупности с пространственно-временными приводят к порождению коллективного субъекта, например: функциональные, технологические, организационные, управленческие, экономические, политические, возрастные, гендерные, образовательные, профессиональные, социально-психологические, этнические, языковые, культурные и мн. др.

Целесообразно поставить вопрос о том, чем же объясняется такое исключительное положение пространственно-временных связей. Дело в том, что для возникновения социально-психологического феномена коллективного субъекта принципиально важно не просто наличие каких-то видов взаимосвязанности (их числа, определенного содержания и т. п.), сформулированной выше в связи с первым признаком коллективного субъекта, а такой их совокупности, которая становится основой формирования *психологической готовности группы* к каким-либо формам (или видам) совместной активности, что и является наиболее принципиальным. Именно это было выше обозначено терминами «предсубъектность», или «потенциальная субъектность», как свойство, качество группового состояния предактивности, причем совместной. Однако наличие только пространственно-временных связей не обеспечивает группе состояние психо-

логической готовности к совместной активности. Это хорошо видно на примере выделенных и описанных транспортных, уличных, территориальных, кратковременных, только зарождающихся и других видов неорганизованных случайных групп.

Основные направления и схемы анализа коллективного субъекта

Коллективный субъект характеризуется множественностью своих проявлений (процессов, состояний, свойств), которые зафиксированы в целом ряде понятий, используемых в социальной психологии, ее отраслях и психологии в целом, например: коллективный субъект поведения, жизнедеятельности, деятельности, общения, отношения, рефлексии, познания, управления (и самоуправления) и т. д. Сходная картина обнаруживается и на индивидуально-личностном уровне, например, с множественностью феномена «Я» и др. Так и здесь можно говорить о множественности проявлений феномена «Мы (коллективного субъекта)». Однако необходимо напомнить принципиальное теоретическое положение А. В. Брушлинского о том, что «субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные его психические свойства, виды активности и т. д., а сам человек — деятельный, общающийся и др.» (Брушлинский, 1996, с. 15). Следует признать, что такая позиция тесно связана с получившими широкую известность научными представлениями Б. Г. Ананьева о человеке как индивиде, личности, субъекте деятельности, индивидуальности (Ананьев, 1969; Головей и др., 2017; и др.).

Но, с другой стороны, это положение не следует понимать так, что субъект полностью отождествляется с человеком, иначе и потребность в таком понятии исчезает. Скорее, «человек как субъект» понимается в качестве носителя, обладателя субъектных свойств, характеристик, которые в совокупности составляют феномен человека, однако естественно, что они не могут существовать вне человека, они неразрывны с ним. Некоторая опасность заключается в том, что часть приведенного выше теоретического положения, а именно: «субъектом является не психика человека» — можно изъять из контекста и истолковать в крайней форме так, что субъект — это вообще не психическое образование и является предметом исследования не психологической, а лишь философской науки. А именно с таким представлением о субъекте как гносеологической альтернативе объекту исследования (познания) все еще приходится сталкиваться в среде психологов.

Нечто подобное можно сформулировать и по отношению к коллективному (групповому) субъекту: изучая его различные формы,

сами эти проявления, сколь бы многочисленными они ни были, невозможно называть коллективным (групповым) субъектом, которым может быть только коллектив (группа), совместно действующий, объединяющийся, относящийся к различным социальным объектам, включая самого себя, и т. д.

Феномен коллективного субъекта проявляется через различные формы совместной активности группы (или ее совместной жизнедеятельности), которые, к сожалению, не систематизированы в социальной психологии из-за сложностей, связанных с их множественностью и высокой степенью разнородности. Из наиболее известных форм совместной активности можно выделить следующие (они же, по-видимому, и являются основными формами):

- совместная деятельность во всем многообразии ее видов: трудовая, учебная, познавательная, игровая, созерцательная и т. д.;
- внутригрупповое взаимодействие в любых его формах, включая социально-перцептивные, интерактивные и т. д., направленные на формирование или реализацию межличностных и других (между личностью и группой или ее частью, между микрогруппами или группировками и т. п.) отношений, на установление коммуникаций, общения и т. п.
- групповое поведение (совместные действия, разные формы выражения групповых мнений, оценок, отношений к социальным и другим объектам и т. д.);
- групповое самопознание (саморефлексия) с целью, например: установления групповых норм, правил поведения, их самокоррекции, оценки способностей группы, потенциальных ее возможностей и т. п.;
- межгрупповое взаимодействие по самому широкому спектру вопросов, связанных с активностью своей и чужих групп, направленной как на установление взаимных связей, определение взаимных оценок, т. е. межгрупповых отношений, так и на реальное межгрупповое общение.

Несмотря на предложенное *группирование форм совместной активности группы*, их систематизация представляется нам относительно самостоятельной задачей, требующей специальных теоретических исследований. Дело в том, что вся история социальной психологии есть история исследований, прежде всего, различных форм активности личности и группы или разных индивидов в группе, между группами и т. д., т. е. таких форм, которые характеризуются разным качеством совместности. В этом легко можно убедиться, если позна-

комиться с результатами историко-теоретического анализа исследований по проблемам личности в группе и совместной деятельности в отечественной социальной психологии, выполненного сотрудниками лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН (Журавлев, 2005, с. 15–36; Совместная деятельность..., 1988, с. 7–34; Психология совместной жизнедеятельности..., 2001, с. 12–35; Совместная деятельность в условиях..., 1997, с. 7–34; и др.). Такого рода анализ, безусловно, должен быть продолжен не только по названным, но и по целому ряду других социально-психологических проблем.

Практически каждое из перечисленных выше проявлений коллективного субъекта представляет собой то или иное направление исследований в социальной психологии, которое в разной степени разработано. В последние два десятилетия преимущественно изучается «коллективный субъект деятельности», «субъект коллективной деятельности», «коллектив как субъект деятельности», «групповой субъект деятельности» или «субъект совместной деятельности» (Психология индивидуального и группового субъекта, 2002; Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999; Проблема субъекта..., 2000; Совместная деятельность..., 1992, 1997; Чернышев, Сурьянинова, 1990; и др.). При этом используется и ряд других понятий, близких к перечисленным.

Сложившиеся на сегодняшний день социально-психологические подходы к исследованию коллективного субъекта принципиально отличаются друг от друга тем, какой психологический феномен или психологическое образование принимается за «единицу», исходную «клеточку» анализа коллективного субъекта. Основные из них схематично можно представить следующим образом.

1. Индивидуальная деятельность рассматривается инвариантом совместной деятельности, поэтому из индивидуальной деятельности можно вывести все элементы деятельности совместной, а уже от нее перейти к анализу коллективного субъекта, выполняющего совместную деятельность. В данном случае индивидуальная деятельность и есть та «клеточка» («единица»), опираясь на которую можно описать и совместную деятельность, и ее коллективный субъект.

Совершенно очевидным основанием использования данной схемы является то общее (а оно действительно существует), что имеется в структурах, динамике (процессах) и содержании (предмете) индивидуальной и совместной деятельности. При этом последняя может рассматриваться как более усложнен-

ная форма, некоторая совокупность индивидуальных деятельностей включенных в нее лиц. Все это вместе объясняет и распространенность подобных представлений, и их понятийную устойчивость по отношению к критике.

Подробный критический анализ таких представлений о «психологии коллектива», «коллективной деятельности» и «коллективном сознании», выводимых из индивидуальной деятельности и сознания, выполнен А. И. Донцовым (1979).

2. Коллективный субъект (коллектив) представляет собой некоторую совокупность индивидов (личностей), находящихся в межличностных отношениях, опосредствованных деятельностью или отдельными ее элементами (например, целями и т. д.), т. е. основной «единицей» анализа коллективного субъекта являются деятельностно опосредствованные межличностные отношения, описание которых фактически есть описание коллективного субъекта (коллектива).

Следовательно, как центральный психологический феномен в отличие от первой схемы анализа рассматривается «не деятельностный», хотя и деятельностно опосредствованный. Межличностные отношения в группе (коллективе), а именно: процессы их зарождения и становления, трансформации и развития, формирования и управления ими, их влияния на другие групповые явления — все это совершенно правомерно может рассматриваться как важнейшие формы совместной активности группы (коллектива), характерные для коллективного субъекта. Другими являются вопросы о том, насколько полно данная схема анализа (исследования) позволяет вывести или привести к коллективному субъекту, в какой степени допускает описание всего многообразия коллективных феноменов, в том числе выше сгруппированных форм совместной активности и т. д. Однако вопросы эти сложны для краткого ответа, они, безусловно, требуют специального и подробного исследования.

3. Основной «единицей» анализа совместной деятельности и ее коллективного субъекта является взаимодействие участников совместной деятельности (или членов коллектива, выполняющего совместную деятельность), однако не всякое взаимодействие, а именно предметно-направленное, т. е. ориентированное на предмет совместной деятельности (Журавлев, 2005; и др.). Аналогичная схема анализа (от предметно-направленного взаимодействия к совместной деятельности и коллективному субъекту) может быть использована для изучения и других вышеперечис-

ленных проявлений коллективного субъекта. Главное при этом — идти от анализа феномена взаимодействия элементов (членов) коллективного субъекта, направленного на познание, общение, управление, отношение к другим социальным объектам и т. п., или же анализировать его поведение, жизнедеятельность в целом. То или иное качество (свойство, состояние) проявления коллективного субъекта определяется взаимодействием составляющих элементов коллективного субъекта, которыми могут выступать как индивиды, так и общности разного количественного состава (микрогруппы, подгруппы, группировки т. п.).

Формально-структурные характеристики коллективного субъекта

Если полагаться на последний из вышеназванных и наиболее широко трактуемых подходов к пониманию «коллективного субъекта», то необходимо выделить принципиально различные формы его существования, описываемые формальными (не содержательными) характеристиками, начиная с *количественного состава* той общности людей, которая обозначается коллективным субъектом. В результате такой систематизации коллективный субъект может быть представлен в следующих основных формах:

- диада: супруги, родитель—ребенок, учитель—ученик, руководитель—исполнитель, врач—больной, консультант—клиент, командир—рядовой, друзья/подруги и т. д. и т. п. (Бехтерев, 1994; Совместная деятельность..., 1988; и др.);
- малая группа: семья, учебная группа, производственная бригада, кафедра, лаборатория, группа друзей, спортивная секция, кружки различных хобби и т. д. (Гайдар, 2006; Коргова, 2000; Осипова, 1992; Тлемешок, 2001; Чернышев, 1981; и др.);
- группа средних размеров: малое и среднее предприятие, цех крупного предприятия, типичные НИИ и небольшие КБ, вузы, профессиональные ассоциации, организованные собрания, митинги и т. п. (Гиркало, 1992; Иванов, 1980; Кириянов, 1992; Совместная деятельность..., 1997; Трудовой коллектив..., 1980, 1983);
- большие социальные группы: крупные предприятия и организации, классы и социальные слои, этнические группы, войска, крупные политические партии, общественные движения, крупные толпы, сборища, шествия, территориальные группы и т. п. (Левин, 1992; Новожилов, 2002; Позняков, 2000; Сайко, 2006; Согулина, 1999; Социально-психологические исследования..., 1999; Шорохова, 2002; и др.);

- общество в целом как организованная совокупность взаимопересекающихся и включенных друг в друга (в соответствии с принципом «матрешки») индивидов, малых, средних и больших социальных групп (см., напр.: Макропсихология..., 2009; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.).

Другим принципиальным формальным признаком коллективного субъекта наряду с количественным составом являются формы его организации, т. е. структуры связей между составляющими субъект элементами (компонентами, частями). Их многообразие в настоящее время не поддается какой-то систематизации и группированию, кроме как упрощенному делению коллективного субъекта на следующие формы в зависимости от характеристик структуры связей:

- внешне и внутренне задаваемая организация;
- жестко, умеренно и слабо регламентированные (организованные);
- иерархически и рядоположно организованные;
- организованные на формальных (деловых, функциональных, официальных) и неформальных (неофициальных, личных) связях и зависимостях и др.

Следующей формально-структурной характеристикой коллективного субъекта является его *однородность (гомогенность) — разнородность (гетерогенность)*, точнее, их степень по самым различным признакам, характеризующим включенные в него элементы. Чаще всего имеются в виду индивиды, входящие в коллектив (группу). Степень однородности/разнородности оценивается, например, по социально-демографическим признакам (половозрастным, образовательному, семейному статусу и т. п.), социальным (имущественному и должностному статусу, политическим ориентациям, этническому или религиозному признаку, конфессиональной принадлежности, и т. д.). Результатом анализа однородности/разнородности различных признаков коллективного субъекта является его «композиция».

Динамические (процессуальные) характеристики коллективного субъекта деятельности

Как уже отмечалось выше, различные проявления коллективного субъекта в социальной психологии изучены чрезвычайно неравномерно. В настоящее время есть возможности подробнее дать характеристику субъекту совместной деятельности, т. е. одному из его про-

явлений. Однако необходимо утверждать, что данное проявление есть наиболее важное. Уместно напомнить и о том, что Б. Г. Ананьев, например, понятие «субъект» относил к характеристикам человека, проявляющимся в его деятельности, главным образом в трудовой деятельности. Он писал: «Человек — субъект прежде всего основных социальных деятельностей — труда, общения, познания» (Ананьев, 1969, с. 322), а также: «Основной предметной деятельностью человека является труд, на базе развития которого возникли все другие формы ее, включая игру и учение» (Ананьев, 1969, с. 318).

Исследования коллективного субъекта должны проводиться в неразрывной связи с изучением совместной деятельности, поэтому выделенные свойства (характеристики) коллективного субъекта одновременно должны являться и свойствами совместной деятельности. В соответствии с ее основными признаками, рассмотренными в специальной работе о совместной деятельности как объекте социально-психологического исследования (Журавлев, 2005; и др.), выделены следующие свойства совместной деятельности и ее коллективного субъекта: целенаправленность, мотивированность, целостность (интегрированность), структурированность, согласованность, организованность (управляемость), результативность (продуктивность), пространственные и временные особенности условий жизнедеятельности коллективного субъекта.

Кратко остановимся на каждом выделенном свойстве, предложим параметры и показатели их описания и возможной оценки. В качестве параметров рассмотрим некоторые величины, которые их характеризуют и задают определенные границы проявления. Показатели — это данные, по которым можно судить об уровне развития свойств. Число показателей по каждому свойству обычно превышает число параметров (см.: Совместная деятельность..., 1988, с. 32–35).

Под *целенаправленностью* коллективного субъекта деятельности в данном контексте понимается его стремление к основной, общественно значимой цели. Целенаправленность характеризует такое состояние коллектива, когда цель имеет решающее влияние на совместную деятельность (СД), подчиняет ее себе, как бы «пронизывает» ее. В свою очередь, целенаправленность коллективного субъекта деятельности характеризуется групповыми интересами, содержанием целей, которые выдвигает перед собой группа, коллективными социальными установками, убеждениями, идеалами. Целенаправленность выражает, прежде всего, реально существующие тенденции в деятельности коллектива и является важнейшей характеристикой его социального и социально-психологического «портрета».

В качестве параметра данного свойства может рассматриваться тип ценностно-ориентированной регуляции внутригруппового предметно-направленного взаимодействия. Предполагается, что близость или сходство ценностных ориентаций участников СД проявляется во взаимодополняемой и интегрированной направленности коллективного субъекта деятельности на какую-либо цель. Это служит важной предпосылкой успешного выполнения совместной деятельности. Эмпирическими показателями могут выступать: 1) уровни проявления таких видов направленности, как направленность на совместную деятельность, на взаимоотношения друг с другом, на свою позицию в деятельности и в системе отношений; 2) соотношение этих видов; 3) соотношение личностных и коллективных целей, т. е. их соответствие, взаимное дополнение, совпадение, расхождение, противоречие, вплоть до противоборства, и т. п.

Мотивированность как свойство коллективного субъекта деятельности представляет собой активное, заинтересованное и действенное отношение (побуждение) к совместной деятельности. Она характеризует такое состояние мотивационной сферы участников СД, при котором имеют место эмоциональные переживания потребности, влечения, желания действовать вместе, а также осознание необходимости совместной деятельности и пристрастное, увлеченное отношение к ней. Мотивированность формируется в результате интеграции индивидуальных мотивов, их взаимного «сложения» и «переплетения». Проявляется она в особенностях активности и заинтересованности членов коллектива в совместной деятельности. Основным параметром мотивированности коллективного субъекта деятельности признается уровень (глубокий или поверхностный) включенности его членов в СД, который свидетельствует в первую очередь об их отношении к ней. В качестве эмпирических показателей, мотивированности, по нашему мнению, могут служить уровень активности участников СД, напряженность (интенсивность) их деятельности, степень удовлетворенности участием в СД и др.

Под *целостностью (или интегрированностью)* коллективного субъекта деятельности понимается внутреннее единство составляющих его элементов. Данное свойство характеризует степень взаимосвязанности и взаимозависимости участников СД. В социально-психологической и психологической литературе используются и некоторые другие термины для обозначения целостности: объединенность, единство, сопряженность, цельность. Целостность (интегрированность) коллективного субъекта описывается следующей совокуп-

ностью параметров: плотностью функциональных связей между его членами, показателями которой выступают частота и интенсивность контактов между ними; уровнем функциональной взаимосвязанности и таким показателем, как отношение числа совместно выполняемых функций к общему их числу; типом целостности коллективного субъекта, который проявляется в характере доминирующих связей между членами коллектива.

Важным свойством коллективного субъекта деятельности является его *структурированность*, которая означает четкость и строгость взаимного распределения функций, задач, прав, обязанностей и ответственности между членами коллектива, определенность его структуры. Хорошо структурированный коллективный субъект обладает, прежде всего, свойством легко подразделяться на основные элементы или части, которые соответствуют выполняемым функциям и задачам в СД, т.е. каждому его звену определено свое место. Параметрами структурированности, по нашему мнению, можно считать тип распределения обязанностей и ответственности в коллективе, характер его статусно-ролевой структуры, соответствие организационной структуры деятельности организационным отношениям. Эмпирическими показателями структурированности, соответственно, выступают доминирующие способы распределения функций (взаимное дополнение, подстраховка, дублирование и т.п.), способы принятия ответственности за выполнение функций в коллективе (концентрация, распределение, диффузия ответственности), характеристики делового взаимовлияния и др.

Согласованность как свойство коллективного субъекта деятельности представляет гармоничное сочетание его членов, взаимную обусловленность их действий. Для обозначения данного свойства в конкретных видах профессиональной деятельности используются также такие термины, как «координированность», «слаженность», «сработанность», «сыгранность» и т.п. Согласованность (или рассогласованность) проявляется на всех этапах выполнения СД и характеризует сочетание ее основных структурных элементов: целей и задач, мотивов, действий и операций, промежуточных и конечных результатов. Параметром согласованности является, прежде всего, тип или характер согласования (соотнесения) действий членов коллектива, который может оцениваться с помощью следующих показателей: доминирующих способов разрешения разногласий и противоречий, ведущей «зоны» согласования действий членов коллектива, уровня конфликтности и типичных способов поведения его членов в конфликтных ситуациях и т.п.

Организованность коллективного субъекта деятельности означает упорядоченность, собранность, подчиненность, следование определенному порядку выполнения СД, способность действовать точно в соответствии с заранее установленным планом (плановерность). Для обозначения свойства организованности иногда используется термин «регулируемость», а в последние годы стало широко применяться близкое к нему понятие «управляемость», под которым понимается способность следовать управляющим воздействиям. В данном свойстве можно выделить два основных аспекта: а) способность коллективного субъекта деятельности следовать внешним организационным и управляющим воздействиям, т. е. его исполнительность, которая характеризует коллектив как объект управления по отношению к управленческим органам; б) способность коллективного субъекта самому организовываться и управлять своей деятельностью. В этом смысле организованность и управляемость характеризуются сплоченностью в решении внутриколлективных задач и степенью развития самоуправления (Гайдар, 1994; Кирьянов, 1992; Совместная деятельность..., 1988; Проблемы субъектов..., 2007; и др.). Следовательно, основными параметрами организованности (управляемости) коллективного субъекта являются уровни его исполнительности и самоуправления в СД. Эмпирическими показателями уровня исполнительности служат частота следования внешним управляющим воздействиям, а также стиль исполнения. Уровень самоорганизованности (самоуправляемости) эмпирически характеризуется через показатели активности коллектива в управлении своей деятельностью, среди которых мы выделяем формально-динамические (количество членов, принимающих участие в управлении коллективом; количество выполняемых ими управленческих функций и т. п.) и содержательные (потенциал лидерства, способы включения членов коллектива в управление, его направленность и др.).

Интегральным свойством коллективного субъекта деятельности является его *результативность*, которая означает способность достигать положительного итога. В результативности в виде показателей конкретных продуктов деятельности «фокусируются» определенные уровни развития свойств коллектива. В социально-психологической литературе встречаются также и другие термины, близкие по содержанию «результативности»: «продуктивность», «производительность», «эффективность», «действенность» (Бехтерев, 1994; Позняков, 2000; Совместная деятельность в условиях..., 1997; Социально-психологическое исследование руководства..., 1999; Чернышев, Сурьянинова, 1990; и др.). Основанием для выделения параметров результативнос-

ти (продуктивности) коллективного субъекта деятельности является возможность разделения всей совокупности выполняемых им задач на два крупных блока: производственные и социальные (включая социально-психологические). Следовательно, такими параметрами должны быть производственные и социально-психологические результаты деятельности коллектива. Выбор эмпирических показателей результативности должен осуществляться с учетом конкретной специфики его деятельности и отражать ее важные стороны.

Выделенные характеристики одновременно являются свойствами и совместной деятельности, и ее коллективного субъекта. Однако можно предположить, что наряду с такими характеристиками имеются также свойства только деятельности (например, темп, интенсивность, ритмичность и т. п.) и только коллектива (например, сплоченность, совместимость, удовлетворенность, подготовленность, компетентность, профессиональность, квалифицированность и т. п.). Каждая из трех выделенных групп свойств требует специального изучения и оценки.

Конкретные виды коллективного субъекта деятельности характеризуются разными уровнями проявления его свойств, которые могут оцениваться эмпирически в соответствии с изложенной выше концептуальной моделью. В этом состоит практическая задача социально-психологического анализа СД и коллективного субъекта. В связи с этим остается недостаточно разработанным важный и относительно самостоятельный вопрос о параметрах и эмпирических референтах выделенных выше свойств коллективного субъекта, начало разработки которого положено в данной работе, но который в каждом конкретном случае изучения СД требует отдельного и специального рассмотрения. Конкретное решение данного вопроса позволяет сравнивать трудовые коллективы не только по состоянию социально-психологического климата, но и по характеристикам коллектива как субъекта совместной трудовой деятельности (или коллективного субъекта).

Психологическая характеристика других проявлений коллективного субъекта

В соответствии с положением о множественности проявлений коллективного субъекта (или, в терминологии Б. Г. Ананьева, «*полисубъектности*») его можно характеризовать, например, в связи с качествами (свойствами) и внутрисубъектных (внутриколлективных, внутригрупповых), и межсубъектных (межколлективных, межгруп-

повых) отношений. В результате этого можно получить социально-психологический «портрет» коллективного субъекта отношений. Такие характеристики, т.е. не являющиеся свойствами совместной деятельности (хотя и сохраняющиеся ее факторами, тем не менее имеющие отношение к коллективному субъекту), традиционно разрабатываются в социальной психологии. Если ограничиться ведущими свойствами *коллективного субъекта отношений*, то они могут быть представлены следующими полярностями:

- сплоченность—разобщенность;
- совместимость—несовместимость;
- открытость—закрытость;
- удовлетворенность—неудовлетворенность;
- конфликтность—бесконфликтность;
- терпимость—нетерпимость;
- устойчивость—изменчивость;
- доброжелательность—агрессивность;
- уважительность—пренебрежительность.

Безусловно, данная совокупность может быть дополнена, однако перечисленные свойства коллективного субъекта отношений, а также самих отношений реально изучаются в социальной психологии, хотя и в принципиально разной степени.

Следующим важнейшим проявлением коллективного субъекта является феномен *общения*. Как и отношения, общение может быть внутрисубъектным (внутриколлективным) и межсубъектным (межколлективным). Основные свойства, описывающие данное проявление (качество) коллективного субъекта и изучавшиеся в социальной психологии, следующие:

- целенаправленность—бесцельность;
- контактность—неконтактность (изолированность);
- общительность—замкнутость;
- уравновешенность—неуравновешенность;
- компетентность—некомпетентность;
- комфортность—дискомфортность и др.

Исходя из сравнения описанных выше совокупностей, необходимо сформулировать теоретическое положение о том, что некоторые психологические свойства коллективного субъекта одновременно характеризуют различные его проявления, тем самым они могут быть названы *общими свойствами*, а некоторые из них специфичны и характеризуют лишь отдельные проявления коллективного субъекта.

Последние свойства составляют группу *частных*, или *парциальных*. Однако такое разделение, по существу, не сделано в социальной психологии, поэтому такую работу еще предстоит выполнить.

Психология больших социальных групп как коллективных субъектов

На возможностях и особенностях исследования больших социальных групп как коллективных субъектов целесообразно остановиться несколько подробнее по целому ряду причин. Во-первых, для современной социальной психологии данное направление исследований является принципиально новым, так как психология таких групп с позиций субъектного подхода ранее глубоко не анализировалась и профессионально не осмысливалась. Возможно, выделение субъектных характеристик (свойств, качеств) существенно дополняет понимание психологии больших социальных групп, которая по-прежнему остается недостаточно изученной в социальной психологии.

Во-вторых, исследование психологии таких групп именно как коллективных субъектов, несомненно, будет способствовать пониманию глубинных изменений, происходящих в современном российском обществе. Такие надежды связаны, с одной стороны, с необходимостью тщательного анализа изменений в социальной психологии ранее известных социальных групп: процессов осознания или нового места, новых функций и ролей в современном обществе, роста в целом их социальной активности, новых явлений в межгрупповых отношениях, в частности, согласования действий с другими социальными группами и т. д. С другой стороны, существует потребность в изучении психологии новых социальных групп, интенсивно возникавших в российском обществе в 1990-е годы и продолжающих активно формироваться в начале нового века. Имеются в виду не только относительно изученные за последние 25 лет социальные группы предпринимателей, безработных или среднего класса, но и совсем не изученные или малопонятные группы: «бомжи», «новые беспризорные», обманутые вкладчики (инвесторы), «зеленые», волонтеры, кадеты, правозащитники, новые профессиональные и др. Актуальной проблемой является исследование таких изменений в психологии и первых, и вторых приводимых групп, которые превращают их в коллективных субъектов, способных реально влиять на российское общество и тем самым развивать его.

В-третьих, исследование психологии больших социальных групп с позиций субъектного подхода является вполне релевантным, позво-

ляет расширить научное поле применения данного подхода, раскрыть его реальные теоретические возможности на новых конкретных объектах социально-психологического анализа — все это фактически может привести к развитию самого субъектного подхода в психологической науке.

В-четвертых, возрастающий интерес к возможностям субъектного подхода к психологии больших социальных групп неизбежно усилит интеграционные междисциплинарные процессы социальной психологии и социологии, экономической и исторической наук, политологии и науки управления и др., так как каждая из них имеет свой актуальный интерес к большим социальным группам. В этом взаимодействии социальная психология не просто сохраняет свое полноправное и полноценное участие, но и является явно востребованной со своим специфическим предметом исследования и результатами, дополняющими научные представления о больших социальных группах.

На процессы становления, поддержания и проявления больших социальных групп в качестве коллективных субъектов и их свойства коллективной субъектности оказывает влияние целая *совокупность факторов*, среди которых были выделены следующие основные (Емельянова, Журавлев, 2009):

- общее историческое прошлое социальной группы (или общая судьба), укореняющее и легитимизирующее существование данной общности, воспроизводящееся в символах, легендах, мифах и т. п.;
- наличие общего языка как средства коммуникации и взаимопонимания, как условия выработки разделяемых смыслов, ценностей и идеалов группы;
- развитие общественных процессов, создающих благоприятные условия для проявления социальной инициативы, различных форм совместной активности, межгруппового взаимодействия и т. д., т. е. всего того, что развивает субъектные свойства социальных групп;
- актуальная общественная ситуация, например, стабильность/нестабильность социально-экономических, социально-политических и мн. др. общественных явлений;
- существование традиции совместных действий в каждой конкретной анализируемой группе, переживаемых сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными совместными действиями;

- наличие относительно устойчивой системы идей и взглядов, ценностей и идеалов, норм и правил и т. д., принимаемых и разделяемых большинством членов группы и постепенно становящихся важными объединяющими регуляторами их социального поведения, в конечном счете приводящих к формированию общей культуры (идеологической, политической, правовой, экономической, символической и т. п.), построенной на опыте совместной жизнедеятельности группы и фиксирующей основные принципы взаимоотношений внутри общности, с другими общностями, ее институционального устройства и т. д.

Одним из перспективных направлений исследования является изучение того, как перечисленные и некоторые другие факторы воздействуют на формирование и проявление уже известных социально-психологических феноменов групповой идентичности, социальной категоризации, межгрупповых отношений, самооценки перспектив развития своей группы и возможностей ее влияния на социальное окружение и др. и как на их основе становятся и развиваются собственно *субъектные качества* больших социальных групп, к которым относятся, например:

- социальная инициативность и активность;
- социальная ответственность;
- высокая степень самоорганизации и самоуправления;
- навыки и опыт совершения согласованных групповых действий;
- относительная автономность, независимость и самодостаточность;
- открытость для внутригруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Особо следует сказать о таком субъектном качестве больших социальных групп, как наличие *развитого гражданского сознания* у их членов. Гражданское сознание предполагает реальное действие взаимных обязательств во взаимоотношениях человека и общества. Рассмотрение личностью своего общества, государства в качестве основного фактора (гаранта) обеспечения социального порядка и личной безопасности должно естественным образом дополняться развитым чувством долга человека-гражданина перед обществом и государством. Гражданское самосознание основано на *гражданской идентичности* человека, в которой фактически фиксируется общность, близость или даже единство социальных интересов индивида и группы (подробнее см.: Емельянова, Журавлев, 2009).

Можно выдвинуть следующее предположение о некоторых *признаках* развитого гражданского сознания у членов большой социальной группы:

- развитая гражданская идентичность;
- переживание потребности в принадлежности к какой-либо гражданской общности;
- чувство социальной защищенности вследствие принадлежности к гражданской общности;
- положительная социальная установка на активную общественную деятельность, свободную от карьерных и меркантильных интересов;
- потребность оказывать влияние на общественные процессы, уверенность в самой возможности повлиять на них и др.

Результаты конкретных эмпирических исследований, выполненных в Институте психологии РАН (ИП РАН) М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, Н. А. Журавлевой, А. Б. Купрейченко, Т. А. Нестиком, В. П. Позняковым, В. А. Хашенко и др., с помощью качественных методов фокус-групп, анализа отдельных случаев и конкретных ситуаций, ассоциаций, глубинного интервью, беседы, контент-анализа и др., свидетельствуют о том, что большинство изучавшихся социальных групп российского общества, выделенных по признакам пола и возраста, характера занятости и семейного положения, отношений собственности и имущественного статуса и т. д., реально находятся на уровне *предсубъектности*, не соответствуют основным признакам коллективного субъекта (Емельянова, 2006; Журавлева, 2006; Позняков, 2000; Социальная психология..., 1999; Социально-психологическая динамика..., 1998; Социально-психологические исследования руководства..., 1999; и др.).

Выполненные в ИП РАН Т. П. Емельяновой исследования психологии большой социальной группы как коллективного субъекта позволили разработать некоторые концептуальные положения, имеющие отношение к социально-психологическим феноменам, механизмам и функциям, которые, как правило, включены в процесс становления коллективного субъекта. В частности, было обнаружено, что социальные представления в процессе их конструирования социальными группами российского общества выполняют не только познавательные функции или функции ориентации поведения, которые ранее уже были известны в результате исследования более стабильного в социально-экономическом отношении французского общества. Социальные представления у членов фрустрированных

групп российского общества (безработных, пенсионеров, особенно неработающих, некоторых групп госбюджетных организаций и т. п.) выполняют также важную *функцию поддержания позитивного эмоционального состояния*. Как показали результаты эмпирических исследований Т. П. Емельяновой, одним из действенных механизмов реализации выделенной функции социальных представлений является функционирование *коллективной памяти* (Емельянова, 2002; и др.). Кросс-культурные исследования воспоминаний о Второй мировой войне позволили обнаружить в их структуре психологические феномены (мнения, оценки, представления, отношения, установки), которые служат именно для поддержания позитивного эмоционально насыщенного образа собственной группы у ветеранов войны или играют роль объединяющего символа величия нации, вызывающего чувство гордости за свой народ у молодежи. Это происходит в условиях противоречивого дискурса в российском обществе о минувшей войне, особенно о ее причинах и начальном периоде, а также современных попыток пересмотреть ее исторические итоги.

В периоды радикальных общественных изменений большие социальные группы как коллективные субъекты остро испытывают потребность в психологическом подкреплении и подтверждении собственной групповой значимости, удовлетворение которой, во-первых, несколько компенсирует морально-нравственный дискомфорт от переживаемого исторического периода, а во-вторых, служат достаточно эффективным способом реального объединения и сохранения самой социальной группы как субъекта.

Другим важнейшим феноменом в исследовании больших социальных групп как коллективных субъектов является *коллективный символический коупинг* (collective symbolic coping). Вначале этот термин использовался в контексте изучения способов преодоления посттравматического стресса через процесс взаимного раскрытия пациентами своих психологических проблем (Pennebaker, Harber, 1993). В исследованиях социально-психологических феноменов (социальных представлений) больших социальных групп данный термин встречается у австрийского социального психолога В. Вагнера, который рассматривал дискурс в сообществе как один из способов коллективного коупинга. Он писал: «Социальное представление определяется как *выработка социального объекта* сообществом для правильного поведения и коммуникации... Такая „выработка социального объекта“... достигается... посредством *дискурсивной* выработки системы смыслов, т. е. посредством символического коупинга» (Wagner, 1998, p. 307).

Конечно, коллективный коупинг существует далеко не только в форме дискурса, необходимого для преодоления каких-то групповых проблем. В целом он выступает важнейшим механизмом стабилизации социального поведения в сложных ситуациях, в экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами и т. п. Выявление стратегий и закономерностей возникновения и протекания коллективного коупинга в условиях общественной, региональной или групповой нестабильности может рассматриваться как перспективное направление исследований в современной социальной психологии.

Изучение феноменов коллективной памяти и коллективного коупинга фактически является новой областью в отечественной социально-психологической науке, которую целесообразно развивать, особенно в парадигме коллективного субъекта. Эти феномены наряду с такими атрибутами больших социальных групп, как социальные и психологические отношения, социальные представления и социальные установки, стереотипы и предрассудки, групповые ценности и ценностные ориентации, социальная категоризация и различные виды идентичности, социальное сравнение и социальные ожидания, социальные нормы и правила, социальные эталоны и идеалы и мн. др., в определенной мере помогут раскрыть и понять социально-психологические закономерности переживания людьми периода сложных трансформаций российского общества. Новые данные о феноменах больших социальных групп как коллективных субъектов, в частности о динамике коллективной памяти и формировании коллективного коупинга, будут способствовать, с одной стороны, прогнозированию возможных негативных психологических последствий общественных преобразований, а с другой — поиску путей стимулирования процессов развития гражданской ответственности и социальной активности различных групп российского населения.

Заключение

Различные проявления коллективного субъекта представляют собой психологические феномены разной степени обобщенности/частности. В этой связи наиболее обобщенным проявлением коллективного субъекта может быть поведение, интегрирующее частные его формы, к которым относятся общение, отношение, воздействие, управление и т. п.

Другими обобщенными формами активности коллективного субъекта являются также взаимодействие и широко понимаемая

совместная жизнедеятельность. Такие, например, шкалы свойств, как «активность—пассивность», «удовлетворенность—неудовлетворенность», «устойчивость—изменчивость» и др., имеют отношение к любым проявлениям коллективного субъекта и тем самым могут быть отнесены к группе наиболее общих его свойств.

Остается проблемным важный вопрос о специфике субъектных качеств групп разного размера (численности), например: малых и больших социальных, которые, безусловно, имеют как сходные, так и различные субъектные свойства. Более того, пока еще в достаточно острой форме сохраняется дискуссионность вопроса о возможности рассматривать большие социальные группы как субъекты, однако, по нашему мнению, это имеет временный характер. Такие социальные группы, как различные этносы, некоторые политические партии, российские предприниматели, пенсионеры, разные общественные движения в 1990-е годы и начале XXI в., убедительно показали свою способность к совместным активным действиям, которые оказывали влияние на общественные явления, т. е. проявляли себя в качестве коллективных субъектов в современном российском обществе. Задача состоит в том, чтобы на эмпирическом уровне глубоко проанализировать и теоретически осмыслить эти явления именно в субъектной парадигме.

Сохраняются пока и многие методические сложности в изучении разных групп как коллективных субъектов: использование имеющегося инструментария для исследования групповой психологии возможно лишь в ограниченных рамках, а разработка новых методик, приемов, различных техник и т. п. всегда требует большого времени и учета конкретной специфики изучаемых явлений.

Для разрешения отмеченных и других сложностей большое значение имеют теоретические разработки К. А. Абульхановой (Абульханова, 2005). Во-первых, психологической категории «субъект» она обоснованно придает научный статус методологического принципа, который, как и другие известные принципы в психологии, служит «соотнесению теории, знаний и эмпирического исследования», является ориентиром «для выбора стратегии всего исследования, проверки и подтверждения гипотез», содействует «установлению самых различных соотношений предмета и объекта познания», выполняет «не только науковедческую, но и научно-практическую роль» (Абульханова, 2005, с. 19). Во-вторых, через теоретическую трактовку объекта психологического исследования, в качестве которого рассматривается субъект, наделение самого исследования характером взаимодействия ученого с объектом его познания, К. А. Абульханова соотносит

и реально показывает взаимное дополнение субъектного и психосоциального подходов в психологии, которые в настоящее время развиваются фактически единым крупным направлением. Это позволяет не только развиваться каждому из данных подходов, но и укреплять методологические основания психологии в целом. В-третьих, одной из характерных особенностей современного состояния психологической науки, по мнению К. А. Абульхановой, является распространение нового методологического принципа субъекта, даже более того — новой субъектной парадигмы (Абульханова, 2005, с. 19). Такое распространение понятия имеет непосредственное отношение к изучению рассмотренного здесь феномена коллективного субъекта.

Отмеченные тенденции, безусловно, имеют хорошие перспективы и в исследовании жизнедеятельности самых разных групп как коллективных субъектов.

Литература

- Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3—21.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Бехтерев В. М.* Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта деятельности в психологической науке // Психол. журнал. 1992. Т. 13. № 6. С. 3—12.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж, 1996.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Гайдар К. М.* Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1994.
- Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: ВГУ, 2006.
- Гиркало В. П.* Трудовой коллектив как субъект общественно-политической деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700—2707.

- Донцов А. И. К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 25–34.
- Емельянова Т. П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 230–290.
- Емельянова Т. П., Журавлев А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Некоторые виды социально-психологических пространств самоопределяющегося субъекта // Психология образования: культурно-исторические и социально-правовые аспекты: Материалы III Национальной научно-практической конференции. М., 2006. Т. 1. С. 180–181.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Иванов В. Н. Трудовой коллектив — субъект социального управления. М.: Мысль, 1980.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докл. к Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. М. И. Володикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Кириянов В. И. Трудовой коллектив как субъект самоуправления: Опыт социологического анализа: Дис. ... докт. социол. наук. СПб., 1992.
- Коргова М. А. Формирование команд-субъектов управленческой деятельности. М.—Пятигорск: РАГС, 2000.
- Левин В. М. Становление клубной аудитории как коллективного субъекта социально-культурной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992.
- Леонов Н. И., Главатских М. М. Психология социального мира. Ижевск: НИПЦ «Ergo», 2006.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Митькин А. А.* Групповой субъект: реальность или метафора? // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 53–70.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Основные подходы к исследованию групповой рефлексивности в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2011. С. 17–19.
- Новожилов А. М.* Социальные группы как объекты и субъекты политики: Учеб. пособие. М.: МИИТ, 2002.
- Осипова Н. Ф.* Первичный студенческий коллектив как субъект формирования личности специалиста: Дис. ... докт. филос. наук. Харьков, 1992.
- Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психол. жур. 2000. Т. 21. № 6. С. 38–50.
- Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профес-

- сионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4.
- Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник – 92. М., 1994.
- Сайко Э.В.* Субъект: созидатель и носитель социального. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2006.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Совместная деятельность: Методы исследования и управления / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 1992.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Форум; Инфра-М, 2014.
- Сосулина Т.В.* Интеллигенция как субъект социально-экономических отношений и рынка труда. Саратов: СГТУ, 1999.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тлемешок В.Р.* Управленческая команда как субъект строительства будущего. Майкоп: МГТИ, 2001.
- Трудовой коллектив как объект и субъект управления / Отв. ред. А.С. Пашков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Трудовой коллектив – объект и субъект социального планирования и управления: Тезисы докл. Всесоюзн. практич. конф. / Отв. ред. С.Ф. Фролов. М.: Ин-т социол. исслед., 1983.

- Франк С. Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // С. Л. Франк. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
- Чернышев А. С.* Социально-психологические свойства коллектива как субъекта деятельности // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов. Курск, 1981. С. 3–16.
- Чернышев А. С., Крикунов А. С.* Социально-психологические основы организованности коллектива. Воронеж: ВГУ, 1991.
- Чернышев А. С., Сурьянинова Т. И.* Генезис группового субъекта деятельности // Психол. журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 7–15.
- Шорохова Е. В.* Теоретические проблемы исследования больших социальных групп // Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Пер Сэ, 2002. С. 252–264.
- Pennebaker J. W., Harber K. D.* A social stage of collective coping: the Loma Prieta earthquake and the Persian Gulf // Journal of social issues. 1993. V. 49. № 4. P. 125–145.
- Wagner W.* Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.

Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета

В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев

Происходящие в России в последние десятилетия глубокие преобразования в разных сферах общественной жизни оказывают влияние на традиционные ценности, приоритеты и нормы в сознании россиян. Новая модель общественного развития в качестве одного из основных векторов включает переход от сложившихся в многовековой истории нашего народа коллективистических ценностей и отношений к индивидуалистическим. По сути, происходит процесс преобразования важных характеристик российского менталитета как глубинного основания целостности и самобытности народа.

Сегодня проблема менталитета обретает статус области междисциплинарного знания, в которой пересекаются интересы разных отраслей социогуманитарного научного знания: социологии, культурологии, истории, философии, этнографии, источниковедения. Но, безусловно, основная роль в ее разработке принадлежит психологии, что определяется сущностью менталитета как психологии народа.

Тенденция роста интереса к проблеме менталитета в современной психологии и смежных с ней отраслях знания обусловлена значительным объяснительным потенциалом данного феномена при разработке широкого спектра научных проблем. Очевидно, что в какой бы ипостаси ни выступал человек как субъект экономической, политической, общественной деятельности, в своих социальных или индивидуальных проявлениях он всегда в той или иной мере осознанно или неосознанно, эксплицитно или имплицитно несет в себе ментальные характеристики, впитанные в процессе социализации, жизни в своей культуре и природном окружении и ставшие органичес-

кой частью его личного психологического пространства. Обращение к проблеме менталитета обусловлено стремлением выявить «корни» и эксплицировать причинную обусловленность поведения и действий человека, а также социальных групп, системы их отношений к разным сторонам действительности.

Ментальность личности — внутренняя психологическая, через которую преломляются любые внешние воздействия и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром.

То же относится и к народу в целом как носителю менталитета. В менталитете воплощается совокупность корневых психологических черт народа, характеризующих его своеобразие, особенности его национального характера, мировосприятия. Как отмечает Д. С. Лихачев, «национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым» (Лихачев, 1984, с. 40).

О своеобразии и неповторимости каждого народа пишет Г. Д. Гачев, считая необходимым определение его специфических качеств, субстанции, характера мышления, психики в целом, «потому что народы, как музыкальные инструменты: один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный» (Гачев, 2003, с. 440).

Менталитет выступает тем верховным определителем, которым обусловлены традиционные для народа формы человеческого сознания, поведения, восприятия и отношения к разным социальным явлениям.

Этим объясняется, например, непонятное многим представителям так называемого «цивилизованного мира» отношение наших людей к ряду инноваций в современной социальной жизни европейских стран и Америки — признанию однополых браков, гомосексуализма, доходящим до абсурда принципам политкорректности и свободы, дающим право кому-то цинично осмеивать религиозные ценности других людей, издеваться над человеческими трагедиями, беспардонно вторгаться в личную жизнь любого человека и т. д. Однако за этим стоят не приписываемые западными политтехнологами нашему народу «непредсказуемость», консерватизм и «цивилизаци-

онная отсталость», а сохраняющаяся у него приверженность традиционным ценностям как составной части российского менталитета.

Непонятной и необъяснимой с точки зрения западного мышления является и реакция россиян на введенные санкции и трудности, связанные с кризисным состоянием экономики. Казалось бы, ухудшение материального положения значительной части населения должно было вызвать усиление протестных настроений, а на деле наблюдается консолидация народа, одобрение внешнеполитических действий властей, что подтверждается растущим рейтингом Президента РФ. И здесь вновь проявляется сила менталитета: присущие русскому народу терпение, способность и готовность стойчески переносить лишения и трудности во имя высших целей, предпочтение духовных ценностей материальным.

На это указывали многие русские мыслители. Так, по мнению И. А. Сикорского, русских отличают терпение и потребность в страдании. «Потребность мученичества является как бы необходимой психологической практикой, как бы внутренним предуготовительным упражнением, без которого была бы немыслима борьба с препятствиями, налагаемыми на человека суровой и бедной природой» (Сикорский, 1899, с. 40). Обосновывая свою мысль, Сикорский пишет, что «самым важным плодом терпения у русского народа является самообладание, способность подавлять в себе волнение и вносить мир в собственную душу. Терпение и покорность судьбе должны быть, несомненно, признаны за самые выдающиеся особенности русской души» (там же). Сикорский отмечает, что русского человека мало интересует окружающая обстановка жизни, он обходится без внешнего комфорта, необходимого англичанину, и без избытка изящества, которым окружает себя француз; русский довольствуется простыми условиями существования, не ищет удобств и «всему предпочитает теплую душу и открытое сердце». Согласно И. В. Киреевскому, богатство воспринимается русским народом как второстепенное условие общественной жизни, подчиненное высшим целям и условиям. Он стремится путем внутреннего возвышения над внешними потребностями преодолеть тяжесть внешних нужд (Киреевский, 1852). На жизненную стойкость и силу духа русского народа, его способность противостоять ударам судьбы, сохранять свои лучшие качества в самых тяжелых условиях указывает Ф. М. Достоевский (1994, с. 48).

Конечно, жизнь вносит коррективы в сознание и поведение людей: формируется привычка к бытовому комфорту, к спокойной и безопасной жизни. Однако в сложные моменты, при столкновении с критическими обстоятельствами на поверхность выходит то, что на-

ходится в глубинных пластах души русского человека, давая ему силы для выживания, преодоления трудностей и лишений.

Исследование российского менталитета имеет не только научное, но и *практическое значение*. Полученные данные позволяют наметить правильную, отвечающую ментальным особенностям народа, его ожиданиям и чаяниям социальную политику. Проводить какие-либо социальные преобразования без апелляции к культурной традиции и менталитету народа — это значит заведомо обрекать его на серьезные трудности. И пробуксовка тех социальных преобразований, которые осуществляются в настоящее время в нашей стране, как представляется, обусловлена, в первую очередь, несоответствием их направленности исконно русскому мировосприятию, укоренившимся в нашей культуре нравственным представлениям, идеалам и ценностям.

Менталитет — это своеобразный «фильтр», через который преломляются и посредством которого оцениваются все инновации в жизни народа, способствующий сохранению того, что соответствует его глубинным психологическим чертам и противодействующий вторжению в его структуру антагонистичных его природе элементов. С этой точки зрения менталитет рассматривается в его *избирательной, селективной и защитной функциях*.

Особенности современной социальной жизни убедительно демонстрируют, что сложившиеся устойчивые образования менталитета нашего народа ставят заслон на пути вхождения в его культуру и образ жизни чуждых инновационных нововведений (индивидуализма, коммерциализации разных сфер жизни, конкурентных отношений, идее обогащения любой ценой и т. д.). Может быть, поэтому с таким трудом приживаются в нашей стране новые формы общественной жизни, связанные с утверждением капиталистических отношений. Большинство населения страны отвергает их, причем, не по идеологическим соображениям, а исходя из природы своего менталитета, антибуржуазного по своей сути. Как пишет Н. А. Бердяев, «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства. Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Европы, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни» (Бердяев, 1997, с. 12). По его мнению, русский человек никогда не поклонялся «золотому тельцу», не почитал

материальные богатства в качестве высшей ценности, презирал буржуазные добродетели. «Более того, наживаясь и обогащаясь, он всегда ощущал себя немного грешником» (Бердяев, 1989, с. 26, 76). Отсюда, по мнению Бердяева, вытекает неприятие русскими людьми буржуазного мира.

Именно учет особенностей менталитета народа может уберечь от ошибок в проектировании и реализации нововведений в общественной жизни.

К числу последних можно отнести, например, монетизацию льгот, поставившую во главу угла финансовые соображения и не учитывающую важность для русского человека, прежде всего, моральной оценки его заслуг и достижений. Столь же непродуманной является образовательная политика государства, строящаяся на основе зарубежных лекал и, в конечном счете, ориентированная на развитие не творческой личности, а делового и предприимчивого менеджера со стереотипным мышлением, что чуждо нашему народу, отвергающему сугубо прагматические ценности.

В этом ряду можно отметить и инновации в сфере российской науки, игнорирующие ее национальные особенности. В свое время И. А. Ильин, отмечая своеобразие русской научной мысли, подчеркивал, что она не должна подражать «западной учености» в области исследования и мировосприятия, а призвана разрабатывать свое мировоззрение и собственную исследовательскую культуру. По его мнению, отечественную науку роднит с мировой ориентация на общечеловеческую логику, принципы научной доказательности, направленность на главную цель — постижение истины. Но в отличие от западных абстрактных, рассудочных построений русская наука вносит в исследовательский процесс «начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести» (Ильин, 2005). Согласно Ильину, русская наука не должна быть «мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения. Рассудочная наука, не ведущая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно слепая: она не видит предмета, а наблюдает одни его оболочки; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бессильна подняться к созерцанию целого» (Ильин, 2005). Напротив, русский ученый призван видеть и изучать целостный предмет во всех его гранях. По сути, выделяются те черты, которые всегда отличали отечественную научную мысль — целостное изучение явлений, глубокая личностная включенность уче-

ного в исследовательский процесс, признание важности этической составляющей научной деятельности. Важным компонентом научного исследования, по Ильину, является творческая свобода. Это положение касается и разработки научных методов исследования, которые, как он отмечает, не являются лишь мертвой системой «приемов, схем и комбинаций», а представляют собой «живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, „исследование“, „изобретение“, вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение» (Ильин, 2005). Резюмируя, И.А. Ильин пишет, что русский ученый должен быть «не ремесленником и не бухгалтером явления, а художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукою творческого созерцания — не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в поправление факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними» (Ильин, 2005).

Поразительны глубина и полнота рассмотрения русским мыслителем тех основ, на которых должно базироваться отечественное научное мышление.

Обращаясь к современному состоянию развития науки, прежде всего фундаментальной, следует констатировать, что она ориентируется властными структурами не на национальные традиционные формы организации и оценки ее результативности, а на нормы, принятые в зарубежных научных сообществах (минимизация государственного финансирования, введение грантовой системы, превалирование в оценке деятельности ученых количественных, наукометрических показателей, коммерциализация науки, утверждение принципов прагматизма и т.д.). Это не может не подрывать те основания, на которых всегда базировалась отечественная наука — ее высочайшую теоретическую фундаментированность, ориентацию на раскрытие глубинных, сущностных основ бытия мира и человека, целостность и системность, антипрагматизм и антипозитивизм, творческий полет мысли, гармоничное сочетание естественно-научного и гуманитарного знания. Именно этот путь развития науки обеспечил ее огромные достижения, которые в короткий срок в XX столетии вывели Россию в число лидеров в области научно-технического прогресса.

Выход из этой ситуации очевиден — возвращение к своим «корням», творение своего и по-своему: «русского по-русски».

Власть предрежающим следует также учитывать, что особую ценность для русского народа представляет *справедливость*, традиционно отождествляющаяся с правдой и истиной. Н. А. Бердяев указывает, что русского человека отличает обостренное чувство «социальной правды». Об особой чувствительности русского человека к вопросам совести, присущем ему чувству социальной справедливости, поиске правды пишет Н. О. Лосский (2005). При этом отмечается, что в случае разочарования в правде и добре русский человек может прийти до крайних проявлений агрессии и жестокости. Это предостережение выдающегося исследователя психологии русского народа звучит чрезвычайно актуально. Тотальная социальная несправедливость в распределении некогда созданных всем народом материальных ресурсов общества, их незаконное присвоение группой «избранных» при постоянно ухудшающемся положении основной массы населения страны, подкрепляемые беспрецедентной по своим масштабам коррупцией, воровством, растущей безответственностью при принятии государственных решений всех уровней, несправедливыми вердиктами судов, глубоко переживаются людьми и провоцируют рост в обществе напряженности, протестных настроений, асоциальных и антисоциальных проявлений. В этих условиях временная консолидация общества на фоне внешнеполитических успехов и присоединения Крыма может смениться резким обострением социальных противоречий, если ситуация в стране не претерпит серьезных изменений. Русский народ готов мужественно переносить трудности, «пострадать ради блага Отечества», но он никогда не сможет примириться с несправедливостью.

Ментальные характеристики, укорененные в жизнедеятельности и коллективной памяти народа, способствуют адаптации человека в обществе, его социализации и культуризации, и в этом проявляется их *адаптивная функция*.

Обеспечивая актуализацию накопленного опыта при решении жизненно важных задач, возникающих на каждом новом этапе исторического развития, менталитет тем самым выступает в своей *активной, созидательной функции*.

Менталитет — это то начало, которое объединяет людей, живущих в едином культурном пространстве, в особую живую целостность, наделенную собственным самосознанием, самоидентификаций, осознанием ценности своей культуры, в чем проявляется его *консолидирующая функция*. В связи с этим обращение к проблеме менталитета отвечает актуальным запросам национальной и общечеловеческой безопасности.

Наконец, нельзя не отметить, что особую актуальность разработка проблемы менталитета приобретает в связи с динамикой мировых процессов.

Особенностью современной ситуации является усиливающаяся глобализация мировой культуры. Расширение средств коммуникации, массовая миграция населения порождают тенденцию взаимопроникновения культурных традиций в значительно большей степени, чем в предшествующие эпохи. Происходит сознательное разрушение национальных государств, не вписывающихся в планы проектировщиков нового мирового устройства.

Эта стратегия установления мирового порядка не нова. В конце XIX в. ее существо было вскрыто русским мыслителем Н. Я. Данилевским, решительно отстаивающим идею о существовании особой славянской культуры и ее ценности (Данилевский, 1895). На этом пути ему пришлось столкнуться с господствующим в то время в умах просвещенной элиты России убеждением, что существует только одна подлинная культура — европейская, а все иные являются лишь ступенями на пути движения к включению в нее. Ценой же достижения этой вожаемой цели признавалась необходимость отказа от своих национальных корней, собственной истории, своей самобытности. Данилевский уверен, что невозможно привить цивилизацию извне, и совершенно недопустимо отказываться от своей «народности». Идее существования одной (европейской) цивилизации и единой мировой истории он противопоставляет учение о различных культурно-исторических типах, имеющих своеобразную историю и закономерности развития, самоценных и несопоставимых друг с другом с точки зрения уровня их совершенства.

Сегодня на смену европоцентризма пришел американоцентризм, хотя существо глобализационного процесса не изменилось.

Этому необходимо противопоставить право каждого народа на обладание собственной национальной и культурной самобытностью при открытости для взаимодействия с другими народами и нациями. А главный путь обеспечения самостоятельного и самобытного развития любого народа — сохранение его лучших традиций, присущих ему культурных ценностей и мировоззренческих приоритетов, объединение народа вокруг созидательных целей, открывающих перспективы его развития.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что, во-первых, менталитет представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, которая открывается и проявляется в разных сферах социальной жизни — в социализации и культуризации, семейном

и общественном воспитании, образовании и познании, деятельности и общении и т.д.; во-вторых, менталитет обеспечивает закрепление, сохранение и трансляцию специфичных для народа форм восприятия мира, реагирования на события и явления действительности, традиций и норм, ценностей и идеалов, что важно для социализации и адаптации личности в современных условиях изменяющегося общества.

История разработки и подходы к трактовке менталитета

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы менталитета, востребованность и широту использования понятия «менталитет» в современной науке, все еще явно недостаточно отрефлексированы сущность и природа описываемой им реальности.

Признание «ментальной связанности» человека, которая не менее сильна, чем его социальная обусловленность, у большинства исследователей сочетается с констатацией сложности, неопределенности и многозначности феномена менталитета. Этим, по-видимому, обусловлены различные подходы к его трактовке.

Так, Э. Дюркгейм, который одним из первых обратился к исследованию данного феномена¹, рассматривает его как *коллективное сознание*, т.е. совокупность у индивидов, принадлежащих к одному обществу, общих представлений, верований, интересов, чувств, стремлений, ценностей. Коллективное сознание (или менталитет) определяется им как особый «психический тип общества», отличающийся собственным способом существования, развития, присущими ему свойствами. Являясь особой реальностью и существуя объективно, менталитет влияет на индивидуальное сознание. И чем больше он как «голос общественной совести» регламентирует социальную жизнь, тем выше уровень общественной солидарности, сильнее связь индивида с группой и макросоциумом.

Французский философ и психолог-позитивист Л. Леви-Брюль в своих исследованиях по изучению познавательной деятельности представителей разных культур опирается на введенное Дюркгеймом понятие «коллективные представления» как совокупности навязываемых социумом индивиду верований и чувств. Однако в отличие от Дюркгейма, акцентирующего внимание на универсальных характеристиках обществ и дифференцирующего их по уровню «со-

---

1 Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном.

лидарности» («механическая» солидарность, базирующаяся на кровном родстве в первобытном обществе, и «органическая» солидарность, основанная на общественном разделении труда в развитых общественно-социальных системах), Леви-Брюль ставит задачу раскрытия особенностей менталитета людей цивилизованных и «примитивных» культур, проявляющихся, прежде всего, в специфике их познавательной деятельности. Согласно его мнению, в «низших обществах» доминируют коллективные представления, определяющие своеобразный характер и тип мышления его членов: глубоко эмоциональное отношение к познаваемым явлениям; нечувствительность к логическим противоречиям; закрытость, непроницаемость для объективного опыта. Это приводит ученого к выводу о наличии на ранних стадиях развития общества особого типа ментальности — пралогической ментальности.

Большой вклад в теоретико-эмпирическую разработку проблемы менталитета внесли создатели школы «Анналов», Марк Блок и Люсьен Февр, разработавшие новое направление исторического исследования, в котором осуществлен переход от событийной истории, «истории-повествования» к «истории-проблеме». Новая стратегия исторического исследования в школе «Анналов» заключается во всестороннем и целостном изучении всех сторон жизни общества — хозяйственно-экономических, политических, социальных, культурных. При этом особое внимание уделяется раскрытию психологической составляющей исторического процесса. Согласно М. Блоку, основной предмет исторического исследования — «человек во времени» (Блок, 1986). Тем самым заложены основы психологизирующей истории.

В работах представителей школы «Анналов» ставится задача изучения ментальных характеристик народов различных культур и исторических периодов, воссоздания «истории чувств и образа мышления эпохи». В качестве основной структурной единицы анализа менталитета выделяются мировоззрение и массовые представления людей определенного исторического периода. Не умаляя роли экономического, политического, социального процессов, они вместе с тем считают необходимым их рассмотрение через призму отношения людей к общественным явлениям. Заслугой историков данного направления является также выход за рамки традиционного рассмотрения менталитета исключительно как характеристики высших слоев общества (государственных деятелей, известных личностей, героев) к его изучению как массового социально-психологического феномена, в котором объективируются и отражаются устойчивые, глубинные свойства широких народных масс.

Трудность исследования коллективной ментальной инстанции породила стремление выделить для ее описания какой-то один, центральный компонент. Так, в работах Л. Февра и его сторонников — Ж. Дюби, Ф. Ариеса, Ж. Делюмо — ментальность сводится к сфере эмоций, а рациональные идеи оцениваются как нечто вторичное, относящееся к области индивидуальных проявлений. Из исходной коллективной эмоциональной общности и на ее основе, по утверждению этих авторов, на определенном этапе истории рождается индивидуальная рациональная мысль.

Американские ученые, исследующие историю становления правовых отношений, наоборот, полагают, что в основе формирования ментальных эмоциональных явлений лежат идеи, которые, закрепляясь в общественной практике, приводят к возникновению веры.

Особый акцент в трактовке менталитета делается на наличие в нем бессознательного компонента, выступающего в качестве некоего «вживленного образца», обуславливающего predisposedность его субъектов к определенным типам реакций (Ф. Граус). По утверждению немецкого историка У. Раульфа, менталитет — некая predisposedность, внутренняя, неосознаваемая готовность человека действовать определенным образом, «область возможного для него» (История ментальностей..., 1996).

Проблема «психологического склада», или менталитета, русского народа получила глубокое освещение в отечественном философско-психологическом и этнографическом знании XIX–XX столетий. Осмыслению особенностей русского национального характера, метафизических основ «народного духа» посвящены работы К. С. Аксакова, Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Н. М. Карамзина, И. В. Киреевского, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, Н. И. Надеждина, М. П. Погодина, И. А. Сикорского, Вл. Соловьева, С. М. Соловьева, А. В. Терешенко, П. А. Флоренского, А. С. Хомякова, Г. Г. Шпета, В. Ф. Эрн, П. Д. Юркевича и многих других отечественных авторов. В этом ряду следует особо отметить вклад ученых Этнографического отделения Русского географического общества (К. Д. Кавелин, Н. И. Надеждин), а также созданного В. Н. Тенешевым Этнографического бюро в исследование образа жизни, бытовой культуры, духовных ценностей народа (прежде всего, крестьянства) России. В результате сбора конкретных данных был накоплен богатейший уникальный материал, касающийся «психологического склада» русского народа. Как отмечает Е. А. Будилова, известный английский ученый Г. Спенсер сожалел, что не знает рус-

ского языка и не может познакомиться с этими уникальными материалами (Будилова, 1983).

В советской психологии первым к исследованию проблемы менталитета в конце 1960-х годов обращается А. Я. Гуревич. И хотя на этом этапе само понятие «менталитет» Гуревич не использует как неустоявшееся и еще не вошедшее в научный оборот, в его работах представлено достаточно полное описание той реальности, которая обозначается данным понятием. Начиная с 1980-х годов, Гуревич применяет это понятие и определяет «менталитет» как «духовный инструментарий», «умственное оснащение народа». Менталитет воплощает в себе «повседневный облик коллективного сознания», включает социально-психологические установки, способы восприятия, чувствования, мышления (Гуревич, 1972). Наряду с осознаваемыми, в нем представлены также неосознаваемые психические феномены: автоматически воспроизводимые действия, представления и формы поведения. «Неосознанность или неполная осознанность — один из важнейших признаков менталитета» (Гуревич, 1989, с. 115).

К проблеме менталитета обращаются многие современные отечественные ученые (К. А. Абульханова, Т. И. Артемьева, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, А. Я. Гуревич, И. Г. Дубов, Т. П. Емельянова, Е. А. Климов, В. В. Колесов, Е. В. Мочалова, Д. В. Полежаев, В. Е. Семенов, Е. Г. Синякина, А. Н. Славская, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович, А. В. Юревич и др.).

В определениях менталитета отмечается его обусловленность природными и социально-культурными факторами, объективированность в виде представлений его субъектов о разных явлениях действительности, их оценки и отношения к ним. Так, согласно Е. А. Климову, «ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания; в этом смысле она представляет собой специфический тип мышления... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность — то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире» (Климов, 2002, с. 399).

Представляется интересной трактовка менталитета И. К. Панариным как закрепления в культуре народа судьбы страны, единства «характера исторических задач и способов их решения», результата накопления исторического опыта народа, его памяти о прошлом, определяющей его мировосприятие и поведение.

В целом в науке сложилось понимание менталитета как психического склада народа, совокупности характерных для него психоло-

гических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов.

Структура менталитета

В менталитете в нерасчлененном единстве сосуществуют осознаваемое и бессознательное, современное и архаичное, рациональное и чувственно-эмоциональное, укорененное и сиюминутное, стабильное и изменчивое, традиционное и инновационное. К его определению полностью подходит данная С. Л. Франком характеристика души как особой нерасчлененной и неструктурированной целостности — ее «сплошности», «слитности», «бесформенности единства». Использование этого определения не случайно, ибо менталитет — это и есть душа народа, то, что определяет его существование как специфической целостности.

Но, может быть, именно эта неопределенность, расплывчатость, сложность четкого структурирования данного феномена является подтверждением его необыкновенной емкости и многогранности (Ж. Ле Гофф).

Большинство авторов (И. В. Загороднова, Я. В. Зубкова, В. И. Карасик, Ю. Д. Коробков, Л. В. Лесная, О. Г. Прохвачева, А. А. Соколова, А. В. Сухарев, Н. М. Чернышева, Н. С. Южалина, А. В. Юревич и др.) при определении структуры менталитета, руководствуясь логикой его понимания как психологических особенностей народа, выделяют тот или иной (узкий или широкий) перечень психологических характеристик. Иногда этот список охватывает практически все психические явления, начиная от всего спектра познавательных процессов и до различных личностных и социально-психологических характеристик. Делаются также попытки определенным образом структурировать указанные признаки менталитета.

Такой путь анализа позволяет описать некую абстрактную универсальную модель менталитета — менталитета вообще. Но далее необходимо сделать следующий шаг — перейти от этой абстрактной универсальной модели к построению конкретной модели, отражающей специфику менталитета данного, конкретного народа (социальной общности). Признание того, что в менталитете любого народа представлены и рациональные, и эмоционально-чувственные, и поведенческие компоненты, не продвигает к решению вопроса о том, чем отличается менталитет одного народа от другого. Очевидно, что нет некоего единого менталитета, общего для всех народов. Данный феномен носит *конкретно-исторический* характер, является

принадлежностью данного, конкретного народа на данной, конкретной стадии его развития и требует соответствующего подхода к его изучению. Более того, если раньше ставился вопрос о едином для всего общества менталитете, то в настоящее время обоснованно утверждают о существовании *полиментальности* (В. Е. Семенов) — об особой ментальности разных социальных общностей: классов, этносов, профессиональных сообществ, возрастных и половых страт, жителей столицы и провинции, города и сельской местности и т. д. И каждая из них, по-видимому, имеет свою особую выраженность компонентов, объединенных в своеобразную структуру.

Представляется правомерным в качестве основного способа исследования менталитета использовать принципы системного подхода (Ломов, 1984), предполагающие раскрытие совокупности его психологических составляющих, выделение системообразующего стержня, определяющего взаимосвязи компонентов и объединяющего их в структурно организованное целое, включающее ядро (центральные, устойчивые, инвариантные составляющие) и динамичные периферийные слои.

Можно предположить, что в качестве системообразующего стержня менталитета русского народа выступают духовные качества — особенности высших ценностей, составляющих основу его мировоззрения, мировосприятия и системы отношений к разным сторонам действительности. Основой формирования такой системы русского менталитета стало мощное многовековое влияние православной церкви с ее высокими духовно-нравственными требованиями к человеку. Это подтверждается приоритетными позициями в системе ценностей русского народа добра, миролюбия, милосердия, справедливости, соборности, патриотизма, терпения, взаимопомощи.

Как пишет К. А. Абульханова, «самую главную черту российской психологии всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни» (Абульханова, 1997, с. 7–8).

Факторы формирования менталитета

Становление менталитета — длительный и противоречивый процесс. Россия — это цивилизационно неоднородное образование, сложив-

шееся из многочисленных этносов. Это особый сформировавшийся вид мирного сосуществования народов, относящихся к разным типам культур и развития, который объединен мощным централизованным государством и общим культурным пространством, особенностями исторической судьбы и созданным в результате совместного бытия и взаимодействия проживающих на территории России этногрупп особым культурно-психологическим образованием — единым российским менталитетом. Для понимания сущности российского менталитета важно раскрыть факторы его формирования, так как именно ими определяются те его сущностные характеристики, которые в относительно устойчивом или преобразованном виде сохраняются в психологии народа и на современном этапе его развития.

Среди них важную роль все исследователи российского менталитета отводят *природным условиям* (географическим, климатическим). С одной стороны, это внешние факторы (экстраментальные), с другой — это та органическая среда, которая, будучи освоена сознанием людей, становится составляющей их внутреннего мира. В этом отношении национальная картина природы, отображенная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании, в философии и искусстве, а также в образе жизни и культуре повседневности, выступает в качестве важной части культуры народа, его менталитета.

На формирование психологии русского народа, по мнению М. Н. Погодина, большое влияние оказали, прежде всего, равнинный характер западноевропейской части России и огромная территория расселения славянских племен. Легкость перемещения по такой территории породила специфическое явление — «бродяжничество» русских людей, когда князья переходили с одного места в другое, за ними следовали бояре, за которыми — воины, горожане и жители сел. Отсутствие укорененности на одном месте проживания и рассеянность племенных групп на огромном пространстве обусловили, согласно Погодину, недостаточную сплоченность русского народа и слабость его социальной организации. В этом он видит объективную потребность в сильном государстве, которое выступало единственной силой, способной объединить и организовать этот аморфный конгломерат людей (Погодин, 1874).

Ведущую роль природных условий в формировании русского национального характера отмечает и С. М. Соловьев (Соловьев, 1851). Для подтверждения он проводит сравнительный анализ становления русского и европейских народов. Западные страны не столь велики по территории, как Россия, к тому же земли в Европе разделяются на обособленные, замкнутые части естественными границами — вы-

сокими горами. Любому племени, желающему переместиться на другое место жительства, чрезвычайно трудно преодолеть эту преграду, что, впрочем, и не имеет смысла, так как по другую сторону горной гряды все удобные для проживания земли уже заняты другими группами людей. Ограниченность пространства проживания и трудность перемещения побуждали людей оседать и укореняться на определенной территории. Этому способствовал также использующийся в Европе для строительства жилищ материал, в качестве которого в силу недостаточности лесных массивов применялся камень. Жилища, построенные из него, прочны, не подвержены огню и служат многим поколениям. Все это приводило к достаточно быстрому объединению людей в народности. Европейская же часть России представляет собой огромную равнину без каких-либо естественных границ, что облегчало перемещение по ней. Обилие лесов предоставляло русским легкий в обработке материал — дерево, из которого строились избы. Они непрочны, часто сгорали, и это не «привязывало» людей к месту проживания. Потеряв сгоревшее жилище, они переходили на другое место. Происходило постоянное перемещение, «кочевание» русских племен. Это, в свою очередь, затрудняло их объединение в единый народ. Таким образом, природное богатство и относительная легкость существования обернулись против русского народа. Именно этим С. М. Соловьев объясняет то «жидкое состояние», в котором долго пребывал русский народ, его отставание в цивилизационном развитии от европейских стран. Он пишет по этому поводу, что природа для народов Западной Европы являлась «матерью», а для русского народа — «мачехой».

Согласно В. О. Ключевскому, жизнь русского народа проходила в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны»). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей, — все это создавало огромные трудности для народа и требовало для их преодоления огромной затраты сил. Вместе с тем именно жизненные трудности сформировали такие черты русского национального характера, как осмотрительность, неприязнательность, способность стойко переносить лишения, выносливость, удивительная работоспособность (Ключевский, 1993).

По мнению А. В. Терещенко, особенности природно-климатических условий оказывали серьезное влияние на бытовую жизнь русского народа (его жилища, хозяйственную деятельность, обрядовую культуру и т. д.) и психологию русского народа: русские люди, «испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему

деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели» (Терещенко, 1997, с. 14).

Согласно Н. А. Бердяеву, «необъятные пространства тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее. <...> Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. <...> И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля» (Бердяев, 1997, с. 66).

К. Д. Кавелин видит одну из причин своеобразия психологии русского народа в истории его перманентных переселений на новые территории, их колонизации и освоения, сопровождающихся смешением с проживающими там другими племенами. «В вековых трудах расселения, — пишет он, — образовалась та подвижность, то умение найтись в трудных обстоятельствах, тот практический такт в сношениях с инородцами, которыми так отличается великороссиянин перед своими соплеменниками» (Кавелин, 1989б, с. 198).

Но результат процесса расселения имел и другую сторону. Суровые условия жизни на новых осваиваемых территориях, «негостеприимный климат», а главное, отсутствие позитивного культурного влияния со стороны местного населения принуждали русский народ долго «оставаться при грубых умственных и социальных зачатках первобытного человека. Трудная упорная борьба с природой-мачехой, поглощавшая все силы, не оставляла ему досуга для высших помыслов, развил, рядом с суеверным фатализмом, признаком гнетущей внешней обстановки, какой-то грубый реализм и надолго помешала образоваться в нем той идеальной сдержке, которая дает человеку точку опоры против окружающего, против изменчивости обстоятельств и случайностей, как бы влагает в него центр тяжести, поддерживающий равновесие посреди бурь житейского моря и в то же время служащий складалищем опытности и воспоминаний, накопленного жизнью умственного запаса» (там же).

Всеми исследователями менталитета русского народа признается роль *духовно-религиозного фактора* в его формировании. Так, И. В. Киреевский основой («внутренним ядром») русского менталитета считает духовную сферу, в связи с чем огромную роль в развитии русского народа отводит религии как главному источнику

его духовного опыта, фактору, формирующему его духовный мир, определяющему тип мышления, образованности и строй общественной жизни в целом. В единстве убеждений, верования — причина консолидации русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им не только духовные, но и нравственные, общежитейские, юридические представления и понятия русского народа. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также в бытовой жизни народа, в общественном устройстве России. Согласно Киреевскому, мировоззрение славян формировалось под влиянием «художественно-созерцательной» культуры Греции, восточного мистицизма, а также пришедшего из Византии православия. Европейские народы — восприимчивики католической ветви христианства и рассудочной римской культуры с ее культом насилия, завоевания, обесценивания человеческой личности. Говоря об особенностях западной ветви христианства — католичестве, он подчеркивает присутствующее ему доминирование рационализма и «внешней разумности» над «внутренним духовным разумом». В православии отсутствовали как борьба веры против разума, так и торжество разума над верою. Оно сумело сохранить чистоту христианского вероучения (Киреевский, 1852).

А. В. Терещенко подчеркивает, что именно православие сделало людей, живущих на огромных просторах страны, говорящих на разных языках, имеющих различную бытовую культуру, единым народом. Во все времена русские люди являли пример глубокой и искренней веры, берегли и охраняли свои святыни от любых посягательств извне: «Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями — это невозможно! <...> Кто нападает на его веру, тот нападает на его отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы... уничтожить народ, даже завладеть им!» (Терещенко, 1997, с. 48).

Вспомним, что именно так поступили большевики, последовательно осуществляя разрушение религии. Народ, лишившийся своего духовного ядра, стал покорной управляемой массой. Идеи ученого о народообразующей роли православия актуальны и сегодня, ибо в них намечен путь духовного возрождения современной России.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование русского национального характера, согласно Терещенко, является *историческая судьба народа России*, вместившая в себя ряд кардинальных

поворотов в его развитии, длительное пребывание под татаро-монгольским игом, отражение многочисленных чужеземных вторжений.

По мнению К.Д. Кавелина, ведущим фактором формирования русского национального характера является *особое общественное устройство России*. Проводя сравнение русской и европейской бытовой и общественной жизни, Кавелин отмечает, что в Европе центром общественной жизни является город, а ее типичным представителем — горожанин, буржуа. Великоросс — прежде всего, селянин; Россия — «мужицкое царство». Основой общественного устройства России изначально выступал дом, двор. Из него как из базовой ячейки произошли и получили дальнейшее развитие все формы организации государственной и общественной жизни. Кавелин пишет: «Домовладыка, окруженный семьей и домочадцами, распоряжающийся своим хозяйством, устанавливающий порядок среди своей семьи и своих слуг, и рабочих-домочадцев, явился прототипом той высшей общественной, а затем и государственной власти, которые выработались в великорусском племени... Великорусский царь — домовладыка; подчиненность ему различных „разрядов“ русского народа (служилые люди, торговые, тяглые) и организация его управления („наказы“, „приказы“, „пути“) суть ничто иное, как дальнейшее разрастание распорядков, сложившихся во дворе, в доме великоросса» (Кавелин, 1989б, с. 14).

В полной зависимости всех членов семьи от воли домовладыки Кавелин видит источник возникновения крепостного права и русской общины, затворничества женщин, доминирования у великороссов личных, семейных интересов над общественными. Этим определялись также нравы и представления русских людей.

Сложность и противоречивость русской культуры и менталитета русского народа обусловлены *особым геополитическим положением России*, находящейся между Востоком и Западом и открытой для проникновения в ее жизнь элементов развивающихся там цивилизаций. Этим, по мнению Н.А. Бердяева, объясняется сложность и антиномичность русской души. Он пишет, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» (Бердяев, 2000, с. 112).

Наконец, большая роль в историогенезе русского менталитета отводится *русскому языку*, который, по словам Терещенко, представляет собой «таинственный узел народности», скрепляющий людей между

собой. Согласно К. С. Аксакову, прежде всего благодаря языку обеспечивается единство народа. Слово оценивается им как орудие духовной деятельности, то, что определяет сознание и самого человека.

Традиционное и инновационное в российском менталитете

Базовые черты, характеризующие менталитет того или иного народа, отличаются стабильностью, сохраняются на протяжении многих столетий. Даже претерпевая некоторые изменения под влиянием глобальных преобразований в социальной организации общества и образе жизни народа, присущие ему ментальные свойства остаются в своей основе постоянными, что обеспечивает его самоидентификацию на всех этапах исторического развития. Так, обращаясь к древней Руси времени ее крещения, к периодам монголо-татарского ига или триумфальной победе русского народа над Наполеоном, к истории советского государства или современной России, можно обнаружить много сходных черт в психологии людей этих периодов, так как везде развивается и действует *один* народ, создатель и носитель *одной* культуры и ментальности.

Однако менталитет не является неким абсолютно неизменным образованием. Он создается коллективным субъектом и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменений которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики. Это касается, прежде всего, периферийных характеристик менталитета, ибо его ядерные свойства обладают большей устойчивостью и консервативностью. Трудно представить возможность преобразования архитипического начала в менталитете так же, как и его базовых черт.

Согласно Н. Я. Данилевскому, ядром любого культурно-исторического типа народа выступает духовное основание — верования, ценности, идеалы. Оно поддерживается силой традиции, сложившимися ритуалами, укоренившимися обычаями. Сохранение этого ядра означает сохранение культуры и менталитета народа. С его разрушением возникает новая культура и новый менталитет как ее глубинное основание.

XX в. с его мировыми войнами, кровавыми революциями, коренными поворотами в исторической судьбе русского народа внес значительные коррективы в его культуру и менталитет и предопределил новые тенденции в социокультурных процессах, протекающих на громадном этнокультурном пространстве России. Безусловно, огромное влияние на судьбу русского народа и его менталитет

оказала революция 1917 г., заложившая начало кардинального преобразования традиционных устоев жизни, насильственной «переделки» веками существовавших норм, ценностей и идеалов русских людей. Ставилась задача создания нового типа личности — советского человека. Для ее решения использовался мощный арсенал идеологического воздействия и репрессивная сила государственной машины. Удар наносился, прежде всего, по самой сердцевине русской культуры и духовности — религии, которая целенаправленно разрушалась, объявлялась «опиумом для народа». Отвергнутая религия замещалась новой — религией классово-пролетарской революции, коммунизма. Как пишет Н. А. Бердяев, коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. <...> Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры, противоположной христианской. <...> Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания» (Бердяев, 1981, с. 120, 135).

Коммунистическая мораль декларировала новые нормы отношений и предъявляла суровые требования к человеку. Социально одобряемыми становились, прежде всего, такие качества, как преданность делу революции, бдительность и жесткая, непримиримая борьба с ее врагами, твердость духа, сплоченность, героизм революционной борьбы. Христианским добродетелям в этом перечне места не отводилось.

Конечно, никакие запреты и репрессивные меры не могли истребить в душе человека веру. Она сохранялась в глубинах русской души, хотя при этом тщательно скрывалась от социального окружения. В результате в психологию человека на смену искренности и открытости приходят закрытость и «двойная мораль» — внешне демонстрируемые новые нравственные нормы и ценности и сокровенные, внутренние, традиционные нравственные убеждения; свобода и независимость в суждениях заменяется конформизмом; толерантность по отношению к иным культурам и народам преобразуется в отчуждение и непринятие инаковости.

Дальнейшая история развития советского общества продемонстрировала силу традиции, выступившей преградой на пути замысливаемой тотальной перестройки психологии человека. Народ сумел сохранить присущие ему ценности, катакомбно развивая и передавая их от одного поколения другому. Ментальность народа и русская культура, сформировавшиеся в многовековой истории, выжили и победили в схватке с антисистемами, по словам Л. Н. Гумилева,

влияниями. Без сомнения, этому в немалой степени способствовали трагические годы войны, сплотившие народ и на фоне ослабления идеологического давления актуализировавшие его лучшие традиции, глубинные, корневые пласты его души. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что духу русского менталитета соответствовали утвердившиеся в советском обществе принципы коллективизма, патриотизма, жертвенности и страдания во имя высших целей, социальной справедливости, государственности, сотрудничества и взаимопомощи. Героическими усилиями народа в неимоверно трудных условиях была создана великая держава, многие достижения которой вызывали у людей законное чувство гордости. В нравственной сфере, несмотря на многочисленные идеологические препоны, вновь утверждаются традиционные для русского народа отношения взаимопомощи и поддержки. Более того, они декларируются как основополагающие нормы человеческого общежития на государственном уровне, кладутся в основу воспитательной работы. Подтверждением этого выступает, в частности, «Моральный кодекс строителя коммунизма», по сути, представляющий собой изложение в секуляризированной форме общечеловеческих норм и ценностей.

Обращаясь к современной действительности, следует констатировать, что сегодня вновь во имя пока еще неких иллюзорных целей разрушается то духовное наследие, которое досталось нам от предков и благодаря тяжелейшим жертвам было сохранено в XX в. В сознание нашего народа внедряются чуждые ему ценности индивидуалистической морали, космополитизма, прагматизма, конкурентности; вновь правят бал жестокость, агрессия и насилие. Общество раскалывается на полярные классы богатых и бедных, утрачивается его социально-психологическое единство. Обосновывается приоритет личных интересов над общественными. Критерием достоинства человека провозглашаются его предприимчивость и способность к обогащению. Свобода рынка как высшая либеральная ценность противопоставляется якобы деструктивной идее государственного регулирования социально-экономических процессов в стране.

В 1990-е годы народу активно навязывалась мысль о том, что патриотизм является религиозно-политическим атавизмом великодержавных амбиций царской России и советского тоталитаризма. Само понятие патриотизма в таком осмыслении становилось по сути резко отрицательным. С телевизионных экранов звучала вырванная из контекста фраза о том, что «патриотизм — последнее прибежище негодяев». Тем самым делалась попытка подорвать корневые свойства нашего менталитета, всегда включавшего пат-

риотизм и государственность как базовые социальные и личностные ценности.

Сознательный отказ от идеологии автоматически привел к упразднению воспитания как фактора формирования личности. При этом акцент на всех уровнях образовательной системы делается на подготовку «способных менеджеров», умеющих манипулировать информацией в интересах достижения своих целей. Школа уже не учит детей мыслить, рассуждать, аргументировать, видит свою главную задачу в «натаскивании» учащихся в целях успешной сдачи ЕГЭ. Деидеологизация общества и умаление роли гуманитарных наук открыло простор для тотального искажения истории России, которая рисуется в самых темных красках. Русский народ предстает в ней как агрессивный, бездеятельный, ленивый, консервативный, неспособный воспринимать ценности цивилизованного мира.

К счастью, в последние годы ситуация начинает меняться. Появилась Государственная программа патриотического воспитания граждан РФ. В выступлениях Президента страны В. В. Путина остро ставятся вопросы о важности нравственного воспитания личности, необходимости сохранения традиционных для нашего народа ценностей. Проведена работа по созданию единого учебника по истории России, призванного адекватно освещать основные события прошлого. Все это вселяет надежду на грядущее духовно-нравственное возрождение российского общества.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1981.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 9–250.
- Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX века // Судьба России. М., 1997. С. 43–271.
- Бердяев Н. А. Русская идея. Самопознание. М., 2000.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Гачев Г. Д. Ментальность народов мира. М., 2003.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

- Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1989.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1895.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 год // *Ф. М. Достоевский. Собр. соч.* В 15 т. Л., 1994. Т. 12.
- Ильин И. А.* О русской идее, 2005. URL: www.pravoslavie.ru/367.html (дата обращения: 21.05.2018).
- История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах.* М., 1996.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на русскую сельскую общину // *К. Д. Кавелин. Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуры.* М., 1989а. С. 95–123.
- Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // *К. Д. Кавелин. Наш умственный строй. Статьи по философии, русской истории и культуры.* М., 1989б. С. 171–255.
- Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // *Московский сборник.* М., 1852. Т. 1. С. 1–68.
- Климов Е. А.* Профессиональный менталитет и одна психологическая гипотеза // *Б. А. Душков. Психология менталитета и нооменталитета.* Екатеринбург, 2002.
- Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций М., 1993.
- Лихачёв Д. С.* Заметки о русском. М., 1984.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 2005.
- Погодин М. Н.* О влиянии внешней политики на внутреннюю // *Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны.* М., 1874. С. 245–271.
- Сикорский И. А.* Черты из психологии славян. Киев, 1899.
- Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. 1851. Т. 1.
- Терещенко А. В.* Быт русского народа. В 4 т. М., 1997. Т. 1.

Психологические отношения человека: история понятия и его разработка в современной психологии

В. П. Позняков

Разработка одной из фундаментальных научных идей — идеи отношения — в философии, математике, логике, психологии привела к выделению специальных разделов знания, обозначаемых в каждой из названных областей «теория отношений». Понятие отношения активно используется как в биологии и физиологии, так и в социологии и ряде других социогуманитарных наук. Наверное, нельзя найти научную дисциплину, в которой оно не употреблялось хотя бы в качестве вспомогательного, интуитивно очевидного понятия. В настоящее время «психологическое отношение» занимает одно из центральных мест в системе понятий психологической науки. Целью данной публикации является анализ развития теоретических представлений, современного состояния и перспектив дальнейших исследований психологических отношений человека в отечественной психологии.

Этапы исследования психологических отношений

В фундаментальной работе, посвященной истории и теории психологии отношений, Е. В. Левченко отмечает, что истоки «отношения» как психологического понятия находятся, с одной стороны, в философии и логике, с другой — в биологии. Автор выделяет логико-фи-

---

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0001.

лософскую, биологическую и интроспективно-психологическую линию развития идеи отношения (Левченко, 2003). Исторически первой появилась логико-философская линия (Аристотель, Дж. С. Милль, М. М. Троицкий и др.). Аристотель, например, предлагал судить о том, что такое бытие, путем анализа высказываний о бытии. Он выделил десять родовых понятий: сущность, качество, количество, отношение, действие, страдание, место, время, состояние, обладание. Так, отношение было включено в число предельно обобщенных категорий. Глубокий анализ отношения как философской категории представлен в работах В. Н. Сагатовского (1973), В. И. Свидерского (1983), А. И. Уёмова (1963) и др. В рамках интроспективно-психологической линии, представленной работами И. Ф. Гербарта, В. Вундта, Г. Гегдинга и др., это понятие употреблялось как вспомогательное, интуитивно очевидное. В качестве специального предмета исследования и одного из центральных понятий, используемых для описания и анализа психических явлений, понятие «отношение» разрабатывается в трудах М. М. Троицкого (1882). Подходы отечественных исследователей, пытавшихся в конце XIX—начале XX в. найти способы описания психического, в наиболее концентрированном виде реализовались во взглядах М. М. Троицкого, для которого был характерен взгляд на психическое как на открытую взаимодействию с миром систему, понимание психических отношений как субъектно-объектных. М. М. Троицкий первым предложил рассматривать все многообразие психических явлений как «факты психических отношений», а также использовать пять независимых оснований для классификации психических отношений: страдательные и деятельные; мысленные и действительные; непроизводительные и производительные; потенциальные и актуальные; прямые и возвратные. По мнению Е. В. Левченко, именно Троицкий первым из отечественных ученых создал психологическую концепцию, в основу которой положено понимание психических явлений как отношений (Левченко, 2003). Однако в истории психологии отношений его концепция обособлена от других, автономна; прямые ссылки на нее в работах последователей отсутствуют.

Биологическая линия развития этого понятия появилась значительно позже логико-философской и состояла в описании идеи отношения организма к среде, противопоставленной изучению организма изолированного, оторванного от среды (Ч. Дарвин, Г. Спенсер, Н. Я. Грот и др.). Идея отношения организма к среде явилась одной из основ концептуальных представлений таких видных российских психологов, как В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, В. Н. Мя-

сищев. В восходящем к биологии эволюционном подходе Г. Спенсера идея отношения приобретает смысл идеи субъектно-объектной связи, отношения организма к среде, предполагающей рассмотрение нового целого: системы «организм—среда» с позиции стороннего наблюдателя. Н. Я. Грот, отмечая противоречие между наблюдаемой активностью субъектной стороны и ее пассивностью в трактовке Спенсера, определяет отношение сначала как взаимодействие, а затем как деятельность. В. М. Бехтерев, разрабатывая основы рефлексологии, использует понятие «отношение организма к среде», понимая под ним одну из сторон в двустороннем процессе разнообразного взаимодействия организма со средой. В психологической концепции В. М. Бехтерева, предпринята попытка объединения применительно к идее отношения представлений о субъектно-объектной связи и активности отношения. В. М. Бехтерев, рассматривая отношение организма к среде, полагал, что данное отношение характеризуется активностью и избирательностью, а на уровне личности становится индивидуальным, целесообразно-активным и самостоятельным (Бехтерев, 1999).

В работах А. Ф. Лазурского понятие «отношение» получило более конкретное и детальное психологическое наполнение. А. Ф. Лазурский использовал категорию «отношение» для обозначения активного избирательного приспособления личности к окружающей среде. В качестве синонимов этого понятия он называет «склонность», «потребность» и «интерес». Автор отмечает, что отношения личности могут быть более или менее развитыми, утонченными, дифференцированными, а отсутствие отношения проявляется в равнодушии или безразличии к какому-либо объекту. Отношения проявляются не только в действиях, но и во взглядах, мировоззрениях человека. Совокупность отношений человека составляет одну из сторон его личности — экзопсихику. Объекты отношения, которыми мог интересоваться человек и реагировать на них, понимались А. Ф. Лазурским весьма широко: материальные вещи, социальные группы и другие личности, различные явления душевной жизни и т. д. Концепция психологических отношений использовалась им для обоснования устойчивой и закономерной связи личности с различными объектами внешней среды (Лазурский, 1997).

Продолжая развивать эту идею, М. Я. Басов утверждал, что организм взаимодействует не со средой вообще, а с определенной структурированной ее частью, выделение которой зависит от возможностей организма. Эту особенность взаимодействия организма со средой

М. Я. Басов (1930) описывает с помощью понятия временного и пространственного радиуса среды. В связи с понятием среды М. Я. Басов рассматривает жизненно значимые, или средовые, отношения (объективные и избирательные), которые собственно и обеспечивают превращение объективной реальности в среду. Автор отмечает, что всякое отношение становится жизненно значимым для организма и, следовательно, его средовым отношением тогда, когда фактор, противостоящий организму, оказывает на него то или иное воздействие и таким образом влияет на жизнь, на развитие данного организма. В концепции М. Я. Басова идея отношения воплощается как идея симметричной субъектно-объектной связи, предполагающей соучастие субъектной и объектной сторон в ее создании и развитии. При этом организм и среда рассматриваются исследователем как две соотносящиеся органически целостные системы. Взаимодействие оказывается взаимодействием систем в целом, а не их отдельных частей, поэтому как стимул, так и реакция не выступают изолированно, обособленно, но вовлекают во взаимодействие и общую ситуацию взаимодействия, фон, и общее состояние или общую установку организма. В целом особенностью трактовки М. Я. Басовым методологического принципа отношения организма к среде является понимание отношения как взаимоотношения, т. е. соучастия его субъектной и объектной сторон в развертывании и организации деятельности.

Историко-психологический анализ показывает, что идея отношения довольно быстро приобрела в психологии характер фундаментальной. Она использовалась для описания предмета психологии, сущности психического, применялась в концепциях, авторы которых притязали на создание новой системы психологических взглядов, охватывающей психику вообще, психическое в целом — в концепциях уровня новой психологии (Левченко, 2003).

Признавая справедливым и уместным выделение названных выше истоков и линий развития идеи отношения в психологической науке (логико-философской, биологической и интроспективно-психологической), нельзя не обратить внимание на еще одну такую «линию», особенно важную для понимания и научного анализа психологических отношений человека — линию, идущую от социологии и всего комплекса социальных наук. В социологии так же, в прочем, как и в экономике и в ряде гуманитарных наук, например в культурологии, антропологии и др., понятие «отношение» достаточно широко используется для обозначения социальных связей между людьми, возникающих и реализуемых ими в процессе социального взаимо-

действия. Для обозначения, классификации и анализа этих связей в общественных науках чаще всего используется понятие общественных или социальных отношений. В советский период развития отечественной психологии часто цитировалось высказывание Маркса о том, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, но представляет собой совокупность всех общественных отношений. Детальное раскрытие и анализ этой линии развития идеи отношения в психологической науке является предметом специального рассмотрения. В рамках данной публикации отметим лишь принципиально важное для нас положение о необходимости четкого разграничения в данном контексте понятий «психология отношений» и «психологические отношения». Отсутствие такого разграничения приводит к «размытости» и неопределенности смыслов, которые вкладывают исследователи, оперирующие термином «отношения» в психологических работах. Так, по нашему мнению, когда мы говорим о психологических аспектах отношений собственности или отношений власти и т. п. или о психологических отношениях личности к собственности или власти, речь идет о разных феноменах, и это различие требует строгого разграничения. Глубокий анализ этой линии в понимании психологических отношений человека дан в статье Б. Ф. Ломова «Личность в системе отношений» (Ломов, 1981). Обращаясь к проблеме психологических отношений человека, Б. Ф. Ломов использует термин субъективно-личностные отношения, которые он определяет как многомерную многоуровневую динамическую систему, как интегральное свойство личности, определяющее всю психическую жизнь человека. Рассматривая многомерность отношений, автор вводит понятие «субъективного пространства» отношений, которое включает в себя отношение к труду, собственности, другим людям и т. д. При этом субъективное пространство отношений субъекта может не совпадать с пространством общественных отношений, в которое личность включена объективно. По мнению Б. Ф. Ломова, с психологической точки зрения «термин „отношение“ подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но, прежде всего, ее субъективную позицию в этом окружении. „Отношение“ здесь включает момент оценки, выражает пристрастность личности» (Ломов, 1984, с. 326). Выделяя субъективные отношения личности, Б. Ф. Ломов подчеркивает, что они формируются и проявляются, прежде всего, как отношения к людям. В свою очередь, отношения ко всем другим сферам действительности опосредуются именно этими субъективными отношениями.

Вклад В. Н. Мясищева в разработку теории психологических отношений человека

Выдающийся российский психолог В. Н. Мясищев является учеником и продолжателем развития теоретических представлений и эмпирических исследований, начатых его учителями — В. М. Бехтеревым и А. Ф. Лазурским. Характерно, что уже в своей первой научной работе, выполненной в студенческие годы, В. Н. Мясищев (1914) делает блестящую попытку реализовать программу психологического изучения отношений личности, разработанную А. Ф. Лазурским и С. Л. Франком (1912). Основываясь на идеях А. Ф. Лазурского, исходя из концепции эндо- и экзопсихики, В. Н. Мясищев в отличие от А. Ф. Лазурского делает акцент на втором компоненте — экзопсихике. Обозначая его первоначально как мир отношений субъекта, В. Н. Мясищев предлагает свой интегральный подход в психологии. Единицей анализа в данном подходе является личность, а ключевым понятием — «отношение». В. Н. Мясищев формулирует проблему психологии отношений, делает отношение предметом специального анализа, дает ему одно из первых развернутых определений. «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» (Мясищев, 1957, с. 143).

Личность им рассматривается как система отношений; «отношения» входят в определение и других психологических понятий. В структуре психологических отношений В. Н. Мясищев выделяет следующие компоненты: потребностная, или конативная (как тенденция тяготения к объекту, овладения им); эмоциональная (например, привязанность, антипатия и т. п.); познавательная (интересы, оценки и убеждения). В. Н. Мясищев включает деятельность в определение предмета психологии, но подчиняет процессуальный план потенциальному, говоря об изучении личности в ее сознательной деятельности. Рассматривая в качестве предмета (объекта) отношений различные виды деятельности, В. Н. Мясищев различает непосредственное отношение, возникающее под влиянием отношения к процессу, к цели и обстановке деятельности, а также активного или пассивного состояния человека; и опосредствованное отношение, которое определяется местом ожидаемого результата деятельности в системе целей личности. Это положение имеет принципи-

альное значение для анализа психологических отношений субъектов совместной жизнедеятельности, поскольку в последнем случае речь идет о выборе (предпочтении) не только тех или иных условий жизнедеятельности, но о выборе ее конкретных способов, видов.

Во взаимоотношениях между субъектами В. Н. Мясищев выделяет в особый вид «оценочные отношения», формирующиеся в связи с этическими, эстетическими, юридическими и другими критериями поступков и переживаний человека. Подчеркивает, что отношения человека обусловлены всей историей его развития, выражают его личный опыт и внутренне определяют его действия, его переживания, а также определяются общественно-историческим опытом, который является основой внутреннего мира человека. В. Н. Мясищев понимал отношение как особое состояние сознания личности, предшествующее его поведению (Мясищев, 1960). По сравнению со всеми рассмотренными нами выше системами взглядов концепция В. Н. Мясищева наиболее проработана, именно она послужила отправной точкой для современного этапа развития теории психологических отношений.

Давая характеристику понятию «отношения», В. Н. Мясищев понимал его как особое состояние сознания личности, предшествующее его поведению (Мясищев, 1960). На эту сторону понятия «отношения» обращает внимание Г. М. Андреева: «Отношение, понимаемое „как система временных связей человека как личности — субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами“ (Мясищев, 1960, с. 150), объясняет как раз направленность будущего поведения личности. Отношение и есть своеобразная predisposition, предрасположенность к каким-то объектам, которая позволяет ожидать раскрытия себя в реальных актах действия» (Андреева, 1997, с. 282–283).

Теоретические представления В. Н. Мясищева о психологических отношениях складывались и развивались на протяжении нескольких десятилетий и имеют различные смыслы. В разных своих работах В. Н. Мясищев характеризует психологическое отношение как связь субъекта и объекта, как позицию субъекта во взаимодействии со средой, как предмет психологии в соответствии с определением психического как системы отношений, как одну из фундаментальных категорий психологии, определяющую отношения как особый класс психических явлений (отношение как психическое образование) наряду с психическими процессами, состояниями и свойствами личности, наконец как специальный раздел психологии, связанный с изучением целей, потребностей, интересов, идеалов, оценок и т. п.

личности. Развивая взгляды своих предшественников на отношение как субъектно-объектную связь, В. Н. Мясищев специально подчеркивает активный, избирательный, сознательный характер этой связи и целостность личности как субъекта этой связи.

В. Н. Мясищев считал целесообразным выделение специального раздела психологии, в котором должны изучаться цели, стремления, тенденции, интересы, оценки, идеалы, потребности, убеждения. Характеризуя личность, он говорит об ее направленности как о доминирующих отношениях, т. е. о большей или меньшей активности, реактивности, эффективности в отношении к тем или иным объектам. Первым в отечественной психологии В. Н. Мясищев поставил вопрос о связи психологических отношений с основными группами психологических явлений: процессов, состояний и свойств личности. Этот вопрос имеет принципиальное значение для нашего исследования, поскольку именно психологические отношения представляются нам теми психологическими образованиями, которые играют наиболее важную роль в детерминации социального поведения и динамика которых выступает следствием, результатом изменения социально-экономических отношений в обществе. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно пластичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами). Мы считаем правомерной постановку вопроса о том, что психологические отношения выступают специальным, самостоятельным классом психических явлений.

Развитие теории отношений в советский период отечественной психологии

Начиная с работ В. Н. Мясищева, понятие психологических отношений «как системы временных связей человека как личности — субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами» (Мясищев, 1960, с. 150) прочно входит в понятийный аппарат отечественной психологической науки. Категорию психологических отношений активно использовали и развивали в своих работах ведущие российские психологи. По мнению С. Л. Рубинштейна, в процессе жизнедеятельности человек реализует и утверждает себя как субъект в своем отношении к объектам, им порожденным, и как личность в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует, с которыми он через нее вступает в контакт: «Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения —

человек и бытие, человек и другой человек (другие люди). Эти два отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены» (Рубинштейн, 1973, с. 256). А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский рассматривают отношение как одну из характеристик сознания (наряду со знанием, самосознанием, обеспечением целеполагающей деятельности человека). При этом отношение как характеристика сознания связывается авторами с «миром чувств, где находят отражение сложные объективные и, прежде всего, общественные отношения, в которые включен человек» (Краткий психологический словарь, 1985, с. 30). К. К. Платонов также рассматривает отношение как неотъемлемое свойство, атрибут сознания. Автор справедливо указывает, что имеющиеся «определения отношений как психических явлений не дают возможности четко ограничить их от сознания в целом». Однако, утверждая, что «отношение — это только один из трех основных компонентов сознания, но не все сознание в целом», К. К. Платонов вместе с тем допускает, что отношение может выступать в единстве с переживанием («отношение как переживание») или в единстве с познанием («отношение как знание») (Платонов, 1972, с. 95).

Особое место занимает понятие «отношение в диспозиционной концепции личности», которую развивает В. А. Ядов. В иерархической структуре диспозиций личности, реализующей ее поведение в различных условиях и ситуациях, в качестве одного из уровней автор выделяет социальные фиксированные установки, которые образуются на основе оперирования с отдельными социальными объектами и в разных конкретных ситуациях (Ядов, 1979, с. 109). В отличие от элементарных фиксированных установок, которые лишены модальности (переживание «за» или «против») и не осознаваемы (отсутствуют когнитивные компоненты), социальные фиксированные установки осознаваемы и «обладают сложной структурой, включающей эмоциональный (или оценочный), когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности) компоненты. Иными словами, это «аттитюд» или «отношение», по В. Н. Мясищеву.

Рассматривая соотношение категорий «отношение» и «знание» с более общей категорией «сознание», некоторые авторы, например, В. В. Селиванов (1999) отмечают его сходство с соотношением понятий значение и смысл в теории А. Н. Леонтьева. Являясь рядоположными, эти понятия фиксируют различные аспекты анализа индивидуального сознания. Например, понятие значение прямо связывает содержание сознания с культурно-историческим опытом, фиксированным в языке, тогда как понятие знание, как характеристика ин-

дидуального сознания, связано не только со знаковой, но и с образной сферой сознания, включающей, например, представления. Понятие «отношение» подчеркивает роль социально-нормативных оснований оценки объекта отношения, тогда как понятие смысл в большей степени фиксирует именно познавательный аспект этого компонента сознания.

Именно обращение к более общей категории «сознание» позволяет более точно раскрыть смысл категории психологические отношения личности. Понятие психологических отношений раскрывает в наибольшей степени такую существенную сторону сознания, как эмоционально окрашенная оценка социальных явлений, выступающих объектами сознания. Если когнитивная, познавательная сторона сознания фиксируется такими понятиями, как знания, представления, образы, значения и т.д., то понятие психологических отношений фиксирует другую, не менее важную сторону индивидуального и группового сознания, связанную с оценкой объектов и явлений окружающего мира. И личность, выступающая индивидуальным субъектом онтологически единого и целостного сознания, усваивает, воспроизводит и создает новые не только знания, но и отношения, оценки. Общность, разделенность этих индивидуальных знаний и оценок, возможность обмена ими, передачи от одного человека к другому, является необходимым условием существования человеческого общества, совместной социальной жизни людей и человеческих общностей. В основе психологических отношений личности, носителем и субъектом которых выступает отдельный индивид, всегда лежат общественные, социальные отношения, субъектами которых являются социальные общности, группы.

Место категории психологического отношения в системе понятий социальной психологии, характеризующих явления индивидуального и группового сознания

В последние десятилетия в социальной психологии все более широкое применение находят понятия, используемые для обозначения групповых психических явлений, т.е. таких феноменов психики, в качестве субъектов которых, активных носителей выступают не только отдельные индивиды, но и социальные общности.

С одной стороны, необходимость и правомерность такого рассмотрения диктуется, запросами социальной практики, где решение целого ряда социальных проблем предполагает изучение имен-

но групповых, а не только индивидуальных психических явлений. Массовые политические движения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, усиление социально-экономической дифференциации и стратификации общества, разрыв связей между представителями разных поколений, не столь заметные, но очень существенные изменения в гендерных отношениях — эти и многие другие социальные изменения свидетельствуют об усилении процессов межгрупповой дифференциации и даже дезинтеграции в современном российском обществе. Разрешение этих проблем предполагает необходимость исследования и учета психологических особенностей представителей тех социальных общностей, которые возникают в результате фундаментальных изменений в обществе.

С другой стороны, необходимость и правомерность исследования групповых психических явлений определяется современными представлениями о предмете социальной психологии, в которых в качестве объектов исследования рассматриваются не только личность, но и социальные общности — большие и малые социальные группы.

Именно этими обстоятельствами объясняется, по нашему мнению, активный интерес социальных психологов и представителей смежных наук к таким фундаментальным психологическим категориям, как «представления», «отношения», «познание», «сознание» и т. д., попытка их использования не только в традиционном для общей психологии контексте — для описания и анализа явлений индивидуальной психики и сознания, но и для описания, а также анализа групповых психических явлений и явлений группового сознания. Имеются в виду, прежде всего, такие направления современной социальной психологии, в которых центральными категориями выступают понятия «социальная установка», «социальные представления» и «психологические отношения». Выбор именно данных категорий и ограничение рамок теоретического анализа обусловлены, с одной стороны, тем, что они выступают ключевыми понятиями фундаментальных научных направлений, сложившихся в современной социальной психологии и имеющих статус категорий. С другой стороны, они широко используются при анализе результатов эмпирических социально-психологических исследований и являются в значительной степени операционализированными. Но самое главное состоит в том, что именно эти понятия в совокупности позволяют описать целостную картину психических явлений, характеризующих как индивидуальных, так и групповых субъектов.

Применительно к последнему обстоятельству имеются в виду сложившиеся в современной социально-психологической науке пред-

ставления о трехкомпонентной структуре психических явлений, которая зафиксирована в результатах теоретического анализа, выполняемого разными исследователями применительно к разным объектам: личности, межличностному взаимодействию, группам и межгрупповому взаимодействию, взаимодействию между личностью и группой. На всех перечисленных уровнях анализа исследователи выделяют в качестве элементов (компонентов, сторон, аспектов) изучаемых социально-психологических явлений познавательный (когнитивный, т.е. связанный со знанием, познанием и т.п. о том или ином социальном объекте), эмоционально-оценочный (аффективный, экспрессивный, т.е. связанный с эмоционально окрашенными переживаниями по отношению к данному объекту) и поведенческий (конативный, мотивационный, волевой, т.е. связанный с готовностью к определенному поведению в отношении социального объекта). Это дает основание утверждать устойчивое, закономерное строение структуры рассматриваемых психических явлений и свидетельствует о конструктивности выделения в рамках научного анализа именно этих сторон или аспектов социальной психики в качестве относительно самостоятельных.

В таком случае в качестве основного теоретического положения предлагаемого подхода к систематизации базовых понятий социальной психологии можно предложить положение о том, что в рамках всех трех рассматриваемых нами направлений современной социальной психологии (теории социальных представлений, теории психологических отношений и теории социальной установки) осуществляется теоретический анализ и эмпирические исследования онтологически единой и целостной совокупности психических явлений, характеризующих личность и группу как субъектов социального взаимодействия. Сходство в теоретических представлениях, разрабатываемых в рамках указанных подходов, состоит в том, что в них так или иначе ставятся и решаются проблемы взаимосвязи осознаваемых и неосознаваемых психических явлений (психики и сознания), психического субъективного отражения объективных социальных явлений; реального поведения субъектов (сознания и деятельности); соотношения индивидуального и группового уровней представленности явлений психики и сознания; устойчивости, стабильности и изменчивости, динамичности в развитии социально-психологических явлений; целостного и частного в их структуре; наконец соотношения собственно психического и собственно социального в исследуемых явлениях социальной жизни и выявления характера связи между ними.

Сравнительный анализ содержания понятия «психологическое отношение» и таких понятий, как «установка», «социальная установка», «аттитюд», чрезвычайно сложен в силу того, что каждое из них трактуется различными исследователями по-разному. Так, термин «социальная установка» одними авторами (например, У. Томасом и С. Знанецки) определяется как психологический процесс, связанный с субъективным переживанием социальной ценности объекта, другими (например, Г. Оллпортом) как состояние психонервной готовности, возникающее на основе опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на реакции индивидов. Различия в трактовке термина «социальная установка» в западной социальной психологии во многом обусловлены различиями в исходных теоретических подходах. Попытки их эклектического объединения, связанные с выделением различных структурных компонентов социальной установки (видов, функций и т. д.), встречают серьезную и обоснованную критику (см.: Андреева, 1997; Шихирев, 1999). Неоднозначность понимания термина «социальная установка» усугубляется тем, что в отечественной психологической науке понятие установки во многом независимо от традиции его исследования разрабатывается в школе Д. Н. Узнадзе, где оно определяется как состояние готовности к поведению в данной ситуации и для удовлетворения определенной потребности. При этом ни социальные признаки объекта установки, ни осознание содержания самой установки не являются ее обязательными атрибутивными признаками. Представляется более правильным использовать термин «установка» для обозначения психологического (а точнее — психофизиологического) состояния готовности субъекта к определенному поведению (в том числе социальному), а для обозначения содержательных, осознаваемых психологических связей человека с окружающим миром использовать термин «психологические отношения».

В последние годы в отечественной социальной психологии все более широко используется понятие «социальные представления» (Емельянова, 2006, 2016; и др.), теоретически и эмпирически разрабатываемое в школе французского психолога С. Московиси. По нашему мнению, тот факт, что все три понятия — «социальные установки», «социальные представления» и «психологические отношения» — интенсивно используются в социальной психологии связано с тем, что они раскрывают по преимуществу различные стороны онтологически единого сознания субъекта: познавательную, эмоциональную и регулятивную.

Существенные различия между выделенными теоретическими направлениями связаны, по моему мнению, прежде всего, с акцен-

тированным вниманием, которое традиционно уделяется в каждом из них одной из сторон онтологически целостных и неделимых явлений социальной психики и сознания, определяющей в содержании центрального понятия того или иного научного направления. Для теории социальных представлений такой стороной является когнитивная, познавательная, для теории психологических отношений — эмоционально оценочная, а для теории социальных установок — поведенческая, т. е. связанная с регуляцией поведения.

Правомерность предлагаемого теоретического подхода я обосновываю, прежде всего, результатами историко-теоретического анализа рассматриваемых научных направлений. Так, теория социальных представлений изначально складывалась как теория, объясняющая происхождение и развитие обыденного знания о социальных объектах, а значение центрального понятия этой теории прямо соотносится со сферой когнитивных, познавательных психических процессов и явлений (Емельянова, 2001, 2006, 2016; и др.). Одним из центральных положений теории психологических отношений личности является утверждение, что в основе индивидуальных, избирательных сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности лежат потребности субъекта, и поэтому сами эти связи носят эмоционально насыщенный характер и в сознании их носителей представлены в форме эмоционально окрашенных переживаний (Мясищев, 1957, 1960; и др.). Кроме того, в русском языке слово «отношение» в одном из главных своих значений определяется как оценка объекта отношения, оценка своей связи с ним. Наконец в теории социальных установок определение центрального понятия, как правило, дается через его соотнесение с понятием «поведение субъекта» и раскрывается как состояние готовности субъекта к определенному поведению в отношении социального объекта (Шихирев, 1999; и др.).

Вместе с тем детальный анализ практики использования рассматриваемых понятий в рамках конкретных теоретических и эмпирических исследований позволяет выделить тенденции, свидетельствующие о сходстве описываемых ими феноменов.

Во-первых, сторонники всех указанных направлений не ограничиваются рассмотрением какого-либо одного из трех аспектов или сторон в исследовании явлений социальной психики. Так или иначе в определениях всех трех понятий присутствуют и другие стороны этих явлений. В содержание социальных представлений наряду с собственно когнитивными образованиями авторы включают также эмоционально оценочные и поведенческие. В структуре соци-

альных установок также традиционно выделяются познавательный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Наконец, в классических определениях психологических отношений личности мы вновь обнаруживаем те же самые когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Такая общность теоретических представлений, сформировавшихся относительно независимо друг от друга в рамках разных научных направлений, убедительно свидетельствует в пользу того положения, что социальная психика и сознание субъекта как онтологически целостное образование имеет определенное строение, структуру, выделяемую в рамках научного анализа.

Во-вторых, представители всех рассматриваемых научных направлений использовали центральные понятия для описания и анализа явлений не только индивидуального, но и группового сознания (психики). Так, представители теории социальных представлений, изначально предназначенной для описания и анализа групповых психических явлений, ни в коей мере не отрицают того факта, что реальными носителями, субъектами этих представлений являются не только социальные группы, но и отдельные индивиды. В более широком плане соотношение индивидуального и группового в описании когнитивных (познавательных) сторон человеческой психики отражено в таких понятиях, как «межличностное и межгрупповое восприятие», «социальный стереотип», «восприятие человека человеком» и т.д. Понятие «психологическое отношение», изначально определявшееся как психологическое отношение личности, в рамках социальной психологии приобрело статус более общей категории, используемой для описания и анализа психических явлений, возникающих в процессе межиндивидуального и межгруппового взаимодействия, а также взаимодействия между личностью и группой. Это нашло свое отражение в таких широко используемых социальными психологами понятиях, как «межличностные и межгрупповые отношения», «социально-психологические отношения» и т.п. (Агеев, 1989, 1990; Обозов, 1979, 1990; Позняков, 2000, 2012; Сушков, 1999, 2008; и др.). Наконец, в теории социальной установки также есть опыт распространения центрального понятия за рамки изучения личности, хотя изначально термин «социальная установка» использовался именно в таком значении (социальные установки личности). Однако определение понятий «стереотип» и «предрассудок» как разновидностей социальных установок в теории и широкий опыт использования данного понятия в практике массовых социальных исследований при анализе общественного мнения, особенностей установок представителей различных социальных групп позволяет рассматривать понятие со-

циальной установки как вполне применимое для описания и анализа групповых психических явлений. В эмпирическом исследовании, выполненном Г. А. Мингалеевой под руководством П. Н. Шихирева, используется понятие групповых социальных установок (Мингалеева, 1985). Отсюда можно сделать вывод о некорректности жесткой привязки рассматриваемых понятий только к какому-либо одному (личностному, межличностному, групповому или межгрупповому) уровню анализа социально-психологических явлений. Онтологически носителями (субъектами) психических явлений, рассматриваемых как явления, порождаемые функционированием мозга, выступают отдельные индивиды, и содержание этих явлений внутреннего мира человека в его неповторимом своеобразии составляет содержание внутреннего мира конкретного и неповторимого индивидуального субъекта. Однако наличие общих, сходных содержательных элементов индивидуальной психики и индивидуального сознания (представлений, мнений оценок, намерений и т. п.), разделяемых разными людьми, а иногда и осознаваемых ими в качестве общих для них, т. е. групповых, позволяет говорить о психологической общности индивидов, разделяющих эти представления, мнения, отношения и т. п., и рассматривать эти представления, мнения и отношения в качестве групповых социально-психологических явлений, а сами группы — в качестве субъектов этих явлений. Именно в этом смысле можно использовать понятия групповая (коллективная) психика, групповое сознание, групповые представления, отношения установки и т. п. Правомерность таких представлений можно подтвердить и практикой эмпирических исследований групповых социально-психологических явлений, в рамках какого бы теоретического направления они ни выполнялись и каким бы центральным понятием их авторы ни пользовались. Основным методом сбора эмпирических данных в такого рода исследованиях является опрос. Основными исходными показателями — высказывания респондентов, фиксирующие их индивидуальные представления, мнения, оценки, намерения и т. п. И уже затем в ходе количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных исследователь выделяет, описывает и анализирует общие и особенные содержательные характеристики изучаемых явлений, интерпретируемые им в качестве групповых.

В-третьих, представители всех трех рассматриваемых научных направлений при анализе исследуемых социально-психологических явлений так или иначе ставили и решали проблему соотношения их устойчивости (стабильности) и изменчивости (динамичности). В концепции социальных представлений проблема их конструирова-

ния является одной из центральных. В качестве основного процесса, в рамках которого происходит формирование, усвоение и развитие социальных представлений, один из авторов концепции, С. Москвисси, рассматривает повседневное межличностное общение. Другим мощным социальным механизмом формирования социальных представлений являются средства массовой информации и коммуникации. Не меньшее внимание этим явлениям общественной жизни уделяют и исследователи, работающие в рамках теории социальных установок. Проблема формирования и изменения социальных установок является одной из традиционных и наиболее активно разрабатываемых как в теоретической, так и в прикладной социальной психологии. Понятие «психологические отношения личности» один из авторов этой концепции В. Н. Мясищев определял как систему осознаваемых, избирательных, *временных* связей личности субъекта с окружающей действительностью (Мясищев, 1957), которая формируется в течение всего жизненного пути человека. В этом определении подчеркивался не только устойчивый, фиксируемый в структуре личности, но и динамический, процессуальный характер ее психологических отношений. Выполненный нами теоретико-эмпирический анализ психологических отношений субъектов экономической деятельности в условиях изменения форм собственности привел к выводу о том, что психологические отношения субъекта являются динамическими характеристиками сознания. С одной стороны, это проявляется в их изменчивости в историческом времени жизнедеятельности субъекта отношений. Об этом свидетельствуют результаты исследования *динамики социально-психологических отношений личности и группы* в изменяющихся социально-экономических условиях, выполненных в последние 2–3 десятилетия в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН под руководством А. Л. Журавлева (Динамика..., 1996; Журавлев, Позняков, 1992, 2012, 2017; Позняков, Журавлев, 2017а, б; Социально-психологическая динамика..., 1998), в том числе исследования автора статьи (Позняков, 1991, 2012; и др.). Но динамический, процессуальный характер проявляется и в структуре содержания самих психологических отношений, в котором представлен временной аспект формирования и развития психологических связей субъекта с социальными объектами этих отношений в виде временного континуума (прошлое, настоящее и будущее изменения этих связей). Более поздние исследования, в частности, исследование, выполненное Д. А. Балухто под руководством А. А. Обознова (Балухто, 2006), позволяют говорить о динамичности, изменчивости психологических отношений еще в одном аспек-

те, а именно в аспекте контекста тех обстоятельств, ситуаций, в рамках которых эти отношения актуализируются и исследуются. Таким образом, все рассматриваемые теории отмечают сочетание устойчивости и изменчивости как характерную особенность явлений индивидуального и группового сознания.

И, наконец, в-четвертых, в рамках всех этих направлений так или иначе ставится фундаментальная для психологической науки проблема взаимосвязи психических и социальных явлений. Эта проблема фиксируется уже в формулировке центральных понятий данных направлений, одно из этих понятий является социальным, а другое — психологическим (общей психологии): «социальные представления», «социальные установки личности», «психологические (социально-психологические) отношения». Социальность рассматриваемых понятий и концепций в целом представлена в различных планах. Во-первых, речь идет о социальной (общественной) обусловленности рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания, на что прямо указывают практически все авторы. Однако характер этой обусловленности следует конкретизировать. Она проявляется, с одной стороны, в том, что как явления индивидуального сознания социальные представления, психологические отношения и социальные установки личности формируются в процессе социализации, т.е. активного усвоения субъектом социальных, исторически определенных и культурно своеобразных знаний, ценностей, норм и т.п. С другой стороны, речь идет о прямом влиянии, воздействии изменяющихся социальных условий жизнедеятельности на формирование и изменение содержательных характеристик сознания субъектов.

Во-вторых, социальность понятий и определяемых ими явлений представлена в социальном характере объектов и социальном характере содержания рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания. Такими объектами являются, прежде всего, социальные объекты, т.е. явления общественной жизни: социальные явления, общественные институты, нормы и правила поведения, различные виды социальной активности и их субъекты — окружающие люди, социальные группы и сам человек как субъект сознания. Поэтому содержанием рассматриваемых социально-психологических явлений — представлений, отношений, намерений и т.д. — выступает субъективное отражение в психике, сознании субъекта различных явлений общественной жизни. В наиболее общем виде результаты этого отражения суть социальные знания — знания о социальных объектах и отношение к этому знанию, а также различные поведен-

ческие образования, выступающие психическими регуляторами социального поведения субъекта.

Универсальной функцией всех рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания является функция регуляции социального поведения. Реализация этой функции раскрывает еще одну линию взаимосвязей психического и социального. Социальные действия и взаимодействия субъектов, регулируемые совокупностью рассматриваемых психических явлений (представлений, установок, отношений), выступают непосредственными событиями общественной жизни, проявлениями социальной активности, из совокупности которых складывается социальная жизнедеятельность общества. Продукты этой активности, материальные и идеальные, образуют элементы культуры и социальных институтов общества, конкретно-исторические особенности которых содержательно определяют своеобразием социального содержания явлений индивидуально- и группового сознания — представлений, установок, отношений, ценностей и т. п.

Результаты проведенного теоретического анализа позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемые теоретические направления и содержание базовых категорий, лежащих в их основе, не противоречат, а дополняют друг друга. Рассматриваемые в совокупности, они позволяют более полно и глубоко характеризовать совокупность явлений индивидуального и группового сознания. Перед психологической наукой стоит важная задача интеграции теоретического и эмпирического знания, накопленного в рамках этих направлений.

Современное состояние исследований психологических отношений

За последние годы в России выполнено большое число научных исследований, посвященных проблеме психологических отношений, способствовавших дальнейшей разработке данной проблемы, в том числе в социальной психологии. Эта разработка связана с введением в систему социально-психологического знания таких понятий, как межличностные отношения (Обозов, 1990), межгрупповые отношения (Агеев, 1989), взаимоотношения (Сушков, 1999), социально-психологические отношения (Шорохова и др., 1977), человеческие отношения (Кроник, Кроник, 1998), эмоциональные отношения (Гозман, 1987), отношения межличностной значимости (Кондратьев, Кондратьев, 2006) и др. В смежных отраслях психологии разрабатываются такие понятия, как отношение человека к деятельности (Зоб-

ков, 2011), профессионально-ответственное отношение к труду (Муконина, 2002), отношение к смене профессии (Балухто, 2006) и т. п. В лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН выполнен ряд научных исследований, предметом которых выступали психологические отношения (см., напр.: Вавакина, 2011; Воробьева, Купрейченко, 2012; Купрейченко, 2001; Нестик, 2011; Никуло, 2013; Табхарова, 2008; Титова, 2007; Хромова, 2011; и др.). Проблемы и перспективы психологических исследований отношения человека к жизнедеятельности стали предметом регулярных обсуждений и дискуссий на международных научно-практических конференциях, проводимых во Владимирском государственном университете по инициативе профессора В. А. Зобкова (Психология отношения человека..., 2013, 2016; и др.). Наряду с методологическими и теоретическими проблемами психологии отношений в материалах этих конференций представлены результаты исследований, выполненных с позиции психологии отношений в управлении организациями и предпринимательстве, в учебной и педагогической деятельности, в семейно-бытовой сфере, в спортивной деятельности и т. д.

Все это свидетельствует о высоком научном потенциале и востребованности идеи отношения в современной психологической науке. Вместе с тем в прикладных, а нередко и в научных публикациях понятие «отношение» используется как очевидный, общеупотребительный термин, не требующий детального раскрытия содержания. В лучшем случае просто делается ссылка на работы В. Н. Мясищева. В современной психологической науке ощущается явный дефицит работ обобщающего теоретического характера, раскрывающих историю и современное состояние разработки категории «психологические отношения».

Современное состояние исследований психологических отношений (за хронологические границы мы берем постсоветский период развития российской психологической науки и более строго исследования и публикации, выполненные в XXI в.) характеризуется, прежде всего, дифференциацией исследований в этой области. Эта дифференциация связана, во-первых, с расширением круга объектов психологических отношений, выступающих предметом эмпирических исследований. В качестве новых направлений здесь можно назвать исследования отношения личности и группы к времени (Нестик, 2011), отношение к природе (Ясвин, 2000), отношение к деньгам (Купрейченко, Журавлев, 2009; Семенов, 2012; Фенько, 2004; и др.), отношение к собственности (Журавлева, Журавлев, 2002; Карнышев, 2004; Китов, 2004), отношение к рекламе (Лебедев, 2005; Воробьева,

Купрейченко, 2012), отношение к инновациям (Дробышева, Митькина, 2015), отношение к семье (Демина, 2004), отношение к табакокурению (Хромова, 2011), отношение к соблюдению нравственных норм (Купрейченко, 2001; Купрейченко, Журавлев, 1999), отношение к партнерству и конкуренции (Вавакина, 2011; Титова, 2007) и др.

Второе направление дифференциации исследований связано с конкретизацией субъектов психологических отношений. В качестве таковых выделяются субъекты экономической деятельности, в частности, предприниматели (Позняков, 2000, 2001; и др.), субъекты образовательного процесса, в частности, учащиеся (Зобков, 1993; Духновский, 2013; и др.) и т. д. Третье направление исследований в области психологических отношений связано с конкретизацией самих психологических отношений человека, выделением их новых видов. В качестве самостоятельных научных направлений формируются психология межэтнических отношений (Гуриева, 2010), психология гендерных отношений (Клецина, 2005) и др. Авторы вводят такие понятия, как «субъективные отношения», «субъективно-личностные отношения», «ценностно-смысловые отношения», «отношения межличностной значимости», «нравственно-психологические отношения» и т. п.

Представляется, что введение данных понятий в систему представлений о психологических отношениях человека свидетельствует о сложности и многоаспектности этого феномена. Применительно к анализу взаимоотношений между людьми (или социально-психологических отношений в нашем понимании) дифференциация связана с выделением различных видов социальных связей между людьми, выступающих объектом социально-психологических исследований. Наряду с видами отношений, традиционно выступающих объектами эмпирических исследований, — трудовые, управленческие, межэтнические, детско-родительские и т. п. отношения, выделяются относительно новые виды отношений: межпоколенные отношения в семье (Сапоровская, 2013), родительское отношение (Ковалева, 2011) и др. Выделение новых видов отношений может проводиться сразу по двум основаниям, например, творческое отношение к учебе (Зобков, Пронина, 2008), нравственно-психологическое отношение к деньгам (Горбачева, Купрейченко, 2006) и др.

Этот процесс свидетельствует не только о дифференциации представлений о видах психологических отношений, но и о тенденции интеграции социально-психологической науки с другими отраслями социальных и гуманитарных наук. Действительно, какую бы сферу общественной жизни мы ни рассматривали, она характеризуется осо-

бенностями социального взаимодействия и социальных связей (отношений) между его субъектами. Эти отношения могут становиться объектом социально-психологических исследований, поскольку в содержании самих этих отношений неизбежно присутствует существенная доля субъективного, личностного, эмоционально окрашенного. Представляется в этой связи целесообразным формирование *нового комплексного научного направления* в социальной психологии, которое можно обозначить как «психология социальных отношений».

Наконец в качестве устойчивой тенденции развития социально-психологических исследований в последние годы следует указать на расширение круга социально-психологических феноменов, при определении и анализе которых исследователи обращаются к категории психологических отношений. Не имея возможности в рамках данной публикации проводить детальный анализ, ограничимся лишь перечислением некоторых из них: доверие (Купрейченко, 2008; Табхарова, 2008), зависть (Бескова, 2011), психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий (Журавлев, Купрейченко, 2001), ответственность (Муздыбаев, 2010; Никуло, 2013), субъективное экономическое благополучие (Хашенко, 2012), социально-психологический капитал личности (Татарко, 2014), социально-психологическое пространство личности (Соина, 2011, Журавлев, Купрейченко, 2012), экологическое сознание (Хашенко, 2012), экономическое самоопределение (Журавлев, Купрейченко, 2007) и т.д. Одни из перечисленных нами феноменов, например доверие, прямо определяются в терминах психологических отношений. Другие, например экологическое сознание личности, субъективное экономическое благополучие, включают психологические отношения в качестве структурных элементов. Наконец выделяются феномены, например зависть, содержание которых раскрывается через своеобразную комбинацию психологических отношений субъекта к предмету отношения, другому субъекту и самому себе.

Заключение

Экскурс в историю показывает, что «отношение» является одной из предельно обобщенных, универсальных категорий. Высокий уровень обобщенности позволяет широко использовать понятие «отношение» в разных областях знания и применительно к разным объектам и явлениям окружающей нас действительности. В психологии идея отношения приобретает особое значение, поскольку многими авторами начинает использоваться для описания самого предмета

психологии и сущности психического. В то же время проведенный анализ современных представлений о психологическом отношении приводит нас к пониманию того, что на сегодняшний день нельзя говорить о том, что существует стройная и завершенная теория психологических отношений. Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека в социальной психологии связываются нами с уточнением их структуры, функций и видов.

Литература

- Агеев В. С.* Психология межгрупповых отношений: Дис. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 1989.
- Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
- Балухто Д. А.* Социально-психологические факторы отношения к смене профессии: На примере экономистов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Басов М. Я.* Общие основы педологии. 2-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1930.
- Бескова Т. В.* Социально-психологические детерминанты зависти. Саратов: Наука, 2011.
- Бехтерев В. М.* Избранные труды по психологии личности. В 2 т. СПб.: Алетейя, 1999.
- Вавакина Т. С.* Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
- Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б.* Отношение к неэтичной рекламе у представителей разных социально-демографических групп молодежи // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 103—129.
- Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Горбачёва Е. И., Купрейченко А. Б.* Отношение личности к деньгам. Нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 26—37.
- Гуриева С. Д.* Психология межэтнических отношений: Дис. ... докт. психол. наук. СПб, 2010.
- Демина И. С.* Особенности отношения многодетных родителей к семье: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

- Дробышева Т. В., Митькина А. Е.* Динамика отношения исполнителей к инновациям в условиях формирующего естественного эксперимента // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 516–524.
- Духновский С. В.* Гармония и дисгармония межличностных отношений субъектов образовательного процесса: Дис. ... докт. психол. наук. Екатеринбург, 2013.
- Емельянова Т. П.* Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Экономические представления работников предприятий с разными формами собственности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 317–331.
- Зобков В. А.* Психология отношения учащихся к деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.
- Зобков В. А.* Психология отношения человека к деятельности: теория и практика. Владимир: Калейдоскоп, 2011.
- Зобков В. А., Пронина Е. В.* Творчество. Отношение. Деятельность. Теоретико-методологические аспекты. Владимир: Собор, 2008.

- Карнышев А. Д.* Психология собственности как область исследований в экономической психологии // Проблемы экономической психологии. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 139–166.
- Китов А. И.* Личность и группа в системе отношений собственности (опыт инвентаризации феноменологии отношений собственности) // Проблемы экономической психологии. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 109–138.
- Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2005.
- Ковалева Ю. В.* Родительское отношение и регуляция поведения в юношеском возрасте // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 200–206.
- Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: Пер Сэ, 2006.
- Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
- Кроник А. А., Кроник Е. А.* Психология человеческих отношений. Дубна: Феникс; М.: Когито-Центр, 1998.
- Купрейченко А. Б.* Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров): Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2001.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 89–109.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Психология финансов: перспективы комплексных исследований // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы десятой юбилейной международной научно-практической конференции. Иркутск, 2009. С. 64–69.
- Лазурский А. Ф.* Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997.
- Лазурский А. Ф., Франк С. Л.* Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Русская школа. 1912. Кн. 1 и 2.
- Лебедев А. Н.* Динамика отношений российских потребителей к рекламе в период интенсивных общественных изменений // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 267–294.

- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ломов Б. Ф.* Личность в системе отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мингалева Г. А.* Коллективная установка в совместной деятельности при бригадной организации труда: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
- Мукомина М. В.* Типы профессионально ответственного отношения работников опасного производства в разных организационно-экономических условиях: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Муздыбаев К.* Психология ответственности / Под ред. В. Е. Семенова. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Мясищев В. Н.* Научно-характерологический анализ литературных типов // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1914. Т. XI. Вып. 3. С. 45–66.
- Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.
- Мясищев В. Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. 2. С. 110–125.
- Нестик Т. А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Никуло Е. А.* Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к участникам делового взаимодействия: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2013.
- Обозов Н. Н.* Межличностные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Обозов Н. Н.* Психология межличностных отношений. Киев: Лыбедь, 1990.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Позняков В. П.* Динамика межгрупповых отношений в трудовом коллективе в условиях организационно-экономического нововведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1991.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социально-психологическая динамика личности и группы в условиях экономических реформ в России // Наука. Культура. Общество. 2017а. № 2. С. 5–17.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Экономические реформы и социально-психологическая динамика // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017б. С. 2109–2118.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Изд-во Владимирского государственного университета. Владимир, 2013.
- Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Тезисы докладов международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Зобков, В. П. Позняков. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2016.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Сагатовский В. Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.
- Сапоровская М. В.* Психология межпоколенных отношений в семье: Дис. ... докт. психол. наук. Кострома, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013.
- Свидерский В. И.* О диалектике отношений. М., 1983.
- Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Дис. ... докт. психол. наук. Смоленск: СГУ, 1999.
- Семенов М. Ю.* Отношение личностно зрелых людей к деньгам // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 66–72.
- Соина И. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в ее изменяющемся социально-психологическом пространстве (на примере учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений): Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Сушков И. Р.* Психология взаимоотношений. М.: Академический проект–Изд-во «Институт психологии РАН»; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
- Сушков И. Р.* Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Табхарова С. П.* Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2008.
- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Титова О. И.* Гендерные различия отношений российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2007.
- Троицкий М. М.* Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа. В 2 т. М., 1882.
- Уёмов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963.
- Фенько А. Б.* Гендерные различия в отношении россиян к деньгам // Проблемы экономической психологии. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 261–279.
- Хащенко В. А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хащенко Н. Н.* Взаимосвязь актуального экологического сознания личности и ее отношения к социально-экономическим условиям жизнедеятельности // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 608–614.
- Хромова В. Л.* Межгрупповые различия в отношении к табакокурению (на примере курящих и некурящих мужчин и женщин): Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН 1999.
- Шорохова Е. В., Платонов К. К., Зотова О. В., Новиков В. В.* Социально-психологические проблемы социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. М.: Наука, 1977. С. 23–40.
- Ядов В. А.* Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 106–120.
- Ясвин В. А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000.

Основные теоретические линии формирования понятия «интеллект»: ретроспективный анализ

М. А. Холодная

Психология интеллекта на всем протяжении своей более чем 100-летней истории отличалась активным и драматическим поиском определения понятия «интеллект», причем этот поиск характеризовался радикальной сменой теоретических позиций относительно понимания природы этого уникального психического феномена.

В частности, представляет интерес логика переходов от *операционального* определения интеллекта (интеллект — это то, что измеряется тем или иным тестом интеллекта) к разнообразным его содержательным определениям (*генетическому*, в котором раскрывается происхождение интеллекта; *функциональному*, которым описывается назначение интеллекта и его функции; *структурному*, в котором перечисляются те или иные компоненты интеллекта как системы; *онтологическому*, в котором указывается онтологический статус интеллекта) и, наконец, к альтернативным его определениям, в которых имеет место отказ от понимания интеллекта как общей когнитивной способности, вплоть до его замены на качественно другие понятия.

Понятие «интеллект» в тестологических теориях

Долгие годы монополия в изучении интеллекта принадлежала тестологии. В рамках этого направления оформилось понятие «интеллект» в качестве научной психологической категории, а также родилась идея о возможности его «объективного измерения» с помощью тестов интеллекта.

Впервые о существовании индивидуальных различий в умственных (интеллектуальных) способностях в конце XIX в. заговорил Фр. Гальтон. Гальтон полагал, что интеллектуальные способности имеют биологическую природу, поэтому в качестве критерия их развития рассматривалась сенсорная различительная чувствительность.

В 1905 г. А. Бине и Т. Симон разработали серию заданий (тестов) для измерения уровня умственного развития ребенка с целью отбора детей, отстающих в своем познавательном развитии и не способных обучаться в обычных школах. Оценка уровня интеллекта осуществлялась на основе соотнесения реального хронологического возраста ребенка с его «умственным возрастом» (возрастом, в соответствии с которым ребенок смог выполнить тестовые задания) (Бине, 1998). В 1916 г. В. Штерн предложил рассматривать в качестве меры уровня интеллекта соотношение «умственный возраст/хронологический возраст $\times 100\%$ », которое получило название «коэффициента интеллекта» (*intelligence quotient*, или сокращенно *IQ*).

Постепенно в тестологии сложились две противоположные линии трактовки природы интеллекта: одна связана с признанием общего фактора интеллекта, действующего на всех уровнях интеллектуальной деятельности (К. Спирмен), другая — с представлением о множестве независимых интеллектуальных способностей (Л. Терстоун).

Теория интеллекта Спирмена базировалась на факте наличия положительных корреляционных связей между результатами исполнения различных тестов интеллекта, которые объяснялись существованием «общего фактора интеллекта» (*general factor*). Спирмен полагал, что природа фактора *g* заключается в индивидуальных различиях в «умственной энергии» (Spearman, 1904, 1927).

Дальнейшая разработка идеи «общего интеллекта» связана с работами Р. Б. Кеттелла, Ф. Вернона и др. Так, Кеттелл, используя большой набор тестов и процедуру факторного анализа, выявил пять вторичных факторов. Два из них характеризовали спирменовский *g*-фактор, но уже разделенный на два компонента: g_c — «кристаллизованный интеллект», представленный тестами на запас слов, чтение, учет социальных нормативов и т. п., и фактор g_f — «текущий интеллект», представленный тестами на выявление закономерности в ряду фигур и цифр, объем оперативной памяти, пространственные операции и т. д. Кроме этих базовых интеллектуальных способностей, Кеттелл идентифицировал три дополнительных фактора: g_v — «визуализация» (способность манипулировать образами при решении дивергентных задач), g_m — «память» (способность восстанавливать и воспроизводить

информацию) и g_s — «скорость» (способность поддерживать высокий темп интеллектуальной деятельности) (Cattell, 1971).

По мнению Кеттелла, «кристаллизованный интеллект» — это результат образования и различных культурных влияний, его основная функция заключается в накоплении и организации знаний и навыков. «Текущий интеллект» характеризует биологические возможности нервной системы, его основная функция — быстро и точно обрабатывать текущую информацию.

Аналогично Дж. Равен, будучи учеником Спирмена, считал, что умственные способности включают два компонента: продуктивный (способность выявлять связи и отношения, непосредственно не представленные в заданной ситуации) и репродуктивный (способность воспроизводить и использовать прошлый опыт и усвоенную информацию).

Для измерения продуктивных свойств интеллекта Равен создал тест, ориентированный на диагностику способности выявлять закономерности в сериях последовательно усложняющихся геометрических фигур («Тест прогрессивных матриц» — *The Raven Progressive Matrices*) (Равен и др., 1997; Raven, 1960).

Дальнейшее углубление идеи «целостности» человеческого интеллекта характеризуется разработкой иерархических теорий интеллекта. Так, Ф. Вернон на основе факторного анализа получил фактор g , включающий 52% всех интеллектуальных функций. Этот фактор распадается на два основных групповых фактора — $V:ED$ (вербально-цифровой-образовательный) и $K:M$ (механико-пространственно-практический). Эти факторы, в свою очередь, распадают на групповые факторы, характеризующие частные интеллектуальные способности. Последние также распадают на некоторое множество специфических факторов, представляющих каждую отдельную тестовую методику и образующих самый нижний, четвертый, уровень этой интеллектуальной иерархии (Vernon, 1965).

А. Ягер, в рамках «Берлинской модели структуры интеллекта» (*Berlin structure of intelligence model*) выделил два измерения интеллектуальной деятельности: операции (скорость, память, креативность и сложные процессы переработки информации) и содержание (вербальное, цифровое, образно-наглядное). Общий интеллект, по его мнению, есть продукт «взаимопересечений» всех типов операций и всех типов содержаний (Jager, 1984).

Сторонником существования общего фактора интеллекта являлся и Д. Векслер. По его мнению, интеллект — это способность действовать целеустремленно, думать рационально и взаимодействовать

со своим окружением эффективно. Им разработана шкала для измерения интеллекта взрослых (*Wechsler Adult Intelligence Scale*, сокращенно *WAIS*), основанная на возрастных нормах интеллектуального исполнения и включавшая две субшкалы — вербальный и невербальный (исполнительный) интеллект (Wechsler, 1944). Последующие факторные исследования показали, что в действительности все модификации *WAIS*, включая *WAIS-4*, содержат три фактора: «вербальное понимание» (субтесты «Осведомленность», «Понимание», «Сходство», «Словарный запас»), «пространственная организация» (субтесты «Кубики Коса», «Сложение фигур»), «оперативная память/внимание» (субтесты «Арифметический», «Шифровка», «Запоминание цифр») (Kaufman, Lichtenderger, 2002; и др.).

Отметим, что использование интеллектуальных шкал привело к подмене понятий: понятие «общий интеллект» (*general intelligence*) превратилось в понятие «интеллект в среднем» (*intelligence in general*), поскольку «уровень общего интеллекта», в терминах величины IQ, определяется как сумма баллов за успешность выполнения всех субтестов в рамках той или иной интеллектуальной шкалы (Tuddenham, 1962).

Вторая линия изучения интеллекта в рамках тестологического подхода связана с признанием «множественности» интеллекта. Л.Л. Терстоун, проведя корреляционный анализ результатов выполнения испытуемыми 60 разных тестов, получил более 10 групповых факторов, 7 из которых были им идентифицированы и названы «первичными умственными способностями»: «пространственный» (способность оперировать «в уме» пространственными отношениями), «восприятие» (способность детализировать зрительные образы), «вычислительный» (способность выполнять основные арифметические действия), «вербальное понимание» (способность раскрывать значение слов), «беглость речи» (способность быстро подобрать слово по заданному критерию), «память» (способность запоминать), «логическое рассуждение» (способность выявлять закономерность в ряду букв, цифр, фигур) (Thurstone, 1938). Соответственно был сделан вывод о том, что интеллект — это набор независимых умственных способностей, которые отвечают за строго определенную группу интеллектуальных операций.

Ярким примером аналогичного взгляда на интеллект является «структурная модель интеллекта» (SI) Дж. Гилфорда (Guilford). В отличие от теории Терстоуна, в которой факторный анализ являлся средством выявления «первичных способностей», в теории Гилфорда факторный анализ выступал как средство доказательства пред-

варительно сконструированной теоретической модели интеллекта, постулирующей существование 120 независимых способностей. В частности, при построении структурной модели интеллекта Гилфорд исходил из трех основных критериев, позволяющих описать три аспекта (стороны) интеллектуальной деятельности (Гилфорд, 1965; Guilford, 1967).

1. Тип выполняемой умственной операции: 1) познание; 2) конвергентная продуктивность; 3) дивергентная продуктивность; 4) оценка; 5) память.
2. Содержание материала интеллектуальной деятельности: 1) конкретный (реальные предметы и их изображение); 2) символический (буквы, знаки, цифры); 3) семантический (значение слов); 4) поведенческий (действия и поступки).
3. Разновидности конечного продукта: 1) единицы объектов; 2) классы объектов; 3) отношения; 4) системы; 5) трансформации; 6) импликации.

Р. Мейли, попытавшись соотнести идеи и методы тестологического исследования (в частности, «структурную модель интеллекта» Дж. Гилфорда) с теоретическими позициями гештальтпсихологии о роли процесса структурирования воспринимаемого материала, выделил четыре фактора интеллекта: сложность (способность дифференцировать и связывать элементы образа ситуации), пластичность (способность быстро и гибко перестраивать образ), глобальность (способность из неполного набора элементов выстраивать целостный осмысленный образ), беглость (способность к быстрому порождению множества разнообразных идей) (Meili, 1981).

Дж. Кэррол, применив для обработки тестовых данных факторный анализ, но, уже опираясь на понятия когнитивной психологии (в частности, на особенности процесса переработки информации), выделил 24 фактора интеллекта: мысленное оперирование образами, вербальная беглость, силлогистические умозаключения, чувствительность к противоречию и т. д. (Carroll, 1976).

Современным вариантом «множественных» тестологических теорий является факторно-аналитическая теория когнитивных способностей Кэттелла—Хорна—Кэрролла (*CHC-Theory*). Данная модель представляет собой каталог, который включает более 80 узкоспециализированных интеллектуальных способностей, объединенных в блоки, такие как *текущий интеллект* (дедуктивные, индуктивные, количественные рассуждения и т. д.); *кристаллизованный интеллект* (лексическое знание, коммуникативная способность, знание ино-

странных языков и т. д.); *общие знания в специальных областях* (знание английского языка как второго, знание языка жестов, географические достижения, знание поведенческого контекста и т. д.); *зрительно-пространственные способности* (пространственные отношения, оценка длины, воображение и т. д.); *обработка слуховой информации* (различение речевых звуков, различение частоты звука, удержание и оценка ритма и т. д.); *кратковременная память* (объем кратковременной памяти, память на последовательности и т. д.); *рабочая память*; *долговременное хранение и восстановление информации* (ассоциативная беглость, смысловая память, чувствительность к проблемам, оригинальность и т. д.); *скорость переработки информации* (узнавание форм, арифметические навыки, скорость чтения и т. п.); *психомоторная скорость* (скорость движения конечностей, скорость письма и т. п.); *количественные (математические) знания; чтение (письмо)* (понимание печатной продукции, спеллинг, скорость письма и т. п.); *психомоторные способности* (статическая сила, ловкость пальцев и т. п.); *способности обоняния* (обонятельная чувствительность); *тактильные способности* (тактильная чувствительность); *кинестетические способности* (кинестетическая чувствительность) (Чередникова, 2009; McGrew, 2005).

Попробуем подвести некоторые итоги. В рамках тестологического подхода — даже на современном этапе — исследователи интеллекта продолжают следовать знаменитому определению Эдвина Боринга (1923): «Интеллект — это то, что измеряется тестами интеллекта». Более поздний вариант операционального определения интеллекта был представлен в одной из работ А. Дженсена: «Интеллект, или общая умственная способность, лучше всего может быть определен операционально, в терминах определенного типа корреляционного анализа как первый основной компонент исполнения большого числа разнообразных задач» (цит. по: Garcia, 1981, p. 1176).

Именно следование операциональному определению интеллекта привело тестологические исследования к парадоксальному результату. Сторонники идеи «общего интеллекта» в своих попытках измерить его как единую интеллектуальную способность вынужденно убеждались, что общий интеллект — не более чем формально-статистическая абстракция по отношению к множеству различных, относительно независимых интеллектуальных способностей. В свою очередь, представители идеи интеллекта как «коллекции способностей» также вынужденно приходили к выводу о существовании некоторого общего фактора, представленного в разнообразных типах интеллектуальной деятельности.

Острота положения дел привела А. Дженсена, идеолога тестологии и горячего сторонника использования тестов интеллекта, к пес-

симистическому утверждению о том, что «бессмысленно обсуждать вопрос, на который нет ответа — вопрос о том, что в действительности представляет собой интеллект» (Jensen, 1969, р. 5–6). Чуть позже он выразился еще более категорично, заявив, что для научных целей понятие «интеллект» вообще не пригодно и от него следует отказаться (Jensen, 1987).

Таким образом, можно говорить о сложившейся в тестологии кризисной ситуации, суть которой можно обрисовать двумя словами: «Интеллект исчез». Иначе говоря, переход на операциональное определение интеллекта привел к фактическому отказу от признания за интеллектом статуса психической реальности.

Понятие «интеллект» в экспериментально-психологических теориях

Экспериментально-психологические теории интеллекта — в отличие от тестологических теорий — ориентированы на выявление механизмов интеллектуальной активности. Можно выделить несколько основных подходов, для каждого из которых характерна определенная концептуальная линия в определении интеллекта (см. подробнее: Холодная, 2002).

1. *Феноменологический подход* (интеллект как особая форма содержания сознания).
2. *Генетический подход* (интеллект как механизм усложняющейся адаптации к среде на основе формирования когнитивных схем).
3. *Социокультурный подход* (интеллект как результат процесса социализации и влияния культуры в целом).
4. *Деятельностный подход* (интеллект как особая форма человеческой деятельности в единстве ее процессуальных и личностных аспектов).
5. *Образовательный подход* (интеллект как продукт целенаправленного обучения).
6. *Информационный подход* (интеллект как совокупность элементарных процессов переработки информации).
7. *Структурно-уровневый подход* (интеллект как система разноуровневых познавательных функций).
8. *Регуляционный подход* (интеллект как фактор саморегуляции психической активности).
9. *Онтологический подход* (интеллект как форма организации индивидуального ментального опыта).

1. Феноменологический подход

1.1. Гештальтпсихологическая теория интеллекта

(В. Кёлер, М. Вертгеймер и др.)

В. Кёлер в качестве критерия наличия интеллектуального поведения рассматривал эффекты структурности феноменального поля сознания: возникновение решения связано с приобретением полем восприятия новой структуры, в которой схватываются соотношения между элементами проблемной ситуации, важные для ее разрешения. Само решение при этом возникает внезапно, на основе мгновенной переструктурировки образа исходной ситуации (это явление получило название «инсайта») (Вергеймер, 1987; Кёлер, 1980).

Основной вектор, по которому идет перестройка образа ситуации, — это его переход к «хорошему гешталту», т. е. предельно простому, ясному, расчлененному, осмысленному образу, в котором воспроизводится ключевое структурное противоречие проблемной ситуации. При этом Кёлер подчеркивал, что форма наших образов не является зрительной реальностью, поскольку это скорее правило организации предметного содержания восприятия, рождающееся «внутри» субъекта.

1.2. Особенности индивидуальной базы знаний как основа интеллекта

(Р. Глезер, М. Чи, Дж. Кэмпиион и др.)

По мнению Р. Глезера, главное различие между людьми с различным уровнем интеллекта связано с тем, что они обладают в разной мере организованной системой знаний — как декларативных (знаний о том, «что»), так и процедурных (знаний о том, «как») (Glaser, 1980, 1984).

Дж. Кэмпиион с соавт. полагают, что дефициты в организации базы знаний являются одним из источников умственной отсталости (Campione, Brown, Ferrara, 1982). Напротив, хорошо структурированная база знаний выступает в качестве отличительной черты детской интеллектуальной одаренности и высоких интеллектуальных достижений в профессиональной деятельности (Chi, Feltovich, Glaser, 1981; Chi, Ceci, 1987).

Особенности базы знаний человека (по сути содержания его долговременной семантической памяти) характеризуют такое его качество, как компетентность, которое и выступает в качестве критерия развития индивидуального интеллекта. Высокий уровень компетентности предполагает высокий уровень понимания проблем в некоторой реальной предметной области (такой как математика, шахматы и т. д.), опытность при выполнении сложных действий и эффектив-

ность принимаемых решений. При этом отмечается, что компетентность в отношении реальных профессиональных достижений напрямую не связана с IQ (Ceci, Liker, 1986).

Одной из наиболее распространенных экспериментальных моделей, в рамках которой изучается роль базы знаний, является сравнительный анализ интеллектуальной деятельности «экспертов» (знающих, опытных, обученных субъектов) и «новичков» (малоосведомленных, неопытных, начинающих субъектов). В частности, эксперты сначала строят ментальную репрезентацию проблемы и только потом начинают ее решать, опираются на обобщенные методы и интуитивные представления, имеют знания о собственных знаниях и т. д. (Glaser, 1984).

2. Генетический подход

2.1. Операциональная теория интеллекта (Ж. Пиаже)

Согласно Ж. Пиаже, интеллект обеспечивает гибкое и одновременно устойчивое приспособление к физической и социальной действительности. Интеллект — это единство механизма ассимиляции (воспроизведения элементов среды в психике субъекта в виде когнитивных схем) и механизма аккомодации (изменения этих когнитивных схем в зависимости от требований объективного мира) (Пиаже, 1969; Флейвелл, 1967).

Развитие интеллекта рассматривается как процесс формирования операциональных структур (схем), постепенно вырастающих из предметно-житейского опыта ребенка. Согласно Пиаже, в этом процессе может быть выделено пять стадий: 1) стадия сенсомоторного интеллекта (от 8—10 месяцев до 1,5 лет); 2) символический, или понятийный интеллект (от 1,5—2 лет до 4 лет); 3) стадия интуитивного (наглядного) интеллекта (от 4 до 7—8 лет); 4) стадия конкретных операций (с 7—8 лет до 11—12 лет); 5) стадия формальных операций, или рефлексивный интеллект (с 11—12 до 14—15 лет).

Таким образом, «интеллект — это особая форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов» (Пиаже, 1969, с. 64—65). По мере формирования операциональных структур (особенно при переходе от 4-й к 5-й стадии) операции постепенно приобретают качественно новые свойства: координацию (согласованность множества операций), обратимость (возможность в любой момент вернуться к начальной точке своих рассуждений либо перейти к рассмотрению объекта с прямо противоположной точки зрения), авто-

матизированность (непроизвольность применения), сокращенность (свернутость отдельных звеньев, «мгновенность» актуализации).

Другой аспект интеллектуального развития характеризует рост объективности ментальных репрезентаций происходящего в направлении от центрации к децентрации. Центрация (в своих ранних работах Пиаже использовал термин «эгоцентризм») — это бессознательная познавательная позиция, при которой построение познавательного образа диктуется субъективным состоянием либо случайной, бросающейся в глаза деталью воспринимаемой ситуации. Именно феномен центрации обуславливает особенности детской мысли: синкретизм (тенденцию связывать все со всем), трансдукцию (переход от частного к частному, минуя общее), нечувствительность к противоречию и т. п. Напротив, децентрация — это способность мысленно освобождаться от концентрации внимания на личной точке зрения либо на частном аспекте ситуации.

Социальная жизнь оказывает несомненное влияние на интеллектуальное развитие в силу того, что ее неотъемлемой стороной является социальная кооперация. Последняя требует координации точек зрения партнеров по общению, что стимулирует развитие обратимости мыслительных операций и рост децентрации.

3. Социокультурный подход

3.1. Межкультурные исследования познавательных процессов

(М. Коул, С. Скрибнер, А. Р. Лурия, Р. Нисбет и др.)

Задача межкультурных исследований заключается в сравнительном анализе особенностей интеллектуальной деятельности представителей разных культур (представителей «западной», или технократической, и «примитивной», или традиционной культуры; «западной» и «восточной» культур) (Маккоби, Модиаго, 1971; Лурия, 1974; Коул, Скрибнер, 1977; Нисбет, 2012).

Основная тенденция культурных изменений в восприятии, памяти, умозаключениях, воображении и т. д. заключается в появлении отвлеченного, «категориального» отношения к действительности: познавательное действие приобретает способность выходить за пределы непосредственного практического опыта в область логических рассуждений. При этом ведущую роль в появлении способности к категориальному обобщению играет школьное обучение.

Подчеркивается, что критерии оценки интеллектуальных возможностей человека, сформулированные в рамках одной культуры (например, западный эталон «сообразительности») не могут быть ме-

ханически перенесены в другую культуру: бессмысленно измерять интеллектуальные способности деревенских жителей из центральной Либерии с помощью тестов, разработанных для студентов американских колледжей.

Специфика культурного окружения формирует особый склад ума человека. Так, Р. Нисбет отмечает глубину когнитивных различий между представителями западноевропейской и восточноазиатской культуры: аналитический тип восприятия vs холистический тип восприятия; направленность внимания на очевидные детали vs направленность внимания на контекст; понятийный тип обобщения vs ситуативный тип обобщения; полнезависимый когнитивный стиль vs полнезависимый когнитивный стиль и т. д. (Нисбет, 2012).

3.2. Культурно-историческая теория высших психических функций (Л. С. Выготский)

В рамках данной теории проблема интеллекта рассматривается как проблема умственного (в целом психического) развития ребенка под влиянием таких социальных факторов, как употребление орудий, овладение знаками, включение в социальное взаимодействие с другими людьми (в виде различных форм помощи со стороны взрослых).

Особую роль в формировании детского интеллекта играет понятийное мышление. Основной путь развития детских понятий складывается из трех основных ступеней в зависимости от изменений характера обобщения значения слова: 1) мышление в синкретических образах; 2) мышление в комплексах; 3) мышление в понятиях (Выготский, 1982).

На стадии понятийного мышления ребенок может выделять отдельные признаки предметов, комбинировать и обобщать их, пользуясь значением слова. Отдельные понятия при этом образуют «пирамиду» понятий, поскольку мысль ребенка движется от частного к общему и от общего к частному. Любое отдельное понятие находится в системе связей с другими понятиями.

С появлением понятийного мышления происходит радикальная перестройка («интеллектуализация») всех элементарных познавательных функций: восприятие становится частью наглядного мышления, запоминание превращается в осмысленный процесс, внимание приобретает качество произвольности и т. д. Таким образом, интеллект — это система межфункциональных связей познавательных процессов разного уровня, результат их «сплава» (интеграции) под влиянием формирующегося понятийного мышления. В качестве критерия уровня развития интеллекта выступает мера общности

усвоенного понятия (характеристика понятия как с точки зрения степени обобщенности его содержания, так и с точки зрения степени его включенности в систему связей с другими понятиями).

4. Процессуально-деятельностный подход

4.1. Исследование интеллекта как процесса

(С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, А. А. Венгер и др.)

С. Л. Рубинштейн подчеркивал центральную роль мыслительного процесса как внутреннего условия по отношению к составу и структуре умственных способностей. По Рубинштейну, ядром, или общим, главным компонентом, любой умственной способности является качество процессов анализа, синтеза и обобщения. Индивидуальный интеллект складывается по мере того, как образуются, генерализуются и закрепляются основные мыслительные операции — анализ, синтез, обобщение

Отсюда следует вывод о том, что «нельзя определять умственные способности, интеллект человека по одному лишь результату его деятельности, не вскрывая процесса мышления, который к нему приводит. В попытке так подойти к определению интеллекта, т. е. умственных способностей людей, и заключается коренной дефект обычных тестовых определений интеллекта» (Рубинштейн, 1973, с. 231). Весьма примечательно, что Рубинштейн вводит понятие «мышление-способность», противопоставляя последнее «мышлению-навыку» и подчеркивая тем самым, что к объяснению механизмов интеллекта нужно идти через изучение внутренних закономерностей операционально-процессуальной динамики мышления. Впоследствии эта идея нашла развернутую экспериментальную реализацию в работах А. В. Брушлинского (1996).

Близкие по общему смыслу идеи представлены в работах А. А. Венгера. По его мнению, единицей интеллектуальной деятельности является познавательное ориентировочное действие. Следовательно, референтным показателем (критерием) уровня интеллекта ребенка следует считать степень овладения им основными видами перцептивных (идентификация с эталоном, перцептивное моделирование и т. д.), мнемических (сфорирированность схематизированных представлений и т. д.) и мыслительных (выделение существенных признаков объектов и т. д.) действий (Диагностика умственного развития дошкольников, 1978). При этом подчеркивается, что реальные интеллектуальные возможности ребенка могут проявиться только в ходе обучения и воспитания.

4.2. Исследование личностных факторов интеллектуальной деятельности (О. К. Тихомиров)

О. К. Тихомиров считал, что в качестве механизмов интеллектуальной деятельности выступают личностные факторы — операциональные смыслы, эмоции, мотивы, целеобразование.

Анализ особенностей решения шахматных задач показал, что в ходе исследовательских действий испытуемого один и тот же элемент проблемной ситуации осознается им по-разному на разных этапах процесса решения. Такая специфическая, сугубо индивидуальная форма отражения субъектом разных аспектов ситуации была названа операциональным смыслом объекта (Тихомиров, 1969).

Далее, состояние эмоциональной активации, как правило, предшествует моменту обнаружения критического хода, опережая словесное формулирование принципа решения шахматной задачи. Эмоциональная активация, возникающая до момента принятия решения («чувство близости решения»), способствует фиксации зоны поиска, сужению ее объема, изменению характера поисковых действий, т. е. эмоции принимают непосредственное участие в регуляции интеллектуальной деятельности.

Роль мотивации была продемонстрирована в эксперименте с варьированием мотивационного плана процесса решения комбинаторных и творческих задач. Факты свидетельствовали о том, что по мере роста личностно значимой мотивации растут показатели продуктивности и оригинальности ответов (Тихомиров, 1984).

Исследование целеобразования (т. е. порождения новых целей в индивидуальной или совместной деятельности) позволило описать целый ряд особенностей этого явления: превращение мотивов в мотивы-цели при их осознании, превращение побочных результатов действия в цель, выделение промежуточных целей при наличии препятствий в деятельности и т. д.

5. Образовательный подход

5.1. Теории когнитивного научения (А. Стаатс, Р. Фейерштейн и др.)

А. Стаатс рассматривает интеллект как систему поведенческих навыков, являющихся результатом «кумулятивно-иерархического обучения». По его мнению, можно говорить об общем механизме интеллекта, в качестве которого выступают навыки, релевантные различным ситуациям и требованиям. Интеллект, таким образом, трактуется как «базовый поведенческий репертуар», который приобретает

ся за счет определенных обучающих процедур (Staats, 1970; Staats, Burns, 1981).

Например, способность к обобщению предполагает усвоение четырех когнитивных навыков: 1) навык наименовывать объекты, а также их свойства (цвет, размер и т. д.); 2) навык осуществлять переводы по типу «слово-образ»; 3) навык работать с классами слов (т. е. устанавливать родовидовые связи); 4) навык словесного ассоциирования (Staats, Burns, 1981).

Согласно Р. Фейерштейну, интеллект — это динамический процесс взаимодействия человека с миром, поэтому критерием уровня интеллектуального развития является мобильность (гибкость, пластичность) индивидуального поведения. Источником мобильности выступает «опосредованный опыт обучения» (*mediated learning experience*) (Feuerstein, 1990).

По своему содержанию «опосредованный опыт обучения» — это некоторое множество техник (приемов), в том числе навыки запоминания, обоснования, оценки собственной компетентности, контроля поведения, поиска цели, планирования и т. п., с помощью которых ребенок может сознательно управлять своими состояниями и собственной интеллектуальной деятельностью.

На основе этих представлений Фейерштейн и его коллеги разработали обучающую программу под названием «инструментальное обогащение», предназначенную для учащихся в возрасте 12—14 лет. Смысл данной программы, по мнению ее авторов, заключается не столько в улучшении способности ребенка решать задачи за счет формирования разнообразных интеллектуальных навыков, сколько в повышении его веры в собственную компетентность и оптимизма в отношении своих интеллектуальных возможностей.

5.2. Исследование интеллекта как обучаемости

(З. И. Калмыкова, Г. А. Борулава и др.)

В широком смысле обучаемость рассматривается как общая способность к усвоению новых знаний и способов деятельности, в узком смысле — как способность к быстрому приросту эффективности интеллектуальной деятельности под влиянием тех или иных обучающих воздействий.

З. И. Калмыкова предлагает определять природу интеллекта через понятие «продуктивное мышление», сущность которого заключается в способности к приобретению новых знаний (или обучаемости). Показателями обучаемости являются уровень обобщенности знаний, широта их применения, быстрота усвоения, темп продви-

жения в учебе. Соответственно, «ядро» индивидуального интеллекта составляют возможности человека к самостоятельному открытию новых знаний и применению их в нестандартных проблемных ситуациях. Именно характеристики обучаемости предопределяют успешность школьного обучения, выступая тем самым в качестве критерия уровня интеллекта ребенка (Калмыкова, 1981).

Аналогичной точки зрения придерживается Г.А. Борулава, отмечая, что при оценке умственного развития ребенка следует принимать во внимание как «уровень актуального развития» (в виде показателей сформированности понятий, умственных действий и общих умственных способностей), так и особенности его «зоны ближайшего развития» (в виде показателей обучаемости). В свою очередь, в зоне ближайшего развития следует выделять две линии обучения (по сути, два аспекта обучаемости): во-первых, зону активного обучения (процесс усвоения и воспроизведения новых знаний с учетом различных форм учебной помощи со стороны учителя) и, во-вторых, зону творческой самостоятельности ребенка (процесс его самостоятельности и самообучаемости) (Борулава, 1990).

Некоторые исследователи, соотнося обучаемость с интеллектуальными способностями, выделяют две формы обучаемости: во-первых, эксплицитную, когда обучение осуществляется на основе произвольного, сознательного контроля процессов переработки информации и, во-вторых, имплицитную, когда рост успешности деятельности осуществляется в условиях постепенного накопления информации на неосознаваемом уровне (Дружинин, 1999).

6. Информационный подход

6.1. Ментальная скорость как основа индивидуальных интеллектуальных различий (Х. Айзенк)

Х. Айзенк подчеркивал, что корреляционный и факторный подходы традиционной тестологии недостаточны для объяснения механизмов интеллекта. По его мнению, путь доказательства существования интеллекта лежит через доказательство его нейрофизиологической детерминации. В качестве аргументов Айзенк рассматривает факты высоких корреляционных связей показателей IQ с характеристиками вызванных потенциалов коры головного мозга (мерой их сложности и синхронности), а также со временем простых двигательных реакций и временем опознания объектов в условиях их кратковременного зрительного предъявления (A Model for Intelligence, 1982).

Подобно тому как в свое время сформировалось представление о сложности состава атома, IQ также должен быть «взломан» на отдельные составляющие, каждая из которых требует отдельного измерения. В частности, в IQ следует выделить три компонента: скорость решения, настойчивость в поиске решения и ошибки исполнения. Для понимания природы интеллекта особенно важен компонент «ментальная скорость», которая и является, по словам Айзенка, психологической базой и источником развития интеллекта.

*6.2. Элементарные информационные процессы
как основа индивидуальных интеллектуальных различий
(Э. Хант, Р. Стернберг)*

Общим для теоретических воззрений Э. Ханта и Р. Стернберга является представление о том, что альтернативой тестологическому подходу должно стать изучение элементарных информационных процессов (микрооперациональных когнитивных актов, связанных с оперативной переработкой текущей информации и лежащих в основе решения тестовых задач). Иными словами, необходимо сосредоточиться на изучении тех когнитивных процессов, которые «стоят за IQ» и позволяют объяснить индивидуальные различия в успешности выполнения традиционных тестов интеллекта.

Прием, разработанный Хантом для изучения механизмов интеллекта, был назван им когнитивным корреляционным методом. Суть его заключается в том, что показатели отдельных элементарных когнитивных процессов (например, скорости переработки лексической информации) на уровне корреляционного анализа соотносятся с показателем теста интеллекта в виде IQ с тем, чтобы определить, как эффективность этого базового информационного процесса сказывается на индивидуальных различиях в исполнении соответствующего (например, вербального) теста. В частности, было установлено, что испытуемые с более высокой скоростью переработки лексической информации имели более высокий уровень вербальных способностей (Hunt, Lunneborg, Levis, 1975). Кроме того, индивидуальные различия в способах кодирования информации оказались связанными с успешностью выполнения разных тестов интеллекта: «вербализаторы» имели более высокие оценки на вербальных тестах, «визуализаторы», напротив, — на невербальных пространственных тестах (Hunt, 1983).

Стернберг проводил свои экспериментальные исследования в рамках когнитивного компонентного метода, ориентированного на анализ самого процесса выполнения определенного интеллектуального теста (в частности, теста вербальных аналогий). По его дан-

ным, процесс поиска правильного ответа в тесте аналогий включает пять более элементарных информационных процессов: построение ментальной репрезентации задачи (декодирование), умозаключение, сравнение, проверка, построение ответа (Sternberg, 1986). При этом была выявлена особая роль фазы ментальной репрезентации: во-первых, на декодирование испытуемые тратили 54% от общего времени решения, во-вторых, испытуемые, имевшие более высокие оценки по тестам интеллекта, быстрее проходили последние четыре фазы, но медленнее — фазу декодирования информации.

7. Функционально-уровневый подход

7.1. Структурно-уровневая теория интеллекта (Б. Г. Ананьев)

Б. Г. Ананьев полагал, что интеллект — это эффект межфункциональных связей основных познавательных функций. На уровне эмпирического исследования изучались такие познавательные функции, как психомоторика, внимание, память и мышление, которые и выступали в качестве компонентов интеллекта (Ананьев, 1968).

Соответственно структура интеллекта рассматривается в качестве единства как «внутрифункциональных связей» (между различными свойствами отдельной познавательной функции, например, объемом, распределением, переключением, избирательностью и устойчивостью внимания), так и «межфункциональных связей» (между познавательными функциями разного уровня, например, вниманием и памятью, памятью и мышлением и т. д.).

В итоге был сделан вывод о том, что с возрастом общая направленность интеллектуального развития характеризуется единством процессов когнитивной дифференциации (возрастанием выраженности свойств отдельных познавательных функций) и процессов когнитивной интегрированности (усилением межфункциональных связей между познавательными функциями разного уровня), задающих «архитектонику» целостной структуры интеллекта (Развитие психофизиологических функций взрослых людей, 1972; Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя зрелость), 1977).

Во-первых, если в 18–25 лет интеркорреляционные связи между показателями внимания и мышления составляют 14,1%, то в возрасте 26–33 года — уже 86,0%.

Во-вторых, по мере возрастного развития в структуре интеллекта наблюдается увеличение количества и величины корреляционных связей как между разными свойствами одной познавательной функции, так и между познавательными функциями разных уров-

ней, что свидетельствует о росте интеграции целостной структуры интеллекта на этапе взрослости.

В-третьих, с возрастом изменяется роль основных компонентов в структуре интеллекта: если в 18–25 лет самым мощным является показатель долговременной памяти, то в 26–35 лет на первые места выходят показатели словесно-логического мышления (Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя взрослость), 1977; Структура интеллекта взрослых, 1979).

7.2. Теория функциональной организации познавательных процессов *(Б. М. Величковский)*

Интеллект, согласно Б. М. Величковскому, — это иерархия (точнее, гетерархия) познавательных процессов, включающая шесть уровней познавательного отражения (Величковский, 2006).

Так, нижние «этажи» интеллекта имеют отношение к регуляции движений в предметной среде, начиная с простейших двигательных реакций и локализации объектов (уровни А и В) вплоть до развернутых предметных действий в условиях построения предметного образа ситуации (уровни С и D). Два последних высших его «этажа» — это «высшие символические координации», отвечающие за представление и хранение знаний (уровень Е), и «стратегии преобразования знаний» (уровень F), именно эти уровни характеризуют специфику человеческого интеллекта.

Уровень Е представлен концептуальными структурами в виде «протолексикона» (наглядно-типических образов объектов — «первичных понятий», по И. Хофману, или «фокус-примеров», по Дж. Брунеру), а также в виде когнитивных схем (обобщенных, стереотипизированных представлений о различных предметных областях — «фреймов» и «сценариев»). Уровень F представлен процедурами изменения личного знания в виде операций воображения, пропозициональных операций, особого рода метаоператоров типа языковых связок «если, то...», «допустим, что...» и т. д. Благодаря этим процедурам создаются условия для порождения новых смысловых контекстов («ментальных пространств»), которые могут заполняться новыми действующими лицами и объектами, могут видоизменяться, приобретая гипотетический или контрфактический характер.

Величковский придерживается представления о гетерархическом (полифоническом) принципе организации интеллекта, означающем, что каждый познавательный уровень формируется и работает по своим особым законам в условиях отсутствия каких-либо «верхних» либо «нижних» централизованных влияний.

7.3. Структурно-динамическая теория интеллекта (Д. В. Ушаков)

Основная идея структурно-динамической теории интеллекта заключается в том, что индивидуальные различия в интеллектуальной деятельности не являются инвариантом, а вырабатываются на протяжении всего жизненного пути личности по определенным законам. Соответственно природа индивидуальных различий должна рассматриваться в соотнесении с динамикой развития различных интеллектуальных функций в онтогенезе и с динамикой формирования определенной функции в процессе упражнения.

Подчеркивается органическое единство интеллекта и мышления: «Интеллектуальный человек — это тот, кто способен к осуществлению процессов мышления. Интеллект — это способность к мышлению. Мышление — процесс, в котором реализуется интеллект» (Ушаков, 2003, с. 14).

Центральное понятие данной теории — понятие «потенциал», которое определяется как индивидуально выраженная способность к формированию функциональных систем, ответственных за интеллектуальное поведение. Потенциал может быть связан с совершенствованием различных интеллектуальных способностей, при этом усиленный прогресс в развитии одной способности может сочетаться с регрессом в развитии другой. Механизм специализации способностей в ходе их развития позволяет объяснить факт появления отрицательных корреляций между разными интеллектуальными способностями. При этом характерно, что отрицательные корреляции в наибольшей степени обнаруживают себя именно в подгруппе наиболее успешных испытуемых, например, чем успешнее школьник в математической деятельности, тем ниже у него показатели вербальной креативности.

8. Регуляционный подход

8.1. Интеллект как условие контроля мотивации (Л. Л. Терстоун)

Л. Л. Терстоун одним из первых сформулировал и обосновал положение о том, что интеллект является не только механизмом переработки информации, но и механизмом регуляции психической активности. Интеллект — это способность тормозить импульсивные побуждения либо приостанавливать их реализацию до того момента, пока исходная ситуация не будет осмыслена в контексте наиболее приемлемого для личности способа поведения (Thurstone, 1924).

Если возникшая потребность (побуждение) реализуется сразу же на уровне поведенческого действия, то это свидетельствует о факти-

ческом отсутствии интеллектуальной регуляции. Если острая и неотложная потребность (побуждение) осознается в более абстрактной форме, в результате чего исходная потребность оказывается нейтрализованной либо существенно трансформированной, то можно говорить о выраженной интеллектуальной регуляции поведения.

Итак, интеллектуальное (разумное) поведение предполагает: 1) возможность задерживать побуждение на разных стадиях подготовки поведенческого акта; 2) возможность думать в разных направлениях, осуществляя мысленно выбор среди множества вариантов адаптивного поведения; 3) возможность осмысливать ситуацию и собственные побуждения на обобщенном уровне на основе подключения понятийного мышления. Интеллект, следовательно, — это «способность к абстракции, которая по своей сути является тормозящим процессом» (Thurstone, 1924, с. 159).

8.2. Интеллект как ментальное самоуправление (Р. Стернберг)

Р. Стернберг разработал «триархическую теорию интеллекта», в рамках которой интеллект определяется как форма ментального самоуправления и которая включает три взаимосвязанные субтеории — компонентов, контекста и опыта (Sternberg, 1988).

Субтеория компонентов трактует «внутреннюю деятельность ментального самоуправления» как некоторую систему элементарных информационных процессов (Стернберг назвал их «компонентами»), отвечающих за текущую переработку информации в ходе ее получения, преобразования, хранения и использования. К числу таких компонентов относятся: 1) метакомпоненты — процессы регуляции интеллектуальной деятельности, предполагающие планирование, прослеживание хода решения, сознательное распределение внимания, организацию обратной связи и т.д.; 2) компоненты исполнения — процессы преобразования информации и процессы формирования ответной реакции (связывание, дополнение, сравнение, селекция, группирование и т.д.); 3) компоненты усвоения и использования знаний (пути приобретения знаний, начиная с подражания и заканчивая инсайтом, их дифференциация в условиях хранения, оперативность применения в нужный момент и т.д.).

Субтеория контекста позволяет учитывать функции интеллекта в его отношении к естественной среде: адаптацию к существующему окружению, выстраивание избирательного отношения к происходящему, структурирование («придание формы») окружения с тем, чтобы иметь возможность его изменять. Учет внешнего контекста позволяет говорить о роли социокультурных стандартов в оценке

интеллектуального поведения, роли невербальной культурной информации и т. п.

Субтеория опыта описывает возможности интеллекта на шкале «новизна — стереотипность». В частности, выделяются два вида способностей: способность справляться с новой ситуацией и способность действовать быстро, без усилий, на основе автоматизированных когнитивных навыков в стандартных, повторяющихся ситуациях.

Стернберг подчеркивал, что понятие «ментального самоуправления» акцентирует внимание на возможности различных способов организации интеллектуальной активности человека и адресуется не столько к интеллекту как таковому, сколько к тому, как люди используют свой интеллект.

9. Интеллект как форма организации индивидуального ментального опыта (Л. М. Веккер, М. А. Холодная)

В рамках «единой теории психических процессов» Веккер рассматривает интеллект как иерархию разноуровневых когнитивных структур, которые на основе когнитивного синтеза «снизу» и «сверху» образуют единую структуру человеческого интеллекта (Веккер, 1998).

Центральную роль в формировании интеллекта играют понятийные структуры (концепты), поскольку, включая в себя все ниже лежащие уровни когнитивных структур, они выступают в качестве «формы интегральной работы интеллекта», при этом сам концепт рассматривается как «интеллектообразующая интегративная единица» (там же, с. 349).

Таким образом, возникает необходимость в переформулировке вопроса о природе интеллекта. Отвечать нужно не на вопрос «Что такое интеллект?» (с последующим перечислением его свойств), а на вопрос «Что представляет собой интеллект как *психический носитель* своих свойств?» В качестве психического носителя свойств интеллекта рассматривается индивидуальный ментальный (умственный) опыт (Холодная, 2002).

По своему назначению интеллект — это общая познавательная способность, которая проявляется, во-первых, в том, как человек воспринимает, понимает и объясняет происходящее и, во-вторых, в том, какие решения он принимает и насколько эффективно действует в той или иной ситуации. По своему онтологическому статусу интеллект — это особая форма организации индивидуального ментального опыта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего.

В составе индивидуального ментального опыта можно выделить четыре уровня (или слоя) опыта, каждый из которых имеет свое назначение (Холодная, 2002, 2012).

1. *Когнитивный опыт* — это ментальные структуры, которые обеспечивают восприятие, хранение и упорядочивание информации. Их основное назначение — оперативная переработка текущей информации об актуальном воздействии на разных уровнях познавательного отражения. Когнитивный опыт представлен такими ментальными структурами, как *архетипические структуры, способы кодирования информации, когнитивные (декларативные и процедурные) схемы*.
2. *Понятийный опыт* — это ментальные структуры, которые имеют отношение к формированию семантических сетей, использованию категорий разной степени обобщенности и порождению новых ментальных содержаний. Их основное назначение — участие в построении концептуальной модели ситуации, обеспечивающей воспроизведение ее референтных, с точки зрения целей субъекта, и существенных, с точки зрения объективной природы происходящего, аспектов. Понятийный опыт представлен такими ментальными структурами, как *семантические структуры, категориальные структуры и концептуальные структуры*.
3. *Метакогнитивный опыт* — это ментальные структуры, отвечающие за произвольную и непроизвольную регуляцию процесса переработки информации. Их основное назначение — контроль за состоянием индивидуальных интеллектуальных ресурсов, а также коррекция хода интеллектуальной деятельности. Метакогнитивный опыт представлен такими ментальными структурами, как *непроизвольный интеллектуальный контроль, произвольный интеллектуальный контроль, метакогнитивная осведомленность, открытая познавательная позиция*.
4. *Интенциональный опыт* — это ментальные структуры, которые лежат в основе индивидуальной избирательности интеллектуальной активности. Их основное назначение — участие в формировании субъективных критериев выбора определенной предметной области, направления поиска решения, предпочтения способа переработки информации и т.д. Интенциональный опыт представлен такими ментальными структурами, как *предпочтения, убеждения и умонастроения*.

В свою очередь, особенности организации когнитивного, понятийного, метакогнитивного и интенционального опыта определяют про-

явления индивидуального интеллекта как на уровне результативных, процессуальных и регуляторных свойств (в виде *интеллектуальных способностей*), так и на уровне индивидуального своеобразия склада ума (в виде *индивидуальных познавательных стилей*).

Итак, если обобщить вышеперечисленные экспериментально-психологические подходы к формулированию понятия «интеллект», то обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в большинстве теорий обнаруживает себя тенденция искать объяснение механизмов интеллекта *вне* интеллекта — либо в плоскости анализа факторов, влияющих на формирование и функционирование интеллекта (нейрофизиологические, социокультурные, личностные факторы), либо за счет описания процессуальных и регулятивных свойств интеллектуальной деятельности (сформированность мыслительных операций и умственных действий, обучаемость, скорость и способы переработки информации, контроль потребностей), либо на основе выявления связей между разноуровневыми познавательными функциями (процессами). При этом остается открытым вопрос о том, что собой представляет интеллект как таковой. Тем не менее, в ряде теорий просматривается важная тенденция в виде обращения к изучению интеллекта как внутренней психической реальности (*«inside experience»*, по словам Р. Стернберга), которую можно описать в терминах особенностей состава и устройства ментального опыта человека (закономерностей формирования операциональных структур, обогащения интеллектуальных навыков, организации индивидуальной базы знаний, механизмов выстраивания ментальной репрезентации проблемной ситуации, взаимодействия ментальных структур разного уровня и т. д.).

Понятие «интеллект» в альтернативных теориях

В последние годы предпринимаются попытки выхода за пределы тестологических и экспериментально-психологических подходов за счет конструирования качественно новых понятий интеллекта, альтернативных по отношению к понятию интеллекта как когнитивной способности и предполагающих радиально иные критерии оценки уровня интеллектуального развития личности.

Так, Г. Айзенк, наряду с *«психометрическим интеллектом»*, который он определял как способность, измеряемую традиционными тестами интеллекта, выделил *«биологический интеллект»* и *«социальный интеллект»*. «Биологический интеллект» связан со структурами и функциями коры головного мозга, которые отвечают за индиви-

дуальные различия интеллекта и имеют генетическую природу, его индикаторами могут служить показатели электроэнцефалографии (ЭЭГ), усредненных вызванных потенциалов (УВП), кожно-гальванической реакции (КГР), времени реакции (ВР). «Социальный интеллект» — это способность к социально полезной адаптации, на которую оказывают влияние все без исключения социальные факторы, начиная с характера питания и заканчивая особенностями культурной среды. Согласно Айзенку, биологический интеллект влияет на уровень психометрического интеллекта, который, в свою очередь, определяет уровень социального интеллекта (Айзенк, 1995).

В последующих многочисленных исследованиях социального интеллекта подчеркивается, что «общий интеллект» как когнитивная способность не имеет прямого отношения к регуляции жизнедеятельности человека в естественной социальной среде. Эти функции приписываются социальному интеллекту, в котором выделяются такие качества, как социальные знания, социальная память, социальная интуиция, социальное прогнозирование, социальная выразительность, сопереживание, социальное восприятие, социальное взаимодействие и т. д. (Ушаков, 2004; Goleman, 2006; и др.).

Г. Гарднер выделил несколько типов интеллекта: *лингвистический, музыкальный, логико-математический, пространственный, телесно-кинестетический, межличностный, внутриличностный* (Gardner, 1983), опираясь на качественный анализ отдельных случаев индивидуального поведения (биографических источников, примеров из психотерапевтической практики и т. п.) либо типичных видов деятельности (танцора, спортсмена и т. д.).

В последние годы в центре исследовательских интересов оказался «*эмоциональный интеллект*». Мотив введения этого понятия был связан с попыткой обосновать роль эмоционального опыта в регуляции индивидуального поведения, который игнорировался в рамках когнитивной трактовки интеллекта. «Эмоциональный интеллект» определяется как форма интеллекта, включающая способности воспринимать и выражать эмоции, различать их между собой, отслеживать свои и чужие эмоциональные состояния, понимать эмоции и рассуждать об их причинах, регулировать собственные эмоции и эмоции других людей (Люсин, 2004; Сергиенко, Ветрова, 2010; Goleman, 1995; Mayer, Salovey, 1997; и др.). Характерно, что в отличие от общего (психометрического) интеллекта, который снижается с возрастом, эмоциональный интеллект с возрастом увеличивается.

Критическое отношение к понятию «общий интеллект» как искусственному психометрическому конструкту привело Р. Стернберга

к введению понятия «успешный интеллект», который определяется как «способность достигать целей в жизни в определенном социокультурном контексте» (Sternberg, 1997, 2005). Успешный интеллект включает три вида способностей (компонентов): «аналитический интеллект» — способность перерабатывать информацию, в том числе анализировать, сравнивать, оценивать, рассуждать; «креативный интеллект» — способность справляться с новыми (невозможными, неожиданными) проблемами; «практический интеллект» — способность эффективно решать житейские задачи, в том числе адаптироваться к происходящему, изменять его в свою пользу, выбирать наиболее соответствующий своим потребностям его аспект.

Важная тенденция в современных исследованиях интеллекта — это переход от анализа когнитивного аспекта интеллекта к изучению его духовного основания, в частности, введение понятия «духовный интеллект» (Эммонс, 2004; Noble, 2000; Vaughan, 2002; Zohar, Marshall, 2000). Г. В. Ожиганова, обобщая существующие теории духовного интеллекта, выделяет следующие его аспекты: экзистенциальный (способность встречаться лицом к лицу с экзистенциальной реальностью, такой как свобода, страдание, смерть; поиск жизненных смыслов); моральный (способность к любви, состраданию, дружелюбию, добродетельному поведению); ментальный, включающий креативность (открытость ума, способность видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, способность к интуиции и предвидению, готовность использовать различные виды познания); самосознание и самоконтроль (способность сохранять внутренний покой и равновесие, встречаясь со сложными проблемами); трансцендентный (способность к достижению высших состояний сознания и расширению границ осознания происходящего) (Ожиганова, 2010).

Наконец, представляет интерес ориентация на полный отказ от конвенционального понятия «интеллект». В частности, М. Энтони ввел понятие «интегральный интеллект», определив его как способность преднамеренно использовать особые состояния персонального сознания, в которых индивидуальное понимание соединяется с надличностным, выходящим за пределы разума индивидуума и его сенсорных органов. Интегральный интеллект — это человеческий разум, осознающий духовную и надличностную базу знаний, ориентированный на целостное понимание события в его единстве с природой и космосом, способный к предвидению и стимулированию творческого вдохновения в разных сферах своей жизни (Энтони, 2007; Anthony, 2003).

Понимание роли особых механизмов интеллектуальных возможностей человека, которые были проигнорированы в тестологическом

подходе, вынудило некоторых авторов полностью отказаться от понятия «интеллект». Так, Дж. Браун и Е. Лангер ввели понятие «осмысленности» (*mindfulness*), противопоставляя его традиционному понятию «интеллект». Осмысленность — это состояние, в котором субъект способен строить ментальные репрезентации специфического типа, а именно он открыт восприятию привычной информации в новом свете, чувствителен к контексту и тонким деталям, способен создавать новые категории, имеет представление о множестве возможных перспектив какой-либо ситуации, отличается вариативностью способов мышления и т.д. (Brown, Langer, 1990). В данном подходе на первый план выходит не способность эффективно перерабатывать информацию, а способность к специфической форме концептуализации происходящего.

Характерно, что многие аспекты *mindfulness* проявляются в случае низкого уровня интеллекта (*disabled, deviant*). Как отмечают авторы, низкий интеллект может быть выгодным, иметь определенные преимущества: «...любая неспособность может выступить в качестве способности, если человек готов рассматривать что-либо в новой перспективе» (там же, р. 332). Фактически эти авторы обсуждают новый психический механизм, который может присутствовать именно в случае низкого уровня психометрического интеллекта, — это «персональный контроль» (*the experience of personal control*).

Как можно видеть, альтернативные теории выводят понятие интеллекта за пределы его определения как общей познавательной способности в другие сферы психической активности человека: двигательную, коммуникативную, эмоциональную, духовную, экзистенциально-надличностную. Проблема статуса интеллекта как психической реальности еще более обостряется, поскольку остаются без ответа главные вопросы: существует ли интеллект как базовая психическая способность и если он существует, то как соотносится со всеми описанными выше видами интеллекта?

В то же время эти подходы позволяют сформулировать следующую принципиально важную позицию: понимание природы интеллекта невозможно без учета его некогнитивных составляющих, включая уникальные элементы индивидуального ментального опыта.

Заключение

В современной психологии интеллекта отсутствует единое и согласованное представление о природе интеллекта. С другой стороны, ретроспективный анализ множества вариантов трактовки понятия

«интеллект» позволяет выявить ключевые противоречия в его исследованиях и наметить перспективы его изучения в системе современного научного знания.

Один из путей встраивания психологии интеллекта в постнеклассическую научную парадигму — это попытка посмотреть на интеллект не через процедуру его измерения или перечисление его разнообразных проявлений, а с точки зрения его онтологического статуса. В рамках онтологического подхода интеллект определяется как форма организации ментального (умственного) опыта индивидуального субъекта, которая предопределяет результативные и функциональные свойства интеллектуальной деятельности. Использование понятия «ментальный опыт» не только возвращает интеллекту статус психической реальности на основе анализа состава, строения и эволюции разнообразных ментальных структур (на уровне когнитивного, понятийного, метакогнитивного, интенционального опыта), но и усиливает аксиологическую нагрузку данного понятия за счет обращения к телесным, эмоциональным, духовно-ценностным составляющим интеллекта, включая уникальные состояния индивидуального ментального опыта.

Литература

- Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. Т. 1. С. 111—131.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Бине А. Измерение умственных способностей. СПб.: Союз, 1998.
- Берулава Г. А. Психодиагностика умственного развития учащихся. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1990.
- Брушлинский А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Веккер Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. М.: Смысл—Академия, 2006.
- Вертгеймер М. Психология продуктивного мышления. М.: Прогресс, 1987.
- Выготский Л. С. Мышление и речь // Л. С. Выготский. Собр. соч. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5—361.
- Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433—456.

- Диагностика умственного развития дошкольников / Под ред Л. А. Венгера. М.: Педагогика, 1978.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
- Калмыкова З. И.* Продуктивное мышление как основа обучаемости. М.: Педагогика, 1981.
- Кёлер В.* Некоторые задачи гештальт-психологии. Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 102–120.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление: Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977.
- Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
- Люсин Д. В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–35.
- Маккоби М., Модiano Н.* О культуре общества и понимании эквивалентности // Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера. М.: Педагогика, 1971.
- Нисбет Р.* География мысли. М.: Астрель, 2012.
- Ожиганова Г. В.* Психологические аспекты духовности. Часть I. Духовный интеллект // Психологический журнал. 2010. Т. 31. №4. С. 21–34.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
- Равен Д. К., Курт Дж. Х., Равен Дж.* Руководство к тесту Равена. Общий раздел руководства. Раздел I. М.: Когито-Центр, 1997.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М.: Педагогика, 1972.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя зрелость) / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М.: Педагогика, 1977.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Структура интеллекта взрослых / Под ред. Е. И. Степановой. М.: НИИ ООВ, 1979.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

- Ушаков Д. В. Интеллект: Структурно-динамическая теория. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люси-на, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. С. 11–28.
- Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Чередникова Т. В. Новая систематика интеллектуальных способностей. СПб.: Изд-во СПбМАПО, 2009.
- Эммонс Р. Психология высших устремлений. М.: Смысл, 2004.
- Энтони М. Рубежи теории интеллекта // Форсайт. Т. 1. № 4. 2007. С. 4–18.
- A Model for Intelligence / Eysenk H. J. (Ed.). Berlin: Springer, 1982.
- Anthony M. Integrated intelligence: The future of intelligence? // Journal of Futures Studied. 2003. V. 8. № 2. P. 39–54.
- Brown G., Langer E. Mindfulness and intelligence: A comparison // Educational Psychologist. 1990. V. 25. № 3–4. P. 305–335.
- Campione J., Brown A., Ferrara R. Mental retardation and intelligence // Handbook of human intelligence / R. Stenberg (Ed.). Cambridge etc: Cambridge Univ. Press, 1982. P. 392–490.
- Carroll J. B. Psychometric tests as cognitive tasks: A new “Structure of Intellect” // L. B. Resnick (Ed.). The nature of intelligence. Hillsdale, N. Y.: Erlbaum, 1976. P. 27–56.
- Cattell R. B. Abilities: Their structure, growth and action. Boston: Houghton Mifflin, 1971.
- Ceci S. J., Liker J. A day at the races: A study of IQ expertise and cognitive complexity // J. of Exper. Psychology: General. 1986. V. 115. P. 225–266.
- Chi M. T., Feltovich P. J., Glaser R. Categorization and representation of physics problem by experts and novices // Cognitive Science. 1981. V. 5. P. 121–152.
- Chi M. T., Ceci S. J. Content knowledge: Its role, representation and restructuring in memory development // Advances in Child Development. 1987. V. 20. P. 91–142.
- Feuerstein R. The theory of structural cognitive modifiability // Learning and thinking styles: Classroom interaction / B. Z. Presseisen (Ed.). Washington, D. C.: Nat. Educat. Association, 1990. P. 68–134.
- Garcia J. The logic and limits of mental aptitude testing // Amer. psychologist. 1981. V. 36. № 10. P. 1172–1180.

- Gardner H.* Frames of mind: The theory of multiple intelligences. L.: Heine-
mann, 1983.
- Glaser R.* A research agenda for cognitive psychology and psychometrics // Amer.
Psychologist. 1980. V. 36. № 9. P. 923–936.
- Glaser R.* Education and thinking: the role of knowledge // Amer. Psychologist.
1984. V. 39. № 2. P. 93–104.
- Goleman D.* Emotional intelligence: why it can matter more than IQ. N. Y.: Ban-
tam Books, 1995.
- Goleman D.* Social intelligence. N. Y.: Bantam Books, 2006.
- Guilford J. P.* The nature of human intelligence. N. Y.: McGraw Hill, 1967.
- Hunt E.* On the nature of intelligence // Science. 1983. V. 219. № 4581. P. 141–146.
- Hunt E., Lunneborg C., Lewis J.* What does it mean to be high verbal? // Cogni-
tive Psychology. 1975. V. 7. P. 194–227.
- Jager A. O.* Intelligenzstrukturforschung: Konkurrierende Modelle, neue En-
twicklungen, Perspektiven // Psychologische Rundschau. 1984. V. 35. № 1.
P. 21–35.
- Jensen A. R.* How much can we boost IQ and scholastic achievement? // Harvard
Educational Review. 1969. V. 39. № 1. P. 1–123.
- Jensen A. R.* Psychometric g as a focus of concerted research effort // Intelligence.
1987. V. 11. P. 193–198.
- Kaufman A. S., Lichtenberger E. O.* Assessing Adolescent and Adult Intelligence.
Hoboken, N. J.: John Wiley Sons Inc., 2002.
- Mayer J. D. Salovey P.* What is emotional intelligence? // Emotional development
and emotional intelligence: educational implications / J. D. Mayer, P. Sa-
lovey (Eds). N. Y.: Perseus Books Group, 1997. P. 3–31.
- McGrew K. S.* A Cattell-Horn-Carroll theory of cognitive abilities: Past, pres-
ent and future // Contemporary intellectual assessment: Theory, tests and
issues / D. P. Flanagan, P. L. Harrison (Eds). N. Y.: Guilford Press, 2005.
P. 137–176.
- Meili R.* Struktur der Intelligenz. Bern: Huber, 1981.
- Noble K.* Spiritual intelligence. A new frame of mind // Advanced Development
Journal. 2000. № 9. P. 1–28.
- Raven J. C.* Guide to the Progressive Matrices. London: Lewis, 1960.
- Spearman C.* General Intelligence, objectively determined and measured // Amer.
J. of Psychology. 1904. V. 15. P. 201–293.
- Spearman C.* The abilities of man. N. Y.: Macmillan, 1927.
- Staats A. W.* Learning and cognitive development. Chicago (Ill): Univ. of Chi-
cago Press, 1970.
- Staats A. W., Burns G. L.* Intelligence and child development: What intelligence
is and how it is learned and functions // Genetic Psychol. Monograph. 1981.
V. 104. P. 237–301.

- Sternberg R. J.* Inside intelligence // *American Scientist*. 1986. V. 74. № 2. P. 137–143.
- Sternberg R. J.* The triarchic mind: A new theory of human intelligence. N. Y.: Viking Penguin Inc., 1988.
- Sternberg R. J.* Successful intelligence. N. Y.: Plume, 1997.
- Sternberg R. J.* The Theory of Successful Intelligence. *Revista Interamericana de Psicología* // *Interamerican Journal of Psychology*. 2005. V. 39. № 2. P. 189–202.
- Thurstone L. L.* The nature of intelligence. N. Y.: Harcourt. Brace and Company, Inc., 1924.
- Thurstone L. L.* Primary mental abilities. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1938.
- Tuddenham R. D.* The nature and measurement of intelligence // L. Postman (Ed.). *Psychology in the making*. N. Y.: Knopf, 1962.
- Vaughan F.* What is spiritual intelligence? // *J. of Humanistic Psychology*. 2002. V. 42. № 2. P. 16–33.
- Vernon P. E.* The structure of human abilities. N. Y.: Wiley, 1965.
- Wechsler D.* The measurement of adult intelligence. Baltimore, 1944.
- Zohar D., Marshall I.* Spiritual intelligence: The ultimate intelligence. L.: Bloomsbury Publishing, 2000.

Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути

Е. А. Валueva, А. А. Медынцев, Д. В. Ушаков

В классической модели творческого процесса Грем Уоллес выделяет четыре этапа решения проблемы:

- этап подготовки, в которой происходит формулировка проблемы, сознательная попытка ее решения;
- этап инкубации, или созревания, в которой решатель не работает над проблемой сознательно, хотя бессознательная работа ведется;
- озарение, или спонтанное появление решения проблемы, часто сопровождаемое ярким эмоциональным переживанием;
- проверка, когда возникшее решение оценивается и дорабатывается на сознательном уровне (см.: Любарт и др., 2009).

Наиболее интересными в этой схеме являются второй и третий этапы. Термин «инсайт» применяется для обозначения процессов, происходящих на третьем, ключевом для решения этапе.

Формирование понятия инсайта

Представление об озарении при решении творческих проблем сформировалось задолго до появления психологической науки как таковой. Одним из ранних и наиболее известным описанием озарения является приведенная в работах Витрувия легенда об Архимеде. Архимед, получивший задание определить, из какого материала сде-

лана корона тирана Сиракуз Гиерона, в результате неожиданного озарения нашел решение, будучи в бане, и выбежал на улицу с криком «Эврика!».

В XIX в. озарение описал выдающийся исследователь Герман Гельмгольц: «Счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение, иной раз только случайность укажет впоследствии, когда и при каких обстоятельствах они приходили: появляется мысль в голове, а откуда она — не знаешь сам. Но в других случаях мысль осеняет нас внезапно, без усилия, как вдохновение» (Гельмгольц, 1980, с. 367).

Первая научная попытка объяснить озарение была предпринята не психологом, а выдающимся математиком, физиком и философом А. Пуанкаре. Основываясь на интроспективных наблюдениях за процессом решения научных проблем, Пуанкаре делает множество интересных наблюдений и выводов. Так, он выдвигает очень важное положение о том, что озарение является «результатом длительной неосознанной работы» (Пуанкаре, 1981, с. 361). Пуанкаре аргументирует его, описав несомненные случаи, когда открытию не предшествует сознательная работа, а оно совершается во время отдыха, прогулки или светской беседы: «В момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову... без всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны, идея о том, что преобразования, которые я использовал, чтобы определить автоморфные функции, были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии». Или: «Когда я прогуливался по берегу, мне так же внезапно, быстро и с той же мгновенной уверенностью пришла на ум мысль, что арифметические преобразования квадратичных форм тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии» (там же, с. 360).

Пуанкаре не отрицает, что озарение может возникнуть и на фоне сознательного решения задачи. Однако он полагает, что это не меняет дела: «Озарение вместо того, чтобы произойти во время прогулки или путешествия, происходит во время сознательной работы, но совершенно независимо от этой работы» (там же, с. 361).

Однако, несмотря на это, большинство авторов, которые пишут об инсайте, так или иначе связывают инициацию его исследования с именем В. Кёлера.

Кёлер работал с испытуемыми, на которых меньше всего можно было исследовать озарение, — с человекообразными обезьянами. В своих работах Кёлер не приписывал обезьянам субъективно переживаемых состояний озарения при решении задач.

Термин *insight* появляется в английском переводе и используется для передачи употреблявшегося Кёлером немецкого слова *Einsicht* (Köhler, 1947, 1973). Последнее обозначает осмысленное понимание, постижение, проникновение в проблему, в частности, и изучение бухгалтерской отчетности. Образованное от него прилагательное *einsichtig* имеет значение «умный, благоразумный, осмотрительный». Термин употребляется Кёлером для того, чтобы противопоставить обучение решению задач у обезьян путем понимания ситуации, схватывания ее сути путем проб, ошибок и подкрепления. Например, обезьяна может просто перебирать различные известные ей способы действий, чтобы заполучить банан, а может действовать «умно», с пониманием структуры ситуации — допустим, стремясь удлинить не достающую до банана руку.

В противоположность бихевиористскому описанию обучения как подкреплению удачных попыток Кёлер вводит концепцию обучения, которая соответствует общему духу гештальт-подхода и делает акцент на изучении структурированных репрезентаций. Таким образом, работа Кёлера выводит гештальтистские принципы в область научения у животных, которая до этого была зоной бихевиоризма и служила основным источником его эмпирической и теоретической подпитки. Однако эта работа не имеет ни малейшего отношения к проблеме инсайта как озарения.

Перевод термина *Einsicht* английским *insight* подкреплен как созвучием, так и тем, что слова являются фактически однокоренными. Английское *sight* и немецкое *Sicht* происходят из общего германского корня в значении «вид, видимость, взгляд». *Insight* и *Einsicht* также имеют близкое значение в смысле понимания, проникновения в суть ситуации. И то, и другое, кстати, может означать ознакомление с материалами какого-либо дела, выявление его существа. В этом плане перевод, безусловно, оказывается удачным.

Пожалуй, приставка *in* в английском слове *insight*, указывающая на проникновение вглубь, сообщает этому слову оттенок глубокого понимания, нетривиальное углубление в суть проблемы в большей степени, чем в немецком аналоге. Отсюда в качестве периферийного значения появляется указание на творческое озарение, которое отсутствует в слове *Einsicht*, а передается в немецком языке совсем другим термином — *Erleuchtung*.

Insight, как и *Einsicht*, не означает мгновенного понимания или чувства озарения. Когда, например, в англоязычном тексте какая-то книга характеризуется как *insightful*, это отнюдь не значит, что автор испытывал озарения во время написания или что их испытает чи-

татель. Не значит это и того, что идеи, изложенные в книге, пришли к автору внезапно. Это просто означает, что автор излагает очень глубокое понимание своего предмета.

Внимательное чтение Кёлера, кстати, показывает, что он нигде не настаивает на том, что понимание ситуации происходит у обезьян обязательно мгновенно, скачком. Более того, в его описании встречаются случаи постепенного развития этого понимания.

Исследование инсайта как переструктурирования репрезентации задачи на людях, у которых при этом нередко возникают вспышки озарения, было проведено аспирантом Кёлера Карлом Дункером.

Исследования Дункера (1965) показали, что мышление нередко движется скачкообразно, то как будто топчась на месте, то неожиданным рывком в короткое мгновение глубоко погружаясь в проблему и освещая ее новым светом. Дункер привлек внимание к этому скачкообразному характеру мышления, объяснив его переструктурированием проблемного поля, аналогичным переструктурированию зрительного поля при восприятии двусмысленных изображений.

Характерно, что в связи с феноменом творческого озарения Дункер использует термин «Ага-переживание» (Aha-Erlebnis), идущий от К. Бюлера.

Работы Дункера во многом предопределили дальнейшее изучение феномена. Представления об инсайте, сформированные в его работах, были приняты всеми позднейшими исследователями. Можно выделить три таких представления:

- 1) представление о неравномерном, скачкообразном движении мысли при решении задач во время инсайта;
- 2) объяснение неравномерного движения мысли механизмом переструктурирования проблемного поля;
- 3) связь с переструктурированием эмоциональной вспышки — «Ага-переживания».

До сих пор термин «инсайт» в психологии мышления несет в себе отпечаток этих дункеровских представлений. Например, современные исследователи определяют инсайт как «ключевой момент в ходе решения мыслительной задачи, связанный со скачкообразным переструктурированием репрезентации задачи, которое приводит к нахождению ответа и часто сопровождается яркими переживаниями» (Спиридонов, Лифанова, 2013).

Еще одним аспектом, который связан с инсайтным решением в работах Дункера, является феномен функциональной фиксации.

Для того чтобы переструктурирование произошло как резкий и в то же время с трудом достигаемый переворот, необходимо, чтобы исходная, не позволяющая решить задачу структура проблемного поля удерживалась какими-то серьезными психологическими силами. Эти силы и выражаются понятием функциональной фиксации: в задаче (или прошлом опыте решающего) есть такие элементы, которые настолько сильно связаны между собой, что субъект не может расщепить их и начать мыслить по-новому. Когда же расщепление все же удастся, происходит переструктурирование видения проблемы, сопровождаемое чувством озарения, после чего мысленный взгляд проникает глубоко в предмет и ход решения задачи круто меняется.

В целях воспроизведения этого расщепления в условиях лаборатории, Карлом Дункером были использованы задачи особого типа. Впоследствии подобные задачи получили название «инсайтных» (Спиридонов, Логинов, 2015; и др.) и стали повсеместно применяться для изучения инсайта.

Суть подобных задач заключается в особой организации репрезентации условий задачи. Репрезентация, которая содержит в себе некоторое противоречие, удерживаемое благодаря функциональной фиксированности (опыта) решателя. Снятие функциональной фиксированности ведет к моментальному переструктурированию репрезентации и моментальному нахождению решения.

В качестве примера такой задачи можно привести ставшую хрестоматийной «Задачу со свечой». Испытуемому предоставляются свеча, коробка с кнопками и еще ряд предметов. Задачей испытуемого является закрепление свечи на вертикальной поверхности (двери или стене), чтобы она могла гореть. Для решения задачи можно использовать только выданные предметы.

Решением этой задачи является закрепление коробки из-под кнопок на вертикальной поверхности при помощи кнопок и помещение горящей свечи в этот своеобразный настенный подсвечник. Однако, видя коробку с кнопками на столе, испытуемый долго не может найти решения.

Он воспринимает коробку только в качестве контейнера для кнопок, но не как отдельный предмет. Инсайт произойдет в тот момент, когда фиксированность на функции коробки как контейнера будет снята.

Экспериментатор может манипулировать этой фиксированностью. В одном случае он может выложить коробку с кнопками внутри, а в другом — коробку и кнопки отдельно. В последнем случае решение находится гораздо быстрее.

В этой задаче именно опыт решателя (привычка, что коробка — не более чем тара для предметов) является тормозом в поиске решения. Это и есть типичное проявление феномена функциональной фиксированности.

К тем же «инсайтным» задачам относится и знаменитая задача «9 точек», активно использованная в исследованиях Я. А. Пономарева (Пономарев, 1976) и мн. др.

Таким образом, термин «инсайт» не просто указывает на определенный феномен в процессе мышления, но и содержит сложную интерпретацию этого феномена. Если эта интерпретация отбрасывается, термин теряет смысл.

Проблематизация понятия инсайта

Представления об инсайте как скачкообразном переструктурировании репрезентации задачи вследствие преодоления функциональной фиксированности оставались вне критики очень недолго. Критическое отношение стало формироваться, когда на смену господствовавшим в начале XX в. бихевиоризму и гештальтизму пришло когнитивное направление, которое принесло с собой новый взгляд на психические процессы.

Одним из представлений о решении задач, разработанных в русле когнитивной психологии, была теория проблемного пространства (problem space theory), предложенная Г. А. Саймоном с коллегами (Newell, Simon, 1972). В ней Саймон с соавт. ввели представление о решении задач как поиске в проблемном пространстве (Newell, Simon, 1972). Любая мыслительная задача — часть проблемного пространства, порожденного применением операторов. Соответственно решение — это нахождение пути в лабиринте, который ведет от исходных данных к требуемому. Гарантированное решение — это полный перебор, но при большом размере проблемного пространства главную роль начинают играть эвристики. Теория проблемного пространства развернута и сильно фундирована, она получила мощный импульс с развитием вычислительных устройств, но имеет и существенное независимое значение.

В рамках этой теории представление о каком-либо специфическом процессе вроде инсайта являлось излишним. Поиск в проблемном пространстве гомогенен и обладает свойством последовательности и непрерывности. Общий решатель проблем достаточно эффективно работает без каких-либо форм скачка или инсайта.

Таким образом, появилась необходимость обосновать, что инсайт как некий отдельный процесс не существует и является частным проявлением общего. Попытка такого обоснования была предпринята в 1980-е годы Р. Вейсбергом и Дж. Альбой. В своем исследовании авторы попытались нанести удар по представлениям о функциональной фиксированности как основному препятствию в решении «инсайт-ных» задач. Суть исследования была такова: Испытуемым, решавшим задачи, причислявшиеся к «инсайтным» («9 точек», «6 спичек» и др.), предъявлялись подсказки, которые должны были ослабить возможную функциональную фиксацию. Было показано, что и в случае подсказок время решения таких задач не уменьшалось и количество правильных решений оставалось низким (Weisberg, Alba, 1981).

На основании полученных данных авторы сделали вывод, что «инсайтные задачи» являются трудными не из-за наличия функциональной фиксации, а по другим причинам, в частности оттого, что условия таких задач изначально подталкивают к поиску на неверном пути. Таким образом, специфичность «инсайтных» задачи и самого инсайта как особого процесса была поставлена под сомнение.

Естественно, исследования Вейсберга и Альбы были подвергнуты критике. Приверженцы инсайта пытались доказать его специфичность. Наиболее известным и цитируемым исследованием, посвященным этой цели, является работа Дж. Меткалфе, проведенная в 1987 г. В ней испытуемые в ходе решения «инсайтных» и неинсайт-ных задач (в роли которых выступали задачи по алгебре), с интервалом в 15 секунд должны были оценивать степень ощущения близости к решению методом оценок «теплоты» (warmth values).

В работе было показано четкое различие между «инсайтными» и неинсайтными задачами по данному критерию. В случае «неинсайтных» задач оценки «теплоты» неуклонно возрастали, что отражало постепенное продвижение испытуемого к ответу. В случае же решения «инсайтных» задач у испытуемых наблюдался резкий, неожиданный скачок уверенности непосредственно перед решением (Metcalfе, Wiebe, 1987). Это показывало, что, как минимум, с точки зрения субъективных оценок «инсайтные» и «неинсайтные» задачи различаются.

Тем не менее для многих исследователей стало понятно, что сведение инсайта только лишь к скачкообразному переструктурированию и преодолению функциональной фиксированности не является адекватным. Это показали и дальнейшие исследования. Было выявлено, например, что инсайт может иметь место при решении не только «инсайтных» задач.

В частности, некоторые авторы отмечают, что характеристиками «инсайтных задач» обладают анаграммы. Решения анаграмм очень часто возникают в сознании как неожиданное озарение (Bowden, 1997; Novick, Sherman 2003). В современных работах анаграммы довольно часто используются для исследования «инсайтных» и «неинсайтных» решений (Bowden, Jung-Beeman, 2003; Kounios et al., 2006; Ellis et al., 2011; и мн. др.). Понятно, что объяснение решения анаграммы с позиции переструктурирования репрезентации не совсем адекватно.

Исследования отечественных авторов

В советской психологии, которая активно изучала процессы поиска творческого решения, термины «инсайт» и «озарение» употреблялись нечасто. Исследуя тот же феномен, авторы изобретали другие термины и другие модели для интерпретации результатов.

О. К. Тихомиров вводит термин «эмоциональное решение», обозначающий всплеск эмоций перед тем, как субъект сообщает экспериментатору о нахождении решения (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 94).

Понятие эмоционального решения, как и понятие инсайта, указывает на ключевой момент решения задачи, но оно вводится в рамках иной теоретической модели. Согласно Тихомирову, эмоции включены в процесс поиска решения: «Состояние эмоциональной активации выступает как некоторый неспецифический сигнал „остановки“, как указание на то, „где“ должно быть найдено то, что еще не найдено, оно выступает как неконкретизированное предвосхищение принципа решения (или окончательного решения)... нахождение принципа решения задачи может быть двухфазным: сначала — выделение приблизительной области, где может быть найден принцип решения, затем — нахождение этого принципа. Эмоциональная активация (наиболее выраженная) связана с первой, предварительной фазой, которая как бы определяет субъективную ценность того или иного направления поиска» (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 98).

Из процитированного фрагмента видно, что Тихомиров не прибегает к понятию переструктурирования для объяснения решения задачи, но именно это понятие является центральным для инсайта. При этом вводятся совершенно другие представления о том, что эмоции способны как бы размечать пространство поиска и указывать в нем наиболее перспективные области, куда и направляется активность решающего. В этом контекст грамотным решением является не использовать термин «инсайт». Об инсайте в точном смысле это-

го слова как переструктурировании репрезентации у Тихомирова речь не идет.

Более близким к истине было бы сказать, что Тихомиров исследует «Ага-переживание», однако здесь тоже есть существенные нюансы. В экспериментах, составивших базу теории Тихомирова, регистрировалась кожно-гальваническая реакция (КГР) испытуемых, которую он рассматривал как коррелят эмоциональной реакции. В этом плане речь шла об объективных психофизиологических измерениях, а не о переживаниях, пусть и связанных с первыми. К тому же восклицания типа «Ага!» в этих экспериментах регистрировались, как правило, позднее сдвига КГР. Отсюда употребление термина «Ага-переживание» в отношении этих феноменов оказывается тоже не вполне удовлетворительным.

В концепции Я. А. Пономарева моменту нахождения принципа решения творческой задачи и сопровождающей его эмоциональной вспышке также придается большое значение. Принцип решения может быть найден в интуитивной сфере мышления. Поскольку интуитивные механизмы, по Пономареву, управляются эмоциями, нахождения принципа решения по-настоящему творческой задачи связано с эмоциональной реакцией. Затем следует логическое оформление решения. При этом Пономарев, как и Тихомиров, не склонен к употреблению слова «инсайт». Он использует другие термины, например, «интуитивное решение» (Пономарев, 1976).

Как показано выше, ни Тихомиров, ни Пономарев не делали понятие инсайта центральным в своих концепциях. Зато таким это понятие становится у А. В. Брушлинского, который использовал даже новый термин — «немгновенный инсайт». Согласно описанию Брушлинского, «в форме ... немгновенного инсайта мысль испытуемого начинает возникать и затем постепенно формируется в течение нескольких секунд» (Брушлинский, 1979, с. 127).

Для Брушлинского по сравнению с Тихомировым и Пономаревым в нахождении ключевого момента большее значение имеет переструктурирование. Это становится ясно, если вспомнить научные корни теории Брушлинского, ученика С. Л. Рубинштейна. Для последнего, получившего немецкое философско-психологическое образование, мышление выступало как анализ через синтез, «включение объекта мысли в новые связи», что очень близко к дункеровскому представлению об изменении видения отдельных элементов задачи под влиянием переструктурирования целого. Инсайт — это изменение репрезентации проблемной ситуации и его «метакогнитивные» последствия в виде субъективной оценки успешности процесса ре-

шения: «Возникновение инсайта означает не только внешне внезапное и существенное изменение главного направления мысли, но одновременно и значительную, хотя, конечно, не полную уверенность в правильности этого нового, только еще возникающего замысла или принципа решения задачи, развернутое систематическое обоснование которого станет возможным намного позже» (там же, с. 132–133).

Примечательно, что Брушлинский, вводя понятие немгновенного инсайта, фактически отказывается от представления, что инсайт — это скачок. В представлении Брушлинского инсайт означает не скачок, а переструктурирование репрезентации. Немгновенное переструктурирование, т. е. движение от одной устойчивой точки к другой, — нечто небанальное, но уже не невозможное.

При этом понятие немгновенного инсайта вводилось Брушлинским в качестве парадоксального и в противоположность традиционному пониманию. Таким образом, Брушлинский, с одной стороны, создает свою концепцию, с другой стороны, неявно, но при этом весьма суггестивно характеризует традиционные представления об инсайте, сближая их с представлениями об озарении.

В целом можно подытожить, что «неоклассики» (выражение В. А. Кольцовой) отечественной психологии мышления — Тихомиров, Пономарев и Брушлинский — точны в своей терминологии, обозначающей ключевой момент решения задачи, и присутствие термина «инсайт» только у одного из трех авторов отнюдь не является случайным.

Роль «Ага-переживания» при возникновении инсайта

Пристальное внимание исследователей привлекает эмоциональная составляющая инсайта. Благодаря этому проведено немало исследований, в которых показано влияние различного рода эмоциональных состояний на инсайт. Так, показано, что юмор облегчает решение творческих задач (Коровкин, 2015).

В исследованиях О. К. Тихомирова было показано, что подавление эмоционального возбуждения приводит к снижению продуктивности решения задачи. В этой же работе автор описал возникновение пика эмоционального возбуждения за некоторое время до субъективного осознания решения задачи (Тихомиров, 2008).

Согласно сигнальной модели инсайта, «Ага-переживание» выполняет важную функцию в процессе мышления, а именно передает сознательной инстанции информацию о том, что найден и активирован элемент, который, возможно, является ключом к решению задачи.

Модель предусматривает два канала такой передачи. Первый канал связан с активацией информации. Результатом работы интуиции является активация специфического содержания в долговременной памяти. Активация информации увеличивает вероятность того, что эта информация будет найдена при разворачивании сознательного поиска. Достаточно сильный уровень активации приближает эту вероятность к 100%.

Второй канал связан с «Ага-переживанием». Это чувство свидетельствует об интуитивной оценке активированной информации как вероятного решения задачи. Это чувство может порождаться возросшей беглостью автоматических процессов или переходом к более благоприятному энергетическому балансу. «Ага-переживание», порождаемое интуитивным уровнем переработки, служит для сознательных процессов индикатором того, что решение найдено, и стимулирует к разворачиванию сознательного поиска.

Таким образом, «Ага-переживание» имеет адаптивную функцию: оно служит для запуска адаптивных когнитивных стратегий в том случае, когда ключ к решению задачи уже активирован (Валуева, 2015; Валуева, Ушаков, 2015).

Согласно модели, взаимодействие двух каналов приводит к четырём основным случаям передачи информации от интуитивного механизма к логическому. Первый случай возникает тогда, когда решение происходит при параллельной достаточно активной работе сознательных и интуитивных процессов. В этом случае активация элементов в результате работы интуиции быстро попадает в поле происходящего поиска сознания. Это безынсайтный вариант решения задачи. Очевидно, что он наиболее вероятен для более простых задач, решение которых не требует большого снижения активности сознания.

Второй случай характерен для задач, решение которых характеризуется низкой активностью сознательных процессов. В этом случае активация нужных для решения элементов не сопровождается сознательной поисковой активностью, которая могла бы эти элементы обнаружить. Чем больше активность логических структур, тем больше вероятность того, что активированный в долговременной памяти элемент будет найден. Однако при низкой активности логических структур и глубоком интуитивном погружении в задачу активированный элемент с большой вероятностью остается неопознанным. Именно в этом случае проявляется адаптивная функция «Ага-переживания», которое означает интуитивную оценку полученного результата как вероятного решения задачи. «Ага-переживание» слу-

жит основанием для разворачивания сознательного поиска решения. В этом случае развивается типичная картина инсайтного решения задачи, а в случае, когда после «Ага-переживания» протекает еще достаточно длительный процесс сознательного решения, наблюдается немгновенный инсайт.

Третий случай связан с возникновением «Ага-переживания» наряду с активацией неадекватного решения. Такого рода опыт описывал, как отмечалось выше, Пуанкаре, указывая, что основанием ложного инсайта всегда служит эстетически привлекательная идея¹. Тополински и Ребер, исходя из своей гипотезы происхождения «Ага-переживания», считают возможным вызвать его путем экспериментальных манипуляций, например, предъявления текста на ярком или темном экране (Topolinski, Reber, 2010).

Наконец, возможен и четвертый случай. Он происходит в результате того, что активация решения не означает его автоматического осознания. При решении сложной задачи, где активация процессов сознательного поиска снижена, автоматические процессы приводят к нахождению адекватного принципа, однако при этом «Ага-переживание» не возникает или не оказывает по тем или иным причинам достаточного воздействия на сознание. В этом случае возникает «латентное решение», которое не формулируется испытуемым, но может быть выявлено специальными экспериментальными приемами типа прайминга или анализа глазодвигательной активности. В конечном счете мысль, не попавшая в поле сознательных процессов, уходит «в чертог теней».

Представляется, что сигнальная модель инсайта позволяет вразумительно ответить на современные исследовательские вопросы и хорошо соответствует эмпирическим данным.

Рассмотрение четырех предельных случаев решения инсайтных задач объясняет, почему одни и те же задачи иногда решаются с выраженным «Ага-переживанием», а иногда — без него. Кроме того, становится понятным, как может сочетаться непрерывность объективного продвижения к решению с субъективной скачкообразностью. Модель впервые наводит мосты между объективной и субъективной сторонами инсайта, причем показывает приспособительную функцию последней.

---

1 В терминах аттракторных сетей этот феномен может быть объяснен достижением локального энергетического минимума. Однако объяснение в терминах аттракторных сетей является лишь одной из возможностей в предлагаемой модели. Модель носит рамочный характер, т. е. допускает различные способы ее конкретизации.

Модель согласуется с известными экспериментальными данными, а также позволяет предсказать и проверить целый ряд неочевидных феноменов.

Исходя из сигнальной модели инсайта вместе с теорией чувства как информации, можно теоретически сконструировать феномен, который получил название «Ага-подсказки». Согласно теории чувства как информации, люди приписывают причину своего чувства тому, что в данный момент находится в фокусе их внимания. Так, во время решения задачи они склонны приписывать испытываемые ими чувства процессу решения, даже если на самом деле они порождены другим, например, были перед этим специально индуцированы экспериментальной процедурой. Теория отличает имманентные (integral) чувства, порожденные выполняемой в данный момент задачей, от случайных (incidental), которые субъект испытывает по каким-либо причинам в то же время (Schwarz, 2011). Случайные чувства, если их причину субъект ошибочно относит к решаемой в настоящей момент задаче, могут влиять на ее решение. Так, индуцированные в эксперименте эмоции (например, прослушиванием музыки, воспоминаниями радостных или печальных событий) влияют на решение задач (Martin et al., 1993).

Представим себе, что субъект находится в процессе решения задачи и дошел как раз до такой стадии поиска, когда элементы, относящиеся к решению, активировались в долговременной памяти, однако еще не стали доступны сознанию. Представим также, что в этот промежуток времени субъект слышит инсайтное восклицание другого человека типа «Ага!», «А! Понял!» и т. п. Если изложенные выше теоретические положения справедливы, субъект, скорее всего, припишет инсайтные ощущения происходящему процессу решения, проведет соответствующий поиск и найдет решение. Следовательно, можно ожидать повышения вероятности решения задачи после предъявления решающему инсайтных восклицаний. Этот феномен мы назвали «Ага-подсказкой».

Реальная жизнь дает многочисленные примеры «Ага-подсказок». Например, психолог и гроссмейстер по шахматам Николай Крогиус сообщает о такого рода опыте при работе ассистентом Бориса Спасского в матче на первенство мира против Тиграна Петросяна. Крогиус и другой помощник Спасского Игорь Бондаревский анализировали отложенную позицию. Казалось, что партия завершится легкой ничьей, когда вдруг Крогиус внезапно увидел возможный сильный ход Петросяна, меняющий оценку позиции. Он пишет: «Я едва начал фразу „А если...“, как понял, что И. Бондаревский тоже все уви-

дел. Его папироса вылетела в окно, и мы начали лихорадочный поиск спасения...» (Крогиус, 1997, с. 29).

В трех экспериментальных исследованиях проверялась возможность вызвать феномен «Ага-подсказки» в лабораторных условиях. Было показано, что восклицания типа «Ага!», «А!», «Понял!», предъявленные аудиально или визуально в процессе решения анаграмм, увеличивают вероятность нахождения решения в течение нескольких секунд после предъявления.

Бессознательные процессы, предшествующие инсайту

Как результат взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых процессов, инсайт чувствителен к особенностям протекания неосознаваемых процессов.

В частности, имеется немало исследований, показывающих влияние особенностей протекания этапа инкубации на инсайт. Мета-анализ множества исследований вскрывает положительное влияние инкубации на поиск решения самых разных задач. Правда, наибольший эффект инкубации проявляется для заданий на дивергентное мышление (задачи, имеющие множество решений), нежели для инсайтных задач (имеющих одно решение) (Sio, Ormerod, 2009).

Какие именно неосознаваемые процессы протекают во время инкубации, остается загадкой. Очевидным было бы предположение о том, что во время инкубации имеют место процессы поиска решения задачи, не осознаваемые индивидом. Некоторые исследования действительно подтверждают данное предположение. Так, было показано повышение эффективности решения задач у креативных испытуемых при временном отвлечении их от решения основной задачи (Gallate et al., 2012).

Однако есть и другие интересные предположения. Исследователи давали испытуемым решать анаграммы и задачи, аналогичные тесту отдаленных ассоциаций (Vul, Pashler, 2007). Было обнаружено, что инкубация давала положительный эффект только в том случае, если перед первой попыткой решения испытуемым сообщали ключи, задающие неверное направление поиска ответа. Подобные результаты были получены и другими исследователями (Smith, Blankenship, 1991; Penaloza, Calvillo, 2012; и др.). Эти исследования легли в основу так называемой «теории селективного забывания», согласно которой инкубация позволяет преодолеть фиксацию на неверных или ошибочных направлениях решения, возникшую в ходе первоначального решения задачи.

Отдельной экспериментальной манипуляцией, при помощи которой исследователь может оказать влияние на неосознаваемый процесс, является использование имплицитных подсказок. Такие исследования также часто встречаются в литературе.

Одной из первых таких работ было исследование Маера, проведенное в начале XX в. (Maier, 1931). В ней исследователь, рассказывая о задаче, которую необходимо было решить испытуемым (требовалось найти способ связать концы двух веревок, находящихся друг от друга на достаточном удалении), давал наводящую на решение подсказку («случайно» задевал одну из веревок, заставляя ее раскачиваться, как маятник), на которой внимание испытуемых не фиксировалось.

Было обнаружено, что после такой подсказки большинство испытуемых очень быстро находило решение задачи (раскачать веревку как маятник, ухватить другую, затем связав их) по сравнению с теми, кому подсказка не давалась.

Когда Маер просил испытуемых описать, как они пришли к решению, только один назвал верную причину. Остальные же объясняли результат неожиданным озарением или продуктом собственных размышлений.

Положительное влияние имплицитных подсказок на неосознаваемые, связанные с инсайтом процессы показаны и в случае решения анаграмм (Bowden, 1997), и в случае решения некоторых «инсайтных» задач (Hattori et al., 2013).

Результаты некоторых исследований показывают, что влияние подсказок зависит от индивидуальных особенностей испытуемых. В частности, это было показано в работе Мендельсона с соавт. В ней испытуемые, разделенные на группы с высокой и низкой креативностью (при помощи теста отдаленных ассоциаций) имели возможность использовать для разгадывания анаграмм (основная задача испытуемых) как эксплицитные (слова, предварительно заученные наизусть), так и имплицитные (слова, которые проигрывались при помощи магнитофона во время заучивания) подсказки. Было показано, что эксплицитные подсказки использовались обеими группами, в то время как имплицитные подсказки использовали только высококреативные испытуемые (Mendelsohn, Griswold, 1964).

Схожие результаты, свидетельствующие о разном влиянии неосознаваемых подсказок на людей с разным уровнем креативности, были получены и в другими авторами (Shaw, Conway, 1990).

Как правило, для объяснения влияния подсказок используется так называемая «активационная модель». Согласно этой модели, уровень активации искомого элемента (решения) слишком слаб, чтобы

быть осознанным. Подсказка повышает активацию этого элемента до порогового уровня, что делает его осознаваемым (Shaw, Conway, 1990).

Очень любопытной является модель «оппортунистической ассимиляции», которая объясняет как процессы, имеющие место при инкубации, так и механизмы влияния подсказок. Суть модели заключается в том, что после неудачных попыток решения задачи испытуемый может перевести проблему в долговременное хранилище с пометкой «нерешенная проблема». В том случае, если извне поступает информация, как-то связанная с решением, проблема снова активируется. Найденное решение приводит к инсайту (Seifert et al., 1995).

Нейрофизиологическая база инсайта

С появлением в руках исследователей технических возможностей, недоступных пионерам исследований инсайта, с конца XX в. стали предприниматься попытки исследовать нейрофизиологический базис инсайта.

Конечно, при классическом представлении об инсайте подобные исследования были бы невозможны чисто методически. Использование классических «инсайтных задач» в таких исследованиях невозможно. Это связано в первую очередь с их малым количеством.

Кроме того, классические «инсайтные задачи» сложны и очень малое число испытуемых смогут найти для них решения за приемлемое время (Bowden et al., 2005).

В связи с этим в качестве «инсайтных задач» в нейрофизиологических исследованиях стали использовать задачи, которые могут быть решены как с помощью инсайта, так и без него.

Таковыми задачами являлись, к примеру, анаграммы и триады слов из Теста отдаленных ассоциаций (испытуемым даются три слова: «машинный», «оливковый», «подсолнечный» — и требуется найти слово-ассоциацию со всеми тремя — «масло»).

Контроль за тем, было ли решение найдено в результате инсайта или без него, осуществлялось путем опроса испытуемых после каждого решения. Решив задачу, испытуемый производит быстрое нажатие на одну из кнопок в случае, если он считал что решил задачу «озарением», и на другую, если так не считал.

Естественно, перед началом исследования испытуемые инструктировались относительно того, что считать озарением. Озарение должно соответствовать трем параметрам:

- 1) субъект переживает такое решение как пришедшее неожиданно, при этом оно является верным;
- 2) озарению, как правило, предшествуют длительные и непродуктивные попытки решить проблему;
- 3) субъект, переживший озарение, не может рассказать, как ему удалось прийти к найденному решению (Bowden et al., 2005).

Конечно, при такой методике возникал вопрос о том, насколько верно испытуемые рефлексируют свое состояние. Однако, учитывая, что одна из значительных работ в исследованиях инсайта была целиком построена на субъективных оценках (Metcalfе, Wiebe, 1987), подобный шаг показался вполне приемлемым. Использование подобных методик оказалось достаточно плодотворным.

В работе Джунг-Бимана с соавт. (Jung-Beeman et al., 2004) испытуемым предъявлялись триады слов с заданием найти четвертое, объединяющие их слово. В зависимости от субъективной оценки ответы каждого испытуемого разделялись на инсайтные и неинсайтные. Было проведено два исследования, в одном из которых активность мозга регистрировалась при помощи фМРТ, а в другом — с использованием электроэнцефалограммы.

Было обнаружено различие в активности мозга при инсайтных и неинсайтных решениях. Так, анализ фМРТ показал повышение активности в правом полушарии (область передней верхней височной извилины) при инсайтных решениях (в сравнении с неинсайтными). Спектральный анализ ЭЭГ выявил вспышку гамма-ритма в височной области правого полушария за 0,3 сек. до инсайтного решения.

Активность правого полушария при инсайтных решениях анаграмм была обнаружена и другими авторами (Aziz-Zadeh et al., 2009).

Говоря о роли межполушарной асимметрии и связи с инсайтными решениями, нельзя не упомянуть исследование, изучающее влияние имплицитных подсказок на неосознаваемые процессы. В работе Боудена и Джунг-Бимана (Bowden, Jung-Beeman, 2003) испытуемым предъявлялась триада слов, для которой они должны были найти слово, ассоциирующееся со всеми тремя. Кроме этого, отдельно в левое и правое зрительные поля испытуемым предъявлялась замаскированное слово — ответ. Было обнаружено, что наибольшее влияние оказывали подсказки, предъявляемые в правое зрительное поле, нежели в левое.

Данные нейрофизиологических исследований интерпретировались с позиций «активационной модели». В частности, авторы пред-

положили, что решение проблемы продуцирует сильную активацию информации, не связанной с решением, и слабую активацию информации, которая для решения важна (но которая не осознается). Инсайт происходит в тот момент, когда важная для решения информация дополнительно активируется (например, благодаря имплицитной подсказке) и «входит в сознание» (Bowden et al., 2005).

Данные фМРТ исследований позволили локализовать нахождение двух конкурирующих активаций. Альтернативная и связанная с решением активация возникает по большей части в областях правого полушария, в то время как более сильная, доминантная активация связана с областями левого полушария (Bowden et al., 2005).

Таким образом, нейрофизиологические исследования также внесли некоторую определенность в представления о механизмах инсайта. И хотя существуют данные фМРТ исследований, в которых корелятов инсайта в правом полушарии не обнаружено (например: Qiu et al., 2010), нейрофизиологические данные дают основания предположить, что инсайт — специфический процесс, имеющий отдельную нейрофизиологическую организацию.

Таким образом, представление об инсайте и его механизмах на сегодняшний день далеко отошло от того, каким оно было на заре изучения. Работа по исследованию инсайта продолжается.

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Валуева Е. А.* Сигнальная модель инсайта: основные положения и соотношение с научными взглядами Я. А. Пономарева // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 35—44.
- Валуева Е. А., Ушаков Д. В.* Сигнальная модель инсайта: от исторических предпосылок к эмпирическим предсказаниям // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 15—47.
- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К.* Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Гельмгольц Г.* Как приходят новые идеи // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 366—367.
- Дункер К.* Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // Психология мышления. М., 1965. С. 21—85.

- Крогиус Н.* Ты прав, Борис? Субъективные заметки о юбиларе // 64 – Шахматное обозрение. 1997. № 1. С. 28–31.
- Коровкин С.* Фасилитация решения творческих задач: Юмор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 2. С. 172–182.
- Любарт Т., Муширу К. Торджман С., Зенасни Ф.* Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.
- Пономарев Я. А.* Психология творчества М.: Наука, 1976.
- Пуанкаре А.* Математическое творчество // Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 356–365.
- Спирidonов В. Ф., Лифанова С. С.* Инсайт и ментальные операторы, или можно ли пошагово решить инсайтную задачу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 54–63.
- Спирidonов В. Ф., Логинов Н. И.* Долгая дискуссия об инсайте: к 100-летию открытия феномена // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 15–47.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Академия, 2008.
- Aziz-Zadeh L., Kaplan J., Iacoboni M.* “Aha”: The neural correlates of verbal insight solutions // Human brain mapping. 2009. V. 30. P. 908–916.
- Bowden E. M.* The effect of reportable and unreportable hints on anagram solution and the aha! experience // Consciousness and Cognition: An International Journal. 1997. V. 6. P. 545–573.
- Bowden E., Jung-Beeman M.* Aha! Insight experience correlates with solution activation in the right hemisphere // Psychonomic Bulletin and Review. 2003. V. 3. № 10. P. 730–737.
- Bowden E., Jung-Beeman M., Fleck J., Kounios J.* New approaches to demystifying insight // Trends in cognitive sciences. 2005. V. 9. № 7. P. 322–328.
- Ellis J., Glaholt M., Reingold E.* Eye movements reveal solution knowledge prior to insight // Consciousness and Cognition. 2011. V. 20. № 3. P. 768–776.
- Gallate J., Wong C., Ellwood S., Roring R., Snyder A.* Creative people use non-conscious processes to their advantage // Creativity Research Journal. 2012. V. 24. P. 146–151.
- Hattori M., Sloman S. A., Orita R.* Effects of subliminal hints on insight problem solving // Psychonomic Bulletin & Review. 2013. V. 20. № 4. P. 790–797.
- Jung-Beeman M., Bowden E., Haberman J., Frymiare J., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P., Kounios J.* Neural activity when people solve verbal problems with Insight // PLoS Biology. 2004. V. 2. № 4. P. 500–510.
- Köhler W.* Gestalt psychology: An introduction to new concepts in modern psychology. N. Y.: Liveright Pub. Corp., 1947.

- Köhler W.* Intelligenzprüfungen bei Menschenaffen. Berlin–Heidelberg–N. Y.: Springer Verlag, 1973.
- Kounios J., Frymiare J. L., Bowden E. M., Fleck J. I., Subramaniam K., Parrish T. B., Jung-Beeman M.* The Prepared Mind // *Psychological Science*. 2006. V. 17. № 10. P. 882–890.
- Martin L. L., Ward D. W., Achée J. W., Wyer R. S.* Mood as input: People have to interpret the motivational implications of their moods // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 64. № 3. P. 317–326.
- Mendelsohn G. A., Griswold ee.* Differential use of incidental stimuli in problem solving as a function of creativity // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1964. V. 68. № 4. P. 431–436.
- Metcalfe J., Wiebe D.* Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & Cognition*. 1987. V. 15. № 3. P. 238–246.
- Maier N.* Reasoning in humans: II. The solution of a problem and its appearance in consciousness // *Journal of Comparative Psychology*. 1931. V. 12. P. 181–194.
- Newell A., Simon H.* Human problem solving. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972.
- Novick L. R., Sherman S. J.* On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 2003. V. 56. № 2. P. 351–382.
- Penaloza A. A., Calvillo D. P.* Incubation provides relief from artificial fixation in problem solving // *Creativity Research Journal*. 2012. V. 24. № 4. P. 338–344.
- Schwarz N.* Feelings-as-information theory // *Handbook of Theories of Social Psychology: Collection: V. 1–2* / P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds). Sage Publications, 2011. P. 289–308.
- Shaw G. A., Conway M.* Individual differences in nonconscious processing: the role of creativity // *Personality and Individual Differences*. 1990. V. 11. № 4. P. 407–418.
- Seifert M. C., Meyer D. E., Davidson N., Patalano A. L., Yaniv I.* Demystification of cognitive insight: Opportunistic assimilation and the prepared-mind perspective // R. J. Sternberg, J. E. Davidson (Eds). *The nature of insight* Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 65–124.
- Smith S., Blankenship S.* Incubation and the persistence of fixation in problem solving // *American Journal of Psychology*. 1991. № 104. P. 61–87.
- Sio U. N., Ormerod T. C.* Mechanisms underlying incubation in problem-solving: Evidence for unconscious cue assimilation // *Proceedings of the 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society* / N. A. Taatgen, H. van Rijn (Eds). Amsterdam: Cognitive Science Society, 2009. P. 401–406.

- Topolinski S., Reber R.* Gaining Insight Into the “Aha”-experience // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. V. 19. P. 402–405.
- Qiu J., Hong L., Jou J., Liu J., Luo Y., Feng T., Wu Z., Zang Q.* Neural correlates of the “Aha”-experiences: evidence from an fMRI study of insight problem solving // *Cortex*. 2010. V. 46 P. 397–403.
- Vul E., Pashler H.* Incubation benefits only after people have been misdirected // *Memory & Cognition*. 2007. V. 35. № 4. P. 701–710.
- Weisberg R. W., Alba J. W.* An examination of the alleged role of “fixation” in the solution of several “insight” problems // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1981. V. 110. № 2. P. 169–192.

РАЗДЕЛ 2

Понятия в современных отраслях психологии

Модель психического — способность понимания мира людей

Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, А. Ю. Уланова

Изучение ментальных состояний в когнитивной психологии обозначается в зарубежной психологии как Theory of Mind, или «модель психического» (Сергиенко, 2002; Сергиенко и др., 2009). Наш перевод Theory of Mind как «модель психического» наиболее точно передает суть данного подхода: модель понимается как некоторая система концептуализации знаний о своем психическом и психическом других людей. В когнитивной психологии, как отмечает В. В. Знаков, «понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. В частности, П. Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого» (Знаков, 2008, с. 72). Ранее подобную точку зрения высказывал А. А. Брудный, который полагал, что понимание субъектом объекта происходит во взаимодействии с ним, в «результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять — значит собрать работающую модель» (цит. по: Знаков, 2008).

Все эти соображения и привели нас к представлению, что термин «модель психического» наиболее точно отражает суть подхода Theory of Mind.

Направление «модель психического» связано с изучением житейской психологии, которая содержит атрибуты собственных ментальных состояний (что мы знаем, хотим, во что верим, о чем дума-

ем и что чувствуем) и Другого. Термин Theory of Mind заимствован из философии сознания (Fodor, 1978). Способность атрибутировать свои ментальные состояния и Других предполагает концептуализацию знаний, так как ментальные состояния большей частью не наблюдаемы непосредственно и аналогичны теоретическим допущениям в науке. Представления о ментальных состояниях позволяют предсказывать и объяснять человеческое поведение, т.е. концептуальная система, лежащая в основе таких представлений, имеет объяснительную силу, аналогичную теории. Это объясняет суть принятого термина – Theory of Mind. Данное направление в зарубежной психологии имеет уже более чем 40-летнюю историю. На рисунке 1 представлена динамика нарастания исследований по изучению модели психического.

Рис. 1. Частота употребления термина «Theory of Mind» в названиях англоязычных научных публикаций в период с 1975 по 2015 г., по данным поисковой платформы Google Scholar

Ментальные состояния могут соответствовать реальности и быть далеки от нее, поскольку люди могут верить в то, чего нет в действительности, и ожидать этого. Один из самых важных аспектов модели психического (что и знаменует ее становление) – это понимание, что собственное психическое не тождественно психическому Другого. Поскольку ментальные состояния непосредственно не наблюдаемы, допущение, что другие люди имеют ментальные состояния, является теорией, которая помогает нам интерпретировать и прогнозировать поведение других людей.

Таким образом, *модель психического – это:*

- способность приписывать психические состояния себе и Другим;
- способность распознавать психические состояния по их внешним проявлениям в поведении («Она улыбается, наверное, ей это нравится»);
- способность связывать эти психические состояния между собой для объяснения и прогнозирования поведения других людей («Он думает, что я забыл», «Он пойдет туда, потому что знает..»).

Модель психического позволяет анализировать внутренний мир человека. Понимание своего психического и психического Другого становится основой социального познания, социального взаимодействия, прогнозирования поведения других социальных объектов. Модель психического участвует в изучении психологии обыденного сознания. Приведем парадигмальный пример этого направления исследований. Ребенку показывают коробку из-под печенья и спрашивают: «Что находится в этой коробке?». Ребенок отвечает: «Печенье». Коробку открывают — а там лежит карандаши. Далее ребенку задают вопрос: как ты думаешь, что подумает другой мальчик, если ему показать эту коробку? Ребенок до 4–5 лет отвечает, что в коробке находятся карандаши, а дети с 5-летнего возраста отвечают: «Печенье».

Термин «модель психического» точнее, чем другие термины: теория психического, теория сознания, теория распознавания психических состояний, «чтение психического» — передает суть данного подхода; модель понимается как некоторая система концептуализации знаний о своем психическом и психическом других людей.

Когнитивная психология давно испытывает потребность анализа житейской психологии. Данная область исследований как раз и открывает эту возможность.

Модель психического — область когнитивной психологии

Модель психического возникла внутри когнитивного подхода.

Когнитивная психология возникла как научная парадигма из поведенческой психологии. Традиционно когнитивную психологию интересовали процессы обработки, переработки информации об объекте или событии, ее кодирования и декодирования. В вопросе природы знаний о мире когнитивная психология благодаря развитию информационного подхода представила более полный, чем до нее, анализ микроструктуры познавательных действий индивида. И в этом состоит закономерное появление информационного подхода как частной парадигмы в когнитивной психологии. Она изменила оптику из-

учения познания мира человеком. Однако многочисленные данные и модели когнитивной психологии до сих пор остаются разрозненными, а порой и противоречивыми.

Поворотным моментом в когнитивной психологии можно считать развитие экологического подхода Дж. Гибсоном (1988), введение в проблему адекватности восприятия активного субъекта, и предпринятую У. Найссером (1981) попытку обобщения познавательного взаимодействия, его представления об «антиципирующей схеме», которая предполагает единство восприятия и действия, и когнитивной схемы, объединяющий все познавательные процессы. Ключевым понятием в когнитивной психологии становится репрезентация. Сам термин существовал достаточно давно, но не был включен в обобщающие модели анализа внутреннего ментального опыта человека. Термин «репрезентация» означает представленность, отображение для себя, речь идет о внутренних структурах, которые развиваются всю жизнь. Когнитивные репрезентации — это не копии образцов, а обобщенно-абстрактные схемы, включающие не только возможность получения знаний, но и способ их получения. Понятие ментальной репрезентации становится центральным и для когнитивной психологии, и для других областей: психофизиологии, психолингвистики, социальной психологии. Ментальная репрезентация, по сути, становится вариантом разработки проблемы субъективного образа или проблемы когнитивной функции психического. Обращение к ментальной репрезентации позволило выделить два способа познания мира: модально-неспецифический, холистический, обеспечивающий целостное и связанное, но приблизительное описание мира и модельно-специфический, аналитический, детализирующий картину мира (Сергиенко, 1998). В рамках данной парадигмы ментальных репрезентаций удалось также показать, что когнитивные репрезентации непрерывно развиваются и усложняются, они иерархически организованы. Когда люди объясняют причину событий интуитивно, они не прибегают к строгим научным абстракциям. Житейские знания о мире появляются спонтанно и легко, задолго до осознания. Таким образом, даже в рамках парадигмы ментальной репрезентации стало возможным перейти от базовых ядерных знаний о мире к проблеме житейской психологии, наметить принципиальные пути познания окружения — холистическое и аналитическое (Сергиенко, 1998).

Другим важнейшим вопросом для понимания, почему модель психического возникла именно в рамках когнитивной парадигмы, становится вопрос сознания и/или разума (mind). Термин «созна-

ние» существовал в научной психологии с момента ее возникновения. Интенсивно разрабатывался в разных психологических парадигмах (структурализме, функционализме, психоанализе, когнитивной психологии и др.). Но именно соединение двух понятий «разум» и «ментальная репрезентация» дало новый импульс в развитии когнитивного подхода к житейской психологии. Так, традиционная психология не позволяла провести различия между такими ментальными состояниями, как «знать», «думать» и «помнить». Для этого следует семантически обозначить эти ментальные состояния, отражающие связь разума с миром. Вслед за А. Лешли (Leslie, 1987) следует обозначить эти репрезентации первичными. Они могут быть верными и ошибочными. При развитии появляется способность к вторичным репрезентациям, отражающим вещи не в реальности, а такими, какие они могут быть. Эти вторичные репрезентации, отделенные от реальности, позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы. Другая важная способность — метарепрезентация — способность представлять, что кто-то представляет что-то. Такая способность невозможна без вторичных репрезентаций. Ментальное состояние — это внутренний опыт, репрезентация которого необходима для теоретического конструирования объяснения поведения. Концептуализация разума как системы репрезентаций идет от менталистской теории поведения, в которой ментальные состояния выступают в виде концептов для объяснения действий в репрезентативной теории разума (Theory of Mind), в которой ментальные состояния служат для понимания, выполняя репрезентативные функции. Следовательно, когнитивная психология оснащает герменевтический подход моделью психического, что переводит анализ житейской психологии на новый уровень.

Возникновение модели психического как частной парадигмы в рамках более общей когнитивной обусловлено тем, что имеющиеся теории и подходы не могли объяснить понимание психического (своего и Другого) ни в рамках информационного подхода, ни в рамках структурного исследования интеллекта. Знание возможностей восприятия, памяти, внимания, мышления не приводило к объяснению феноменов житейской психологии, например, на что опирается человек, строя концепцию поведения Другого, в чем суть таких феноменов, как обман, неверное мнение, убеждения. Кроме того, дефицит понимания психических состояний у детей с расстройствами аутистического спектра наблюдается при достаточно высоком уровне психометрического интеллекта, что говорит о нелинейной вза-

имосвязи модели психического и уровня интеллектуального развития (Berger et al., 1993; Yirmiya et al., 1998).

Феномен модели психического в психологии развития рассматривается как когнитивная структура, как парадигма и как теория развития. В таблице 1, представленной Дж. Эстингтон и Дж. Бейрд (Astington, Baird, 2005), выделены различные области исследований, которые изучают разные способности и теоретические подходы, объясняющие их развитие.

Таблица 1
Многоаспектность модели психического

Модель психического: – когнитивная структура, приводящая к развитию определенных способностей – область исследований, изучающая развитие этих способностей – теория, объясняющая это развитие		
Способности	Области исследований	Теоретические объяснения
Модель психического Понимание неверных мнений Метарепрезентация Интенциональные состояния Рассуждения в терминах желаний/мнений Приписывание ментальных состояний Ментализация «Чтение психического» (mindreading) Понимание перспективы Социальный интеллект Социальное понимание Социальная интуиция Социальная перцепция Перцепция Другого Интерсубъективность	Модель психического Концепт психического Наивная (житейская) психология Психология здравого смысла Понимание ментального мира других людей Социальное понимание Социальное познание	Модель психического Теории модулярности (врожденные модули) Инкультурация Развитие общих когнитивных способностей, включая исполнительные функции Социальное развитие

Основные концепции модели психического

Понимание места модели психического как теоретического конструкта отражено в разных концептуальных гипотезах. Можно выделить три основные гипотезы.

Модулярная теория Фодора (Fodor, 1983) в контексте представлений о модулярном строении сознания относит модель психического к модулю, обеспечивающему информацию о социальных объектах. Согласно модулярной гипотезе, развитие модели психического зависит в основном от развития мозговых структур, а опыт, получаемый в среде, служит лишь триггером активизации врожденного механизма модели психического, но не определяет этот механизм.

Метарепрезентативная теория Й. Пернера (Perner, 1991) отлична от модулярной теории и обозначена как теория-теорий (theory-theory). Как и в модулярной теории, здесь подчеркивается специфичность модели психического и возникновение причинности в анализе поведения на основе убеждений, желаний, мыслей и других психических состояний, репрезентированных у себя и у Другого. Способности, составляющие модель психического — взаимосвязаны: мы способны распознавать то, в чем мы уверены, оказывать влияние на то, что мы воспринимаем. В противоположность модулярной гипотезе метарепрезентативная подчеркивает ведущую роль индивидуального опыта в формировании модели психического через ревизию и реорганизацию существующей информации.

Симуляционная гипотеза модели психического (Davis, Stone, 1995) в отличие от двух вышеописанных теорий состоит в понимании связи психических состояний со способностью воображать себя на месте Другого и критической зависимости от интроспекции и индивидуального опыта. В целом симуляционная теория конвергирует с теорией-теорий, но в большей степени опирается на процессы интроспекции, т.е. способности рефлексировать психические состояния, обращается к достаточно поздним уровням развития человека, исключая тем самым как более онтогенетически ранние этапы развития модели психического, так и эволюционные аспекты ее возникновения.

Кросс-культурные исследования модели психического подтверждают, что способность понимать социальные объекты и их взаимодействия частично врожденны. Так, исследования понимания обмана как одной из ключевых составляющих модели психического обнаружили доказательства существования универсального когнитивного механизма обмана. Представители этнической группы Эквадора (Ecuador Shiwar), не имеющие грамоты, занимающиеся охотой и огородничеством, были способны понимать обман в тех же задачах, что и люди современного сообщества (Sugiyama et al., 2002). Аналогичные результаты были получены на детях при сопоставлении способности решать задачи на неверное мнение. Они были схожими в разных культурах (Brune, Brune, 2006).

Развитие модели психического предполагает развитие рефлексии на определенных уровнях (см.: уровневое развитие модели психического) и предполагает важную роль индивидуального опыта и условий развития. Однако такие когнитивные способности, как память, речь, тормозной контроль — необходимы для развития модели психического (усиливают ее развитие), но недостаточны для способности понимать убеждения, обман, эмоции, мысли, намерения других людей. Эта способность имеет и специфические мозговые механизмы (Saxe et al., 2004).

История возникновения понятия

Предшественниками направления «модель психического» можно считать три основных области исследований.

Во-первых, еще Ж. Пиаже изучал понимание детьми ментального мира. Он описал дооперационального ребенка как эгоцентричного и склонного к анимизму. Его исследования прямо релевантны модели психического, но концентрировались на оперировании перспективой в большей степени, чем на концептуальном анализе сознания (Пиаже, 2001).

Последние исследования модели психического ставят новые вопросы относительно соотношения современных представлений и теории Пиаже. Многочисленные критики Пиаже указывают на глубину и грандиозное значение его работ для психологии (Gelman, Wellman, 1991; Keleman, 1999; Gopnik et al., 2000; Goswami, 2014; Perner et al., 2002). Предложенная им теория развития мышления обладает непреходящей научной ценностью. Концепция Ж. Пиаже — это пример поистине эволюционного подхода к проблемам становления мышления. Основная идея описания стадийности развития мышления состоит в непрерывности, континуальности развития сложного рационального мышления путем постепенного перехода от нерационального при рождении через становление своеобразия детских дооперациональных, интуитивных умозаключений к логике взрослых суждений. При этом напомним, что Пиаже не настаивал на хронологических возрастных критериях, а подчеркивал именно преемственность и последовательность в развитии мышления (Пиаже, 2001). Многие модели сознания, ментальные феномены сознания описываются так, как будто бы они возникают внезапно (как при включении света). Заметим, что это характерно не только для области когнитивной психологии, но и для психологии личности, индивидуальности, субъектности.

Вторым источником становления данного направления стали исследования понимания ментальных слов детьми (Wellman, Johnson, 1979) и их представлений о нарративах, которые важны для понимания ими историй, эмоций, возникающих у героев, и мотивов их поведения (Stein, Trabasso, 1982). Исследования в этой области проводились в рамках психолингвистики.

Третьим источником модели психического, который частично перекрывается предыдущим, является развитие метапознания. Изучение метапознавательных способностей направлено, прежде всего, на исследование знаний о задачах, стратегиях, путях решения, релевантных задаче, процессах принятия решения. Метапознание фокусируется также и на знании способностей проследить и управлять собственными когнитивными процессами (вниманием, восприятием, запоминанием, умозаключениями).

Однако метапознавательное направление концентрируется на содержании метакогнитивных знаний и достижений (например, запоминании), тогда как модель психического адресована, прежде всего, концептуальному оснащению метапознавательных способностей. Дж. Флейвелл указывает на частичное перекрытие и конвергенцию двух этих областей и полагает их тесную интеграцию (Flavell, 2000).

Важной характеристикой подхода «модель психического» является сосредоточение на концептуальном анализе. Анализ житейского ментализма как репрезентативной теории сознания (разума) подчеркивает, что наши интуитивные психические знания — это знания об отношениях между индивидами и мире (или знания о репрезентациях индивидуумов о мире). Это означает необходимость знаний второго порядка.

Теория Ж. Пиаже и модель психического

Общие выводы зарубежных авторов направления Theory of Mind состоят в критике представлений Ж. Пиаже об эгоцентризме детского мышления. Напомним, что Пиаже считал, что понимание Других становится возможно только на стадии конкретных операций, когда дети преодолевают эгоцентризм мышления, не позволяющий представить иную точку зрения, иную перспективу (Пиаже, 2001). В большинстве современных работ показано, что дети в 4 года уже способны понять психические состояния Другого, следовательно, нельзя говорить об эгоцентризме мышления (Gelman, Wellman, 1991; Keleman, 1999; Gopnik et al., 2000; Goswami, 2014).

В работе Й. Пернера с соавт. (Perner et al., 2002) была предложена иная интерпретация теории Ж. Пиаже. Пиаже привлекал вербальные описания для демонстрации интеллектуального развития, они позволили представить, как прогрессируют дети в потоке независимых эгоцентрических перспектив к открытию свойств логического универсума, координируя эти перспективы в объективной картине. Например, отношения объектов «дерево за камнем» и «дерево перед камнем» как отношения «А за Б» и «Б перед А» не могут быть интегрированы без понимания, что это разные точки зрения на одну и ту же сцену: отношения перспектив «где Я» и «где Ты». Следовательно, путь понимания взаимоотношений состоит в интерпретации составляющих сцены как принадлежащих разным перспективам. Дети постепенно приходят к данной интеграции. Сначала они открывают разные перспективы, затем появляется способность к конфронтации разных перспектив, и только после этого возникает мультиперспективное видение. Способность к конфронтации перспектив характерна для детей 4 лет, что сопряжено с задачами на неверное мнение. Задачи на понимание неверного мнения (при изменении местоположения объекта) стали ключевыми в оценке развития модели психического, тогда как задача «А за Б» и «Б перед А» зависит лишь от позиции наблюдателя, что требует мультиперспективного представления, как в задаче Пиаже «Три горы», и появляется у детей в 7–8 лет.

Из сравнений различных задач вытекают два вывода. Первый вывод состоит в том, что это сопоставление подтверждает наше мнение о необходимости уровняго анализа становления модели психического, более разностороннего анализа задач в данной области исследований. Второй вывод заключается в том, что, по-видимому, в теории Пиаже познавательное развитие ребенка расходится с его способностью к пониманию, что предполагает иной уровень ментальной организации. Тогда критика Пиаже сводится к критике описания развития иных аспектов когнитивного развития, опирающихся на становление метакогнитивных структур на уровнях дооперационального и конкретного интеллекта.

Сам Пиаже допускал такую возможность: «Совершенно очевидно, что любая задача содержит множество разнородных факторов, таких, например, как конкретные формулировки и длина инструкций, даваемых ребенку... число предметов, используемых в задачах, и т. д. и т. п. Мы, следовательно, никогда не получаем оценку способности ребенка к пониманию некоторых отношений в чистом виде, а всегда имеем дело с *мерой этого понимания* (курсив наш. — Е. С., Е. Л., А. Ю.)

в данной конкретной задаче, применительно к данному конкретному материалу» (Пиаже, 2001, с. 504).

Мы полагаем, что понимание с необходимостью предполагает развитие модели психического. Модель психического выступает как механизм становления когнитивной функции субъекта (Сергиенко, 2006). Такое представление позволяет уточнить процесс социализации на основе изменений внутренней ментальной организации ребенка вместо общих представлений и указания внешних социальных факторов.

Разделение понятий «знание» и «понимание» чрезвычайно важно, теоретически и эмпирически такое разделение обосновано в работах В. В. Знакова (2005). Именно в смешении этих понятий мы видим целый ряд недоразумений как в интерпретации теории Пиаже, так и в ее критике. Покажем на примере, как переход к категории «понимания» может изменить интерпретацию процесса социализации у детей дошкольного возраста. Так, маленькие дети 3 лет не разделяют свое психическое и психическое других людей, при обмане не используют средства для обмана. В этом случае при взаимодействии с Другими они, скорее, выступают не как социальные субъекты, а как агенты, что ограничивает возможности передачи социальных норм и правил детям данного возраста. Маленькие дети, прежде всего, понимают положительные эмоции и плохо дифференцируют отрицательные, что означает трудности интерпретации поведения других людей, «чтения» их эмоций в процессе взаимодействия. Ситуативный контекст облегчает эту дифференциацию, за исключением гнева, что делает понятным растерянность 3-летних детей в ситуациях агрессии.

Существенные изменения в уровне развития модели психического происходят в 5-летнем и, особенно, 6-летнем возрасте. Развивается способность распознавать обман в разных его формах и самим обманывать Других, при этом используя возможности маскировки обманных действий (умолчание, контроль внешних проявлений: лицевых экспрессий, голосовых эмоциональных проявлений, избегание контакта глаза-в-глаза и т. п.) (Герасимова, Сергиенко, 2005). Только после этого дети могут понять запреты обмана, моральную сторону обмана (собственного и Других), возможность манипуляций их мнениями, убеждениями, желаниями. Только после этой стадии возможно появление макиавеллизма — социальной способности манипуляции Другими. Достижение уровня наивного субъекта в модели психического позволяет понять, почему дети 6–7 лет считают обманщиками своих сверстников, — потому что они способны сравнивать модели того же уровня организации. Матери при этом предостерегают детей

от обмана взрослыми мужчинами, и такие предостережения малоэффективны. Матери запрещают детям обманывать взрослых женщин как главных субъектов воспитательного процесса, желая сохранить управление своими детьми. Это означает, что интерпретация поведения Других будет ограничиваться особенностями понимания детей, чьи внутренние модели ставят рамки в процессе освоения социального окружения (Сергиенко и др., 2008).

Приведенная интерпретация процесса социализации в рамках подхода «модели психического» также возвращает нас к позициям Пиаже, которые наиболее ожесточенно критиковались. Как указывает Л. Ф. Обухова, Пиаже разделял понятия «социальный» и «социализированный». Ребенок находится в обществе взрослого, который взаимодействует с ребенком и передает ему культуру своего общества. В этом смысле ребенок является социальным существом с самого начала. Но, оставаясь социальным существом с самого начала, он социализируется постепенно. Социализация, по Пиаже, предполагает процесс адаптации к социальной среде, благодаря определенному уровню развития, разграничению и координации собственной точки зрения и точки зрения других людей. Решающим в этом процессе является переход от эгоцентрической позиции к объективной. Такой перелом в развитии совершается в 7–8 лет (Обухова, 2001). Это положение согласуется с нашими данными, приведенными выше, которые ясно указывают на ограничения или опосредование процесса социализации внутренними структурами, внутренними моделями психического, когда возможность понимать не только свое психическое, но и психическое Другого, сопоставлять модели принципиально изменяет способность ребенка понимать и принимать порядок социального устройства, отвечать иным, отличным от своих требований. Такое понимание С. Л. Рубинштейна «внешнего через внутреннее» еще раз подчеркивает, что ребенок является *субъектом* социальных взаимодействий и воздействий, что прямо ставит вопрос о способах и методах его воспитания и обучения.

Развитие в эволюции

Рассматривая эволюционные корни модели психического, мы, прежде всего, задаемся вопросом — имеют ли животные способность распознавать ментальные состояния, интерпретировать и прогнозировать чужое поведение? Отличается ли их восприятие и понимание ментального мира от восприятия и понимания ментального мира людьми?

Сознание — это то, что отличает человека от даже высокоразвитых человекообразных обезьян. Но как велика эта пропасть? Суть различий между человеческим познанием и возможностями познания других видов состоит, по гипотезе М. Томаселло, в том, что только люди способны участвовать в общей кооперативной активности, объединенной общей целью и интенциями, т.е. общей интенциональностью (Tomasello, 1997). Участие в такой активности требует не только зрелых форм понимания интенций и культурного научения, но и уникальной мотивации достижения общих психических состояний с другими людьми, что означает необходимость уникальных форм когнитивной репрезентации. Понимание намерений включает в себя понимание цели действия и плана ее достижения.

Одна из характеристик сознания состоит в разграничении субъекта и объекта, способность дифференцировать то, что относится к Я, а что к не-Я. Долгое время эта способность считалась уникально человеческой. Однако эволюционно данный феномен также подготовлен. Удивительно, но именно животные, у которых обнаружены элементы самосознания, демонстрируют и элементарные способности в развитии модели психического.

Доказательством этого утверждения может служить факт узнавания себя в зеркале как показатель становления самосознания. Способность узнавать себя в зеркале демонстрируют шимпанзе и макаки — те виды животных, которые могут осуществлять достаточно сложные социальные взаимодействия на основе изменяющихся внутренних моделей действующих агентов, их поведения и управления ими и собственным поведением. В отличие от них индийские слоны, которые обладают достаточно высоким уровнем развития интеллекта, не узнают себя в зеркале. Однако они способны к более простому использованию зеркала: находят пищу, которая была видна только благодаря зеркалу. Есть свидетельство, что дельфины-афалины узнают свое отражение в зеркале (Зорина, Полетаева, 2001).

Демаркационную линию развития субъективного мира животных и человека разные авторы проводят различно. Наиболее частый ответ о различиях между людьми и даже самыми близкими к нам видами обезьян состоит в том, что только люди имеют символический язык и речь. Существует безусловное эволюционное преимущество в развитии речи у человека. Однако развитию речи предшествуют важнейшие когнитивные изменения, обуславливающие «речевой взрыв» (Сергиенко, 2008). Речевая способность предполагает развитие символических коммуникаций. Она основана на принципиальном различии в возможностях репрезентации животных и человека.

Репрезентации можно разделить на два вида: обобщенные, ситуативно-зависимые, и независимые от ситуации, более детальные. Многие животные обладают способностью к репрезентациям, т. е. имеют внутренний мир. Но в их ментальной организации преобладают ситуативно-зависимые, обобщенные репрезентации, тогда как независимые, специфичные представлены в самой незначительной степени.

Одно из главных эволюционных преимуществ внутреннего мира — предвидение. Планирование у животных касается в большей степени текущих потребностей. Они начинают планировать, когда голодны или находятся в опасности. Даже у шимпанзе ментальные возможности ограничены настоящей ситуацией, концепцией ближайшего будущего и прошлого. Только люди способны планировать будущие потребности, никак не представленные в текущей ситуации.

Собственно способность представлять внутренний мир Других ведет к значимому расширению собственного внутреннего мира. Эта способность добавляет в эволюцию совершенно иной уровень развития психического, открывая возможности *научения знаниям Других*. Подобная возможность перенять знания Других дает не только бесспорный выигрыш в кооперации, развитии сообщества и собственного внутреннего мира, но и возможность к манипулированию Другими. Обман становится возможен только на уровне понимания модели психического Другого. Внешнее поведение обмана демонстрируют и высшие животные.

Примером такого поведения может служить описываемое Ж. Гудолл наблюдение за самцом шимпанзе, который нашел бананы. Обычно шимпанзе издают специальный крик о еде (food cry) при ее обнаружении. Этот крик привлекает других сородичей, которые разделяют находку. Самец не хотел делиться. Но проблемой шимпанзе является плохой произвольный контроль своих экспрессивных действий. Тогда он зажал свой рот передними конечностями и держал их так, чтобы его произвольный крик не был слышен (см.: Gardenfors, 2003).

Исследователи склонны интерпретировать данные типы поведения как обман, который является показателем модели психического Другого. Однако, повторим еще раз, скорее здесь достаточно планировать свое поведение, опираясь на предшествующие уровни организации внутреннего мира. На этом уровне возможен обман, но он несравним с более сложными его формами, которые предполагают, что внутренний мир обманщика содержит репрезентацию внутреннего мира Другого (обманиваемого). Обман предполагает модель индивидуального мира обманиваемого, а этот тип способности появляется в эволюции только на уровне человека, позже других способностей,

необходимых для планирования своего поведения в соответствии с поведением Других. Поэтому с этой точки зрения человекообразные обезьяны не способны к пониманию внутреннего мира Другого, что и не ведет к более тонким формам обмана. Шимпанзе, закрывающий рот, чтобы подавить произвольный крик при виде банана, осуществлял обманное действие, на основе планирования собственного поведения и поведения сородичей, но не на основе понимания внутреннего мира сородичей.

Существуют ли какие-то другие показатели когнитивного приобретения в эволюции, которые связаны с возможностью развития некоторых уровней модели психического?

Более детальная картина уровня развития модели психического в эволюции представлена в работе П. Гарденфорса (Gardenfors, 2003). Автор утверждает, что единственной возможностью понять отличия между внутренним миром животных, детей и взрослых, бесконфликтно интерпретировать различные знания – это эволюционный подход к проблеме становления модели психического. Один из авторов данной статьи неоднократно высказывала эту же мысль (Сергиенко, 1992, 1996, 2000, 2002, 2005). Гарденфорс разделил модель психического на шесть компетенций, или уровней компетенции:

1. Имеющие внутренний мир. Эта та организация внутреннего опыта, которая позволяет построить ментальные модели ситуации для планирования и прогнозирования поведения.
2. Имеющие модели эмоций. На этом уровне возможно понимание, что кто-то еще испытывает боль. Это порождает сочувствие, которое строится на понимании эмоций Других, но вовсе не означает понимания желаний или убеждений. Эволюционное значение способности к сочувствию ведет к большей солидарности в группе, снижает риск опасности и способствует выживанию. Этот уровень не обязательно ведет к формированию модели психического. Сочувствовать означает лишь чувствовать то же, что и Другие. Сочувствие не тождественно эмпатии, которая опирается на репрезентацию эмоций Других или понимание иных аспектов внутреннего мира. Для эмпатии необходимо отделять собственные чувства от чувств Другого. Сочувствие же опирается на восприятие экспрессий эмоций, вызывающих соответствующие эмоции у индивида. Эмпатия означает следующий шаг в развитии внутреннего мира. Животные способны к сочувствию, но не эмпатии. Обезьяна, в отличие от человека, не может контролировать проявление эмоций или симулировать

их, поэтому прямое восприятие эмоциональных выражений может вызывать аналогичные эмоции. Их подавление или симуляция означают способность манипулировать поведением Других. Эволюция контроля лицевых выражений, голосовых и телесных проявлений привела к тому, что называется способностью к макиавеллианскому интеллекту.

3. Имеющие модель внимания. Это способность понимать, куда направляют свое внимание Другие. В 6-месячном возрасте младенцы следуют за материнским взором, если мать поворачивает голову, а в 12 мес. — когда она только перевела свой взгляд. В 18 мес. дети определяют направление материнского внимания и вне собственного поля зрения, если мать смотрит на объект, расположенный за ребенком. Это предполагает, что младенец обладает уже репрезентацией пространства во внутреннем мире, который не ограничен собственным полем зрения. Шимпанзе хорошо понимают, куда смотрят Другие. В экспериментах с животными, шимпанзе заглядывали за непрозрачную часть экрана, чтобы посмотреть, на что смотрит экспериментатор, демонстрируя понимание не только общего направления взгляда, но и его локализацию в определенном месте. Это внимание к вниманию или внимание второго порядка (Я отмечаю, что вы отмечаете). Еще более прогрессивной формой внимания для развития понимания психического является общее внимание на объекте. И Я, и Другой демонстрируем внимание второго порядка. Это необходимо для прогресса модели психического, но не достаточно для его понимания. Главный шаг к идее психического Другого состоит в способности поставить себя в позицию Другого, увидеть мир таким, каким его видит он. Маленькие дети не способны к этому, что отмечал еще Ж. Пиаже (2001).
4. Имеющие интенции. Люди обладают склонностью искать причинность в мире. Еще И. Кант выделял причинность в качестве одной из базовых категорий. Существует глубокий эволюционный смысл поиска причинности. Причинность помогает понять мир, моделировать, предсказывать его, прогнозировать последствия своего поведения в нем. Можно выделить три типа последствий понимания причинности: а) способность упреждать собственные действия; б) способность упреждать последствия действий Других; в) способность упреждать физические события, опираясь на понимание законов физического мира. Обезьяны способны к пониманию причинности всех перечисленных видов. Не только обезьяны демонстрируют понимание последствий

собственных действий и предвосхищают их. Обезьяны понимают и предвосхищают действия Другого. Так, когда они видят взгляд леопарда или питона, они издают крик опасности, что свидетельствует о понимании и предвосхищении возможных действий. Люди демонстрируют понимание всех видов причинности, начиная с раннего возраста. Способность разделять причинность физического и ментального мира лежит в основе способности понимания интенциональности в поведении Других. Выделение интенции означает понимание действий, обусловленных агентом или объектом. Если действие обусловлено агентом, это ведет к заключению, что существует некая цель для действия или интенция. Однако выделение цели требует более низкого уровня понимания внутреннего мира, чем понимание модели психического Других. Когда мы идентифицируем кого-то, имеющего цель, стремление, мы видим индивида как *агента*, но когда мы понимаем его модель психического, то мы воспринимаем его как *субъекта*.

5. Имеющие модель психического Другого. Понимание, что Другой имеет убеждения, желания, которые могут отличаться от собственных убеждений и желаний.
6. Имеющие самосознание. Способность репрезентации собственного внутреннего мира.

Уровни 5 и 6 могут выступать водоразделом в эволюции развития модели психического у животных и человека. Таким образом, одним из критериев различий организации психического у высших животных и человека может выступать модель психического – понимание убеждений, желаний Другого (знание его психологии). Однако данный критерий не совсем четко проводит границу. Примером могут служить наблюдения естественного поведения в сообществе бабуинов, сделанные в Эфиопии. Поведение самки, скрывающей свое «амурное поведение» с молодым самцом от доминантного за камнем, который загораживает ее, можно интерпретировать как продуманный обман, что для многих исследователей является показателем наличия модели психического. Однако данное поведение можно свести к более низким уровням ментальной компетентности (первым четырем). Она может понимать направленность внимания, причинность физического мира (границы окклюдера – камня), интенциональность (направленность собственных действий и действий Другого – доминантного самца). Собственно способность представлять внутренний мир Других ведет к значимому расширению

собственного внутреннего мира. Эта способность добавляет в эволюцию совершенно другой уровень развития психического. Это ведет к возможности *научению знаниям Других*. Подобная возможность перенять знания Других дает не только бесспорный выигрыш в кооперации, развитии сообщества и собственного внутреннего мира, но и возможность к манипулированию Другими. Обман становится возможен только на уровне понимания модели психического Другого. Как уже отмечалось, внешнее поведение обмана демонстрируют и высшие животные. Обман предполагает модель индивидуального мира обманываемого, а этот тип способности появляется в эволюции только на уровне человека после других способностей, необходимых для планирования своего поведения в соответствии с поведением Других. Поэтому с этой точки зрения человекообразные обезьяны не способны к пониманию внутреннего мира Другого, что и препятствует более тонким формам обмана. Шимпанзе, закрывающий рот, чтобы не сообщить о найденном банане, осуществлял обманное действие на основе планирования собственного поведения и поведения сородичей, но не на основе понимания внутреннего мира сородичей. Приматологии не видят этих различий.

Еще более сложная способность — манипуляции поведением Других, известная, как макиавеллианский интеллект. Эволюционные основания этой человеческой способности мы находим и у высших животных. Только обезьяны и высшие антропоиды могут отслеживать, как другие животные относятся друг к другу. Эта способность является ядром социального интеллекта. Исследования с групповыми взаимодействиями шимпанзе продемонстрировали способность не только обмана, но и притворства для достижения цели. В достаточно большом пространстве экспериментаторы прятали еду, разрешая видеть ее расположение только самке Белл. Затем выпускалась вся группа шимпанзе и Белл вела их к местам, где находилась еда, которую они вместе ели. Самец Рок, сильнее Белл, стал отбирать еду и сам поедать ее. При повторных экспериментах (еда пряталась в разных местах) Белл не находила еду, если Рок был рядом. Она продолжала сидеть поодаль. Как только Рок направлялся в другое место, она шла туда, где была еда. Но Рок усвоил этот маневр и стал делать вид, что уходит, а затем возвращался. Подобное поведение: уйти и вернуться — не характерна для шимпанзе (Вугне, 1998). Рассматривая этот случай, М. Томаселло (Tomasello, 1997) замечает, что и это кажущееся свидетельство понимания намерений может быть объяснено на уровне понимания последствий поведения.

Обобщая примеры поведения человекообразных обезьян, П. Гарденфорс (Gardenfors, 2003) полагает, что ограничения их когнитивных способностей лежат между способностью вычленять интенцию и моделью психического Другого, т. е. между уровнем агента и субъекта.

Таким образом, когнитивные отличия животных от человека могут быть суммированы следующим образом:

- 1) нет способности к общей интенциональности, но понимание простейших интенций есть;
- 2) бедность триадических отношений Я – объект – Другой;
- 3) ограничение развития самосознания на уровне опознания себя (мое);
- 4) ситуативно-зависимые ментальные репрезентации;
- 5) ситуативное прогнозирование ближайшего будущего. Следовательно, даже высшие животные достигают только уровня 2-летнего ребенка в развитии модели психического.

С. Барон-Коен (Baron-Cohen, 1999) предложил теорию эволюционного развития способности приписывать независимые ментальные состояния себе и Другим у предков человека. Рассматривая археологические доказательства существования модели психического в развитии человека, Барон-Коен утверждал, что появление 30000 лет назад статуй, изображающих существ, которых никогда не существовало (например, кентавров или полульва-получеловека) может свидетельствовать о развитии символической игры и способности к метарепрезентации. По сути, эти статуи являются реализацией репрезентаций собственных мыслей художника (в данном случае вымысла).

В качестве дополнительного аргумента существования модели психического у ранних *Homo sapiens* автор приводит тот факт, что люди украшали своих предков перед погребением. Это поведение Барон-Коен интерпретирует как влияние на ментальные состояния Других – украшая человека перед погребением, его родственники хотели, чтобы Другие думали, что этот человек красив или у него высокий статус. Даже если это ритуальные религиозные обряды (украшение мертвых), то само существование религии, т. е. веры в то, что кто-то думает о вас, оценивает ваше поведение и события в окружающем мире имеют не только физическую причинность, невозможно без способности приписывать ментальные состояния Другим.

Приведенный анализ показывает, что развитие модели психического можно представить как непрерывный эволюционный процесс, имеющий свои закономерные предшествующие уровни развития

и ограничения в филогенезе, закономерности в онтогенезе. Данное рассмотрение уровней развития модели психического показывает возможный переход от становления уровня обладания внутренним миром к пониманию эмоций, интенций, агента действий к субъекту действий и, наконец, самосознающему субъекту. Представляется, что установление данной эволюционной последовательности чрезвычайно полезно для дифференциации многих феноменов развития модели психического. К сожалению, ни одна концепция или модель в настоящее время не в состоянии представить системную картину становления модели психического и вступает в противоречие с последовательностью развития отдельных аспектов модели психического в онтогенезе человека.

Мы полагаем, что развитие всех составляющих понимания собственного психического и психического Другого (знаний, убеждений, намерений, эмоций, обмана и т. п.) развиваются не последовательно, как полагает П. Гандерфорс с соавт., а одновременно. Модель психического проходит в онтогенезе развитие от низкоорганизованных уровней к более высоким, что отражается в своеобразии понимания ментальных состояний и каузальности событий как физического, так и социального мира. Более того, понимание причинности как характеристика когерентной ментальной модели мира происходит постепенно в онтогенезе человека, включая в себя более элементарные уровни организации когнитивных способностей. Однако мы полагаем, что способность понимать причинность как свойство более высокого уровня когерентности и организации модели психического будет проявляться при понимании как физических событий, так и социальных.

Мы полагаем, что все феномены модели психического (понимание знаний, желаний, убеждений, интенций, обмана, эмоций) развиваются одновременно, постепенно, подчиняясь реорганизации на определенных этапах развития, но неравномерно, гетерогенно.

Развитие модели психического в онтогенезе

На вопрос, который занимал исследователей психологии развития в рамках парадигмы «модели психического» — в каком возрасте дети начинают понимать других людей, их внутренний мир, их поведение? — до сих пор нет однозначного ответа. Как указывает Д. Деннет (Dennett, 2000), в полной мере модель психического может проявиться только при прогнозировании и объяснении поведения, в основе которого лежит неверное представление о ситуации, поскольку, если

для объяснения поведения требуется привлечение только реально-го положения дел (или своих собственных убеждений), рассуждения о представлениях другого человека вообще не требуется. По мнению большинства исследователей, такое понимание отличия собственного психического мира от мира других людей начинает развиваться у детей около 4 лет.

Однако модель психического является динамическим конструк-том, и понимание ментального мира начинает свое развитие с рож-дения, бурно формируясь в дошкольном возрасте, и продолжает усложняться в течение всей жизни. Данные многих исследований свидетельствуют о том, что уже в младенческом возрасте дети обла-дают способностью не только воспринимать окружающие предметы и людей, но и способны отличить человека как самостоятельно дви-гающегося от физических объектов, движение которых невозможно без действия внешних сил. К концу первого полугодия жизни они начинают разделять свои внутренние ментальные состояния с дру-гим человеком, направляя его внимание на интересующий объект (см.: Сергиенко, 2002).

В раннем детстве ребенок уже понимает намерения и желания других людей, может представлять себе неявные или несуществу-ющие свойства объектов, что является необходимым для разви-тия воображения и символической игры (Leslie, 1987; Meltzoff, 1995; Wellman, Lagattuta, 2000). Основными механизмами развития способ-ности к пониманию психического других людей в этом возрасте яв-ляется понимание отличий собственных знаний от знаний Другого и понимание различий между ментальным и физическим (Baron-Co-hen, 1989, 2000). Таким образом, к трем годам у детей развивается по-нимание, что другой человек может не знать чего-то, что знают они. Это помогает им в дальнейшем эффективно общаться: скорее лю-ди говорят другим вещи, которые те не знают, чем, говорят им о том, что они уже знают. В этом возрасте дети также могут предсказывать, какие именно эмоции повлечет за собой ситуация, но еще не пони-мают, что причинами эмоций могут быть не только физические со-бытия и ситуации, но ментальные состояния — желания и мнения (Howlin et al., 1999).

К четырем-пяти годам дети более ясно оценивают сложные мен-тальные состояния, такие как убеждения, представления и знания, что позволяет им не только прогнозировать и объяснять поведения других людей, но и манипулировать их поведением, влияя на их пред-ставления о реальности (Baron-Cohen et al., 1985; Gopnik, Astington, 1988; Perner et al., 1989; Wimmer, Perner, 1983). В младшем школьном

возрасте усложнение модели психического приводит детей к более глубокому пониманию коммуникативных сигналов (невербальных и вербальных), осмыслению внутренних причин, стоящих за поведением других людей, пониманию переносного смысла языковых высказываний и контекста (Baron-Cohen et al., 2001; Harpe, 1994).

Развитие понимания ментального мира выходит на новый уровень в подростковом возрасте. Так, дети начинают понимать сложные (стыд, гордость, вина) и амбивалентные эмоции. Само понимание возможности существования у одного человека противоположных эмоций по отношению к одному и тому же объекту или ситуации в одно и то же время развивается постепенно. Развитие понимания амбивалентных эмоций прогрессирует от понимания, что только одна эмоция возможна при одном событии, к пониманию, что два чувства могут быть, но последовательно, и, наконец, к пониманию, что два чувства могут возникнуть на одно и то же событие, и они могут быть как позитивными, так и негативными. Подростки становятся компетентными в понимании амбивалентности эмоций, однако общая тенденция схематизации мира и отношений ведет их часто к упрощениям и невозможности совмещения приятных и неприятных эмоций по отношению к ситуации или другому лицу.

Другая способность, указывающая на развитие модели психического, относится к аспектам небуквального общения: пониманию метафор, иронии, шуток, поддразнивания, сарказма. Такое общение основано на речевой коммуникации, где буквальное понимание смысла неверно и предполагает, что слушатель различает мнения, коммуникативную интенцию и само сообщение. Например, когда говорят: «Какая сегодня прекрасная погода», а на самом деле льет дождь с порывами холодного ветра, большинство 5–7-летних детей не могут воспринять это как сарказм. Только постепенно дети начинают понимать соотношения между смыслом и происходящим, улавливая иронию и сарказм в противоположность буквальности сообщения. Такая способность появляется у детей 10–12 лет. Прогресс в понимании тонкостей иронии и сарказма продолжается и у взрослых людей. Трудности в понимании иронии и сарказма характерны не только для типично развивающихся детей, они свойственны и для детей и взрослых с аутизмом, шизофренией и при определенных поражениях мозга. Трудности в понимании небуквального языка испытывают и глухие подростки и взрослые. Около 60% молодых глухих взрослых затрудняются в понимании небуквального языка, независимо от того, используют ли они жестовый язык или владеют речью (Wellman, Peterson, 2013). В последовательности развития

модели психического понимание небуквальной речи стоит после понимания скрытых эмоций.

В младшем подростковом возрасте понимание неверных мнений усложняется: дети могут сопоставлять мнения не только свои и другого человека, но и мнения третьих лиц, т. е. развивается понимание неверных мнений третьего уровня. Понимание юмора, иронии, сарказма, которые также построены на оперировании и сравнении моделей психического своих и других людей, существенно развивается в младшем подростковом возрасте, отражая понимание все более точных и тонких связей социальных взаимодействий, следовательно, расширение возможностей изменения своего поведения, предсказаний поведения других людей.

Понимание неверных мнений, возникающее в дошкольном возрасте, является универсальным в социальном познании детей разных культур. Эта способность постоянно развивается.

Была предложена шкала последовательного развития ключевых составляющих модели психического. В самом начале появляется способность понимать, что у разных людей существуют различные желания по отношению к одним и тем же вещам и ситуациям. Эта способность может быть обозначена как понимание различия желаний (diverse desire), или РЖ. Затем дети становятся способны различать разные мнения относительно одних и тех же ситуаций (diverse belief), или РМ. Следующий шаг в развитии понимания социального мира — способность связывать правдивость мнения с доступностью знания (knowledge access), или ДЗ. Понимание неверного мнения (false belief), или НМ, не соответствующего реальности, но верного для другого (например, Митя думал, что шоколадка лежит на столе, где он ее оставил, но мама убрала ее в буфет. Митя будет искать ее там, где оставил, что не соответствует реальности). Это следующая ступень в развитии социального познания. Наконец, понимание того, что кто-то чувствует одно, а выражает совсем другое (hidden emotion), или СЭ (скрытые эмоции), предполагает анализ не только скрытых состояний, но и всего ситуативного контекста, отношения персонажа к ситуации. Общая последовательность развития этих составляющих модели психического может быть представлена схематически:

Различение желаний > Различение мнений > Доступность знаний > Неверное мнение > Скрытые эмоции, или РЖ > РМ > ДЗ > НМ > СЭ.

Кросс-культурные исследования в США, Канаде, Китае и Иране, проведенные с участием 500 детей дошкольного возраста, в целом подтвердили данную последовательность в развитии, но были обна-

ружены некоторые особенности (Wellman, Peterson, 2013). Дети в Китае и Иране наиболее часто более успешны в задачах, опирающихся на оценку правдивости событий на основе доступности знания (ДЗ). Социализация в этих странах не поддерживает способность понимания расхождения мнений (РМ), поэтому эта способность появляется у детей этих стран позже, чем у их сверстников в США и Канаде. Хотя в целом курс прогрессивного развития модели психического сохраняется. Несмотря на то, что в Иране существуют мусульманские традиции, а в Китае — конфуцианство, буддизм и коммунизм, для обеих стран сильны коллективистические традиции семьи и общества, которые поддерживаются при обучении, но не поощряются толерантность к несогласию, независимым суждениям и убеждениям детей (Wellman, Peterson, 2013).

Понимание обмана как одного из ключевых показателей понимания модели собственного психического и психического Другого переходит также на новый уровень. В старшем подростковом возрасте признание наличия/отсутствия обмана в ситуации в наибольшей степени зависит от того, кого приходится обманывать: чем менее близкие отношения с человеком, тем больше вероятность, что обман не будет признан таковым, особенно, если это обман по умолчанию. Данная закономерность не проявляется при обмане по умолчанию в ситуации общения с наиболее близкими людьми. Скорее всего, это связано с распространенным мнением о том, что правда сможет привести к негативным эмоциям у близкого человека. Обман как способ сохранить значимые отношения с близким человеком является распространенным мотивом неискренности для взрослого возраста (Колесникова, Сергиенко, 2010).

Подростки более компетентны в манипулировании мнением других, предсказании их поведения. Их эмоциональный интеллект сравним с эмоциональным интеллектom взрослых (по распознаванию эмоций, управлению эмоциями, пониманию и анализу эмоций) (Сергиенко, Ветрова, 2017).

Одной из проблем подросткового возраста является *буллинг*. Буллинг, особенно наиболее злокачественные и антисоциальные его формы, предполагает понимание психического мира других и манипуляции с ним. Агрессор выбирает жертву (сравнивая свои психические возможности и представления с психическими представлениями и возможностями жертвы), выбирает ситуацию, метод, наиболее эффективные для буллинга, — все это предполагает наличие развитой модели психического. Как показали лонгитюдные исследования детей от 5 до 12 лет, низкие показатели в выполнении задач на мо-

дель психического (понимание неверных мнений первого и второго порядка) в 5-летнем возрасте становятся предикторами виктимного поведения (поведения жертвы), отношений «жертва—агрессор» в подростковом возрасте. Ни эмоциональные, ни поведенческие проблемы в среднем детстве не были связаны с показателями модели психического и опытом буллинга у подростков. Возможно, агрессоры меньше понимают чувства жертвы, последствия для нее своего поведения, хуже усваивают социальные правила и нормы. Но некоторые виды буллинга предполагают необходимость высокого уровня развития модели психического, манипуляции представлениями и поведением других. Здесь дефицит может крыться в эмпатии и преобладании макиавеллианского интеллекта — манипулирования другими в своих целях, т. е. в большей степени в личностных, а не в когнитивных способностях.

Старший подростковый возраст становится сензитивным периодом для понимания «черного юмора», еще одного феномена модели психического. *«Черный юмор»* — это один из самых эффективных способов преодоления и отрицания ограничений, существующих в объективной реальности.

Модель психического в подростковом возрасте становится все более дифференцированной по сравнению с дошкольным и средним детством и достигает уровня понимания социального и физического мира, который позволяет строить обобщенные модели, вступать в сложные отношения, регулировать свое поведение и поведение других. Однако, несмотря на существенное развитие концептуализации, у подростков модели остаются схематичными, дихотомическими, задавая самые общие координаты понимания мира.

Как уже говорилось выше, усложнение понимания ментального мира происходит в течение всей жизни. Но между тем в исследованиях и в отечественной, и в зарубежной психологии достаточно мало работ, посвященных феноменам модели психического во взрослом возрасте. Достаточно подробно изучалось только понимание неверных мнений. В качестве примера можно привести исследование, проведенное Б. Кейсар с соавт., касающееся анализа нашей способности различать собственные убеждения и убеждения других людей (Keysar et al., 2003). По результатам проведенного исследования было выявлено, что взрослые не в состоянии реализовывать эту способность именно в тех обстоятельствах, когда она могла бы быть наиболее полезной: при интерпретации действий других.

Множество исследований (Birch, Bloom, 2007; Keysar et al., 2000, 2003) показали, что взрослые далеки от выполнения заданий на по-

нимание ложных убеждений на высоком уровне, что дает повод к размышлениям и новым научным изысканиям. С другой стороны, методы, использованные в этих исследованиях, по дизайну очень схожи с «Салли—Энн тестом» и его модификациями (Сергиенко и др., 2009). Следовательно, в исследованиях модели психического у взрослых сохраняется тенденция, критикуемая учеными других направлений: использование одного типа задач и преимущественная ориентация на вербальные ответы испытуемых, что не позволяет получить полноценной и всесторонней картины специфики модели психического у взрослых. Таким образом, необходим поиск методов, наиболее приближенных к ситуации реального взаимодействия. И таким методом могут выступить нарративы, они использовались в нашем исследовании для изучения понимания обмана у взрослых людей разных возрастов (Колесникова, Сергиенко, 2010; Колесникова, 2011). Оценивался также эмоциональный интеллект (как составная часть модели психического — распознавание и понимание эмоций, использование эмоций в решении задач, управление эмоциями), «чтение психического» и макиавеллианский интеллект у людей от 17 до 45 лет в трех возрастных группах.

Результаты показали, что с возрастом все больше ситуаций, в которых люди говорят неправду (или умалчивают правду), перестают восприниматься как обман. Отношение к высказанному обману с возрастом становится более неоднозначным: большой процент субъектов не признают его наличие во многих ситуациях. Таким образом, с возрастом наблюдается изменение отношения к обману: от абсолютного и однозначного к более тонкому, сложному и дифференцированному.

Половые различия в понимании обмана наблюдаются только в более зрелом возрасте: снижение показателей понимания обмана у женщин может свидетельствовать об их более гибком и неоднозначном восприятии ситуации, которое формируется с возрастом, тогда как у мужчин система оценок становится менее дифференцированной или возрастает способность использовать обман для собственной защиты (Колесникова, 2011). Способность к пониманию обмана тесно взаимосвязана с макиавеллианским интеллектом. У мужчин в 25–30-летнем возрасте максимально высокие показатели по шкале соответствуют минимальным показателям по пониманию обмана, что свидетельствует о том, что можно выделить две противоположно направленные стратегии во взаимодействии с другими людьми: на одном полюсе будет находиться понимающая стратегия — долгосрочная, ориентированная на взаимовыигрышные отно-

шения, организованные по типу сотрудничества, на другом полюсе — макиавеллианская стратегия, краткосрочная, ориентированная на использование человека в своих целях и восприятие его как объекта, а не субъекта.

Показатели, связанные с пониманием эмоций: идентификация эмоций, понимание и анализ эмоций, использование эмоций при решении проблем, сознательное управление эмоциями в наибольшей степени зависят от пола. У женщин эти показатели выше в течение изучаемого периода, но к 35—45 годам снижаются и становятся равными показателям мужчин.

Таким образом, выявлена неравномерность развития различных составляющих модели психического (понимания эмоций, обмана, базовых ментальных состояний) в течение жизни человека. Подобная гетерохрония развития обеспечивает адаптивность человека на протяжении всей жизни за счет различных составляющих модели психического.

Происходят изменения модели психического и в пожилом возрасте. Изучение модели психического в пожилом возрасте указывает на дефицит данной способности. Но этот дефицит не оказывается тотальным, он селективен (Shamay-Tsoory et al., 2007). Например, пожилые люди с болезнью Альцгеймера могут распознавать эмоции других людей, однако у них наблюдаются трудности в понимании неверных мнений (Monetta et al., 2009). Исследования также показали признаки снижения понимания двойного блефа, иронии, обмана, сложных ложных убеждений (Cavallini et al., 2013; Phillips et al., 2011). Другие исследования демонстрируют отсутствие возрастных различий в понимании неверных мнений первого порядка, где нужно понять только одну перспективу героя (Slessor et al., 2007). С. Боттироли и Э. Каваллини в своем исследовании обнаружили, что у пожилых людей наблюдаются трудности в понимании бестактности (Bottiroli, Cavallini, 2016). Как показали наши исследования, в пожилом и старческом возрасте наблюдается выраженное снижение функционирования когнитивного компонента модели психического: понимания бестактности, двойного блефа, иронии, обмана, ложных убеждений. Изменения в аффективном компоненте протекают медленнее. К старческому возрасту (75—90 лет) способность распознавать эмоции по лицам людей снижается — в большей степени страдает идентификация негативных эмоций (печаль, страх, злость), нежели нейтральных и положительных (радость). Дефицит модели психического в пожилом возрасте не является тотальным: наблюдаются расходящиеся траектории снижения аффективного и когнитивного компо-

нентов модели психического с большей сохранностью аффективного компонента. Пожилой человек использует свое понимание ложных убеждений и обмана о психическом состоянии через призму опыта, чтобы построить соответствующую прагматическую интерпретацию ситуации (Сергиенко, Мелехин, 2016).

Таким образом, понимание ментального мира развивается на протяжении всего онтогенеза, начиная с отдельных предикторов, которые приводят в дошкольном возрасте к осознанию, что наш собственный психический мир отличается от психического мира других людей, которое начинает проявляться в понимании обмана и существования ложных убеждений у других людей. Начиная с подросткового возраста, и в течение периода взрослой жизни модель психического дифференцируется и совершенствуется, на понимание ее феноменов начинает влиять предшествующий опыт социального взаимодействия, формируются личностные аспекты понимания психического, что отражается в неоднозначности восприятия и рассмотрения обмана. И, наконец, в пожилом возрасте способности модели психического начинают снижаться, что отражается на возрастающих трудностях в социальном функционировании и общем качестве жизни пожилого человека.

Проведенный анализ развития модели психического в фило- и онтогенезе указывает, что данная способность развивается неравномерно, но все компоненты модели психического имеют эволюционные корни, которые на разных уровнях развития отличаются своеобразием и становятся психологическим механизмом понимания социального мира и себя в нем. Эти результаты свидетельствуют о том, что понятие модели психического обладает собственным теоретическим статусом, объяснительной силой в интерпретации, системной организации и имеет потенциал объяснительного принципа в психологии, что соответствует статусу понятия.

Сравнение с другими понятиями

Модель психического и социальное познание

Раскрывая суть направления социальной психологии — социального познания, Г. М. Андреева (1997) проводит четкую дифференциацию между парадигмой изучения восприятия в общей психологии и социального восприятия как части социального познания. Она указывает, что социальное восприятие отличается от исследования перцепции в общей психологии по предмету, структуре и представлениям о де-

терминантах. Так, если перцепция в общей психологии — это изучение когнитивных процессов и условий их эффективности, то в социальной перцепции это восприятие социального объекта — человека или группы. Следовательно, при смене парадигмы изменяется оптика исследования, хотя когнитивный подход остается ведущим. Г. М. Андреева (1997) считает, что в общей психологии превалирует процессуальная сторона восприятия (субъект и объект, результат анализируются менее детально). В социальной перцепции субъект и объект представляют главные цели изучения. В общей психологии детерминация перцепции понимается в рамках тех методологических парадигм, в рамках которых она изучается (культурно-историческая, деятельностьная, системная и т. д.). Для социальной перцепции, а за ней и для социального познания, детерминация лежит, прежде всего, в области взаимодействия социальных объектов и групп.

Мостом между социальной перцепцией и социальным познанием может служить каузальная атрибуция. В социальной психологии возникло направление, которое занималось объяснением причин поведения других людей. Г. М. Андреева подчеркивала, что интерпретация поведения других людей в теориях каузальной атрибуции сходно с теориями когнитивного соответствия. Если в рамках когнитивного соответствия фокусом внимания становятся смыслы, то в теории каузальной атрибуции объяснение причин поведения Другого находится в области значений, мотивов и потребностей людей, которые приписываются поведению. В большей степени в социальных теориях каузальной атрибуции речь идет об обыденном объяснении. «Обыденное объяснение — стержень обыденного познания мира, основной способ осмысления мира „человеком с улицы“: вся система его отношений с миром опосредована именно обыденным объяснением и может быть рассмотрена как яркий пример перехода от социального восприятия к социальному познанию» (Андреева, 1997, с. 65). Теории социальной атрибуции строят научные схемы для понимания этого житейского объяснения.

И теории социальной атрибуции, и модель психического изучают обыденную психологию.

В чем заключается отличие модели психического от социального познания и социальной перцепции?

Первое отличие состоит в том, что фокус анализа направлен на внутренние концептуальные возможности понимания собственных ментальных состояний и ментальных состояний другого человека. Другой человек не рассматривается как часть социальной группы, а выступает лишь как носитель психического, являясь со-

циальным объектом в рамках данной парадигмы, скорее раскрывается как представитель людей. Следовательно, предметом выступает понимание психического как когнитивная способность понимания ментальных состояний и их последствий, что позволяет предсказывать поведение Других.

Таким образом, большее внимание уделяется когнитивной функции субъекта как носителя психического и его организации. «Чтение психического» позволяет увидеть сходство и различие в ментальных моделях ситуации. Так, например, если ребенок хочет пойти в цирк, а его ведут в гости, то, скорее, он будет испытывать недовольство, чем удовольствие.

Второе отличие состоит в том, что в рамках модели психического изучается, скорее, понимание и распознавание ментальных состояний и их организации в ментальные модели (единичные, ситуативные и внеситуативные). В социальной психологии социальное познание выступает как условие взаимодействия в группе, где учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой взаимодействий. Дж. Генри с соавт. выделил следующие компоненты социального познания: социальная перцепция; эмпатия; каузальная атрибуция и модель психического (Henry et al., 2013). Модель психического можно рассматривать как основу социального познания. Взаимодействие между людьми невозможно без понимания психического состояния Другого (мыслей, убеждений, верований, намерений, желаний, эмоций) и способности смотреть на событие с разных точек зрения: сопоставлять модель психического в своей актуальной ситуации и в ситуации другого человека. Именно способность понимать психические состояния помогает людям исследовать окружающий мир и проявлять более продуктивную активность. Внешне наблюдаемые компоненты человеческого поведения играют лишь малую роль в процессе социальных взаимодействий между людьми. Человеку необходимо интерпретировать психические состояния другого человека.

Эти различия применимы и к теории социальной атрибуции. Для понимания ментальных состояний и поведения Другого, построения собственного поведения человеку необходимо иметь ментальные атрибуции. Различия в подходе «модель психического» лежат именно в обращении к ментальным внутренним схемам, моделям, которые и позволяют интерпретировать эти состояния. Следовательно, отличие частной когнитивной парадигмы, модели психического, от теории социальной атрибуции состоит в том, что модель психического становится одним из ментальных механизмов атри-

буции. В теориях каузальных атрибуций процесс интерпретации поведения раскрывается через анализ личности воспринимающего и воспринимаемого, обстоятельств, объектных условий, мотивации и потребностей. В модели психического причины понимания поведения Другого лежат в ментальных моделях и уровнях их организации. Так, сходство уровня организации ментальных моделей (уровень модели психического) позволяет понимать обман и обманывать сверстников, но не старших детей и взрослых (Герасимова, Сергиенко, 2004).

Обнаружение ошибок атрибуции в социальной психологии связано скорее с анализом сочетаний мотивации, потребностей, личностных особенностей, характеристик ситуации, типов взаимодействий. Включение в анализ социального познания модели психического позволяет углубить понимание порождения каузальных атрибуций.

В таком случае, рассматривая модель психического как неотъемлемую часть социального познания, следует указать, что это – частная исследовательская парадигма, изменяющая оптику изучения, с фокусом на индивидуальном концептуальном мире.

Парадигма модели психического направлена на изучение распознавания и *понимания* психических состояний, их организации в когнитивные модели (единичные, ситуативные и внеситуативные) в зависимости от контекста. В социальной психологии социальное познание выступает как *условие* взаимодействия человека в группе, где учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой взаимодействий. Модель психического можно рассматривать как основу, или центральный ментальный компонент, социального познания. Взаимодействие между людьми невозможно без понимания психического состояния Другого и способности смотреть на ситуацию с разных точек зрения, сопоставлять свою модель психического и модель другого человека в актуальной ситуации. Именно способность не только наблюдать, но и понимать психические состояния помогает людям исследовать окружающий мир и осуществлять продуктивную социальную активность (Сергиенко, 2015; Уланова, Сергиенко, 2015).

Модель психического позволяет раскрыть когнитивные механизмы понимания в межличностном взаимодействии, поскольку процесс общения основан на постоянном мониторинге и сравнении понимания психических состояний и событий (Сергиенко, 2015). Человеку необходимо интерпретировать, предвосхищать психические состояния другого человека. В таком случае, рассматривая модель психического как ментальный механизм социального позна-

ния, следует указать, что она направлена на изучение *внутренних* психологических механизмов социального познания. Фокус внимания направлен на *индивидуальный концептуальный мир человека* (Сергиенко, 2014).

Модель психического, социальный и эмоциональный интеллект

Конструкт «модель психического» тесно взаимосвязан с категорией «*социальный интеллект*» и «*эмоциональный интеллект*». Социальный интеллект определяется как совокупность ментальных способностей, связанных с обработкой социальной информации и способствующих успешности межличностного взаимодействия (Э. Торндайк, Г. Оллпорт). Социальный интеллект включает такие способности, как оценка социальных ситуаций, запоминание имен и лиц, распознавание ментальных состояний человека, чувство юмора, социальная компетентность, владение социальной информацией. Х. Гарднер определял социальный интеллект как способность понимать людей и социальные ситуации (см.: Ушаков, 2004). По мнению Д. В. Ушакова (2004), все многообразие подходов к определению социального интеллекта можно суммировать в нескольких вариантах: 1) социальный интеллект — это способность, отличная от других; 2) социальный интеллект — это система знаний, навыков и умений, полученных в опыте; 3) социальный интеллект — это личностная черта, определяющая успешность социального взаимодействия. Ушаков выделяет следующие структурные особенности социального интеллекта: континуальный характер, использование невербальной репрезентации, потеря точности при использовании вербализации, формирование путем имплицитного научения, использование внутреннего опыта. Он определяет социальный интеллект как «способность к познанию социальных явлений, которая составляет один из компонентов социальных умений и компетенции, но не исчерпывает их» (Ушаков, 2004, с. 15).

Сравнение модели психического с понятием социального интеллекта указывает на их значительное пересечение.

Также модель психического включает в себя и понятие эмоционального интеллекта.

Не углубляясь в анализ тонкостей и разнообразия определений эмоционального интеллекта, укажем, что наиболее непротиворечивым является его определение, предложенное П. Сэловеем и Дж. Мейером, как способности, основанной на принципиальном единстве аффекта и интеллекта, позволяющей распознавать свои эмоциональные состояния и эмоциональные состояния Другого, обозначать их,

управлять ими, использовать их для усиления мыслительной деятельности (см.: Сергиенко, Ветрова, 2017).

Сравнивая понятия эмоционального и социального интеллекта, следует указать на их пересечения в области необходимости понимать и различать эмоциональные состояния для адекватного социального взаимодействия, но существуют и отличия. «Коммуникативный потенциал эмоционального интеллекта направлен преимущественно на продуцирование и осмысление собственных эмоциональных переживаний относительно ситуаций межличностного общения, тогда как возможности социального интеллекта ориентированы на коммуникативное взаимодействие.

Актуализация эмоционального интеллекта происходит в сфере эмоционального общения (эмоциональное отношение, эмоциональное воздействие), социального интеллекта – в сфере межличностного общения; для эмоционального интеллекта коммуникация является стимулом, для социального интеллекта – целевым предназначением» (Матвеева, 2008, с. 52).

При сравнении понятий модели психического, социального и эмоционального интеллекта, явно пересечение их концептуальных границ, однако модель психического является родовым понятием, ментальным механизмом, включающим способность распознавания собственных эмоций и эмоций Другого, других ментальных состояний: мыслей, намерений, желаний, убеждений, понимания их ситуативного социального значения, понимания разных точек зрения (перспективы), понимания неверных мнений, юмора, сарказма, иронии, небуквальных высказываний, что обеспечивает уровень развития эмоционального и социального интеллекта. Модель психического, концептуализируя внутренний мир человека (свой и Другого), лежит в основе социального познания и социализации человека, т. е. достижения им социальных знаний, умений и навыков.

Соотношение модели психического, чтения психического и метакогниций

П. Карузерс разводит понятия *понимание ментальных состояний других людей (mindreading)* и *метакогниции*, говоря о том, что приписывание ментальных состояний самому себе обычно называют метакогницией в отличие от mindreading, которое означает приписывание ментальных состояний другим людям для прогнозирования и объяснения причин их поведения, или «чтение психического» (Caruthers, 2009).

Он выделяет, по крайней мере, четыре возможных связи метакогниций и понимания ментальных состояний других людей.

Первое предположение состоит в том, что, возможно, метакогниция и понимание ментальных состояний других людей являются отдельными, независимыми друг от друга способностями, реализуемыми разными когнитивными механизмами. С. Николс и С. Стич (Nichols, Stich, 2003), одни из сторонников этого предположения, постулировали, что существуют механизмы, позволяющие распознавать ментальные состояния других людей по внешним проявлениям в поведении, включая желания и мнения, когда они отличаются от наших собственных. Они описывали некую систему гипотетических рассуждений, которая используется для построения модели репрезентации мира в таком виде, как его видит другой человек (модель содержит предположения о мыслях и его ментальных состояниях), а затем включаются собственные механизмы планирования и построения умозаключений, чтобы понять причины поведения человека или предсказать его дальнейшее поведение. Действительно, следует согласиться с тем, что этот этап не требует интроспекции или распознавания собственных ментальных состояний. По мнению авторов этой теории, большинство компонентов этой системы являются врожденными, но часть из них развивается в детстве.

Такого рода модель предполагает диссоциацию между метакогнитивными способностями и способностями к распознаванию ментальных состояний других людей. Если реализация этих способностей осуществляется двумя (или более) независимыми когнитивными механизмами, то, когда один из них поврежден, развитие данной способности должно нарушаться, в то время как развитие другой — оставаться в норме. Должны быть случаи, когда люди могут приписывать ментальные состояния другим, но с трудом приписывают их себе, а также случаи, когда люди, которые легко распознают собственные ментальные состояния, теряют способность приписывать такие состояния другим людям. С. Николс и С. Стич (Nichols, Stich, 2003) утверждают, что люди с шизофренией соответствуют первому профилю, тогда как люди с расстройством аутистического спектра подходят ко второму.

Второе предположение о соотношении метакогнитивных способностей и способностей к распознаванию ментальных состояний других людей состоит том, что существует только одна метарепрезентативная способность, но для оценки собственных ментальных состояний и ментальных состояний других людей используются разные режимы, или модели распознавания этих состояний. Такая точка

зрения поддерживается сторонниками модулярной теории и в работах Ю. Фрит и Ф. Аппе (Frith, Happé, 1999).

Эта теория имеет преимущество перед теорией двух независимых когнитивных механизмов в том, что объясняет тот факт, что знания о себе и знания о других имеют одни и те же понятийные ресурсы, т. е., по сути, «базовые знания» о ментальных состояниях составляют одну метарепрезентационную область знаний, куда стекаются как знания о ментальных состояниях других людей (косвенно, через восприятие) и знания о собственных ментальных состояниях (посредством рефлексии). Торетическое предположение о существовании единого когнитивного механизма предполагает отличную от теории «двух независимых механизмов» возможность диссоциации между способностями распознавать и приписывать ментальные состояния себе и другим людям.

Как и в соответствии с первой теорией, предполагается существование случаев, когда нарушена способность распознавать и приписывать ментальные состояния себе (потому что имеются нарушения именно рефлексии), тогда как знания о ментальных состояниях других людей, способность их распознавать и приписывать остается нетронутой (поскольку сама метарепрезентационная область знаний не затронута). Также предполагается, что может быть нарушено как понимание собственных ментальных состояний, так и понимание ментальных состояний других людей вследствие нарушения общего когнитивного механизма. Ю. Фрит и Ф. Аппе придерживались точки зрения, что при аутизме как раз нарушена метарепрезентативная способность, что не позволяет людям с расстройствами аутистического спектра приписывать ментальные состояния себе и другим (Frith, Happé, 1999). Но не должно быть случаев, когда понимание ментальных состояний других людей нарушено, в то время как понимание собственных ментальных состояний остается нетронутым.

Третья точка зрения на соотношение метакогнитивных способностей и способностей к распознаванию ментальных состояний других людей состоит в том, что метапознание является первичным (предшествует) по отношению к пониманию ментальных состояний других людей и приписывание ментальных состояний другим людям зависит от способности распознавать наши собственные ментальные состояния, делать умозаключения на основе этих знаний и строить предположения относительно них. А. Голдман (Goldman, 1993) — один из тех, кто придерживается этой точки зрения. Он предполагал, что человек мысленно встает на место Другого, рассуждает относительно собственных ментальных состояний и поведения

с точки зрения Другого (отсюда моделирование процессов рассуждений Другого), потом анализирует возникающие у него ментальные состояния с позиции другого, чтобы приписать их ему.

Как и во втором типе теорий, так и в теориях, где утверждается первичность метапознания, предполагается, что существуют случаи, когда повреждены и способность к пониманию собственных ментальных состояний, и способность к пониманию ментальных состояний других людей. Но в отличие от теорий с единым когнитивным механизмом теории первичности метапознания утверждают, что существуют случаи, когда нарушенным оказывается только способность понимать ментальные состояния других людей, в то время как способность к метапознанию остается сохранной. Это может происходить из-за нарушений в развитии способностей к имитации, необходимых для эффективного понимания ментальных состояний других людей. А. Голдман (Goldman, 1993) вслед за С. Николсом и С. Стичем (Nichols, Stich, 2003) предполагает, что такое нарушение происходит при расстройствах аутистического спектра.

Четвертый взгляд на соотношение метакогнитивных способностей и способностей к распознаванию ментальных состояний других людей состоит в утверждении, что метапознание — это результат перенаправления наших способностей к пониманию ментальных состояний других людей на себя (Carruthers 2006; Gazzaniga, 1995; Gopnik, 1995). Эта точка зрения не предполагает диссоциаций между метапознанием и пониманием ментальных состояний других людей. Существует только одна способность, которая необходима для распознавания и приписывания ментальных состояний себе, так же как и другим людям, которая использует одни и те же исходные данные, являющиеся перцептивными или квазиперцептивными по своему характеру (включая визуальные образы и внутреннюю речь). Согласно этой точке зрения, человек может приписать себе ментальное состояние, не соответствующее реальности, манипулируя воспринимаемой ситуацией и неверно интерпретируя собственное поведение (точно так же, как он может заблуждаться, неверно интерпретируя поведение Другого). Не может быть осознания собственных пропозициональных установок самого по себе, без опоры на воспринимаемые доступные сигналы (поведенческие, ситуативные), которые и составляют основу самопонимания.

Таким образом, вопрос о соотношении метакогниций и модели психического остается дискуссионным. Однако необходимо подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, метакогнитивная способность необходима, но не достаточна для понимания своего психического

и психического других людей. Тот факт, что дети 3—4 лет отождествляют свое понимание намерений, мыслей и чувств с их пониманием другим человеком, означает, что понимание модели психического строится на эгоцентрической системе отсчета метарепрезентативного опыта взаимодействия с социальными объектами и именно поэтому возможность понимания точки зрения Другого сопряжена с развитием более высокого уровня развития внутренних метамоделей. Это требует усложнения метакогнитивных моделей.

Соотношение понятия модели психического и ментализации

Термин «ментализация» (mentalizing) широко используется в психиатрии и психотерапевтической практике. А. Бейтман и П. Фонеги (Bateman, Fonagy, 2010) определяют данное понятие следующим образом: ментализация — это процесс, посредством которого происходит понимание друг друга и себя, неявно и явно, в терминах субъективных состояний и психических процессов. Это глубоко социальная конструкция в том смысле, что мы внимательно относимся к психическим состояниям тех, с кем мы имеем дело физически или психологически. Как видно из определения, ментализация фактически тождественна понятию модели психического. Этот термин был введен П. Фонеги в 1989 г. при обсуждении психотерапевтических методов и подходов. Ментализация является сознательным процессом, в котором сознательно анализируются причины действий — особенно, когда человек озадачен: «Почему она это сказала?». Чаще всего, однако, нет времени явно ментализовать при взаимодействии с Другими. Ментализация осуществляется неявно, спонтанно и интуитивно. Например, если друг расскажет вам о большом разочаровании, вы автоматически примете выражение, сочетающее печаль и заботу, наклонившись вперед, чтобы достичь эмоционального контакта. Таким образом, естественное сочувствие, которое у вас есть для других, основано на вашей способности к ментализации. Также в любом диалоге вы будете учитывать перспективу другого человека и соблюдать очередность высказываний, не задумываясь об этом. Нарушение этих правил коммуникации (например, упоминание людей, которых собеседник не знает) ведет к разрушению общения или существенной потере его эффективности.

Большинство психических расстройств связано с некоторыми трудностями ментализации. В то время как теория ментализации применяется к ряду расстройств (например, посттравматическое стрессовое расстройство, расстройства питания и депрессия), в ряде контекстов (например, стационарные и амбулаторные учреж-

дения) и в разных группах пациентов (например, подростки, семьи, наркоманы), метод лечения наиболее четко организован как терапия для пациентов с пограничными личностными расстройствами. Пациенты с пограничными личностными расстройствами демонстрируют снижение способности к ментализации, что приводит к проблемам с эмоциональным регулированием и трудностями в управлении импульсивностью, особенно в контексте межличностных взаимодействий.

Теория ментализации коренится в теории привязанности Дж. Боулби и ее разработке современными психологами развития, которые учитывают фактор конституционной уязвимости. Имеются внушительные доказательства того, что пограничные пациенты имеют историю дезорганизованной привязанности, что приводит к проблемам саморегуляции. Самой важной причиной нарушения ментализации является психологическая травма, полученная в детстве, она подрывает способность мыслить о психических состояниях или способность давать повествовательные рассказы о своих прошлых отношениях. И конституциональная уязвимость, и нарушенная привязанность — оба этих фактора могут подорвать развитие социальных/когнитивных способностей, необходимых для ментализации. Это приводит к гиперчувствительной системе привязанности в межличностных контекстах и ослаблению развития способности представлять аффект и произвольно контролировать внимание.

В идеале ментализация, выраженная в нарративе, рассказывающем о событии и его причине, является творческим процессом: ментализуя, находят новые перспективы, видя себя и других с разных точек зрения. Таким образом, человек размышляет, когда задается, например, вопросом: «Я действительно раздражен. Что еще я могу чувствовать? Наверное, он обидел мои чувства». Дж. Холмс проницательно истолковал психотерапию как процесс «создания историй» и «истолкования». В процессе ментализации происходит переход от одной интерпретации истории к другой о себе и Других.

Метод ментализации протестирован в исследованиях и признан эффективным методом лечения пограничных личностных расстройств, одобрен специалистами в области психического здоровья. Цель данного метода состоит в достижении внимательности — состояния активного, открытого внимания к настоящему, наблюдения за своими мыслями и чувствами без оценки «хорошо» или «плохо». Это достижение обозначается как открытость сознания (mindfulness): внимание к текущему опыту без остановок на прошлом и предвосхищении будущего (Bateman, Fonagy, 2017).

Таким образом, термин «ментализация» фактически описывает способность модели психического, но фокусируется на процессах осознания и интерпретации и их значении для психотерапевтического процесса.

Модель психического и интеллектуальное развитие

Открытым остается вопрос о роли общих когнитивных способностей в развитии модели психического, в успешности понимания ситуаций социального воздействия и взаимодействия. Именно изучение связи общих когнитивных способностей, в частности психометрического интеллекта и понимания психического мира, становится важным для изучения природы модели психического в контексте развития ребенка. Вопрос о связи интеллектуального развития и способности к пониманию ментальности остается открытым.

В начале изучения модели психического, как правило, авторы не обнаруживали связи между результатами тестирования интеллекта и другими характеристиками испытуемых (Baron-Cohen, 2000). В более поздних работах была обнаружена связь хронологического возраста и понимания ментального мира: чем старше были испытуемые с расстройствами аутистического спектра, тем лучше они справлялись с заданиями (Baron-Cohen, 1991).

Другие исследователи показали взаимосвязь между успешностью выполнения тестов на модель психического и вербальным интеллектом (Leekam, Perner, 1991; Prior et al., 1990; Happé, 1994; Baron-Cohen, 2000). В то время как у типично развивающихся детей при достижении ими вербального ментального возраста, соответствующего 4 годам, вероятность успешного решения этих тестов составляет 50%, у детей с расстройствами аутистического спектра тот же результат достигается в возрасте 9 лет (Happé, 1994). Исходя из этих результатов, Ф. Аппе сделала вывод, что понимание внутренних ментальных состояний и развитие речи тесно взаимосвязаны. В последних зарубежных исследованиях обсуждается значение не общего уровня интеллекта как показателя успешности в решении задач на понимание психического, а только уровня вербального развития (Blijd-Hoogewys et al., 2008).

Наше исследование связи интеллектуального развития детей и их способности к пониманию ментального и физического мира показало наличие сопряженности уровня вербального интеллекта и уровня сформированности моделей ментального и физического мира у типично развивающихся детей и детей с расстройствами аутистического спектра (Сергиенко и др., 2009).

При анализе профилей интеллектуального развития детей, успешных и неуспешных в понимании ментального мира, было обнаружено, что вне зависимости от группы детей (с аутизмом или типично развивающиеся дошкольники) значимые различия выявлены именно в вербальных способностях. При типичном развитии в дошкольном возрасте успешное распознавание эмоций, понимание намерений, желаний других людей по их внешним проявлениям в поведении, понимание обмана и ложных убеждений связано с процессом социализации (с усвоением социальных норм и правил поведения, со способностью к самоинициации в проблемных ситуациях) в отличие от детей, неуспешных в решении задач на понимание ментального мира. В свою очередь, предикторами развития понимания ментального и физического мира для детей с расстройствами аутистического спектра стали не только способность к усвоению социальных норм и правил, к пониманию социальных отношений, что было ожидаемо, но и уровень обобщения, способность к децентрации при решении математических задач (Сергиенко и др., 2009).

В другом нашем исследовании взаимосвязи развития модели психического и понимания социальных воздействий и взаимодействий (на примере телевизионной рекламы) было показано, что роль психометрического интеллекта как общего показателя, так и показателей отдельных когнитивных способностей в развитии модели психического и понимании социальных воздействий изменяется с возрастом (Лебедева, Таланова, Сергиенко, 2012). В 3—4 года уровень развития когнитивных способностей (средний и выше) играет решающую роль в развитии понимания психического, о чем свидетельствуют многочисленные корреляционные связи между показателями отдельных субтестов теста интеллекта Векслера и аспектами модели психического. Это предполагает, что интеллект играет решающую роль в развитии способности понимания ментального мира. Модель психического в данном возрасте еще недостаточно сформирована и носит ситуативно зависимый характер, когда понимание причин поведения других людей опирается на представления о последствиях собственного поведения. Когнитивное развитие (показатели психометрического интеллекта) обладает высоким «весом» в общей способности детей к познанию и пониманию окружения, что подтверждается не только многочисленными связями интеллектуальных способностей и моделью психического и физического мира, но и типом ментальных моделей — ситуативно-зависимым, предполагающим включение многих составляющих окружения в процесс понимания (Сергиенко и др., 2009).

Подтверждают эти данные результаты нашего исследования роли психометрического интеллекта и понимания ментального мира в коммуникативной успешности у детей дошкольного возраста, которые показали достоверную взаимосвязь только в группе четырех лет: понимание ложных убеждений других людей значимо связано с показателями интеллекта ($r=0,54$ при $p=0,02$). При сравнении групп четырехлетних участников, успешных и неуспешных в понимании ложных убеждений других людей, были обнаружены значимые различия в уровне интеллектуального развития ($T=17$ при $p=0,02$) (Уланова, 2015).

Уменьшение взаимосвязей между показателями психометрического интеллекта и моделью психического в 5–6 лет свидетельствует о том, что в этом возрасте интеллект утрачивает ведущую роль в реализации способности понимать психический мир и социальные воздействия. Ментальные модели понимания физического и ментального мира в данном возрасте становятся ситуативно-независимыми; это означает, что для понимания окружения достаточно значительно меньшего «веса» когнитивных составляющих, они становятся латентной основой на этом уровне организации ментальных моделей (Сергиенко и др., 2009). Подтверждением этого предположения служат не только наши данные о значительном уменьшении связей между психометрическими показателями интеллекта и задачами на модель психического, успешностью понимания рекламы, но и отсутствие линейной связи между успешностью решения задач на понимание неверных мнений и уровнем психометрического интеллекта в возрастном диапазоне 8–11 лет (Rajkumar et al., 2008).

Также в данном исследовании было показано, что предикторами понимания рекламы является как психометрический интеллект (его отдельные составляющие), так и модель психического (включая понимание ситуаций социальных взаимодействий). При этом влияние уровня развития модели психического на понимание рекламы не прямое, оно опосредуется отдельными интеллектуальными способностями (Сергиенко и др., 2013).

В исследовании взаимосвязи модели психического, коммуникативной успешности и интеллектуального развития нами были получены несколько другие данные. Влияние уровня развития интеллекта на успешность детей в коммуникации не прямое, а опосредовано уровнем развития понимания ментального мира: для понимания детьми сообщений других людей и способности самому пересказать событие Другому так, чтобы тот понял, оказывается значимым не только уровень развития модели психического (понимание отли-

чия собственных ментальных состояний от ментальных состояний других людей), но и уровень развития психометрического интеллекта.

Различия в результатах этих двух исследований, возможно, объясняются тем, что для развития коммуникативных способностей детей, оцениваемых по успешности передачи информации о ментальных и физических событиях и понимании этой информации по пересказу партнера, в первую очередь, имеет значение уровень развития модели психического: необходимо отделять свое психическое от психического Другого, т.е. понимать, что Другой может не знать о событиях того, что знает ребенок при передаче ему информации, или учитывать коммуникативные намерения Другого при понимании описания событий. Интеллектуальные способности, в свою очередь, определяют успешность передачи и понимания информации только через призму развития модели психического. Косвенным доказательством этого предположения могут служить результаты исследований с участием людей с расстройствами аутистического спектра, как группы, характеризующейся дефицитарностью развития модели психического — только те, у кого развитие модели психического достигало определенного уровня, могли понять коммуникативные намерения говорящего в ситуации понимания неправдивой информации (Happé, 1994).

В то время как для понимания социальных воздействий и взаимодействий на примере рекламных сообщений, скорее всего, именно интеллектуальное развитие является своеобразным «фильтром» способности понимать ментальные состояния других людей (цели, сюжеты рекламы, взаимодействия героев). Предположительно, сама ситуация понимания социальных взаимодействий героев рекламных сюжетов, самого сюжета является в большей степени задачей, которая требует достижения определенного уровня интеллектуального развития, понимание и передача информации в процессе общения требует, в первую очередь, способности понимания ментальных состояний партнера, что обеспечивается определенным уровнем развития модели психического.

Результаты всех вышеописанных исследований демонстрируют одну закономерность: для эффективного развития способности приписывать независимые ментальные состояния себе и другим, прогнозировать и интерпретировать поведение других людей интеллект является необходимым, но недостаточным, что подтверждают исследования с участием людей с расстройством аутистического спектра (Berger et al., 1993; Blijd-Hoogewys et al., 2008; Happé, 1994; Yirmiya et al., 1998).

Модель психического при нарушениях в развитии

Изучение особенностей модели психического при атипичном развитии и различных заболеваниях занимает едва ли не самую большую область исследований. Большая часть исследований выполнена с участием людей с расстройствами аутистического спектра, поскольку эта группа изначально характеризуется дефицитом развития модели психического.

К настоящему времени основу диагностики аутизма составляют три ключевых признака, описанных Л. Винг (см.: Аппе, 2006) и отраженных в диагностических критериях МКБ-10 (Чуркин, Мартюшов, 2000) и DSM-5 (American Psychiatric..., 2013): качественное ухудшение в сфере социального взаимодействия, в сфере вербальной и невербальной коммуникации, в сфере воображения, а также крайне ограниченный репертуар видов активности и интересов.

Впервые о дефиците модели психического при аутизме писали С. Барон-Коен, А. Лешли и Ю. Фритт в 1985 г. в работе «Имеют ли аутисты модель психического?» (Baron-Cohen et al., 1985), экспериментально показав неуспешность детей с аутизмом в понимании неверных мнений с помощью «Салли–Энн теста».

С этого момента и по сегодняшний день теория дефицита модели психического у людей с расстройствами аутистического спектра развивалась очень бурно. Многочисленные эксперименты наглядно продемонстрировали, что большинство детей с аутизмом несостоятельны в понимании желаний, намерений, мнений и других ментальных состояний (Baron-Cohen, 2000). Кроме того, клинические наблюдения за людьми с аутизмом в возрасте от 10 до 25 лет позволили выделить (Howlin и др., 1999) последствия дефицитарного развития модели психического при данном заболевании:

- 1) непонимание чувств и эмоциональных переживаний другого;
- 2) невозможность учитывать то, что знает другой;
- 3) невозможность устанавливать дружеские связи;
- 4) невозможность учитывать уровень интересов слушающего;
- 5) невозможность определять намерения говорящего;
- 6) невозможность понимать недоразумения;
- 7) невозможность понимать обман и обманывать;
- 8) непонимание связи между действиями других людей;
- 9) непонимание «неписанных» правил.

В сравнительных исследованиях дефицитарности модели психического при расстройствах аутистического спектра было показано,

что дети с аутизмом по сравнению с типично развивающимися детьми испытывают трудности не только в понимании неверных мнений и обмана как ключевых аспектов модели психического, но и имеют нарушения в развитии способностей, предшествующих развитию модели психического: имитации, совместного внимания, распознавания эмоций и понимания их причин, понимания намерений и желаний и *мн. др.* (Baron-Cohen, 2000). Эти данные наводят на мысль о том, что, скорее всего, нарушения в развитии понимания ментального мира при аутизме являются врожденными.

Было высказано несколько теоретических предположений, подкрепленных экспериментальными данными о причинах дефицита развития модели психического у людей с расстройствами аутистического спектра.

С. Барон-Коен, ведущий исследователь в этой области, предложил блоковую нейрокогнитивную модель для объяснения дефицита модели психического при аутизме (Baron-Cohen, 1995). По его мнению, имеющиеся факты указывают на то, что при аутизме оказывается нарушенным механизм совместного внимания, дефицит зрительного совместного внимания является следствием более глубокого нарушения механизма общего внимания и влечет за собой нарушения в развитии модели психического: триадичные представления (Я—Другой—Объект) не могут быть построены в какой-либо модальности. Дефицитарность механизма совместного внимания не приводит к развитию следующего модуля, и все аспекты механизма модели психического оказываются нарушенными (Baron-Cohen, 1995).

Исследователи дефицита модели психического при аутизме задавались вопросом о том, являются ли трудности аутичных детей при понимании психических состояний просто частью общих проблем понимания репрезентаций? А. Лешли рассматривает метарепрезентации как специфические (из 4 частей) отношения между агентом и его пропозициональными установками в репрезентации некоторых аспектов мира (Leslie, 1994). Его гипотеза состоит в том, что аутичные дети имеют трудности с представлением психических репрезентаций других людей, т. е. мыслей или психических состояний. Однако могут ли дети с аутизмом представлять другие типы репрезентаций?

Существует много типов непсихических репрезентаций, например, такие социально используемые репрезентации, как картины, фото или *др.* В одном исследовании (Zaitchik, 1990) сравнивали понимание неверных мнений и понимание фотографий, на которых изображено неактуальное состояние реальности. В этих задачах ребен-

ку показывали, как работает полароидная камера, и просили сделать фотографию игрушечной кошки, сидящей на стуле. Экспериментатор клал эту фотографию на стол изображением вниз, чтобы ребенок не увидел картинку. В это время игрушка перекладывалась со стула на кровать. Ребенку задавали вопрос: «Где сидит кошка на фотографии?» и контрольные вопросы о первоначальном и настоящем местонахождении кошки. Эта задача формально имеет дизайн стандартных задач на неверное мнение, но вместо Салли, имеющей неверное мнение о местонахождении ее шарика, здесь репрезентация была выражена не мнением, а изображением (фотографией).

Результаты показали: в то время как 70% типично развивающихся 4-летних детей справились с задачей, в группе детей с аутизмом все дети поняли, что на фотографии неактуальная сцена. Это успех очень контрастирует с выполнением этими же детьми теста «Салли—Энн»: только 23% из группы детей с аутизмом (средний возраст — 12 лет, средний ментальный вербальный возраст — 6 лет) поняли, что мнение Салли сейчас уже неверно. В отличие от них, 4-летние типично развивающиеся дети имели небольшие трудности с этой задачей (более 70% детей успешно справились с этой задачей). Другими словами, непсихические репрезентации, такие как фотографии, не вызывают проблем у детей с аутизмом.

Другое объяснение причин дефицита модели психического при аутизме состоит в предположении о первичной дисфункции регуляторных способностей или нарушении функции программирования и контроля (исполнительной функции — *executive function*), следствием которой и является неспособность детей с аутизмом дать правильный ответ в задачах на понимание неверных мнений (Ozonoff et al., 1991; Ozonoff, McEvoy, 1994; Ozonoff, 1997). Функцию программирования и контроля исследователи, придерживающиеся этой гипотезы, определяли как включающую разнообразные тесно связанные, но в принципе различные психические операции, такие как планирование, работа с информацией, хранящейся в кратковременной памяти, поддержание одного ряда представлений и переключение с одного ряда на другой, а также подавление определенных реакций.

Первоначально было установлено, что ослабление функции программирования и контроля при аутизме может обуславливать низкие результаты аутистов при выполнении заданий, требующих способности представлять себе переживания другого, и, таким образом, нарушение функции программирования и контроля может лежать в основе выраженной социальной дезадаптации, характеризующей аутизм (Ozonoff et al., 1991; Ozonoff, McEvoy 1994).

Более современные исследования переориентированы на выяснение того, в чем конкретно заключается ослабление функции программирования и контроля при аутизме, поскольку этот конструкт носит слишком глобальный и малодифференцированный характер, так что тесты, которые использовались для его оценки, на самом деле измеряют самые различные способности. Стандартные клинические способы тестирования часто не позволяют выявить повреждение каких-либо функций, участвующих в осуществлении программирования и контроля (и, видимо, связанных с различными нейрональными структурами) и наиболее тесно коррелирующих с поведенческими проявлениями аутизма (Joseph, 1999).

Кроме того, обнаружение ослабления программирования и контроля при самых различных заболеваниях поставило под сомнение предположение о том, что нарушение этой способности может играть какую-то особую роль в аутистической симптоматике. Появилась гипотеза о том, что нарушение функции программирования и контроля — это неспецифический показатель, общий для многих нейропатологических состояний, включая задержку психического развития, которая возникает у большинства аутистов и не является причиной нарушения социального поведения и неспособности приписывать ментальные состояния другим людям (Ozonoff, 1997; Pennington, Ozonoff, 1996).

У людей с шизофренией также наблюдаются нарушения модели психического, хотя и не такие тотальные, как у людей с расстройствами аутистического спектра. Ю. Фрит предполагает, что само наличие психотической симптоматики при аутизме является следствием дефицитарности модели психического: нарушения формального мышления, такие как некогерентность, бессвязность и т. п. могут возникнуть из-за неспособности учитывать психическое состояние собеседника. Человек с неупорядоченностью мыслей может ошибочно приписать собственные ментальные состояния собеседнику и заключить, что собеседник знает то же, что и он сам, испытывает те же ментальные состояния. Ю. Фрит (Frith, 1992) поэтому утверждала, что нарушение модели психического при шизофрении может объяснять расстройства «волевого» поведения, т. е. негативные симптомы; нарушения самоконтроля, например, иллюзия внешнего контроля над поведением и галлюцинации; и нарушения распознавания и атрибуции ментальных состояний других людей, включая манию преследования.

В отличие от Ю. Фрит М. Харди-Бэйл (см.: Joseph, 1999) утверждал, что причиной дефицита модели психического при шизофрении явля-

ется ослабление функции программирования и контроля, и что такие проблемы могут быть в большей степени характерны для людей с шизофренией с дезорганизацией мышления и речи.

Эмпирические исследования особенностей модели психического при шизофрении показали, что те, у кого преобладает негативная симптоматика или дезорганизация мышления, речи, поведения, по-видимому, хуже справляются с выполнением задач на модель психического, тогда как исследования людей с шизофренией с позитивной симптоматикой (паранойя) имеют противоречивые результаты (Langdon et al., 1997). Однако неясно, насколько дефицит модели психического при шизофрении приводит к нарушениям социального взаимодействия (Brune, 2005). В реальном взаимодействии, в ходе обычного общения, пациенты с шизофренией в ремиссии демонстрируют нормативное понимание ментальных состояний собеседника (McCabe et al., 2004). Этот факт поднимает проблему возможных различий между способностью приписывать независимые ментальные состояния себе и партнеру по коммуникации в естественных ситуациях и способностью решать «лабораторные» задачи на модель психического.

Большое место в исследованиях модели психического уделяется нейрональным механизмам. Если в 2000 г. было всего 4 исследования нейрональных механизмов с помощью fMRI, то сейчас их более 400. Доказательства специфичности когнитивной и эмоциональной субсистем модели психического получены при изучении эмпатии с помощью fMRI. А. Перри и С. Шама-Тзури (Perry, Shamay-Tsoory, 2013) разделили эмпатию на когнитивную и эмоциональную, выделив специфику мозговой активности: активность верхней фронтальной борозды — центральная для эмоциональной эмпатии, и нижнего цингулярного кортекса — для когнитивной. Обе части тесно взаимосвязаны с амигдалой. Эти регионы перекрываются и имеют специфику при расстройствах аутистического характера, шизофрении и психопатии. Они не работают изолированно, а только как части единой системы. Исследования нейрональных механизмов эмпатии, несмотря на отличия парадигм, используемых в работах, указывают на одни и те же регионы мозга.

Исследование неврологических нарушений обнаружило, что пациент с поражением правого латерального префронтального кортекса в результате кровоизлияния не способен определить собственную перспективу. Второй пациент с нарушением левого полушария в результате кровоизлияния демонстрировал неспособность к грамматике, но мог решать задачи на неверное мнение. Третий пациент

с семантической деменцией при атрофии левого темпорального поля не понимал слов о ментальных состояниях, но не испытывал трудностей в понимании Других в невербальных тестах (Blair, White, 2013).

Обобщение исследований на глухих детях слышащих родителей в сравнении с глухими, рожденными глухими родителями, показало, что развитие модели психического у них не нарушено, но у глухих детей слышащих родителей отстает развитие речи и, как следствие, отстает развитие модели психического (Pyer, deVilliers, 2013). Данные ясно иллюстрируют роль речи в развитии модели психического.

Исследования психопатий в рамках модели психического обнаружили, что все клинические группы, имеющие ключевой критерий психопатии, — антисоциальные расстройства, сопровождаются дефицитом эмоциональной эмпатии, но сохранной и развитой когнитивной эмпатией и моделью психического. Эти люди манипулируют жертвой и мучают ее, зная, что жертва думает, чувствует, но не испытывают никакого эмоционального отклика при страданиях других людей. Авторы указывают на ключевую роль амигдалы и префронтальной коры в этом процессе, которые отвечают за негативные эмоции: страх, злость, отчаяние. По всей видимости, амигдала играет роль в понимании морали, связывая представление о насилии по отношению к жертве со страхом и другими негативными эмоциями (Blair, White, 2013).

Работы, выполненные на пациентах с различными заболеваниями, вносят существенный вклад в понимание содержания понятия модели психического и ее механизмов.

Модель психического и коммуникация

Одним из источников развития подхода «модель психического» стало изучение развития языка и речи в соотношении с метакогнитивным развитием. Данная область исследований, включающая исследование понимания ментальных слов детьми, их представлений о нарративах, которые важны для понимания историй, эмоций, возникающих у героев и мотивов их поведения, связь с общим развитием речи и ее отдельными показателями, языковым опытом, приобретаемым в семье, и другие вопросы, лежащие в рамках психолингвистики. На текущем этапе существуют различия во взглядах исследователей на взаимообусловленность сознания и языка, что тем не менее создает фундаментальную основу для решения вопросов эффективной коммуникации (Черниговская, 2010; Breheny, 2006; Meltzoff, 1999).

Одна из причин, по которой язык является важным для становления модели психического, состоит в том, что ментальные состояния не доступны для наблюдения. Мы можем показать движения, когда хотим объяснить такие слова, как «бежать», «сидеть», «прыгать», сопоставляя при этом то, что видим и слышим, но не можем наблюдать мысли или желания. Язык — это один из основных способов передачи информации о ментальных состояниях (Gleitman, 1990). Такая информация естественным образом воспринимается и усваивается ребенком через грамматику и семантику языка (будучи включенной в различные типы предложений) или через его прагматическую функцию (когда родители строят объяснительные конструкции с использованием ментальных глаголов).

Большинство работ, посвященных взаимообусловленности развития модели психического и языка проведены на англоговорящих детях (Miller, 2006). Однако в настоящее время количество кросс-культурных исследований с участием детей, говорящих на разных языках, стремительно растет (Baron-Cohen et al., 2013).

Существенное количество исследований посвящено попыткам оценить воздействие, которое оказывает на развитие модели психического опыт участия в разговорах и обсуждениях ментальных состояний (mental state talk). Так, в исследовании Т. Руффман с соавт. показано, что склонность матерей к объяснению и обсуждению различных психических состояний предсказывает более высокие показатели модели психического у их детей в будущем (Ruffman et al., 2002). Направленность этой связи позволяет оценить полученный в этом же исследовании результат: уровень модели психического, измеренный на раннем этапе, не связан впоследствии с тем, что матери активны в разговорах о ментальных состояниях. Аналогичный результат был получен в другом исследовании: сопряженность была обнаружена между моделью психического в 40 месяцев и включенностью ребенка в семейные разговоры и обсуждения причин событий и чувств, а также общую игру с сиблингами в возрасте 33 месяцев (Dunn et al., 1991). Множество исследований показывают, что показатели модели психического выше у детей, имеющих братьев и сестер, что объясняется авторами наличием у таких детей большего опыта взаимодействия, повышенной необходимостью обращаться к мыслям и чувствам Другого, выстраивать диалог (напр.: Jenkins, Astington, 1996; Peterson, 2000).

Исследования, проведенные с детьми, имеющими нарушения слуха, также подтверждают предположение о влиянии характера общения внутри семьи на развитие модели психического. В рабо-

те Т. Вулф, С. Вонт и М. Сигал было показано, что глухие дети, выучившие язык жестов только в школьном возрасте, демонстрируют более низкие показатели модели психического, чем дети, освоившие его в раннем возрасте. Авторы утверждают, что такие дети не имеют достаточно раннего дискурсивного опыта по сравнению со слышащими детьми слышащих родителей или глухими детьми глухих родителей (Woolfe et al., 2002). При сравнении глухих детей в возрасте 6–12 лет из семей с глухими и слышащими родителями было обнаружено отставание в понимании ложных убеждений детьми в случае, когда родители не имели нарушений слуха и были вынуждены поспешно осваивать жестовый язык. Несмотря на усилия слышащих родителей, они не могли создать для своих детей такую же продуктивную коммуникативную среду для совершенствования социального познания по сравнению с глухими родителями, владеющими жестовой коммуникацией в совершенстве (Wellman, Peterson, 2013).

Ряд исследователей отмечает, что такой предиктор развития модели психического, как совместное внимание, также играет большую роль в координации речевого и метакогнитивного развития (например: Sigman et al., 1999). В частности, способность к ответу на внимание взрослого демонстрирует связь с развитием словаря ребенка не только при типичном развитии, но и при аутизме, синдроме Дауна и задержках развития (Carpenter et al., 1998; Morales et al., 2000). По мнению ряда авторов, нарушение способности к установлению совместного внимания, характерное для аутизма, самым критическим образом сказывается на способности к установлению контактов (Bruisma et al., 2004). Некоторые авторы отмечают, что язык играет опосредующую роль между развитием способности к совместному вниманию и моделью психического, так как выполняет номинативную функцию в общении, позволяя ребенку осваивать названия и значения окружающих предметов и явлений (Charman et al., 2000).

Изучение отдельных показателей речевого развития в соотношении с развитием понимания психического мира позволило выделить области лингвистики, наиболее значимые для становления социального познания. Исследования, проведенные Эстингтон и Дженкинс, продемонстрировали, что синтаксические показатели речи лучше предсказывают высокий уровень модели психического по сравнению с семантикой (Astington, Jenkins, 1999). Однако обратная зависимость не наблюдается: высокие показатели модели психического в раннем возрасте не связаны с показателями развития речи (как ее

восприятия, так и выражения) в дальнейшем. М. Фаррер и Л. Маг показали, что словарный запас и общий показатель теста речевого развития (Test of Early Language Development) также предсказывают развитие модели психического в 4 года, измеренного с использованием разных методик (Farrar, Maag, 2002). В целом, несмотря на выделение различных областей речевого развития (в основном синтаксиса, семантики), большинство авторов сходится во мнении, что речь является более надежным предиктором для развития модели психического, чем модель психического — для речи.

С самого начала развития подхода «модели психического» исследователи задавались вопросом, является ли использование детьми терминов, обозначающих ментальные состояния (mental states terms), свидетельством их понимания этих состояний. В 1983 г. М. Шатц с соавт. исследовали использование ментальных понятий маленькими детьми и показали, что такие понятия, как «знать», «думать», «забыть» и др., впервые появляются в речи детей между 2 годами и 4 месяцами и 2 годами и 8 месяцами (Shatz et al., 1983). При этом авторы отмечают, что в таком возрасте эти слова не несут истинного смысла, а скорее исполняют роль модератора общения. Вероятно, что слова, обозначающие желание, самыми первыми начинают использоваться для выражения реального ментального содержания. Хотя мнения исследователей о возрасте проявления данного явления разнятся, но большинство указывают на то, что такие слова, как «хотеть» и «нуждаться», свободно и правильно используются детьми на третьем году жизни (Bartch, Wellman, 1995; Shatz et al., 1983). Кроме того, важным свидетельством является связь между пониманием значения слов «знать» и «думать» с показателями понимания ложных убеждений, выявленная на выборке детей 4 лет (Moore et al., 1990). Этот результат поставил новые вопросы в использовании традиционных методов изучения модели психического (задач на понимание ложных убеждений), основанных во многом на вербальных отчетах детей.

В некоторых работах было высказано предположение, что, помимо понимания ментальных глаголов, необходимым для решения задач на ложные убеждения является понимание «дополнений» — структурных элементов, преобразующих смысл предложения (sentence complements) (de Villiers, Pyers, 2002). Так, в предложении «Салли думает, что мячик находится в корзине», все высказывание может отражать реальность, в то время как его отдельная составная часть («мячик находится в корзине») может не соответствовать действительности. Именно ментальные глаголы «думать», «верить», «предпола-

гать» и коммуникативные «говорить», «рассказать» меняют смысловое соотношение отдельных частей предложения. Пока дети не научатся разделять репрезентацию персонажа и реальность в речевых конструкциях, они не смогут давать верные ответы в задачах на понимание ложных убеждений (de Villiers, Pyers, 2002). Один из современных трендов исследований показывает, что при конструировании экспериментальной процедуры задачи на понимание ложных убеждений таким образом, что она не требует вербализации ответа, дети демонстрируют понимание в более раннем возрасте, чем было принято считать до того (Hale, Tager-Flusberg, 2003; Lohmann, Tomasello, 2003).

Кроме того, экспериментально показано, что тренинговые формы работы с детьми, включающие использование и анализ ментальных и коммуникативных глаголов, просмотр и обсуждение видеороликов о ложных убеждениях, чтение и разыгрывание подобных историй улучшают показатели понимания ложных убеждений в традиционных исследовательских задачах (Hale, Tager-Flusberg, 2003; Lohmann, Tomasello, 2003; Guajardo, Watson, 2002 и др.). Обучающие занятия, включающие прослушивание историй с использованием знакомых эпистемических глаголов, облегчают понимание эпистемических состояний (San Juan, Astington, 2017). Данная тенденция широко используется практиками в коррекционной работе с детьми.

Нарративный метод исследования, как один из способов оценки языковых способностей детей, является востребованным в изучении вопросов когнитивного и социального познания, в частности в рамках подхода «модель психического» (Britton, Pellegrini, 2014). В качестве основного средства познания и общения нарратив представляет собой не только важный коммуникативный инструмент, но и механизм для понимания чувств и отношений. Ряд исследований демонстрируют трудности в создании повествований у детей с различными нарушениями развития (Bruner, Feldman, 1993; Capps et al., 2000; Solomon, 2004; Baixauli et al., 2016; и др.). Отмечается, что разные характеристики нарративов, например использование и описание эмоциональных состояний, сопряжены с показателями модели психического (Siller et al., 2014). Данный метод исследования позволяет изучать не только взаимообусловленность модели психического и языка, но и вписать проблему понимания ментальных состояний в более широкий контекст социально-коммуникативного развития человека.

Многие авторы изучают связь становления модели психического и социальной компетентности — развития социокогнитивных навыков, необходимых для установления взаимоотношений со своим

окружением. Экспериментальные данные демонстрируют, что дети, лучше понимающие собственный ментальный мир и ментальный мир другого (особенно ложные убеждения), более успешны в социальных взаимоотношениях и, по мнению учителей, имеют высокие социальные навыки (Watson et al., 1999). Отмечается прогностическая сила данного конструкта: по результатам проведенных исследований, модель психического более эффективно предсказывает социальную компетентность дошкольников и уровень развития социально-когнитивных навыков по сравнению с классической системой оценивания, построенной на решении межличностных задач (Capage, Watson, 2001). Показана связь между популярностью у сверстников и общим показателем модели психического (Slaughter et al., 2015). Работы в данном направлении решают важные вопросы внедрения методов повышения социальных навыков в программы обучения и коррекции, используемые в дошкольных образовательных учреждениях.

Модель психического позволяет раскрыть ментальные механизмы понимания в межличностном взаимодействии, поскольку процесс общения основан на постоянном мониторинге и сравнении понимания психических состояний и событий агента и реципиента.

Наше исследование развития когнитивных механизмов коммуникации, способности понимания и передачи сообщений в отличие от деятельностного подхода, рассматривающего общение как вид коммуникативной деятельности (М. И. Лисина, Е. О. Смирнова, Л. И. Галигузова, А. Г. Рузская, Т. А. Репина), строилось на предположении об опосредованном развитии успешной коммуникации развитием модели психического (Уланова, Сергиенко, 2015). Учитывая взаимонаправленный характер общения, оценка коммуникативной успешности требует комплексного анализа данного процесса, где каждый из участников является активным субъектом и определяет ее результат. Данный подход дает возможность изучить взаимообусловленность в развитии когнитивной и коммуникативной функции субъектности, так как достижение взаимопонимания предполагает субъект-субъектные отношения с партнером.

В работе А. Ю. Улановой, выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, использовалось два блока методик: первый – на оценку развития модели психического (задача на понимание ложных убеждений; задача на понимание причин движения живых и неживых объектов; задачи на понимание ментальной и физической причинности событий; задача на понимание комического), второй – на оценку успешности коммуникации (методика «Выбор партнера», пересказ историй о ментальной и физической причинности одуше-

ленным и неодушевленным реципиентам) (подробнее см.: Уланова, 2015; Уланова, Сергиенко, 2015). В исследовании участвовали 50 детей 4 и 6 лет, каждый ребенок был в роли и агента, и реципиента. При анализе литературных источников нами не было обнаружено подобных исследований как в отечественной, так и в зарубежной психологии.

Основные результаты работы демонстрируют сопряженность между развитием модели психического и информативной успешностью сообщений при пересказе у детей дошкольного возраста. Однако взаимосвязи выражены неравномерно: наибольшая корреляция выявлена с задачей на понимание ложных убеждений. Способность к приписыванию независимых ментальных состояний другим людям, по-видимому, является более значимой в коммуникативном отношении, чем другие изучаемые компоненты модели психического. Возможность отличить опыт другого человека от своего собственного связана с передачей более информативных сообщений, ориентированных на партнера.

Анализ возрастной динамики показал, что в младшей возрастной группе модель психического играет большую роль в коммуникативной успешности. Теснота связи между отдельными аспектами знаний о психическом мире снижается с возрастом, и роль модели психического в становлении коммуникативной успешности меняется, становясь необходимым, но недостаточным когнитивным механизмом ее реализации у шестилетних детей.

Как показывают результаты исследования, для успешности восприятия информации реципиентом значение имеет и развитие его собственной модели психического, и модели психического агента. В первом случае возможность оценить ментальные характеристики и знания коммуникативного партнера сопряжена с успешностью понимания его сообщения. Во втором — высокий уровень модели психического агента обеспечивал лучшее распознавание его сообщений реципиентом и понимание ментальной причинности описываемых событий.

Отдельной задачей нашего исследования было сопоставление результатов в парах участников коммуникации для описания коммуникативной успешности детей. Корреляционный анализ показал сопряженность параметров, оценивающих информативность сообщений агента, и их понимание реципиентом. Информативность сообщений сопряжена с более полным пониманием событий слушателем. Связь достигает значимых значений при передаче содержания ментального события, а в случае физического события проявляется на уровне тенденции, что свидетельствует о более низком значении

информативности пересказа для понимания данного типа событий. Сравнение пересказов, в которых указывалась причинность и описание событий фактологически, но без указания причинности, показало, что реципиент понимал физические события, но при этом мог неверно интерпретировать их причины. Такой тип коммуникации был характерен для детей четырех лет. Шестилетние дети включали в описание объяснение причинности, контекст событий и дополнительные подробности, что облегчало понимание.

Примечательно, что показатели модели психического агента имеют более тесные связи с пониманием события реципиентом, чем с информативностью его пересказа. Это подтверждает наше предположение о том, что становление коммуникативной успешности (как в роли агента, так и реципиента) опосредовано развитием модели психического.

Использование уравнения, описывающего соотношение понимания агента и реципиента (по аналогии с экспериментом Ж. Пиаже: успешность коммуникации в идеале равна 1, что означает, что реципиент понял все, что передал агент), показало, что в ряде случаев реципиент может восполнить информацию, недостающую в описании, для интерпретации события. Данная тенденция, так же как и другие возможные ответы слушателя (например, несогласие с партнером), демонстрирует активный характер реципиента, субъектность которого имеет значение для коммуникации.

Все три показателя коммуникативной успешности: понимание ментальности партнера по коммуникации, успешность передачи сообщения и успешность восприятия сообщения — значимо взаимосвязаны с моделью психического. Следовательно, понимание информации слушателем (как результат коммуникативного события) обеспечивается не только способностью агента к передаче информационно полного сообщения, но и моделью психического обоих участников процесса (опосредованно через направленность на понимание сообщения говорящим и слушателем).

Коммуникативная функция субъекта реализуется в установлении взаимопонимания между участниками общения, психологическим механизмом которого становится развитие в дошкольном возрасте модели психического. Таким образом, способность субъектного отношения к Другому, наделению его ментальностью позволяет эффективно выбирать коммуникативные стратегии поведения и адаптировать сообщения к знаниям реципиента. Полученные нами результаты дают веские аргументы в пользу данного утверждения. Модель психического как когнитивный механизм социального

понимания опосредует различные коммуникативные способности субъектов — понимание ментальности партнера, способности к описанию и пониманию событий по пересказу другого.

Перспективы развития понятия

За последние сорок лет в зарубежной когнитивной психологии развития подход «модель психического» (Theory of Mind) стал высокопродуктивной областью.

Метакогнитивное развитие связано с парадигмой модели психического и даже пересекается с ней. Она направлена на изучение знаний детей о задачах, стратегиях и путях их решения (проблемах принятия решений), способностей детей отслеживать и контролировать собственные когнитивные процессы. В то время как метакогнитивное направление сосредоточено на содержании знаний второго порядка и анализе метакогнитивных достижений (например: управление вниманием, концептуализация восприятия, способы запоминания и мышления), направление «модель психического» отвечает на вопрос о концептуальном обеспечении метакогнитивных способностей. Дж. Флейвелл (Flavell, 2000) подчеркивает конвергенцию традиций двух этих областей когнитивного развития и предполагает их интеграцию.

Одним из истоков развития подхода «модель психического» являлись психолингвистические работы. Они включали изучение понимания детьми слов, относящихся к ментальным состояниям (думать, переживать, знать, хотеть и т. п.) и представлений детей о нарративах, которые играют существенную роль в понимании историй, эмоций, намерений, предсказаний поведения (Stein, Trabasso, 1982; Wellman, Johnson, 1979). Дж. Эстингтон и Дж. Бейрд (Astington, Baird, 2005) показали ведущую роль речи в развитии модели психического. Однако маловероятно, что связи между развитием речи и пониманием психического означают ограниченную релевантность вербальных задач, которые предъявляются детям: невербальные задачи так же бывают трудны для детей, как и вербальные. Скорее причина подобной связи состоит в том, что речь может усиливать развитие модели психического благодаря привлечению внимания детей к менталистским объяснениям. Язык становится главным источником информации о скрытой ментальной области для ребенка. Более того, постижение ментальных терминов играет важную роль в освоении концептов психического. Выдвигаются даже теории строгого лингвистического детерминизма, согласно которым понимание сложноподчиненных

предложений накладывается на ментальные структуры понимания неверного мнения. Однако в исследованиях Г. Логмана и М. Томаселло (Lohmann, Tomasello, 2003) сравнивалось влияние тренировок на понимание неверного мнения и тренировок в освоении синтаксиса. Данные указывают, что естественный дискурс (несогласие, непонимание, изменение перспективы) обеспечивает в большей степени развитие понимания неверного мнения, чем освоение синтаксических средств для атрибуции ментальных состояний.

Тем не менее, несмотря на рассогласование в исследованиях на пересечении психолингвистики и подхода «модель психического», ясно, что потенциал интеграции этих подходов имеет большие перспективы для понимания природы житейской психологии. Наиболее важной характеристикой модели психического стал концептуальный анализ житейского ментализма как репрезентативной теории сознания (Fodor, 1978). Наши интуитивные знания о психическом – это знания о психических отношениях между индивидами и миром (или знания репрезентативных индивидуумов о мире), но не первого порядка. Дистанция между знаниями первого и второго порядка имеет принципиальное значение.

Идея о том, что атрибуции ментальных состояний играют роль причинного объяснения интуитивной житейской психологии поведения, раскрывает новый ракурс в изучении внутреннего мира человека. При этом проблема сознания, становление рефлексии, понимания себя и Другого интегрируется в рамках одной парадигмы. Поиск ответов на вопросы, когда и как возникает способность понимать себя и других людей, привел к мощному импульсу сравнительных исследований человека и разного вида животных, исследованиям филогенетических корней становления сознания, в котором функция понимания играет для субъекта ключевую роль.

Совершенно не случайно бурное развитие становления модели психического в онтогенезе человека было вызвано работами приматологов (Premack, Woodruff, 1978). Необходимо было изучение становления данной способности у человека, ее условий, предикторов, отличий от ее становления у обезьян. Сначала исследования концентрировались на изучении детей дошкольного возраста. В последние годы вопрос о происхождении модели психического, поиск предикторов понимания ментальной психологии стал решаться достаточно интенсивно. Младенческие исследования обрели черты плодотворной и чрезвычайно продуктивной области. Если в предыдущие десятилетия был накоплен значительный арсенал экспериментальных доказательств адекватного познания окружающего мира младенца-

ми с самых первых дней жизни (и пренатально), то в настоящее время к работам классического направления когнитивного развития добавляется все больше работ, посвященных предикторам понимания мира людей, их ментальных состояний, предсказаниям их поведения. Расширение и углубление исследований непрерывности в становлении модели психического, происхождения механизмов понимания себя и другого в раннем онтогенезе человека — одна из важнейших перспектив данного направления.

Малоизученной остается житейская психология взрослых и пожилых людей. Работа С. Салливан и Т. Руффман (Sullivan, Ruffman, 2004) показала дефицит выполнения задач на понимание психического, включая задачи на эмоциональное распознавание у пожилых людей. В нескольких работах была обнаружена связь компетентности в задачах на понимание психического у взрослых испытуемых и задач на сортировку, которые традиционно рассматриваются как показатели контроля исполнительных функций. При этом у пожилых людей (старше 75 лет) решение и тех, и других задач указывало на дефицит этих способностей при сохранности памяти, словаря и скорости информационных процессов (Sodian, 2005). Наши работы также продемонстрировали селективное изменение модели психического, особенно у людей старческого возраста (75–90 лет) (Сергиенко, Мелехин, 2016).

Еще одна перспектива модели психического — изучение связи способности понимания себя и других, контроля собственного поведения и контроля ситуаций социальных взаимодействий. Дж. Рассел (Russell, 1997) утверждает, что контроль действий и способность к волевым действиям являются необходимыми звеньями развития начальных форм самосознания, которые необходимы для формирования адекватного восприятия психических состояний. Более веское обоснование этого утверждения исходит из предположения, что контроль действий и способность к волевым действиям (побуждение к действию) являются главными основами самосознания, а оно, в свою очередь, является необходимым для концептуального понимания психического (модели психического). Отсюда следует, что если контроль действий и контроль начала действия не являются достаточно зрелыми (или нарушены, как в случае аутизма), то это отразится и на развитии модели психического.

Представляется теоретически обоснованной тесная взаимосвязанность конструкта «модель психического» и контроля поведения, который понимается как интегративная регулятивная характеристика субъекта, включающая в единую систему три компонента: когни-

тивный контроль, регуляцию эмоций и контроль действия/волевой контроль. Однако эмпирические доказательства такого предположения должны строиться на системном представлении об организации и модели психического, и контроля поведения, следовательно, методически решаться через анализ развития единой системы ментальной организации и реализации собственной деятельности и взаимодействий. Эта трудная задача, решение которой осуществляется в работах Г. А. Виленской и Е. И. Лебедевой (2014).

Изучение внутренних ментальных моделей как основы понимания может раскрыть новые перспективы в изучении становления уровней субъектности человека. Можно считать, что функция понимания как когнитивная основа субъектности будет во многом определять и регулятивную, и коммуникативную функции субъекта. Выше мы указывали на перспективность изучения контроля поведения как интегративной регулятивной функции субъекта и ее неразрывной связи с когнитивным компонентом — пониманием психического и физического мира. Представляется, что коммуникативная функции субъектности также будет тесно связана с возможностями понимать, интерпретировать и предсказывать поведение людей. Понимание ментальных состояний и способность управлять ими являются неотъемлемой составляющей коммуникативных взаимодействий. Первые аргументы в пользу тесной взаимосвязи модели психического и коммуникаций (субъект-субъектных отношений) получены в исследованиях А. Ю. Улановой (2015) на детях дошкольного возраста и требуют дальнейшей разработки.

Однако, говоря о становлении субъектности, следует указать, что развитие личности, структуры Я имманентно связано с процессом развития субъекта. Это две неотъемлемые характеристики развития человеческой индивидуальности. Самосознание человека может изучаться в рамках модели психического, что в настоящее время дает целый ряд преимуществ. Таким образом, изучая становление модели психического как ракурса развития самосознания, мы тем самым раскрываем развитие ядра субъектности.

Исследования, выполненные в рамках изучения модели психического, позволяют не только более дифференцированно подойти к анализу процесса становления субъектности в онтогенезе человека, но и показать, что ментальный внутренний мир ребенка, его особенности определяют возможности понимания внешней реальности, других людей как субъектов взаимодействия. Более того, ментальные модели выступают в качестве психологического механизма, определяющего уровень организации субъекта во всей его целостности.

Одной из важнейших перспектив исследований в области модели психического становится создание надежного диагностического инструмента для оценки данной комплексной способности у детей и взрослых. Первые тесты оценки модели психического у детей появились за рубежом и в нашей стране. Так, батарея задач «модель психического» разработана Т. Хатчинс с соавт. (Hutchins et al., 2008) в университете Вермонта. Данный тест переведен и адаптирован для русскоязычной выборки в нашей лаборатории. Батарея состоит из 9 тестовых задач, оценивающих феномены модели психического, ориентирована на детей от 2 до 12 лет. Тест «Модель психического. Детский вариант» был разработан в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН Е. А. Сергиенко и Е. И. Лебедевой. Он содержит 20 задач, оценивающих 4 группы компонентов модели психического: понимание эмоций и их причин, понимание неверных мнений и обмана, понимание визуальной перспективы, понимание желаний и прогнозирование действий по ментальным состояниям. Задача разработки тестовой батареи требует значительных усилий как в теоретическом обосновании структуры и принципов конструирования теста, так и в проверке его психометрических характеристик.

Подводя итог обсуждению перспектив парадигмы «модель психического», можно выделить следующие направления:

- интеграция метакогнитивного подхода и модели психического в области когнитивного развития;
- интеграция психолингвистики и модели психического;
- интеграция социально-психологического и когнитивного подхода — «модель психического»;
- сравнительные исследования способностей ментализации психического у животных и человека;
- изучение генезиса модели психического на протяжении всего онтогенеза человека;
- анализ самоконтроля и контроля поведения на основе ментальных моделей;
- включение подхода «модель психического» в психологию субъекта.

Названные перспективы составляют основу дальнейшего развития понятия модели психического и детализации его содержания в психологии.

Заключение

Современное психологическое знание тяготеет к переходу к все более интегративным понятиям, что отражает взаимовлияние разных подходов, накопление знаний, невозможность описания феноменов в линейном измерении. Данная тенденция отражает, как нам представляется, сетевой принцип категоризации знаний, создавая системные обобщенные понятия. Проведенный анализ показывает, что понятие модели психического демонстрирует развитие данной тенденции. Одной из составляющих способности концептуализации мира (понимание скрытых внутренних психических состояний) является понимание того, что доступность знания позволяет верно судить о реальности. Правило «видеть — значит знать» лежит в основе сравнения мнений о реальности разных людей: например, один человек видит, что находится в коробке (например, печенье), а другой не видит. Другая способность, входящая в модель психического, — эмпатия, интерпретация ситуации и эмоций другого человека, которая вызывает сочувствие и желание помочь или разделить переживание. Наконец, при решении моральных дилемм, которое также опирается на способность понимать и интерпретировать мир, человек делает моральный выбор, сравнивая свои представления с социальными нормами и правилами, постигая смыслы ситуации, значение и ответственность за сделанный выбор.

Возникновение «модели психического» как частной парадигмы в рамках более общей когнитивной обусловлено тем, что имеющиеся теории и подходы не могли объяснить понимание социальных взаимодействий и воздействий, понимание психических феноменов более сложного уровня, таких как понимание собственного психического и психического Другого, ни в рамках информационного подхода, ни в рамках структурного исследования интеллекта. Наличие достаточно высокого уровня психометрического интеллекта не могло объяснить непонимания социальных объектов и социальных событий детьми с расстройствами аутистического спектра и рядом социопатических расстройств. Знание возможностей восприятия, памяти, внимания, мышления не приводило к объяснению феноменов житейской психологии, например, на что опирается человек, строя концепцию поведения Другого, в чем суть таких феноменов, как обман, неверное мнение, убеждения.

Другим важнейшим вопросом для понимания, почему модель психического возникла именно в рамках когнитивной парадигмы,

становится вопрос сознания и/или разума (mind). Термин «сознание» существовал в научной психологии с момента ее возникновения, интенсивно разрабатывался в разных психологических парадигмах (структурализме, функционализме, психоанализе, когнитивной психологии и др.). Но именно соединение двух понятий — «разум» и «ментальная репрезентация» — дало новый импульс развитию когнитивного подхода к житейской психологии. Так, традиционная психология не позволяла провести различия между такими ментальными состояниями, как «знать», «думать» и «помнить». Для этого следует семантически обозначить эти ментальные состояния, отражающие связь разума с миром. Вслед за А. Лешли (Leslie, 1987) следует обозначить эти репрезентации первичными. Они могут быть верными и ошибочными. По мере развития появляется способность к вторичным репрезентациям, отражающим вещи не в реальности, а такими, какими они могут быть. Эти вторичные репрезентации, отделенные от реальности, позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже о несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы.

Другая важная способность, появляющаяся в когнитивном развитии, — метарепрезентация, способность представлять, что кто-то представляет что-то. Такая способность невозможна без вторичных репрезентаций. Ментальные состояния — это внутренний опыт, репрезентация которого необходима для теоретического конструирования объяснения поведения. Концептуализация разума как системы репрезентаций идет от менталистской теории поведения, в которой ментальные состояния выступают в виде концептов для объяснения действий, к репрезентативной теории разума (Theory of Mind), в которой ментальные состояния служат для понимания, выполняя репрезентативные функции. Следовательно, герменевтический подход оснащается когнитивной психологией, моделью психического, что переводит анализ житейской психологии на новый уровень исследования.

Подчеркнем, что важной характеристикой подхода «модель психического» является сосредоточение на концептуальном анализе. Анализ житейского ментализма как репрезентативной теории сознания (разума) указывает, что наши интуитивные психические знания — это знания об отношениях между индивидами и миром (или знания о репрезентациях индивидуумов в мире). Это означает необходимость знаний второго порядка.

Модель психического, таким образом, предполагает и включает становление когнитивных способностей и метакогниций. Одна-

ко соотношение модели психического и метакогнитивных способностей изучено недостаточно.

Проведенный анализ развития модели психического в фило- и онтогенезе показывает непрерывный и гетерогенный характер становления этой способности, которая не сводится к общим характеристикам психического развития. Внутренний субъективный мир строится поэтапно, включая как постепенное развитие сознания, так и интуитивное познание мира, себя и Другого. Следовательно, содержание понятия модели психического изменяется как в эволюции, так и онтогенезе человека, демонстрируя определенные закономерности уровневого развития, расширяя понимание картины мира и его интерпретации, фокусируясь на социальном мире людей.

Сопоставление понятия модели психического, социального познания, чтения психического, ментализации показало, что, хотя наиболее общим для всех понятий, родовым и интегративным является «модель психического», но другие термины отражают специфику и фокус рассмотрения способности человека концептуализировать человеческий внутренний, ненаблюдаемый мир. Сравнение особенностей социального познания и модели психического, а также анализ процесса социализации убедительно показывают, что модель психического становится необходимым ментальным механизмом этих процессов. Термин «чтение психического» указывает в большей степени на понимание скрытых психических состояний Другого при социальных взаимодействиях. Понятие ментализации фактически тождественно понятию модели психического, но не дифференцировано на отдельные способности, а применяется для обозначения процесса проникновения и осознания психических состояний своих и другого человека, для прогнозирования, интерпретации и изменения поведения с целью психотерапии, эффективность которой продемонстрирована на пациентах с пограничными личностными расстройствами.

Анализ деформаций модели психического при различной психопатологии указывает на эффективность анализа с помощью данной категории.

Таким образом, понятие модели психического, относительно новое в психологической науке, является и многоаспектным (ментальная структура, способность и теория развития понимания социального мира), и интегративным, возникшим и развивающимся на пересечении разных парадигм: когнитивной, лингвистической, метапознавательной, социального познания, социальной психологии, вбирающим в себя все новые аспекты психического развития человека.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Аппе Ф. Введение в психологическую теорию аутизма. М.: Теревинф, 2006.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И. Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
- Герасимова А. С., Сергиенко Е. А. Факторы и условия развития понимания обмана детьми // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 351–377.
- Герасимова А. С., Сергиенко Е. А. Понимание обмана детьми 5–11 лет и становление модели психического // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 56–70.
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Знаков В. В. Психология понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В. Психология человеческого бытия одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 69–77.
- Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология // Элементарное мышление животных. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Колесникова Н. И. Исследование понимания обмана как феномена модели психического у взрослых с использованием нарративов // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Колесникова Н. И., Сергиенко Е. А. Личностные аспекты понимания психического у взрослых // Психологические исследования. 2010. № 6 (14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Лебедева Е. И., Таланова Н. Н., Сергиенко Е. А. Роль психометрического интеллекта в понимании дошкольниками социального мира // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Матвеева Л. Г. Анализ понятия «социальный интеллект» // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2008. № 33. С. 51–54.
- Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.

- Обухова Л. Ф.* Предисловие // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. Сб. статей / Сост. и общ. ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2001. С. 5–32.
- Пиаже Ж.* Теория Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии. Сб. статей / Сост. и общ. ред. Л. Ф. Обуховой, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2001. С. 106–157.
- Сергиенко Е. А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Сергиенко Е. А.* Истоки познания: онтогенетический аспект // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 4. С. 43–54.
- Сергиенко Е. А.* Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 135–163.
- Сергиенко Е. А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М: Изд-во «Академический проект», 2000.
- Сергиенко Е. А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–310.
- Сергиенко Е. А.* Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 113–146.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А.* Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. 2008. № 1. С. 337–366.
- Сергиенко Е. А.* Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования. 2014. № 7. Т. 36. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Сергиенко Е. А.* Модель психического и социальное познание // Психологические исследования. 2015. № 8. Т. 42. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2017).
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0). М.: Смысл, 2017.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А., Мелехин А. И.* Модель психического: гетерогенность изменений в пожилом и старческом возрасте // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 1. С. 26–41.

- Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И.* Телевизионная реклама и дети. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Уланова А. Ю.* Модель психического как ментальная основа восприятия партнера по коммуникации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.12.2017).
- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А.* Информационная успешность коммуникации на разных этапах развития модели психического // Экспериментальная психология. 2015. № 1. Т. 8. С. 60–72.
- Ушаков Д. В.* Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 11–28.
- Черниговская Т. В.* Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? (К вопросу об эволюции языка и сознания) // Сб. науч. трудов «Когнитивные исследования». 2010. № 4. С. 67–89.
- Чуркин А. А., Мартюшов А. Н.* Краткое руководство по использованию МКБ-10 в психиатрии и наркологии. М.: Триада Х, 2000.
- American Psychiatric Association et al. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5). American Psychiatric Pub, 2013.
- Astington J. W., Baird J. A.* Why language matters for theory of mind. Oxford University Press, 2005.
- Astington J. W., Jenkins J. M.* A longitudinal study of the relation between language and theory-of-mind development // Developmental psychology. 1999. V. 35. №. 5. P. 1311–1320.
- Baixauli I. Colomer C., Roselló B., Mirand A.* Narratives of children with high-functioning autism spectrum disorder: a meta-analysis // Research in developmental disabilities. 2016. V. 59. P. 234–254.
- Baron-Cohen S.* Are autistic children behaviourists? An examination of their mental-physical and appearance-reality distinctions // Journal of Autism and Developmental Disorders. 1989. V. 19. P. 579–600.
- Baron-Cohen S.* The development of a theory of mind in autism: deviance and delay? // The Psychiatric clinics of North America. 1991. V. 14. № 1. P. 33–51.
- Baron-Cohen S.* Mindblindness: An Essay on Autism and “Theory of Mind”. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Baron-Cohen S.* Evolution of a theory of mind? // The descent of mind: psychological perspectives on hominid evolution / Eds M. C. Corballis, S. E. G. Lea. Oxford University Press, 1999. P. 263–277.
- Baron-Cohen S.* Theory of mind and autism: A fifteen year review // Understanding other minds. Perspectives from developmental cognitive neuroscience / Eds S. Baron-Cohen., H. Tager-Flusberg, D. J. Cohen. Oxford: Oxford university press, 2000. P. 10–25.

- Baron-Cohen S., Leslie A. M., Frith U.* Does the autistic child have a “theory of mind”? // *Cognition*. 1985. V. 21. P. 37–46.
- Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H., Lombardo M.* Understanding other minds: Perspectives from developmental social neuroscience. Oxford University Press, 2013.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S., Spong A., Scahill V., Lawson J.* Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome // *Journal of Developmental and Learning Disorders*. 2001. V. 5. № 1. P. 47–78.
- Bartsch K., Wellman H. M.* Children talk about the mind. Oxford university press, 1995.
- Bateman A., Fonagy P.* Mentalization based treatment for borderline personality disorder // *World Psychiatry*. 2010. V. 9. № 1. P. 11–15.
- Bateman A., Fonagy P.* What is mentalizing? // *Mentalization-Based Treatment for Personality Disorders: A Practical Guide*. Ch. 1. Oxford University Press, 2017. P. 3–18.
- Berger H. J. C., van Spaendonck K. P. M., Horstink M., Buytenhais E. L., Lamers P., Cools A. R.* Cognitive shifting as a predictor of progress in social understanding in high-functioning adolescents with autism: a prospective study // *Journal Autism Development Disorders*. 1993. V. 23. № 2. P. 341–359.
- Birch S. A. J., Bloom P.* The curse of knowledge in reasoning about false beliefs // *Psychological Science*. 2007. V. 18. № 5. P. 382–386.
- Blair J., White S. F.* Social cognition in individuals with psychopathic tendencies // *Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience* / Eds S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, M. V. Lombardo. Oxford University Press, 2013. P. 345–363.
- Blijd-Hoogewys E. M. A., van Geert P. L. C., Serra M., Minderaa R. B.* Measuring “Theory of Mind” in Children. Psychometric Properties of the ToM Storybooks // *Journal Autism Development Disorders*. 2008. № 10. V. 38. P. 1907–1930.
- Bottiroli S., Cavallini E.* Theory of Mind in aging: Comparing cognitive and affective components in the faux pas test // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2016. V. 62. P. 152–162.
- Breheny R.* Communication and folk psychology // *Mind & Language*. 2006. V. 21. №. 1. P. 74–107.
- Britton B. K., Pellegrini A. D.* Narrative thought and narrative language. Psychology Press, 2014.
- Bruinsma Y., Koegel R. L., Koegel L. K.* Joint attention and children with autism: A review of the literature // *Developmental Disabilities Research Reviews*. 2004. V. 10. № 3. P. 169–175.

- Brune M.* “Theory of mind” in schizophrenia: a review of the literature // *Schizophrenia Bulletin*. 2005. V. 31. № 1. P. 21–42.
- Brune M., Brune U.* Theory of mind – evolution, ontogeneny, brain mechanisms and psychopathology // *Neuroscience and biobehavioral review*. 2006. № 30. P. 437–455.
- Bruner J., Feldman C.* Theories of mind and the problems of autism. 1993.
- Byrne R. W.* The early evolution of creative thinking: evidence from monkeys and apes // *Creativity in human evolution and prehistory* / Ed. S. Mithen. London: Routledge, 1998. P. 110–124.
- Capage L., Watson A. C.* Individual differences in theory of mind, aggressive behavior, and social skills in young children // *Early Education and Development*. 2001. V. 12. № 4. P. 613–628.
- Capps L., Losh M., Thurber C.* “The frog ate the bug and made his mouth sad”: Narrative competence in children with autism // *Journal of abnormal child psychology*. 2000. V. 28. № 2. P. 193–204.
- Carpenter M., Nagell K., Tomasello M.* Social Cognition, Joint Attention and Communicative Competence from 9 to 15 Months of Age // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1998. V. 63. № 4. P. 1–143.
- Carruthers P.* The architecture of the mind. Oxford University Press, 2006.
- Carruthers P.* How we know our own minds: The relationship between mind-reading and metacognition // *Behavioral and brain sciences*. 2009. V. 32. № 2. P. 121–182.
- Cavallini E., Lecce S., Bottioli S., Palladino P., Pagnin A.* Beyond false belief: theory of mind in young, young-old and old-old adults // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2013. V. 76. № 3. P. 181–198.
- Charman T. Baron-Cohen, S., Swettenham, J., Baird, G., Cox, A., Drew A.* Testing joint attention, imitation, and play as infancy precursors to language and theory of mind // *Cognitive development*. 2000. V. 15. № 4. P. 481–498.
- Davies M., Stone T.* Mental Simulation. Oxford: Blackwell. 1995.
- De Villiers J. G., Pyers J. E.* Complements to cognition: A longitudinal study of the relationship between complex syntax and false-belief-understanding // *Cognitive Development*. 2002. V. 17. № 1. P. 1037–1060.
- Dennett D. C.* Making sense of ourselves // *The Intentional Stance* / Ed. D. C. Dennett. Cambridge, MA: MIT Press. 2000. P. 83–101.
- Dunn J., Brown J., Slomkowski C., Tesla C., Youngblade L.* Young children’s understanding of other people’s feelings and beliefs: Individual differences and their antecedents // *Child development*. 1991. V. 62. № 6. P. 1352–1366.
- Farrar M. J., Maag L.* Early language development and the emergence of a theory of mind // *First language*. 2002. V. 22. № 2. P. 197–213.

- Flavell J. H.* Development of children's knowledge about the mental world // *International Journal of Behavioral Development*. 2000. V. 24. № 1. P. 15–23.
- Fodor J. A.* Propositional attitudes // *The Monist*. 1978. V. 61. № 4. P. 501–523.
- Fodor J. A.* The modularity of mind: An essay on faculty psychology. MIT press, 1983.
- Frith C. D.* The Cognitive Neuropsychology of Schizophrenia. Psychology Press, 1992.
- Frith U., Happé F.* Theory of mind and self-consciousness: What is it like to be autistic? // *Mind & Language*. 1999. V. 14. № 1. P. 82–89.
- Gardenfors P.* How Homo became sapiens: on the evolution of thinking. Oxford: Oxford university press, 2003.
- Gazzaniga M. S.* Consciousness and the cerebral hemispheres // *The cognitive neurosciences*. 1995.
- Gelman S. A., Wellman H. M.* Inside and essences: early understandings of non-obvious // *Cognition*. 1991. V. 38. P. 213–244.
- Gleitman L.* The structural sources of verb meanings // *Language acquisition*. 1990. V. 1. № 1. P. 3–55.
- Goldman A. I.* The psychology of folk psychology // *Behavioral and Brain sciences*. 1993. V. 16. № 1. P. 15–28.
- Gopnik A.* How we know our minds: The illusion of first-person knowledge of intentionality // *Behavioral and Brain Sciences*. 1995. V. 18. № 2. P. 390–390.
- Gopnik A., Astington J. W.* Children's understanding of representational change and its relation to the understanding of false belief and appearance-reality distinction // *Child development*. 1988. V. 59. P. 26–37.
- Gopnik A., Capps L., Meltzoff A.* Early theories of mind: what the theory theory can tell us about autism? // *Understanding other minds. Perspectives from developmental cognitive neuroscience* / Eds S. Baron-Cohen., H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen. Oxford: Oxford university press. 2000. P. 50–72.
- Goswami U.* Cognition in children. Psychology Press, 2014.
- Guajardo N. R., Watson A. C.* Narrative discourse and theory of mind development // *The Journal of Genetic Psychology*. 2002. V. 163. № 3. P. 305–325.
- Hale C. M., Tager-Flusberg H.* The influence of language on theory of mind: A training study // *Developmental science*. 2003. V. 6. № 3. P. 346–359.
- Happé F.* Autism: an introduction to psychological theory. London: UCL Press; Psychology Press, 1994.
- Henry J. D., Phillips L. H., Ruffman T., Bailey P. E.* A meta-analytic review of age differences in theory of mind // *Psychology and Aging*. 2013. V. 28. № 3. P. 826–839.

- Howlin P., Baron-Cohen S., Hadwin J.* Teaching children with autism to mind-read. A practical guide for teachers and parents. John Wiley and Sons, 1999.
- Hutchins T. L., Bonazinga L. A., Prelock P. A., Taylor R. S.* Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children's Theory of Mind Measure-Experimental Version (PCToMM-E) // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2008. V. 38. № 1. P. 143–155.
- Jenkins J. M., Astington J. W.* Cognitive factors and family structure associated with theory of mind development in young children // *Developmental psychology*. 1996. V. 32. № 1. P. 70.
- Joseph R. M.* Neuropsychological frameworks for understanding autism // *International Review of Psychiatry*. 1999. V. 11. № 4. P. 309–324.
- Kelemen D.* The scope of teleological thinking in preschool children // *Cognition*. 1999. V. 70. № 3. P. 241–272.
- Keysar B., Barr D. J., Balin J. A., Brauner J. S.* Taking perspective in conversation: the role mutual knowledge in comprehension // *Psychological Sciences*. 2000. V. 11. P. 32–38.
- Keysar B., Lin S., Barr D. J.* Limits on theory of mind use in adults // *Cognition*. 2003. V. 89. P. 25–41.
- Langdon R., Michie P. T., Ward P. B., McConaghy N., Catts V., Coltheart M.* Defective self and/or other mentalising in schizophrenia: a cognitive neuropsychological approach // *Cognitive Neuropsychiatry*. 1997. V. 2. № 3. P. 167–193.
- Leekam S., Perner J.* Does the autistic child have a metarepresentational deficit? // *Cognition*. 1991. V. 40. № 3. P. 203–218.
- Leslie A.* ToMM, ToBY and agency: core architecture and domain specificity // *Mapping the Mind: Domain Specificity in cognition and Culture* / Eds L. A. Hirschfeld, S. A. Gelman. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 119–148.
- Leslie A. M.* Pretense and representation: the origins of “theory of mind” // *Psychological Review*. 1987. V. 94. P. 412–426.
- Lohmann H., Tomasello M.* The role of language in the development of false belief understanding: A training study // *Child development*. 2003. V. 74. № 4. P. 1130–1144.
- McCabe R., Leudar I., Antaki C.* Do people with schizophrenia display theory of mind deficits in clinical interactions? // *Psychological medicine*. 2004. V. 34. № 3. P. 401–412.
- Meltzoff A.* Understanding the intentions of others: Reenactment of intended acts by 18-month-old children // *Developmental Psychology*. 1995. V. 31. № 5. P. 1–16.

- Meltzoff A. N.* Origins of theory of mind, cognition and communication // *Journal of communication disorders*. 1999. V. 32. № 4. P. 251–269.
- Miller C. A.* Developmental relationships between language and theory of mind // *American Journal of Speech-Language Pathology*. 2006. V. 15. № 2. P. 142–154.
- Monetta L., Grindrod C. M., Pell M. D.* Irony comprehension and theory of mind deficits in patients with Parkinson's disease // *Cortex*. 2009. V. 45. № 8. P. 972–981.
- Moore C., Pure K., Furrow D.* Children's understanding of the modal expression of speaker certainty and uncertainty and its relation to the development of a representational theory of mind // *Child Development*. 1990. V. 61. № 3. P. 722–730.
- Morales M., Mundy P., Delgado C. E., Yale M., Messinger D., Neal R., Schwartz H. K.* Responding to joint attention across the 6-through 24-month age period and early language acquisition // *Journal of applied developmental psychology*. 2000. V. 21. № 3. P. 283–298.
- Nichols S., Stich S.* *Mindreading: An integrated account of pretence, self-awareness, and understanding other minds.* Oxford University Press, 2003.
- Ozonoff S.* Components of executive function in autism and other disorders // *Autism as an Executive Disorder* / Ed. J. Russell. Oxford University Press, 1997. P. 179–211.
- Ozonoff S., McEvoy R. E.* A longitudinal study of executive function and theory of mind development in autism // *Development and psychopathology*. 1994. V. 6. № 3. P. 415–431.
- Ozonoff S., Pennington B. F., Rogers S. J.* Executive function deficits in high-functioning autistic individuals: relationship to theory of mind // *Journal of child Psychology and Psychiatry*. 1991. V. 32. №. 7. P. 1081–1105.
- Pennington B. F., Ozonoff S.* Executive functions and developmental psychopathology // *Journal of child psychology and psychiatry*. 1996. V. 37. № 1. P. 51–87.
- Perner J.* *Understanding the representational mind.* Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Perner J., Frith U., Leslie A. M., Leekam S. R.* Exploration of the autistic child's "Theory of Mind": knowledge, belief and communication // *Child Development*. 1989. V. 60. № 3. P. 688–700.
- Perner J., Stummer S., Doherty M.* Theory of mind finds its Piagetian perspective: why understanding belief? // *Cognitive development*. 2002. V. 17. P. 1451–1472.
- Perry A., Shamay-Tsoory S.* Understanding emotional and cognitive empathy: neuropsychological perspective // *Understanding other minds. Perspectives from developmental cognitive neuroscience* / Eds S. Baron-Cohen., H. Tag-

- er-Flusberg, D.J. Cohen. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 178–195.
- Peterson C. C.* Kindred spirits: Influences of siblings' perspectives on theory of mind // *Cognitive Development*. 2000. V. 15. №. 4. P. 435–455.
- Phillips L. H., Bull R., Allen R., Insch P., Burr K., Ogg W.* Lifespan aging and belief reasoning: influences of executive function and social cue decoding // *Cognition*. 2011. V. 120. № 2. P. 236–247.
- Premack D., Woodruff G.* Does the chimpanzee have a “Theory of Mind”? // *Behavioural and Brain Sciences*. 1978. V. 4. P. 515–526.
- Prior M., Dahlstrom B., Squires T. L.* Autistic children's knowledge of thinking and feeling states in other people // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1990. V. 31. № 4. P. 587–601.
- Pyers J., de Villiers P. A.* Theory of Mind in deaf children: illuminating the relative roles of language and executive functioning in the development of social cognition // *Understanding other minds. Perspectives from developmental cognitive neuroscience* / Eds S. Baron-Cohen., H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 345–364.
- Rajkumar A. P., Yovan S., Raveendran A. L., Russell P. S.* Can only intelligent children do mind reading: The relationship between intelligence and theory of mind in 8 to 11 years old // *Behavioral and Brain Functions*. 2008. V. 4. № 1. P. 51.
- Ruffman T., Slade L., Crowe E.* The relation between children's and mothers' mental state language and theory of mind understanding // *Child development*. 2002. V. 73. № 3. P. 734–751.
- Russell J.* How executive disorders can bring about an inadequate “Theory of Mind” // *Autism as an executive disorder* / Ed. R. Russell. Oxford, UK: Oxford University Press, 1997. P. 256–304.
- San Juan V., Astington J. W.* Does language matter for implicit theory of mind? The effects of epistemic verb training on implicit and explicit false-belief understanding // *Cognitive Development*. 2017. V. 41. P. 19–32.
- Saxe R., Carey S., Kanwisher N.* Understanding other minds: linking developmental psychology and functional neuroimaging // *Annu. Rev. Psychol.* 2004. V. 55. P. 87–124.
- Shamay-Tsoory S. G., Shur S., Barcai-Goodman L., Medlovich S., Harari H., Levkovitz Y.* Dissociation of cognitive from affective components of theory of mind in schizophrenia // *Psychiatry research*. 2007. V. 149. № 1. P. 11–23.
- Shatz M., Wellman H. M., Silber S.* The acquisition of mental verbs: A systematic investigation of the first reference to mental state // *Cognition*. 1983. V. 14. № 3. P. 301–321.
- Sigman M., Ruskin E., Arbelle S., Corona R., Dissanayake C., Espinosa M., Robinson B. F.* Continuity and change in the social competence of children with

- autism, Down syndrome, and developmental delays // Monographs of the society for research in child development. 1999. P. 1–139.
- Siller M., Swanson M. R., Serlin G., Teachworth A. G.* Internal state language in the storybook narratives of children with and without autism spectrum disorder: Investigating relations to theory of mind abilities // Research in autism spectrum disorders. 2014. V. 8. № 5. P. 589–596.
- Slaughter V., Imuta, K., Peterson C. C., Henry J. D.* Meta-Analysis of Theory of Mind and Peer Popularity in the Preschool and Early School Years // Child development. 2015. V. 86. P. 1159–1174.
- Slessor G., Phillips L. H., Bull R.* Exploring the specificity of age-related differences in theory of mind tasks // Psychology and Aging. 2007. V. 22. № 3. P. 639–643.
- Sodian B.* “Theory of Mind” – the case for conceptual development // Young children’s cognitive development. Interrelations among executive functions, working memory, verbal ability and “Theory of Mind” / Eds W. Schneider, R. Schurmann-Hengsteler, B. Sodian. N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. P. 95–131.
- Solomon O.* Narrative introductions: discourse competence of children with autistic spectrum disorders // Discourse Studies. 2004. V. 6. № 2. P. 253–276.
- Stein N. L., Trabasso T.* What’s in a story: critical issue in comprehension and instruction // Advances in instructional psychology V. 2. / Eds R. Glaser. Hillsdale. NJ: Lawrence Erlbaum Association. 1982. P. 213–267.
- Sugiyama L. S., Tooby J., Cosmides L.* Cross-cultural evidence of cognitive adaptations for social exchange among the Shiwiar of Ecuadorian Amazonia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. V. 99. № 17. P. 11537–11542.
- Sullivan S., Ruffman T.* Social understanding: how does it fare with advancing years? // British Journal of Psychology. 2004. V. 95. P. 1–18.
- Tomasello M., Call J.* Primate cognition. Oxford University Press, USA, 1997.
- Watson A. C., Nixon C. L., Wilson A., Capage L.* Social interaction skills and theory of mind in young children // Developmental psychology. 1999. V. 35. № 2. P. 386–391.
- Wellman H. M., Johnson C. N.* Understanding of mental processes: a developmental study of “remember” and “forget” // Child Development. 1979. V. 50. P. 79–80.
- Wellman H. M., Lagattuta K. H.* Developing understanding of mind // Understanding other minds: perspectives from developmental cognitive neuroscience / Eds S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 21–49.
- Wellman H. M., Peterson C. C.* Deafness, thought bubbles and theory-of-mind development // Developmental psychology. 2013. V. 49. № 12. P. 23–57.

- Wimmer H., Perner J.* Beliefs about beliefs: representation and constraining function of wrong belief in young children's understanding of deception // *Cognition*. 1983. V. 1. P. 103–128.
- Woolfe T., Want S. C., Siegal M.* Signposts to development: Theory of mind in deaf children // *Child development*. 2002. V. 73. № 3. P. 768–778.
- Yirmiya N., Erel O., Shaked M., Solomonica-Levi D.* Meta-analyses comparing theory of mind abilities of individuals with autism, individuals with mental retardation and normally developing individuals // *Psychological Bulletin*. 1998. V. 124. № 3. P. 283–307.
- Zaitchik D.* When representation conflict with reality: the preschoolers' problem with false belief and “false” photographs // *Cognition*. 1990. V. 35. P. 41–68.

Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции

Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Проблема саморегуляции в современной психологии становится ключевой. При изучении разнообразных психических процессов, функций, феноменов, способностей человека исследователи все чаще задаются вопросом: как все это многообразие психического реализуется в реальной жизни, что определяет адаптацию человека в обществе, его эффективность, успешность и полноту реализации своих возможностей? От чего зависит ощущение себя счастливым и благополучным или, напротив, несчастным и неудачливым? Почему при сходных предпосылках одни люди добиваются успеха, а другие испытывают материальные затруднения, страдают от зависимостей, конфликтуют с законом? Поиск ответов на эти вопросы требует комплексного и междисциплинарного подхода в психологии, обращения к понятиям системного характера. Одним из таких ключевых системных понятий в последние 20 лет становится саморегуляция. Саморегуляция направлена на изменение собственного поведения, собственных реакций или внутренних состояний. Обычно это процесс отвержения, подавления одной реакции или одного поведения и замещения его менее привычным, но релевантным, желаемым ответом или поведением. Она включает также способность сдерживать удовлетворение желаний или потребностей. Развитие саморегуляции, возможно, становится центральным шагом в эволюции и принципиально человеческой характеристикой. Саморегуляция связана с избирательностью (свободой выбора) как внешнего окружения, так и собственного ответа или поведения.

Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

Не вызывает сомнений, что способность к саморегуляции развивалась в эволюции, все больше усиливая свои произвольные (волевые) аспекты. При обсуждении принципиальных отличий животных от человека (Сергиенко, 2006) отмечалась способность людей к созданию внеситуативных ментальных моделей, регулирующих поведение, способность ставить сильно отсроченные цели и организовывать поведение для их достижения.

Контроль поведения

Предлагаемый нами конструкт контроля поведения — это попытка разработки проблем саморегуляции с новых системно-субъектных позиций. *Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля* (Сергиенко, 2009; Сергиенко и др., 2010). Термин «контроль поведения» подчеркивает именно психологический уровень в организации регуляции, поскольку термин «регуляция» используется очень широко: регуляция напряжения, кровяного давления, питания и т. д. Термин «саморегуляция» указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который, как мы считаем, имеет предшествующие более низкие уровни и основания.

Наша гипотеза контроля поведения релевантна представлениям о единстве когнитивных, аффективных и волевых психических процессов (Рубинштейн, 2003; Выготский, 1983; Веккер, 1998; Mandler, 1975; Plutchik, 1980; и др.). Аргументами в пользу единства интеллекта, аффекта и воли могут служить не только психологические исследования, демонстрирующие их тесную связь, но и данные нейронауки, показавшие важнейшую роль системы префронтальной коры и связанных с ней других корковых и подкорковых образований в регуляции поведения.

Кроме того, в регуляцию поведения, включая саморегуляцию субъекта, вовлечены всегда, но в разной мере, уровни как сознательной, так и неосознанной регуляции, составляющие единую систему. В контроле поведения реализуется интегративная индивидуальность человека. Индивидуальность человека не возникает внезапно, а формируется шаг за шагом, опираясь на его генетико-средовую уникальность: индивидуальный генотип и средовой опыт, уникальность его психической организации.

Эта индивидуальность предполагает наличие определенных *ресурсов*, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, ментально планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию своих эмоций и эмоций Другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий.

Понятие контроля поведения сформировано с опорой на три теоретические положения. Первое основывается на единстве, неразрывности когнитивных, эмоциональных и исполнительных (действий) компонентов психической организации. Второе принципиальное положение состоит в том, что именно субъект как носитель психического реализует взаимодействие данных компонентов. Согласно третьему положению, субъект всегда индивидуален. Это означает, что организация трех компонентов контроля поведения у каждого человека будет обладать своей спецификой.

Таким образом, контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

В рамках контроля поведения мы выделяем три компонента: когнитивный контроль, эмоциональный контроль и волевой контроль.

Когнитивный контроль — это особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий и оперирование ими. В когнитивный контроль мы включаем особенности меры интеллекта (от перцептивного анализа до создания ментальных схем), и стилевые когнитивные способности, обозначаемые традиционно как когнитивные контроли. Мы согласны с М. А. Холодной (Холодная, 2002) в определении интеллектуальных ресурсов как совокупности меры интеллектуальных способностей и метакогнитивной способности индивидуальных когнитивных стилей.

Эмоциональный контроль включает контроль выражения эмоций, контроль эмоционального состояния, способы регуляции эмоциональных состояний, распознавание, интерпретацию и прогнозирование собственных эмоций и эмоций другого. Эмоциональная ре-

гуляция – это, прежде всего, способность справляться со стрессом, вызванным внешними воздействиями, и регулировать собственный уровень эраузола. Процесс регуляции эмоций также может протекать на разных уровнях.

Третья подсистема контроля поведения – *произвольный/волевой контроль* – также опирается на индивидуальный ресурс человека. Становление произвольности исполнительных действий, поведения, подчинение определенным целям, стандартам, смыслам проходит длительный путь развития в онтогенезе человека. Однако произвольность связана с развитием префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации. В раннем возрасте он существует в виде контроля действий как контроля поведенческих проявлений, управления построением целостного поведенческого акта.

В наше определение контроля поведения включаются все основные характеристики, рассматриваемые в литературе как имеющие отношение к регуляции и саморегуляции, и они объединяются как компоненты единой субъектной способности к организации психологического ресурса для осуществления целенаправленного поведения.

Контроль действий как субъектная функция подчиняется принципам системно-субъектного подхода (Брушлинский, 2006; Сергиенко, 2006, 2011): принципам континуальности, целостности, антиципации. Поскольку субъект является качественно определенным способом самоорганизации и саморегуляции, центром координации всех психических процессов, состояний и свойств (Брушлинский, 2003), контроль поведения осуществляется путем специфической организации и использования индивидом всех доступных ему ресурсов для достижения цели.

Таким образом, интегративная категория контроля поведения возникла не случайно. Она отвечает вызовам психологической науки, накоплению значительного массива психологических знаний о регуляции и саморегуляции поведения и деятельности человека, его внутренних состояний. Данная категория – это попытка объединить, сочетать в едином конструкте разнообразные и разноуровневые представления.

Наша позиция в данном вопросе пересекается с решением, предложенным в работах Т. В. Корниловой (2016) и С. Д. Смирнова (2016). Обобщая экспериментальные исследования, Т. В. Корнилова приводит веские аргументы для гипотезы о многоуровневой множест-

венной гетерархической регуляции решений и выборов человека. С.Д. Смирнов демонстрирует взаимосвязь толерантности к неопределенности с образом мира как ментальным внутренним посредником отношений человека, проявления его способностей и принятия решений. Он предполагает также, что активным механизмом преодоления неопределенности, способствующим изменению толерантности, является выдвижение человеком гипотез и вследствие этого — изменение образа мира. Данная гипотеза ставит вопрос о субъектной активности человека, предвидении и антиципации во взаимодействии с миром (Смирнов, 2016). Таким образом, с разных теоретических позиций ученые приходят к сходным представлениям о многоуровневой гетерархической системе регуляции, осуществляемой активным субъектом.

Разработка гипотезы контроля поведения как регулятивной функции субъекта вписывается в контекст данных гипотез, но сохраняет свое своеобразие в рамках системно-субъектного подхода, соединяющего ипостаси человека — субъекта и личности в едином реципрокном взаимодействии, в котором личность направляет выбор, а субъект его санкционирует и реализует согласно своим индивидуальным способностям.

Сравнение с другими понятиями

Подходы к исследованию саморегуляции многочисленны и разнообразны, но, как правило, фокусируются на каком-то одном аспекте, например, на регуляции когнитивных процессов: исполнительных функциях (executive functions), регуляции внимания, контроле усилий (effortful control) — способности фокусироваться на релевантном стимуле, отфильтровывая иррелевантные, и тормозить доминирующие ответы в пользу недоминантного поведения (Rothbart, 1989; Eisenberg et al., 2004).

К когнитивно-ориентированным концепциям саморегуляции относится, например, *структурно-функциональный подход*, предложенный О.А. Конопкиным и развиваемый В.И. Моросановой в концепции индивидуального стиля саморегуляции.

В этом подходе модель системы регуляции построена по аналогии с поэтапной информационной обработкой, но средствами человеческой психики. Регуляция осуществляется при помощи основных процессов: планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также регуляторно-личностных свойств — гибкости и самостоятельности.

Данная модель описывает только произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности. Но известно, что осознанная регуляция требует больше ресурсов — и энергетических, и временных и психологических. Спонтанная активность человека реализуется в большей степени на уровне неосознанной регуляции, а деятельность не подвергается постоянной рефлексии. Уточнение, что процессы саморегуляции должны быть только в принципе осознаваемы, и не обязательно осознаются актуально (Моросанова, 2010), только усложняет картину, так как полнота осознания в большой степени зависит от способности субъекта к рефлексии.

Еще одно ограничение данной модели связано с тем, что в нее не включена эмоциональная регуляция, хотя любая информация, которую использует человек, вызывает у него определенное отношение (принцип единства сознания и переживания, по С. Л. Рубинштейну). Сам автор структурно-функционального подхода отмечал, что понимание сути саморегуляции существенно возросло бы при опоре на теоретическое представление о системно-организованном процессе, имеющем закономерную внутреннюю структуру (Конопкин, 1995). Саморегуляция в рассматриваемой модели выступает скорее как частный случай регуляторной функции субъекта, а именно как саморепрезентируемый, рефлекслируемый когнитивный компонент.

Открытым вопросом структурно-функционального подхода остаются проблемы развития саморегуляции в онтогенезе.

В последние десятилетия в зарубежной психологии интенсивно разрабатывается представление об *исполнительных функциях* (executive functions), которые тесно связаны с процессами саморегуляции и рассматриваются как базовая основа способности к самоконтролю. Исполнительные функции (ИФ) — общий термин для когнитивных процессов, которые регулируют, контролируют другие когнитивные процессы и управляют ими.

Одной из наиболее влиятельных моделей ИФ является *комплексная иерархическая модель* исполнительных функций Ф. Зелазо и Д. Фрая (Zelazo, Frye, 1997). Вводятся понятия когнитивной сложности и контроля, которые иерархически усложняются по мере развития. Вместе они отражают общее развитие сознания: от осознания разрозненных знаний к интеграции в общую, сложную систему правил, что означает другой уровень рефлексии, лучшее управление мыслями и действиями. Однако и эта модель, хотя и носящая системно-интегративный характер, остается в большой степени когнитивной, не включает аффективно-мотивационные и волевые аспекты регуляции, хотя в последнее время это представление расширяется за счет

включения так называемых «горячих» (hot) регуляторных функций, связываемых с эмоциональными и мотивационными аспектами регуляции (Zelazo, Carlson, 2012).

Следует отметить, что контроль поведения по содержанию шире понятия «исполнительные функции» и по своему определению включает не только когнитивную, но и эмоциональную, и волевую регуляцию, являясь субъектной функцией, имеющей три взаимосвязанные подсистемы; таким образом, проблема взаимосвязи когнитивной и эмоциональной регуляции, столь актуальная в исследованиях ИФ и имеющая в рамках этого подхода лишь эмпирические доказательства, здесь решена на концептуальном уровне. Сопоставляя два этих подхода, можно предложить вариант их совмещения, при котором ИФ рассматриваются как операционализация контроля поведения, своеобразные «ментальные инструменты», при помощи которых субъект осуществляет саморегуляцию. Изучение ИФ как операциональных показателей контроля поведения может дать дальнейший импульс в исследовании обоих этих конструкторов.

Более целостный подход к анализу регуляции в процессе взаимодействия субъекта и его жизненных условий предлагается в *когнитивно-мотивационной концепции совладания со стрессом* Р. Лазаруса (Lazarus, 1999), хотя когнитивным процессам и здесь придается решающее значение.

Согласно подходу А. Лазаруса, способность личности к совладанию с трудными ситуациями определяется функционированием мультимодальной системы, всесторонне отражающей ситуацию. Травмирующие события первоначально оцениваются на сенсорном уровне, затем подвергаются первичной когнитивной оценке, а затем возникают эмоции определенного качества. Выбор стратегии совладания зависит от развитости механизма вторичного когнитивного оценивания, что, в свою очередь, связано с уровнем эмоционального контроля, уверенности в себе и помощи других, способности актуализировать весь свой жизненный опыт (Лазарус, 2001; Либина, 2008).

Данная концепция опирается на когнитивные оценки ситуации и, хотя возможности совладания со стрессом связаны в ней с личностными ресурсами, но без конкретизации. Наличие эмоциональных компонентов регуляции признается, но не уточняется их состав и роль. Совладающие стратегии, обеспечивающие саморегуляцию, никак не соотносятся с индивидуальностью человека, его ресурсами.

В большей мере индивидуальные особенности человека, возможные ресурсы саморегуляции учитываются в *модели когнитивной регуляции* Л. Пуллкинен. Согласно этой модели, в ситуации, требующей

контроля эмоционального состояния, выделяются два основных параметра: поведенческие реакции (подавление или активация поведения) и эмоциональные проявления (нейтрализация или интенсификация эмоций) (Pulkkinen, 1992, 2006, 2009; Pulkkinen et al., 2009), образующие четыре основные стратегии регуляции, различным образом сочетающие интенсификацию и подавление эмоций и поведения.

Среди факторов, влияющих на процесс и результат развития самоконтроля, Л. Пуллкинен называет индивидуальные особенности человека (темперамент, точность социальной перцепции) и внешние факторы (стиль родительской социализации, отношения с родителями, социально-экономический статус родительской семьи).

Модель регуляции поведения Пуллкинен позволяет выделить определенные типы регуляции поведения и предсказать на основе лонгитюдных исследований уровень и характер социальной адаптации взрослого человека, причем низкий самоконтроль оказывается фактором риска, а высокий самоконтроль, наоборот, ресурсом для успешности социального функционирования и психологического благополучия. Ценность модели Л. Пуллкинен состоит также в том, что она учитывает разнообразные источники детерминации регуляции поведения, хотя и не приводит подробного анализа вклада каждого из них. В то же время рассмотренная модель несколько упрощает и обедняет многообразие проявлений контроля поведения, сводя его только к контролю над социально нежелательными эмоциями и поведением.

Более комплексное представление о саморегуляции реализует в *когнитивно-динамическом подходе* Ж. Нюттен (2004). Основное понятие здесь — временная перспектива, интегрирующая прошлое, настоящее и будущее в психологическом жизненном пространстве индивида. Перспектива будущего (ПБ) — показатель того, как и в какой степени ожидаемое будущее становится частью настоящего жизненного пространства и действует на мотивацию достижения близких и отдаленных целей.

Дж. Нюттен полагал, что система потребностей, активизирующая когнитивно-мотивационные процессы целеполагания, активизирует и исполнительную фазу поведения через рассогласование между целью и результатом. Инструментальная мотивация выступает, следовательно, формой самодетерминирующей регуляции поведения.

В данном подходе есть два момента, близких к идее контроля поведения, — соотношение личностных целей и исполнительных стратегий по их достижению, сходное с соотношением субъекта и лич-

ности в системно-субъектном подходе (Сергиенко, 2011), и единство когнитивных и мотивационных аспектов в произвольном и непроизвольном построении поведения и его регуляции. Однако процесс трансформации целеполагания в действие в данной концепции недостаточно ясен, так как обеспечивающие его волевые процессы Дж. Нюттен рассматривает недостаточно.

Волевые процессы находятся в центре подхода В. А. Иванникова, который под *волевой регуляцией* понимает регуляцию побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости. Психологическим механизмом при этом является намеренное изменение или создание дополнительного смысла действия. Таким образом, волевая регуляция — это сознательный личностный уровень регуляции, опосредованный знаниями человека о мире, собственных ценностях и возможностях (Иванников, 2006). Иванников, как и О. А. Конопкин и В. И. Моросанова, подчеркивает сознательность регуляции, что позволяет задать те же вопросы о роли неосознаваемых процессов в регуляции и онтогенезе регуляторных процессов. Онтогенез воли и произвольности рассматривается в работах Е. О. Смирновой (2015). С ее точки зрения, развитие произвольности — развитие средств овладения собой и своим поведением — фактически отождествляется с формированием опосредованного поведения. Движущей силой этого процесса является взрослый, становящийся посредником между ребенком и культурным содержанием. В этих подходах не учитывается роль индивидуальности человека, ведущая роль отводится средовым (воспитательным) воздействиям. Неясным остается взаимодействие волевой регуляции с другими аспектами саморегуляции: эмоциональными, когнитивными.

Попытка учесть неосознаваемые аспекты регуляции, в частности волевой, осуществляется, например, в *концепции контроля за действием* Ю. Куля (Kuhl, Fuhrmann, 1998). Волевою сферу Ю. Куль понимает как систему, состоящую из автономных подсистем: самоконтроля и саморегуляции, которые гибко функционируют, взаимодействуют и обеспечивают удержание намерения в активном состоянии. Самоконтроль предполагает осознанную борьбу мотивов, требующую дополнительных усилий по поддержанию активности и эмоциональной напряженности. Для саморегуляции же характерно непроизвольное внимание к цели, отсутствие усилий по поддержанию активности, связь эмоций с настоящими результатами действия, а не с прошлым опытом, эмоциональная напряженность, не превышающая операциональную. При этом типе регуляции препятствия вызывают непроизвольное увеличение усилий.

Однако данная концепция не рассматривает развитие контроля за действием в онтогенезе, не объясняет причины, по которым возникает та или иная ориентация. Остается неясным, каким образом происходит содружественное взаимодействие самоконтроля и саморегуляции на уровне индивидуальности субъекта, т. е. как внутренняя психическая организация детерминирует этот процесс (см.: Шапкин, 1997).

Работы Т. Гошке о *произвольном и непроизвольном контроле* (Goshke, 2008) развивают идеи Ю. Куля. Он определяет две взаимодополняющие функции когнитивного контроля, лежащего в основе произвольного действия: это гибкость и реконфигурация (позволяющие разнообразно реагировать на одни и те же стимулы, изменять predisposition к ответу) и постоянство и защита (удержание цели и «защита» ее от конкурирующих или отвлекающих стимулов). Обе они имеют свои преимущества и недостатки, поэтому центральный вопрос состоит в том, как регулируется равновесие между стабильностью и гибкостью, какие условия вызывают усиление или ослабление защиты цели.

Баланс между противоположными процессами когнитивного контроля находится под влиянием эмоциональных состояний. Негативные эмоции способствуют усилению целевых действий (т. е. стабильности), тогда как позитивные усиливают гибкость и переключаемость контроля. Механизмы эмоционального влияния остаются неизвестными, однако Т. Гошке подчеркивает, что интеграция изучения когнитивного контроля с исследованием эмоциональных и мотивационных процессов будет способствовать огромному продвижению исследований произвольных действий. Значительное внимание он уделяет изучению индивидуальных различий, особенно в связи с генетико-средовыми вариациями нейромодуляторных систем.

Для нашего понимания контроля поведения чрезвычайно важны разработки Т. Гошке, поскольку они дают весомые основания для обнаружения тесной связи когнитивного контроля, эмоциональной регуляции и произвольного/волевого контроля.

Довольно часто в отдельную тему выделяется саморегуляция эмоций, определяемая как процесс управления эмоциональным возбуждением (Calkins, 2004), или процесс контроля и оценки аффективных состояний и действия по управлению интенсивностью и длительностью аффекта (Larsen, Prizmic, 2004). Достаточно влиятельной концепцией эмоциональной регуляции является, например, *процессуальная модель эмоциональной регуляции* Дж. Гросса (Gross, 2014). Спектр регуляции эмоций рассматривается на временном континууме возникно-

вения и развития эмоции. Для каждого этапа развертывания эмоции существует собственный класс стратегий эмоциональной регуляции. Всего их пять: выбор ситуации, модификация ситуации, распределение внимания, когнитивное изменение и модуляция ответа. Хотя согласно данной концепции и предполагается связь эмоциональной регуляции, например, с когнитивными процессами, однако совсем не рассматриваются, например, волевые процессы

Проблема саморегуляции часто изучается в тесной связи с проблемой принятия решения или выбора. Выбор нельзя отделить от процессов саморегуляции деятельности, охватывающих самые разные аспекты — от простого или более автоматического выбора до экзистенциального.

Анализируя проблему принятия решений, Т. В Корнилова (2007), указывает на значение *интеллектуально-личностного потенциала*, включающего не только когнитивные аспекты, задействованные в принятии решения, но и личностно-мотивационные компоненты этого процесса, готовность и умение человека использовать свои возможности.

Д. А. Леонтьев (2002, 2011), А. Г. Асмолов (2001), Б. С. Братусь (1999) также рассматривают личностную детерминацию процессов регуляции и саморегуляции человека, ведущую роль смысловых образований. За саморегуляцию, по мнению Д. А. Леонтьева, отвечает такая структура, как *личностный потенциал*, организующий отношения личности с миром в качестве ведущей, стержневой системы. К ключевым его характеристикам относятся самодетерминация, жизнестойкость, ориентация на действие и самоэффективность. Личностный потенциал включает три подсистемы: потенциал самоопределения (способность субъекта действовать в неопределенности); потенциал достижения (способность успешного достижения целей) и потенциал сохранения (способность субъекта противостоять внешним давлениям, сохраняя свою целостность). В концепции психологии выбора объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы.

Хотя концепция личностного потенциала базируется на деятельностной, культурно-исторической теории и экзистенциальной парадигме, по сути, она представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа, в качестве основ субъектного выбора, саморегуляции, самодетерминации рассматривается взаимодействие личностных и субъектных составляющих личностного потенциала. Процесс

выбора — это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями «субъект», «личность», хотя не разводят данные понятия.

Среди подходов к изучению саморегуляции можно выделить интегративные подходы, например, *концепцию регуляции состояний* А. О. Прохорова и системно-деятельностную концепцию психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикой.

Возникающие в процессе функционирования человека неравновесные состояния, образующиеся при нарушении симметрии между организмом и средой, требуют регуляции. Регуляция психических состояний отражена в системно-функциональной модели, основными составляющими которой являются рефлексия переживаемого состояния, осознанный образ желаемого состояния, актуализация соответствующей мотивации и использование психорегулирующих средств.

Эффективное функционирование субъекта на основе устойчивого взаимодействия психических процессов и психологических свойств обеспечивается интегрирующей функцией состояний, образующей психологический строй личности «свойства—состояния—процессы». Одновременно с этим при усилении неравновесности субъект проявляет качества, характеризующие его в наибольшей степени, например, волевые или эмоциональные способности (Прохоров, 2005, 2009). Однако одинаковые по сложности и тяжести ситуации у различных людей приводят к возникновению различных неравновесных состояний, а при возникновении одинаковых состояний время и способы нормализации могут значительно варьировать. Так, самим автором приводятся данные о таких различиях в возрастных и гендерных способах регуляции состояний (Мурзиев, Прохоров, 2002). Представляется, что А. О. Прохоров в своей теории выдвигает необходимое, но не достаточное условие для организации саморегуляции.

Концепцию психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикая разработала на базе теоретико-экспериментального анализа характеристик саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности. В ее основе лежат представления об иерархической структуре саморегуляции субъекта, межсистемном взаимодействии механизмов произвольной и непроизвольной саморегуляции психических состояний, целенаправленной активности и личностных уровнях организации субъекта деятельности (Дикая, 2003). Межсистемное взаимодействие определяет эффективность саморегуляции функциональных состояний, при этом непроизвольная саморегуляция более эффективна в условиях нормального протекания

ния деятельности и на начальных этапах экстремальной деятельности, тогда как произвольная саморегуляция — на более поздних этапах. Такое взаимодействие включает когнитивный, эмоциональный и активационный компоненты. Индивидуальные стили саморегуляции функциональных состояний определяют преобладание и эффективность разных ее форм: волевой, эмоциональной, непроизвольной и произвольной психофизиологической, личностной.

Выделяемые Л. Г. Дикой компоненты в структуре саморегуляции, континуум форм саморегуляции от непроизвольной до произвольной и осознанной близки нашему представлению о контроле поведения.

Перекликается с концепцией контроля поведения и нашими представлениями о ментальных механизмах, лежащих в его основе, и представление Л. Г. Дикой о психическом образе как ментальном механизме саморегуляции. Однако мы полагаем, что репрезентация цели деятельности, где существуют и объект, и действия в самом общем виде, может быть как осознанной, так и неосознанной, т. е. она представлена на всех уровнях организации систем регуляции и, шире, их взаимодействия.

Разделяется нами и представление о континуальности и интегративности психической саморегуляции, где низшие и высшие уровни составляют единое целое и взаимозависимы.

Системная концепция психической регуляции Л. Г. Дикой значительно шире концепции саморегуляции О. А. Конопкина и В. И. Моросановой, поскольку охватывает всю иерархию уровней саморегуляции. Она включает и психофизиологический уровень, и уровень ценностно-мотивационный, задаваемый личностью.

Сравнивая подход к саморегуляции состояний Л. Г. Дикой и А. О. Прохорова, можно выделить общие черты и особенности двух этих подходов. Общим для авторов является возможность высшего личностного уровня регуляции состояний. Но раскрывается эта возможность влияния у авторов различно. Представления о неравновесных состояниях А. О. Прохорова фактически указывают на механизм изменений организации личности, тогда как Л. Г. Дикая описывает условия, когда регуляция личностно-мотивационного уровня может быть эффективна. Два подхода могут рассматриваться как взаимодополнительные в понимании саморегуляции функциональных состояний.

Близки нашему пониманию контроля поведения представления В. А. Бодрова о *регуляции стресса* (Бодров, 2006). Среди теоретических положений его подхода необходимо отметить мысль о том, что процессы регуляции психических состояний и, в частности стресса и его

преодоления, зависят от уровня несоответствия между субъективным отражением трудной ситуации и ее объективным состоянием. Это представление о «проблемности» как психологическом явлении подчеркивает роль активности субъекта в восприятии окружающего мира и в выборе действий в конкретной ситуации. Хотя В. А. Бодров описывал преимущественно когнитивные механизмы преодоления стресса, однако признавал возрастание роли не только когнитивных, но и личностных ресурсов человека. Другое положение, важное для нашего понимания контроля поведения, касается понятия об адаптационных психологических ресурсах и функциональных резервах психики. Он исследовал некоторые закономерности мобилизации этих ресурсов для преодоления стресса и предложил классификацию ресурсов.

Представление о психологических ресурсах человека в связи с саморегуляцией, идея о саморегуляции как актуализации определенных ресурсов представлена в ряде отечественных и зарубежных работ (Леонтьев, 2006; Корнилова, 2007; Холодная, 2002; Петровский, 2007; Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007; Psychology of self-regulation, 2009; и др.).

Так, М. А. Холодная (2002) выдвинула гипотезу о *произвольном и непроизвольном интеллектуальном контроле*, рассматривая когнитивные стили и другие ментальные структуры как ресурсы для регуляции активности. Однако здесь ресурсы фактически ограничены интеллектуальными, а эмоциональная и произвольная регуляция становятся производными от когнитивного контроля. Более того, понятие о множественности ментальных структур нам представляется избыточным и недостаточно обоснованным, поскольку трудно себе представить существование отдельных психических структур для произвольного и непроизвольного когнитивного контроля, убеждений, предпочтений, умонастроений, когнитивных схем, понятий, способов переработки информации.

В *концепции личностного выбора* Д. А. Леонтьева вводится понятие «экзистенциального расчета», или осознания цены, которую субъект платит за совершенный выбор. Он состоит из ресурсов (материальных, физических, психических), знаний и умений, вложений целеполагания и целедостижения, отношений и репутации (социальная поддержка, связи), возможностей, самоотношения (сохранение и укрепление представлений о себе, своих возможностях, самоуважение) (Леонтьев и др., 2015).

В современной зарубежной психологии также существует представление о саморегуляции, основанной на ресурсах человека. Это

модель силы ресурсов (Strength model) Р. Баумейстера, Б. Шмейчеля и К. Ворс (Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007). Основные ее положения состоят в том, что существуют достаточно универсальные регуляторные ресурсы, запас которых ограничен, но они могут восстанавливаться.

Достоинствами указанной ресурсной модели является, во-первых, попытка интегративного подхода к процессам саморегуляции. Во-вторых, отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека. В-третьих, адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта. Здесь следует заметить, что термин Self (самость) ближе по своему значению к понятию субъекта, чем личности, как полагает Д. А. Леонтьев и мн. др. Основанием для этого суждения могут служить работы С. Л. Рубинштейна (2003), А. В. Брушлинского (2003), М. Фуко (2007).

Недостатками модели силы ресурсов, на наш взгляд, является, прежде всего, упрощенность представлений о саморегуляции как истощении, что чрезмерно снижает понимание специфики процессов регуляции. В данной модели ресурсы понимаются почти физически как некая неоперационализованная «энергия» и никак не специфичны для регуляции субъекта.

Наше понимание контроля поведения, которое опирается на ресурсы субъекта, адресовано, прежде всего, индивидуальным ресурсам. Поскольку субъект интегрирует все индивидуальные ресурсы человека, то именно он выступает системообразующим фактором всей системы регуляции.

Мы полагаем, что индивидуальность человека, включая его ментальный опыт (когнитивное представление о мире), определяет и саму деятельность, т. е. способность к самоорганизации, а следовательно, целостность на каждом определенном этапе развития существует до становления зрелой и сознательной системы саморегуляции, произвольной активности и служит основой для ее становления в дальнейшем.

Под *ресурсной основой контроля поведения* мы понимаем индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые способности субъекта. При этом выраженность выделенных ресурсов имеет сугубо индивидуальный паттерн, т. е. соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлено у каждого человека в разных соотношениях. Это предположение ведет к гипотезе о своеобразии контроля поведения и своеобразии предпочитаемых стилей саморегуляции, к гипотезе связанности контроля поведения с психологическими защитами и типами совладающего поведения, поскольку все

эти механизмы саморегуляции базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека.

Тесно связана с понятием саморегуляции и с вопросом наличия ресурсов и их актуализации проблематика жизнеспособности и жизнестойкости человека.

Жизнеспособность человека — интегративная психологическая характеристика, индивидуальная способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, способность человека строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях (Махнач, 2016). Саморегуляция и входящие в нее процессы (контроль поведения, психологические защиты, копинг) и жизнеспособность находятся в тесной взаимной связи, влияя друг на друга (Личностный потенциал..., 2011, Махнач, Лактионова, 2007).

Нельзя не согласиться с представлениями о жизнеспособности как метасистемном феномене, который, как в голограмме, отражает индивидуальные возможности человека сохранять самого себя, свои возможности жизнедеятельности. Однако, предлагая уровневую модель организации жизнеспособности, авторы фактически включают данную способность в высокоуровневую организацию индивидуальности человека (Лактионова, 2013; Леонтьев, 2006). Но тогда жизнеспособность становится достоянием только высокоорганизованной личности. Как же может развиваться жизнеспособность человека на разных этапах его развития, в том числе в детстве?

В нашей модели соотношения субъекта и личности на разных этапах развития единой системы «субъект — личность» функции субъекта и личности выражены специфически и образуют своеобразие индивидуальности, согласно возрастным уровням организации, социальным условиям и событиям. При таком решении не возникает вопроса только о зрелых формах жизнеспособности и жизнестойкости, а лишь об уровнях их характеристиках. В таком случае, говоря о жизнеспособности как интегративной способности к адаптации, можно предположить, что контроль поведения становится ее индивидуальным ресурсом, включенным в иерархическую психическую организацию индивидуальной (субъектно-личностной) регуляции (Сергиенко, 2007, 2016).

Проведенное сравнение выявляет тесное переплетение категорий жизнеспособности и контроля поведения. Обе категории являются интегративными характеристиками человека. Они направлены на целостное изучение возможности регуляции поведения для дости-

жения его адаптивных форм. Обе категории включают внутренние индивидуальные характеристики человека. Но они имеют и различия. Если жизнеспособность определяется как структурно-уровневая совокупность индивидуальных характеристик и внешних регулирующих условий (семейных и социальных) (Лактионова, 2010; Махнач, 2013), то контроль поведения определяется как психологический индивидуальный ресурс субъектной регуляции. Более того, контроль поведения выступает основой становления саморегуляции, используя индивидуально выраженные способности (ресурсы) человека.

Развитие контроля поведения не завершается никогда и на протяжении всей жизни человека претерпевает системные перестройки, изменяя индивидуальную конфигурацию субъектно-личностной организации, возможности и средства регуляции, уровень и способы жизнеспособности.

Проведенный анализ теорий, гипотез и точек зрения на процессы саморегуляции и их детерминацию показывает, что в большинстве подходов выделяется один из аспектов саморегуляции: интеллектуальный контроль, эмоциональная или волевая регуляция, обсуждаются исполнительные контроли (исполнительные функции), фактически тождественные саморегуляции, указывается источник саморегуляции как интеллектуальный, личностный или энергетический ресурсы человека. Приведенные взгляды отечественных и зарубежных авторов, с нашей точки зрения, приводят к локализации процессов саморегуляции, где субъекту просто нет места. Тогда как, если говорить об активном выборе ситуаций, принятии решений, свободе воли, то без категории субъекта как центра саморегуляции обойтись невозможно. Упор на личностной (смысловой) составляющей в саморегуляции означает отождествление понятий субъекта и личности, что серьезно сужает разграничение содержательной и исполнительной составляющих (личности и субъекта) как двух единых, но разных сущностей.

Результаты исследований и верификация понятия

Контроль поведения в раннем возрасте

В лонгитюдном исследовании развития контроля поведения у детей младенческого возраста было обнаружено, что контроль поведения характеризуется возрастной динамикой развития, состоящей в усвершенствовании регуляторных процессов — улучшении когнитивного контроля и контроля действий, управления внимани-

ем, улучшении эмоциональной регуляции, переходе к использованию проблемно- и социально-ориентированных стратегий контроля поведения, активном использовании речи в регуляции поведения. Развитие контроля поведения подчиняется определенным общим закономерностям. Континуальность в развитии контроля поведения обеспечивается как генетическими, так и средовыми факторами и проявляется в закономерном изменении содержания контроля поведения, соотношения компонентов контроля поведения, характера генетического и средового вклада. Принцип антиципации в развитии реализуется в кризисном характере развития контроля поведения, когда изменения, реорганизация в соотношении тех или иных психологических характеристик предшествуют явным изменениям в поведении (Виленская, Сергиенко, 2001; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Однако было установлено, что этот процесс происходит неравномерно и нелинейно и имеет своеобразие у детей из групп биологического и психологического риска — монозиготных (МЗ) и дизиготных (ДЗ) близнецов (специфические стратегии компенсации регуляторного дефицита), поскольку средовые влияния специфично преломляются в индивидуальности детей, что соответствует основополагающему принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном: «Внешние причины действуют через внутренние условия».

Все три компонента контроля поведения развиваются взаимосвязанно, на каждом этапе обеспечивая возможность развития друг друга и подготавливая переходы на следующий уровень развития. Важным механизмом, обеспечивающим эти переходы, оказывается гетерохрония: не все компоненты одновременно достигают одного и того же уровня развития, за счет чего возможны компенсаторные отношения между ними.

Гетерохронность в развитии контроля поведения проявляется, в частности, в том, что наиболее рано складывается контроль действий (начиная со второго года жизни его показатели выше, чем показатели других компонентов контроля поведения во всех группах детей), затем складывается эмоциональный и когнитивный контроль. Опережающее становление контроля действий, опирающегося на внутренние цели и позволяющего действовать в соответствии с ними, способствующего осознанию себя как субъекта своих действий и причины изменений во внешнем мире, согласуются с представлениями большинства авторов о развитии субъектности (Божович, 2008; Сергиенко, 2016), о первом шаге на пути к ее развитию. Помимо этого, контроль действий обеспечивает условия для развития ко-

гнитивного контроля, расширяя поведенческий репертуар, позволяя более разнообразно манипулировать с объектами и перемещаться в пространстве, а также обеспечивая возможность выполнять сложную последовательность действий, реализующих определенные ментальные репрезентации. Развитие контроля действий создает условия и для развития эмоционального контроля, позволяя более свободно и разнообразно пользоваться такими стратегиями, как, например, переключение внимания (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Основная линия развития контроля поведения состоит в постепенном переходе контроля от взрослого (внешний контроль) к ребенку (самоконтроль), в процессе которого ребенок начинает все более самостоятельно управлять собственными эмоциями и состояниями. Кризисным в этом плане является возраст 18–24 мес., когда происходит реорганизация системы регуляции ребенка. Она обеспечивается, в первую очередь, интенсивным развитием речи и сложных когнитивных функций, а также отношений «родитель — ребенок», в частности, смещением акцента во взаимодействии с активности родителя на активность самого ребенка (Виленская, 2011; Сергиенко, Виленская, 2004; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). В работах, рассматривающих онтогенез регуляции поведения, этот возраст также указывается как переходный от фазы внешнего контроля к фазе самоконтроля (Bridges, Grolnick, 1995; Calkins, 2004; Kopp, 1989).

Общие закономерности в воздействии внешних факторов на развитие контроля поведения (родительское воспитание) прослеживаются на разных уровнях (обобщенные оценки, экспертные оценки поведения, микроанализ стратегий контроля поведения).

Контроль поведения в своем развитии имеет двойную детерминацию. Модулятором развития процессов контроля поведения выступают индивидуальные особенности человека, в частности, такой индивидуальный «фильтр» средовых воздействий, как темперамент, вносящий вклад в индивидуальные различия эмоциональной регуляции, организации действий, когнитивных процессов (Виленская, Сергиенко, 2001; Bates, 1987; Pulkkinen, 2006; Rothbart et al., 2004; Strelau, Elias, 1994). Характеристики темперамента являются базовым образованием, определяющим индивидуальные возможности адаптации ребенка к окружению. Они выступают как внутренняя основа формирования регуляции поведения.

Однако темперамент проходит процесс настройки, адаптации, чем способствуют или препятствуют условия среды. Средовой фактор в развитии контроля поведения действует не прямо, а опосредуется

и изменяется индивидуальными особенностями ребенка, стиль поведения которого складывается в первые годы жизни.

Было выявлено, что наиболее адекватным стилем родительского воспитания для своевременного развития контроля поведения является эмоционально поддерживающее отношение к ребенку с одновременным присутствием четких правил, предъявляемых ребенку, и последовательности поведения родителей в отношении ребенка, которые задают детям четкие рамки поведения, опираясь на которые они могут развивать собственные регуляторные способности. Однако темперамент детей по-разному преломляет средовые воздействия, обеспечивая детям различную чувствительность к ним и, в свою очередь, видоизменяясь под их влиянием. Чувствительность детей к средовым воздействиям различается в зависимости от типа темперамента и биологических характеристик, таких как близнецовость/одинокость и зиготность. Стиль родительского воспитания может модифицировать проявление темперамента как способа адаптации к среде. Индивидуальные характеристики детей сказываются в выраженном своеобразии развития контроля поведения. Поведение родителей отражает это своеобразие, одновременно накладывая отпечаток на формирование индивидуальности детей, способствуя становлению определенного профиля контроля поведения. Стиль родительского воспитания может как способствовать развитию всех компонентов контроля поведения, так и тормозить развитие того или иного компонента (Виленская, 2012).

Все описанные процессы в перспективе ведут к формированию уникального профиля контроля поведения, дающего начало способу самоорганизации, определяющему субъекта, и саморегуляции поведения.

Контроль поведения в процессе адаптации к детскому учреждению

Различные возможности актуализации индивидуальных ресурсов, ведущие к формированию индивидуального профиля контроля поведения, показаны уже у детей раннего возраста в лонгитюдном исследовании Е. В. Вантеевой, выполненном под руководством Е. А. Сергиенко (Вантеева, 2013). Оно посвящено проблеме развития контроля поведения у дошкольников в процессе адаптации к детскому учреждению. Дети 3—4 лет изучались до посещения детского сада, через месяц и через год после начала посещения детского сада. Наряду с данными тестовых методик использовались экспертные оценки детей родителями и воспитателями.

На основании проведенного исследования можно заключить, что в процессе привыкания к детскому саду дети 3–4 лет демонстрируют индивидуальное своеобразие паттернов контроля поведения в адаптивном и дезадаптивном вариантах. Группы разной степени адаптации (адаптивная и дезадаптивная) были выделены на основе оценки психоэмоционального состояния детей по результатам анкеты родителей и структурированного наблюдения над детьми воспитателей в начале посещения детского сада. Взаимосвязь высокого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективной пластичности и уровнем аффективной экспансии отражает индивидуальный паттерн контроля поведения в адаптивной группе. В дезадаптивной группе выявлена взаимосвязь низкого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективных стереотипов и уровнем эмоционального контроля, что является паттерном контроля поведения трудно адаптирующихся детей.

Важно подчеркнуть, что данное исследование указывает не только на индивидуальную особенность адаптации ребенка к учреждению, но и позволяет анализировать слабые звенья дезадаптивного процесса, разрабатывать индивидуальные программы помощи детям с дезадаптивными вариантами контроля поведения, что приобретает особое значение в свете создания дошкольных образовательных программ.

Контроль поведения в дошкольном возрасте

Гетерохронность и переструктурирование взаимосвязей между компонентами контроля поведения наблюдается и на последующих возрастных этапах — в дошкольном и младшем школьном возрасте, т.е. в период интенсивного развития регуляторных функций. Была обнаружена гетерохрония в развитии как отдельных компонентов контроля поведения, так и в соотношении контроля поведения с другими функциями. Так, в лонгитюдном исследовании дошкольников 3–5 лет (Виленская, Лебедева, 2014) было обнаружено, что у детей между 3 и 4 годами наблюдается скачок в развитии контроля поведения — заметное улучшение показателей всех его компонентов, что, возможно, подготавливает аналогичный скачок в понимании ментального мира (модели психического), который наблюдается между 4 и 5 годами.

Наиболее важными компонентами в этом процессе оказываются контроль импульсивности (предшественник волевого контроля, подготавливающий регуляторное обеспечение для понимания ментального мира другого человека) и такой маркер эмоционального контроля, как тревожность, способствующая повышенному внима-

нию детей к социальным маркерам желаний, намерений и пр. других людей и приводящая к более быстрому становлению модели психического в этот возрастной период. Таким образом, развитие эмоциональной регуляции в среднем дошкольном возрасте до некоторой степени может быть обусловлено уровнем функционирования модели психического в младшем дошкольном возрасте. В свою очередь, развитие модели психического связано с более ранним уровнем когнитивного контроля и контроля действий. Гетерохрония, как внутрисистемная, так и межсистемная, способствует развитию и контроля поведения, и модели психического, позволяя рассматривать эти субъектные функции как взаимные ресурсы развития (Виленская, 2016).

Контроль поведения в подростковом и юношеском возрасте

Разработка представления о контроле поведения как индивидуальном ресурсе регуляции привела к гипотезе о связанности контроля поведения, психологических защит и совладающих стратегий поведения. На основе лонгитюдного исследования подростков (11–18 лет) в диссертационной работе И. И. Ветровой, выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, была показана тесная взаимосвязь всех составляющих защитного поведения и относительное постоянство контроля поведения, подтверждена связь контроля поведения и совладания со степенью приспособленности подростков и выраженностью их тревожности. Актуальные стратегии совладания связаны с когнитивной составляющей контроля поведения, а проактивные стратегии совладания — с эмоциональной составляющей. Проактивное совладание является более высоким уровнем совладающего поведения, практически оторванным от неосознаваемых защитных механизмов, но опирающимся в большей степени на регулятивную функцию субъекта — контроль поведения. С психологическими защитами наиболее связанным оказалось актуальное совладающее поведение (Сергиенко, Ветрова, 2011).

При сравнении разных видов защитного поведения и выраженности контроля поведения выявлена разная структура дифференциации стратегий совладания и защитных механизмов в группах с высоким и низким уровнем контроля поведения. В группе с высоким уровнем контроля поведения можно было выделить несколько согласованных блоков защитно-совладающего поведения: уход от решения проблемы с помощью защит и актуальных стратегий совладания, поиск поддержки на проактивном и актуальном уровне, превентивное преодоление, блокирующее защиты. В группе с низким уровнем контроля поведения при сохранении блока поиска поддержки,

идентифицируется еще один большой блок стратегий и защит, в котором доминируют рефлексивное преодоление и планирование решения проблем с опорой на защиты, которые, видимо, восполняют дефицит контроля поведения.

Представления о различной индивидуальной ресурсной способности подростков позволяют создавать адресные программы психологической помощи и коррекции, в которых они остро нуждаются, проходя критический этап психического развития, который становится определяющим во взрослой и самостоятельной жизни, где контроль поведения играет решающую роль во всех формах самореализации и эффективности профессиональной деятельности.

В дальнейшей работе исследовались возможности проактивного совладания, направленного на разрешение возможных трудных жизненных ситуаций у подростков (Ветрова, 2016). К проактивным стратегиям относятся: проактивное преодоление — процесс целеполагания, т. е. постановка важных для личности целей; рефлексивное преодоление — представления и размышления о возможных поведенческих альтернативах путем сравнения их эффективности; стратегическое планирование — процесс создания четко продуманного, целеориентированного плана действий; превентивное преодоление — предвосхищение потенциальных стрессоров и подготовка действий по нейтрализации негативных последствий до того, как наступит возможное стрессовое событие. Поиск инструментальной поддержки — получение информации, советов и обратной связи от непосредственного социального окружения человека в период совладания со стрессами и поиск эмоциональной поддержки, ориентированный на регуляцию эмоционального дистресса путем деления чувств с другими, также относят к проактивному совладанию (Старченкова, 2009). Анализ результатов показал, что наиболее связанным с контролем поведения оказалось проактивное совладание, причем реализация этого более высокого уровня совладающего поведения заметно больше сопряжена именно с эмоциональной составляющей контроля поведения, направленной на регуляцию эмоционального состояния в возможных трудных жизненных ситуациях, опирающейся именно на эмоциональные ресурсы. Из актуальных копинг-стратегий наиболее связанными с контролем поведения оказались стратегии, направленные на разрешение трудных жизненных ситуаций и их избегание, что может свидетельствовать о том, что контроль поведения, преимущественно когнитивная его составляющая, является ресурсной основой для реализации совладающего поведения в актуальной трудной жизненной ситуации. Пси-

психологические защиты наименее связаны с контролем поведения, и большая часть выявленных связей носит компенсаторный характер. В проактивном совладании как сознательном усилии по изменению ситуации наиболее активно реализуется именно субъектная регулятивная функция – контроль поведения. Вклад неосознаваемых защитных механизмов в проактивное совладание оказался незначительным (Сергиенко, Ветрова, 2011).

Таким образом, можно предположить, что выдвинутая нами гипотеза о связанности контроля поведения, психологических защит и совладающих стратегий поведения нашла свое подтверждение при исследовании подросткового периода.

Контроль поведения у подростков исследовался также в диссертационной работе М. Климовой (2018), выполненной под руководством Д. Циринг, где было показано, что у подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью уровень развития контроля поведения и его строение различаются. У подростков с личностной беспомощностью компоненты контроля поведения разрознены, а эмоциональный и волевой контроль имеют обратные взаимосвязи. У самостоятельных подростков все компоненты контроля поведения взаимосвязаны между собой и образуют целостную согласованную структуру.

Генетико-молекулярные предикторы контроля поведения при родовом стрессе

Существует тесная взаимосвязь между развитием психических расстройств, психосоматических заболеваний и негативными переживаниями родового стресса. Родовой стресс носит психофизиологический характер, в условиях его переживания личность использует психологические защитные механизмы. Вследствие развития патологии родовой деятельности происходит нарушение гомеостаза в женском организме и, как следствие, психической регуляции поведения субъекта в процессе родов. Индивидуальные различия в уровне стрессоустойчивости к процессу деторождения, являющегося основной психологической готовности к родам, в процессе онтогенеза детерминируются внутренними и внешними условиями среды. В связи с этим диагностика психологической готовности к родам способствует более точному прогнозированию и выявлению проблем адаптации женщин к течению беременности и оценке их влияния на женское психическое здоровье.

В работе Н. Н. Чистяковой, выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, при сравнении женщин группы риска и женщин

с благополучным течением беременности на предродовых сроках беременности с применением психологических и генетико-молекулярных методов исследования было показано, что гомозиготные генотипы CC и VV минералокортикоидного рецептора NR3C2 и генотип SS глюкокортикоидного рецептора NR3C3 выступают как факторы риска развития низкого контроля поведения в период беременности, что может провоцировать деструктивное развитие системы «Мать—Плод» при повышенной чувствительности к кортикостероидам. Полученные генетико-молекулярные предикторы организации контроля поведения дают возможность проводить комплексную диагностику течения беременности и индивидуальное психологическое сопровождение беременности и подготовки к родам (Чистякова, Савостьянов, Сергиенко, 2013). Женщины в ситуации ожидания родов (стрессовой ситуации) демонстрировали разный уровень индивидуальных ресурсов (генетико-молекулярное своеобразие, выраженное в повышенной чувствительности к кортикостероидам). Следовательно, внутренние ресурсы выступали как основа снижения жизнеспособности в стрессовой ситуации предстоящих родов.

Результаты данной работы, хотя прямо и не отвечают на вопрос о способах преодоления предродового стресса, но дают важное обоснование роли генетико-молекулярных предикторов в развитии контроля поведения, который выступает основой дезадаптации течения беременности и роста предродового стресса.

Семейная регуляция трудных жизненных ситуаций (на примере беременности)

Исследование контроля поведения в пренатальный период, проведенное Ю. В. Ковалевой под руководством Е. А. Сергиенко (Ковалева, 2006; Ковалева, Сергиенко, 2007), основывалось на общем предположении, что течение беременности связано со способностью женщины к организации собственного поведения в этот период. Поведенческие стратегии при этом определяются контролем поведения, под которым подразумевается психический уровень регуляции поведения как системное объединение когнитивных, эмоциональных и волевых процессов, направленных на достижение цели — рождение здорового и эмоционально близкого ребенка.

Было показано, что интегративная характеристика индивидуальности — контроль поведения — определяет качественное своеобразие реализации поведения, направленного на достижение цели. В трудной жизненной ситуации (беременность) эффективную стратегию

поведения и благополучное вынашивание ребенка обеспечивает высокий общий уровень саморегуляции поведения, где наибольший вес имеют процессы моделирования, оценки результата и программирования, эмоциональная устойчивость и экономная волевая регуляция.

В описываемом исследовании также впервые был проведен анализ семейных показателей, связанных с регуляцией поведения. В анализе были задействованы данные по трем поколениям семьи: беременных, их матерей (будущих бабушек) и детей после рождения в первый год жизни. Совместно с переменными контроля поведения изучались представления беременных о родительском отношении в детстве, а также показатели психического развития (уровень ментального развития и темпераментальные характеристики) их новорожденных детей в первый год жизни. В результате было показано, что неосложненное вынашивание и, соответственно, более согласованный и развитый контроль поведения связаны с представлениями о поддерживающем и принимающем родительском отношении в детстве. Своеобразие и репертуар поведенческих возможностей детей, рожденных после благополучной и неблагополучной беременности, свидетельствует о различном пренатальном опыте, который соотносится с особенностями организации поведения их матерей во время беременности.

За последние годы в различных исследованиях были получены данные о том, что у супружеской диады в период ожидания ребенка происходит специфическая для этой ситуации координация различных характеристик, в том числе связанных с регуляцией поведения. К ним относятся: локус контроля, составляющие контроля поведения, копинг-стратегии и психические состояния. Координация имеет характер как прямого позитивного согласования, так и компенсации. Под компенсацией понимается перераспределение ресурса, когда реализация необходимого поведения осуществляется за счет использования возможностей партнера по ситуации (Ковалева, 2009). Также была показана специфика организации регуляторного ресурса супругов, находящихся на различных этапах жизненного цикла семьи (до рождения ребенка, во время ожидания первого и второго ребенка). Установлена сопряженность между семейной сплоченностью и способом согласования переменных контроля поведения супругов на каждом из этапов цикла. Так, стресс первой беременности сопровождается как дезинтеграцией в регуляторных ресурсах супругов, так и более напряженной динамикой отношений (Ковалева, 2012, 2013).

***Контроль поведения
и травматичный опыт аборта***

Изучение механизмов психической адаптации женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности было проведено Т. С. Миковой под руководством Е. А. Сергиенко. В качестве адаптивных механизмов поведения рассматривались контроль поведения, механизмы психологической защиты и совладания. Были выявлены уровневые особенности составляющих контроля поведения в обеих группах испытуемых. Установлено, что травмированные женщины отличаются низким уровнем когнитивного и произвольного контроля, тогда как для нетравмированных испытуемых характерны высокая когнитивная пластичность и способность беспрепятственного осуществления своих намерений в достижении цели. Эмоциональный контроль в обеих группах осуществляется на среднем уровне.

Также было установлено, что испытуемые исследуемых групп выбирают различные пути преодоления трудностей: для женщин с травматичным опытом характерно использование бессознательных механизмов защиты психики и сознательных способов совладания, которые отличаются эмоционально-ориентированным и дезадаптивным характером. Женщины без травмы в большинстве случаев прибегают к продуктивному проблемно-ориентированному стилю совладания.

В обеих группах испытуемых было выявлено своеобразие соотношения адаптивных механизмов поведения. Выяснилось, что женщины без травмы отличаются тесными связями контроля поведения, психологических защит и совладания, в большинстве случаев имеющих компенсаторный характер, предпочтение отдается нескольким наиболее продуктивным стратегиям. Для травмированных женщин характерна система многочисленных связей между изучаемыми показателями с меньшими компенсаторными возможностями, что не способствует успешному совладанию, а лишь усиливает общее психическое напряжение субъекта. Женщины с травмой после аборта отличаются несогласованной системой контроля поведения, использованием деструктивных способов защиты и совладания, а также слабыми компенсаторными связями между этими адаптивными механизмами. Таким образом, у женщин с травматичным опытом прерывания беременности была выявлена дефицитарность контроля поведения в отличие от женщин без подобного опыта (Сергиенко, Микова, 2011).

Контроль поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности

В диссертационной работе Н. С. Павловой (Терехиной), выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, изучалась взаимосвязь контроля поведения и субъективного благополучия людей различных профессий. Показано, что респонденты обеих групп: люди со строгой регламентаций деятельности (летчики ВВС — 44 человека) и люди с нерегламентированной профессиональной деятельностью (фрилансеры, художники, преподаватели, научные сотрудники — 40 человек), удовлетворены своей жизнью. Но достигают они субъективного благополучия разными путями. У представителей регламентированных профессий большую роль в регуляции поведения играют субъектные характеристики, в то время как у людей, самостоятельно регулирующих свою профессиональную деятельность — характеристики личности. Между субъектными и личностными характеристиками наблюдается большая интеграция при отсутствии строгой регламентации трудовой деятельности, в то время как у представителей регламентированных профессий отмечаются более тесные связи между отдельными параметрами. У людей нерегламентированных профессий субъективное благополучие взаимосвязано с субъективным возрастом, эмоциональной регуляцией и гибкостью как свойством саморегуляции (когнитивным компонентом контроля поведения). В группе военных летчиков субъективное благополучие является обособленным конструктом и не имеет связей с оценкой своего возраста и контролем поведения. Контроль поведения у летного состава ВВС отличается большей интегрированностью компонентов по сравнению с людьми «свободных» профессий. Самовосприятие возраста у летчиков в большей степени взаимосвязано с когнитивным компонентом, а в контрольной группе — с эмоциональным компонентом контроля поведения (Павлова, Сергиенко, 2016). Поскольку строгая регламентированная профессиональная деятельность летчиков сопряжена с постоянным стрессом и высокой ответственностью, то особенности согласованности составляющих контроля поведения выступают внутренней основой их субъектной регуляции.

Исследование контроля поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности может рассматриваться как попытка сопоставить взаимодействие внутренних ресурсов с внешними условиями. При жесткой регламентации деятельности контроль поведения оказался более согласованным в своих

составляющих (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль), но в меньшей степени связанным с субъективным благополучием и личностными ориентирами, тогда как люди нерегламентированных профессий в большей степени подчиняют свое поведение эмоциональной регуляции и личностным смыслам, т. е. ориентируется в большей степени на внутренние координаты своей профессиональной деятельности. Это может быть обусловлено тем, что жизнь людей нерегламентированных профессий тесно связана с самоорганизацией. От того, как они смогут построить свою работу, будет зависеть и успех выполняемой деятельности, и материальный достаток, и дальнейшее профессиональное развитие и т. д. Поэтому регуляция своего поведения в рамках данных профессий приобретает особую значимость и оказывается напрямую связанной с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем и субъективным возрастом (Павлова, Сергиенко, 2016).

В изучении эмоционального интеллекта как способности к эмоциональной регуляции было показано, что продуктивное совладание, как и более высокая саморегуляция и субъективное экономическое благополучие, в большей мере наблюдается у людей с высокими показателями эмоционального интеллекта (Киселева, Сергиенко, 2015).

Перспективы развития понятия

Среди нерешенных вопросов и перспектив исследования контроля поведения отметим, что мало еще известно о профилях контроля поведения, индивидуальных вариантах его формирования. Не вполне ясно, как соотносится контроль поведения с личностными особенностями. Исследования взаимодействия контроля поведения как регулятивной субъектной функции и модели психического как когнитивной субъектной функции имеют большие перспективы, а о взаимосвязях его с коммуникативной функцией субъекта практически ничего не известно. Недостаточно информации о развитии контроля поведения в младшем школьном, предпубертальном и младшем подростковом возрасте, его изменении в период взрослости. Не вполне понятна природа и механизмы гетерохронии компонентов контроля поведения. Вопрос о предикторах контроля поведения также пока не решен. Насущной проблемой является разработка методов диагностики контроля поведения в разных возрастах, как и методик его коррекции. Варианты отклоняющегося развития контроля поведения также еще практически не исследованы.

Заключение

Контроль поведения — новое понятие, которое расширяет знание о регуляции и саморегуляции. Представление о контроле поведения как базовой основе регуляции сформировалось как попытка обоснования интегративного конструкта субъектной регуляции. Рассмотренные нами концепции и подходы к психической регуляции поведения и деятельности показывают, что понятие контроля поведения не сводится только к понятию саморегуляции, или регуляции психических состояний. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними). Показано также отличие контроля поведения как основы субъектной регуляции от близкого понятия жизнеспособности, где акцент в большей степени ставится на высокоуровневых процессах самоорганизации, тогда как контроль поведения лежит в их основе и становится индивидуальным психологическим механизмом адаптивного поведения на всем протяжении развития субъекта.

Представленная кратко верификация данного конструкта показывает его преимущество относительно других моделей регуляции и саморегуляции, поскольку он обладает потенциалом интерпретации сложных поведенческих изменений в онтогенезе и особенностей жизнедеятельности. Кроме того, попытка обоснования интегративного понятия, вбирающего разные стороны психической организации, актуализируемые в индивидуальной регуляции, соответствует современным тенденциям по поиску обобщающих моделей психической регуляции.

Литература

- Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2001.
- Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Вантеева Е. В.* Контроль поведения у детей дошкольного возраста в период адаптации к детскому саду // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
- Веккер Л. М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Ветрова И. И.* Контроль поведения как фактор проактивного совладающего поведения в подростковом возрасте // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 419–440.
- Виленская Г. А.* Родительское поведение в раннем возрасте как фактор развития контроля поведения // Вестник РГНФ. № 1. 2011. С. 122–130.
- Виленская Г. А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.
- Виленская Г. А.* Гетерохрония на ранних этапах развития контроля поведения // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 319–338.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 38. С. 5.
- Виленская Г. А., Сергиенко Е. А.* Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психол. жур. 2001. Т. 22. № 3. С. 68–85.
- Выготский Л. С.* Проблемы развития психики // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983.
- Дикая Л. Г.* Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Иванников В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
- Киселева Т. С., Сергиенко Е. А.* Эмоциональный интеллект как фактор эффективности жизнедеятельности человека // Бизнес-анализ и поведенческая экономика: Межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов. М.: Тезаурус, 2015. С. 151–161.
- Климова М. О.* Особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью: Дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2018.

- Ковалева Ю. В.* Регуляция поведения в семье во время беременности // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 1. № 1. С. 135–142.
- Ковалева Ю. В.* Изучение субъектной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябкина, Е. А. Сергиенко. М., 2009. С. 466–482.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психол. жур. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
- Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Психол. жур. 2007. Т. 28. № 1. С. 70–82.
- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Корнилова Т. В.* Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.—Ставрополь: ПИ РАО, Сев-КавГТУ, 2007. С. 181–194.
- Корнилова Т. В.* Отношение человека к неопределенности и интеллект в становлении его личностных структур и регуляции выборов // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 220–239.
- Лазарус А.* Краткосрочная мультимодальная психотерапия. СПб.: Речь, 2001.
- Лактионова А. И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лактионова А. И.* Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С. 109–126.
- Леонтьев Д. А.* От инстинкта к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 4–12.
- Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломо-

- носова. Вып. 2 / Под ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85–105.
- Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 12–42.
- Леонтьев Д. А., Овчинникова У. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х.* Психология выбора. М.: Смысл, 2015.
- Либина А. В.* Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008.
- Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и измерение совладания // Психология стресса и совладающего поведения: Материалы III Международной научно-практической конференции. Кострома, 26–28 сент. 2013. В 2 т. / Отв. ред.: Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапаровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 2. С. 289–291.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2016.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Мурзиев И. Х., Прохоров А. О.* Особенности регуляции психических состояний в трудных жизненных ситуациях // Психология психических состояний / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. С. 275–283.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
- Павлова Н. С., Сергиенко Е. А.* Субъективная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 36. № 2. С. 43–56.
- Петровский В. А.* Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.—Ставрополь: Изд-во ПИ РАО—СевКавГТУ, 2007. С. 151–171.
- Прохоров А. О.* Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы и закономерности. М.: Пер Сэ, 2005.
- Прохоров А. О.* Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 13–29.
- Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электр. науч. жур. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2018).
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. жур. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–116.
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Соотношение контроля поведения, совладания и психологических защит // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 275–296.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Динамика изменений раннего психического развития: психогенетический и онтогенетический аспекты // Вестник РГНФ. 2004. № 4 (37). С. 105–117.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А., Микова Т. С. Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности // Психолог. 2011. Т. 32. № 4. С. 70–83.
- Смирнов С. Д. Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 240–258.
- Смирнова Е. О. К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9–15. doi:10.17759/chp. 2015110302
- Старченкова Е. С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 2. Ч. 1. С. 198–205.
- Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.

- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учебное пособие. М.: Пер Сэ, 2002.
- Чистякова Н. В., Савостьянов К. В., Сергиенко Е. А.* Эндогенные механизмы когнитивного контроля в регуляции функциональной системы «Мать—Плод» // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.2014).
- Шапкин Е. А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.
- Bates J. E.* Temperament in infancy // Handbook of Infant Development / Ed. J. F. Osofsky. N. Y., 1987. P. 1101–1149.
- Baumeister R. F., Schmeichel B. J., Vohs K. D.* Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent // Social psychology: Handbook of basic principles / Eds A. W. Kruglanski, E. T. Higgins. 2007. P. 516–539.
- Bridges L. J., Grolnick W. S.* The development of emotional self-regulation in infancy and early childhood // N. Eisenberg (Ed.). Review of Personality and Psychology. Newbury Park, CA, 1995. P. 185–211.
- Calkins S. D.* Early attachment processes and the development of emotional self-regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.—London: The Guilford Press, 2004. P. 324–339.
- Eisenberg N., Smith C. L., Sadovsky A., Spinrad T. L.* Effortful control: relations with emotion regulation, adjustment and socialization in childhood // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.—London: The Guilford Press, 2004. P. 259–282.
- Goschke T.* The 1st Zeigarnik lecture: Control dilemmas in voluntary action or have we banished the homunculus from theories of cognitive control? // Третья Международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов: В 2 т. Москва, 20–25 июня 2008 г. М.: Художественно-издательский центр, 2008. Т. 1. С. 16–18.
- Gross J. J.* Emotion regulation: Conceptual and empirical foundations // J. J. Gross (Ed.). Handbook of emotion regulation (2nd ed.). N. Y.: Guilford, 2014. P. 3–20.
- Kopp C. B.* Regulation of distress and negative emotions: a developmental view // Developmental Psychology. 1989. V. 25. № 3. P. 343–354.
- Kuhl J., Fuhrmann A.* Decomposing self-regulation and self-control: The volitional components checklist // J. Heckhausen, C. Dweck (Eds). Life span perspectives on motivation and control. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1998. P. 15–49.
- Larsen R. J., Prizmic Z.* Affect regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / Eds R. F. Baumeister, K. D. Vohs. N. Y.—London: The Guilford Press, 2004. P. 40–61.

- Lazarus R.* Stress and emotion: A new synthesis. Free association book. London, 1999.
- Mandler G.* Mind and emotions. N. Y.: John Wiley, 1975.
- Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotion // Emotion: Theory, research and experience / R. Plutchik, H. Kellerman (Eds). N. Y.: Academic Press, 1980. V. 1. P. 3–33.
- Psychology of self-regulation: cognitive, affective and motivational processes / J. P. Forgas, R. Baumeister, D. M. Tice. N. Y.: Psychology Press, 2009.
- Pulkkinen L.* Self-Control and Continuity from Childhood to Late Adolescence // Life-Span Development and Behaviour. 1992. V. 4. P. 84–105.
- Pulkkinen L.* The Jyväskylä longitudinal study of personality and social development (JYLS) // Socioemotional development and health from adolescence to adulthood. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 29–55.
- Pulkkinen L.* Life success of male on nonoffender, adolescence-limited, persistent and adult-onset antisocial pathways: follow-up from age 8 to 42 // Aggressive behavior. 2009. V. 35. P. 1–19.
- Pulkkinen L., Feldt T., Kokko K.* Personality in young adulthood and functioning in middle age // Middle adulthood: a lifespan perspective / S. L. Willis, M. Martin (Eds). Sage Publications, 2009. P. 99–141.
- Rothbart M. K.* Temperament and development // Temperament in Childhood. Chichester, 1989. P. 187–249.
- Rothbart M. K., Ellis L. K., Posner M. I.* Temperament and self-regulation // Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application / R. F. Baumeister, K. D. Vohs (Eds). The Guilford Press. N. Y.—London, 2004. P. 357–370.
- Strelau J., Elias A.* Temperament risk factors for type a behaviour pattern in adolescents // Prevention and early intervention individual differences as risk factors for the mental health of children / W. B. Carey, S. C. McDevitt (Eds). N. Y.: Brunner—Mazel, 1994. P. 42–49.
- Zelazo P. D., Carlson S. M.* Hot and cool executive function in childhood and adolescence: Development and plasticity // Child Development Perspectives. 2012. № 6. P. 354–360.
- Zelazo P. D., Frye D.* Cognitive complexity and control: A theory of the development of deliberate reasoning and intentional action // Language structure, discourse and the access to consciousness / M. Stamenov (Ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 113–153.

Разработка понятия социального представления — новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии

Т. П. Емельянова

Понятие социального представления было введено Сержем Московиси как современный вариант понятия коллективного представления Э. Дюркгейма. Оно трактуется как имеющая консенсусные особенности особая форма коллективного знания, социально сконструированного, разделяемого индивидами, входящими в сообщество, и служащего для повседневного практического применения (Moscovici, 1960). Понятие социального представления было предложено Московиси в качестве альтернативы коллективным представлениям Дюркгейма для анализа обыденного сознания, существующего в условиях массового общества, избытка информации, разнообразного давления со стороны СМИ, пропаганды и других социальных воздействий (Емельянова, 2016).

Согласно традиционной систематике существующих в психологии социального познания подходов, отраженной в ряде авторитетных изданий (Augoustinos, Walker, 1995; Moliner, Abric, 2015; Social cognition, 1981), концепция СП является одним из вариантов западноевропейского социального когнитивизма. Она в известном смысле противопоставляется традициям североамериканской науки. В противовес индивидуалистическому крену в социальном когнитивизме за океаном, где социальным остается только предмет познания, «социальное представление выступает как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но и для целой группы»

(Андреева, 2005, с. 209). В отличие от социально когнитивистского подхода с его метафорой «обработки информации», подход через социальное представление выглядит более адекватным с социально-психологической точки зрения в смысле учета социального контекста и ориентации на коллективного субъекта (Augoustinos, Walker, 1995).

Внешние причины привлекательности концепции социального представления достаточно очевидны: это использование научного языка, общего для различных социально-психологических школ, социальная актуальность и злободневность эмпирических исследований, плюрализм в операционализации самого понятия, возможность установления связей с другими социальными науками. Между тем внешняя «понятность» и «определенность» этого подхода, «легкость» следования ему на поверку оказываются только видимостью, а на практике создают разночтения методологического характера. Это привело к широким теоретическим дискуссиям вокруг трактовки самого понятия. Между тем объем исследований в рамках теории социальных представлений продолжает увеличиваться как за рубежом, так в отечественной социальной психологии. В Институте психологии РАН были предприняты многочисленные исследования в плане изучения особенностей социальных представлений российского общества К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой, Т. В. Дробышевой, Т. П. Емельяновой, Л. Ш. Мустафиной, Л. М. Сосниной, С. В. Тихомировой, В. А. Хашенко и др. Ряд работ в этой области выполнен на факультете психологии МГУ (И. Б. Бовина, А. И. Донцов, С. В. Федотова, Т. В. Фоломеева и др.), защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций.

Среди множества определений понятия социального представления наиболее общее принадлежит, по-видимому, Денизе Жодле: «Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления — это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым они служат во взаимодействии с миром и другими людьми» (Jodelet, 1984, p. 361–362).

В этом определении, прежде всего, обращает на себя внимание то, что ключевым признаком социального представления является его отнесение к числу форм и способов обыденного познания действительности, которое в оппозиции к научному познанию принято называть познанием здравого смысла или «спонтанным», «наивным», «практическим» и т. п. познанием. «Как люди понимают окружающий мир? Почему они так, а не иначе осмысливают свою повседневную жизнь?» — эти вопросы выступают центральными в концепции социальных представлений, для их решения она и была создана. В каких бы формах — сложных или простых — ни проявлялись социальные представления, они всегда служат «способом интерпретации и осмысления повседневной реальности, определенной формой социального познания, предполагающей когнитивную активность индивидов и групп, позволяющей им фиксировать свою позицию по отношению к затрагивающим их ситуациям, событиям, объектам и сообщениям» (там же, р. 360).

Теоретическое описание социальных представлений как своеобразных когнитивных систем не является самоцелью для авторов концепции. Свою задачу они видят в том, чтобы сделать понятие социальных представлений удобным инструментом анализа социально-психологических процессов: «Понять, как возникают и строятся эти концептуальные системы в обществе — такова цель теории социальных представлений» (Moscovici, Hewstone, 1984, р. 550). Отправной пункт рассуждений авторов — мысль о том, что формирование представлений — психологическая необходимость социальной жизни. Будучи достаточно устойчивыми и в то же время оперативными когнитивными образованиями, социальные представления создают возможность быстрой переориентации в меняющейся действительности, особенно в условиях недостаточно полной или неоднозначной информации относительно воспринимаемого объекта. Подвижный характер, пластичность социального представления делают его, по мнению авторов, незаменимым звеном в структуре обыденного социально-психологического познания.

Б. Гафье (Gaffié, 2004) предложил объединить три определения, заимствованные у С. Московиси, Д. Жодле и К. Гимели: «Социальное представление является совокупностью знаний, убеждений, схем восприятия и действия по отношению к социально значимому объекту. Оно составляет особую форму повседневного знания, которое определяет реальность для социальной общности, выработавшей его для целей деятельности и коммуникации» (там же, р. 7).

Что касается элементов содержания представления, то учесть их исчерпывающим образом оказывается трудно, поскольку они многочисленны и многообразны. В рамках различных теоретических подходов говорилось о представлениях, состоящих из суждений, убеждений, мнений, образов, норм, идей, аттитюдов, стереотипов, темат (термин Московиси) и т. п. Кроме того, их предметом могут быть самые разные феномены, события, абстрактные категории и т. д. В определении, данном Б. Гафье, необходимо выделить также термины «общность» и «схемы», чтобы уточнить, что социальное представление является понятием, которое описывает не только объект, но и процессы, благодаря которым он существует.

Чтобы учесть эту процессуальную динамику, К. Фламан и М.-Л. Рукетт (Flament, Rouquette, 2003) предложили подход, состоящий из нескольких вариантов определения понятия. Они различают три уровня понимания социальных представлений, которые предполагают три определения. Первое является дескриптивным и гласит, что представление может в общем виде трактоваться как «способ видения мира, который выражается в суждении и в действии». Тогда представление отсылает к социальному факту. Второе определение является концептуальным и обозначает представление через «совокупность знаний, аттитюдов и убеждений», в которых выражаются принятие позиций, ценности и нормативные предписания. Последнее определение является операциональным и рассматривает представления как «совокупность когнитивных элементов, связанных глубинными отношениями... с определенной группой» (там же, р. 13). В каждом определении имеется свой особый смысл и подразумевается своеобразный исследовательский подход.

Прежде чем охарактеризовать черты родства и отличия понятия социального представления по отношению к более устоявшимся в социальной психологии понятиям, заметим, что теоретическая оригинальность концепции и предпринимаемые ее сторонниками попытки уточнить предмет науки возбудили интерес многих исследователей. Рядом авторов (во всяком случае поначалу) концепция социальных представлений была воспринята как набор новых методических приемов и процедур, которые необходимо сопоставить с уже имеющимся «арсеналом». Даже такой активный британский сторонник идей французской концепции, как Р. Фарр, анализируя в своей статье направления социально-психологических исследований, акцентирует именно момент новизны методических приемов нового подхода: «Традиции дюркгеймианства в современной психологии наиболее значительны и внушительны в плане неэксперименталь-

ных исследований социальных представлений во внелабораторных условиях» (Farr, 1978, p. 518)¹. Выступая на парижском симпозиуме, Московиси не без горечи замечает: «Мне приходилось иногда пытаться объяснить тому или иному коллеге, что такое социальное представление и почему мне кажется интересным его изучать. Но до того, как я успевал произнести пять-шесть фраз, возникал вопрос: „В каком смысле это затрагивает понятие поведения?“, — и так как мне нечего было ответить, разговор иссякал, наиболее вежливые переставали меня слушать, а наиболее дружелюбные уверяли меня, что „это метафизика“» (Moscovici, 1976, 1984, p. 14). Это типичный упрек в «излишнем» философствовании, т. е. отходе от общепринятых сциентистских образов.

Если бихевиористски ориентированные критики просто не принимали идеологии новой концепции, то интеракционисты и когнитивисты относились к ней гораздо более дружелюбно, хотя и с оттенком снисходительности. Американский исследователь И. Дойчер в целом одобрительно отозвался о новом подходе, окрестив его «неодюркгеймианством». Более того, в заслугу ему он ставит именно преданность национальной традиции «иконоборчества»: «Французская школа — это движение, которое ищет альтернативу преобладающим теоретическим моделям поведения человека и социальных процессов» (Deutscher, 1984, p. 75). Как психологу, исповедующему учение Дж. Мида, ему, безусловно, близки гуманистические тенденции и общий острый полемический тон концепции. Дойчеру также импонирует методический стиль французских исследований. Он справедливо отмечает свежесть и плодотворность таких полевых методов исследования представлений, как неструктурированная беседа, примененная К. Херзлиш (Herzlich, 1969), интервью, осуществленное Московиси (Moscovici, 1976), контент-анализ книг и фильмов о детстве, произведенный М.-Ж. Шомбар де Лов (Chombart de Lauwe, 1984), и др.

Несмотря на то, что символический интеракционизм как одна из глобальных ориентаций западной социальной психологии имеет ряд самостоятельных направлений, Дойчер пытается найти общие теоретические посылки, роднящие его с концепцией социальных представлений. Не без основания одной из них он считает идею наличия символического элемента в общественной жизни. Действительно, роль и функции социальной символики выступают основной

---

¹ Справедливости ради необходимо отметить, что в других работах Р. Фарр по достоинству оценивает и собственно теоретические аспекты и даже соглашается с максимой Московиси, что наша эпоха является по преимуществу эрой социальных представлений (Farr, 1984, p. 380).

исследовательской проблемой в теории символического интеракционизма и занимают видное место в концепции социальных представлений. «Представлять, — пишет Д. Жодле, характеризуя элементарный акт представления, — означает „быть на месте чего-либо“. В этом смысле представление — это умственное воспроизведение объекта, человека, события, идеи и т. п. Здесь обнаруживается близость представления символу, знаку: и те, и другие отсылают к чему-то иному. Не может быть социального представления, которое не было бы представлением определенного объекта, будь он даже мифическим или вымышленным... Во всех случаях, говоря о представлении, мы говорим о внутреннем содержании конкретного мыслительного акта, в символической форме воспроизводящего нечто отсутствующее, приближающее нечто далекое» (Jodelet, 1984, р. 362). Подчеркивая символическую природу социального представления, Д. Жодле проводит характерную для интеракционизма параллель с театральным представлением, позволяющим публике, воспринимая слова и действия актеров, «видеть» невидимое: судьбу, любовь, смерть и т. п.

В сформированном виде, как показал С. Московиси, социальное представление всегда исполняет функцию символа, образа определенного общественного явления (Moscovici, 1976, р. 289). Символический, образный характер — одна из наиболее ярких отличительных черт способности человека представлять, которую, по мнению С. Московиси, следует отличать от способности понимать. Если вторая заключается в накоплении и упорядочении почерпнутых из внешнего мира знаний, то первая «относится к той форме активности, посредством которой люди воспроизводят одну модальность в другой — слова в образах, рисунки в идеях, эмоции в понятиях и т. д.» (Moscovici, Hewstone, 1984, р. 551). Способность представлять, продолжает С. Московиси, предполагает «воспроизводство» не только реальных, но и фиктивных, вымышленных, отсутствующих объектов в форме объектов подлинных, существующих, близких. Так, посредством образных или других средств мы привычно видим невидимое по определению: атомы, волны, намерения, причины.

Утверждение о принципиальной значимости символических процессов в жизнедеятельности общества равным образом, как и мысль о том, что люди являются активными творцами собственного символического окружения, с которым сами же соотносят свое поведение, несомненно, сближают концепцию социальных представлений с позицией сторонников символического интеракционизма. Однако трактовка механизмов порождения символических процессов и, в частности, вопрос о том, какие структуры их направляют,

обнаруживает существенные различия двух теоретических позиций. Центром рассуждения Дж. Мида является конкретная личность, постоянно находящаяся в процессе принятия роли и проигрывания вариантов действий, общество же и его институты рассматриваются им как результат взаимодействия отдельных индивидов, стремящихся приспособиться друг к другу. Нетрудно заметить, что концепция социальных представлений фактически начинает работать с того вопроса, перед которым остановился символический интеракционизм. Совокупность представлений составляет, по С. Московиси, своего рода символический универсум общественной жизни, который скорее преломляется, нежели формируется в конкретных поведенческих актах. Представление — это социально выработанная и разделяемая форма практического знания, субъектом которого являются большие социальные группы, носителем же, разумеется, остается отдельный индивид.

Более сложны и противоречивы взаимоотношения концепции социальных представлений с когнитивистской ориентацией в социальной психологии. Основная трудность заключается в том, что, имплицитно тяготея именно к этой парадигме более, чем к какой-либо другой, сами теоретики концепции явно не причисляют себя к когнитивистам и во многих пунктах противопоставляют себя им. Главные линии размежевания — вопрос о природе, механизмах формирования и функциях когнитивных детерминант социального поведения. Обращаясь к той же реальности, что и традиционные когнитивистские теории, — к непосредственному жизненному опыту «человека с улицы», концепция социальных представлений иначе трактует и сам этот опыт, и его обладателя. Как трансформируется научное знание в содержание социального представления, служащего «ученому-любителю» для решения практических задач повседневной жизни? Ответ на этот важнейший, по мнению С. Московиси, вопрос невозможен в рамках традиционной когнитивистской парадигмы, основанной на информационной трактовке когнитивных процессов. Ни объем, ни ясность, ни достоверность информации, ни другие сходные характеристики, традиционно используемые для описания когнитивной активности, сами по себе не позволяют определить, как формируется система значений и личностных смыслов субъекта в конкретных обстоятельствах.

Для С. Московиси и его последователей контекстуальный тип объяснения поведения связан главным образом с обращением к анализу системы социальных представлений, являющихся основой и способом восприятия окружающей действительности и в то же

время — ее компонентом. Представления, по Московиси, присутствуют в любом акте человеческой активности: «Мы так же не можем избежать свойственных нашим представлениям категорий и способов умозаключения, как не можем избежать законов нашей анатомии и физиологии» (Moscovici, Hewstone, 1984, p. 566).

Объяснительные возможности понятия социального представления распространяются, разумеется, и на интерпретацию отношений причинности, в том числе тех, которые характеризуют собственное и чужое поведение. Как известно, исследования каузальной атрибуции являются одним из наиболее влиятельных направлений когнитивной социальной психологии и, по некоторым данным, входят в число наиболее приоритетных тем социальной психологии в целом. Более того, существует мнение о том, что на фоне возрастающей анемии бихевиоризма ведущие концептуальные схемы изучения атрибуции «по мере своего развития и ассимиляции других социально-психологических концепций превратятся в общую теорию социальной психологии» (Юревич, 1986, с. 171). И хотя к настоящему моменту время оптимистических прогнозов миновало, понятно, что теоретики концепции социальных представлений не могли не затронуть вопрос о соотношении собственного подхода с данным направлением исследований. Отношение к нему, судя по высказываниям Московиси и его коллег, двойственное. С одной стороны, отдается дань общности претензий постичь закономерности наивной эпистемологии, филигранной экспериментальной техники изучения процессов атрибуции, солидности установленных эмпирических результатов. С другой стороны, критикуется асоциальность, индивидуалистичность атрибутивной интерпретации когнитивных детерминант поведения, ущербность стоящей за ней модели человека. Еще в 1973 г. Ж.-К. Дешам писал по поводу теории Г. Келли, что «эта теория атрибуции может быть, по-видимому, применена лишь к изолированному субъекту, изъятому из какого бы то ни было социального контекста и пассивному по отношению к окружающему миру. Социальное измерение атрибуции в ней не рассматривается» (Deschamps, 1973—1974, p. 713).

Десятилетие спустя, сопоставляя теорию атрибуции и концепцию социальных представлений, С. Московиси использует по существу те же аргументы, однако с иными выводами. «Феномены атрибуции, как они изучены на сегодняшний день, — пишет Московиси, — обладают весьма индивидуалистической направленностью и вписываются исключительно в контекст диадических отношений. В этом нет ничего удивительного: здесь лишь воплотилась доминирующая

ориентация нашей дисциплины. Но уж в этом-то контексте они изучены весьма тщательно. Что же касается социальных представлений, они исследовались на уровне групп, общества. В этом тоже нет ничего удивительного, если принять во внимание, что в качестве исходной здесь послужила критическая позиция по отношению к этой доминирующей ориентации» (Moscovici, 1982, p. 142–143). Учитывая специфику каждого из подходов, С. Московиси полагает, что их конвергенция была бы настолько перспективной, что могла быть квалифицирована как один из «узловых» моментов развития социальной психологии до конца нынешнего тысячелетия. Существом подобной конвергенции, согласно С. Московиси, должна стать «социализация» атрибуции, с одной стороны, и «ригоризация» анализа представлений – с другой.

Насколько прочным и плодотворным окажется возможный союз, покажет время. Думается, что определенные основания для оптимистичного прогноза есть: включение понятия «социальное представление» в концептуальный строй теории атрибуции существенно расширяет социальный контекст исследования атрибутивных процессов и дает ключ к пониманию их генезиса. Для концепции представлений также небесполезно обращение к категории «атрибуция», конкретизирующей и «заземляющей» ряд тезисов концепции.

Одной из работ, специально посвященных вопросу о соотношении теоретических основ концепции социальных представлений и методологии социального когнитивизма, является статья Ж. Кодола (Codol, 1969). В отличие от С. Московиси, который почти не делает прямых сопоставлений своей концепции с исходными постулатами американских когнитивистски ориентированных теорий, Ж. Кодол стремился вскрыть общие методологические посылки, лежащие в их основе, а также упорядочить и унифицировать аппарат когнитивной социальной психологии. Характеризуя когнитивистскую парадигму в социальной психологии, Ж. Кодол вполне оправданно обобщает: «Базовая аксиома работ в этой области состоит в том, что как когнитивная структура, так и структура представления являются собой некоторое равновесие, некую связность, некоторую стабильность и постоянство» (там же, p. 66). Эта гештальтистская аксиома воплощается в постулате постоянного стремления внутренней картины мира индивида к сбалансированности с помощью различных механизмов: категоризации, перестройки элементов универсума и т. п. — но непременно наиболее экономичным путем, т. е. посредством наименьшего числа изменений.

Действительно, идея баланса лежит в основе рассуждений С. Московиси и других авторов о процессе индивидуального познания, в результате которого «странное», «чуждое» содержание должно превратиться в «обычное», «банальное», не противоречащее существующему когнитивному универсуму субъекта. «Понять нечто новое, — пишет Жодле, — это сделать его своим и объяснить. Система представлений дает рамки интерпретации нового в русле уже известного» (Jodelet, 1984, р. 376) и, добавляет автор, является базой любых процессов категоризации (классификации).

Другой важнейший пункт сходства позиций Ж. Кодол не без основания видит в стремлении всех когнитивистских теорий раскрыть принципы связи элементов когнитивного мира индивида, которые он предлагает обозначить новым термином «когнем». Он выделяет два подхода к вопросу взаимозависимости когнем: поиск ведущих, определяющих когнем и выяснение типов их взаимосвязей (в последнем случае широко используется математический аппарат). Хотя в русле концепции социальных представлений и были попытки исследовать структуру представления через анализ «аналогий», «сходства», Ж. Кодол вынужден признать, что в подходах американских авторов этот аспект разработан полнее.

Общих черт, разумеется, обнаруживается достаточно много, поскольку предметом и в том и в другом случае является процесс построения когнитивной системы. Ж. Кодол называет здесь такие характеристики, как избирательность, упрощение, ригидность, эгоцентризм когнитивных процессов, основанные, по его замечанию, на «общих свойствах, присущих всему восприятию» (Codol, 1969, р. 65). Общее этот автор находит и в структуре указанных феноменов: как традиционная «когнитивная организация», так и «социальное представление» состоят из элементов — «когнем», принципы взаимосвязи которых в достаточной степени не установлены и ждут разработки.

Признавая, что концепция социальных представлений в общем строе методологии несомненно испытала сильное влияние социально-психологического когнитивизма, Ж. Кодол предпринимает активные попытки определить собственный ракурс видения процессов социального познания. Характеризуя классические теории структурного равновесия, он замечает: «Большинство этих теорий претендует на описание когнитивных интраиндивидуальных процессов, заранее игнорируя их содержание и социальный источник» (там же, р. 64). Действительно, в извечной полемике с бихевиоризмом ортодоксальные когнитивисты полностью сосредоточены на внутреннем мире субъекта, его «сбалансированных когнитивных структу-

рах», «законах категоризации» и тому подобных собственно информационных аспектах индивидуальной картины мира. Если в этой связи и употребляется слово «социальный», то только в том смысле, что индивид где-то должен черпать свои «категории», по поводу которых строить конструкты. Социальность, иными словами, выступает как внешняя, отдельная от индивида сущность, к которой надо приспособливаться, создавая свой непротиворечивый мир суждений, мнений и оценок. В этом плане концепция социальных представлений, несомненно, выгодно отличается от традиционных когнитивистских теорий. Другим моментом, характеризующим своеобразие концепции, является принцип «системного» понимания процесса социального познания: субъект и познаваемый объект составляют единый комплекс в целостном когнитивном процессе, элементы которого не существуют независимо друг от друга. Тезис С. Московиси о том, что субъект творит социальную реальность, позволяет, по мнению Ж. Кодола, противостоять когнитивистской прямолинейности и чисто «информационной» интерпретации процессов познания.

Оценивая современное состояние и перспективы развития западной социально-психологической мысли, еще в начале 1980-х годов С. Московиси писал: «Пока социальная психология была „закрыта“ для изучения когнитивных феноменов, прежде всего коллективных, интерес к социальным представлениям, вполне понятно, был ограничен Францией. С того момента, как эти „эпистемологические“ трудности будут преодолены, ничто не помешает быстрому распространению интереса как к понятию социальных представлений, так и к их эмпирическому исследованию. Именно такой мне представляется нынешняя ситуация, учитывая то, что происходит в США и в Европе» (Moscovici, 1982, p. 142). Хотя автор концепции социальных представлений несколько опережал события, его оптимизм, без сомнения, не может быть назван беспочвенным.

Сам факт появления в 1980-х годах на арене мировой науки понятия социального представления (после перевода работ Московиси и его соратников на английский язык) породил в социальной психологии множество вопросов относительно его необходимости, возможного дублирования других, уже устоявшихся понятий. Пожалуй, первой по времени возникновения и главной по напряженности течения была дискуссия о соотношении понятий аттитюда и социального представления. Дискуссия была острой, и если попытаться обобщить ее содержание, то мнения можно было бы разбить на три группы. Первая — «понятие социального представления дублирует

аттитюд и, следовательно, не имеет перспектив»; вторая — «социальное представление и аттитюд воплощают различные эпистемологические подходы и не пересекаются» и, третья — «социальное представление и аттитюд могут быть объединены с взаимной пользой».

Первое из названных мнений активно оспаривалось сторонниками теории социальных представлений с нескольких позиций. Во-первых, само понятие аттитюда критиковалось как аморфное и неясное. Так, итальянская исследовательница А. С. Де Роза обращает внимание на то, что аттитюд в современной социально-психологической литературе трактуется по-разному. Существуют как бихевиористская, так и когнитивистская традиции в понимании аттитюда. С бихевиористских позиций «аттитюд — это „вероятностное“ понятие, означающее, что наблюдаемое поведение, возможно, будет повторяться, согласно модели „предсказываемых ответов“ в теориях научения» (De Rosa, 1993, p. 181). С когнитивистских позиций «аттитюд трактуется как латентная переменная, которая служит ориентиром для нашего избирательного восприятия». На такое «размытое» понятие, по мнению А. С. Де Роза, просто невозможно опираться в исследовании. Во-вторых, аттитюд относится к «индивидуалистической» традиции в социальной психологии, служит для выражения отношения отдельного субъекта, являясь социальным только по объекту. Теория же социальных представлений была всегда нацелена на изучение групповых феноменов.

Второе из упомянутых мнений, согласно которому социальное представление и аттитюд относятся к различным эпистемологическим подходам и не пересекаются, выдвинул британский исследователь Р. Фарр. Он обращает внимание на то, что само понятие аттитюда претерпело кардинальные изменения за время истории своего существования. В момент его введения в оборот Томасом и Знанецким оно по емкости и содержанию было близко понятию коллективного представления Э. Дюркгейма. Теоретическое подтверждение этому Р. Фарр обнаружил в истории проникновения идей Вундта и Дюркгейма в США (Farr, 1993, p. 34). Р. Фарр считал возможным и даже адекватным анализ социального представления с помощью шкал Терстоуна, поскольку последний опирался на темы, взятые им из СМИ для анализа аттитюдов, т. е. предполагал существование коллективно разделяемых феноменов. Между тем дальнейшая история изучения аттитюда в США кардинально изменила суть этого понятия, сделав его сугубо индивидуальным феноменом.

Следовательно, сейчас за современными понятиями аттитюда и социального представления стоят разные теоретические и мето-

дологические традиции, объединить которые невозможно. Исходя из этого, можно сказать, что, введя понятие социального представления, С. Московиси вернулся к традиции, утраченной в 1930-е годы американской социальной психологией, и вновь обратился к широко разделяемым воззрениям или убеждениям, т. е. явлениям совершенно иного уровня по сравнению с аттитюдами.

Третье мнение содержало идею о том, что социальное представление и аттитюд могут быть объединены в единой методологии и вместе даже способны открыть новые перспективы для обоих подходов. Появление этой точки зрения, возможно, стимулировали сами тексты С. Московиси, в особенности его видение структуры социального представления как имеющей три измерения — информацию об объекте, поле представления и аттитюд: «Аттитюд определяет общую ориентацию по отношению к объекту социального представления» (Moscovici, 1976, p. 69). Далее С. Московиси поясняет на примере социального представления о психоанализе, что аттитюд может быть благоприятным, неблагоприятным и промежуточным. Другими словами, в измерении «аттитюд» заложено отношение или оценка объекта социального представления, но это не оценка, осуществляемая отдельным индивидом, а оценка, разделяемая сообществом.

Включение самим автором аттитюдного измерения в структуру социального представления, вероятно, и послужило толчком к выдвижению идеи объединить оба подхода. Впервые эта мысль была высказана в статье британских авторов Дж. Джасперса и К. Фрейзера, опубликованной в первой англоязычной монографии, посвященной теории социальных представлений (Jaspers, Fraser, 1984). Спустя десять лет К. Фрейзер развил эту мысль (Fraser, 1994), опираясь на понятие «социального аттитюда», отличающееся от просто «аттитюда». Он даже считал, что теория социального представления стимулировала исследования аттитюдов, побудив авторов сфокусировать внимание на социальных проблемах, активизировать их интерес к трехкомпонентной структуре аттитюда и изучать не только частные аттитюды, но и их комплексы (Fraser, 1994, p. 17).

Не являясь активным сторонником идей С. Московиси, К. Фрейзер, напротив, представлял классическую школу аттитюдов и выступал с позиций интересов развития социальной психологии как науки и расширения возможностей анализа аттитюдов, особенно в условиях общественных изменений. Такую возможность К. Фрейзер видит в объединении усилий обоих направлений. Он обосновывает свою точку зрения существующими в них методологическими «изъянами». Он согласен с Р. Фарром в том, что из исследований аттитюдов,

начиная с 1930-х годов, исчезло обобщенное видение тех ценностных позиций, которые и призваны выявить аттитюды. Увлечение количественными методами позволяет обнаружить лишь «россыпи» индивидуальных оценок, что лишает этот подход необходимого обобщенного звучания.

Кроме того, аттитюды изучаются только через вербальные продукты и поэтому должны пониматься лишь как «отдельные мнения о фрагменте действительности» (там же, р. 17). В то же время в исследованиях социальных представлений часто используются описательные и качественные методы, что позволяет схватить глобальные системы убеждений, имеющие социальный смысл при анализе современной динамичной жизни. В подходе же через социальные представления «признается, что распространенные убеждения становятся экстернализованными и институционализированными... их можно изучать при помощи артефактов, фотографий, газет, книг и масс-медиа, а также при помощи институционализированной социальной, юридической и религиозной практики и кодификации. Исследователи аттитюдов редко используют такие ресурсы» (там же, р. 16).

Фрейзер предвидит возможность взаимной «подпитки» в соединении обеих традиций, так как «просвещенный неопозитивизм и недогматический социальный конструкционизм могут находиться не слишком далеко друг от друга» (там же, р. 23). В связи с этим Фрейзер утверждает: «Я считаю, что аттитюды и социальные представления обеспечивают альтернативные, но совместимые структуры для достижения одних и тех же целей. По-моему, они во многом взаимозаменяемы и было бы желательно их слияние. Я бы не имел ничего против того, чтобы называть систему убеждений „социальным представлением“ и описывать элементы внутри нее как „аттитюды“» (там же, р. 23).

Как было показано сторонниками концепции социальных представлений, традиционный социальный когнитивизм ориентировался в основном на исследование стабилизационных процессов в индивидуальном поведении и социальном взаимодействии, опираясь на теории баланса, соответствия, снятия диссонанса и т. п. Подобного рода теориям соответствуют особая методология и понятийный аппарат, включавший стереотипы, предрассудки, схемы, сценарии, социально-психологические качества, имплицитные теории личности, аттитюды. Назовем их условно первой группой понятий. За каждым из них стоят соответствующие «теории среднего ранга» (см. об этом подробнее: Андреева, 2005) в изучении социального познания. Неудовлетворенность этими теориями и их ограниченность

подробно обсуждались в отечественной литературе (Андреева, 2005; Шихирев, 1999). В теории социальных представлений эти понятия не присутствуют, прежде всего, ввиду их «запрограммированности» на анализ статичных социально-психологических явлений, назначение которых стабилизировать, упорядочить индивидуальный процесс познания социальных фактов, адаптировать к ним индивидуальную психику.

Многочисленные критические выступления по отношению к подобной методологии социального познания активизировали обращение ко второй группе понятий: «образ мира», «мнение», «отношение», «экономические и политические представления личности», «ценностные ориентации». Их субъектом также является личность, но в отличие от понятий первой группы, которые скорее нацелены на исследование стабильных составляющих феномена, они включают в качестве центрального элемента динамику социального объекта и предназначены для анализа социальных изменений, выявляемых на личностном уровне.

Третью группу составляют понятия, отражающие феномены, атрибутированные коллективному субъекту. По существу, это разделяемые определенным кругом людей убеждения, которые могут быть имплицитными или эксплицитными, выражать ту или иную степень консенсуса и при этом выполнять стабилизирующую функцию в обществе. К ним относятся: коллективные представления (по Дюркгейму), национальное сознание, религиозное сознание и социальная категоризация. Эти феномены также претерпевают изменения в связи с изменениями условий окружения, но они являются теми факторами, которые в наибольшей степени оказывают сопротивление, тормозят внедрение нового. Это чрезвычайно важные факторы, действие которых «цементирует» общественное сознание. Между тем соответствующие концепции и их понятийный аппарат разработаны пока явно недостаточно.

И, наконец, к четвертой группе относятся понятия семантического пространства групп, социального представления, коллективной памяти, коллективных чувств, массового сознания, элементов дискурса. Являясь атрибутами коллективного субъекта, эти понятия создавались именно для анализа инновационных изменений в общественном сознании. Семантическое пространство групп, например политических партий, определяется как «категориальная структура общественного политического сознания», которая строится «на основе оценок членами различных партий программных документов и высказываний известных политических деятелей» (Петренко, Митина,

1997, с. 9). «Семантическое пространство, — отмечает В. Ф. Петренко, — есть не только место отношений смыслов, но и сил, направленных на трансформацию этих отношений, и, как следствие, это место непрерывного изменения» (там же, с. 109). Думается, понятие семантического пространства имеет большой исследовательский потенциал, что уже и было продемонстрировано в исследованиях В. Ф. Петренко и О. В. Митиной. Если попытаться сопоставить его с понятием социального представления, то, по-видимому, их объединяет объект исследования — изменяющиеся политические реалии и их «освоение» коллективными субъектами. Различия сосредоточены в сфере техник анализа. В психосемантике это в основном факторный анализ результатов опросов с последующей интерпретацией результатов статистических данных. В традиции социальных представлений тоже используется понятие «семантического пространства» какого-либо явления, но в технологии исследования широко применяются не только опросы, но и качественные методы, а также интерпретация действий людей, как, например, в исследовании Д. Жодле о безумии (Jodelet, 1991). Кроме того, большое внимание уделяется процессуальной стороне конструирования социального представления, а именно работе механизмов якорения и объективации и не только им. И наконец, в исследовательских программах всегда присутствует интерес к структуре сконструированного представления, которая была операционализирована Московиси в его исследовании, посвященном психоанализу. Между тем, несмотря на эти методологические и методические различия, оба направления принадлежат к парадигме социального конструирования, и это их роднит. Также относящиеся к четвертой группе понятия коллективной памяти и коллективных чувств ждут своей социально-психологической разработки. Предложенная нами классификация, безусловно, не лишена схематичности, но, на наш взгляд, все же позволяет уточнить место понятия социального представления в массиве других понятий как более традиционных, так и более современных в психологии социального познания.

В завершение этого анализа приведем некоторые соображения, которые позволяют еще раз выделить те особенности понятия социального представления, которые, несмотря на определенные ограничения, делают его надежным инструментом исследования обыденного знания. Изначально для анализа путей конструирования социального представления Московиси ввел процессы якорения и объективации. Московиси и Хьюстон рассматривали процесс объективации на примере внедрения научных понятий в обыденное сознание

как содержащий три фазы, в ходе которых образуется собственно социальное представление об объекте.

Интерес к понятию социального представления повышался по мере того, как развертывалась жесткая критика теории со стороны социально-когнитивистского лагеря (отсутствие специфики этого понятия в сравнении с аттитюдами, схемами, предрассудками) и со стороны лагеря дискурсивной психологии и социального конструкционизма (недостаточность конструкционистского содержания этой теории). Много полезного для продуктивного развития теории внесла и дискуссия со сторонниками концепции социальной идентичности. Благодаря этому интенсивному научному дискурсу в рамках теории социальных представлений возникло несколько авторских направлений (Ж.-К. Абрик, У. Дуаз, И. Маркова, В. Вагнер и др.), каждое из них выдвигает свое видение феномена социального представления, факторов его стабилизации или изменения.

Структурное направление, заявленное Ж.-К. Абриком в 1970-е годы (Abric, 1971), затем активно развивавшееся и продолженное его сотрудниками (Moliner, Abric 2015), по праву можно считать не только достаточно разработанным, но и породившим большое количество эмпирических работ. Исследователей привлекает прозрачность операционализации понятия социального представления, предложенной Абриком. В социальном представлении им выделено центральное ядро, которое связано с коллективной памятью и историей группы, оно определяет гомогенность группы через консенсус, оно стабильно, связано и устойчиво, не очень чувствительно к наличному контексту, выполняет функцию порождения значения социального представления и определяет его организацию. В свою очередь, периферическая система обеспечивает интеграцию индивидуального опыта и историю каждого члена группы, поддерживает гетерогенность группы, она подвижна, несет в себе противоречия, чувствительна к наличному контексту, выполняет функцию адаптации к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро (Abric, 1993, p. 76).

Эмпирические исследования ядра и периферии социального представления в течение последних лет следовали непрерывным потоком. Были доказаны некоторые закономерности функционирования ядра: так, элементы ядра могут активизироваться в разной степени в зависимости от контекста, на факт активации влияют степень критичности ситуации, а также уровень практического освоения объекта группой. Большое влияние оказывают также контекст высказывания и характеристики нормативной модели (там же).

Исследователи, работающие в рамках теории ядра и периферии, сталкиваются с методическими затруднениями, которые, по-видимому, связаны с некоторой методологической неопределенностью. Самые заметные из них – это способы разграничения ядерных и периферических элементов или, другими словами, «контроль центральности». Теоретики этого направления открыто возражают против контроля центральности через, скажем, показатели частотности элементов. Ж.-К. Абрик предлагает в качестве альтернативы контролировать центральность какого-либо элемента путем вычисления общей и частной валентности и таких специальных индексов, как индекс позитивных оценок и др. Несмотря на видимые успехи и популярность теории ядра и периферии, нужно заметить, что отношение к ней в стане теоретиков концепции не однозначно. Так, У. Дуаз считает, что подобный путь изучения содержания социальных представлений создает иллюзию их автономного, внеконтекстного существования (Doise, 1992, p. 189), а Вагнер замечает, что такого рода крен в изучении структуры социального представления по сравнению с процессом репрезентации скорее сближает эту теорию с социально-когнитивной традицией, чем развивает заложенный в ней конструкционистский дух (Wagner, 1996a).

Оригинальную технологию выделения ядерных и периферических элементов социального представления разработал Пьер Вержес (Vergès, 1994). Согласно его подходу, соотношение частоты ответов и их ранга (порядка возникновения) определяет принадлежность структурных элементов к центральной или периферической системе представления. На данном принципе и основана техника прототипического анализа Вержеса. Два названные выше показателя при пересечении образуют четыре области, составляющие структуру социального представления. Элементы, имеющие высокую частотность и высокий ранг, входят в состав центрального ядра; элементы с высокой частотностью и низким рангом и высоким рангом и низкой частотностью образуют первую периферическую систему, а элементы с низким рангом и низкой частотностью – вторую периферическую систему.

Наряду с анализом структурных элементов социального представления автор разработал идею взаиморасположения различных объектов представлений в так называемом репрезентационном поле. В связи с этим рассматривается понятие пространства подобия, которое включает в себя категории подобия (внутри одной категории все элементы связаны друг с другом, внутри одного пространст-

ва — каждая категория связана, по крайней мере, с одной из других). Для того чтобы выделить категории, респондентов просят объединить различные термины (они же могут быть и объектами социальных представлений) в группы. Каждая категория может быть охарактеризована с двух сторон: во-первых, с точки зрения количества других категорий, с которыми она напрямую связана; во-вторых, с точки зрения количества составляющих ее элементов.

Эти два измерения называются «связностью» и «плотностью» категории, и с их помощью при использовании определенных техник возможно описание репрезентационного поля и модальности связей между объектами. Структуру социального представления можно графически представлять с использованием классической теории графов.

Интерпретативный смысл социальных представлений актуализируется через речевые практики, тем самым исследование представлений возможно, прежде всего, посредством анализа устного или письменного дискурса, который и составляет основной источник получения данных о содержании, структуре и динамике социальных представлений. Отсюда и арсенал методов сбора данных для изучения социальных представлений: беседа, различные формы интервью, анкетирование, шкалирование, фокус-группы, ассоциативный метод. Кроме того, изучению может подвергаться текстовая продукция из таких источников, как материалы прессы, интернета, СМИ, архивных документов, литературных источников, мемуаров, эпистолярных материалов, официальных документов. Разумеется, используются и другие методы сбора данных невербального происхождения, в частности, проективные методы, имеющие вспомогательный характер для более полного раскрытия содержания социального представления.

Можно предположить, что в дальнейшем концепция социальных представлений будет развиваться по нескольким векторам. Один из них — это, несомненно, развитие самой теории в плане разработки более совершенных способов операционализации центрального понятия как с точки зрения его структурной организации, так и анализа механизмов функционирования и динамики феномена социальных репрезентаций. Несомненно, должен развиваться теоретический аспект, касающийся взаимных влияний социального представления и ценностных ориентаций, разделяемых группой, групповой идентичности, преобладающих у представителей группы коллективных чувств, коллективной памяти и других социально-психологических феноменов. Методическую сторону исследований также в перспек-

тиве ждут усовершенствования, можно предвидеть развитие технологий качественного исследования, усложнения статистического аппарата обработки данных, особенно в том, что касается выявления степени разделяемости социальных представлений. Объекты социального представления, несомненно, по мере накопления эмпирического материала должны быть систематизированы, а содержание представлений упорядочено в своего рода репрезентационные комплексы, характерные для конкретных периодов существования общества. Перспективным выглядит и направление, раскрывающее связь социальных представлений с реальной поведенческой активностью групп. Установление закономерностей подобной связи могло бы вывести изучение представлений на уровень социальных прогнозов.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2005.
- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.
- Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Юревич А. В. К анализу исследований каузальной атрибуции в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 168–175.
- Abric J.-Cl. Experimental study of group creativity: Task representation, group structure and performance // European Journal of Social Psychology. 1971. № 1 (3). P. 311–326.
- Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their fonctions and rôles in the dynamics of social représentations // Papers on social représentations. 1993. V. 2. № 2. P. 75–78.
- Augoustinos M., Walker I. Social cognition: An Integrated Introduction. London, 1995.
- Codol J. P. Note terminologique sur l'emploi de quelques expression concernant les activités et processus cognitifs en psychologie sociale. // Bulletin de psychologie. 1969. № 23. P. 63–71.
- Chombart de Lauwe M.-J. Changes in the representation of the child in the course of social transmission // Social representations / Ed. by R. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge: CAP, 1984. P. 185–210.

- De Rosa A. C.* Social representations and attitudes: problem of coherence between the theoretical definition and procedure of research // *Papers on social representations*. 1993. V. 2 (3). P. 178–192.
- Deschamps J.-C.* L'attribution, la catégorisation sociale et les représentations intergroupes // *Bulletin de psychologie*. 1973–1974. V. 27. P. 710–721.
- Deutscher I.* Choosing ancestors: some consequences of the selection from intellectual traditions // *Social representations* / Ed. by R. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge: CAP, 1984. P. 71–100.
- Doise W.* L'ancrage dans les études sur les représentations sociales // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. № 405. P. 189–195.
- Farr R.* On the varieties of social psychology: an essay on the relationships between psychology and other social sciences // *Social Science Information*. 1978. V. 17. № 4–5. P. 503–525.
- Farr R. M.* Les représentations sociales // Moscovici S. (Ed.). *Psychologie sociale*. Paris: PUF, 1984. P. 125–147.
- Farr R.* Attitudes, social representations and social attitude // *Papers on social representations*. 1993. V. 2 (1). P. 33–36.
- Flament Cl., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires: Comment étudier les représentations sociales. P.: Armand Colin, 2003.
- Fraser C.* Attitudes, social representations and widespread beliefs // *Papers on social representations*. 1994. V. 3 (1). P. 13–25.
- Gaffié B.* Confrontation des représentations sociales et construction de la réalité // *Journal International sur les Représentations Sociales*. 2004. № 2. P. 6–19.
- Herzlich Cl.* Santé et maladie. Analyse d'une représentation sociale. Paris—La Haye: Mouton et Cie, 1969.
- Jaspars J., Fraser C.* Attitudes and social representations // *Social representations* / Ed. by R. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge: CAP, 1984. P. 101–124.
- Jodelet D.* Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie // S. Moscovici (Ed.). *Psychologie sociale*. Paris: PUF, 1984. P. 357–378.
- Jodelet D.* Madness and social representations. L.: Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Moliner P., Abric J.-Cl.* Central core theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CAP, 2015. P. 83–95.
- Moscovici S.* Etude de la représentation sociale de la psychanalyse. Thèse pour le Doctorat ès Lettres. Paris: PUF, 1960.
- Moscovici S.* La psychanalyse son image et son public. Paris: PUF, 1976.
- Moscovici S.* The coming era of representations // *Cognitive approaches to social behavior* / J.-P. Codol, J.-P. Leyens. (Eds). Hague: Nijhoff, 1982. P. 115–150.
- Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations* / R. M. Farr, S. Moscovici (Eds). Cambridge: CUP, 1984. P. 3–69.

- Moscovici S., Hewstone M.* De la science au sens commun // *Moscovici S.* (Ed.). *Psychologie sociale*. Paris: PUF, 1984. P. 539–566.
- Social cognition: Perspectives on everyday understanding* / Ed. by J. P. Forgas. London—N. Y: Academic Press, 1981.
- Vergès P.* Noyau central, saillance et propriétés structurales // *Textes sur les représentations sociales*. 1994. № 3 (1). P. 3–12.
- Wagner W.* Queries about social representation and construction // *Journal for the theory of social behaviour*. 1996. V. 26. № 2. P. 95–120.

Коллективный образ будущего

Т. А. Нестик

Несмотря на то, что социальные ожидания давно вошли в поле зрения психологов, проблема социально-психологических факторов формирования групповых представлений о будущем остается малоизученной. Это относится и к представлениям о будущем в малых группах (управленческих командах организаций, группах экспертов в ходе прогнозирования), и к представлениям о будущем в группах макросоциальных.

В данной статье предлагается теоретический анализ коллективного образа будущего как социально-психологического феномена, выделяются психологические факторы его формирования, а также намечаются перспективы дальнейших исследований в области социальной психологии прогнозирования. Мы используем понятия «коллективный» и «групповой» как синонимичные, хотя и признаем возможность их дифференциации и даже противопоставления в других теоретических подходах.

В теории социального прогнозирования и футурологии коллективные представления о будущем, как правило, рассматриваются сквозь призму противопоставления, с одной стороны, обыденного предвидения, опирающегося на жизненный опыт и подверженного манипуляциям, и технологического прогнозирования, объективного, верифицируемого, опирающегося на специальные научные методы (Бестужев-Лада, Наместникова, 2002; Соколов, 2007; и др.). В значительной мере такие научные прогнозы опираются на экстра-

поляцию прошлого и в итоге оказываются ошибочными, однако даже несбывшиеся прогнозы воплощают в себе важные тенденции всего общества. Это наблюдение справедливо и в отношении современной фантастической литературы, отражающей состояние российского массового сознания (Журавлев и др., 2017; Майло, 2011; Юревич, Цапенко, 2010; и др.).

Однако сама футурология оказывает влияние на массовое сознание и запускает самореализующиеся пророчества. Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами, существует коллективная память о будущем. Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего: например, ожидания экономического кризиса, нового предела собственности и т. п.

В экономической психологии коллективный образ экономического будущего изучается как потребительские ожидания, играющие важную роль в потребительском и сберегающем поведении, инфляционных процессах, финансовых кризисах и т. п. (Нестик, 2011b) и являющиеся важным индикатором социального самочувствия (Красильникова, 2011; Социально-психологическая динамика..., 1998).

В рамках социологии и социальной психологии риска коллективные представления о будущем рассматриваются с точки зрения способности современного общества к рефлексии и предотвращению порождаемых им социальных рисков (Н. Луманн, Э. Гидденс, О. Н. Яницкий, И. В. Задорин и др.). Получает признание тот факт, что прогнозирование рисков и оценка их вероятности опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (У. Бек). Образ будущего — коллективные надежды и страхи — определяется групповыми ценностями. Культура влияет не только на то, что мы считаем желательным, но и на то, что мы определяем как угрозу социальному порядку. При этом риск может интерпретироваться как нарушение культурных норм, как отклоняющееся поведение конкретных людей и социальных групп (М. Дуглас, А. Вилдавски).

Несмотря на то, что в массовом сознании прогнозы экспертов игнорируются или ошибочно интерпретируются, солидарность на почве страхов перед будущим оказывается мощной политической силой. Растущий интерес к будущему в социальных науках объясняется, прежде всего, тем, что коллективные представления о будущем вызывают к жизни новые экономические и политические силы, подвергают перестройке социальные институты, становятся социально-психо-

логическим механизмом, порождающим и легитимирующим научно-технические инновации. Примером могут служить научные изобретения, самосбывающиеся пророчества во время экономических кризисов, а также различные социальные движения — от трансгуманизма до антиглобализма и движения против вступления в ВТО и т. п. Без понимания психологических механизмов формирования коллективных представлений о будущем сегодня все труднее оказывается прогнозировать социально-политическую ситуацию и воздействовать на общественное мнение (см. также: Журавлев и др., 2017; Психологические исследования глобальных процессов, 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.).

В условиях высокой неопределенности образ будущего становится более важным для управления социальной системой, чем прогнозы и сценарии, так как позволяет влиять на будущее, сделать вероятным тот вариант развития событий, о котором договорились заинтересованные стороны (Portaleoni et al., 2013). Турбулентное, меняющееся общество XXI в. находится в парадоксальной ситуации: чем более неопределенным оказывается будущее, чем сложнее мир и чем труднее полагаться на прогнозы и сценарии, тем больше управляемость социальной системы зависит от способности элит формировать долгосрочный образ желаемого будущего. Между тем наши исследования и исследования других авторов свидетельствуют о том, что российское общество характеризуется краткосрочным планированием жизни и неопределенностью образа коллективного будущего (Нестик, 2016в).

Коллективный образ будущего: определение, структура, функции и механизмы формирования

Под *коллективным образом будущего* мы понимаем совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

В содержании коллективного образа будущего можно выделить шесть основных феноменов: во-первых, это *коллективные цели и планы*, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, *групповые ожидания*, т. е. представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах, в-третьих, *коллективные надежды*, т. е. представления членов группы о вероятных положительных для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного буду-

щего; в-четвертых, *групповые мечты*, представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; в-пятых, *коллективные страхи*, разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации; и, в-шестых, *коллективные идеалы*, представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации.

У каждого из перечисленных нами феноменов есть свои психологические особенности и функции. Так, проведенный нами анализ *коллективных страхов*, связываемых с будущим России (Нестик, 2015), показал, что по сравнению с тревогами, сопряженными с коллективным будущим, надежды в три раза более разнообразны по содержанию (контент-анализ позволил выделить более 20 самостоятельных семантических категорий). Как видно из результатов контент-анализа представлений о будущем страны, коллективные страхи и надежды различаются по содержанию и, по-видимому, играют разные социально-психологические функции. Опасения более однообразны по содержанию и носят крайний характер, включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Надежды, напротив, более разнообразны, но при этом прагматичны.

Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как *надежды* выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности. Это предположение хорошо согласуется с данными, полученными нами при исследовании представлений о будущем в трудовых коллективах: относимые к будущему организации позитивные события более разнообразны, чем негативные; а позитивная оценка будущего прямо связана с силой позитивной групповой идентичности (Нестик, 2014б).

Близкими к коллективному образу будущего, но не тождественными ему, являются феномены оптимизма и пессимизма. В ситуации неопределенности формирование надежд затруднено отсутствием предмета — прогнозируемых конкретных событий, с которыми они могли бы быть связаны, поэтому место надежды занимает генерализованное чувство уверенности в благоприятном исходе, которое получило название диспозиционного или «большого» оптимизма (Peterson, 2006). В отличие от коллективного образа будущего генерализованный оптимизм не связан с конкретными сценариями развития событий, не предполагает каких-либо картин будущего, может быть не опредмечен в виде надежд, но способствует их формированию.

Общая позитивная установка в отношении будущего облегчает толерантность к неопределенности, позитивное переформулирование проблем, принятие ситуации и поиск ее положительных сторон. Оптимизм является одним из эволюционно обусловленных механизмов выживания человеческого сообщества в условиях изменений. В его основе лежат когнитивные искажения (позитивные иллюзии), поддерживаемые высокой самооценкой, позитивной групповой идентичностью, уверенностью в наличии выбора и возможности коллектива влиять на свою судьбу. По-видимому, коллективный оптимизм, как и коллективная выученная беспомощность, может быть результатом научения. Он может формироваться и поддерживаться целенаправленно через интерпретацию коллективных достижений как закономерных и постоянных, а неудачных совместных действий — как случайных, через предоставление членам группы возможности делать выбор, контролировать ситуацию, договариваться о желаемом будущем.

Оптимизм и пессимизм как групповые характеристики могут проявляться не только как мировоззренческие установки, но и как коллективные эмоциональные состояния. Так, наряду с различными надеждами на будущее, которые, как правило, связаны с конкретными повседневными событиями и не сопровождаются глубокими переживаниями, в группах людей можно наблюдать состояние *первичной надежды*, связанной с достижением коллективной цели. Такая надежда может быть выстраданной, личностно значимой для членов группы, какой была в нашей стране, например, надежда на победу в Великой Отечественной войне. Она больше, чем чувство возможного, но при этом остается генерализованным переживанием, т. е. может менять свой объект. Такая деятельная надежда придает смысл уже прожитым и переживаемым испытаниям, служит защитой от фатализма и беспомощности. Надежда позволяет воспринимать критические ситуации как вызовы, а не как угрозы (Муздыбаев, 1999).

На первый взгляд, противоположным надежде феноменом, а на самом деле часто сочетающимся с ней, является коллективная *генерализованная тревога по поводу будущего*. В отличие от страхов, тревога не имеет конкретного объекта, при обсуждении происходящего в группах и сетевых сообществах она легко фокусируется на том или ином ожидаемом событии. В условиях неопределенности, когда неизвестно, какие именно новости рассматривать в качестве сигнала об опасности, тревога мобилизует внимание группы, сдвигает временную ориентацию на ближайшее будущее, подсказывает, что впереди что-то важное (Леонтьев, 2015). Тревога создает в груп-

пе напряжение, которое может разрешиться через регрессию, когнитивное упрощение воспринимаемых изменений и рост конформности, или через восхождение к сложности, повышение осознанности, рефлексия и выработку новых правил взаимодействия в нетипичной ситуации. При дефиците времени, низкой рефлексивности, низком внутригрупповом и межгрупповом доверии в группе возрастает приверженность ранее принятым решениям и готовность следовать за лидером, картина будущего упрощается, сокращается разнообразие источников информации, используемых для принятия решений.

На наш взгляд, коллективный образ будущего можно рассматривать как компонент группового отношения к времени и в более узком смысле — групповой временной перспективы (Нестик, 2011а, 2014б, 2015), т.е. отношения группы к своему прошлому, настоящему и будущему.

В структуру отношения группы к своему будущему входят ценностно-мотивационный, когнитивный, аффективный и конативный компоненты.

К *ценностно-мотивационному* компоненту можно отнести значимость коллективного будущего для членов группы. К *аффективному* компоненту можно отнести 1) общую позитивную или негативную оценку будущего своей группы; 2) оценку отдельных социальных процессов и явлений, влияющих на будущее группы; 3) позитивную или негативную оценку усилий группы по реализации своих целей. Следует заметить, что аффективный компонент может проявляться в форме коллективных эмоций, особенно сильно влияющих на поведение контактных групп.

К *когнитивному* компоненту, на наш взгляд, относятся: 1) содержание представлений о коллективном будущем; 2) протяженность временной перспективы, т.е. удаленность в будущее событий, связываемых со своей группой; 3) представления о социальных процессах и явлениях, которые могут повлиять на будущее группы; 4) представления о силе и характере влияния будущего группы на ее членов; 5) представления о предсказуемости коллективного будущего; 6) представления об управляемости будущего, способности группы повлиять на свое будущее.

К *конативному* компоненту можно отнести: 1) готовность членов группы к конкретным действиям для осуществления образа предпочтительного коллективного будущего, реализации коллективных целей и надежд; 2) готовность членов группы обсуждать коллективное будущее друг с другом и с представителями других групп; 3) группо-

вые предпочтения в отношении тех или иных способов прогнозирования коллективного будущего.

Наряду с компонентами отношения к совместному будущему, можно выделить ряд характеристик самого образа этого будущего, содержательные и динамические.

К *содержательным* характеристикам коллективного образа будущего можно отнести субъектность, веру в способность группы повлиять на свое благосостояние; степень оптимизма в отношении коллективного будущего; относительную сформированность представления о будущем по сферам жизни группы или общества (например, иммиграция и будущее межэтнических отношений, демографическая ситуация, уровень инфляции и цены на товары и услуги, будущая пенсионная политика государства, ожидаемый уровень налогов, будущее российского производства после вступления в ВТО и т.д.).

К его *динамическим* характеристикам относятся протяженность в будущее; устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; относительная многовариантность, или наличие в коллективных представлениях нескольких сценариев развития ситуации.

Данные наших исследований и теоретический анализ уже существующей научной литературы позволяют выделить *четыре основных психологических механизма* формирования коллективного образа будущего. К ним относятся: 1) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 2) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (эмоциональное заражение, распространение слухов); 3) лидерское видение, целенаправленное воздействие лидера на образ будущего и прошлого группы; 4) групповая идентификация.

Групповая рефлексия, эмоциональное заражение и групповая идентификация имеют важное значение для всех групп, в том числе макросоциальных, тогда как влияние лидерского видения связано, прежде всего, с жизнедеятельностью малых групп и организаций.

Групповая рефлексия повышает способность группы адаптироваться к меняющимся условиям (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2012). Групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию — повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Сформированное лидерами видение будущего мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно ослепляя его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Группо-

вая рефлексия, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям.

Как показывают наши исследования, несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: коллективная рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности и внутригруппового доверия. Так, заглядывая в будущее, руководители компаний сталкиваются с парадоксом: иллюзия контроля над будущим и сверхоптимизм искажают стратегические решения, но необходимы для поддержания ориентации на долгосрочные цели в управленческой команде (Нестик, 2014а). Методология корпоративного форсайта призвана разрешить это психологическое противоречие через стратегический диалог о будущем, опирающийся на достоверную информацию (Нестик, 2016а).

Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию коллектива, также способны повышать ориентацию сотрудников на будущее и вносят свой вклад в формирование коллективного образа будущего. Это один из видов групповых эмоциональных состояний, возникающих под влиянием групповой идентификации, обмена переживаниями в межличностной коммуникации, сравнения членами группы своих переживаний друг с другом, а также эмоционального заражения. Тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность членов группы по отношению друг к другу. Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание коллектива к ближайшему будущему. Тем не менее они запускают защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно (Нестик, 2014б). Таким образом, нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает устойчивость группы к изменениям (см. также: Журавлев, 2007; и др.).

Как и у коллективной памяти, у коллективного образа будущего есть ряд важнейших *социально-психологических функций*: идентификационная, консолидирующая, целеобразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к социальным изменениям.

В частности, *идентификационная функция* коллективного образа будущего проявляется в том, что он становится основанием для соци-

альной категоризации и сравнения. Вне зависимости от того, приобретает общность будущего через личный выбор или она навязана волей обстоятельств, объединенные будущим люди стремятся найти сходство между собой в прошлом и настоящем. Сходство или различие предполагаемого будущего делает возможным и релевантным социальное сравнение между группами, ранее не рассматривавшими друг друга как значимые.

Выполняя *консолидирующую функцию*, коллективный образ будущего повышает сплоченность группы, обеспечивает ее членов осознанием взаимозависимости в достижении совместных целей и чувством общности судьбы. Заметим, что чем выше индивид оценивает общность своего будущего с будущим других индивидов и групп, чем выше он оценивает совпадение своих целей с целями других, тем больше оснований для формирования чувства «Мы». Наличие разделяемого членами группы образа будущего повышает их готовность к согласованным действиям и осознание взаимозависимости. С этой точки зрения совместно выработанный коллективный образ будущего является одной из характеристик группового субъекта (Журавлев, 2002).

При этом коллективный образ будущего может формироваться через диалог и групповую рефлексию — и тогда различие точек зрения, культурное разнообразие облегчает поиск альтернативных сценариев достижения желаемого будущего. В этом случае образ будущего оставляет открытыми межгрупповые границы, поддерживает культурное разнообразие как эволюционное преимущество (Асмолов и др., 2017). Но коллективный образ будущего может формироваться и другими, нерелексивными путями — через разделяемые участниками группы коллективные страхи, через механизмы идентификации с сильным лидером, способным защитить группу от внешних угроз. В этом случае группа мобилизуется для достижения совместных целей, но противопоставление «Мы—Они» существенно ограничивает уровень ее субъектности (Журавлев, 2002).

Целеобразующая функция связана с тем, что наличие общих, разделяемых членами группы представлений о будущем облегчает им формулирование индивидуальных и коллективных целей, позволяет планировать совместную деятельность.

Коллективный образ будущего выполняет *ценностно-мотивационную функцию*: коллективные идеалы и мечтания, усваиваемые членами группы в ходе первичной или вторичной социализации, влияют на ценностные ориентации личности.

Представления о будущем могут также играть *функцию защиты позитивной идентичности*, когда позитивная самооценка членов груп-

пы восстанавливается за счет отнесения не реализовавшихся событий в ближайшее или отдаленное будущее.

Наконец, коллективный образ будущего выполняет *функцию адаптации к социальным изменениям*. С одной стороны, коллективные страхи, а также прогнозы, исходящие из авторитетных для членов группы источников, позволяют группе подготовиться к изменениям. С другой стороны, в содержание представлений о будущем неизбежно попадают знакомые черты настоящего и прошлого: групповое сознание как бы «приручает» будущее, уподобляя его настоящему, стереотипизируя будущие события, приближая их к стандартам коллективного опыта.

Социально-психологические факторы формирования коллективного образа будущего

Среди психологических факторов формирования коллективного образа будущего можно выделить личностные, групповые, межгрупповые, организационные и социетальные.

К *личностным факторам* относятся, на наш взгляд, выраженность индивидуальной временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень тревожности, социальная идентичность, ценностные ориентации. Сюда же можно отнести ряд когнитивных эффектов прогностической деятельности — сверхоптимизм, самопророчество, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежения масштабом риска и др. (Yudkowsky, 2008).

Удаленность будущих событий, о которых мы склонны думать, является устойчивой характеристикой временной перспективы личности (Cottle, 1974; Nuttin, Lens, 1985). Протяженность этой перспективы различается в разных культурах, но в среднем не превышает 15—20 лет. Иными словами, мы не склонны заглядывать в будущее более чем на одно поколение вперед (Tonna et al., 2006).

Более того, протяженность временной перспективы сокращается в условиях социальных кризисов (Муздыбаев, 2000; Нестик, 2011а). Как показали исследования З. Залеского, тревога в отношении будущего, т. е. ожидание негативных событий в собственном отдаленном будущем, связана с пессимистическими прогнозами относительно способности своей социальной группы влиять на складывающуюся ситуацию (Zaleski, 1996).

В отечественной и зарубежной футурологии часто используется алармистский подход, когда людей призывают опомниться пе-

ред лицом близкой катастрофы. Действительно, нагнетание тревоги повышает внимание общества к будущему, однако делает его образ более туманным. Напротив, есть данные, свидетельствующие о том, что оптимизм прямо связан с частотой размышлений о будущем и отчетливостью образа будущего. Оптимистические представления о будущем у большинства людей более разнообразны и глубоки, чем считалось ранее в футурологической литературе, причем эти представления тесно связаны с идентичностью и общим образом мира (Tonpa et al., 2006).

Оптимизм в отношении будущего может опираться на разные ценности и представления. Так, например, наши исследования представлений об экономическом будущем показывают, что уверенность оптимистов в завтрашнем дне определяется их верой в собственные силы, тогда как для пессимистов основным гарантом уверенности в завтрашнем дне является социальная защита со стороны государства (Нестик, 2011б).

Разумеется, оптимизм в отношении будущего имеет и негативные последствия. Хорошо известный эффект сверхоптимизма проявляется в склонности большинства людей исключать из своего образа будущего негативные события, а также недооценивать вероятность того, что неприятности приключатся именно с ними, а не с другими (McKenna, 1993). Одно из объяснений этого эффекта состоит в том, что отсутствие соответствующего опыта мешает нам адекватно оценить риски, кроме того, мы стараемся сравнивать себя с теми людьми и группами, которые заведомо наиболее подвержены данному риску.

Как показало наше исследование социальных представлений россиян об экономическом будущем, проведенное совместно с Т. П. Емельяновой и Т. В. Дробышевой в 2011–2012 гг., респонденты склонны оценивать свое отдаленное будущее более позитивно, чем ближайшее (Емельянова, 2016; Емельянова, Дробышева, 2013; Нестик, 2014б). Возможно, данный эффект объясняется тесной связью представлений о себе в долгосрочном будущем с Я-концепцией личности. Известно, что по сравнению с нашими представлениями о себе в ближайшем будущем, образ Я в отдаленном будущем более схематичен, надситуативен и включает в себя более широкие социальные идентичности (Wakslak et al., 2008). По-видимому, позитивная оценка своего благосостояния в будущем выполняет функцию защиты нашей позитивной идентичности.

О роли самооценки при прогнозировании свидетельствуют исследования феномена «самопророчества»: однажды предсказав свои действия, люди склонны придерживаться прогноза, если предсказан-

ное ими поведение социально желательно (Sherman, 1980). Например, студенты, положительно ответившие на вопрос о том, будут ли они голосовать, приходили на голосование с большей вероятностью, чем студенты из контрольной группы, не отвечавшие заранее на этот вопрос (Greenwald et al., 1987). При прогнозе мы опираемся на представления о групповых нормах и ценностях, а стараясь не противоречить самим себе, поддерживаем позитивную оценку себя и своей группы (Perkins et al., 2008).

При прогнозировании мы опираемся на собственную память. Как показывают проведенные недавно исследования, за воспоминания о прошлом и конструирование будущего в нашем воображении отвечают одни и те же структуры мозга. В частности, речь идет о зонах, расположенных в теменной и височной долях мозга, ретроспленальной коре, а также коре задней части поясной извилины (Gaidos, 2008; Spreng, 2009). Известно также, что важную роль в прогнозировании играет гиппокамп, отвечающий за память (Buckner, 2010). Как выяснилось, нарушения в гиппокампе и потеря способности связывать друг с другом в памяти события прошлого приводят к утрате способности представлять собственное будущее (Kwan et al., 2010). Наконец, представлять будущее помогают знакомые пространственные образы: если мы помещаем будущие события в знакомое пространственное окружение, они представляются ярче. Именно с этим связана относительная яркость образов ближайшего будущего по сравнению с нашими представлениями о будущем отдаленном (Arnold et al., 2011). И, напротив, мы склонны занижать вероятность событий, для представления которых нам не хватает образов собственной автобиографической памяти.

Однако, как известно, автобиографическая память пластична, она реконструируется нами под влиянием текущих событий и возможных угроз. Примером может служить известный эффект «я знал это», т. е. нежелание признавать неизвестность причин того или иного события или произвольность своих решений, стремление приписать событиям и решениям те или иные основания «задним числом» (Christensen-Szalanski, Willham, 1991). Как показывают исследования, этот эффект может сказываться и на прогнозах вероятности риска (Fischhoff et al., 2005). Таким образом, способность к прогнозированию будущего тесно связана со способностью извлекать уроки из прошлого.

Как известно, успешное речемыслительное прогнозирование связано со способностью использовать абстрактные, теоретические знания (Ломов, Сурков, 1980; Реруш, 2003). Согласно теории уровней

темпорального конструирования, временная или пространственная удаленность событий влияет на то, как мы их осмысляем (Liberman, Trope, 2003). Психологически близкие события представляются нами на низком уровне абстрагирования – в деталях, через уникальные, конкретные особенности. Напротив, психологически удаленные события осмысляются с высоким уровнем абстракции, через общие категории и наиболее существенные характеристики. В отношении отдаленных во времени людей и событий стереотипы используются чаще, чем в отношении близких. Иными словами, чем дальше личность заглядывает в будущее своей группы (семьи, организации, профессионального сообщества и т.д.), тем больше она опирается на опыт прошлого и сформировавшиеся ранее стереотипы.

При прогнозировании будущего когнитивным барьером является не только удаленность событий, но и неопределенность их исхода. Рассуждая о будущем с высоким уровнем неопределенности, мы начинаем использовать более абстрактные, обобщенные мыслительные конструкции. Экспериментальные исследования показывают, что при рассмотрении будущего события как уже случившегося, как если бы мы наверняка знали исход, мы учитываем примерно на 30% больше возможных конкретных причин, чем при анализе событий, которые представляются как вероятные в будущем (Mitchell et al., 1989). Иначе говоря, прогнозирование «из будущего в прошлое» может быть более точным, чем «из настоящего в будущее». На выявленную закономерность опираются многие технологии прогнозирования, используемые в современных организациях (Klein, 2007). Однако, как подчеркивают сами авторы эксперимента, видеть больше не означает видеть лучше. Например, можно предположить, что повышение уверенности в неизбежности будущего события при обмене слухами снижает уровень неопределенности и облегчает поиск возможных причин, тем самым еще больше подкрепляя убедительность слухов.

Среди *межличностных факторов* следует выделить, прежде всего, содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего. Межличностные факторы представлений о будущем пока еще изучены крайне недостаточно, поэтому сформулируем предположения, требующие эмпирической проверки.

Исследования в области коллективных воспоминаний показывают, что при межличностном взаимодействии воспоминания обоих собеседников трансформируются: усиливаются связи между событиями, появляются события, которых ранее в индивидуальных представ-

лениях не было (Hirst, Echterhoff, 2012; Lee et al., 2010). По аналогии с коллективной памятью можно предположить, что на формирование представлений о будущем влияет межличностный дискурс в социальной сети и стремление собеседников поддержать объединяющую их социальную идентичность, т.е. большая или меньшая степень знакомства и уровень доверия между людьми влияют на содержание их представлений о будущем.

Оказалось, что оценка вероятности событий отдаленного будущего зависит от способа их описания: при более детальном описании они оцениваются как более вероятные. При этом на оценку вероятности событий ближайшего будущего степень подробности их описания не влияет (Bilgin, Brenner, 2008). Таким образом, абстрактность наших представлений об отдаленном будущем делает их более гибкими, более подверженными изменениям в межличностном дискурсе. Обсуждение будущего с друзьями и коллегами приводит к тому, что отдаленные гипотетические события «обрастают» деталями и от этого кажутся более вероятными.

Можно также предположить, что при конструировании своих представлений о будущем личность опирается не только на собственную автобиографическую память и жизненный опыт, но и на опыт других людей — жизненные истории, ожидания и опасения близких знакомых, значимых других. Таким образом, важным фактором становится не только то, как часто мы задумываемся о совместном будущем, но и то, с кем конкретно мы его обсуждаем.

К *групповым факторам* формирования коллективного образа будущего можно отнести целый ряд феноменов, связанных с механизмами внутригруппового социального влияния, в том числе эффекты самосбывающегося пророчества, сдвига к риску и группового мышления в условиях дефицита времени.

Несмотря на то, что наши представления о поведении других людей и социальных групп могут быть ошибочными на момент прогноза, они вполне могут осуществиться благодаря реакции других на наши же действия. Этот эффект получил название *«теоремы Томаса»* или *«самосбывающегося пророчества»*. В 1928 г. американские социологи У. Томас и Д. Томас заметили, что, если люди считают ситуации реальными, эти ситуации становятся реальными по своим последствиям. Эти слова были сказаны по поводу преступника, который убивал прохожих, имевших неосторожность размышлять вслух и тем самым дававших повод думать, что они бранятся. Позднее в своей статье «Самореализующееся пророчество» Р. Мертон воспользовался формулой У. Томаса для описания социологической законо-

мерности: публично сделанные предсказания ситуации становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события. Именно самореализующееся пророчество послужило причиной краха американских банков в 1930-е годы и нарастания расовых конфликтов в 1940-е годы. Согласно Р. Мертону, основой самосбывающихся пророчеств¹ являются нормы и ценности, поддерживаемые политическими, культурными и экономическими институтами общества (Merton, 1948).

Р. Мертон обратил внимание и на так называемые «самоуничтожающиеся» пророчества: публичное предсказание порождает действия, которые делают его осуществление невозможным (Merton, 1936, p. 904).

Таким образом, групповые представления о будущем обладают свойством «самоподтверждения» и «самореализации»: наблюдая за словами и действиями друг друга, члены группы находят все больше подтверждений своим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении.

Механизм самосбывающихся пророчеств можно интерпретировать как повышение вероятности событий будущего в социальных представлениях. И прошлое, и будущее социально конструируются, складываются из множества противоречащих друг другу образов и оценок. Самосбывающееся пророчество сближает представления о будущем множества людей, приближая вероятность события от $p = 0,3 - 0,5$ к $p = 1$.

Эффект *сдвига к риску* был впервые обнаружен в 1961 г. Дж. Стоунером: после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). Сдвиг может происходить и в обратном направлении — к более осторожным, консервативным оценкам будущего. Как оказалось, большую роль в групповых прогнозах будущего играет представление участников о ценностях группы, к которой они себя относят. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации при прогнозировании (Abrams et al., 1990). Таким образом, групповая сплоченность снижает чувствительность группы к буду-

1 Наиболее действенными самореализующиеся пророчества оказываются на ранних этапах развития личности и группы. Например, исследования «эффекта Пигмалиона» в системе образования, общее число которых давно превысило несколько сотен, убедительно показали, что позитивный прогноз, сделанный учителем относительно успешности учащегося, положительно сказывается на его успеваемости (Rosenthal, 1994).

щим рискам и повышает ее склонность переоценивать свое влияние на будущее.

Наконец, важным фактором способности группы прогнозировать собственное будущее является *субъективное переживание дефицита времени*. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышается потребность в определенности, простых и окончательных решениях, повышаются групповое давление и конформность. В целом высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если прогнозы делаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

К *межгрупповым факторам* формирования коллективных представлений о будущем относятся феномены межгрупповой интеграции и дифференциации: ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые стереотипы и ксенофобия.

Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Ключевую роль в их формировании играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним по отношению к своей группе силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе (Joffe, 2003). Иными словами, коллективный образ будущего в значительной степени определяется степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других.

Образ будущего тесно связан с уровнем ксенофобии и напряженностью межгрупповых отношений. Рост социальной напряженности в молодежной среде сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990–е годы (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Неситик, 2003, 2011а; Попова, 1999).

Всплеск националистических движений и ксенофобии среди молодежи в России 1990–2000-х годов характеризовался преувеличен-

но позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Гудков, 2005; Солдатова, Нестик, 2010; Солдатова, Нестик, 2011; Нестик, 2014в). Заметим, что апокалиптическая художественная литература и соответствующие компьютерные игры и сегодня пользуются у российской молодежи высокой популярностью. Большая часть данной литературы может быть отнесена к образцам речи ненависти. В произведениях этого жанра будущее России предстает как война всех против всех, здесь в изобилии можно найти подробные описания межнациональной розни и массовых убийств (ряд книг проектов «Метро 2034» и «Сталкер», книги «Мародер» и «Мститель», опубликованные под псевдонимом Беркем аль Атоми, и др.).

Как известно, утрата веры в будущее является одной из причин кризиса коллективной идентичности (Хёсле, 1994). Связь страха перед будущим и ксенофобии усиливается в обществе риска. Согласно У. Беку, человеку очень сложно ориентироваться в современном мире, ибо тенденция такова, что мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее, «понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу, все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают людей чужими друг другу (Бек, 2000, 2008). Это порождает страх, неприятие и ксенофобию — новые риски, для управления которыми необходимо целенаправленно формировать критический и в то же время позитивный коллективный образ будущего (Нестик, 2016б).

К *социетальным факторам* формирования коллективного образа будущего относятся, прежде всего, ценности и нормы, регулирующие отношение к будущему в культуре, а также социально-экономическая ситуация в государстве и мире.

По мнению Б. В. Дубина, ключевыми факторами, определяющими отчетливость образа будущего и его прогнозируемость в массовом сознании, являются степень социальной дифференциации (наличие различных институтов, социальных ролей, независимых и конкурирующих элит, предлагающих обществу разные сценарии будущего), уровень институционального доверия, а также степень «жесткости» социальных норм, т. е. допустимость «игры», вариативность жизненных сценариев в различных социальных группах и социальная мобильность (Дубин, 2011). На наш взгляд, к этим трем факторам следует добавить еще один — ценности общества, влияющие на оценку значимости тех или иных возможностей и рисков как социокультурной реальности, конструируемой в социальных представлениях.

Положение социальной группы в системе социально-экономических отношений определяет характерный для нее тип дискурса о будущем. Так, Б. В. Дубин выделяет несколько «типов будущего» в российском массовом сознании: 1) будущее как деградация, характерное для маргинализированных и стигматизированных групп; 2) будущее как продолжение настоящего («надо просто навести порядок» или «лишь бы не было хуже»), характерное для социального большинства; 3) будущее как сфера решения проблем прошлого или настоящего, представленного как прошлое, характерная для новых и восходящих социальных групп; 4) открытое будущее (как ответственный выбор в ситуации неопределенности), соответствующее европейской культуре модерна и практически не представленное в российском обществе (Дубин, 2011).

Важную роль в формировании образа будущего крупных социальных групп играют политические элиты. Именно отсутствие ясной программы будущего у российских политических, интеллектуальных и художественных элит позволяет говорить о том, что Россия — страна без будущего (Аузан, 2015; Волков, 2016; Дубин, 2011).

Исследование представлений о будущем на протяжении последних трех тысяч лет, проведенное Ф. Полаком, показывает, формирование неопределенного и апокалипсического образа будущего является признаком угасания культуры (Polak, 1973). Опыт двух мировых войн в 20 веке привел к тому, что образ будущего в обществе был преимущественно негативным. Причем всплеск технологического оптимизма 1950-х гг. был тут же погашен гонкой вооружений на все последующие 30 лет.

Социальные представления о будущем решают проблемы коллективного прошлого, тесно связаны с сакральным временем, глубинными коллективными смыслами (Горшков, 2012; Гудков, 2011; Левада, 2006; Юревич, Журавлев, 2014).

Важным фактором формирования представлений о будущем является *глобализация временной перспективы*: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ жизненный мир человека расширился до пределов земного шара. У. Бек назвал этот эффект «внутренней глобализацией» (Beck, 2002). По-видимому, существует глобальная память (Liu et al., 2005). Например, исследование воспоминаний о политических событиях, охватившее более 5000 респондентов из 116 стран, свидетельствует о том, что глобальная память существует, причем представленность в коллективной памяти событий, произошедших за рубежом, не зависит от возраста опрошенных (Ellermann et al., 2007). Очевидно, предметом ожиданий и стра-

хов могут быть процессы и события, носящий глобальный характер (например, изменение климата, угроза ядерной войны). Тем не менее такие ожидания и страхи формируются под влиянием социальной категоризации и социального сравнения: оценивая будущее других социальных групп, мы сравниваем его с будущим своей.

Вместе с тем ряд исследований указывает на наличие культурных особенностей в прогнозировании будущего. Например, сопоставление протяженности национальных форсайтов в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования показало, что наиболее долгосрочная перспектива — на 100 лет вперед — характерна для стран Восточной Азии, тогда как краткосрочная для стран Восточной Европы — всего 5–10 лет (Keenan, Porrege, 2008). С одной стороны, это может объясняться темпом экономического роста: чем он быстрее, тем дальше страны заглядывают в будущее. С другой стороны, долгосрочность прогнозирования в азиатских странах может быть связана с их культурными характеристиками: по данным Г. Хофстеда и М. Бонда, именно страны Восточной Азии характеризуются наиболее высокой долгосрочной ориентацией (Тайвань, Гонконг, Япония, Южная Корея). Долгосрочная ориентация рассматривается как совмещение ориентации на долгосрочное планирование своей деятельности с ориентацией на уважение традиций прошлого. В целом исследователи сходятся в признании долгосрочной ориентации как фактора, тесно связанного с коллективизмом (Hofstede, Bond, 1988; Nevins et al., 2007).

Особенности восточноазиатских коллективистических обществ проявляются в прогнозировании развития ситуации, которое опирается на более глобальные, широкие ментальные категории и более сложные взаимосвязи. Это хорошо видно на примере интеллектуальных игр, популярных на Западе и Востоке. Если шахматы преимущественно аналитичны, то стратегическая игра го, популярная в Азии, отличается большей сложностью и целостностью. Шахматная доска ограничена полем 8×8 клеток, тогда как доска го имеет 19×19 клеток, допуская значительно больше вариантов шагов, чем шахматные фигуры. Ходы в го труднее предугадать, чем в шахматах. Основное внимание здесь приходится уделять не отдельным фигурам, а долгосрочному расчету жертв и приобретений (Нисбетт и др., 2011). Социальный мир Восточной Азии отличался высокой сложностью и зависимостью личности от множества отношений с другими людьми. Ориентированное на гармонию и поддержание социальных институтов общество на протяжении множества поколений вырабатывало в своих членах способность учитывать большое количество факто-

ров развития ситуации, искать компромиссные варианты решений, принимать разнообразие и противоречивость точек зрения как нечто само собой разумеющееся. Аналитическое мышление стремится предсказать поведение предметов вне зависимости от контекста. Напротив, холистическое мышление основано на ассоциациях, сходстве и смежности, на связях, в которые вступают объекты в зависимости от меняющихся условий. Знание о прошлом и о будущем здесь основано на поиске контекста и множественных взаимосвязей, что имеет свои преимущества и ограничения при прогнозировании событий и обмене знаниями. Так, эксперименты показывают, что корейцы считают потенциально существенными для объяснения некоторого события гораздо большее число факторов, чем испытуемые из числа американцев (Choi et al., 2000). Поэтому, предсказывая события, они могут принимать во внимание более широкий круг влияющих на них факторов. Но это преимущество имеет и свою обратную сторону: корейцев и китайцев труднее чем-либо удивить, они легче поддаются такому когнитивному искажению, как эффект «я знал это», когда уже произошедшие события считают неизбежными. Выходцам из Восточной Азии труднее признать, что какое-то конкретное событие не могло быть предсказано. При этом, когда логика, на которой основаны новые знания, противоречит житейским представлениям и стереотипам, американцы склонны придерживаться логики, а азиаты готовы пожертвовать логикой в пользу уже сложившихся ранее представлений (Нисбетт и др., 2011).

Эмпирически подтверждено существование культурных особенностей в ориентации на будущее, протяженности временной перспективы, долгосрочности планирования своей жизни (Jones, 1988). Например, при выполнении полупроективного задания на придумывание историй индийские студенты проявили ориентацию на прошлое, тогда как американские студенты демонстрировали ориентацию на будущее (Meade, 1971). По-видимому, особенности временной ориентации и временной перспективы связаны с различиями в представлениях о времени (Briley, 2009).

Другие исследователи обнаружили различия в том, как строят планы на будущее студенты Бразилии, Индии и Германии. Наиболее долгосрочными, многовариантными и подробными оказались планы немецких студентов. Вместе с тем полуструктурированные интервью убедительно показали, что сами по себе глубина и вариативность планирования не свидетельствуют о его эффективности: планы, разработанные в одной культуре, оказываются оторванными от реальности в другой (Güss, 2000). Межкультурные различия в пла-

нировании будущего могут быть связаны с религиозными представлениями, уровнем образования, экономическим статусом, предсказуемостью окружающей социально-экономической среды — уровнем инфляции, политической ситуацией в стране и т. п.

Завершая анализ социетальных факторов формирования образа будущего, заметим, что содержание представлений о будущем определяется не только восприятием настоящего, но и культурной памятью. Образ будущего основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами существует *коллективная память о будущем* (Barbrook, 2007; Samuel, 2009). Содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, образы фантастической литературы и кино, такая память служит опорой при социальном конструировании будущего. Рост охвата и доступности средств массовой информации, в том числе интернет-медиа, делают публичные прогнозы и художественные образы все более важным фактором повседневных представлений о завтрашнем дне (Нестик и др., 2018).

Заключение

На наш взгляд, можно выделить несколько наиболее перспективных направлений дальнейшего изучения коллективных представлений о будущем как социально-психологическом феномене.

Во-первых, требует дальнейшего изучения специфика коллективного прогнозирования будущего в различных сферах жизнедеятельности. Например, представления о будущем могут по-разному влиять на различные виды экономического поведения: сберегательного, инвестиционного, предпринимательского, потребительского. По-видимому, на формирование групповых представлений о будущем в этих сферах могут оказывать влияние разные социально-психологические факторы.

Во-вторых, это прояснение специфических закономерностей формирования коллективного образа будущего, аналогичных тем, которые задействованы в формировании коллективной памяти. В частности, можно предположить, что существуют циклы конструирования коллективного будущего, схожие с циклами коллективной памяти (Olick, Robbins, 1998), соответствующие смене поколений: каждые 20–30 лет общество заново переосмысливает свое будущее, реконструируя его в соответствии с актуальными сегодня ценностями. Многие указывает также на то, что в массовом сознании существуют «заговор молчания» и «эффект психологической дистанции» в отношении вероятных, но неприятных событий будущего (изменение

климата, последствия истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды и т. п.).

Известно, что социальная память поддерживается социальными институтами, ритуалами и «мнемоническими сообществами» (семья, этнос, организация, праздники, памятники и музеи), которые скрепляют и упорядочивают разрозненное содержание памяти о коллективном прошлом. Применительно к образу будущего можно предполагать наличие аналогичных социальных институтов и ритуалов, поддерживающих наши представления о коллективном будущем: от фантастической литературы и астрологии до корпоративных, федеральных и региональных планов, регулярных прогнозов в СМИ, котировок фондовой биржи, крупных форсайт-сообществ и участников краудсорсинговых проектов. Уточнение источников информации и сообществ, которые формируют мнение о будущем, может пролить свет на то, какие механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия лежат в основе представлений о будущем в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, научно-технической и т. д.

В-третьих, мало изученным остается влияние групповой динамики на формирование образа будущего. Особенно важной задачей в этой связи является уточнение роли групповых эмоциональных состояний и групповой рефлексии в формировании образа будущего (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2012; и др.). По-видимому, групповая рефлексия играет важную роль в оценке нынешнего положения группы исходя из альтернативных сценариев ее будущего (Cinnirella, 1998). Важно также уточнить, как именно могут воздействовать друг на друга при формировании образа будущего, с одной стороны, социальные эмоции и коллективные эмоциональные состояния, а с другой — групповая рефлексия. Связь между образом будущего и коллективными эмоциональными состояниями как показателем социального самочувствия отмечалась отечественными исследователями, однако эмпирическое исследование взаимовлияния коллективной временной перспективы и коллективных эмоций еще остается на повестке социальной психологии.

В-четвертых, недостаточно изученным остается влияние межгрупповых отношений на коллективный образ будущего. Между тем образ будущего может играть роль компенсаторного защитного механизма, помогающего группе преодолеть фрустрацию, вызванную низкостатусным положением в социально-экономической системе.

В-пятых, чрезвычайный интерес представляет построение психологической типологии отношения к будущему в малых и больших

социальных группах. Среди возможных оснований такой типологии могут быть выделены значимость коллективного будущего и его оценка в представлениях членов группы, степень субъектности, в том числе представление о способности группы влиять на собственную коллективную судьбу и др. Высокая или низкая ориентация членов группы на коллективное будущее может сопровождаться разным уровнем рефлексивности, а также разными эмоциональными состояниями: от паники и тревоги до уверенности и энтузиазма.

Наконец, все большую актуальность приобретает изучение социально-психологических механизмов формирования социальных представлений о будущем технологий и ожидаемых изменений в общественной жизни под влиянием технологических изменений. В этой связи особый интерес представляют феномены технооптимизма и технопессимизма, их связь с социальным доверием и групповой рефлексивностью в сетевых сообществах (Нестик, Журавлев, 2016; Нестик и др., 2017; Нестик, Солдатова, 2017).

В целом можно констатировать, что если психология индивидуального прогнозирования – сегодня достаточно развитая область исследований (Ломов, Сурков, 1980; Регуш, 2003; и др.), то в социальной психологии феномен коллективного предвидения изучен крайне недостаточно.

При этом в условиях непрерывных изменений, при переходе к экономике знаний и вступлении в сетевой век прогнозирование перестает быть задачей немногих избранных. Оно приобретает командную и сетевую форму совместной деятельности, которая ведется практически непрерывно и охватывает все более крупные социальные категории – организации, общественные движения, крупные социальные группы. На эффективность такого форсайта все больше влияют особенности межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия его участников и заинтересованных в нем сторон. Между тем социально-психологические аспекты прогнозирования остаются практически мало разработанными в отечественной науке (Нестик, 2016а).

Формирование коллективных представлений о будущем и совместная деятельность по прогнозированию редко становятся объектом исследования. Между тем без понимания социально-психологических аспектов группового отношения к будущему очень трудно расширить горизонт предвидения в современных организациях, обеспечить не только своевременный анализ будущего, но и совместные действия по предотвращению долгосрочных рисков и реализации открывающихся возможностей (подробнее см.: Психологические ис-

следования глобальных процессов, 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.).

Для решения большинства социальных, экономических и экологических проблем необходимо развитие долгосрочной временной перспективы не только у элит, но и на других уровнях общества — от семьи, трудового коллектива до политических партий и общественных движений. Условием социальности сегодня становится способность совместно конструировать будущее, объединять различные временные перспективы. Таким образом, роль отношения к будущему как фактору социальной интеграции становится сегодня все более актуальной научной и прикладной проблемой.

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
- Аузан А. А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. С. 229–241.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. М.: Педагогическое общество России, 2002.
- Волков Д. Социология: Будущее темно // Ведомости. № 4134. 09.08.2016.
- Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–11.
- Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
- Гудков Л. Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение. 2011. С. 31–69.
- Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении России // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500–513.
- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психол. жур. 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
- Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Психологические основы профессиональной деятельности: Хрестоматия. М.: Пер Сэ, 2007. С. 231–240.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Красильникова М. Д. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 107. № 1. С. 109–117.
- Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Левада Ю. Ищем человека: социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 62–75.
- Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 03.08.2017).
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Майло П. Что день грядущий нам готовил? М.: ЛомоносовЪ, 2011.
- Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психол. жур. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
- Муздыбаев К. Феноменологии надежды (статья первая) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 18–27.
- Наумова Н. Ф. Время человека // Социол. журн. 1997. № 3. С. 159–176.
- Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социол. исслед. 2003. № 8. С. 12–21.
- Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011а.
- Нестик Т. А. Отношение личности ко времени и экономическое поведение // Культура и экономическое поведение / Под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011б. С. 166–189.
- Нестик Т. А. Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014а. № 2. С. 134–141.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014б.

- Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014в. № 1. С. 3–13.
- Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Нестик Т.А.* Корпоративный форсайт и его психологические ловушки // Бизнес-психология в международной перспективе / Отв. ред. С. Бентон, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо. М.: Логос, 2016а. С. 320–342.
- Нестик Т.А.* Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016б. № 1 (50). С. 24–38.
- Нестик Т.А.* Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016 в. Т. 1. № 4. С. 16–60.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 5–14.
- Нестик Т.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Нестик Т.А., Патраков Э.В., Самекин А.С.* Психология отношения человека к новым технологиям: состояние и перспективы исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2041–2050.
- Нестик Т.А., Солдатова Г.У.* Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–118.
- Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А.* Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 55–86.
- Попова И.М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социол. исслед. 1999. № 10. С. 135–145.

- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Регуш Л. А. Психология прогнозирования: Успехи в познании будущего. СПб.: Питер, 2003.
- Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 4 (42). С. 10–29.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальн. психол. журн. 2011. № 2. С. 15–24.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Abrams D. et al. Knowing what to think by knowing who you are: self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization / D. Abrams, M. Wetherell, S. Cochrane, M. A. Hogg, J. Turner // British Journal of Social Psychology. 1990. V. 29. P. 97–119.
- Adam B. Towards a Twenty-First-Century Sociological Engagements with the Future // Insights. 2011. V. 4. № 11. P. 1–18.
- Arnold K. M., McDermott K. B., Szpunar K. K. Imagining the near and far future: the role of location familiarity // Memory and Cognition. 2011. V. 39. № 6. P. 954–967.
- Barbrook R. Imaginary futures: from thinking machines to the global village. London: Pluto Press, 2007.
- Beck U. The cosmopolitan society and its enemies // Theory, Culture and Society. 2002. V. 19. № 1–2. P. 17–44.
- Bilgin B., Brenner L. Temporal distance moderates description dependence of subjective probability // J. Exp. Soc. Psychol. 2008. V. 44. № 3. P. 890–895.
- Briley D. A. Looking Forward, Looking Back: Cultural Differences and Similarities in Time Orientation // Understanding Culture. Theory, Research,

- and Application / Ed. by R. S. Wyer, Ch.-Y Chiu, Y.-Y. Hong. N. Y.—London: Psychology Press, 2009. P. 311–325.
- Buckner R. L.* The role of the hippocampus in prediction and imagination // *Annual Review of Psychology*. 2010. V. 61. P. 27–48, C1–8.
- Choi I., Dalal R., Kim-Prieto C.* Information search in causal attribution: Analytic vs. holistic. Urbana-Champaign: University of Illinois, 2000.
- Cinnirella M.* Exploring temporal aspects of social identity: The concept of possible social identities // *Europ. J. Soc. Psychol.* 1998. V. 28. P. 227–248.
- Cottle T. J.* Perceiving time. A psychological investigation with men and women. N. Y.: John Wiley & Sons, 1974.
- Christensen-Szalanski J. J., Willham C. F.* The hindsight bias: A meta-analysis // *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 1991. V. 48. № 1. P. 147–168.
- Ellermann H.* et al. How global are our memories? // H. Ellermann, D. Glowsky, K.-U. Kromeier, V. Andorfer. An empirical approach using an online survey // *ASA 2007 Annual Meeting*. P. 1–20.
- Gaidos S.* Thanks for the future memories // *Science News*. 2008. 6/21. V. 173. № 19. P. 26–29.
- Greenwald A. G., Carnot C. G., Beach R., Young B.* Increasing voting behavior by asking people if they expect to vote // *Journal of Applied Psychology*. 1987. V. 72. P. 315–318.
- Güss D.* Planen und Kultur? Lengerich, Germany: Pabst, 2000.
- Fischhoff B., Gonzalez R. M., Lerner J. S., Small D. A.* Evolving Judgments of Terror Risks: Foresight, Hindsight and Emotion // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2005. V. 11. № 2. P. 124–139.
- Hirst W., Echterhoff G.* Remembering in conversations: The social sharing and reshaping of memories // *Annual Review of Psychology*. 2012. V. 63. P. 55–69.
- Hofstede G., Bond M. H.* The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. V. 16 (4). P. 4–21.
- Joffe H.* Risk: From perception to social representation // *Brit. J. Soc. Psychol.* 2003. V. 42. P. 55–73.
- Jones J. M.* Cultural difference in temporal perspectives // *The Social Psychology of Time: New Perspectives* / Ed. J. McGrath. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 21–38.
- Keenan M., Popper R.* Comparing foresight “style” in six world regions // *Foresight*. 2008. V. 10. № 6. P. 16–38.
- Kerr N. L., Tindale R. S.* Group performance and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2004. V. 55. P. 623–655.
- Klein G.* Performing a Project Premortem // *Harvard Business Review*. 2007. V. 85. № 9. P. 18–19.

- Kwan D., Carson N., Addis D. R., Rosenbaum R. S.* Deficits in past remembering extend to future imagining in a case of developmental amnesia // *Neuropsychologia*. 2010. V. 48. № 11. P. 3179–3186.
- Lee S., Ramenzoni V. C., Holme P.* Emergence of collective memories // *Plosone*. 2010. V. 5. № 9. URL: <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0012522> (дата обращения: 03.06.2013).
- Liberman N., Trope Y.* Temporal construal // *Psychol. Rev.* 2003. V. 110. P. 403–421.
- Liu J. H., Goldstein-Hawes R., Hilton D.* Social representations of events and people in world history across 12 cultures // *J. of Cross-Cultural Psychol.* 2005. V. 36. P. 171–191.
- McKenna F. P.* It won't happen to me: Unrealistic optimism or illusion of control? // *Brit. J. Psychol.* 1993. V. 84. P. 39–50.
- Meade R. D.* Future time perspectives of Americans and subcultures in India // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1972. V. 3. P. 93–99.
- Merton R. K.* The unanticipated consequences of purposive social action // *Amer. Sociol. R.* 1936. V. 1. № 6. P. 894–904.
- Merton R. K.* The self-fulfilling prophecy // *Antioch Review*. 1948. V. 8. P. 193–210.
- Mitchell D. J., Russo J. E., Pennington N.* Back to the future: Temporal perspective in the explanation of events // *J. of Behavioral Decision Making*. 1989. V. 2 (1). P. 25–38.
- Nevins J., Bearden W., Money B.* Ethical values and long-term orientation // *J. of Business Ethics*. 2007. V. 71. № 3. P. 261–274.
- Nuttin J., Lens W.* Future time perspective and motivation: Theory and research method. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1985.
- Olick J. K., Robbins J.* Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*, 1998, V. 24. P. 105–140.
- Perkins A., Smith R. J., Sprott D. E., Spangenberg E. R., Knuff D. C.* Understanding the self-prophecy phenomenon // *Advances in Consumer Research – European Conference Proceedings*. 2008. V. 8. P. 462–467.
- Peterson C.* A primer in positive psychology. N. Y.: Oxford University Press, 2006.
- Polak F.* The image of the future. London–N. Y.: Elsevier Publishing, 1973
- Portaleoni G. C., Marinova S., Ul-Haq R., Marinov M.* Corporate Foresight and Strategic Decisions: Lessons from a European Bank. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Samuel L. R.* Future: A recent history. Austin, TX: University of Texas Press, 2009.
- Sherman S. J.* On the self-erasing nature of errors of prediction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. V. 39. № 2. P. 211–221.

- Spreng R. N., Mar R. A., Kim A. S. N.* The common neural basis of autobiographical memory, prospection, navigation, theory of mind and the default mode: a quantitative meta-analysis // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2009. V. 21. № 3. P. 489–510.
- Stoner J. A. F.* Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values // *J. Exp. Soc. Psychol.* 1968. V. 4. P. 442–459.
- Tonna B., Hemrick A., Conrad F.* Cognitive representations of the future: Survey results // *Futures*. 2006. V. 38. P. 810–829.
- Wakslak Ch. J.* et al. Representations of the self in the near and distant future / Ch. J. Wakslak, Sh. Nussbaum, N. Liberman, Y. Trope // *J. Person. and Soc. Psychol.* 2008. V. 95. № 4. P. 757–773.
- Yudkowsky E.* Cognitive Biases Potentially Affecting Judgment of Global Risks // N. Bostrom, M. M. Ćirković (Eds). *Global Catastrophic Risks*. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91–119.
- Zaleski Z.* Future Anxiety: Concept, measurement and preliminary research // *Personal Individual Difference*. 1996. V. 21. № 2. P. 165–174.

Развитие понятия «дискурс» в психологии речи и психолингвистике

Т.А. Гребенщикова, И.А. Зачесова, Н.Д. Павлова

Дискурс в общем случае понимается как коммуникативное событие в широком контексте — конкретно-ситуативном, социально-психологическом и культурно-историческом — в зависимости от аспекта рассмотрения. Выражением дискурса является речь, порождаемая субъектами во взаимодействии друг с другом, под влиянием их намерений, установок, знаний, картины мира, социальных ролей и т.д.

Существует множество определений дискурса, что связано с многоаспектностью феномена и междисциплинарным статусом проводимых исследований. Так, в философии этот термин соотносится с французским построением, согласно которому дискурс выступает идеологией и ментальностью, выраженной в речи с учетом множества контекстов, в лингвистике — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. По образному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это текст, погруженный в жизнь.

Дискурс формируется в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия и служит воспроизводству определенных норм поведения, отношений, идей, установок в социальной группе (N. Fairclough, R. Wodak, N. Phillips, C. Hardy, T. van Dijk, Л.В. Матвеева, А.С. Сергеева, В.Е. Чернявская и др.). В нем развиваются взаимоотношения коммуникантов, осуществляется их взаимопонимание (Зачесова, 2007), взаимодействие (Гребенщикова, Зачесова, 2014;

Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2017) и воздействие (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Латынов, 2013; Павлова, Григорьева, 2014; Павлова, Пескова, 2012), складывается картина мира субъекта (Латынов, 2013; Ушакова и др., 1995; и др.).

Описать историю возникновения понятия дискурса в психологических исследованиях отдельно от других наук, связанных с изучением сознания и общения человека, довольно трудно, так же как и соблюсти строгую хронологию. Это связано с тем, что на практику употребления термина повлияло множество научных школ, возникших одновременно в разных странах и дисциплинах. В свою очередь, данные школы имели свою историю, будучи сформированы под влиянием различных философских, культурологических, социологических, лингвистических и других идей.

В литературе пересекаются смежные понятия — «текст», «дискурс», «диалог». Но между ними нередко не делается резкого разграничения. Отмечается, что текст может быть рассмотрен как результат дискурса, последний при этом более спонтанный, живой (Кубрякова, 2000). В немецкой школе понятию дискурса соответствует термин «диалог», или «разговорная сфера» (E. Goffman, G. Henne, G. Rehbock и др.), и это научное направление восходит к изучению словоупотребления П. Вундерлихом и П. Хартманом. Некоторые направления британской школы *дискурс-анализа* также сфокусированы на изучении естественно протекающих диалогов — педагогического, медицинского и др., но оперируют понятием дискурса (M. Stubbs, M. Coulthard, M. Ashby и др.). Во французской традиции текст часто противопоставляется дискурсу, отмечается процессуальность и диалогичность последнего (M. Foucault, M. Pêcheux, J. Kristeva и др.).

Понятие «дискурсивный» в философии изначально связывалось с характеристикой мышления, противопоставляемого интуитивному, и хотя само обозначение «дискурсивное мышление» возникает в XIX в., но данная оппозиция встречается в работах Платона, Ф. Аквинского, Т. Гоббса, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, И. Канта и др. Дискурсивность мышления представляется основанием последовательного доказательства, которое строится на понятиях, выраженных словами. Дискурсивное мышление, таким образом, — это мышление речевое, служащее рассуждению и доказательству. В этой связи нельзя не упомянуть роль философии сознания второй половины XIX—начала XX в., оказавшей влияние на развитие идей о связи мышления и речи. Предложенное (Ф. Brentano, Э. Husserl) понятие интенциональности, означающей направленность сознания на объект переживания, важно для современной психологической

теории дискурса, одним из аспектов которой является картина мира субъекта (Дискурс в современном мире..., 2011; Ушакова и др., 1995).

В отечественной психологии термин «дискурсивное говорение» встречается в «Мышлении и речи» Л. С. Выготского при описании свернутости устной речи в диалоге (Выготский, 1999). Термин «дискурсивное мышление» употребляется А. Р. Лурией при обозначении индукции и дедукции как основных продуктивных форм мыслительного процесса (Лурия, 1998).

В качестве самостоятельного понятия дискурс впервые возникает в работах американского лингвиста З. Харриса, который в 1952 г. предложил метод под названием *дискурс-анализ*. Он использовал его для изучения того, как информация развивается и связывается в дискурсе, под которым автор понимал последовательность высказываний, произнесенных (или написанных) человеком в определенной ситуации (Harris, 1952). В европейской лингвистике получает разработку проблема функционирования текста во взаимодействии людей, акцентируется активная роль понимающего субъекта — как говорящего, так и слушающего (Ш. Балли, Р. Якобсон, Э. Бенвенист, М. М. Бахтин, Р. Барт и др.). В этой связи стоит упомянуть работы австрийского психолога К. Бюлера, который рассматривал язык как способ деятельности. Согласно его системе, знак обладает репрезентативной (представления), экспрессивной (выражение состояния) и апеллятивной (побуждение) функцией.

Во второй половине XX в. импульсом к развитию наук, изучающих *homo loquens* — человека говорящего, послужил спор между школой Н. Хомского, понимающего язык как врожденный механизм, со сторонниками идеи языка как социальной практики, под влиянием которой формируется коммуникативная компетенция (Ю. Хабермас, Д. Хаймс, Дж. Остин). Возникшая в середине 1950-х годов *теория речевых актов* — ТРА (J. Ostin, J. Searle, P. Strawson и др.) содержала их типологию, за основание были взяты речевые намерения говорящего. Согласно ТРА, речевой акт — высказывание, выражающее коммуникативное намерение говорящего, — анализируется как способ достижения определенной цели с использованием речевых средств. Моделируются правила речевого выражения типовых намерений (обещание, просьба и др.), разрабатывается классификация связанных с проявлением интенций иллокутивных актов. Однако в рамках классической ТРА объектом изучения выступают изолированные высказывания и не учитывается включенность речевых актов в целостный контекст разговора. Перспективы исследований дискурса с позиций ТРА авторы связывают с моделированием стерео-

типных сочетаний речевых актов и типовых схем разговора при разной постановке коммуникативных задач (W. Franke, F. Hundsnerscher, G. Psathas и др.).

ТРА дала толчок развитию *прагмалингвистики* — направления, зародившегося под влиянием семиотики и философской прагматики (Г. Фреге, Ч. Пирс, Ч. Моррис, Р. Карнап). Это направление ориентировано на исследование принципов коммуникации, правил интерпретации используемых выражений, явных и скрытых целей высказывания (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, G. P. Graice, S. Levinson, J. Searle, G. Leech, G. Fritz, W. Franke, F. Hundsnerscher и мн. др.). Один из основателей лингвистической прагматики Чарльз Моррис отмечал, что прагматика обращает внимание на отношение знаков к их пользователям, а это делает необходимым введение в поле исследования говорящего и его намерений (Моррис, 1983). Важный вклад данного направления — изучение речевых маркеров намерений, особенностей интерпретации и понимания речи, потенциала воздействия высказываний, изменения их смысла в разных контекстах и др. (Г. П. Грайс, Дж. Н. Лич, С. Левинсон, А. Вежбицка, В. Дэвис, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. И. Карасик, А. А. Кибрик и др.). Были рассмотрены также механизмы убеждения и правила интерпретации высказываний, самопрезентация и оказание воздействия на слушателя (Дж. Поттер, М. Уезерелл, Р. Ратмайр, П. Гранди и др.).

На рубеже 1960—1970-х годов термин «дискурс» привлек внимание французских структуралистов, опиравшихся на идеи Ф. Соссюра. В рамках этой традиции дискурс рассматривался в отношении к кодированию, трансляции и распознаванию смысла в данной ситуации с учетом широкого социокультурного и исторического контекста, идеологических установок говорящего в отношении обсуждаемой темы (П. Серио, А. Греймас, Ж. Куртэ, М. Пеше, М. Фуко и др.). Представители данного направления подчеркивали, что человек не всегда осознает реализуемые в речи намерения. В дальнейшем проблема влияния идеологических установок на особенности дискурса получила разработку в *критическом дискурс-анализе*, анализирующем инструменты дискриминации и влияния на политическом и массмедийном материале (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Дейк ван, 2013; Гендер и язык, 2005).

Мишель Фуко ввел в научный обиход ряд связанных с дискурсом понятий. Так, дискурсивная формация понимается как способ мышления и говорения в определенном социальном и культурно-историческом контексте. Определенная картина мира, которая закрепляется в дискурсе на основе взаимодействия людей, обозна-

чалась как дискурсивная практика, которая противопоставлялась недискурсивной, т. е. имеющей отношение к тому, что люди *делали* в реальности, но не говорили о ней. Ставилась задача выделить правила, по которым дискурс функционирует и развивается во взаимодействии с «внешней средой» и по которым в нем реализуется власть, и т. п. (Фуко, 1996).

Идея дискурсивной реальности, которая существует и в сознании говорящего, и в самом способе говорения о ней, получила развитие в *дискурсивной и социальной психологии* (R. Harre, J. Shotter, K. Gergen, J. Potter и др.). Рассматривая речь в структуре значимых отношений и включенности в жизненные ситуации (R. Harre, M. Argyle, L. Luborsky, П. Н. Шихирев), авторы изучают «семантическую систему» субъекта: его интерпретации и объяснение социальных ситуаций, своего и чужого поведения. На материале различных видов дискурса разрабатываются модели коммуникативного воздействия (В. Е. Чернявская, В. В. Латынов; J. Potter, M. Wetherell и др.). В работах, обобщающих опыт зарубежных и отечественных исследований, описываются стратегии взаимодействующих субъектов, средства воздействия в разных социальных контекстах, интегральные эффекты воздействия и др. (Латынов, 2013; Психология дискурса..., 2016; Емельянова, 2016). Были выявлены дискурсивные механизмы производства и поддержания норм поведения в группе (Сергеева и др., 2016; Stroud et al., 2014), способы формирования социальных представлений в межличностном дискурсе (J. Potter, M. Billing, Т. П. Емельянова).

В рамках *социолингвистического* направления было показано, что индивидуально-демографические и социальные характеристики субъекта (пол, возраст, этническая принадлежность, статус, культурно-образовательный и экономический уровень и др.) сказываются на выборе темы, языковых средств, позиции в разговоре, способах проявления отношения к собеседнику и пр. (D. Н. Hymes, S. O. Murgay, R. Wodak, Б. И. Беликов, Л. П. Крысин и др.). Актуальная проблематика этой области исследования — языковые, коммуникативные межгрупповые и межкультурные барьеры, затрудняющие речевое общение (The SAGE handbook..., 2011).

На употребление термина «дискурс» существенное влияние оказал *символический интеракционизм* (G. Н. Mead, Н. Blumer, E. Goffman), сторонники которого видят во взаимодействии людей основу формирования значений. Это течение наряду с ТРА выступает одной из предпосылок изучения дискурса как коммуникативного события. *Этнометодологический подход* и возникший на его почве *конверсационный анализ* (Т. Luckmann, Н. Garfinkel, Н. Sacks, J. Heritage,

G. Psathas, W. Sharrock, G. Button и др.) в 1960–1980-е годы ставят вопросы о том, как осуществляется взаимодействие в ежедневной диалогической коммуникации. По мнению авторов, она образует социальную реальность субъекта, который видит, познает и описывает мир. В рамках подхода к настоящему моменту описаны закономерности диалогических интеракций: порядки смен тем, включения собеседников, исправления ошибок коммуникации, механизмов аргументации и пр. Наряду с общими правилами координации реплик — «принципом последовательности», «предпочитаемой структуры» и др. — эти работы раскрывают важную роль пауз, перемещения взора, мельчайших единиц высказываний в передаче слова определенному лицу, коррекции сбоев в течение разговора (J. M. Atkinson, J. Heritage, G. Psathas и др.). Однако описанные закономерности диалогических интеракций не отражают сквозной взаимозависимости реплик, значит, в стороне остаются многие процессы и механизмы, объединяющие действия собеседников в нечто целое.

К проблеме универсальных языковых закономерностей спонтанного общения, взаимосвязи средств и условий коммуникации обращены исследования *разговорной речи*. Разговорная речь рассматривается как явление, связанное с ситуацией: выявляются условия, определяющие использование разговорной речи (задачи, стиль, цель, место, время общения), анализируются факторы, влияющие на структуру взаимодействия и выбор субъектами речевых средств, характеризуется мера этого влияния, а также разновидности разговорного дискурса (Tannen, 1987; Biber et al, 2000; Земская, 1987; Китайгородская, Розанова, 2005; Занадворова, 2001; Байкулова, 2010; и др.). В перспективе этих исследований — типология коммуникативных ситуаций, соотносящихся с особенностями разговорного дискурса.

С конца прошлого века в изучении дискурса одним из значимых становится *когнитивное направление*. Описываются ментальные фреймы и сценарии, в которых содержатся знания о взаимодействии людей в типичных ситуациях (Дейк ван, 1989; Караулов, Петров, 1989; Кибрик, Плунгян, 2002; Лакофф, Джонсон, 2004; Стернин, 2004; Чернявская, 2006). Подчеркивается, что в коммуникации происходит осмысление стоящего за ней социально-психологического контекста и его когнитивная репрезентация, без которой невозможно понимание речи и собеседника. Разрабатываются теории усвоения и понимания речи (М. Томаселло, Т. Н. Ушакова, Е. А. Сергиенко), анализируется влияние на ее восприятие и развитие невербальных особенностей поведения, субъективных представлений о партнере и текущей коммуникации (Морозов, 2011; Язык и мысль..., 2015).

Дискурс соотносится как с ситуацией коммуникации, так и с особенностями личности, ее когнитивных ресурсов, представлений, интенций, эмоциональных состояний (Алмаев, 2012; Воронин, 2015; Ситуационная и личностная..., 2007). Важными факторами организации дискурса являются уровень развития языковой личности с присущей ей типичной стратегией речевого общения и коммуникативной компетенцией (Седов, 2004), дискурсивные способности, соотносимые с освоением и реализацией дискурсивных практик, осознанием себя и других в социальной ситуации (Воронин, 2015). Большое внимание уделяется изучению картины мира субъекта. Рассматриваются культурно-специфичные ментальные концепты (Дементьев, 2013; Карасик, 2010; Стернин, 2004), интенции говорящего, образующие иерархию, соответствующую его актуальному состоянию (Павлова, 2003; Ушакова и др., 2000; и др.). Восстанавливаются интенции субъекта и определяется его отношение к референциальным объектам в конфликтном и кооперативном дискурсе (Гребенщикова и др., 2016; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Ушакова и др., 1995). Парадигма как разделяемая учеными система взглядов может рассматриваться как научный дискурс (Воронин, 2015; Дискурс в современном мире..., 2011; Krippendorff, 2011).

Вместе с тем дискурсивные практики, в которые включен субъект, влияют на его личностные особенности: формируют идентичности, которые он может актуализировать в соответствии с определенным коммуникативным контекстом (Postmes et al., 2000; Spears, Postmes, 2015; Stroud et al., 2014). Показано также воздействие дискурса на формирование социально-психологических установок, которые, согласно «модели медиазависимости» (Media-System Dependence, S.J. Ball-Rokeach, M. L. DeFleur), впоследствии определяют выбор субъектом соответствующего медийного продукта (Латынов, 2013).

Различные черты описанных выше подходов интегрировал возникший в русле исследований семантики текста *интеннт-анализ* (Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова; и др.). Это направление опирается на исследовательские позиции системного подхода (Б. Ф. Ломов, Э. Г. Юдин), который позволил связать особенности общения с личностью, когнитивной сферой, социумом и культурой. Интенции, трактуемые в широком смысле как предметные направленности субъекта, образуют основу и глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности субъекта и его «видением мира», его желаниями, нуждами, установками (Павлова, 2003; Ушакова, Павлова и др., 2000). Соответственно, понимание собеседниками интенционального содержания диалога вы-

ступает важнейшей предпосылкой взаимодействия: координации ходов коммуникантов, воздействия, взаимоотношений (Зачесова, 2007; Зачесова, Гребенщикова, 2007; Павлова, Пескова, 2012).

Интеннт-анализ рассматривает психологические основания дискурса как иерархию присущих ему интенций с учетом различных психологических детерминант: личностных особенностей, статусно-ролевых и межличностных отношений коммуникантов, их «глобальных» (по Т. ван Дейку) намерений, ситуации взаимодействия, референциальных объектов и т. п. В сопоставлении с другими подходами интеннт-анализ выступает как экспертный, контекстный и комплексный метод изучения речевого содержания. Он опирается на экспертную оценку, учитывает множество социально-психологических параметров ситуации, невербальную сторону речи и является качественно-количественным методом ее изучения (Гребенщикова, Павлова, 2017).

В рамках интеннт-анализа исследования ведутся в двух направлениях. Это организация дискурса и дискурсивные процессы. Характеризуются интенции, с которыми собеседники вступают в общение в разных ситуациях и социокультурных контекстах, средства, используемые ими для реализации устремлений, воздействия, круг обсуждаемых тем. Реконструируется интенциональное пространство политического, массмедийного, повседневного, научного, консультационного, постсобытийного и других видов дискурса, а также создаются эмпирические типологии интенций для разных ситуаций взаимодействия (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2007; Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2017; Павлова, Григорьева, 2014).

Исследования речевого взаимодействия расширяют представление об актуальных интенциях коммуникантов как его психологической основе. Характеризуется механизм интенционального согласования реплик, взаимосвязанные интенциональные паттерны, отражающие актуальные интенции субъектов общения, иерархическая соподчиненность интенций и их преобладающая направленность и др. (Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2017). Описываются факторы отреагирования и игнорирования интенций в ходе непринужденного повседневного общения: конвенциональные («активное слушание», этикетные интенции), коммуникативные (коммуникативный саботаж и коммуникативное противодействие, полиинтенциональность реплики, смена темы) и ситуативные (помехи, окончание разговора). Анализируются факторы, определяющие понимание интенционального подтекста высказываний (Зачесова, 2007; Павлова, Пескова, 2012), влияние взаимоотношений собеседников на интенциональную структуру диалога (Зачесова, Гребенщикова, 2007), роль

и особенности проявления самопрезентации в различных контекстах (Кубрак, 2007). Моделируются тактики взаимодействия партнеров в повседневном общении (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Павлова, Афиногенова, Гребенщикова, 2017; Павлова, Гребенщикова, 2017).

Актуальная, интенсивно развивающаяся проблематика данного подхода — психологические механизмы, принципы и закономерности дискурсивного воздействия (Павлова, Гребенщикова, 2017). Исследуется связь приемов воздействия с формами разговорного дискурса, его референциальными объектами, интенциями коммуникантов, числом и статусом участников общения и пр. (Психология дискурса..., 2016). Рассматриваются формирующиеся в ходе взаимодействия тактики убеждения, приемы дискурсивного воздействия и выбор их коммуникантами (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Латынов, 2013; Павлова, Григорьева, 2014; Психологическое воздействие..., 2012). Накапливаются данные о механизмах дискурсивного воздействия в медийном и повседневном дискурсе (Басалаева, Лаппо, 2016; Кубрак, 2007; Павлова, Григорьева, 2014; Психологическое воздействие..., 2012; Чернявская, 2006). Специальное внимание уделяется разработке подходов к анализу информационно-психологической безопасности человека в интернете и кинодискурсе (Гребенщикова, Павлова, Афиногенова, 2016; Кубрак, 2016).

Учитывается разнообразное сочетание параметров коммуникативной ситуации, которое определяет их сложную типологию и соответствующие ей виды дискурса. При номинации последних может акцентироваться одно или несколько условий, интересующих исследователя: канал коммуникации (интернет-дискурс, кинодискурс, дискурс СМИ), институциональность (научный, политический, педагогический), субъекты общения и их социальные роли (дискурс общения IT-программистов, незнакомых людей и др.), жанровая специфика (повседневный, этикетный, постсобытийный дискурс) и характер взаимодействия (конфликтное, кооперативное) (Дискурс в современном..., 2011; Иссерс, 2008; Психология дискурса..., 2016; Чернявская, 2006; Шейгал, 2004; и др.). Тем самым выявляется кардинальная значимость социокультурных, коммуникативных, прагматических и других факторов в организации разных видов дискурса.

Заключение

В контексте современной науки, тяготеющей к междисциплинарности, понятие дискурса занимает место на пересечении когнитивных, коммуникативных, социокультурных и психологических исследова-

ний. В этой точке сходятся представления о процессах индивидуального и коллективного сознания, межличностных и межгрупповых отношений. Для психологического знания важным, в первую очередь, является то, что дискурс отражает в речевой форме под влиянием различных социальных практик многообразную жизнь субъекта. Дискурс служит воспроизводству социально-психологических норм, в нем закреплены различные концепты и сценарии, осуществляется психологическое воздействие, под его влиянием формируются установки личности. Актуальной проблемой является изучение видов дискурса, феноменов и закономерностей психологического воздействия и взаимодействия, которые связаны с различными сферами современной реальности. С позиций активно развивающегося интен-анализа основу дискурса составляет сложная иерархия речевых интенций взаимодействующих субъектов в конкретных ситуациях общения.

Литература

- Алмаев Н. А. Применение контент-анализа в исследованиях личности: методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Байкулова А. Н. Дружеское общение в парадигме обыденного общения // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2010. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/druzheskoe-obschenie-v-paradigme-obyennogo-obscheniya> (дата обращения: 14.12.2017).
- Басалаева Е. Г., Лаппо М. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве (на примере Новосибирской области) // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 268–284.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2001.
- Воронин А. Н. Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А. Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д. Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 18–31.

- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А.* Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 201–219.
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования* / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Занадворова А. В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Зачесова И. А.* Особенности взаимопонимания в семейном диалоге // Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 386–403.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А.* Взаимоотношения собеседников в диалоге // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 162–184.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
- Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
- Караулов Ю. Н., Петров В. В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 5–11.
- Кибрик А. А., Плунгян В. А.* Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные исследования / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 276–339.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005.
- Кубрак Т. А.* Интенция самопрезентации субъекта в различных видах дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса /

- Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 185–204.
- Кубрак Т. А.* Информационно-психологическая безопасность в кинодискурсе: состояние проблемы // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 220–241.
- Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УССР, 2004
- Латынов В. В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- Морозов В. П.* Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Моррис Ч.* Основание теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983.
- Павлова Н. Д.* Интент-анализ дискурса // Коммуникативные исследования / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж-Ярославль: Истоки, 2003. С. 19–24.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А.* Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Павлова Н. Д., Григорьева А. А.* Интенциональные модели психологического воздействия в дискурсе массмедиа // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 45–53.
- Павлова Н. Д., Пескова Е. А.* Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 74–82.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Воронина Е. Ю. Комментарий как форма дискурса профессионального виртуального сообщества (на примере IT) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–101.
- Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004.
- Ушакова Т. Н., Латынов В. В., Павлова А. А., Павлова Н. Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: Академия, 1995.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Алексеев К. И., Латынов В. В. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алитей, 2000.
- Фуко М. Археология знаний. Киев: Ника-Центр, 1996.
- Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
- Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. М.: Флинта, 2006.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
- Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, 2000.
- Harris Z. Discourse analysis // *Language*. 1952. V. 28. № 1. P. 1–30.
- Krippendorff K. Discourse and the materiality of its artifacts // *Matters of communication: Political, cultural and technological challenges to communication theorizing*. N. Y.: Hampton Press, 2011. P. 23–46.
- Postmes, T., Spears R., Lea M. The formation of group norms in computer-mediated communication // *Human Communication Research*. 2000. V. 26 № 3. P. 341–371.

- The SAGE handbook of Sociolinguistics / R. Wodak, B. Johnstone, P. Kerswill (Eds). London—USA—India—Singapore: SAGE Publications Ltd, 2011.
- Spears R. Postmes T.* Group Identity, Social Influence and Collective Action Online // The Handbook of Psychology of Communication Technology / S. S. Sundar (Ed.). Oxford: Blackwell. 2015. P. 23—47.
- Stroud N. J., Scacco J. M., Muddiman A., Curry A. L.* Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites. // Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. V. 20. № 2. P. 188—203. doi:10.1111/jcc4.12104.
- Tannen D.* Conversational style // Psycholinguistic Models of Production / Ed. by Hans Dechert and Manfred Raupach. N. J.: Ablex. 1987. P. 251—267.

«Интенция» как психологическая и психолингвистическая категория

Н.Д. Павлова

«**И**ntenция» (от *лат.* *intentio* — намерение, стремление) — категория с долгой историей, обозначающая в философии и психологии активность сознания, направленность сознания на предмет (Ф. Brentano, Э. Гуссерль). Сложилось также традиция употребления этого термина в более узком значении — направленность на цель (А. Н. Леонтьев), намерение (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональность, или, по Рубинштейну, предметная направленность, составляет неотъемлемое свойство сознания. В силу этого фундаментального свойства сознание — это не пассивное отражение, но отражение и отношение, пристрастное отражение, которое способно мотивировать деятельность (Рубинштейн, 2003).

«Интенция», понимаемая как устремленность сознания к миру, выступает более общим понятием по отношению к таким категориям, как «мотив», «цель», «отношение», которые отражают различные аспекты интенции. Так, категории мотива и цели отражают регуляторную функцию интенции по отношению к деятельности. Понятие отношения — избирательность и оценочную роль интенции применительно к различным предметам.

История понятия восходит к схоластике, различавшей реальное и интенциональное (умственное) существование объекта. В XIX в. термин был вновь введен в науку Ф. Brentano, в концепции которого интенциональность выступает сущностным свойством психических

феноменов, означая отнесенность актов сознания к определенному — реальному или воображаемому — предмету. Понятие интенции разрабатывалось в теории предметности А. Мейнонга, трактовавшего предмет как данность объекта в переживании (представлении, чувстве, желании). Переживание, модус заинтересованности в рассмотрении объекта составили основу введения интенциональности в аппарат феноменологии Э. Гуссерля, где эта категория является ключевой.

Концептуальные системы Brentano и Гуссерля оказали значительное влияние не только на философию и методологию гуманитарных исследований в целом, но и на психологию — анализ мышления в Вюрцбургской школе, гештальтпсихологию, персонализм и др. (Алмаев, 2006; Кириллова, Орлов, 2010).

Важное значение интенциональности придается и в исследованиях языка (Дж. Остин, Дж. Серль, А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков и др.). Если в первой половине XX в. под влиянием позитивистских установок значение языковых выражений признавалось объективным, статическим, независимым от каких-либо переживаний субъекта, то в дальнейшем актуализировался вопрос об интенциональной составляющей семантического содержания. Новаторской стала работа П. Грайса, противопоставившего устойчивому «классическому» значению значение интенциональное, зависящее от намерений говорящего и возникающее при употреблении выражений в актуальном коммуникативном контексте (Grice, 1989). По Грайсу, именно субъективное интенциональное содержание имеет фундаментальный статус в языке. Объективное значение производно, оно формируется при историческом развитии языка в результате конвенциональной стабилизации субъективных интенциональных содержаний.

Широкой известностью пользуются исследования американского философа и лингвиста Дж. Серля, имя которого обыкновенно связывают с теорией речевых актов. В терминах этой теории понятие интенции соотносится с понятием иллокуции, воплощающей коммуникативное намерение говорящего (Новое в зарубежной..., 1986; Searle, 1983). Речевой акт, по Серлю, не ограничивается буквальным смыслом сказанного, коммуникативное значение обуславливается конвенцией и иллокуцией (Searle, 1969). Конвенция определяет значение, общее для всех носителей языка, а иллокуция — это то, что говорящий хочет реализовать в разговоре, его намерение в данный момент времени. В высказывании выделяются функциональные уровни: уровень пропозиции — указание на объекты мира и утверждения о них, уровень иллокуции, предполагающий выражение комму-

никативного намерения, и уровень перлокуции, т. е. осуществление воздействия. Серль отмечает, что механизм образования коммуникативного смысла речи функционирует в пределах иллокуции. Названо примерное число иллокуций — более тысячи, в том числе «констатировать», «утверждать», «командовать», «просить», «критиковать» и т. п. Иллокутивные акты понимаются как конститутивные правила. Они предписывают определенное поведение: так, обещание налагает на говорящего известное обязательство, в противном случае — это не обещание, хотя соответствующая лексика может быть использована («Я обещаю завтра дождь»).

Исследования данного направления акцентировали роль интенционального содержания в функционировании языка, дав важный импульс разработке подходов прагмалингвистики (Дж. Лич, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф и др.). Были сформулированы имплицитные конвенциональные правила, согласно которым реализуются просьбы, приказы, обещания, и рассмотрена связь проявляющегося в речи намерения говорящего с представлениями о партнере общения, его интересами и пр. Вопрос производства и понимания речи был выведен на акциональный уровень, тогда как традиционно в качестве основной функции высказываний постулировалось описание положения вещей и утверждение фактов.

Вместе с тем теорию речевых актов и связанные с ней исследования критикуют за чрезмерную теоретичность, ориентацию на изолированные высказывания и данные мысленного эксперимента. Если от отдельных высказываний переходить к дискурсу, невозможно ограничиться перечнем стандартных актов, выделение которых оказывается во многом формальным и произвольным. В естественном дискурсе более релевантными оказываются нередко иные речевые акты, нежели те, которые с позиций данной теории выделяются и анализируются. Кроме того, поскольку речевые акты рассматриваются как дискретные единицы, служащие выражению определенного интенционального состояния говорящего, в стороне остаются вопросы, относящиеся к процессуальной стороне речевого общения: Как отдельные выражаемые в речи намерения соотносятся между собой? Каким образом они вплетаются в общий контекст разговора и структуру деятельности? Как координируются интенциональные акты коммуникативных партнеров?

Эти вопросы находятся в центре внимания психологического подхода к изучению речевых интенций, получившего известность как *интент-анализ* (Павлова, 2003; Павлова, Гребенщикова, 2017; Слово в действии..., 2000; и мн. др.). Интент-анализ включает в рассмотре-

ние коммуникативный, социально-психологический и социокультурный контекст, увеличивает объем единиц анализа, что позволяет исследовать материалы естественной речевой коммуникации. Характеризуются не только типовые, но и другие интенции (в том числе неосознаваемые), которые воспринимаются партнерами и составляют психологическую реальность коммуникации.

Начальные опыты интен-анализа касались текстов конфликтного характера, выступлений политиков в условиях предвыборной борьбы (Павлова, 2000; Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1995). В дальнейшем получили развитие исследования интенциональной структуры массмедийного дискурса (телебеседы, ток-шоу, интерактивные радиoproграммы и др.) и сопряженных с интенциями коммуникантов приемов воздействия (Григорьева, 2012; Григорьева, Павлова, 2012; Павлова, 1998; Павлова, Вахитова, 2009). Большое внимание уделялось повседневному дискурсу, который по многообразию форм может соперничать с медийным, — дискурсу семьи, неформального общения сослуживцев, повседневной студенческой коммуникации и др. (Афиногенова, Павлова, 2016; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Зачесова и др., 2016). Разрабатывалась тема интенциональных механизмов диалогического взаимодействия, конверсативных тактик, формирующихся в ходе разговора (Афиногенова, Павлова 2015а, б; Гребенщикова, Павлова, 2017; Зачесова, Гребенщикова, 2013; Павлова, 2005). Специальные исследования посвящены особенностям интенционального содержания научного, педагогического и психотерапевтического дискурса (Воронин, Горюнова, 2011; Кубрак, 2007, 2009б; Кириллова, 2010; Дискурс в современном мире, 2011), пониманию интенций (Павлова, Зачесова, Гребенщикова, 2016; Павлова, Пескова, 2012; Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1998), проявлению в различных условиях коммуникации интенции самопрезентации субъекта (Кубрак, 2009а, б). Эти и другие работы заложили основы подхода и послужили развитию представлений об интенциональных основаниях речи и дискурса.

В методическом отношении интен-анализ в том виде, в котором он сложился к настоящему времени, выступает экспертным методом изучения речевого содержания, имеющим контекстный и комплексный характер (Гребенщикова, Павлова, 2015; Павлова, Гребенщикова, 2017). Экспертная оценка интенций служит достижению объективности исследования. При анализе интенций важна квалификация оценивающих субъектов, применяются методы шкалирования, привлекаются сторонние эксперты. Вторая черта интен-анализа — его

контекстность — означает, что в оценке интенционального содержания речи учитываются условия ситуации, параметры социального и культурного контекста (роли коммуникантов, их статус, межличностные отношения и др.). Третья характеристика указывает на то, что интен-анализ реализуется в несколько этапов — от разработки категориального аппарата исследования и его проверки до подсчета частот проявления интенциональных категорий и другой статистической обработки. Кроме того, комплексность метода определяется рассмотрением не только вербальной составляющей речи, но и ее невербальных компонентов (интонационные характеристики, паузы, хезитации и др.).

Интен-анализ о речевых интенциях субъекта

С позиций интен-анализа понятие интенции выступает основополагающим для изучения речезыковых явлений. В речевом процессе исходным является иницирующий импульс, интенция высказать нечто, проявляющаяся уже в раннем возрасте и имеющая органическую природу (Ушакова, 1998). Речь выражает лежащее в ее основе семантическое (Т. Н. Ушакова) или интенциональное состояние (Дж. Серль) — состояние сознания говорящего, имманентной чертой которого выступает соотнесенность с миром, направленность на предмет. В субъективном плане это внутреннее психологическое состояние представляет собой «смыслы». У взрослого человека субъективные смыслы организуются в соответствии с правилами языка и проявляются в производимой речи (Слово в действии..., 2000; Ушакова, 1998, 2011).

Выступая необходимой основой речи, интенции образуют и значительную часть ее психологического содержания. *Интенциональное содержание речи* непосредственно связано с целями деятельности, желаниями, нуждами, предпочтениями субъекта. Интенции обнаруживаются, с одной стороны, в том, о каких предметах человек высказывается, на что направлено его сознание: на себя, на партнера общения, на окружающую действительность. С другой стороны, важно, как именно об этих предметах говорится, зачем, собственно, нечто сказано. При этом наряду с типовыми намерениями (предложение, просьба, приказ) в речи реализуются многие другие интенции — выразить отношение, избежать ответственности, осуществить самопрезентацию и пр. (Дискурс в современном..., 2011; Павлова, 2000; Слово в действии..., 2000; и др.). Интенциональное содержание речи многогранно и как всякое содержание в принципе неисчерпаемо.

Речевые интенции могут быть не только осознаваемыми, но и неосознанными. Они различаются также по своей психологической глубине. Отчетливо выраженные «ближайшие» интенции делают возможным понимание говорящего собеседником и составляют психологическую реальность коммуникации; такие интенции часто осознанно манифестируются субъектом. «Глубинные» интенции, в том числе неосознанные и намеренно вуалируемые, нередко могут быть выявлены лишь в результате специального анализа. Речевые интенции имеют устойчивый или, напротив, преходящий характер. Некоторые из них, чрезвычайно важные в организации разговора, возникают непосредственно в ходе интеракции, в соответствии с шагами, предпринятыми партнером общения (уточнить понимание — пояснить; привлечь внимание — обозначить включенность в разговор). Другие интенции формируются в связи с практическими нуждами, профессиональной деятельностью и пр. (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2007; Павлова, 2000; Павлова, Афиногенова, 2015).

Интенции речи многообразны и могут быть типологизированы по множеству оснований (Павлова, Гребенщикова, 2014). Неразрывно связанные как с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами субъекта, так и с его включенностью в практическую жизненную деятельность, они во многом определяют речевое содержание и его понимание собеседником.

Важно подчеркнуть, что роль речи не сводится к реализации отдельных интенций субъекта («Я требую...» и т. п.). Интенции, проявляющиеся в речи, обычно скоординированы между собой. Формируется *иерархическая интенциональная структура*, нередко достаточно сложная. Помимо ведущих, или целевых интенциональных направленностей дискурса, которые соответствуют основным задачам общения, выделяются их составляющие, а также набор конкретных частных интенций, определяющих функциональную специфику ведущих направленностей (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2009; Павлова, 2000; и др.). Так, интенции «поинтересоваться» и «поболтать» объединяет фатическая направленность на поддержание отношений с партнером; интенции «побудить к действиям», «внушить уверенность», «воодушевить» составляют направленность на активизацию слушателя. Ведущие интенциональные направленности, в свою очередь, образуют иерархию. Например, в предвыборном дискурсе направленность на агитацию слушателя соответствует глобальной или целевой интенции (по Т. ван Дейку): направленности на выигрышную самопрезентацию, дискредитацию оппонента, анализ действительности, формируя определенную

картину мира, обеспечивают оказание агитационного воздействия (Павлова, 2000).

При этом обнаруживается особая роль направленности субъекта на адресата, *диалогических интенций*, которые у взрослого говорящего выступают постоянной компонентой интенционального содержания речи (Павлова, 2000; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Человек говорит, желая выразить нечто, и, чтобы сказанное было адекватно воспринято, он должен принимать в расчет адресата, в том числе при опосредованной коммуникации адресата отсутствующего, а в некоторых ситуациях — и воображаемого. Если исключить патологию и специальные моменты речевого онтогенеза, субъект направлен на адресата, по крайней мере, в том отношении, что стремится быть правильно понятым. К тому же, поскольку речь включена в социальную практику, диалогические интенции регулярно приобретают более специализированный характер: говорящий стремится убедить, побудить к действиям, выразить (вызвать) отношение, предупредить и мн. др.

Способы выражения диалогических и других интенций субъекта чрезвычайно разнообразны. Наряду с открытым проявлением, когда интенция прямо обозначается, к примеру, соответствующим глаголом («обещаю помочь»), широко используются различные способы косвенного, неявного выражения, в которых важны не столько языковые и невербальные средства, сколько условия коммуникации, психологические предпосылки и пр. (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональная выразительность речи огромна. Можно сказать: «На улице мороз», — и в соответствующем контексте это прозвучит как предложение одеться потеплее, выразит заботу. Однако неявная передача интенций может создавать расплывчатость содержания, допускающего различную интерпретацию. Эта неопределенность принципиальна в коммуникации. Позволяя вносить уточнения, подготавливать действия, она выступает предпосылкой тактичного ведения разговора.

При этом, поскольку подлежащие выражению интенциональные состояния континуальны, речевые высказывания оказываются соотношенными не с какой-либо одной, а с множеством интенций, находящихся в той или иной связи. Некоторые из этих интенции выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер, какие-то интенции отчетливо осознаются субъектом, другие могут не рефлексироваться. Высказывания в дискурсе за немногими исключениями полиинтенциональны, и вопрос о том, реализации каких намерений он в первую очередь служит, нередко далеко не очевиден (Дискурс в современном..., 2011).

Несмотря на неоднозначность речевой передачи, *интенции субъекта*, как правило, *понимаются адресатом*. Обнаруживается, однако, некоторая размытость их квалификации: смешение близких категорий, неразличение частных интенций и пр. (Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1998). Косвенно выраженные интенции понимаются хуже, чем манифестируемые явно. Имеет значение и развернутость выражения: чем в большем объеме речевого материала проявляется интенция, тем надежнее она квалифицируется (Павлова, Пескова, 2012). В естественных условиях диалога наиболее значимым фактором понимания интенционального содержания выступает включенность в коммуникацию — адресат соотносит высказывания с ситуацией, партнером общения, задает уточняющие вопросы (Афиногенова, Павлова, 2015; Павлова и др., 2016).

Непонимание речевых интенций может иметь характер добросовестного заблуждения и определяться факторами объективного плана: ситуативными помехами, различиями в запасе имеющихся у коммуникантов знаний, недостаточной выявленностью интенции (Дискурс в современном..., 2011). Вместе с тем возможны случаи коммуникативного противодействия, даже «коммуникативного саботажа» (Горелов, Седов, 2004), которые связаны с позициями партнеров общения. Если добросовестное заблуждение влечет за собой корректирующие реплики и уточняющие вопросы, свидетельствующие о стремлении понять собеседника, то в ситуации «субъективного непонимания» обычны различные тактики ухода от ответа, такие как затягивание разговора, предложение новой темы и пр. (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2012). Это находит отражение в рассогласовании реплик, приводит к сбоям в течении разговора, а в отдельных случаях и к коммуникативным провалам. Обычно, однако, диалог продолжается, хотя может менять линию своего развития (Афиногенова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Гребенщикова, Павлова, 2017).

Стоит отметить, что если для слушающего форма выражения интенций является объективным фактором, могущим затруднять понимание, то в перспективе говорящего это фактор субъективного плана, позволяющий в своих целях разворачивать обсуждение. Варьируя формы выражения, коммуникант может вуалировать одни интенции и выдвигать на первый план и акцентировать другие. Для более яркой демонстрации интенции используются специальные выразительные средства: экспрессивная лексика, повторы, метафоры и др. (Алексеев, 2016; Павлова и др., 2016; Павлова, Пескова, 2012).

Процессы выражения и распознавания интенций выступают как важнейшая составляющая речевого общения, необходимая *основа взаимопонимания, координации действий, достижения целей коммуникантов.*

В условиях непосредственного взаимодействия речевая передача интенций включается в *процесс согласования реплик коммуникативных партнеров.* В ходе взаимодействия формируются *интенциональные паттерны*, в которых находит отражение иницилирующая интенция и отклик партнера на ее проявление, имеющий подтверждающий или отклоняющий характер (Гребенщикова, Зачесова, 2012; Афиногенова, Павлова 2015; Павлова и др., 2017). В наиболее частом варианте интенциональный паттерн предполагает соотнесение иницилирующей и ответной интенции по типу «один к одному»: «предложить — отклонить предложение», «пожаловаться — посочувствовать». Менее частотны паттерны, отражающие совмещенный (единый) отклик собеседника на несколько проявленных интенций: «поинтересоваться, выразить удивление — рассказать», «уточнить понимание, информировать — дать указание». Третий вариант интенциональных паттернов содержит множественный отклик на иницилирующую интенцию: «выразить возмущение — оправдаться, дать обещание», «уточнить — пояснить, предложить». Составляющие такого паттерна взаимодействия могут не соседствовать друг с другом непосредственно и реализоваться разными участниками диалога (Афиногенова, 2015; Афиногенова, Павлова, 2015).

В целом интенциональная координация реплик предполагает четыре типовые *формы реагирования на речевые интенции субъекта*: безотлагательное, отсроченное, совмещенное и множественное (Афиногенова, 2015). Безотлагательное реагирование характерно для таких категорий интенций, как «предположить», «сообщить», «поинтересоваться», «запросить информацию». Отсроченный отклик реализуется спустя несколько реплик и чаще всего связан с включением во взаимодействие трех и более собеседников, однако он может проявляться и в связи с уточняющими репликами, полиинтенциональной репликой, перебиванием партнера. При совмещенном реагировании на реплику ответ собеседника относится одновременно к нескольким выраженным интенциям, некоторые из которых (как правило, более частные) самостоятельного отклика не вызывают. Множественный отклик предполагает безотлагательное и вместе с тем отсроченное реагирование на проявление интенции, что типично для диалога с участием нескольких лиц (Афиногенова, Павлова, 2015).

Хотя большая часть интенций, получающих речевое выражение, вызывает тот или иной отклик собеседников, некоторые из них релевантного ответа не находят. *Отсутствие отклика на интенциональный подтекст реплик* может определяться не только ситуативными помехами, но также конвенциональными и коммуникативными факторами (Павлова, 2005; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2012; Афиногенова, 2015). Факторы конвенционального плана связаны с типом реализуемых интенций. Так, обязательного отклика не требуют интенции активного слушания («обозначить понимание», «подтвердить») и «этикетные» интенции («поблагодарить», «поприветствовать» и др.). Преобладающими, однако, могут быть случаи коммуникативного плана, которые характеризуются субъективным игнорированием проявленных интенций, позволяющим влиять на ход разговора. Подобные случаи нередко выступают признаком коммуникативной инициативы, замены ожидаемого отклика, «иллокутивно вынужденного речевого акта» (Баранов, Крейдлин, 1997), на независимый, совершение которого определяется интенциями самого говорящего. Если с позиций теории речевых актов диалог сводится к упорядоченной смене речевых актов, то исследования в русле интент-анализа акцентируют активную роль субъектов общения. Они показывают, что механизм интенционального согласования реплик отличается гибкостью. Это проявляется не только в вариативности ответного отклика партнера, но и в случаях ухода от ответа — коммуникативного противодействия, служащего развитию новой линии диалога (Гребенщикова, Зачесова, 2012; Павлова и др., 2017).

Общая интенциональная структура взаимодействия, которая может иметь линейный или разветвленный характер, отражает варианты координации реплик партнеров. При линейной структуре взаимодействия реализуемые интенции соотносятся последовательно в рамках одной интенциональной линии. При разветвленной структуре развиваются несколько интенциональных линий: некоторые проявленные интенции получают отклик безотлагательно, к другим партнер возвращается позже (отсроченно/множественно). При этом возможно включение фрагментов узловой структуры, которая предполагает соотнесенность «ответных» интенций собеседника с одной общей иницирующей интенцией (Афиногенова, 2015; Гребенщикова, Зачесова 2014; Павлова, Афиногенова, 2014).

Последовательность интенциональных паттернов формирует конвенсивную тактику, при реализации которой интенции, выражаемые коммуникантом, задают варианты ответа партнеру, вынуждая его к действию, изменению представления, оценки (Гребенщикова,

2012; Гребенщикова, Павлова, 2017). В повседневном дискурсе реализуются, к примеру, следующие конверсативные тактики: «побудить к обсуждению — поддержать обсуждение — изменить мнение — уклониться от обсуждения» или «побудить к обсуждению — поддержать обсуждение — изменить мнение (собеседника) — изменить мнение» (Гребенщикова, Зачесова, 2014). Тактика может быть расширена частными интенциями, включать элементы самопрезентации. Возможны и очень простые тактики: серия однотипных ходов (упреков, запросов), повторение одного и того же хода без изменений, например, в форме так называемого «канюченья» (Иссерс, 2008). У каждого из коммуникантов есть возможность выстраивания своей линии взаимодействия в зависимости от возникающих эффектов (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Границы тактики могут определяться сменой темы, достижением конкретного результата, желанием коммуникантов завершить диалог. Выбор конверсативной тактики зависит от точки зрения говорящего на обсуждаемую проблему, его оценки текущей ситуации общения и особенностей реагирования собеседника. В пределах одного диалога партнеры могут меняться ролями «ведущий»/«ведомый», более того, навязывать их друг другу.

Вместе с тем интенции, проявляющиеся в речи, во многом определяются ситуацией, в которой осуществляется коммуникация. Так, в условиях предвыборной борьбы выступления политиков направлены на то, чтобы воодушевить, консолидировать, предостеречь, стимулировать избирателей к действиям, дискредитировать политического противника. Эти и другие интенции, свойственные предвыборной ситуации, формируют целостное *интенциональное пространство* данного вида *дискурса* (Павлова и др., 2007). Другие виды дискурса — семейный, научный, консультационный — имеют свои интенциональные характеристики и свое интенциональное пространство (Гребенщикова, 2012; Дискурс в современном..., 2011; Кубрак, 2009). Так, для дискурса психологического консультирования характерны направленности клиента на получение помощи, самооправдание, обвинение, позитивную самохарактеризацию (Кубрак, 2007, 2009а). В числе ведущих интенциональных направленностей повседневного семейного дискурса: побуждение партнера к обсуждению или действию, изменение мнения/представления партнера, поддержание отношений и вместе с тем выступление против партнера, уклонение от обсуждения, предписания (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Для повседневного дискурса в студенческой среде выступление против партнера нехарактерно, отмечает-

ся значительная выраженность направленностей выразить отношение/состояние и проявить или охарактеризовать себя, что указывает на повышенную экспрессивность этой формы дискурса и свойственную возрасту потребность заявить о себе (Афиногенова, 2015).

Интенциональное пространство дискурса составляет его психологическую основу. Оно во многом определяет характер дискурса: используемые средства и способы выражения, протекание речевого взаимодействия, круг обсуждаемых тем (Дискурс в современном..., 2011).

Существует *связь между актуальными интенциями коммуникантов и используемыми приемами оказания воздействия*: при наличии интенции или определенной их совокупности с высокой вероятностью реализуется конкретный прием дискурсивного воздействия (Григорьева, 2012; Григорьева, Павлова, 2012). Например, в соответствии с полученными данными можно утверждать, что, если в речи присутствуют интенции обвинения и критики оппонента, будет использован прием употребления экспрессивных слов. Прием детализации описания связан с направленностью субъекта на анализ ситуации и самооправдание, которым может сопутствовать направленность на выигрышную самопрезентацию. Наиболее характерным интенциональным комплексом, определяющим употребление приема максимизации, является сочетание интенций анализа ситуации и демонстрации ее негативных сторон (Григорьева, Павлова, 2012; Гребенщикова, Павлова, 2017).

Влияние на дискурс многообразных психосоциальных переменных опосредовано актуализирующимися в соответствующих условиях интенциями коммуникантов. Интенциональное пространство составляет психологическую основу дискурса и выступает ведущей детерминантой, обуславливающей его специфику в различных социальных контекстах.

Заключение

Речь традиционно исследовалась в психологии в рамках проблемы ее взаимоотношения с мышлением. При этом в первую очередь акцентировался аспект содержания, который сопряжен с выражением суждений, отображением в слове явлений действительности. То, что речь — это действие, служащее реализации определенных коммуникативных задач, выражению желаний и нужд человека, упускалось из виду. Выявляя речевые интенции, неразрывно связанные с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами субъекта и вместе с тем с его практической деятельностью, интент-анализ

раскрывает эту сторону речевого содержания. С теоретических позиций, изложенных в статье, интенции субъектов общения представляют собой одну из важнейших детерминант формирования и организации дискурса. Они составляют его психологическую основу и во многом определяют, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией.

Представленные исследования свидетельствуют о перспективности интенционального подхода, выявляющего глубинные психологические основания речи, те актуальные смыслы, которые переживаются собеседниками и направляют их действия в ходе общения.

Литература

- Алексеев К. И.* Воздействие метафоры в научном психологическом дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 162–171.
- Алмаев Н. А.* Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Афиногенова В. А.* Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2015.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.* Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.* Интенциональные категории повседневного дискурса в студенческой среде // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 102–127.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 84–100.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Специфика научного дискурса в исследованиях познавательных способностей // К. И. Алексеев и др. Дискурс в современном мире. Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 219–237.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2004.
- Гребенщикова Т. А.* Интенциональная организация семейного дискурса: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.

- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Интенциональный аспект взаимодействия в семейном диалоге // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 106–114.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Интент-анализ и другие методы исследования речи в психологии // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 4. С. 56–63.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 18–31.
- Григорьева А. А.* Интенциональные основания психологического воздействия в дискурсе: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Григорьева А. А., Павлова Н. Д.* Взаимосвязь интенциональных характеристик масс-медийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 163–179.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А.* Отношения доминирования-подчинения собеседников в повседневном диалоге в разных коммуникативных ситуациях // Человек, субъект, личность в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. Т. 1. С. 309–312.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А.* Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 27–50.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Кириллова Е. И.* Интент-анализ психотерапевтической речи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Кириллова Е. И., Орлов А. Б.* Интент-анализ психотерапевтической речи К. Роджерса. Случаи Герберта, Глории и Джен // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 4. С. 134–165.

- Кубрак Т. А. Интенциональная модель психотерапевтического дискурса // Языковое сознание: парадигмы исследований / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга, 2007. С. 284–297.
- Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2009а.
- Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации в научном дискурсе // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия «Психологические науки». 2009б. № 2. С. 23–30.
- Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов / Отв. ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986.
- Павлова Н. Д. Интен-анализ телеинтервью // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания, 1998. С. 87–100.
- Павлова Н. Д. Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2000.
- Павлова Н. Д. Психология дискурса // Психология XXI века / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М., 2003. С. 396–414.
- Павлова Н. Д. Подходы к анализу интерактивного аспекта дискурса // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–27.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Интенциональная структура речевого взаимодействия // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 35. С. 2 (дата обращения: 21.08.2016).
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А. Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
- Павлова Н. Д., Вахитова Л. М. Диалог в интерактивных радиопрограммах // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2009. № 5. С. 49–55.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. О типологии речевых интенций в дискурсе // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2014. № 16. С. 135–143.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интен-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Павлова Н. Д., Григорьева А. А., Пескова Е. А. Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса // Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова и Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 353–373.

- Павлова Н. Д., Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А. Понимание интенций собеседника в процессе диалога // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 13–26.
- Павлова Н. Д., Пескова Е. А. Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. № 2. С. 74–82.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.
- Ушакова Т. Н. Природные основания речезыковой способности ребенка (Анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Изд-во «Институт языкознания», 1998. С. 7–23.
- Ушакова Т. Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ушакова Т. Н., Латынов В. В., Павлова А. А., Павлова Н. Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: ИЦ «Академия», Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И. Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 98–109.
- Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
- Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge university press, 1983.

Дискурсивные способности: конструкт, эмпирические исследования, направления развития

А. Н. Воронин

В современной психологии способностей одновременно сосуществует несколько парадигм исследования, описывающих и раскрывающих понятие «способность»: феноменологическая, деятельностная, психометрическая, системная (Воронин, Горюнова, 2011). Но в любой из этих парадигм смысловым «окружением» понятия способности является другое понятие — «деятельность». Способности определяют эффективность деятельности, в ней развиваются и совершенствуются. Эта традиция прослеживается с работ Ф. Гальтона, предложившего рассматривать способности как некоторые свойства психики, которые отличают людей друг от друга и позволяют объяснить их творческие достижения (Galton, 1883); продолжается Б. М. Тепловым, давшим наиболее популярное в нашей стране определение способностей как индивидуально-психологических особенностей, определяющих успешность выполнения деятельности и легкость ее освоения, но не сводимых к знаниям, умениям и навыкам (Теплов, 1989). В полной мере данная традиция представлена в рамках системной парадигмы В. Д. Шадрикова, предложившего рассматривать способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности (Шадриков, 1994).

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00433.

Введение понятия «дискурсивные способности» предполагает наличие специфической деятельности — дискурсивной. Под «дискурсом» обычно понимают различные формы речи (диалог, выступление, интервью и т. д.), рассмотренные с учетом ситуационных, когнитивных, прагматических, социокультурных и других факторов, включенных в их создание и понимание (Журавлев, Павлова, 2007). Дискурс характеризуется как речь, «погруженная в жизнь», как «коммуникативное событие в прагматическом контексте» (Дейк ван, 1989), как компонент коммуникативного процесса, как форма целенаправленного, соотнесенного с контекстом, вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний (Павлова, 2002).

Собственно дискурсивная деятельность представляет собой специфическую деятельность в рамках процесса общения, осуществляемого исключительно языковыми средствами, находящимися в распоряжении общающихся людей в конкретной ситуации. Непосредственной основой проявления дискурсивных способностей является общение, коммуникации. Как отмечал Б. Ф. Ломов, «общение выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта, его результат — это не преобразованный предмет (материальный или идеальный), а отношения с другим человеком, с другими людьми» (Ломов, 1984, с. 248). Категория общения охватывает особый класс отношений, а именно отношения «субъект—субъект(ы)». В анализе этих отношений раскрываются не просто действия того или иного субъекта или воздействия одного субъекта на другого, но процесс их взаимодействия, в котором обнаруживаются содействие (или противодействие), согласие (или противоречие), сопереживание и т. п. Дискурсивные способности во многом определяют эффективность той составляющей деятельности общения, которая ситуативно и событийно обусловлена и связана с языковыми средствами, находящимися в распоряжении общающихся людей.

Наиболее близким к понятию «дискурсивных способностей» является понятие «языковые способности», понимаемое как индивидуально-психологическая особенность, которая объясняет легкость и быстроту приобретения знаний о языке, правил анализа и синтеза его единиц, позволяющих формулировать предложения, использовать систему языка для коммуникативно-речевых целей (Кабардов, 2013). Языковые способности, по мнению М. К. Кабардова, обеспечивают скорость овладения языком, эффективность использования языка в процессе коммуникации, зависят от различных индивидуальных качеств (уровня развития интеллекта, предшествующего опыта, способности накапливать и систематизировать информацию, при-

надлежности к психологическому типу, физического развития, мотивации и т. п.). Дискурсивные способности входят в языковые способности (наряду с лингвистическими), но они непосредственно связаны с дискурсивными практиками и конкретной ситуацией общения (Воронин, Кочкина, 2009). Дискурсивные способности позволяют человеку эффективно инициировать, поддерживать, разворачивать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, ускорять процесс выработки стратегии взаимодействия (Воронин, 2015).

Можно говорить о дискурсивных способностях, по крайней мере, двух уровней. В узком смысле это способности коммуницировать в условиях конкретного дискурса, понимать собеседника, презентировать свои смыслы и собственную идентичность в конкретном жизненном контексте. В данном случае их составляющими, возможно, являются когнитивное пространство субъекта, конкретная жизненная ситуация общения, апперцепция намерений другого субъекта, интенциональность говорящего. Дискурсивные способности в широком смысле связаны с отражением в ментальной репрезентации коллективного субъекта, в качестве которого может выступать группа, сообщество и т. д. Цель коммуникации в данном случае может быть связана с расшифровыванием, кодированием и трансляцией более глобальных смыслов в виде различных культурных кодов (Воронин, Кочкина, 2009).

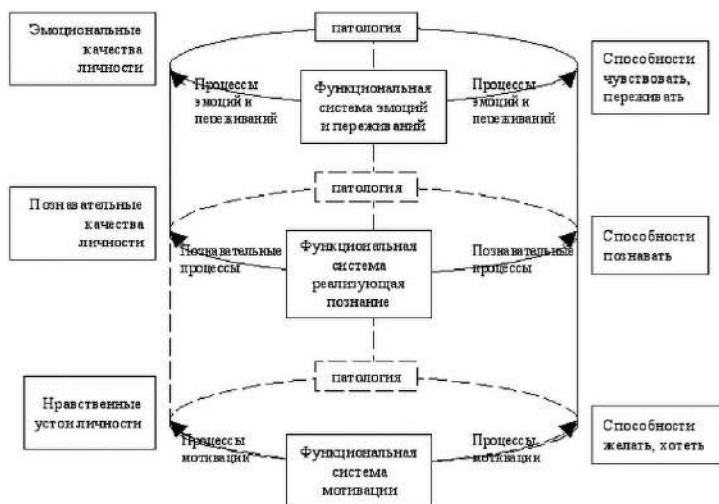
Эмпирическое изучение способностей началось с попытки разведения двух конструктов — лингвистические и дискурсивные способности — в рамках более общего определения «языковые способности». Представлялось, что данные компоненты языковых способностей имеют различный генезис и их различие в процессе освоения языка наиболее вероятно. Именно это и было осуществлено в ходе серии эмпирических исследований дискурсивных способностей в условиях овладения английским языком от уровня школьных знаний до свободного владения на уровне выпускников МГИМО. При этом была разработана методика диагностики дискурсивных способностей на материале английского языка, оценивающая способность человека выбирать из нескольких возможных правильных ответов ситуативно наиболее подходящий. Было показано, что дискурсивные способности выделяются как особые способности по мере включения человека в дискурсивную практику, и их специфичность при углублении обучения возрастает (Воронин, Кочкина, 2009).

Разработанная методика диагностики дискурсивных способностей на базе английского языка имеет существенные ограничения: она создавалась при освоении английского языка как иностранного, т.е. в процессе генеза исследуемых способностей. Диагностика дискурсивных способностей на материале родного языка, вполне освоенного взрослым человеком, явилась отдельной задачей. Потребовалась не только замена стимульного материала, но и корректировка диагностируемого конструкта, поскольку языковая способность к родному языку у взрослых людей представлялась вполне сформированной (Воронин, 2014).

При разработке методики оценки дискурсивных способностей на материале русского языка мы опирались на эмпирические данные о характере изменений в повседневном общении горожан: усиление диалогизации устного городского общения, усиление личностного начала, возрождение игровой, карнавальной стихии в жизни города и т.п. Предполагалось, что человек со сформированными дискурсивными способностями владеет всеми типами современного повседневного дискурса. Из первоначально выбранных девяти типов повседневного дискурса (юмористические сообщения, телефонные разговоры, общение в семье, деловые взаимоотношения, общение в интернете и т.д.) эмпирически удалось верифицировать только четыре: взаимодействие с незнакомыми и случайными знакомыми, взаимодействие с близкими и знакомыми людьми, деловые отношения, интернет-дискурс. Именно эти типы дискурса были использованы для создания русскоязычной версии методики диагностики дискурсивных способностей. В ходе проведенного исследования были получены высокие показатели ее основных психометрических характеристик — надежности, валидности, согласованности и т.д. (Воронин, 2014, 2015).

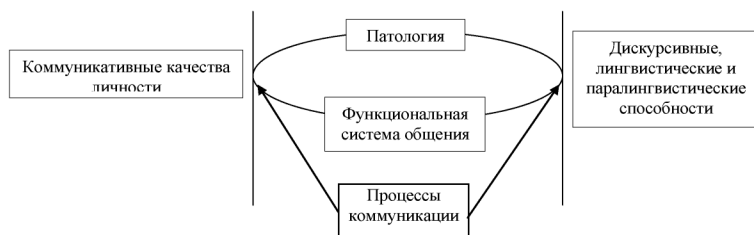
Эмпирическая верификация дискурсивных способностей предоставляет возможность определить место дискурсивных способностей в структуре психики. Рассматривая вслед за В.Д. Шадриковым способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности, мы можем расширить общие представления о взаимодействии психических функций, способностей и личностных качеств. В.Д. Шадриков описал три функциональные физиологические системы, являющиеся генетически обусловленным базисом психической деятельности. Свойствами этих систем являются соответствующие способности: познавательные, мо-

тивационные, эмоциональные. Устойчивые проявления соответствующих мотиваций, эмоциональных реакций становятся личностными качествами — чертами характера (Шадриков, 2010). Схематично указанные взаимодействия представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Общая схема взаимодействий психических функций, способностей и личностных качеств

Нам представляется, что дискурсивные способности образуют собственный «слой» взаимодействия функциональной системы, способностей и личностных качеств (см. рисунок 2). В основе его лежит функциональная система общения, реализующая социальные и межличностные взаимодействия: от общения матери и ребенка до взаимодействия человека в различных социальных группах. Дискурсивные способности определяют эффективность процессов коммуникации

Рис. 2. Функциональная система общения

в конкретных ситуациях межличностного общения на вербальном уровне. В целом эффективность процесса межличностной коммуникации зависит от уровня лингвистических, дискурсивных и паралингвистических способностей. Устойчивые коммуникативные реакции складываются в коммуникативные качества личности, дополняя целостное описание личности человека.

Конкретизируя общее определение способностей, можно сказать, что дискурсивные способности — это определенные свойства функциональной системы общения, имеющие индивидуальную меру выраженности и позволяющие человеку эффективно инициировать, поддерживать, разворачивать и завершать процесс коммуникации, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения.

Круг конкретных видов деятельности, успешность которых определяется дискурсивными способностями, достаточно широк: ведение переговоров, улаживание конфликтов, эффективное установление контактов между людьми, быстрые взаимодействия с представителями различных социальных и языковых групп, составление и адекватное понимание устных и письменных обращений, консультативная и психотерапевтическая практика. При этом представляется, что дискурсивные способности непосредственно связаны с адекватной мотивацией аффилиации, с имеющимся социальным опытом общения, со знанием различных ситуаций взаимодействия и способов вербального поведения в них, с обширностью и структурированностью индивидуального тезауруса, с удачным соотношением различных личностных особенностей (Воронин, 2015).

Можно указать несколько направлений исследований, связанных с проблематикой дискурсивных способностей: диагностика дискурсивных способностей, дискурсивные способности и интеллект, дискурсивные способности и совместная деятельность, дискурсивные способности как факторы разнообразия межличностного общения.

Психодиагностика коммуникативных способностей и особенностей общения

Традиционный подход к психодиагностике коммуникативных способностей и общения базируется либо на оценке и самооценке достижений человека в сфере общения, либо на диагностике индивидуальных свойств, влияющих на межличностные отношения, что,

впрочем, также предполагает апелляцию к субъективному опыту общения и межличностного взаимодействия обследуемого (Бодалев, 1987; Практикум по диагностике, 1989; Практикум... 2003). К первому направлению относится тестовая карта коммуникативной деятельности А.А. Леонтьева (Молодцова, 2009), тест на оценку самоконтроля в общении М. Снайдера (Ильин, 2009), тест коммуникативных умений (Тест оценки коммуникативных умений, 2001). Другим направлением психодиагностики особенностей общения является психологическая диагностика личности как субъекта общения и межличностных отношений. К этому направлению можно отнести опросник межличностных отношений — FIRO-B (Fundamental Interpersonal Relation Orientation — Behaviour) В. Шутца, методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, методику диагностики направленности личности в общении С.Л. Братченко, методику диагностики особенностей межличностного поведения человека в группе Д. Сток и Х. Телен, опросник для измерения мотивации аффилиации А. Мехрабяна и др. (Gluck, 1983; Фетискин и др., 2002).

Диагностика дискурсивных способностей изначально предполагала иной подход к изучению коммуникативных качеств — от анализа субъективного опыта общения и межличностного взаимодействия к объективному тестированию успешности общения посредством решения различных коммуникативных задач в конкретных ситуациях, — буквально исходила из определения дискурса как речи, «погруженной в жизнь», как компонента коммуникативного процесса, формы целенаправленного, соотнесенного с контекстом, вербального поведения, обеспеченного сложной системой знаний (Павлова, 2002; Алексеев и др., 2011; Павлова, Журавлев, 2007). Психологическое понимание дискурса предоставляет возможность определения соответствия реплик участников диалогов сложившемуся дискурсу и коммуникативной ситуации, позволяет оценить степень этого соответствия и рассмотреть ответную реплику говорящего как ответ-решение на заданную коммуникативную задачу. Появляется возможность объективизации процедуры диагностики коммуникативных качеств, отойдя от субъективного опыта общения обследуемого.

Дальнейшие исследования в области психодиагностики дискурсивных способностей базируются на предположении о неоднородности конструкта «дискурсивные способности». Представляется, что этот конструкт состоит из нескольких факторов, связанных как с процессом коммуникации, так и с его содержанием. По определению, дискурсивные способности предполагают инициирование вербального взаимодействия, поддержание беседы, легкость смены дискурса

беседы и адекватное ситуации завершение общения. Эмпирическая верификация именно этих факторов — ближайшая исследовательская задач. Хотя не исключено, что структура процесса может быть иной, например, двухфакторной: поддержание ситуативного общения, разговора и изменение дискурсивной ситуации — инициация, изменение, завершение разговора. Другой психодиагностической задачей может стать проблема специфики дискурсивных способностей в зависимости от типа дискурса — обыденного, научного, кинодискурса, психотерапевтического, политического, ритуального и т. п. В качестве предположения рассматривается многофакторная структура дискурсивных способностей на основе процесс коммуникации и/или специфики дискурса: своеобразная матрица специфических факторов дискурсивных способностей.

Планируется разработка методики диагностики дискурсивных способностей по аналогии с тестами интеллекта на основе Т-данных, предполагающих оценку правильности пунктов теста. Это позволит снизить субъективность оценки коммуникативных навыков, уйдя от традиционного подхода на основе предложенных оценок и самооценок. Таким образом, будет решена проблема объективизации эффективности коммуникаций, по крайней мере, в области языковых средств.

Дальнейшие изыскания в области психодиагностики дискурсивных способностей позволят моделировать новые ситуации вербального взаимодействия, исходя из различного уровня специфических факторов дискурсивных способностей участников вербального общения. Неоднородность дискурсивных способностей позволит верифицировать различные типы вербального взаимодействия при групповом решении задач и оценить их влияние на совместную деятельность и ее эффективность. Спецификация факторов дискурсивных способностей позволит соотнести их с различными видами дискурсивной практики. Предполагается разработка кратких и/или специфических форм методик диагностики дискурсивных способностей. Разработанные методики диагностики дискурсивных способностей могут быть использованы в профориентации и профотборе, в различных профессиональных сферах, предполагающих активное вербальное взаимодействие и его оценку.

Дискурсивные способности и интеллект

Эмпирическое исследование совместной структуры дискурсивных способностей, интеллекта и креативности было проведено в 2013–2014 гг. (Воронин, Горюнова, 2014). Дискурсивные способности ока-

зались тесно связанными почти со всеми показателями интеллекта и креативности, за исключением невербального интеллекта. Анализ факторной структуры дискурсивных способностей, факторов интеллекта и креативности показал, что выделяется пять основных факторов: социальный интеллект, невербальная креативность, общий интеллект, вербальная креативность и дискурсивные способности, наиболее тесно связанные с вербальным интеллектом, общим интеллектом и одним из факторов социального интеллекта — группы экспрессии. Полученная структура факторов в общих чертах воспроизводит структуру познавательных способностей, в которую включены показатели дискурсивных способностей методики на базе английского языка (Воронин, Кочкина, 2009; Кочкина, 2009).

Крайне высокая взаимосвязь дискурсивных способностей с основными показателями различных типов интеллекта и креативности позволяют говорить о вкладе дискурсивных способностей в решение любой задачи, описанной на вербальном уровне, о проблеме, заявленной только на словах. Можно описать, поставленную в тесте дискурсивных способностей задачу в терминах, используемых Гилфордом в его модели интеллекта (Guilford, 1967). В тесте дискурсивных способностей от испытуемого требуется понять описание ситуации и выбрать ответ, продолжающий диалог и в наибольшей степени соответствующий этой ситуации. В терминологии Гилфорда, от испытуемого требуется, опираясь на символический и семантический материал, оценить ситуацию, во многом неопределенную и многозначную, вынести по поводу нее определенное суждение и/или принять определенное решение — сформулировать адекватный ответ, предполагая определенные последствия своего высказывания — сохранение ситуационных характеристик диалога. Данный фактор, по Гилфорду, предполагает символическое и/или семантическое содержание, познание и оценивание (как тип интеллектуальной операции), трансформацию и импликацию как результат оценивания. Условно данный фактор можно назвать ситуативно обусловленным вербальным дивергентным интеллектом. По сути, это вербальное описание ситуации, требующей вербального решения. Нам представляется, что при оценке дискурсивных способностей максимально проявляется «культурный» фактор интеллекта, фактор «естественного языка описания задачи», от которого пытались избавиться при разработке, например, «Культурно-независимого теста интеллекта» Р. Кеттелла (Денисов, Дорофеев, 1996; Cattell, 1963). Этот фактор определяет понимание инструкции, написанной на родном языке и возможность следования ей на вербальном уровне. Та-

ким образом, дальнейшие исследования дискурсивных способностей позволят внести дополнения в типологию интеллекта, рассмотреть дискурсивные способности как показатель «понимания» вербально сформулированной задачи, как ситуативно обусловленный вербальный дивергентный интеллект, определяющий уяснение инструкций на естественном языке.

Другое направление изучения дискурсивных способностей как одного из предикторов интеллекта базируется на типологии групп испытуемых в исследуемой выборке. Проведенный корреляционный и факторный анализ в группах с различным уровнем дискурсивных способностей (высокие, средние и низкие) показал, что взаимосвязи дискурсивных способностей с различными показателями интеллекта и креативности в разных группах существенным образом различаются и факторная структура полученных данных для различных групп также различна (Воронин, 2004). Полученные результаты частично объясняются повышением дифференциации познавательных способностей по мере повышения уровня интеллекта (Воронин, 2004; Дружинин, 2000, 2001), но более перспективным представляется попытка объяснения полученных результатов неопределенностью решаемой задачи. При выполнении заданий теста дискурсивных способностей инструкция предписывала найти ответ, наиболее соответствующий задаваемой ситуации. Понимание испытуемыми «соответствия ситуации», вероятно, можно реконструировать, анализируя структуру данных для разных выборок, обобщая задачи, решаемые испытуемыми при выполнении различных тестов интеллекта и креативности. Представляется, что исследования в этом направлении позволят описать новые стилевые характеристики интеллекта при решении задач в условиях неопределенности, задаваемой инструкцией, расширить и уточнить уровневую модель интеллекта, предполагающую изменение структуры составляющих интеллекта по мере изменения уровня общего интеллекта.

Совместная интеллектуальная деятельность и дискурсивные способности

Современный уровень разработки проблем совместной деятельности позволяет выделить ее отличительные характеристики: наличие единой цели и общей мотивации; разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение их между участниками; объединение индивидов и индивидуальных деятельностей и согласованное их выполнение; наличие управления, общих конеч-

ных результатов; наличие единого пространства и одновременность выполнения индивидуальных деятельностей (Журавлев, 2005; Обозов и др., 2012). Непосредственное социальное окружение, конкретные социальные ситуации, в которых оказывается человек, существенным образом влияют на эффективность деятельности в целом (Воронин, 2009; Дружинин, 1995; Дружинин, Хазратова, 1994). Общим основанием для рассмотрения указанных проблем выступает совместная интеллектуальная деятельность, в ходе которой проявляются интеллект и креативность человека при решении конкретной познавательной задачи в конкретной социальной ситуации, обусловленной конкретными межличностными отношениями и личностными особенностями участников (Воронин, 2004). Совместная интеллектуальная деятельность трактуется как внешняя совместная деятельность двух и более человек в специально организованных ситуациях по решению некоторой познавательной задачи. Специфика совместной интеллектуальной деятельности определяется наличием конкретной общей цели — познавательной задачи или проблемы, наличием феномена «преодоления интеллектуальной несостоятельности», ситуативным характером распределения этапов деятельности (или ролей) между ее участниками и разворачивающимся по этому поводу взаимодействием, ситуативно обусловленным изменением уровня интеллекта и креативности участников совместной интеллектуальной деятельности. Наиболее существенной характеристикой совместной интеллектуальной деятельности является ее модификация в зависимости от характера межличностных отношений и, соответственно, изменение ее эффективности. Было показано, что оптимальность проявления интеллекта и креативности зависит от адекватности восприятия складывающихся межличностных отношений, их принятия участниками взаимодействия и степени социального контроля в ситуации интеллектуального взаимодействия: оптимальность проявления интеллекта и креативности обратно пропорциональна степени социального контроля, а позитивное отношение к сложившимся межличностным отношениям, их принятие и/или адекватное восприятие создают оптимальные условия для оптимального проявления интеллекта и креативности (Воронин, 2004).

Исследование совместной интеллектуальной деятельности показало, что зависимость эффективности деятельности от уровня развития познавательных способностей носит нелинейный характер. Существуют типы групповых задач (например, определенные и статические), успешно решаемые независимо от выявленного уров-

ня интеллекта участников и их личностных особенностей. Некоторые групповые задачи (например, простые) эффективнее решаются при наличии лидера со средним интеллектом (Воронин, 2009).

Также было исследовано влияние стихийно складывающихся межличностных отношений в «рабочих группах» студентов при выполнении поисковых проектов на эффективность совместной интеллектуальной деятельности (Воронин, Горюнова, 2014а, б). Была показана динамика показателей совместной интеллектуальной деятельности в течение учебного цикла в группах с различными межличностными отношениями и в группе студентов, выполнявших задания индивидуально.

Традиционно предполагается, что групповое решение задач зависит от особенностей социального интеллекта (Дж. Гилфорд, М. Салливан, Р. Стенберг, Е. Григоренко, Д. Ушаков). Однако при групповом решении задач на первый план выдвигается проблема не только понимания социального поведения, за что ответственен социальный интеллект, но и проблема взаимопонимания, достижения консенсуса, выбора адекватного дискурса для всех участников группового решения проблем. Решение указанных проблем зависит, в первую очередь, от уровня развития дискурсивных способностей. По определению, дискурсивные способности обеспечивают возможность оперирования различными формами дискурса в соответствии с целями коммуникации, особенностями адресата, социокультурным контекстом, условиями и видами общения (непосредственное/опосредованное, с использованием технических средств коммуникаций и т. п.).

Эмпирическое исследование совместной интеллектуальной деятельности на примере группового решения творческих задач в зависимости от уровня когнитивных способностей и особенностей межличностного взаимодействия показало, что эффективность группового решения зависит от нескольких переменных. Во-первых, это состав группы по типу межличностного взаимодействия. Максимальная эффективность наблюдалась в группе, треть членов которой характеризовалась нетипичным межличностным взаимодействием с контрастными паттернами поведения. Вторая переменная, обусловившая эффективность решения групповых задач — уровень выраженности дискурсивных способностей. Наиболее высокие результаты показали группы с наивысшим и наименьшим средним уровнем выраженности дискурсивных способностей. Третья переменная, влияющая на эффективность решения групповых творческих задач, — повышенный уровень креативности. При этом взаимо-

связь эффективности и креативности обусловлена типом материала: при более высоком уровне невербальной креативности успешнее решаются невербальные задачи, а при более высоком уровне вербальной креативности — вербальные. Повышение активности по следующим специфическим характеристикам при групповом решении задач — «выдвижение оригинальных идей», «продолжительность работы с подсказками», «высокий темп деятельности» — негативно сказывается на эффективности группового решения (Воронин, 2016).

Полученные результаты объясняются спецификой решения творческих задач, требующих неординарных действий, что буквально проявляется в нетипичном межличностном взаимодействии отдельных участников группового решения. Контрастирующее с общей активностью преобладание нетипичных паттернов поведения, вероятно, способствует неординарности всего группового процесса и выдвижению новых идей, способствующих решению. Предполагаемая линейная модель взаимосвязи уровня дискурсивных способностей и эффективности совместной интеллектуальной деятельности уступила место контрастной модели: эффективности совместной интеллектуальной деятельности способствуют крайности дискурсивности. Если высокий уровень дискурсивных способностей в группе с максимальной эффективностью вполне объясним, то в группе с низким уровнем дискурсивных способностей, очевидно, имеет место нарушение коммуникаций, вероятно, стимулирующее творческий потенциал участников, направленный как на восстановление нормальных коммуникаций, так и на решение творческой задачи. Средний уровень дискурсивных способностей при групповом решении творческих задач следует признать своеобразным пессимом при оценке эффективности совместной интеллектуальной деятельности.

Дальнейшее изучение дискурсивных способностей в условиях совместной деятельности позволит решить разнообразные задачи, возникающие при разработке данного направления. Так, неоднородность дискурсивных способностей позволит верифицировать различные типы вербального взаимодействия при групповом решении задач и оценить их влияние на совместную интеллектуальную деятельность и ее эффективность. Ситуативная обусловленность дискурсивных способностей позволит перейти к моделям эффективности совместной деятельности в конкретных условиях. Оценка коммуникативных характеристик с помощью когнитивных характеристик позволит разрабатывать когнитивные модели эффективной совместной деятельности, в том числе и интеллектуальной.

Дискурсивные способности и межличностное общение

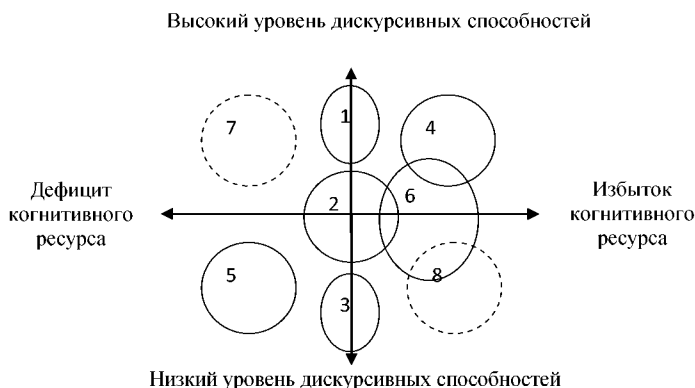
Проблема влияния различных факторов, в том числе и когнитивных, на межличностное общение остается актуальной довольно длительное время. Так, выявлено влияние на процесс общения различных когнитивных характеристик: полезависимости, понятийной дифференцированности, аналитичности, когнитивной сложности и др. (Шкуратова, 1994; Южанинова, 1990). Дискурсивные способности позволяют добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения (Воронин, 2015), что и определяет одно из направлений исследования: описание взаимосвязи и взаимовлияния дискурсивных способностей с особенностями межличностного общения. Наиболее дифференцированной и развернутой классификацией межличностного общения представляется типология С. Д. Братченко, базирующаяся на «монологичности—диалогичности» межличностного общения и описывающая шесть его типов: один на основе диалогической коммуникативной направленности и пять на основе монологической направленности — авторитарный манипулятивный, альтероцентрический, конформный, индифферентный (Братченко, 1997).

Рассматривая межличностное общение людей с различным уровнем развития дискурсивных способностей, можно ожидать, что его характер будет меняться в направлении «монологичность—диалогичность». Отсутствие значимых различий в уровне развития дискурсивных способностей будет способствовать диалогичности общения собеседников при прочих равных условиях. Значимые различия в уровне дискурсивных способностей будут смещать характер общения в сторону монологичности

Другим существенным фактором, определяющим межличностное общение, является когнитивный ресурс человека. В самом общем виде когнитивный ресурс определялся через множество когнитивных элементов, которые симультанно используются человеком в процессе переработки сложной информации. Когнитивный ресурс является количественной характеристикой когнитивной системы и отвечает за активное создание многомерных моделей реальности в процессе решения задач разного уровня сложности (Воронин, Горюнова, 2016). В общении, понимаемом как самостоятельная форма активности субъекта, результатом которой являются отношения с другим человеком, с другими людьми (Ломов, 1984), постоянно возникают коммуникативные задачи, от решения которых зависит складывающееся межличностное общение. В самом общем виде мощность

когнитивного ресурса будет определять характер межличностного общения по степени понимания «происходящего» в конкретной ситуации и понимания самой складывающейся ситуации.

Нам представляется, что описанные типы межличностного общения можно расположить в системе координат «уровень дискурсивных способностей» и «мощность когнитивного ресурса», определив тем самым их влияние на характер особенностей межличностного общения (см. рисунок 3).

Рис. 3. Типы межличностной коммуникации в зависимости от уровня дискурсивных способностей и когнитивного ресурса

1. Диалогическая коммуникативная направленность (КН); 2. Авторитарная КН; 3. Альтеро-центрическая КН; 4. Манипулятивная КН; 5. Конформная КН; 6. Индифферентная КН; 7. Фатическое общение; 8. Эллиптическое общение

Уровень дискурсивных способностей и когнитивного ресурса предопределяют направленность в межличностном общении и/или накладывают ограничения на характер общения, сводя его к одному из указанных типов. При диалогической направленности коммуникации необходим средний или высокий уровень дискурсивных способностей для успешного поддержания диалога. Низкие дискурсивные способности будут нарушать естественный ход коммуникации, провоцировать ее прекращение. При этом оптимальным для диалогической направленности следует признать средний уровень когнитивного ресурса, так как его дефицит снизит вероятность понимания сообщений собеседника, а избыток будет провоцировать постоянное снижение интереса к разговору. Низкий уровень дискурсивных способностей и средний уровень когнитивного ресурса

позволят сохранить интерес к разговору, но не позволят четко выражать свою точку зрения, что делает направленность коммуникации альтероцентрической. Низкий уровень когнитивного ресурса и дискурсивных способностей оставляет единственный вариант коммуникации — конформный: отказ от равноправия в общении в пользу партнера, ориентация на подчинение силе авторитета, на «объектную» позицию для себя, на некритическое согласие и избегание противодействия. Избыток когнитивного ресурса и высокий уровень дискурсивных способностей предоставляют человеку определенные преимущества, что позволяет осуществлять различного рода манипуляции по ходу коммуникации. Авторитарная и индифферентная (деловая) направленность возможны при среднем уровне развития дискурсивных способностей и среднем или высоком уровне когнитивного ресурса. Роднит эти два типа коммуникации то, что они разворачиваются для достижения некоторой цели, лежащей за рамками собственно коммуникации. Оказать влияние на другого при средних возможностях удастся лишь путем доминирования в общении, стремления подавить личность партнера, подчинить его себе, т. е. прибегая к авторитарной направленности коммуникации. Избыток когнитивного ресурса позволяет сохранить партнерские отношения и сделать общение более ровным — деловым, индифферентным.

Возможность связать разнообразие межличностного общения с уровнем дискурсивных способностей и объемом когнитивного ресурса, вероятно, позволит описать еще два типа межличностного общения. Так, при высоком уровне дискурсивных способностей и ограниченном когнитивном ресурсе можно говорить о фатическом общении — общении ради общения. Низкий уровень дискурсивных способностей и избыток когнитивного ресурса предопределяет эллиптичность общения, использование незаконченных предложений, пропусков слов и целых словосочетаний.

Эмпирическая проверка указанных спекулятивных предположений позволит не только расширить существующую классификацию межличностного общения, но, возможно, сместит акценты в описании и понимании самого феномена «межличностных отношений».

В этой связи нам представляется, что при рассмотрении проблемы соотношения различных типов межличностного общения с уровнем дискурсивных способностей и когнитивным ресурсом крайне важен ситуационный аспект рассмотрения коммуникации. Дефицит и/или избыток когнитивного ресурса зависит от конкретной коммуникативной ситуации, от коммуникативной задачи, которую решает человек в данный момент времени. Когнитивный ресурс не-

посредственно связан с ситуацией, что позволяет связать содержательный аспект межличностного общения с типом межличностных отношений. В зависимости от сложности содержания беседы будет меняться и ее характер. При таком рассмотрении вопрос о личностной детерминации разнообразия общения переходит в ситуационную плоскость, а тип общения становится связанным с коммуникативной ситуацией, конкретной задачей. Такой подход позволяет объяснить изменение характера беседы по ходу ее развития как следствие складывающейся ситуации и связать тип межличностного общения с особенностями содержания беседы.

Заключение

Конструкт «дискурсивные способности» был введен для объяснения различий в эффективности некоторых видов деятельности, предполагающих активное вербальное взаимодействие: ведение переговоров, улаживание конфликтов, эффективное установление контактов между людьми, быстрые взаимодействия с представителями различных социальных и языковых групп, составление и адекватное понимание устных и письменных обращений и т. д. По мере исследования понятие «дискурсивные способности» наполнялось новым содержанием и на сегодняшний день дискурсивные способности определяются как свойства функциональной системы общения, имеющие индивидуальную меру выраженности и позволяющие человеку эффективно инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс коммуникации, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения.

Указанное определение дискурсивных способностей декларирует первый вектор исследований — определение места дискурсивных способностей в структуре психики человека. Представляется, что дискурсивные способности образуют собственный «слой» взаимодействия функциональной системы, способностей и личностных качеств. В основе его лежит функциональная система общения, реализующая социальные и межличностные взаимодействия, при этом дискурсивные способности определяют эффективность процессов коммуникации в конкретных ситуациях межличностного общения на вербальном уровне. В целом эффективность процесса межличностной коммуникации зависит от уровня лингвистических, дискурсивных и паралингвистических способностей. Устойчивые коммуникатив-

ные реакции складываются в коммуникативные качества личности, дополняя целостное описание личности человека.

Вторым вектором исследований в области дискурсивных способностей является разработка методов и методик оценки эффективности коммуникаций и межличностного общения путем их объективизации, использования Т-данных при решении испытуемыми коммуникативных задач на соответствие реплик и диалогов заданным типам дискурса и коммуникативным ситуациям.

Третий вектор развития исследований дискурсивных способностей определяется их соотношением с интеллектом. Предполагается, что дискурсивные способности презентируют ситуативно обусловленный вербальный дивергентный интеллект, ответственный за понимание инструкции, написанной на родном языке, и возможность следования ей на вербальном уровне. Дискурсивные способности представляются тем самым фактором «естественного языка описания задачи», от которого пытались избавиться при разработке «культурно-независимых» методик. Исследования в области дискурсивных способностей позволят описать новые стилевые характеристики интеллекта при решении задач в условиях неопределенности, расширить и уточнить уровневую модель интеллекта, предполагающую изменение структуры составляющих интеллекта по мере изменения уровня общего интеллекта.

Четвертым вектором исследований является изучение вклада дискурсивных способностей в совместную деятельность и разработка моделей эффективности совместной деятельности в конкретных условиях при различных типах вербального взаимодействия.

Пятый вектор исследований связан с влиянием дискурсивных способностей на межличностное общение. Представляется, что разнообразие межличностного общения возможно описать, исходя из особенностей когнитивного ресурса и уровня развития дискурсивных способностей, при этом личностная детерминация разнообразия общения становится ситуационно опосредованной конкретной коммуникативной задачей. Это позволяет объяснить изменение характера беседы по ходу ее развития как следствие складывающейся ситуации и связать тип межличностного общения с особенностями содержания беседы.

Литература

Алексеев К. И., Алмаев Н. А., Воронин А. Н., Горюнова Н. Б., Кубрак Т. А., Латынов В. В. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М., 2011.

- Бодаев А. А., Столин В. В.* Общая психодиагностика, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Братченко С. Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала: Методическое пособие для школьных психологов. Псков, 1997.
- Воронин А. Н.* Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Воронин А. Н.* Ситуативный лидер в решении интеллектуальных задач // Тенденции развития современной науки. Сборник материалов, посвященных 35-летию института психологии РАН и 80-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2009.
- Воронин А. Н.* Методика диагностики дискурсивных способностей на материале повседневной лексики // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 2. С. 94–112.
- Воронин А. Н.* Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Воронин А. Н.* Эффективность совместной интеллектуальной деятельности при групповом решении задач // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психологические науки». 2016. № 4. С. 49–62.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Специфика научного дискурса в исследованиях познавательных способностей // Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 219–238.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Дискурсивные способности в структуре интеллекта человека // Известия СмолГУ. 2014а. Т. 4. С. 425–436.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Влияние межличностных отношений на эффективность совместной интеллектуальной деятельности студентов // Психология обучения. 2014б. № 8. С. 60–71.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б.* Когнитивный ресурс: структура, динамика и развитие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воронин А. Н., Кочкина О. М.* Структура языковых способностей в процессе освоения дискурсивной практики // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 92–110.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Денисов А. Ф., Дорофеев Е. Д.* Культурно свободный тест интеллекта Р. Кеттелла. СПб.: Иматон, 1996.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. М.: Наука, 1995.
- Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
- Дружинин В. Н.* Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. СПб.: Пер Сэ, 2001.

- Дружинин В. Н., Хазратова Н. В.* Экспериментальное исследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 37–54.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Павлова Н. Д.* К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009.
- Кабардов М. К.* Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. М.: Смысл, 2013.
- Кочкина О. М.* Структура и динамика языковых способностей в дискурсивной практике: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Молодцова Н. Г.* Практикум по педагогической психологии 2-е издание. СПб.: Питер, 2009.
- Обозов Н. Н., Буга А. В., Куприн А. А., Жук И. В.* Психология управления в условиях совместной деятельности. СПб.: Астерион, 2012.
- Павлова Н. Д.* Коммуникативная парадигма в психологии речи и психолингвистике // Психологические исследования дискурса. М.: Пер Сэ, 2002. С. 8–43.
- Павлова Н. Д., Журавлев А. Л.* К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. СПб.: Питер, 2003.
- Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические методики / Под ред. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинской, В. В. Столина, А. Г. Шмелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
- Теплов Б. М.* Способности и склонности. М.: АПН РСФСР, 1989.
- Тест оценки коммуникативных умений // Психологические тесты / Под ред. А. А. Карелина. В 2 т. М.: Владос-Пресс, 2001. Т. 2. С. 50–53.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
- Шадриков В. Д.* Вопросы психологической теории способностей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 3. С. 41–56.

- Шадриков В. Д.* Деятельность и способности. М.: Логос, 1994.
- Шкуратова И. П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону, 1994.
- Южанинова А. Л.* Типы затруднений в общении у лиц с низким уровнем когнитивной сложности // Психологические трудности общения: диагностика и коррекция. Ростов-на-Дону, 1990. С. 21–28.
- Cattell R. B.* Theory of fluid and crystallized intelligence: A critical experiment // Journal of Educational Psychology. 1963. V. 54. № 1. P. 1–22.
- Galton F.* Inquiries into human faculty and its development. L.: Macmillan, 1883.
- Gluck A.* Psychometric Properties of FIRO-b. Consulting Psychologists. Inc., 1983.
- Guilford J. P.* The structure of intellect. N. Y., 1967.

Вопросы определения и измерения специальных способностей

Е. В. Волкова

Вопрос о способностях человека, поставленный по-настоящему, это не просто вопрос о пригодности человека к той или иной профессии... Вопрос о том, на что способен человек, это вопрос о самом человеке, его природе, его возможностях, его будущем — вопрос о том, что он есть и чем он может стать...

С. Л. Рубинштейн, 2003, с. 484.

Дискуссии о природе способностей вообще и специальных способностей в частности, а также о методах их измерения постоянно находятся в центре принципиальной борьбы различных течений психологии (Лейтес, Матюшкин, Щебланова, 2004). В одних случаях различия в подходах и методах исследования способностей являются существенными, как между представителями гуманитарного и естественно-научного подхода; в других — различия незначительны, как между психологией развития, рассматривающей качественные скачки и стадии развития способностей (Gardner, 1985), и экспериментальной психологией, изучающей разнообразные модальности категориального мышления и пытающейся объяснить индивидуальные различия в способностях конструктами психологии личности (Cantor, 1990).

Привычные для ученых разных научных направлений способы интерпретации термина *способности* и организации исследования

Исследование выполнено по государственному заданию ФАНО № 0159-2016-0006.

являются не просто интересным эпифеноменом, проявляющимся в науке, но и фундаментальным основанием, определяющим специфику разрабатываемой ими теории, но что более важно, обуславливающим непонимание между учеными, придерживающимися разных научных направлений, и конфликтные ситуации в образовательной практике и профессиональной деятельности. Теории способностей человека являются продуктом не только анализа большого массива эмпирических данных и их аргументации, но и склонностей, профессионального опыта ученых, а также политических, социальных, религиозных факторов, формирующих культуру, в которой они живут. Проблема определения и изучения способностей усугубляется тем, что используемые методы, в особенности статистические, зачастую искажают наше понимание способностей и вводят в заблуждение (Холодная, 2002; Vasan, 1973; Guttman, 1971), провоцируя неадекватные управленческие решения, существенно снижающие возможности продуктивной жизнедеятельности человека.

Прежде чем приступить к решению основного вопроса — определения и измерения специальных способностей, — необходимо разобратся с родовой категорией термина — *способности*, вариации определения и измерения которого чрезвычайно многообразны.

1. Вариативное поле определения и измерения способностей

1.1. Междисциплинарные вариации термина

Способности — предмет междисциплинарных исследований. Содержание категории *способности*, изучаемой в разных отраслях научных знаний, имеет свои особенности, определяемые различным характером закономерностей и специфическими особенностями взаимодействия в каждой области явлений. Например, в экономике термин *покупательная способность* отражает *соотношение* стоимости денег и стоимости товаров. В физике понятие *разрешающая способность оптических приборов* характеризует способность приборов давать отдельные изображения двух близких друг к другу точек объекта. В медицине иммунитет определяется, как *способность* организма *поддерживать постоянство* внутренней среды, создавать невосприимчивость к инфекционным и неинфекционным агентам (антигенам), попадающим в организм извне, нейтрализовывать и выводить из него чужеродные вещества и агенты, продукты распада при инфекционно-воспалительных, опухолевых и других патологических процессах. Гомеостаз — одно из важнейших понятий физиологии —

описывает *способность поддерживать постоянство* характеристик внутренней среды организма и устойчивость его функций при изменяющихся условиях внешней среды. *Пропускная способность* (информатика, транспорт, машиностроение) — метрическая характеристика, показывающая *соотношение количества* проходящих единиц (информации, предметов, объема) в единицу времени через канал, систему, узел. В технике, строительстве говорят о таких способностях, как несущая, корпоративная, реакционная, вращающая, смазывающая, адсорбирующая, звукопоглощающая и др.

Сопоставляя междисциплинарные вариации способностей, можно выделить следующие атрибуты данного феномена:

- *качественность* (совокупность свойств объекта, которые позволяют ему быть тем, чем он является),
- *субстанциальность* (от слова *субстанция* — субстрат, материальный носитель свойств, нечто отличное от всех своих свойств),
- *функциональность* (совокупность процессуальных особенностей, направленных на выполнение какой-либо функции),
- *метричность* (вариативность количественных изменений),
- *конгруэнтность* (мера соответствия внешних и внутренних отношений системы, обуславливающих ее продуктивность).

Содержание категории *способности* в психологии имеет свои особенности. В отличие от взаимодействия в неживой природе, в котором отражение выступает в виде пассивной ответной внешней реакции тела, подвергающегося воздействию (физической, химической), специфика психических явлений обусловлена активностью психического отражения. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, анализируя особенности психического развития, «внутренние условия, складываясь и изменяясь в процессе развития, сами обуславливают тот специфичный круг внешних воздействий, которым данное явление может подвергнуться» (Рубинштейн, 2003, с. 51, 275). Наряду с выделенными атрибутами, содержание категории *способности* в психологии следует дополнить таким атрибутом как *субъектность*.

1.2. Вариации термина «способности», обусловленные различиями стратегий психологических исследований

В психологии сложились две диаметрально противоположных стратегии изучения способностей. Первая (сущностная) исходит из философии Платона, согласно которому *способности* (вещи в терминологии Платона) обладают совокупностью характеристик, которые позволяют им быть тем, чем они являются, следовательно, задача науки состоит

в том, чтобы открыть эти сущностные характеристики. Любое отличие от этой совокупности сущностных характеристик будет представлять другой психологический конструкт, отличный от способностей. Например, элемент — это совокупность атомов с одинаковым зарядом ядра. Но если эти элементы будут отличаться массой атомов, то это уже будут изотопы. Данная стратегия изучения способностей хорошо соответствует физической картине мира, в которой причинные последовательности могут быть описаны формулой: *Если А, то В*. Психологи, придерживающиеся данной стратегии, предпочитают сущностный подход к определению способностей, что с очевидностью проявляется в объяснении индивидуальных различий через подчеркивание приоритета качественных различий перед количественными, через типологию, а следовательно, через средние значения показателей (сущностных характеристик) способностей, свойственные тому или иному типу респондентов. Однако не всегда разрабатываемые типологии проходят ближайшую проверку. Например, Л. А. Купер, изучая индивидуальные различия в процессах визуального сравнения, выявил два типа респондентов, представители одного из них использовали «холические» стратегии распознавания образов, а другого — «аналитические» (Соорег, 1982). Однако исследования Е. Ханта на студентах старших курсов (бакалаврах), опровергли результаты Купера (см.: Agari, 1979).

Вторая стратегия (вероятностная) изучения способностей исходит из уникальности каждого человека. Согласно данной стратегии не существует типичного человека, средние значения являются абстракцией. Психологов, сторонников вероятностной стратегии, более привлекает наблюдение вариативности проявления способностей человека, для них характерен приоритет относительных измерений способностей по отношению к абсолютным, количественных различий по отношению к качественным. В вероятностной стратегии изучения способностей причинные последовательности могут быть описаны следующей формулой: *Если А, то В, но с вероятностью В*.

Анализ сущностной и вероятностной стратегий изучения способностей показывает, что в сущностной стратегии доминирует акцент на такой атрибут способностей, как *качество*, в то время как в вероятностной стратегии — *метричность*.

1.3. Психолингвистические вариации определения и измерения способностей

Еще один источник различий в определении и измерении способностей вообще и специальных способностей в частности можно обнаружить, обращаясь к психолингвистическому анализу, в котором

специальные способности можно рассматривать с точки зрения разных частей речи (таблица 1).

Таблица 1

Структурные, процессуальные, дескриптивные
и качественные аспекты изучения специальных способностей
в психологии

№	Часть речи	Вопрос	Форма представления данных	Аспекты изучения способностей
1	Существительное	Что есть специальные способности?	Структурное свойство мозга или мера выраженности тех или иных свойств	Структурные
2	Глагол	Что специальные способности делают? Каковы различия в способах деятельности и последовательности операций у более способных людей в той или иной сфере деятельности по сравнению с менее способными?	Вариабельность активности (познания, деятельности)	Процессуальные
3	Прилагательные	Какие особенности личности или поведения характерны для определенного типа людей с выраженностью тех или иных специальных способностей?	Тип людей, совокупность личностных и когнитивных особенностей, описывающих более способного и менее способного человека в той или иной деятельности	Дескриптивные
4	Наречие	Как (насколько хорошо) специальные способности позволяют что-либо делать?	Качественные характеристики активности (познания, деятельности, поведения), такие как скорость, эффективность, надежность, легкость, красота (элегантность)	Качественные

Результаты психолингвистического анализа, представленные в таблице 1, показывают, что термин *способности* используется совершенно по-разному и главные разногласия между исследователями способностей состоят в вопросе о том, что же лучше всего определяет способности, т. е. специальные способности:

- это структурное свойство мозга (имя существительное),
- или это особое отличие когнитивных процессов и деятельности (глагол),
- или это качественная особенность познания и деятельности (наречие),
- или это совокупность когнитивных и личностных свойств (прилагательные *умный, ответственный* и т. д.)?

Анализ психолингвистических вариаций определения и измерения способностей выявляет акцент на качественные атрибуты способностей (прилагательное — совокупность дескриптивных характеристик), субстанциальные (существительное — мозг как носитель дескриптивных характеристик), функциональные (глагол — процессуальные характеристики) и метрические (наречие — насколько хорошо/плохо что-либо делается).

1.4. Кросс-культурные вариации определения и измерения способностей: Россия и Запад (холизм и атолизм)

Определение и измерение способностей в отечественной и зарубежной психологии имеет как общие, так и специфические особенности. В связи с ограничением объема публикации¹ для иллюстрации кросс-культурных вариаций термина целесообразно обратиться к работам, определившим эти различия.

Анализ зарубежных исследований позволяет выделить четыре принципиально различных понимания термина *способности*:

- 1) способность как латентное свойство, выводимое из индивидуальных различий решения индифферентных тестовых задач;
- 2) способность как индивидуальная продуктивность решения хорошо определенного класса задач;
- 3) способность как легкость протекания определенного типа когнитивных процессов;

---

1 Автор сожалеет, что не имел возможности отметить целый ряд важнейших работ по проблеме определения и измерения способностей в связи с ограниченным объемом публикации.

- 4) способность как возможность адаптации человека к тем или иным особенностям внешней среды.

Первое (1) определение способностей исходит из работ Ч. Дарвина, Ф. Гальтона, К. Пирсона и Ч. Спирмена. Главным критериальным признаком этого определения являются индивидуальные различия. Оно не раскрывает сущность способностей и контекст их формирования, а только указывает на положение испытуемого по отношению к другим участникам исследования на кривой нормального распределения, исходя из суммы баллов полученных за решение тестовых задач, разработка которых реализуется в соответствии с принципом индифферентности индикатора.

Второе определение способностей (2) состоит в понимании данного термина как систематически наблюдаемой успешности решения строго определенного класса задач (отказ от принципа индифферентности индикатора). Следовательно, существует столько разных способностей, сколько есть типов задач, успешность решения которых можно измерить в баллах. Поскольку решение задач может сопровождаться как успехом, так и неудачей, то способности можно определить как пятидесятипроцентная вероятность правильного решения задач (Carroll, 1990). Критериально-ориентированные или предметно-ориентированные тесты являются иллюстрацией данного подхода к измерению специальных способностей, широко применяемого не только в образовании. Работодателю, например, более интересен вопрос, сможет ли данный претендент на занимаемую должность выполнять определенный класс задач на требуемом уровне, а не его положение на кривой нормального распределения. «Задачное» определение специальных способностей создает иллюзию абсолютного измерения способностей. Главный акцент данного определения способностей ствится не на индивидуальные различия способностей, а на сопоставление успешности выполнения определенного класса задач и поведения респондентов во время тестирования с нормой — некоторым внешним стандартом.

Третье понимание термина *способности* (3) обращает внимание на легкость протекания определенных типов когнитивных процессов у более способных по сравнению с менее способными респондентами. Но процесс реализуется внутри респондента, процессуальная сторона когнитивных процессов, протекающих при выполнении той или иной деятельности, для наблюдателя остается невидимой. Правильные ответы при решении одних и тех же тестовых задач могут быть получены за счет реализации операций разного состава и раз-

ных последовательностей, о чем свидетельствуют кросс-культурные исследования психофизиологов, показавшие, что при решении одной и той же элементарной математической задачи у представителей разных культур активируются разные структуры коры головного мозга (Sozinov et al., 2009).

Четвертое определение термина *способности* (4) связано с пониманием способностей как возможности к адаптации социальных и культурных вариаций развития способностей. Как отмечал Дж. Гибсон, между человеком и той ситуацией, в которой он находится, существует реципрокность, как в экологической нише. Особые возможности внешней среды побуждают к действию тех, кто может воспользоваться этими возможностями, у кого есть соответствующая структура эффективности в получении преимуществ среды для своего развития. Изменение требований или возможностей ситуации ведет к формированию новых способностей человека (Gibson, 1979). Задолго до современных исследований Г. Спенсер, исследуя роль психики в эволюции человека, пришел к выводу, что сущность интеллекта состоит в установлении соответствия между отношениями в организме и отношениями в окружающей среде; целостное развитие интеллекта может быть сформулировано как прогресс данного соответствия (Spencer, 1855).

Несмотря на содержательное различие первого (1) и второго (2) определения способностей, они обращены к одному и тому же метрическому атрибуту. Третье (3) определение способностей акцентирует внимание на функциональности, а четвертое (4) — на конгруэнтности (реципрокности в терминах Дж. Гибсона). К сожалению, важнейший атрибут способностей — конгруэнтность (мера соответствия и его виды), детально проанализированный в работах Г. Спенсера (Spencer, 1855), не получил своего дальнейшего развития ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях.

В отечественной психологии первое рассмотрение проблемы способностей в контексте индивидуальных различий связано с именами Г. И. Челпанова (1912) и В. М. Экземплярского (1923, 1927), выступавших против атомарного подхода к измерению способностей¹ и показавших неубедительность попыток оценивания способностей, полагаясь только на измерение отдельных психических процессов или свойств. Умственная способность имеет в своей основе цельную душевную жизнь, и ее нельзя понять, складывая отдель-

---

1 Г. И. Челпанов, выступая против подобных исследований, с сожалением отмечал: «Опыт западной науки прошел для нас даром» (цит. по: Лейтес, Матюшкин, Щербанова, 2004, с. 60).

ные признаки или явления. Задача ученого — найти такой признак, который проявлялся бы в различной мере на разных уровнях способностей, причем способности следует характеризовать не только количественно, но и качественно, т. е. необходимо установление качественного своеобразия той или иной функции (тип представлений, тип внимания и т. д.).

В. М. Экземплярский, исходя из тщательного анализа достоинств и недостатков отечественных и зарубежных подходов, разработал дифференциально-психологическую систему комплексных испытаний способностей, включающую сферы перцепции, внимания, ассоциации, памяти, фантазии, мышления и т. д. Причем для оценки фантазии ученым были разработаны задания (чернильные пятна, незаконченные рисунки, трансформация образа), на основе которых спустя 30–40 лет были созданы зарубежные тесты креативности.

В 1910–1940-е годы С. Л. Рубинштейн (2002) и Б. М. Теплов (1985) заложили основы системной разработки психологии способностей, обусловившие культурно-специфическую вариативность определения и измерения способностей в российской психологической науке — системный, комплексный подход к определению и измерению способностей. Такие атрибуты способностей, как метричность, качественность, функциональность и субстанциальность, в полной мере представлены в определении способностей Б. М. Теплова (1985), которым руководствуются российские ученые при организации исследования специальных способностей.

Сопоставление отечественных и зарубежных исследований по проблеме психологии способностей позволяет выделить общие линии определения и измерения способностей:

- индивидуально-психологические различия проявления способностей,
- продуктивность решения определенного класса задач,
- особенности протекания когнитивных процессов,
- особенности адаптации (пригодности к жизни).

Отличительной чертой зарубежных психологов являются атомарные исследования на множестве лиц, нацеленные на определение и измерение одного из атрибутов способностей. Для отечественных психологов более свойственно стремление к комплексному исследованию способностей¹ (целостному, интегральному подходу к определению способностей, сочетанию качественных и количественных мето-

---

1 См.: Волкова, 2011; Голубева, 1986; Мерлин, 1986; Хрусталева, Доманова, 2003; и др.

дов) и критическое отношение к массовым опытам, претендующим на быстрое и краткое определение психических свойств, в которых совершенно утрачивается индивидуальность испытуемого¹.

Тем не менее, несмотря на аргументированную критику в начале XX в. атомарного подхода к оценке способностей, в начале XXI в. он возвращается вновь в виде попыток использования СПМ Равена для создания реестра одаренных детей, приводя к профанации психолого-педагогическую работу в системе образования.

2. Современный тезаурус понятия специальные способности

Прогресс науки состоит не только в разработке новых конструктов, но и в уточнении имеющихся. Иногда бывает так, что термин обозначает несколько феноменов, или одному и тому же феномену приписывают несколько терминов. Различие в словах, используемых при описании феномена, часто принимается за различие в его понимании, о чем свидетельствует дискуссия по проблеме способностей между А. Н. Леонтьевым и Б. М. Тепловым (Леонтьев, 2003) или своеобразный «турнир» специалиста-психолога В. А. Крутецкого и математика А. Н. Колмогорова по вопросу о природе математических способностей (Колмогоров, 2001).

Современный тезаурус понятия *специальные способности* представлен рядом терминов — *успешность, способности, талант, одаренность, гениальность, компетентность, профессиональные способности, дарование, задатки, склонности, мастерство, усвоение, знание, умение, навыки, научение, легкость овладения деятельностью* и др. Все эти термины можно условно разделить на три категории:

- 1) термины, отражающие условия формирования способностей:
  - общественно-исторические (*усвоение, знание, умение, навыки, научение*),
  - природные (*дарование, задатки, склонности*);
- 2) термины, отражающие родовидовые отношения и отношения часть — целое (*способности, специальные способности, профессиональные способности, талант, гениальность, одаренность, компетентность*);

---

1 С точки зрения Г. И. Челпанова, тщательное (комплексное, с учетом возможной изменчивости показателей) проведение экспериментов на одном лице более целесообразно, чем неточное на множестве лиц (см.: Лейтес, Матюшкин, Щербанова, 2004).

- 3) термины, отражающие проявление способностей (*легкость овладения деятельностью, мастерство, успешность*).

2.1. Термины, отражающие родовидовые отношения

Частотный и содержательный анализ терминов *способности, талант, успешность, гениальность и одаренность* позволяет прийти к заключению, что высокая частота встречаемости слова *способность* объясняется не только тем, что данный термин используется в разных научных дисциплинах, но и тем, что он является родовым по отношению к терминам *талант, гениальность, одаренность*, характеризующим успешность человека в деятельности (Волкова, 2014а). Например, в Большой советской энциклопедии *талант* определяется как *совокупность способностей*, позволяющих получить продукт деятельности, отличающийся новизной, высоким совершенством и общественной значимостью; *одаренность* рассматривается как высокий *уровень развития способностей* человека, позволяющий ему достигать особых успехов в той или иной сфере деятельности; слово *гениальность* употребляется для обозначения *способности человека к творчеству* и для оценки результатов его деятельности (Талант, 1969–1978).

2.2. Термины, отражающие общественно исторические условия совершенствования и развития способностей

Обращение к дискуссии А. Н. Леонтьева и Б. М. Теплова о природе способностей позволяет прийти к пониманию о соотношении понятий *способности, усвоение, знания, умения и навыки*. Специфической особенностью содержания категории *способности* в психологии является общественно-историческая обусловленность общих родовых и специальных способностей человека. Развитие и совершенствование способностей в животном мире подчиняется эволюционно-историческим закономерностям, в основе которых лежит удовлетворение биологических потребностей на основе генетически фиксированных форм познавательных процессов. Развитие и совершенствование способностей человека подчиняется общественно-историческим закономерностям. В фундаментальных работах Г. Спенсера (Spencer, 1855), И. М. Сеченова (2001); А. Н. Леонтьева (1959), С. Л. Рубинштейна (2002, 2003), Б. Г. Ананьева (2001), Н. Лумана (2006); Ф. Кликса (1985), В. Д. Шадрикова (2004) и других ученых показано, как структуры общественных отношений, дифференцируясь, вели к дальнейшему развитию способностей человека, главным образом через научение, через усвоение знаний, умений и навыков. В отличие от навыков способности — это «закрепленная в индиви-

де система обобщенных психических деятельности», результат стереотипизации и закрепления психических процессов, а не способов действия (Рубинштейн, 2003, с. 258).

Согласно А. Н. Леонтьеву, способности являются обобщенным продуктом¹ процесса усвоения знаний, приобретения умений и навыков в той или иной конкретной деятельности: «Только благодаря объективному бытию музыки (но не в своей отчужденности от меня, а в качестве предмета моей адекватной деятельности) получается „музыкальное ухо“. Приобретая умение играть на гобое, я формирую именно свою музыкальность — скажем, звуковысотный слух, способность представляния мелодии, чувство музыкального ритма и т. д., а не только данное конкретное умение» (Леонтьев, 2003, с. 24). Таким образом, *усвоение, знания, умения, навыки, научение* можно рассматривать как условия проявления способностей человека (Леонтьев, 2003). Между способностями и знаниями существуют отношения дополненности (способности не сводятся к знаниям, но знания более способного отличаются от знаний менее способного по своей структуре, прочности, мобильности, объему) (Волкова, 2011).

2.3. Термины, отражающие природные условия проявления способностей

Вопросы о соотношении следующей группы терминов — *способности, дарование и склонности* — всегда вызывали и вызывают острейшую дискуссию как теоретиков, так и практиков, поскольку являются краеугольным камнем в решении вопроса о развитии способностей и пределе возможностей человека, в частности, определяют ли задатки уровень развития способностей или при разных природных дарованиях могут быть сформированы в существенном отношении одинаковые способности?

Понимание, что люди различаются по своим способностям, нашло отражение в терминах *дарование, задатки*: «У одних детей задатки более „благоприятны“ для развития одних способностей и менее „благоприятны“ для развития других способностей» (Леонтьев, 2003, с. 10). Задатки (наследственные и врожденные) рассматриваются как физиологическая основа развития способностей: «От одаренности, т. е., по определению, от совокупности природных задатков... зависит развитие способностей и вместе с тем легкость и быстрота приобретения мастерства» (Леонтьев, 2003, с. 21), — «важнейшее зна-

---

1 По А. Н. Леонтьеву, сложившемся «органом» для выполнения определенной деятельности (Леонтьев, 2003, с. 24).

чение среди них для успешности выполнения человеком той или иной деятельности имеют свойства нервных процессов, их сила, равновесие и подвижность» (Теплов, 2003, с. 21). Следовательно, *задатки* — это условие, существенно влияющее на своеобразие способностей, обуславливающее направление, скорость и легкость их развития. *Способности* формируются в процессе взаимодействия человека, обладающего теми или иными природными данными, с миром, обуславливая особенности деятельности человека и открывая новые возможности для достижения более высоких результатов (Ананьев, 2001; Кликс, 1985; Рубинштейн, 2003, с. 268; Теплов, 1985; Шадриков, 2004). Значение *врожденных задатков* для разных способностей различно. Наследственные задатки обуславливают, но не предопределяют фатально развитие тех или иных способностей. На базе сходных задатков могут формироваться разные способности, и наоборот (Акимова, 1999; Ломов, 1996; Рубинштейн, 2003; Теплов, 1985).

Склонности — это способ удовлетворения потребности (Леонтьев, 2003), выступающий в качестве психологического индикатора специальных способностей на начальной стадии их формирования. Они являются своеобразным «ментальным компасом» (Холодная, 2002), выводящим человека в ту область действительности, которая находится в максимальном соответствии с его природным дарованием, его задатками. Склонности характеризуются интеллектуальными убеждениями, связанными с переживанием «фатальной» необходимости определенного взгляда на окружающую действительность; чувством правильности выбранного способа изучения реальности; умонастроением — чувством направления поиска верного решения.

2.4. Термины, отражающие проявление способностей

Среди терминов, описывающих внешнее, наблюдаемое проявление способностей, термины *легкость овладения деятельностью*, *мастерство* не вызывают особых вопросов. Однако общепринятое в мировой практике определение способностей через категорию *успешность* сопряжено с рядом серьезных трудностей. Так, С.Л. Рубинштейн выделял две основные группы психологических свойств — характерологические свойства и способности (мотивационные и инструментальные), делающие человека особенно пригодным для успешного выполнения того или иного вида общественно-полезной профессиональной деятельности. Первая связана с побудительной (мотивационной), вторая — с организационно-исполнительской стороной психической регуляции поведения (Рубинштейн, 2003) — собственно способности (способности в узком

смысле). В других научных публикациях все проявления психики, обеспечивающие успешность выполнения деятельности, рассматриваются как способности — «широкий подход» (Мерлин, 1986, 1990; Платонов, 1972; Чудновский, 1986, 2007). Например, по мнению К. К. Платонова, поскольку успешность выполнения деятельности определяют и мотивация, и личные особенности, то к способностям можно отнести любые свойства психики, в той или иной мере определяющие успех в конкретной деятельности. В. С. Мерлин раскрывает понятие *способностей* с позиций теории интегральной индивидуальности. Определяя психологическое содержание способностей, он включает в него свойства индивида, имеющие отношение к успешности деятельности, индивидуальные особенности познавательной, эмоциональной и волевой деятельности, утверждая, что способности характеризуются не только свойствами умственной деятельности, но и всеми свойствами индивидуума. Кроме этого, в психологическую структуру способностей он включает свойства личности, а также отношения личности при условии их связи с успешностью деятельности. К наиболее важным свойствам личности в характеристике специальных способностей В. С. Мерлин относит *специальные интересы и склонности, индивидуальный стиль специальной деятельности*.

Как мы видим, на оценку успешности деятельности влияют многие факторы, в том числе готовность общества принять и оценить те или иные достижения (отвергнутые научным сообществом колебательные химические реакции Б. П. Белоусова, идея Л. Больцмана о связи вероятности и энтропии и др.). Решение данной проблемы возможно через такой атрибут способностей, как *конгруэнтность*, и рассматривать способности как меру соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта определенной предметной области реальности (шире — объекту его жизнедеятельности), определяющей продуктивность деятельности (*точность, скорость*).

3. Определение и измерение и специальных способностей

3.1. Соотношение общих и специальных способностей

Решение вопроса определения и измерения специальных способностей связано с решением проблемы соотношения общих и специальных способностей. В одних исследованиях обосновывается, что успешность обучения и эффективность деятельности главным образом детерминируют общие умственные способности (Brand,

1996; Carroll, 1993; Jensen, 1998; Spearman, 1927), в других решающее значение придается специальным способностям (Кирнарская, 2004; Gardner, Hatch, 1989), в третьих подчеркивается единство общих и специальных способностей в структуре индивидуальности (Волкова, 2011, 2014а; Крутецкий, 1998; Ратанова, 2009; Рубинштейн, 2002; Теплов, 1985; Холодная, 2002; Чудновский, 1986, 2007; Чуприкова, 2007) и демонстрируется, что «наилучшее прогнозирование успехов в работе достигается, когда будут опробованы тесты на академический и на практический интеллект» (Волкова, 2014б; Практический интеллект, 2002, с. 19).

Проблема соотношения общих и специальных способностей обостряется проблемой их онтологического статуса. Так, В.Д. Шадриков утверждает, что специальные способности как таковые не существуют, существуют лишь способности, характеризующие развитие и совершенство отдельных психических функций (Шадриков, 2004). Напротив, Говард Гарднер и Томас Хэтч (Gardner, Hatch, 1989), Д. К. Кирнарская (2004) полагают, что общие способности — это миф, существуют только специальные способности к определенным видам деятельности.

Д. К. Кирнарская определяет понятие *способности* «как различные операционные психические системы, максимально приспособленные к освоению той или иной реальности, того или иного материала. В этом материале человек чувствует себя как рыба в воде: ему ничего здесь не нужно объяснять, он как будто от природы приспособлен к овладению именно этой сферой знания и деятельности». Невозможно с помощью музыкального интеллекта освоить состав воды и почвы. Все способности человека и опирающиеся на них таланты специфичны, действуют в ограниченной области деятельности, а «g-фактор — это миф, осколок логико-математического мышления, который люди, фетишизируя возможности разума, возвели в абсолют» (Кирнарская, 2004, с. 44). Д. К. Кирнарская подчеркивает, что тесты на специальные способности должны быть разработаны на том материале, который талант использует в своей деятельности. Общих способностей не существует: есть способности специальные, определяющие predisposedность человека к тем или иным видам деятельности.

Если Д. К. Кирнарская отрицает существование общих способностей, то В.Д. Шадриков утверждает, что «феномен „специальных“ способностей как отличных от общих является фантомом. Человек от природы наделен общими способностями. Природа не могла позволить себе роскоши закладывать специальные способности для каждой деятельности...» (Шадриков, 2004, с. 224). Рассматривая место способ-

ностей в структуре психики, В.Д. Шадриков отмечает, что «способности реализуют функцию отражения и преобразования действительности в практической и идеальной формах» (Шадриков, 2004, с. 211). Функциональная система способностей едина для всех способностей: «Фактически при множестве способностей реально существует единая система деятельности, которая мультиплицируется в структуры отдельных способностей» (Шадриков, 2004, с. 215). В.Д. Шадриков классифицирует общие способности по типам психических функций, выделяя мыслительные, мнемические, имажитивные, перцептивные, сенсомоторные, атенционные и пр. С этой точки зрения не существуют специальные (летные, кулинарные, педагогические и т.д.) способности. Решение проблемы общих и специальных способностей, согласно В.Д. Шадрикову (Шадриков, 2009), состоит в том, что общие способности – это свойства функциональных систем человека, специальные способности – это общие способности, приобретшие черты оперативности под влиянием требований деятельности.

Анализ работ Д. К. Кирнарской (1989, 2004) и В.Д. Шадрикова (2004, 2009) показывает, что их взгляды не являются взаимоисключающими. Однако разрыв между понятиями *общие* и *специальные способности* приводит к тому, что *общие способности* рассматриваются абстрактно, а из понятия *специальные способности* исключаются все общие признаки, мистифицируя и обрывая возможности дальнейшего изучения как общих, так и специальных способностей (Ананьев, 2001; Рубинштейн, 2002, 2003; Теплов, 1985). Как отмечал С.Л. Рубинштейн, нельзя отрывать изучение сложных комплексных свойств – способностей, делающих человека особо пригодным к той или иной, специальной профессиональной деятельности, от родовых свойств человека (Рубинштейн, 2003, с. 256). Для понимания природы специальных способностей необходимо решение трех взаимосвязанных вопросов:

1. Каким образом и под влиянием каких факторов общая способность к научению превращается в специальные способности?
2. Какова специфика субстрата, носителя специальных способностей?
3. Что является источником, движущей силой развития специальных способностей?

3.2. Историко-культурные истоки специальных способностей

Жизнь, как отмечал Спенсер, есть непрерывное приспособление внутренних отношений к внешней среде, причем в процессе эволю-

ции специализация этого приспособления возрастает (Spencer, 1855), формируя столько специальных способностей, сколько необходимо на данном этапе общественно-исторического развития. Колебания между нуждой и удовлетворением потребностей, постоянным страхом и вновь достигнутой безопасностью сформировали эмоционально-аффективный фон, стимулирующий механизмы индивидуального научения, оказавшиеся более эффективными регуляторами жизнедеятельности за счет совершенствования памяти и мышления, чем генетически фиксированные программы поведения (Кликс, 1985; Шадриков, 2004). В результате возникло то, что, согласно Ф. Кликсу, может быть названо когнитивной работоспособностью или интеллектом (Кликс, 1985, с. 41).

Анализ изменений средств труда, орудий и инструментов, в которых способности и знания человека находят свое материальное воплощение, позволяет понять каким образом и под влиянием каких факторов общая способность к научению превращается в специальные способности. Согласно археологическим данным, на протяжении двух миллионов лет основная форма орудия оставалась неизменной — ручное каменное рубило с грубо обработанным рабочим краем. Ф. Кликс отмечает: «В них трудно усмотреть признаки какой-либо функциональной специализации. Изготовить такое орудие, видимо, мог каждый взрослый. Для этого не требовалось ни продолжительного периода обучения, ни особой природной сноровки» (Кликс, 1985, с. 135). Этой же точки зрения придерживается Г. Чайлд: «Из всех каменных орудий, найденных в этой пещере (речь идет о пещере Чжоукоу-тянь), так же как и из других эолитов, ни одно нельзя рассматривать как оружие, предназначенное специально для охоты; эти эолиты так бесформенны, что невозможно сказать точно, для каких целей они употреблялись...», «от новичка не требовалось слишком много сообразительности, чтобы понять, как придать камню стандартную форму» (Чайлд, 1948, с. 36, 57).

Около 50—10 тысяч лет назад появляется «кроманьонский» человек, обладавший большими когнитивными возможностями по сравнению с неандертальцем, о чем свидетельствует значительное увеличение разнообразия инструментов и материалов их изготовления, изменение технологии изготовления орудий, овладение которой (техникой Леваллуа), «безусловно, было доступно не каждому. Оно предполагало длительное обучение, отличное знание свойств камня и большую ловкость» (Кликс, 1985, с. 52). Предпосылкой овладения данной технологией, согласно Ф. Кликсу, является «высокая степень мастерства. Лежащие в основе этой технологии приемы не могут вся-

кий раз изобретаться заново, они должны передаваться из поколения в поколение. Причем речь идет о последовательности поколений специалистов, чья деятельность начинает приобретать характер профессии» (Кликс, 1985, с. 141). Таким образом, именно техника Леваллуа является тем индикатором, который позволяет говорить о зарождении специальных способностей, отличающих одних членов группы от других и определяющих успех в этой деятельности. При высоких стабильных достижениях формируется благоприятный эмоциональный фон, который побуждает к сохранению и улучшению достигнутого уровня изготовления орудий, совершенствования своих способностей. Этот механизм дифференциации способностей как результат специализации видов деятельности на основе мотивации и запоминания назван Ф. Кликсом «гедонистическим дифференциалом» (Кликс, 1985, с. 133–134).

Если в качестве индикаторов зарождения специальных способностей использовать первичную дифференциацию объекта и его свойств, которые в дальнейшем станут предметом специальной деятельности (для художественных способностей — форма объекта; для математических — фиксация количества предметов), то химические способности (выделение химических свойств вещества для изготовления более совершенных орудий и поддержания огня) являются, пожалуй, одними из самых древних¹.

Формирование специальных способностей связано с жизненной потребностью в конкретном виде деятельности, в определенной форме активного взаимодействия с миром, в ходе которого происходит отбор, генерализация и закрепление в природе человека тех связей и отношений («строительных материалов», по С.Л. Рубинштейну), которых объективно требует данный вид деятельности.

3.3. Концептуальные структуры как субстрат специальных способностей: субстанциальность

Проблема субстрата, носителя специальных способностей — одна из самых острых в психологии. Именно в ее решении особенно резко проявляются попытки проецирования способностей в задаток, заложенный в особенностях морфологической структуры мозга, нервной системы, раз и навсегда приковывающий человека к опреде-

¹ ~ 50–10 тысяч лет назад, кроманьонский человек — наскальные рисунки, орнамент на орудиях.

~ 30–25 тысяч лет назад — фрагменты лучевых костей волка с нанесенными на них зарубками.

~ 400–320 тысяч лет до н. э. — технология поддержания и разведения огня.

ленной профессии, для обоснования превосходства одних людей над другими.

Анализ литературных источников, показывает, что представление о субстрате, носителе свойств способностей складывалось в различном терминологическом оформлении: *логос* (Эмпедокл, 2001), *голографическая модель реальности* (Дружинин, 2007), *ядерные структуры* (Сергиенко, 2014), *когнитивно-репрезентативные структуры* (Чуприкова, 2007), *ментальные структуры* (Холодная, 2002) и др.

Все вышеупомянутые термины представляют собой психическую модель действительности, описывающую отношения соответствия, возникающие при взаимодействии человека с объективной реальностью. В рамках дифференционно-интеграционной теории специальных способностей для обозначения субстрата, носителя общих и специальных способностей принят термин *структуры ментального опыта*. В хаосе поступающих сигналов, ментальные структуры выделяют наиболее устойчивые инварианты действительности: на уровне безусловных рефлексов — врожденные программы и структуры поведения, на уровне условных рефлексов — структуры, отражающие инварианты изменяющихся условий действительности. В ментальных структурах фиксируются предметная, операционная, мотивационная и аффективная стороны деятельности, в которой они сформировались. Важнейшими функциями данных структур являются отображение, отбор и преобразование реальности в конкретной и/или отвлеченно-абстрактной форме. Высшим уровнем организации структур ментального опыта являются концептуальные структуры — основа понятийного мышления. Следует отметить, что формирование специальных способностей связано с формированием детализированного уровня концептуальных структур, релевантных предметной деятельности (Волкова, 2011, 2014а, 2017). Независимые исследования Е. В. Волковой (2011) и Т. М. Хрустальной, Е. Е. Домановой (2003) показали, что на начальном этапе формирования концептуальных структур показатели успешности предметной деятельности значимо связаны с показателями свойств нервной системы, но с ростом мастерства количество этих связей существенно уменьшается. Следовательно, особенности высшей нервной деятельности только обеспечивают более благоприятные условия формирования специальных способностей, но не определяют их уровень. Таким образом, способности — это функциональное свойство структур ментального опыта, являющихся психическими носителями свойств субъекта, мера соответствия которых объективной реальности определяет продуктивность жизнедеятельности человека. Базовая характерис-

тика способностей — мера соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта объективной реальности, начиная с избирательной чувствительности к определенным характеристикам среды и заканчивая уровнем организации концептуальных структур как референтов знаний и способов деятельности.

3.4. Смысловое поле термина специальные способности: субъектность

Специфическим атрибутом феномена *способности* как предмета психологических исследований является *субъектность*. Он указывает на источник, движущую силу развития способностей, определяемую как соотношение внешней и внутренней детерминаций развития. Психическое отражение активно, оно является определителем не только свойств отраженных предметов и явлений, но и их смыслов, значений для человека: «Каждая сфера функций и каждая сфера деятельности, действий несет в себе соответствующую ей систему значимости» (Рубинштейн, 2003, с. 383). Смысловая реальность производна от соотношения человека и мира. Она может проявляться на разных уровнях психики и регуляции деятельности, в разных формах и в разных структурах, детерминируя поведение и деятельность. Источником, благодаря которому те или иные объекты и явления материального или духовного мира наделяются смыслом, является индивидуальный опыт человека, обстоятельства жизни, в которых он оказывается, приводят к осознанию истинных масштабов того, за что он борется в жизни, формируя ценности и смыслы, отношение к миру, обществу, к самому себе.

Известны разнообразные формы опыта (Волкова, 2016), каждая из которых вносит свой специфический вклад в построение смысловой реальности, но ключевая роль в этом процессе принадлежит концептуальной форме ментального опыта (основа понятийного мышления), так как мера познания объекта или явления во многом определяет смысловое измерение человеческого бытия. Например, по незнанию вещь может наделяться ложными полезными качествами и вследствие этого иметь значимый смысл; вещь может оказаться бессмысленной, если не знать, какую пользу можно из нее извлечь. Истинное же познание позволяет открывать действительность такой, какой она есть на самом деле, создавая новые смыслы, новые возможности для адекватного (безопасного, продуктивного) взаимодействия человека и мира. Мера дифференцированности — интегрированности структур концептуального опыта определяет меру развития общих и специальных способностей человека, меру индивидуального про-

движения по пути очеловечивания, меру индивидуальной онтогенетической эволюции. Чем более развита личность, тем более дифференцированы ее отношения с миром, обществом и самой собой, тем выше уровень ее саморегуляции, на котором принимаются решения в соответствии с пониманием сути вещей и глубинных законов жизни, а следовательно, понимание природы человека, его возможностей, его будущего, т. е. того «что он есть и чем он может стать» (Рубинштейн, 2003, с. 484).

Заключение

Решение вопросов определения и измерения феномена способностей человека является первоочередной задачей, без которой невозможна разработка теории специальных способностей в психологии.

Анализ междисциплинарных вариаций определения термина *способности* позволил выделить общие атрибуты феномена — качественность, субстанциальность, функциональность, метричность, конгруэнтность — и специфический — субъектность, обусловленный активностью психического отражения. Человек — субъект своей собственной жизни. От того, какой смысл мы вкладываем в термин *способности* в рамках целостного бытия человека, зависит наше отношение к жизни, активная или пассивная жизненная позиция, особенности регуляции и мобилизации жизнедеятельности, развитие или угасание специальных способностей (Волкова, 2017).

Анализ смысловой динамики термина *специальные способности* свидетельствует о первоначальном выделении в сознании человека таких атрибутов феномена, как метричность и конгруэнтность, обусловленных осознанием индивидуальных различий пригодности человека к той или иной специальной деятельности. Постановка вопроса об источнике индивидуальных различий приводит к обозначению следующего атрибута феномена — *субстанциальность*, отраженного в трактовке способностей как свойств души, как особых сил, передаваемых по наследству, в основе которых логос, внутренний склад, взаиморасположение составляющих стихий, определяющих природу, сущность феномена. Определение Б. М. Теплова, направленное на такой атрибут специальных способностей, как *качественность*, отграничение термина от других близких терминов позволило уточнить эти свойства души: во-первых, эти свойства отличают одного человека от другого; во-вторых, они имеют отношение к успешности выполнения деятельности; в-третьих, они обуславливают возможность приобретения новых знаний, умений и навыков

и обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности усвоенных способов деятельности (Теплов, 1985).

Следующий этап развития значения термина связан с выделением такого атрибута феномена, как функциональность, с пониманием *специальных способностей* как свойств функциональных систем, реализующих отдельные психические функции (Шадриков, 2009, с. 415), приобретшие черты оперативности под влиянием требований деятельности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации специальной деятельности.

Современный этап развития значения термина озаглавлен пониманием *способностей* как функциональных свойств структур ментального опыта, являющихся психическими носителями свойств субъекта, мера соответствия которых объективной реальности определяет продуктивность жизнедеятельности человека. В данном контексте *общие способности* — это общие инвариантные психологические особенности, обуславливающие успешность жизнедеятельности человека на всех этапах развития; *специальные способности* — это специфические особенности, проявляющиеся на определенном этапе исторического развития и обеспечивающие успешность человека в отдельных видах деятельности; *профессиональные способности* — аспект реализации специальных способностей. Новое содержание термина *способности* предлагает новые пути инструментального измерения уровня развития специальных способностей на основе показателей, оценивающих меру соответствия организации концептуальных структур, являющейся субстратом, носителем свойств субъекта, структуре взаимодействий в той или иной специальной области деятельности.

Определение термина *специальные способности* через конструкт *структуры ментального опыта* позволяет на новом уровне познания феномена *специальные способности* интегрировать необходимые и достаточные атрибуты термина не только для отграничения от других близких терминов, но и для понимания механизмов, условий и направления их развития.

Возможность определения и измерения специальных способностей в плане изучения ментальных структур, обуславливающих продуктивность специальной деятельности, показали исследования математических способностей В. А. Крутецкого (1998), физических способностей Д. П. Власюка (1997), химических способностей Е. В. Волковой (2011), психомоторных способностей В. П. Озерова (1993). Но какие ментальные структуры складываются в других специальных видах деятельности, какова их специфика и как они соотносятся с продуктивностью деятельности — вопрос остается открытым.

Литература

- Акимов М. К.* Интеллект как динамический компонент в структуре способностей: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1999.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Власюк Д. П.* Диагностика строения когнитивных репрезентативных структур, формирующихся в процессе изучения школьного курса физики: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Волкова Е. В.* Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Волкова Е. В.* Роль дифференционно-интеграционного подхода к разработке теории специальных способностей // Дифференционно-интеграционная теория развития. Книга 2 / Сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. М.: Языки славянской культуры, 2014а. С. 61–85.
- Волкова Е. В.* Соотношение структурной организации концепта «вещество», специальных способностей и креативности // Шестая международная конференция по когнитивной науке Тезисы докладов. Межрегиональная общественная организация «Ассоциация когнитивных исследований», Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский государственный университет им. И. Канта. 2014б. С. 675–676.
- Волкова Е. В.* Уровни организации концептуального опыта как основа осуществления и развития творческой деятельности // Мир психологии. 2016. № 1. С. 157–163.
- Волкова Е. В.* Взаимосвязь смысла и специальных способностей в росте самореализации человека // Мир психологии. 2017. № 3. С. 106–113.
- Голубева Э. А.* Комплексное исследование способностей (к 90-летию Бориса Михайловича Теплова) // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 18–30.
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те—Изд. объединение «Вища школа», 1985.
- Кирнарская Д. К.* Музыкально-языковая способность как компонент музыкальной одаренности // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 47–57.
- Кирнарская Д. К.* Психология специальных способностей. Музыкальные способности. М.: Таланты—XXI век, 2004.
- Колмогоров А. Н.* К проблеме развития математических способностей. Ответы А. Н. Колмогорова на вопросы анкеты // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 101.

- Колмогоров А. Н.* А. Н. Колмогоров — о развитии математических способностей (письмо В. А. Крутецкому) // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 103.
- Крутецкий В. А.* Психология математических способностей. М.—Воронеж: Ин-т практической психологии—НПО «Модэк», 1998.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1959.
- Леонтьев Д. А.* А. Н. Леонтьев — Б. М. Теплов: дискуссия о проблеме способностей (1953) // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 5—6.
- Лейтес Н. С.* Проблема соотношения возрастного и индивидуального в способностях школьника // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 9—18.
- Лейтес Н. С., Матюшкин А. М., Щебланова Е. И.* Исследование способностей и одаренности в начале XX в. // Московская психологическая школа: История и современность: В 3 т. / Под ред. В. В. Рубцова. Т. 1. Кн. 2. М.: ПИ РАО, МГППУ, 2004. С. 59—69.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.—Воронеж: Ин-т практической психологии—НПО «Модэк», 1996.
- Луман Н.* Дифференциация. М.: Логос, 2006.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Мерлин В. С.* Структура личности. Характер, способности, самосознание: Учеб. пособие к спецкурсу. Пермь, 1990.
- Озеров В. П.* Психологические основы диагностики и формирования психомоторных способностей у школьников и студентов: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1993.
- Платонов К. К.* Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.
- Практический интеллект / Под ред. Р. Дж. Стернберга и др. СПб.: Питер, 2002.
- Ратанова Т. А.* Взаимосвязь когнитивной дифференцированности и показателей интеллектуальных и специальных способностей в зависимости от возраста и условий обучения // Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма / Сост. Н. И. Чуприкова. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 117—130.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сеченов И. М.* Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001.
- Сергиенко Е. А.* Принцип дифференциации-интеграции в системе методологии психологии развития // Дифференционно-интеграционная теория развития. Книга 2 / Сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 45—59.

- Талант // Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
- Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985.
- Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- Хрусталева Т. М., Доманова Е. Е. Специальные способности в структуре деятельности учителей-предметников // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 53—65.
- Чайлд Г. Археология и прогресс. М.: Гос. изд-во иностранной лит-ры, 1948.
- Челпанов Г. И. Сборник статей (психология и школа). М.: Типография т-ва Кушнирев и К°, 1912.
- Чудновский В. Э. Актуальные проблемы психологии способностей // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 78—89.
- Чудновский В. Э. Судьба трех научных идей Б. М. Теплова // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 112—119.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
- Шадриков В. Д. Происхождение человечности: учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2004.
- Шадриков В. А. От индивида к индивидуальности: Введение в психологию. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
- Экземплярский В. М. Проблема одаренности. М.: Русский книжник, 1923.
- Экземплярский В. М. Проблема школ для одаренных. М.—Л., 1927.
- Эмпедокл. О природе // Антология мировой философии: Античность. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 58—66.
- Agari T. T. Individual differences in visual processing of nonverbal shapes. Seattle, University of Washington, 1979.
- Bacan D. On method. San-Francisco: Jossey-Bass, 1973.
- Brand C. The g-factor: general intelligence and its implications. Chichester, England: John Wiley & Sons Inc., 1996.
- Cantor N. From thought to behavior: “Having” and “doing” in the study of personality and cognition // American psychologist. 1990. V. 45. № 6. P. 735.
- Carroll J. B. Estimating item and ability parameters in homogeneous tests with the person characteristic function // Applied psychological measurement. 1990. V. 14 № 2. P. 109—125.
- Carroll J. B. Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies. N. Y.: Cambridge University Press, 1993.
- Cooper L. A. Strategies for visual comparing and representation: individual differences / Advances in the psychology of human intelligence. Ed. R. J. Sternberg. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1982. V. 1. P. 77—124.

- Gardner H.* The minds new science: A history of cognitive revolution. N. Y.: Basic Books, 1985.
- Gardner H., Hatch T.* Multiple Intelligences Go to School: Educational Implications of the Theory of Multiple Intelligences // Educational Researcher. 1989. V. 18. № 8. P. 4–10.
- Gibson J. J.* The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
- Guttman L.* Measurement as structural theory // Psychometrika. 1971. V. 36. № 4. P. 329–347.
- Jensen A. R.* The g factor: The science of mental ability. Westport, CT: Praeger/Greenwood, 1998.
- Sozinov A. A., Laukka S. J., Glavinskaya L. A., Moiseev I. A., Alexandrov Yu. I.* Cross-cultural difference of transfer effect during learning in approach and withdrawal situations // Материалы Междунар. науч. конф. «Физиология развития человека» (Москва, 22–24 июня 2009 г.). 2009. V. 1. С. 134–135.
- Spencer H.* The Principles of Psychology. London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1855.
- Spearman C.* The abilities of man. London: Macmillian, 1927.

Стили деятельности

В. А. Толочек

Стили деятельности как феномен

Феномен стиля вследствие многообразия его проявлений крайне сложно ограничить рамками одного-единственного определения. Так, к *стилям деятельности* можно относить широкий класс феноменов, отражающих своеобразие выполнения человеком как субъектом той или иной ее разновидности деятельности (трудовой, учебной, игровой, спортивной и пр.). *Стили деятельности* — это своеобразные операциональные системы деятельности, согласованные со своеобразными системами психологических средств субъекта (когнитивными, эмоциональными, моторными действиями).

Для отражения сущностных свойств феномена «стиль», его эволюции и функционирования в заданной социальной среде, его разных проявлений сообразно условиям данной среды представим еще несколько близких понятий. *Стили* (в широком смысле слова) — постоянные, устойчивые, универсальные, «сквозные», целостные психологические системы, включающие сознательные и бессознательные механизмы пассивной и активной адаптации человека к среде. Один из наиболее крупных классов стилей, а именно складывающихся и проявляющихся в профессиональной деятельности людей можно определить как «стили профессиональной деятельности». *Стили профессиональной деятельности* — интегральные, иерархические биполярные образования с вариативной изменчивос-

---

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

тью в границах двух полюсов («субъективно удобных»/«субъективно неудобных» условий деятельности), детерминированные как индивидуальностью субъекта и условиями деятельности, так и организацией среды (окружения), «снимающей» некоторые детерминации индивидуальностью субъекта.

В феномене «стиль» мы различаем две стороны явления: стили как индивидуально-своеобразные психологические системы отдельных лиц и стили как совокупности компонентов деятельности. Последние обычно соотносят со стилями в искусстве, типовыми стилями руководства и т. п. Генезис вторых стилей таков. Они возникают в процессе становления и развития профессии, закрепляются в ее продуктах, в логике используемых средств труда. Являясь результатом общественной практики и достижений выдающихся профессионалов, эти стили в дальнейшем существуют безотносительно к своим творцам. Они становятся своеобразными примерами, эталонами, нормативами, «предпосылками» становления индивидуального стиля для лиц, овладевающих данной деятельностью. Эти две стороны единого феномена можно различать посредством видового признака — «типового» («объективированного») и «индивидуального» (субъективно представленного) стиля. *Типовой («объективированный») стиль* — это устойчивая, внутренне организованная совокупность компонентов профессиональной деятельности. *Индивидуальный стиль* — динамичная индивидуально-своеобразная психологическая система согласования (сопряжения, уравнивания) индивидуальности человека с частью условий деятельности и среды, образованная стилевыми механизмами разной общности, ориентированная на достижение конкретного результата и регулируемая им; внешне проявляющаяся как «система приемов и способов деятельности».

Структурно-функциональную организацию стилей можно отразить в другом их определении: *Индивидуальные стили* — индивидуально-своеобразные психологические системы субъектов, включающие как активные действия (собственно предметные, когнитивные, эмоциональные), или *операциональные структуры (ОС)*, так и бессознательные механизмы пассивной адаптации, проявляющиеся как *предпочтения определенных, субъективно удобных условий деятельности (СУУД)*; *индивидуальные стили* как психологические системы включают также механизмы саморегуляции поведения и деятельности, выделения ее целей, выбора ценностных предпочтений и смыслов, которые можно назвать *«Идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД)*.

Отличительные признаки двух видов стилей: *типовые (объективированные) стили* — существуют безотносительно к отдельному субъекту, отражают объективные закономерности организации деятельности и среды, являются устойчивыми и функционально завершенными образованиями; *индивидуальные стили* — выполняют функцию организации и согласования индивидуальности человека с условиями деятельности в специфической среде; они отличаются индивидуальным своеобразием, вариативной изменчивостью, иерархией уровней адаптации, разной степенью развития и меры адекватности как индивидуальности человека, так и условиям среды; они формируются спонтанно или направленно, осознанно или бессознательно.

Понятие *стили деятельности* мы стали использовать с начала 1990-х годов (Толочек, 1992; и др.). Формулирование проблемы *стилей деятельности* (СД) было вызвано рядом причин: кризисом в изучении стилей; проблемами локальных классификаций множества описанных в научной литературе стилей; несогласованностью методологических положений и методического инструментария, используемого в разных научных традициях; проведением отдельных исследований в узком русле отдельного подхода и игнорировании других традиций; накоплением научных фактов, которые не соответствовали первоначальной трактовке феномена (например, констатировалась возможность переходов стилей субъекта в новое качество, их новые проявления — *проявления*, но при этом сохранялась фрагментарность в изучении и описании стилей; в литературе описывалось множество разных стилей, но при этом некоторые авторы игнорировали или прямо умалчивали существование иных подходов, иных научных позиций в понимании стиля и др.). В исторически сложившихся подходах не всегда соблюдалась системность анализа, соответствие исходных методологических положений, организации исследования и его результатов. Так, например, в сциентистских традициях «индивидуальный» стиль деятельности как таковой не изучался; стили руководства нередко рассматривались как особенности одного лишь субъекта совместной деятельности — руководителя; эмоциональные стили — как паттерны эмоциональных предпочтений человека, не побуждающие однако, его к формированию адекватных таким предпочтениям систем операциональных средств деятельности.

Формулирование проблемы как *стилей деятельности* позволяло выделить ее «ядро» и спектр проявлений стилей в разных условиях среды (отсюда — предпочтительность использования множественного числа — «стили», а не единственного как традиционно — «стиль»).

Такая формулировка позволяла также концентрировать наиболее важные аспекты феномена, использовать компактные схемы описания, выделять наименее изученные вопросы. В одном из вариантов такой разработки проблемы в концепции *стилей профессиональной деятельности* (СПД) различаются *четыре главные детерминанты*: а) «объектная» («профессионально-деятельностная»); б) «субъектная» («индивидуально-психологическая»); в) «интерсубъектная» («социально-психологическая»); г) «средовая» (Толочек, 2000, 2015).

Обычно интегральные системы стилей строятся иерархически (иерархия — атрибут системы); их внутренним и внешним организующим условиям внимание уделяется меньше. Изучение трех детерминант стиля — «индивидуальной», «социально-психологической» и «профессионально-технологической» — позволяет выделить вероятную общность структурно-функциональной организации разных стилей как их объединяющее основание. При этом все многообразие изучаемых в психологии стилей можно распределить в координатной системе двух факторов — средового (деятельностного) (Y) и субъектного (интерперсонального) (X).

Таким образом, в исходном многообразии различаются четыре основные группы стилей (таблица):

- I. «Адаптации» (организации психической деятельности в определенной сфере ее проявления — когнитивной, эмоциональной, моторной, алиментарной) — локальные системы согласования индивидуальности со специфическими внешними условиями. К ним можно отнести когнитивные стили, эмоциональные стили, стили действия (моторики). Эта группа стилей отражает особенности адаптации человека к среде, проявления его индивидуальности, организации его моторной, эмоциональной и когнитивной сфер.
- II. «Деятельности» (строятся с учетом объективного строения среды) — системы сопряжения индивидуальности с трудовыми, профессиональными, технологическими системами. К ним относятся традиционно изучаемые индивидуальные стили деятельности, стили учебной деятельности. Эта группа стилей характеризует то, как человек включается в профессионально-трудовые и технологические системы.
- III. «Взаимодействия» — системы сопряжения индивидуальности субъекта с социальными структурами, процессами, другими субъектами. Эти стили характеризуют особенности соучастия, взаимодействия человека с другими в социальных и социотех-

нических системах (стили руководства, педагогической деятельности, делового общения и т. п.).

- IV. «Отношения» — системы сопряжения индивидуальности с социумом, совокупностью условий жизни (подразумеваются стили жизни, поведения). Они отражают особенности восприятия человеком мира, использования его ресурсов, сформированные отношения (к себе, к людям, к труду, к природе), личностные смыслы, ценности, что и предопределяет предпочтение человеком той или иной *части социального пространства*, более тесную интеграцию с ее условиями (см. также: Купрейченко, Журавлев, 2012; и др.).

Концепция СПД является развитием и дальнейшей разработкой отечественной концепции стиля — индивидуального стиля деятельности (ИСД) Е. А. Климова и В. С. Мерлина. Наряду с основными положениями ИСД (стили — интегральный эффект взаимодействия индивидуальности человека и условий деятельности; стили изменчивы в зависимости от специфических особенностей деятельности и др.), концепция СПД строится на более поздних теоретических разработках проблемы личности, субъекта деятельности, совместной деятельности, общения («активности», «активности субъекта», «интегральной индивидуальности», «метаиндивидуальности», «инобытия личности в других», «дискретности пространства деятельности». С позиции субъектно-деятельностного подхода в концепции СПД интегрируется как значительный материал исследований ИСД, так и других методических школ. При этом стиль рассматривается в совокупности многообразных форм его проявления — более широко

Таблица 1
Классификация стилей

Организация среды	Вид активности человека	
	Деятельность	Взаимодействия
Специфическая (обусловленная технологиями деятельности, формальной организацией социальных групп)	Индивидуальные стили деятельности (учебной, спортивной, профессиональной) А	Стили руководства, судейства, педагогической деятельности и т. п. В
Неспецифическая (жестко не структурированная)	Стили когнитивные, моторные (стили действия), волевого самоконтроля и т. п. С	Стили общения, лидерства, поведения, жизни Д

как *активная адаптация субъекта к среде*, а не только традиционно — например, как адаптация к требованиям деятельности.

Объяснение зарождения, развития и функционирования стиля строится на выделении его иерархической организации. Считается, что первоначально определяются и организуются предпочитаемые «субъективно удобные условия деятельности», затем «операциональные системы», и венчается становление стиля «идеальными регуляторами/типом организации деятельности». В *структурно-функциональной организации стиля*, в *иерархии психологических механизмов активной и пассивной адаптации субъектов в среде* различаются «стилевые» и «уровневые» характеристики; в *функционировании стиля* — вариативные реорганизации при изменении условий деятельности; в *развитии* — изменения на протяжении профессиональной карьеры субъекта. Стили понимаются нами как множество включенных друг в друга психологических систем, актуализируемых в зависимости от ситуации. Множество стилей мы рассматриваем в «цепочке»: «когнитивные (эмоциональные, моторные) стили — индивидуальные стили деятельности — стили профессиональной деятельности — стили деятельности — стили жизни — стили человека», или *ИСД<СПД<СД<СЖ<СЧ*.

История и предпосылки изучения стилей

Проблема стиля в психологии «вызревала» в разных научных подходах и школах в психоанализе, в дифференциальной психологии, в гештальтпсихологии, в дифференциальной психофизиологии и др. Постановка проблемы психологических основ индивидуальных различий В. Штерном (Stern, 1911), решение вопроса о компенсациях ограничений А. Адлером (Adler, 1927), решение проблемы управления и стилей руководства К. Левиным (Levin, Lippert, White, 1939), решение проблемы устойчивых различий в анализе информации и решении когнитивных задач Г. Гарднером, Дж. Каганом, Г. Кляйном, Д. Уиткиным и др. (Gardner, Loherenz, Shoen, 1968; Kagan, Moss, Sigel, 1963; Klein, Gardner, Schlesinger, 1962; Witkin, Lewis, 1954; и др.), выделение вопросов устойчивых особенностей человека как «диспозиций» и произвольного поведения Г. Олпортом (Allport, 1937), Р. Стагнером (Stagner, 1962) и др. — все это побуждало к последовательному изучению механизмов адаптации человека в среде (окружению), механизмов регуляции своего поведения, механизмов согласования индивидуальных особенностей и их интеграции в достижении жизненных целей.

В отечественной психологии становление проблематики стилей деятельности происходило в русле дифференциальной психофизиологии, опираясь на результаты работ Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына и др. Первыми оригинальными обращениями к проблеме стилей в отечественной психологии можно считать работы Ю. А. Самарина (1948), содержащие анализ стилей умственной работы школьников, и Д. А. Ошанина (1957), посвященные анализу стилей рабочих-металлистов. Первая системная разработка проблемы отражена в концепции *индивидуального стиля деятельности (ИСД)* Е. А. Климова (1959, 1969), которая в последующем получила развитие в работах В. С. Мерлина, Б. А. Вяткина, М. Р. Шукина, Е. П. Ильина, В. А. Толочка и др. (Вяткин, 1978, 2000; Ильин, 1979, 1980, 1983; Мерлин, Климов, 1967; Мерлин, 1986; Моросанова, 2010; Толочек, 1987, 1992, 2000, 2013, 2015; Шукин, 1994; и др.).

Основные положения отечественной концепции стилей

Среди теоретических предпосылок концепции ИСД интегрирующими идеями Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, В. С. Мерлина, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова были следующие: 1) есть стойкие качества, существенные для успеха деятельности, но практически невоспитуемые (так как они обусловлены типологическими свойствами нервной системы); 2) существуют разные по способам, но равноценные по конечному эффекту варианты приспособления к деятельности; 3) имеются широкие возможности компенсаторного преодоления слабо выраженных способностей; 4) формирование личности можно вести только с учетом внутренних условий наряду с внешними; 5) субъективное как отражение объективного обладает собственной активностью (Климов, 1969). Согласно данным положениям, стиль понимался как психологический (психофизиологически) обусловленный, но он не фатально детерминирован индивидуальностью субъекта, а формируется как «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта», когда те или иные несоответствия индивидуальных особенностей человека требованиям деятельности могут компенсироваться развитием других качеств (например, инертность нервных процессов побуждает рабочих к более тщательному планированию деятельности, проведению профилактических действий, «кучности» действий — выполнению всего комплекса действий определенного класса, а не спонтанных переходов от одних действий к другим под влиянием складывающихся ситуаций в работе; у «подвижных» и «инертных» гребцов формируются разные способы удержания равновесия: за счет

учащения корректирующих движений либо повышения вестибулярно-кинетической чувствительности; «подвижные» акробаты увеличивают высоты траектории полета в сальто за счет наращивания скорости разбега, «инертные» — за счет развития прыгучести и удлинения разбега перед прыжком; «инертные» достигают повышения темпа кувырков более плотной, чем у «подвижных», группировкой).

Изменение структуры качеств человека как субъекта ведет к соответствующему изменению и операционального состава деятельности, т. е. к формированию индивидуального стиля. Стиль может изменяться в соответствии с условиями деятельности. Формирование и развитие стиля связано с формированием и развитием индивидуальных особенностей субъекта. В зависимости от объективных требований деятельности одни и те же свойства личности выражаются в разных стилях (Климов, 1959, 1969; Мерлин, Климов, 1967).

Индивидуальный стиль деятельности — «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49); на уровне операций — «обусловленная типологическими особенностями устойчивая система способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности» (там же). Сам феномен ИСД понимался как путь решения «проблемы мастерства и его формирования, проблемы наивысших достижений в деятельности каждого» (там же, с. 49). Генезис и структура ИСД, по Е. А. Климову, таковы. Первоначально складывается «ядро» — *спонтанно формируемые компоненты стиля*, одни из которых способствуют успешности адаптации к требованиям и успешности деятельности (А), другие препятствуют (Б). На второй стадии происходит становление «*пристройки*» — *сознательно формируемых компонентов*, с одной стороны, усиливающих первичные позитивные звенья адаптации (В), с другой — компенсирующих первичные неэффективные звенья (Г). Другими словами, важным условием формирования ИСД выступает активное отношение человека к своей работе, его стремление выполнять ее как можно лучше.

Современное состояние разработки проблемы «стили деятельности»

Во второй половине XX в. количество разновидностей изучаемого феномена возросло. Наряду с традиционными, устоявшимися под-

ходами и формулированиями проблемы («когнитивный стиль», «индивидуальный стиль деятельности», «стиль руководства, лидерства», «стиль жизни, поведения») появлялись новые интерпретации проблемы и способы изучения ее проявлений. Стали изучаться стили общения (Вяткин, 2000; Исмагилова, 2002; Мерлин, 1986), эмоциональные стили (Додонов, 1987; Дорфман, 1989), стили активности (Волочков, 2007; Вяткин, 2000), психофизиологически предпочитаемые индивидуальные стили деятельности (Ильин, 1979, 1980, 1983), стили деятельности (Толочек, 1987, 1992), стили саморегуляции (Моросанова, 2010); делались попытки классификации выделенных и описанных стилей — когнитивно-аффективные, аффективные, рациональные, эмпирические, метафорические стили (Wardell, Royce, 1978), стили элементарной активности, индивидуальные стили деятельности, стили общения и др. (Мерлин, 1986) и др.

В развитии отечественных традиций в изучении стилей можно выделить несколько разных этапов и подходов. Если первый этап можно определить как типологический (стиль понимался как детерминированный типологическими свойствами нервной системы и темперамента, т. е. биологической организацией человека; выделялись и описывались два противоположных стиля, например: стиль «подвижных» и «инертных», стиль «сильных» и «слабых» по возбуждению), то в последующем расширялся и спектр детерминант, и число выделяемых стилей, и понимание механизмов формирования стилей. Так, Е. П. Ильин настаивал на целостном влиянии всего комплекса свойств нервной системы на формирование разных типов адаптации человека к деятельности (приспособление субъекта к деятельности, приспособление деятельности к субъекту и их взаимное «уравновешивание»); В. С. Мерлин (и его последователи — Б. А. Вяткин, М. Р. Шукин, А. А. Волочков и др.) рассматривал все уровни психофизиологической и психологической организации человека. Стиль рассматривался ими как один из факторов становления *«интегральной индивидуальности»*, с одной стороны, с другой — как следствие становления и изменения интегральной индивидуальности человека.

Значительный вклад в развитие представлений об ИСД в 1970—1980-е годы был сделан Е. П. Ильиным (1979, 1980, 1983; и др.). Как выше отмечалось, он выделил три типа адаптации субъекта к деятельности: приспособление субъекта к деятельности, приспособление деятельности к субъекту и их взаимное «уравновешивание». Механизм адаптации им рассматривается как взаимодействие всех типологических свойств нервной системы и способностей человека,

выступающих в единстве в виде «типологических комплексов», предопределяющих большую или меньшую успешность субъекта в данной деятельности. При этом исходная типологически обусловленная склонность человека к определенным видам и условиям деятельности, режиму работы подкрепляется результативностью деятельности и специфической мотивацией (например, лица с сильной по возбуждению нервной системой лучше «слабых» переносят физическую боль, высокую кислородную задолженность, что влияет как на выбор специализации в рамках вида спорта, так и на выбор операциональных средств деятельности, предпочтения определенной тактик и др.). Им констатируется, что ИСД способствует проявлению способностей, но не компенсирует их отсутствие. Е. П. Ильин с сотрудниками поставили вопросы и предложили их решения об энергетической стоимости стиля, большей или меньшей результативности разных стилей, динамике успешности субъектов с разными стилями на протяжении рабочего цикла (спортивного поединка, игры, прохождения дистанции в циклических видах спорта).

В работах пермской школы в 1970–1990-е годы произошло выраженное смещение научных интересов. Стили (до середины 1990-х годов их еще называли по-прежнему — «индивидуальные стили деятельности», позже — «стили деятельности», «стили саморегуляции», «стили активности») рассматривались уже как психологические системы, становление и функционирование которых сопряжено со становлением индивидуальности человека более целостной («адекватной», «рациональной»), обретающей новое качество «интегральной индивидуальности» (ИИ). Было показано, что ИСД играет системообразующую функцию в развитии ИИ. Благодаря стилю возникают новые связи между разными свойствами и разными уровнями ИИ. Стили, адекватные индивидуальности человека, изменяя характер связей между свойствами индивидуальности в сторону их гармонизации, создавали в этих процессах новую систему таких отношений, новую ИИ. ИИ как уникальная интеграция свойств различных иерархических уровней (нервной системы, темперамента, личности), в свою очередь, по-разному влияет на становление разных компонентов стиля. Установлено, что одни особенности трудовой деятельности теснее связаны с нейродинамическими свойствами, другие — с личностными, третьи не имеют преимущественного влияния ни на один из уровней индивидуальности. Было показано, что связи между свойствами разных уровней индивидуальности могут изменяться в зависимости от преимущественно используемых субъектом действий и операций, от им определяемых промежуточных целей при решении задач.

Согласованные системы целей человека, действий и операций предметной деятельности понимались как индивидуальный стиль деятельности, который, формируясь, начинает играть ключевую роль в развитии человека, в гармонизации его индивидуальности (Вяткин, 2000; Жданова, 2005; Щукин, 1994; и др.).

Такое смещение акцентов и приоритетов многое объясняет. Стили рассматривались уже как второстепенный феномен, призванный объяснять центральный — ИИ, механизмы, закономерности ее становления и проявления. Стили изучались в ограниченном спектре их проявлений, преимущественно на выборках дошкольников, учащихся, студентов, учителей. Принимая во внимание этические и методологические ограничения при изучении любой деятельности (игровой, учебной, профессиональной), непереносимые «табу» в каждой сфере, ограничения любого методологического подхода и пр., можно понимать, почему даже при 30-летнем изучении стилей оставались «белые пятна», а методология изучения стиля радикально не изменялась.

В наших исследованиях рассматривались вариативные реорганизации стилей, при этом были выделены три обобщенные характеристики стиля, понимаемые нами как иерархические: 1) *предпочитаемые*, «субъективно удобные условия деятельности»; 2) *операциональные структуры* (приемы, способы данной деятельности); 3) «тип организации» (типичные для субъекта активные воздействия на условия деятельности, управление ими, стремление приводить их к определенной организации). Также фиксировались связи эффективности деятельности как с типологически адекватной структурой стиля, так и с *адекватностью ситуативных перестроек* стилей. В совместной деятельности выделяются *радикальные изменения исходных отношений составляющих ИСД* взаимодействующих субъектов, а феномен интеграции стилей и индивидуальностей взаимодействующих субъектов был назван «стили профессиональной деятельности» (Толочек, 2000, 2013, 2015).

Общей тенденцией в изучении стилей (тема, очень удобная для быстрого написания кандидатской диссертации), к сожалению, стала эклектика. Расширяющееся многообразие подходов в исследованиях стиля в последний период (1990—2000) можно назвать *мозаичным* подходом. Доминирующей тенденцией становится не выявление сущностных свойств феномена, а компиляция разных концептуальных схем, отказ от наблюдения реальной деятельности и опора исключительно на опросники. Исследования проводятся преимущественно на выборках представителей массовых профессий, студен-

тов вузов и учителей средних школ. Вместе с тем резко расширился спектр рассматриваемых особенностей индивида — от анатомических и физиологических до этнических. Психолого-педагогический эксперимент становится редкостью в репертуаре исследователей. Отказ от четкой методологии исследования, компиляция разных концептуальных схем отражалась и в названии описываемых стилей («индивидуальный стиль руководства», «индивидуальный когнитивный стиль» и т. п.).

Несмотря на широкую палитру смежных тем, вовлеченных в аргументацию актуальности таких исследований, в целом интерес к проблеме ИСД в 1990-е годы заметно угасает.

Перспективы разработки и эвристический потенциал проблемы «стилей деятельности»

Идеологические и методологические и методические ограничения в постановке проблемы, типичные особенности выборки и задачи исследования в 1990—2000 гг. (понимание стиля как неизменного после его формирования в деятельности — как ряда инвариантных условий, изучение стилей у представителей массовых профессий с узким диапазоном профессионального мастерства и т. п.) привели к своеобразному кризису и снижению интереса к проблеме стиля.

Вместе с тем акцентирование внимания на условиях сложной профессиональной деятельности (вариативные реорганизации и изменения ее условий, эпизодически экстремальный характер, продолжительные стадии ученичества субъекта, множество стадий профессионализации и др.) и реальных отношениях субъектов (конкуренция, сотрудничество и др.), понимание деятельности не как индивидуальной, а как *совместной профессиональной деятельности* обозначали новые аспекты проблемы, способствовали выявлению новых научных фактов (подробнее см.: Журавлев, 2005; и др.). На модели спорта высших достижений (в спортивных единоборствах) и в управленческой деятельности руководителей, в 1990—2000 гг. разрабатывались такие вопросы, как общая структурно-функциональная организация разных стилей; были описаны феномены актуального пространства деятельности, «психологической ниши», предпочтений партнеров определенного типа, типы взаимосвязей и генетических отношений в системе «тренер—спортсмен», «спортсмен—соперник», «руководитель—подчиненный», транслирование структур, согласно принципу транзитивности, самоподобие структур стилей и др. (Толочек, 1992, 2000, 2015).

Структурно-функциональная организация стилей

В организации стилей можно различать три уровня, включающих составляющие разной природы. Согласно концепции СПД (Толочек, 2000), первым иерархическим уровнем стиля являются «*субъективно-удобные условия деятельности*» (СУУД). Под «*субъективно удобными условиями деятельности*» (СУУД) понимается сплав осознанного и неосознанного, одна из первых структур и в последующем один из первичных факторов формирования стиля как целостной и завершенной системы адаптации человека к среде, детерминирующий его последующие «этажи» (уровни, характеристики). СУУД есть эмоциональная память, своего рода «*прошрое*» субъекта, «зоны комфорта», эмоциональные оценки успешности, играющие заметную роль в адаптации субъекта к требованиям деятельности и направляющие эту адаптацию на определенную часть ее условий и требований.

Вторым, срединным блоком стиля выступают «*операциональные системы*» (ОС) — психологические системы, реализующие практические компоненты деятельности, конкретные и когнитивные предметные действия, опосредующие взаимодействия субъекта с объектом (например, техника данного вида спорта, приемы профессиональной деятельности) и с субъектами. В качестве таких действий могут выступать и системы когнитивных действий, и образы эмоциональных состояний, когда подразумевается профессионально зрелая, сложившаяся деятельность. Такие *операциональные системы* могут развиваться, обретать иерархическое строение, становиться метапроцессами и метасвойствами. Это — действительное состояние субъекта.

Третья иерархическая характеристика, третий уровень образований стиля — «*Идеальные регуляторы/тип организации деятельности*» (ИР/ТОД), рассматривается нами как высший уровень адаптации субъекта к ее требованиям. К этому уровню можно отнести разные «*идеальные регуляторы*», отражающие когнитивные, мыслительные составляющие поведения и деятельности, ценностные и смысловые приоритеты: тактики, стратегии, планирование, оценки ситуации, коррекцию результатов, прогнозы. Следование субъектом этим «*идеальным регуляторам*» побуждает его не только отражать действительность, но и *активно преобразовывать* часть ее условий, направляя по возможности их в «русло» ему субъективно удобных (например, в спортивной борьбе «навязывать» сопернику высокий темп или подавлять его активность, срывая захваты; борцы, для которых удобен атакующий соперник, могут даже «отдавать» удобный для него захват, становиться в удобную для него стойку, т. е. актив-

но создавать условия, побуждающие соперника атаковать). Поэтому другое определение третьей иерархической характеристики стиля — *тип организации деятельности*. Посредством этой подсистемы стиля субъект управляет условиями деятельности. В известном смысле это «будущее» системы, точнее, устремленность субъекта к будущему состоянию, отраженному в «идеальном», которое характеризует-ся лишь вероятностью воплощения, частичным соответствием избранным критериям.

Определяющим в выделении нами трех иерархических уровней стиля как психологической системы выступали не только представления об универсальности «фундаментальной психологической триады» (Л. М. Веккер), включающей когнитивные, аффективно-мотивационные и поведенческие компоненты, но и феноменология объекта — сущностные свойства стилей, особенности их организации, отраженные в эмпирических данных и связях последних с успешностью субъекта. Так, выявленные в цикле исследований (1981–1999) на разных выборках борцов интеркорреляции составляющих трех характеристик их стилей заметно различались по тесноте и плотности. Для ИР/ТОД они находятся в пределах $r = [0,000–0,500]$ и связи имели место лишь между отдельными переменными; для ОС — «операциональных систем» — связи при $r = [0,100–0,600]$ групп переменных, положительных между компонентами каждой из групп и отрицательных между компонентами разных групп; СУУД — $r = [0,200–0,800]$, связывая почти все анализируемые переменные, одни из них положительно, другие — отрицательно (Толочек, 1992, 2000, 2015). При этом влияние меры изменения структуры разных иерархических уровней стиля на успешность деятельности спортсмена также было разным: наиболее негативно на успешности отражались изменения в структуре СУУД, наибольший диапазон вариаций, не разрушающих деятельность, был присущ ИР/ТОД. Вероятно, «ключевым звеном» ИСД, определяющим его эффективность и потенциал как системы, выступает первый иерархический уровень организации стиля — *«предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности»* (СУУД). Состав, структуры, динамика третьего уровня стиля — *«Идеальные регуляторы»/«Тип организации деятельности»* (ТОД) — наименее изучены; это ближайшие научные задачи исследований стиля в психологии.

Предложенная нами схема описания стиля (Толочек, 1987, 1992) соответствует типовым психологическим схемам, выделяющим когнитивные, эмоциональные, практические компоненты. Как трехкомпонентную описывают структуру деятельности многие исследо-

ватели. Например, выделяют «фундаментальную психологическую триаду», включающую когнитивные, аффективно-мотивационные и поведенческие компоненты (Л. М. Веккер); практические, гностические, аффективные компоненты (А. А. Бодалев); поведенческие, когнитивные, аффективные (Я. Л. Коломинский); регулятивные, аффективные, информационные (Б. Ф. Ломов); поведенческие, аффективные, гностические (Н. Н. Обозов). Аналогичную схему описания стиля также использовали Л. Я. Дорфман (1989), М. Р. Щукин (1994) и др. Подчеркнем, что три обобщенные характеристики стилей не есть лишь простая и удобная концептуальная схема. Характер взаимосвязей составляющих трех характеристик разнится при вариативных изменениях стиля; состав и структуры трех характеристик по-разному изменяются в процессе развития мастерства субъекта; составляющие трех иерархических уровней в разной степени влияют на успешность деятельности субъекта.

Пространство деятельности

Соотнесение деятельности человека с большим или меньшим пространством — со средой — сразу же обнаруживает новые аспекты в ее процессуальной и результативной сторонах. Так, очевидно, что в совместной профессиональной деятельности человек не действует независимо от других, реализуя лишь свои собственные потребности, достигая свои цели. Он должен соотносить их с интересами других людей, их прямыми и косвенными действиями, периодически согласовывать, постоянно корректировать их (подробнее см.: Журавлев, 2004, 2005; и др.). Также человек как субъект деятельности, как личность не может оставаться индифферентным к стилям деятельности других субъектов, к групповым нормам, к ценностным ориентациям других личностей, членов контактных социальных групп, прежде всего, рабочих групп и более тесных функционально-психологических «связок» — диад и триад функционально тесно взаимодействующих субъектов (например, в связках «тренер—спортсмен», «учитель—ученик», «руководитель—подчиненный», «врач—пациент» и т. п.). Объективное структурирование ближайшего для субъекта пространства ведет к становлению феномена «психологических ниш» — группированию представителей тех или иных типов стилей (или личности) в общем актуальном пространстве деятельности.

Итак, среда как актуальная реальность задает новые качества деятельности взаимодействиям субъектов. Последнее требует введения понятий «пространство», «пространство деятельности», «среда»

(окружение) как особого измерения деятельности (см. также: Купрейченко, Журавлев, 2009; и др.). В первом приближении рабочими определениями могут служить следующие:

Среда — окружение, окружающая действительность; множество условий, значимых для поведения и деятельности человека, прямо и косвенно влияющих на него, в том числе на активность взаимодействующих людей как субъектов.

«*Пространство*» есть часть среды в совокупности ее актуализированных свойств, влияющих на поведение и деятельность человека.

«*Пространство деятельности*» — особое состояние, качество актуального и доступного для субъекта деятельности пространства, определяемого отношениями условий и задач деятельности, условий среды и активности взаимодействующих субъектов. Пространство деятельности определяется и формируется вследствие актуализации некоторых условий и составляющих деятельности, среды, качеств субъектов совместной деятельности и может описываться как взаимодействия «субъектной» («индивидуально-психологической»), «деятельностной» («профессионально-технологической»), «интерсубъектной» («социально-психологической», «интерперсональной») и «средовой» («социальной») составляющих.

В «*социально-психологическом пространстве*» («интерперсональном», «интерсубъектном»), выступающим как часть, как составляющая *пространства деятельности*, помимо изученных явлений формальной и неформальной организации (руководство, лидерство, совместимость, сработанность и др.), мы выделяем феномены «психологической ниши», «диады» и «триады» как следствия активности взаимодействующих субъектов, как эффекты организации и структурирования ими пространства деятельности (совместной деятельности). К более широкому «*социальному пространству*» можно относить феномены социальной мезо- и макросреды (корпоративную культуру организаций, стиль управления высшего руководства, актуальные цели организации, субкультуру социальных групп).

Под «*психологической нишей*» понимается «горизонтальное» (отношения координации) устойчивое распределение разных стилевых и психологических типов субъектов совместной деятельности в ее зонах, определяемых временными, пространственными, энергетическими и информационными параметрами, обусловленное организацией физической, профессионально-технологической, социально-психологической и социальной среды. «Психологические ниши» формируются вследствие активности всех взаимодействующих субъ-

ектов. Аналогом «психологической ниши» может служить более изученные феномены «неформальной» и «внеформальной организации».

«Триада» («диада») есть иерархическая (отношения субординации) организация взаимодействующих субъектов, характеризующаяся асимметрией их статусных, функциональных, ролевых позиций.

Совместная профессиональная деятельность и ресурсный подход

Одно из перспективных направлений развития концепции стилей связано с разработкой *ресурсного подхода* — изучения стилей человека в широком контексте его *взаимодействия со средой, окружением*, в частности — при решении задач *совместной деятельности* (соответственно, в ситуациях взаимодействия с другими людьми как субъектами и как личностями). Предполагается, что *условия совместной деятельности* и взаимодействий людей не есть фиксированные, как-то и кем-то единожды определенные, а *активно создаются и воссоздаются в процессах взаимодействия* людей. В условиях и в процессах взаимодействия людей как субъектов и как личностей воссоздаются не всех потенциально возможные, а лишь актуально необходимые условия деятельности и среды, в их целостности понимаемые нами как *пространство деятельности*. В условиях и в процессах взаимодействия субъектов (личностей) большую или меньшую актуальную значимость могут приобретать те или иные свойства субъекта (личности), условия среды и особенности партнеров, которые так или иначе могут интегрироваться в активности субъекта (личности). В процессах такой интеграции формируются новые психические структуры, в которых ранее не задействованные свойства субъекта могут становиться *интрасубъектными ресурсами*, ранее нейтральные условия среды — *внесубъектными ресурсами*, особенности партнеров — *интерсубъектными ресурсами*. Согласно *ресурсному подходу*, активность человека как субъекта деятельности и жизнедеятельности проявляется, в частности в том, что его стили выступают психологическими средствами, не только функционирующими как «устойчивые психологические системы» в заданных условиях, но также и как обеспечивающими актуализацию новых интра-, интер- и внесубъектных ресурсов.

Становление стилей и самоподобие как принцип их организации

В «классическом» подходе становление стиля понимается как подбор субъектом отдельных элементов деятельности «осознанно или неосоз-

знанно» с учетом своей индивидуальности. Мы полагаем, что в становлении стиля имеет место выбор, предпочтение исторически сложившихся целых «блоков» взаимосвязанных компонентов деятельности, согласованных с условиями деятельности и среды (поэтому мы пользуемся понятиями не «элементы», а «компоненты», «составляющие» деятельности). Как выше отмечалось, важную роль в становлении и сохранности типовых стилей, наряду с организацией деятельности, играет активность взаимодействующих субъектов и порождаемые ею феномены диады, триады, психологической ниши.

В нашем подходе акцентировано следующее: стили деятельности выступают не только и не столько как «индивидуальные» стили деятельности (СД), а, прежде всего, как типовые стили деятельности (СД), так как их детерминация определяется не только индивидуальностью человека и совокупностью условий деятельности («усредненными требованиями»), но и специфическими в данный исторический период, преобладающими в решении данного класса задач и пр., а также — активным влиянием активности и стилей всех взаимодействующих субъектов совместной деятельности.

Подобные структуры — структуры разных систем (подсистем системы большей общности), характеризующиеся сходством (по оцениваемым критериям), которое можно понимать как меру их взаимного соответствия, согласованности, вероятно, связанную с соответствующей мерой взаимной интеграции разных систем и подсистем.

Аналогом и «предельным вариантом» *подобных структур* можно считать *самоподобные структуры*, разрабатываемые в математике, выделяемые в живой и неживой природе. В случаях сравнения *психологических систем* можно ожидать лишь умеренное сходство как *подобие структур* рассматриваемых систем. Вместе с тем можно ожидать, что в случаях большего *подобия структур* взаимодействующих психологических систем и их подсистем можно ожидать и большей успешности деятельности субъекта (эффективности, продуктивности, надежности и т. п.). Например, выделяя структуру профессионализма в целом, сопоставляя ее со структурой профессиональной компетентности, саморегуляции психического состояния и пр., можно ожидать, что те субъекты, у которых эти структуры будут более согласованными, также будут и более успешными как профессионалы. Эмпирический материал, полученный нами на выборках спортсменов высшей квалификации, подтверждает эти предположения: те спортсмены, у которых структуры стиля в целом и его подсистем (ИР/ТОД, ОС и СУУД) более согласованы, оказались более результативными (Толочек, 2015).

Обобщая материал, можно констатировать следующее:

1. Проблема стилей на протяжении второй половины XX в. решалась в русле и средствами классической парадигмы в психологии, была ориентирована на индивидуальную деятельность, массовые профессии, сравнительно невысокую профессиональную квалификацию субъектов.
2. Совместная деятельность (сложная, развитая, предполагающая высокую профессиональную квалификацию субъекта) требует обращения к новой методологии, к новым научным концепциям, к привлечению понятий «среда», «пространство», «ресурсы», «диады», «триады», «психологические ниши» и др.).
3. В детерминации стиля различаются четыре его детерминанты: а) «объектная» («профессионально-деятельностная»); б) «субъектная» («индивидуально-психологическая»); в) «интерсубъектная» («социально-психологическая», «интерперсональная»); г) «средовая».
4. К сущностным свойствам стиля как психологической системы можно отнести: а) инструментальную функцию; б) согласованность с индивидуальностью субъекта; в) единство «фундаментальной стилевой триады», трех ее оснований: «идеальных регуляторов» — специфических для деятельности действий и способов — «субъективно удобных условий деятельности»; г) ориентацию на часть условий среды (окружения); д) подчиненность законам целого; е) сохранение меры структурированности; ж) эволюцию, согласно механизму воспроизводства самоподобных структур.
5. Феномен «стиль» характеризуется двуединством отношений со средой. Стили эволюционируют и функционируют в едином пространстве деятельности (т. е. в едином, целостном, завершенном пространстве активно взаимодействующих и противодействующих субъектов), подчиняясь его свойствам, и всегда ориентированы на часть этого пространства, с одной стороны. С другой стороны, разные стили, по-разному проявляясь в разной социальной среде, сохраняют свои структурные и функциональные особенности, воспроизводят, актуализируют предпочитаемое для субъекта пространство деятельности (выбирая, изменяя и регулируя условия деятельности и среды, субъекты организуют и управляют этими условиями так, чтобы они оставались постоянными, типичными для представителей стиля, своего рода инвариантами их деятельности и поведения).

6. Воспроизводимость принципиальной организации (подобных структур) при развитии стиля, при вариативных его реорганизациях (изменении условий деятельности), при интеграции со стилями других субъектов (активных взаимодействиях с ними в процессах совместной деятельности), а также меры структурированности составляющих стиля (связей отдельных компонентов и подструктур) сопряжены с успешностью деятельности субъекта.

Литература

- Вяткин Б. А.* Роль темперамента в спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Вяткин Б. А.* Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во ПГУ, 2000.
- Волочков А. А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход. Пермь: ПГПУ, 2007.
- Додонов Б. И.* В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины, 1987.
- Дорфман Л. Я.* Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.
- Жданова С. Ю.* Психология познания индивидуальности человека. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология физического воспитания и спорта. Л., 1979.
- Ильин Е. П.* Психофизиология физического воспитания: Деятельность и состояния. М.: Просвещение, 1980.
- Ильин Е. П.* Психофизиология физического воспитания: Факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности. М.: Просвещение, 1983.
- Исмаилова А. Г.* Стиль педагогического общения в исследовании индивидуальности: полисистемный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Пермь, 2002.
- Климов Е. А.* Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопросы психологии. 1959. № 2. С. 66–76.
- Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1969.

- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Психологическое пространство и среда: соотношение феноменов и понятий // Экопсихологические исследования: Сборник материалов 5-й Российской конференции по экологической психологии. М., 2009. С. 9–27.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Психологическое и социально-психологическое пространство: понимание, виды и тенденции исследования // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 482–491.
- Мерлин В. С.* Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Мерлин В. С., Климов Е. А.* Формирование индивидуального стиля деятельности в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4. С. 110–118.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Ошанин Д. А.* К вопросу вариативности вспомогательного времени при работе на металлорежущих станках // Доклады АПН РСФСР. Т. 4. М.: Педагогика, 1957. С. 105–108.
- Самарин Ю. А.* Стиль умственной работы старшеклассников // Известия АПН. М.–Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. Вып. 17. С. 103–151.
- Толочек В. А.* Индивидуальный стиль деятельности: устойчивость и изменчивость // Вопросы психологии. 1987. № 4. С. 100–108.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М.: Измайлово, 1992.
- Толочек В. А.* Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000.
- Толочек В. А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Шукин М. Р.* Структура индивидуального стиля деятельности и условия формирования: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Новосибирск, 1994.
- Adler A.* Understanding Human Nature. N. Y.: Garden City Publ. Co., 1927.
- Allport G. W.* Personality: a psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937.
- Gardner R. W., Loherenz L. J., Shoen R. A.* Cognitive control of differentiation in perception of persons and objects // Percept. and Motor Skills. 1968. V. 26. № 1. P. 311–330.
- Kagan J., Moss H. A., Sigel I. E.* Psychological significance of styles of conceptualization // Child Development. 1963. V. 28. № 1. P. 73–112.
- Klein G. S., Gardner R. W., Schlesinger H. J.* Tolerance for unrealistic experience // British Journal of Psychology. 1962. V. 53. № 1. P. 41–55.

- Levin C., Lippett R., White R. K.* Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates // *Journal of Social Psychology*. 1939. V. 10. P. 271–301.
- Stagner R.* Individual Style. N. Y., 1962.
- Stern W.* Die differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen. Leipzig: Joh. Ambr. Barth, 1911.
- Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect // *Journal of Personality*. 1978. V. 46 (3). P. 474–505.
- Witkin H. A., Lewis H. B., Hertzman M., Machover K., Bretnall P. M., Wapner S.* Personality through perception. N. Y.: Harper, 1954.

РАЗДЕЛ 3

Понятия в прикладных отраслях психологии

Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы

А. В. Махнач

Анализ истории понятия «жизнеспособность человека» в психологии

Уже несколько десятилетий термин «жизнеспособность человека» используется в социологии, антропологии, психологии, педагогике, политологии, экономических и медицинских науках. Вместе с тем до сих пор нет единства в его понимании, а диапазон расхождений во мнениях о феноменологической сущности этого понятия достаточно широк. Концепция жизнеспособности человека становится метатеоретическим конструктом и регулярно встречается в исследованиях, в обсуждении международной и финансово-экономической политики, в анализе корпоративных рисков, в разработке национального, регионального и городского планирования, здравоохранения, национальной безопасности (Махнач, 2012). Психологи, нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системного свойства человека, стремятся ассимилировать результаты, полученные в разных науках.

Многообразие дефиниций этого понятия объясняется разнообразием парадигмальной приверженности авторов различным научным традициям. В каждом определении жизнеспособности выделяются разные феноменологические признаки и структурные элементы, факторы детерминации этих подструктур, что осложняет понимание сущности явления, поиск инструментария его изучения, выявление механизмов и закономерностей развития. Для осмысления

этого понятия необходимо всесторонне изучить предмет исследования в его феноменологической и пространственно-временной континуальности.

Понятие «жизнеспособность» (resilience) первоначально было разработано в физике материалов, затем появилось в биологии, философии, экологии, социальных науках. Основой системного подхода к исследованию жизнеспособности в 1960-х годах стали работы создателя и вдохновителя экономической кибернетики С. Бира, проведенные на основе теорий Н. Винера, У. Эшби, К. Шеннона, Дж. фон Неймана. Развитие модели жизнеспособной системы С. Бира (Viable System Model – VSM) позволяет анализировать существующие организационные структуры на предмет функциональной полноты, модифицировать их или синтезировать новые, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к их жизнеспособности и эффективности функционирования. Сейчас это направление развивается с привлечением теории систем, науки о сложности, аутопоэзиса, синергетики. Постепенно концепция жизнеспособности утверждается в качестве доминирующей в области управления системами, природными и человеческими ресурсами. Вместе с тем по-прежнему «наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем». Жизнеспособность стали рассматривать как «форму проявления активности и адаптивности системы» (Разумовский, Хазов, 1998).

В словарях для определения жизнеспособности применяются такие характеристики как: гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям), способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. В отечественной научной литературе этот термин переводится по-разному; мы же считаем, что английскому «resilience» в русском языке наиболее точно соответствует «жизнеспособность». Отечественные психологи и ученые из других социальных и гуманитарных дисциплин стали разрабатывать это понятие относительно недавно, и для подобных ситуаций П. Н. Шихирев высказывал следующее соображение: «Как обычно это бывает, после утверждения определенного термина (или категории) начинается борьба за его трактовку той или иной дисциплиной, а внутри нее – за преимущественное право интерпретации тем или иным направлением» (Шихирев, 2003, с. 17). Можно с уверенностью сказать, что отечественная психология проигрывает в этой «конкуренции» за термин многим наукам: социологии, философии, экономической и медицинской наукам. Например, в российской психологии только начинаются исследования жизнеспособнос-

ти в области психологии развития (Виленская, 2016; Королева, 2015; Куфтяк, 2014; Лактионова, 2017а; Сараева, 2017; Сергиенко, 2016а; Тарабрина, Харламенкова, 2016; Хазова, 2016). В 2003–2005 гг. в рамках международного проекта «Методологические и контекстуальные проблемы в исследовании детской и подростковой жизнеспособности» группой экспертов, в которую входили и российские участники (А. В. Махнач, А. И. Лактионова), был проведен анализ факторов риска и защитных факторов, оценена жизнеспособность подростков и молодых людей в 13 странах (Makhnach, Laktionova, 2005). В 2003 г. на совещании по этому проекту в Университете Далхузи (Галифакс, Канада) в нашем докладе «Challenges in researching resilience in Russia» впервые прозвучал и был обоснован перевод английского термина «resilience» на русский язык как «жизнеспособность». В настоящее время по теме жизнеспособности человека (семьи, общества, коллектива) благодаря кросс-культурным, когортным, лонгитюдным исследованиям накоплен большой объем данных, который стал достоянием психологической науки, не только зарубежной, но и российской.

С тех пор как психологи впервые обратили внимание на феномен жизнеспособности, прошло более четырех десятилетий (Masten, 2007), и это понятие содержательно менялось. Заметная эволюция понятия «жизнеспособность человека» происходит в психологии с 1960-х годов и продолжается в настоящее время. В исследовании жизнеспособности (преимущественно детей и подростков) и в операционализации этого феномена в психологии можно условно выделить 4 волны (Masten, Obradović, 2006). По нашему мнению, вследствие бурного развития исследований и обобщения значительного объема данных по лонгитюдным экспериментам, которые были осуществлены ранее, но системно осмыслены в первую декаду нового тысячелетия, уже настало время выделения пятой волны исследований жизнеспособности человека, обоснования которой мы приводим ниже. Итак, опишем пять волн исследования жизнеспособности человека:

Первая волна исследований была направлена на изучение защитных механизмов, которые предсказывают жизнеспособность, с попыткой понять, что смягчает влияние факторов риска на детей (E. J. Anthony, M. Bleuer, N. Garmezy, M. Rutter). В 1970-е годы в курсе детской психопатологии прозвучал термин «неуязвимый ребенок» (Garmezy, 1976), который стал ключевым для описания личностных и социальных изменений в жизни детей, подростков, находящихся в неблагоприятных условиях жизни.

Начиная с 1940–1950-х годов Н. Гармези изучал компетенции в жизни человека и строил прогноз его развития в связи с серьезны-

ми психическими заболеваниями. Позже в проекте «Компетентность» (Project Competence) в 1976–1977 гг. им и его коллегами исследовалось взаимовлияние родительской компетентности, неблагоприятных условий жизни и жизнеспособности детей. Авторы этого уникального проекта подтвердили значимость родительских компетенций для прогноза функционирования родителей и развития у детей неустойчивости как интегративного свойства, даже в случаях серьезных психических заболеваний родителей (Garmez, 1976; Garmez et al., 1984). Ими также были впервые описаны модели, методы, а также рабочие определения таких понятий, как «компетентность», «защитные факторы» и «жизнеспособность». Компетентности были описаны как многомерный конструкт, который представляется непрерывным и изменчивым с течением времени и выражается в *эффекте каскада*.

М. Раттер провел эпидемиологическое исследование детей, чьи родители имели психиатрические диагнозы, в ходе которого была доказана роль индивидуальных характеристик человека в формировании жизнеспособности. Отвечая на вопрос: почему многие из этих детей не имеют признаков психологического, социального неблагополучия, несмотря на наличие постоянного патологизирующего воздействия со стороны родителей, он установил, что индивидуальные особенности и школьная среда были важными защитными факторами, способствующими благополучию детей. М. Раттер обнаружил, что школьная среда усиливает мотивацию достижения у ребенка, способствует его личностному росту и улучшает качество социальных контактов (Rutter, 1985).

М. Блэйер связал проявления жизнеспособности ребенка с семейным контекстом, несмотря на слабость социальных, внутрисемейных условий для этого. Его известный эксперимент, в ходе которого он изучал 184 человека (от их детского возраста и до 40 лет) с родителями-шизофрениками и описал их функционирование в разных условиях: семьи, общения со сверстниками, родными (Bleuer, 1978). Будучи рожденными и воспитанными родителями-шизофрениками, эти дети испытывали неблагоприятное влияние семьи и соответствующего генетического фона как факторов риска в их жизни. Несмотря на это, большинство детей продемонстрировало способность жить «нормальной» или «почти нормальной» жизнью и менее 10% из них получили диагноз «шизофрения» во взрослом возрасте. Многие выросшие участники этого лонгитюда сообщили М. Блэйеру о том, что их семьи помогли им стать теми, кем они стали.

Наблюдения М. Блэйера наряду с подобными экспериментами Н. Гармези являются, пожалуй, одними из первых лонгитюдных исследований, в ходе которых была показана взаимосвязь социальных и семейных условий и рисков, с одной стороны, и жизнеспособности отдельных членов семьи — с другой. В своих работах М. Блэйер, будучи врачом-психиатром, отходит от медицинской модели дефицитарности, делая несвойственный для того времени акцент на ресурсах семьи и индивидуальных ресурсах (прямо так их не называя), дающих человеку возможность изменить свою жизнь, несмотря на неблагоприятные условия. Он предлагает своим пациентам не следовать предписанному сценарию — стать больными, такими же, как их родители, а парадоксально — искать ресурсы в семье, в общении со сверстниками, родными, т.е. стать активными субъектами изменений своей жизни. Эти ресурсы он рассматривает как условие, помогающее детям устоять, «отскочить», не разрушив себя, и развиваться, становясь жизнеспособными.

На этапе исследований жизнеспособности, относимых к первой волне, были описаны некоторые черты личности как защитные факторы. М. Раттер в 1979 г., а позже Н. Гармези с соавт. в 1984 г. описали три уровня защитных факторов — индивид, семья и сообщество (школа, сверстники и т.п.) (Garmezy et al., 1984; Rutter, 1979). Большое количество более поздних исследований в 1980-е годы были нацелены на изучение защитных факторов на этих трех уровнях, что способствовало развитию теоретических оснований жизнеспособности. Концептуализация понятия жизнеспособности происходила посредством выделения защитных факторов, формирующих компетентность родителей и в связи с этим — компетентность детей.

Вторая волна изучения жизнеспособности включает лонгитюдные эксперименты:

- Э. Вернер с соавт. на о. Кауаи, Гавайские острова в 1950—1980 гг. (Werner et al., 1971);
- Д. Фергюссона, Дж. Хорвуда с соавт. (Fergusson, Horwood, 1986; и др.) в проекте в г. Крайстчёрч, Новая Зеландия (Christchurch Health and Development Study, 1977 — по настоящее время);
- Рочестерского проекта (Rochester Child Resilience Project; RCRP) научным коллективом, возглавляемом Э. Коуэном (Cowen, Work, 1988);
- Л. А. Сроуфа с соавт. в *Миннесотском исследовании риска и адаптации: от рождения до взрослости* (The Minnesota study of risk

and adaptation from birth to adulthood, 1975 – по настоящее время) (Sroufe, 1997).

В первом исследовании этой волны – Э. Вернер с соавт. на протяжении сорока лет проводилось наблюдение за 697 респондентами, которые жили в неблагоприятных жизненных условиях: плохие перинатальные условия, бедность, нарушения в раннем развитии, психопатологические симптомы у родителей, ранний разрыв с семьей, нарушения в физическом, когнитивном и психосоциальном развитии. Исследование началось на острове Кауаи, Гавайи в 1954 г. группой педиатров, психологов, работников общественного здравоохранения, которые отслеживали пренатальные влияния на развитие детей, родившихся в 1955 г., до их совершеннолетия. Велось наблюдение и документирование хода всех беременностей и рождений детей в общине специалистами разного профиля. Они оценивали историю рождений детей в семье, физическое и эмоциональное состояние матери, собирали данные о материальных, интеллектуальных и эмоциональных аспектах семейной среды (Werner et al., 1971). К 18 годам примерно 2/3 юношей и девушек нельзя было назвать адаптированными к жизни, однако 1/3 молодых людей стали компетентными, уверенными в себе, со способностью «жить хорошо, работать хорошо, любить хорошо, ожидать хорошего» (Garmezy, 1983, p. 73). Позже Э. Вернер и ее сотрудники изменили направленность своих исследований, сфокусировав их на поиске корней жизнеспособности, базируясь на результатах научной работы двух десятилетий. Сопоставив жизнеспособных молодых людей и их сверстников, находившихся в зоне высокого риска и обладающих слабыми навыками совладания с серьезными проблемами жизни, они определили 15 основных защитных факторов, способствующих жизнеспособности. В их число вошли: быть первым в порядке рождения, высокий уровень активности, воспитание в заботе и ласке, отзывчивость, отсутствие вредных привычек, позитивная социальная направленность, автономия, развитые навыки самопомощи, сенсорно-моторные и перцептивные навыки, соответствующие возрасту, адекватные коммуникативные навыки, способность сосредоточить внимание и управлять импульсами, специальные интересы и хобби, положительная Я-концепция, внутренний локус контроля, желание совершенствовать себя.

Позже Э. Вернер и Р. Смит проанализировали данные 30-летних респондентов из этой же когорты. Одна из целей этого этапа состояла в изучении долгосрочного влияния защитных факторов, которые привели к наиболее успешным результатам у взрослых. Ученые

обнаружили дополнительные защитные факторы, формирующие жизнеспособность: уровень образования родителей, наличие заботливых взрослых за пределами дома, помогающие учителя в школе (Werner, Smith, 1992).

Эта волна исследований характеризовалась тем, что жизнеспособность человека рассматривалась как результат одновременно двух процессов: *разрушения* — вследствие воздействия факторов риска и *объединения* ресурсов человека и его ближайшего окружения для формирования в нем качеств жизнеспособности (Richardson, 2002). Концептуализация понятия «жизнеспособность человека» происходила в поиске факторов жизнеспособности в социальной среде, семье, индивидуальных особенностях человека и общественных институтах: морали, религии, государства.

Исследования *третьей волны* (Developmental assets..., 2003) были посвящены изучению групповых ресурсов, связанных с жизнеспособностью и оказывающих влияние на детей. На данном этапе анализ жизнеспособности стал проводиться на больших популяционных выборках с целью верификации данных, полученных в лонгитюдах второй волны исследований. Среди них, например, исследование П. Бенсона более чем на 350000 студентах в 600 университетских кампусах, опрошенных между 1990 и 1995 г. (Benson, 1997), в ходе которого было выделено сорок факторов, названных респондентами в числе особенно полезных для их работы в будущем и оптимальных для жизни. Эти характеристики были сгруппированы в две категории: внешние факторы (получить поддержку, знать и проявлять свои границы, конструктивно использовать время) и внутренние факторы (честность, ответственность, целостность, социальная компетентность, чувство собственного достоинства, внутренний локус контроля и способность решать проблемы). Факторы, являющиеся отправной точкой для определения того, какие из них приводят к позитивному развитию у молодых людей и к жизнеспособности, неоднократно изучались в различных условиях и контекстах: летних лагерях для молодежи, локальных программах развития в школах, местных общинных и религиозных организациях (Benson, 1997). В этих исследованиях были предложены психодиагностические средства для измерения таких понятий, как социальная поддержка, поддержка сверстниками, положительные ценности, стремление к обучению, социальные компетенции, позитивная идентичность.

Фокус третьей волны исследований сместился от поиска механизмов, которые помогают предотвращать риски, от изучения траектории развития ребенка, к тому, как наилучшим способом фор-

мировать ценные качества у ребенка и развивать их. Третья волна представляет собой пример постмодернистского и междисциплинарного взгляда на жизнеспособность, которая является силой, движущей человека к росту и развитию через невзгоды и различные неблагоприятные условия (Richardson, 2002). Концептуализация понятия «жизнеспособность» происходила в русле поиска психологических ресурсов личности, социальных ресурсов общества, сопоставления роли индивидуальных и социальных ресурсов.

Четвертая волна исследований демонстрирует необходимость понимания жизнеспособности как артефакта, как индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам психологического здоровья человека и здоровья социума в контексте культуры (Boyden, Mann, 2005). В концептуализации жизнеспособности в исследованиях этой волны внимание обращается, прежде всего, на такие важные для индивида понятия, как надежда, индивидуальный потенциал, ресурсы, а в рамках теории научения — на поведенческий потенциал. Термин «жизнеспособность» концептуализируется через понятия «надежда», «понимание себя», «поддерживающие отношения», «включение в социум», «совладающие механизмы» и «смысл жизни».

К выделяемой нами *пятой волне* изучения жизнеспособности человека мы относим исследования, проводимые преимущественно в русле экологического подхода Ю. Бронфенбреннера. Особенностью этой волны является интерес к изучению социального и природного контекстов и их существенное расширение, в этих контекстах формируется, развивается и проявляется жизнеспособность человека. К ним мы относим: значительные политические, социальные и экономические трансформации общества и вызванные ими социальная нестабильность ряда регионов мира; драматические изменения на уровне государственного устройства (Йемен, Сирия, Украина) и связанные с ними изменения в этнокультурных условиях жизни ряда народов (миграция, войны); неблагоприятные природно-климатические влияния на огромных территориях (ураганы, землетрясения, наводнения). «Еще одним фактором, усиливающим воздействие этих изменений, является глобализация — черта нашего времени» (Дикая, 2012, с. 5). Целью многих исследований становятся не только традиционные контексты влияния микрофакторов (семья, соседи, микросоциум, сверстники и их субкультура, институты воспитания) и мезофакторов (СМИ, социальные сети, сообщества, *локальные* географические, природно-климатические, экономические, демографические, культурные условия), но и заметно влияющие на жизнеспособность общества макрофакторы (природа, климат, экономика,

демография, культура), действие которых становится все более глобальным. Эти макрофакторы риска и защиты, влияющие на большие группы, были признаны важным условием жизнеспособности. В результате заметно увеличилось число исследований, проводимых на коллективах, жителях городов, государств. На этом этапе исследований жизнеспособности стали учитываться масштаб самих факторов риска и защиты и, соответственно, сила их влияния. В современных работах на метауровне ретроспективно рассматриваются макрофакторы риска, оказавшие заметное влияние на несколько поколений, рожденных после значимых мировых событий. Например, жизнеспособность жертв прошлого (Холокоста, религиозных войн, освоения европейцами новых земель Северной и Южной Америки, других территорий) стала предметом метаанализа рядом ученых (Жизнеспособность..., 2016, с. 129–143; 662–675). Другими словами, появление нового для психологии понятия «жизнеспособность человека» способствовало появлению метаанализа и когортных исследований, в которых были рассмотрены уже известные события и психологические феномены, выявленные ранее на многочисленных выборках. Для проведения значительных по объему исследований стал необходим анализ больших данных (big data) и последствий для изучаемого феномена.

Концептуализация понятия жизнеспособности человека в исследованиях *пятой волны* происходит в рамках экологического подхода через изучение влияния макрофакторов риска и защиты (макроресурсов общества) и вызванных ими значительных изменений в социальных характеристиках и структуре общества.

Таким образом, на разных исторических этапах изучения жизнеспособности исследователями в качестве системообразующего фактора рассматривался баланс между различными факторами риска и защитными факторами или — как в современных исследованиях — соотношение социальных, семейных и культурных контекстов, ресурса человека. Важно отметить, что во многих исследованиях системный характер жизнеспособности человека не подчеркивается, выделяются лишь те или иные частные признаки этого психического образования. Другими словами, жизнеспособность человека чаще описывается в рамках структурного подхода как некая дихотомия, например: устойчивость—неустойчивость, хороший—плохой результат, воздействие—отсутствие воздействия.

Модели первых этапов изучения жизнеспособности во многом определялись полученными эмпирическими данными, поэтому большинство моделей начального этапа исследований этого фено-

мена можно назвать *феноменологическими*. В феноменологические модели жизнеспособности, прежде всего, включался некий перечень наблюдаемых явлений, отталкиваясь от которого вероятно строились основания для прогнозирования развития жизнеспособности человека. Очень часто специалисты не стремились найти и объяснить причины, вызывающие появление этого интегративного качества у ребенка или подростка. Особенно это касается результатов первых лонгитюдов, когда исследователи занимались наблюдением и фиксацией феноменов жизнеспособности.

Жизнеспособность человека (чаще всего ребенка, подростка) преимущественно изучалась как способность противостоять неблагоприятному воздействию ситуации — отсюда понятие «неуязвимый ребенок». Такой подход к оценке способностей может быть соотнесен с медицинской моделью исследования. Способность ребенка противостоять неблагоприятному рассматривалась как его индивидуально-личностная характеристика. Не случайно во многих исследованиях жизнеспособность называлась чертой личности, что нередко встречается и в современных работах. В рамках психосоциальной модели (модели здоровья) последующие волны изучения жизнеспособности нацелены на анализ реализации полноты жизни (Махнач, 2013).

Подходы к изучению жизнеспособности человека

В современных исследованиях жизнеспособности человека были выработаны методологические подходы к созданию моделей этого феномена. Все существующие на сегодняшний день модели жизнеспособности опираются на экспериментальные данные ранее осуществленных лонгитюдных исследований, но налицо тенденция к созданию системно ориентированных моделей. В зарубежной психологии среди множества разных подходов, на базе которых развиваются исследования жизнеспособности человека, ученые наиболее часто обращаются к социокультурному (экологическому) подходу Ю. Бронфенбреннера, теории салютогенеза А. Антоновского, теории социального научения и др. В отечественной психологии — к культурно-исторической концепции психического развития Л. С. Выготского, междисциплинарному подходу к проблемам человека Б. Г. Ананьева. Остановимся на наиболее важных для нашего понимания истоках изучения жизнеспособности человека, теоретическая база которых составила основу наших исследований.

Социокультурный (экологический) подход Ю. Бронфенбреннера в исследовании жизнеспособности человека — это экологическая модель

оценки человека, семьи или общества, сравнимая с системными теориями в психологии. В каждом из контекстов этой модели представлены и исследуется соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия факторов различной природы и в конечном итоге – его жизнеспособности.

Культурно-историческая концепция психического развития Л. С. Выготского может выступать основой для исследования жизнеспособности ребенка. По мнению Э. Мастен, Р. Дистефано, системный подход к жизнеспособности резонирует с идеями Ю. Бронфенбреннера и Л. С. Выготского о важности для развития человека взаимодействия с другими системами (Жизнеспособность..., 2016, с. 33). Говоря о роли Л. С. Выготского в теоретическом обосновании современных исследований жизнеспособности, необходимо обратиться к пониманию им способа формирования высших психических функций ребенка, которые «строятся первоначально как внешние формы поведения ... являются социальным способом поведения, примененным к самому себе» (Выготский, 1984, с. 71), что особенно важно для изучения влияния на ребенка социальной среды как внешнего ресурса жизнеспособности.

В *междисциплинарном подходе к индивидуальному развитию Б. Г. Ананьева* жизнеспособность человека рассматривается как потенциальный предмет исследования. Среди факторов жизнеспособности (так их называют сейчас) он выделял силу нервных процессов индивида, наличие поддержки, моральной помощи, соучастия и сочувствия других людей, солидарности группы. По его мнению, важно дифференцировать способности человека и выделять в их числе жизнеспособность (Ананьев, 2001, с. 271).

Описанные выше теоретические основания для исследования жизнеспособности человека представляют разные научные школы и направления. Предлагаемые авторами подходы, модели изучения жизнеспособности, как правило, включают выделение состава, структуры, признаков, которые связываются с разными факторами их детерминации. В последнее время исследователи делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности: разрабатывается, например, четырехконтекстная экологическая модель (Лактионова, 2013, 2015, 2017а; Лактионова, Махнач, 2007, 2010, 2015; Махнач, 2013; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2014; Махнач, Лактионова, Унгар, 2007; Makhnach, 2017; Ungar et al., 2005) в которой представлено соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия «социально токсичного окружения» (Дж. Гарбарино). В этой модели соотнесены экологическая

перспектива для оценки жизнеспособности человека, теоретические постулаты экологического подхода Ю. Бронфенбреннера, теория четырех контекстов/паттернов жизнеспособности Л. Полк, междисциплинарный подход к индивидуальному развитию жизнеспособности Б. Г. Ананьева.

Эти теоретические разработки легли в основу разрабатываемого нами компонентного подхода к исследованию жизнеспособности человека и семьи (Махнач, 2014, 2016). Предлагаемая нами модель позволяет описать процесс формирования жизнеспособности человека, определить перспективу возможного развития этого качества, предсказать новую траекторию развития в случаях изменений (стресс, экстраординарное событие и т. п.). Наша модель разработана для целей постановки и решения задач теоретического изучения феномена жизнеспособности человека, являясь парадигмальным обобщением компонентов ее структуры. Она представляет собой системно ориентированные взаимосвязи уровней развития человека и включает структуру, собственно взаимосвязи, некоторые структурные элементы жизнеспособности человека.

По нашему мнению, существо модели должно оставаться неизменным, к нему мы относим уровни и обязательные между ними взаимосвязи, но количество и особенно качество этих связей динамичны. Динамика количества и качества связей в модели напрямую зависит от многих внешних контекстов — условий, факторов среды и особенностей человека, начиная от психофизиологических данных до социально-психологических характеристик личности, ее мировоззренческой направленности.

В исследованиях жизнеспособности последних лет отражены идеи социальной модели, реализованной в четырехконтекстной экологической модели жизнеспособности М. Унгара с соавт. (Ungar et al., 2005):

- *черты личности и индивидуальные характеристики*, в том числе личностные характеристики подростка, индивидуальные особенности, личностные установки, отношение к будущей профессии;
- *отношения*, включающие характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, оценку их конфликтности (теплоты), отношение к родительской заботе;
- *общество и государство*, включающие оценку отношения к школе, возможности получить образование, варианты проведения досуга, ощущение безопасности в стране;

- *культура*, ее принятие/отторжение, отношение к неформальным молодежным движениям.

Каждый из этих контекстов, по мнению экспертов международного проекта (в котором принимал участие автор данной статьи), в большой степени характеризует жизнеспособность детей и подростков. В этой модели, в первую очередь, обращалось внимание на социально-психологические и личностные характеристики экологии человека.

В настоящее время в основу разрабатываемого нами компонентного подхода к исследованию жизнеспособности была положена идея выделения наиболее важных свойств и характеристик человека, формирующих его жизнеспособность — представления, восприятие и оценки им следующих параметров: своего социального окружения; широкого культурного контекста, его экологии в целом (Махнач, 2016).

Обобщив данные исследований, посвященных изучению компонентов жизнеспособности человека, мы пришли к выводу о том, что жизнеспособность человека может быть описана в основном шестью взаимосвязанными *компонентами*:

- 1) способность к контролю над собственным функционированием, которая выражается в самоэффективности субъекта;
- 2) способность к проявлению упорства, живучести, самодисциплины, выражающаяся в настойчивости человека;
- 3) способность к управлению потребностями в неблагоприятных условиях и приспособлению к ним выражается в принятых им стратегиях совладания и адаптивности;
- 4) способность влиять на окружение и ход жизни в будущем, проявляющаяся в выраженном внутреннем локусе контроля;
- 5) мировоззренческая направленность, которая выражается в устремленности человека к духовному развитию, нравственному поведению;
- 6) способность к выстраиванию взаимоотношений, проявляется в умении человека выстраивать социальные и семейные отношения.

Пять первых компонентов детерминированы внутренним контекстом, последний из компонентов — внешним контекстом. В связи с этим *жизнеспособность человека* мы определяем как психическое образование, проявляющееся в его способности управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-

волевой, когнитивной сферами, в условиях социокультурных норм и средовых влияний. Жизнеспособность — это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств и событий, не только к восстановлению, но и к выходу на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы. Жизнеспособность — это способность к жизни во всех ее проявлениях, способность не только существовать, адаптироваться к условиям жизни, но и развиваться вопреки неблагоприятному внешнему влиянию.

Очевидно, что в понятийном поле термина «жизнеспособность человека» существует целый ряд определений. Это понятие включает в себя способность рационально планировать и эффективно, успешно совершать действия в определенных условиях, развиваться. Обобщая множество трактовок, отметим, что их объединяют различные определения способности человека жить: существуя, совладея, выживая и развиваясь — самостоятельно, в семье, в другой малой группе, в обществе. Соответственно, жизнеспособность — это способность на протяжении длительного времени сохранять важные свойства личности, а в краткосрочной перспективе — сохранять менее важные, но более актуальные здесь и сейчас (Лактионова, 2017а, б; Махнач, 2016).

Все вышеперечисленные контексты: личностные характеристики, социально-психологические переменные внешнего контекста (культура, социальная поддержка, вера, образование и пр.) совместно формируют и поддерживают жизнеспособность человека. Семейные ресурсы складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи и ресурсов, которые присущи семье как системе, составляя жизнеспособность человека и семьи в целом. Очевидно, что для понимания сущности явления жизнеспособности человека и семьи необходимы данные о механизмах и закономерностях формирования и развития этой интегративной характеристики. Для дальнейшего исследования этого феномена наряду с разработкой модели необходимо продолжить изучение теоретических подходов, положенных в основание модели жизнеспособности человека.

Сопоставление понятия «жизнеспособность человека» с близкими понятиями

Появление нового для науки понятия всегда предполагает соотнесение его с уже существующими, особенно в тех случаях, когда новый термин близок или созвучен уже используемым.

Формат статьи не позволяет провести это сопоставление в полной мере, тем не менее несколько слов следует сказать о связанных с понятием «жизнеспособность» близких терминах. Концептуально некоторые из них одного с жизнеспособностью семантического поля (сила духа, ресурсы человека) оформились в позитивной психологии в конце 1990-х годов благодаря М. Селигману и его идеи о выученном оптимизме и подлинном счастье (Селигман, 2006). Исследования показали, что ощущение силы в себе увеличивает целеустремленность, надежду (С. А. Богомаз, С. Ваништендаль, С. А. Хазова, С. Panter-Brick, V. Eggerman и др.), альтруизм, придает уверенность в себе (П. В. Андреев, Л. И. Анцыферова, Т. Н. Березина, Л. З. Левит, А. В. Юревич, Т. D. Hodges, D. O. Clifton, Н. Ghazal, R. Lemay, A. Malik и др.), расширяет права и возможности (С. Cowger) способствует повышению качества жизни (Г. М. Головина, Г. М. Зараковский, И. Е. Куприянова, К. Муздыбаев, В. А. Непомнящая, Е. И. Рассказова, В. Б. Рябов, И. Б. Ушаков, В. А. Хашенко, С. Keyes, S. Lopez и др.) и социальной адаптивности человека (В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко, А. А. Пеан, D. S. Charney, D. Cicchetti, D. Fergusson, M. D. Glantz, Z. Sloboda и др.).

В литературе описывается роль кризиса в жизни человека и подчеркивается важность здоровой личности для повышения положительной адаптации (В. И. Медведев, С. Т. Посохова, А. Antonovsky, D. Cicchetti, S. Luthar). Эти исследования позволили перейти к формальным измерениям различных аспектов силы духа человека, его психологических ресурсов (Р. М. Грановская, Л. Г. Дикая, И. А. Джидарьян, И. М. Никольская, Ю. В. Постылякова, В. А. Толочек, В. В. Beaver, S. L. Foster, R. J. Lloyd, M. Seligman). Некоторые ученые (Р. А. Linley, С. R. Snyder и др.) считают, что сам факт отсутствия патологии не указывает на жизнеспособность человека, и у вполне здорового человека также необходимо проводить оценку его сильных сторон. Осуществленный уже несколько десятилетий назад теоретический, эмпирический и антропологический сдвиг (по К. Ранеру) парадигмы исследований от болезни к здоровью, от уязвимости к совладанию, от дефицита к ресурсу и в конечном итоге — к жизнеспособности человека не остается незамеченным. Количество исследований, отраженных в научной литературе в рамках этой парадигмы, возрастает.

Следует отметить, что в исследованиях сильных сторон человека используются разные понятия: позитивный аффект (В. Beaver, С. Benetti, N. Kambouropoulos), посттравматическое развитие/рост (К. И. Воробьева, М. Ш. Магомед-Эминов, L. G. Calhoun, R. G. Те-

deschi), удовлетворенность жизнью (S. Heubner, R. Gilman), психологический капитал (Дж. Коулман, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, А. И. Юрьев, J. Avey, J. Bartkowski, F. Luthans, X. Xu и др.), личностный потенциал (Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, U. Staudinger и др.), ресурсный потенциал (Ю. В. Постылякова); психофизиологический потенциал (Г. М. Зараковский, В. И. Медведев), проактивное совладание (Е. С. Старченкова, E. R. Greenglass). В связи с этим А. Л. Журавлев и А. В. Юревич отмечают: «Нетрадиционные понятия психологической науки, такие как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни, цель жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему понятий, все же прописывается определенный вектор детерминации этих феноменов» (Журавлев, Юревич, 2014, с. 14). По всей видимости, в подобных случаях следует говорить о сетевом принципе организации категорий (Т. Д. Марцинковская). С учетом того, что перечисленные выше понятия родом из разных наук и принадлежат разным школам, согласимся с Е. А. Сергиенко, отметившей, что сама попытка анализа заставляет перейти от поверхностного уровня сравнения парадигмального аппарата к содержательному и глубокому, что позволит снять целый ряд разногласий и будет способствовать наведению мостов (Сергиенко, 2016б). Соотношение указанных терминов с понятием «жизнеспособность человека» проанализировано в ряде работ (Жизнеспособность..., 2016, с. 71–87, 483–496, 462–482; Лактионова, 2017б; Махнач, 2016; Рыльская, 2014; и др.).

В понятийном поле, на котором очевидны пересечения и даже контаминации, смысловое содержание одного термина, например, «жизнестойкость» приписывается другому – «жизнеспособность». Несмотря на сложность и неоднозначность места термина «жизнеспособность человека» в понятийном поле близких по смыслу терминов, исследования этого феномена являются частью процесса научного изучения сильных сторон человека и во многом носят объединяющий эти исследования характер.

Потенциал понятия «жизнеспособность человека» в современной психологии

Обратим внимание на современные тенденции в изучении жизнеспособности человека, относимые нами к пятой волне. Методологические стратегии изучения жизнеспособности на современном этапе

должны учитывать эволюцию и трансформацию парадигм, возрастающее влияние в научном анализе роли факторов культуры и «антропологического поворота» в философии, поворота к субъекту по К. Ратнеру. Современные работы нацелены на изучение жизнеспособности больших групп населения из иных культур, мигрирующих из Африки и Ближнего Востока в Европу, в нашей стране — трудовых мигрантов из республик Средней Азии. Особенностью этой эмиграции является очень заметное отличие страны приема от тех стран, в которые эмигранты стремятся попасть. Преимущественно молодые по возрасту переселенцы прибывают в Европу и в Россию из обществ постфигуративного типа, в «которых старшие поколения являются образцом поведения для молодых с сохранением всех традиций, присущих данному племени, обществу» (Мид, 1988, с. 322–323). Важным в этом плане является тот факт, что они собираются жить и работать в обществах кофигуративного типа, в которых сформирована абсолютно иная модель жизни общества. Эмигранты оказываются в странах приема с иными для них типами общественного и социального устройства, а местное население не собирается изменять свои устои. Эти особенности поведения как местного населения, так и эмигрантов не может не вызывать интереса исследователей.

Современные исследования жизнеспособности расширены до изучения макропсихологических факторов региональной экономической жизнеспособности во времена экономического кризиса (Obschonka et al., 2016). В исследования вовлекаются большие группы, выделенные в зависимости от социально-демографического состава, географических и экологических условий жизнедеятельности, доступа к технологиям, обеспеченности экономическими ресурсами, профессиональной принадлежности и т. п. Современный этап исследований жизнеспособности характеризуется использованием метаанализа накопленных данных, свидетельствующих о том, что полученный во многих исследованиях и на разных методологических основаниях материал нуждается в метааналитическом подходе (Helmreich et al., 2017). Метаанализ феноменов жизнеспособности дает объем полученным данным и важную для этого термина глубину интерпретации.

Развитие психологии как науки закономерно приводит к появлению понятий, которые являются во многом зонтичными с широким интерпретационным полем. Жизнеспособность можно рассматривать как «зонтичный» термин для психологических ресурсов, которые имеют решающее значение для человека. В таком понимании термин становится еще более обобщающим и менее формализованным,

что, несомненно, увеличивает сложность сопоставления результатов различных исследований, поскольку налицо отсутствие согласованности по всему понятийному полю. При этом важно помнить, что концептуализация понятия «жизнеспособность» является сложным процессом, протекающим в настоящее время в различных теоретических подходах. Трансформация содержания концепта от неустойчивости и совладания с неблагоприятным к описанию системных характеристик, таких, как ресурсы, потенциал и др., отражает закономерную динамику в концептуализации понятия, а также изменение в акцентах научного интереса к этому феномену.

Новым в исследованиях феноменов позитивной психологии являются попытки придумать термин, который стал бы еще более широким и включал в себя многие из существующих сейчас понятий. Например, Н. Талеб создает новый термин «антихрупкость» — «это больше чем жизнеспособность или надежность. Быть жизнеспособным означает сопротивляться ударам и оставаться неизменным. Антихрупкость позволяет стать лучше» (Taleb, 2012, р. 3.); с таким определением трудно согласиться. Насколько этот термин захватывает все феномены позитивной психологии — вопрос открытый.

Также появилась потребность в гибких методологических стратегиях и методах исследования жизнеспособности, что позволит произвести охват большего числа феноменов и объяснить их суть в нескольких контекстах одновременно — для чего и необходимо системное мышление. Системное мышление или «сложное мышление», по Э. Морену, не предполагает разделения знаний на обособленные дисциплинарные области, но открывает в знании новый смысл, когда возводятся мосты между различными областями дисциплинарного знания. Особенностью новых методологий следующего этапа изучения жизнеспособности является отсутствие метода в его классическом понимании: «Продвижение вперед без дороги, прокладывание дороги в процессе движения по ней» (Морен, 2005, с. 44). «Системное мышление» — это контекстуальное мышление, и поскольку объяснение событий и явлений в их контексте означает объяснение на языке окружающей среды, то можно сказать, что все системное мышление — это философия окружающей среды (Капра, 2003).

В исследованиях жизнеспособности человека наблюдается переход от жестких принципов к гибким методологическим стратегиям, способным следовать потоку изменений, взаимодействий и саморазвития предмета изучения, включая новые факты и случайности. С этим связана общая тенденция в современной науке: «Такие характеристики современности, как транзитивность, текучесть, сложность

и разнообразие, обусловили поиск новых исследовательских стратегий, где переплетение разных сфер жизни сопровождается проницаемостью дисциплинарных границ» (Гусельцева, 2016, с. 38). Отсюда закономерно появление полипарадигмальности в исследовании жизнеспособности человека, о которой ранее говорили философы и кибернетики. Полипарадигмальность становится исследовательской методологией, в том числе для психологической науки, в рамках которой осуществляется целостное рассмотрение изучаемых процессов и явлений. Полипарадигмальность предполагает в исследовательской парадигме: изучение человека как цельного объекта; совмещение различных теоретических подходов как в области одной науки — психологии, так и в смежных с ней: социологии, педагогике, физиологии, экономике, философии и истории; разработка модели с учетом данных, полученных в разных науках (Лактионова, 2017а; Махнач, 2016).

Жизнеспособность человека была и остается предметом исследования в ряде социальных и гуманитарных наук, в полипарадигмальности изучения этого феномена сокрыт его недооцененный и неизученный учеными потенциал. Отсюда — попытки разработки теории жизнеспособности с учетом данных, полученных в смежных областях науки, сопоставление данных из разных наук (психопатологии развития, социальной психологии, социологии, экологии), появление и уточнение понятий, в основе которых лежит изучаемый нами феномен, например: социальная и экологическая жизнеспособность (W. N. Adger), жизнеспособность общества (G. C. Gallopín), жизнеспособность в инженерии (E. Hollnagel, D. Woods), жизнеспособность города (А. А. Муратова), жизнеспособность государства (С. Fjäder). В каждое из этих междисциплинарных понятий включен психологический термин «жизнеспособность человека», который все еще остается малоизученным.

По всей видимости, на данном этапе исследований феномена жизнеспособности человека концептуализация этого понятия только начата. Постепенное расширение концептуального поля термина от жизнеспособности ребенка, выживающего в условиях военного времени, до жизнеспособности народа или государства есть необходимый процесс возникновения, развития и, в конечном итоге, концептуализации термина. В каком-то смысле междисциплинарность и полипарадигмальность этого концепта помогает сформировать новые понятия в каждой из областей знания, осмыслить полученную в этих областях информацию, что приведет к концептуализации термина «жизнеспособность» в психологии.

Несомненно перспективной и интересной для психологии является тема жизнеспособности человека, живущего и работающего в условиях воздействия неблагоприятных факторов среды – социального или природного генеза. Очевидно, что особого внимания требуют специалисты, в профессиональной деятельности которых их жизнеспособность является критически необходимой характеристикой. Традиционные для отечественной психологии работы по изучению адаптивности человека к разным условиям жизнедеятельности следует продолжить изучением не только факторов риска и совладания, как было в работах по адаптации, но и факторов развития человека, защиты его жизнеспособности. Особенно это важно для таких видов и условий жизнедеятельности человека, как оказание социальной помощи уязвимым группам (дети-сироты и замещающие семьи, матери-одиночки, семьи с больными детьми, одинокие люди преклонного возраста и т. п.); проживание человека в экстремальных социальных, природных условиях; профессиональная деятельность в сложных профессиях; потеря профессии и/или работы.

Отрадно отметить, что уже появляются работы с результатами исследований жизнеспособности человека в описанных выше условиях, например, изучение жизнеспособности специалистов помогающих профессий (Лютарева, 2016; Плющева, 2017), молодежи, проживающей в экологически неблагополучных условиях (Сараева, 2017; Суханов, 2017), специалистов, работающих с инвалидами (Моздокова, 2017), профессиональных групп, повседневная деятельность которых включает экстремальный компонент (Котовская, 2017), кандидатов в замещающие родители (Лактионова, 2016; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Постылякова, 2016; Makhnach, 2017), родителей, воспитывающих больных детей (Нестерова, 2015), социальное и когнитивное развитие детей (Маховская, Марченко, 2017), подростков, испытывающих неблагоприятные влияния социума (Лактионова, 2015) и с отклонениями в развитии (Королева, 2015; Куфтяк, 2014; Лактионова, 2017а; Паатова, 2016; Шубникова, 2016).

Современные исследования специалистов военных профессий, спасателей, часто находящихся под влиянием факторов риска, также обеспечивают понимание феномена жизнеспособности профессионалов в междисциплинарных исследованиях (Л. Ю. Гореховатский, В. А. Пономаренко, G. A. Bonano, E. Clipp, G. Elder, D. W. King, J. E. C. Lee, D. R. McCreary, K. A. Sudom, и др.). В этих работах были выявлены характеристики, которые особенно связаны с жизнеспособностью человека в ситуациях высокого напряжения эмоций и физических сил, что происходит на военной службе, в бою, у пожарных,

спасателей. Будущие исследования этих групп профессионалов (особенно с учетом их специализированной подготовки и опыта участия в военных действиях) могут быть направлены на верификацию теории жизнеспособности. Кроме того, дальнейшее изучение жизнеспособных военнослужащих может уточнить знания о механизмах, которые приводят к восстановлению после переживания травматического опыта участия в военных действиях, и, таким образом, углубить разработку моделей и теории жизнеспособности человека. Исследования жизнеспособности военнослужащих могут способствовать дальнейшей проверке условий отказоустойчивости в стрессогенных ситуациях, а также уточнить представления о различиях между группами военных специалистов и обычных людей, переживающих сильный стресс.

Еще одно из ведущих и бурно развивающихся направлений изучения жизнеспособности профессионала связано с темой лидерства в организациях. Лидерство при этом определяется как ключевое понятие для повышения уровня жизнеспособности команды (S. W. Kozlowski, D. Ilgen). В работах делается акцент на выделении конкретных характеристик жизнеспособности персонала, но тема повышения жизнеспособности организации и ее сотрудников через обучение навыкам лидерства остается на периферии научного интереса. Внимание к жизнеспособности профессионала становится особенно важным в связи с появлением новых форм организаций, таких как сетевые и виртуальные, что оказывает сильное влияние на лидерство в командах. Природа и характеристики новых форм организаций требуют обмена руководящими ролями внутри компании и организации деятельности между равными членами команды (Van der Kleij et al., 2011).

Говоря о *жизнеспособности семьи* как быстро развивающейся области исследования мы отмечаем факт появления нового понятия в психологии семьи и смежных с ней областях науки, что также привело к возникновению его разных определений. Во многом термин «жизнеспособность семьи» еще не концептуализирован, его понятийное поле по-прежнему не является четко очерченным и на сегодняшний день исследователи этой темы в основном занимаются сбором и анализом феноменов, связанных с этим понятием (Махнач, 2016). Актуальность и востребованность исследований жизнеспособности семьи выражается в значительном увеличении числа публикаций по этой теме. Отчасти по причине сложности концептуализации понятия «жизнеспособность семьи» в ряде исследований эта интегративная характеристика объясняется через три категории факто-

ров, объединяющих несколько переменных, а именно позитивные индивидуальные факторы, факторы семейной поддержки и факторы благоприятных условий вне семьи. Благодаря библиометрическому анализу, проведенному К. Б. Зуевым, мы можем проследить динамику интереса к теме «жизнеспособность семьи». Впервые как отдельное словосочетание «жизнеспособность семьи» появляется в базе WoS в 1991 г., но выраженный рост частоты его упоминаний начинается с 2011 г., когда было опубликовано 17 публикаций. В 2012 и 2013 гг. вышло 25 и 26 статей соответственно, в 2014 – 32, в 2015 – 44, в 2016 – 48, в 2017 г. уже индексируется 23 статьи. Практически такие же результаты получаются при аналогичном поиске в базе Scopus: 2014 год – 21 статья, 2015 – 33, 2016 – 45, в 2017 г. – 32 статьи (Зуев, 2018).

В наших исследованиях проводится также анализ жизнеспособности замещающих семей, принципы развития жизнеспособности детей-сирот в замещающих семьях и выпускников интернатных учреждений. В ряде работ анализируется психологическая работа с замещающей семьей и приемными детьми, которая должна проводиться в контексте развития жизнеспособности замещающей семьи. Представленные нами данные эмпирического исследования жизнеспособности замещающих родителей позволили изучить специфику этой группы, выраженность компонентов их жизнеспособности и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами и психопатологической симптоматикой (Лактионова, Махнач, 2015; Махнач, 2013, 2015; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Проблема сиротства..., 2015; Семья, брак..., 2015; Makhnach, 2017).

Таким образом, разработка понятий «жизнеспособность человека», «жизнеспособность семьи», объединяющих ряд терминов, часто близких по содержанию, должна привести к построению взаимосвязей между внешними и внутренними факторами, воздействующими на человека и семью, к определению структуры их жизнеспособности и к выделению на основе этого ее системообразующего фактора. Усилия психологов, исследователей и практиков, должны привести к пониманию жизнеспособности как системной характеристики человека и семьи. Концептуализация и операционализация сравнительно нового для отечественной науки термина, определение его понятийного поля является важным этапом дальнейших исследований в междисциплинарном пространстве с наведением «междисциплинарных мостов» (Е. А. Сергиенко) – в том числе и работы с инструментарием для эмпирического исследования жизнеспособности человека и семьи.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Виленская Г. А.* Роль контроля поведения в развитии жизнеспособности детей раннего возраста // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 265–280.
- Выготский Л. С.* Анализ знаковых операций ребенка // Л. С. Выготский. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика. 1984. С. 60–75.
- Гусельцева М. С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // *Принцип развития в современной психологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
- Дикая Л. Г.* Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33. № 2. С. 5–22.
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Зуев К. Б.* Библиометрический анализ современных исследований жизнеспособности семьи // *Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2018. № 1. С. 99–102.
- Капра Ф.* Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: ИД «София», 2003.
- Королева Ю. А.* Социально-психологическая компетентность и жизнеспособность лиц с отклонениями в развитии: факторный анализ // *Специальное образование*. 2015. № 4. С. 43–51.
- Котовская С. В.* Субъектно-личностные детерминанты жизнеспособности профессионала // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2017. Т. 2. № 2. С. 125–138.
- Курфяк Е. В.* Жизнеспособность семьи: теория и практика // *Медицинская психология в России*. 2014. № 5 (28). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer09.php (дата обращения: 12.11.2017).
- Лактионова А. И.* Особенности жизнеспособности и социальной адаптации подростков // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2013. № 2 (38). С. 107–115.
- Лактионова А. И.* Влияние образовательной среды на развитие социальной адаптации и жизнеспособности старшеклассников // Со-

- циальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 24–32.
- Лактионова А. И.* Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 254–271.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017а.
- Лактионова А. И.* Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017б. Т. 2. № 4. С. 106–133.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков // Ребенок в современном обществе. Сборник научных статей. М.: МГППУ, 2007. С. 184–191.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 459–477.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 193–223.
- Лотарева Т. Ю.* Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 99–116.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В.* Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 46–53.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Махнач А. В.* Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 249–264.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Унгар М.* Жизнеспособность подростка: международное исследование // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. Материалы 1 междунар. научно-практической конф. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 29–32.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Влияние образовательных медиа на развитие и жизнеспособность детей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 201–224.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Моздокова Ю. С.* Развитие жизнеспособности у работников культуры в процессе их профессиональной коммуникации с инвалидами // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 105–124.
- Морен Э.* Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Нестерова А. А.* Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–273.
- Паатова М. Э.* Социально-педагогическая реабилитация системных нарушений жизнеспособности девиантных подростков // Педагогика. 2016. № 5. С. 48 — 54.
- Плющева О. А.* Жизнеспособность специалиста в контексте профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 155–183.
- Постылякова Ю. В.* Повышение ресурсности и жизнеспособности кандидатов в замещающие родители в ходе обучения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 272–283.
- Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Разумовский О. С., Хазов М. Ю. Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 1. С. 3–7.
- Рыльская Е. А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–58.
- Сараева Н. М. Жизнеспособность юношеского населения в регионе экологического неблагополучия по показателям психологической адаптации // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Психология. 2017. Т. 21. С. 87–98.
- Селигман М. Э. П. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А. В. Махнач, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Сергиенко Е. А. Контроль поведения как индивидуальный ресурс жизнеспособности человека // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 247–264.
- Сергиенко Е. А. Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016б. Т. 9. № 48. Ст. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.10.2017).
- Суханов А. А. Психологическая адаптация и жизнеспособность школьников, проживающих на экологически неблагополучной территории // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56–7. С. 331–342.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е. Посттравматический стресс и совладающее поведение в период средней и поздней взрослости // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 291–305.
- Хазова С. А. Ментальные ресурсы и жизнеспособность субъекта // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 306–320.
- Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–32.
- Шубникова Е. Г. Изучение взаимосвязи жизнеспособности и моделей совладающего поведения подростков в педагогической профилактике зависимостей // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Междунар. науч. конф.

- T. 2. Кострома: КГУ, 2016. С. 262–265.
- Benson P. L.* All kids are our kids. Minneapolis: Search Institute, 1997.
- Bleuer M.* The schizophrenic disorders: Long term patient and family studies. New Haven: Yale University Press, 1978.
- Boyden J., Mann G.* Children's risk, resilience, and coping in extreme situations // Handbook for Working with Children and Youth: Pathways to Resilience across Cultures and Contexts. Sage: Thousand Oaks, 2005. P. 3–26.
- Cowen E. L., Work W. C.* Resilient children, psychological wellness and primary prevention // American Journal of Community Psychology. 1988. V. 16 (4). P. 591–607. doi: 10.1007/BF00922773.
- Developmental assets and asset-building communities: Implications for research, policy, and practice. N. Y.: Kluwer Academic/Plenum, 2003.
- Fergusson D. M., Horwood L. J.* The effects of test reliability on relationships between measures of life events and depression // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 1986. V. 21 (2). P. 53–62. doi: 10.1007/BF00578743
- Garnezy N.* Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. (4). P. 1–23.
- Garnezy N.* Stressors of childhood // Stress, Coping and Development in Children / N. Garnezy, M. Rutter (Eds). N. Y.: McGraw-Hill, 1983. P. 43–84.
- Garnezy N., Masten A. S., Tellegen A.* The study of stress and competence in children: A building block of developmental psychopathology // Child Development. 1984. V. 55 (1). P. 97–111. doi: 10.2307/1129837.
- Helmreich I., Kunzler A., Chmitorz A., König J., Binder H., Wessa M., Lieb K.* Psychological interventions for resilience enhancement in adults (protocol) // Cochrane database of systematic reviews (Online: Update Software). 2017. V. 2017. № 2. doi: 10.1002/14651858.CD012527.
- Makhnach A. V.* Medical and social models of orphanhood: Resilience of adopted children and adoptive families // The Routledge International Handbook of Psychosocial Resilience / U. Kumar (Ed.). N. Y.: Routledge, 2017. P. 202–213.
- Makhnach A., Laktionova A.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 371–386. doi: 10.4135/9781412976312.
- Masten A. S.* Resilience in developing systems: Progress and promise as the fourth wave rises // Development and Psychopathology. 2007. V. 19. P. 921–930. doi: 10.1017/S0954579407000442.
- Masten A. S., Obradović J.* Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. V. 1094. P. 13–27. doi: 10.1196/annals.1376.003.

- Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D. B., Rentfrow P. J., Potter J., Gosling S. D.* Macropsychological factors predict regional economic resilience during a major economic crisis // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. V. 7 (2). P. 95–104. doi: 10.1177/1948550615608402.
- Richardson G.* The metatheory of resilience and resiliency // *Journal of Clinical Psychology*. 2002. V. 58 (3). P. 307–321. doi: 10.1002/jclp.10020.
- Rutter M.* Protective factors in children's responses to stress and disadvantage // *Primary Prevention in Psychopathology: Social Competence in Children*. V. 8 / M. W. Kent, J. E. Rolf (Eds). Hanover: University Press of New England, 1979. P. 49–74.
- Rutter M.* Resilience in the face of adversity // *British Journal of Psychiatry*. 1985. V. 147. P. 598–611. doi: 10.1192/bjp.147.6.598.
- Sroufe L. A.* Psychopathology as an outcome of development // *Development and Psychopathology*. 1997. V. 9. P. 251–268. doi: 10.1017/S0954579497002046.
- Taleb N. N.* Antifragile: Things that gain from disorder. N. Y.: Random House, 2012.
- Ungar M., Clark S. E., Kwong W.-M., Makhnach A., Cameron C. A.* Studying resilience across cultures // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2005. V. 14. № 3/4. P. 1–19. doi: 10.1300/J051v14n03_01.
- Van der Kleij R., Molenaar D., Schraagen J. M.* Making teams more resilient: effects of shared transformational leadership training on resilience // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society 55th Annual Meeting*, 2011 September 19–23; Las Vegas, 2011. V. 55 (1). P. 2158–2162. doi: 10.1177/1071181311551450.
- Werner E. E., Bierman J. M., French F. E.* The children of Kauai: A longitudinal study from the prenatal period to age ten. Honolulu: University of Hawaii Press, 1971.
- Werner E. E., Smith R. S.* Overcoming the odds: High risk children from birth to adulthood. Ithaca: Cornell University Press, 1992.

Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности

Е.А. Сергиенко

Субъективный возраст человека — это самовосприятие собственного возраста, субъективная возрастная идентификация. Такой подход ставит в центр рассмотрения когнитивно-субъективные оценки человеком возраста, которые меняют внутреннюю картину временной перспективы, восприятие жизненных событий, организацию и регуляцию собственного поведения, шкалу собственной жизни. Категория субъективного возраста не становится альтернативой типологическому (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, В.Н. Дружинин, К.Г. Юнг, В.И. Ковалев), причинно-целевому (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров, В.В. Нуркова) и мотивационному (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, А. Сырцова, Н.Н. Толстых) подходам к проблеме «человек и время», а иным ракурсом ее рассмотрения. В современных зарубежных работах описана тенденция увеличения с возрастом разрыва между хронологическим, субъективным и желаемым возрастом, подтвержденная в кросс-культурных исследованиях как универсальная человеческая закономерность, но она остается слабо изученной и теоретически интерпретированной в психологической науке (Braman, 2002).

Хронологический возраст отражает, сколько лет прожито, а субъективный возраст свидетельствует о том, как субъективно себя ощущает человек. Причем, если подростки и молодые люди оценивают себя старше, то после 25 лет нарастает тенденция оценивать себя мо-

ложе своего хронологического возраста. При этом разница хронологического и субъективного возрастов нарастает и особенно значительно после 50 лет, достигая 16 лет у пожилых людей. В обществе хронологический возраст определяет социальные возможности: получение паспорта, водительских прав, вступление в брак, легальное употребление алкоголя, курение, служба в армии, участие в политических процессах, уголовная ответственность, социальная защита и т. п. Но хронологический возраст имеет свои существенные ограничения. Хронологический возраст является высоковариабельной величиной для предсказания функциональной сохранности человека (Barak, 2009; Braman, 2002; Mossey, 1995). Многие 60-летние остаются активны и жизнедеятельны, работают с полной нагрузкой, тогда как другие люди того же возраста уходят на пенсию, болеют, проводят время дома.

История изучения субъективного возраста

Изучение субъективного возраста началось в 1960-е годы. И. К. Зола одним из первых опрашивал людей о возрасте, на который они себя чувствуют. Эмпирические исследования обнаружили феномен, когда субъективно воспринимаемый возраст моложе хронологического, а желаемый возраст моложе субъективного (идеальный возраст < субъективный возраст < хронологический возраст).

Р. Кастенбаум с коллегами предложили модель субъективного возраста «Age-of-Me», как многомерный, состоящий из различных «внутренних возрастов», т. е. они предлагали оценивать субъективный возраст по 4 параметрам: эмоциональный (feel-age); биологический возраст (look-age); социальный возраст (do-age); интеллектуальный возраст (interest-age), или на сколько лет индивиды воспринимают себя: *чувствуют, выглядят, действуют и интересуются тем же, как и люди такого-то возраста* (Kastenbaum et al., 1972).

Изучение субъективного возраста долгое время проводилось преимущественно в США и только в 1990-е годы началось в других странах. В настоящее время проведены кросс-культурные исследования в 18 странах (Бельгии, Бразилии, Канаде, Китае, Хорватии, Финляндии, Франции, Германии, Индии, Японии, Нидерландах, Польше, Южной Корее, Швейцарии, Украине, Великобритании, Мексике и США), различных по культурным традициям и уровню жизни. Они обнаружили удивительную универсальность более молодого субъективного возраста по сравнению с хронологическим и еще более молодого идеального (или желаемого) возраста во всех 18 странах

(Barak, 2009). Данные показали, что более молодые люди чаще воспринимают себя старше своего реального возраста, тогда как более старшие в целом моложе, при этом разница между субъективным возрастом и хронологическим становится более значительной с возрастом (Galambos et al., 2005). Исследования, проведенные на швейцарской популяции пожилых людей 58–70 лет, хотя подтвердили общую тенденцию, что субъективный возраст значимо моложе календарного, однако различия между возрастами составляли 5–6 лет, тогда как данные, полученные на датской популяции пожилых людей, обнаружили разницу в 15 лет, а идеальный возраст в этой выборке был еще моложе реального на 20 лет, хотя в швейцарском исследовании на 8,3 года. Полученные данные указывают на существенное влияние культурных различий в субъективной идентификации.

Изучение этнических сообществ в США показало, что субъективный возраст мексиканских американцев был старше, чем у англоамериканцев (Montepare, Lachman, 1989). Аналогичные данные были получены на выборке афроамериканцев (Smith et al., 1991). При этом афроамериканцы демонстрировали даже обратную когнитивную иллюзию: их субъективный возраст был старше на 4 года, чем хронологический. Такие различия могли быть обусловлены социальными факторами (низкий уровень образования, медицинского обеспечения, дискриминация на рынке труда и пр.). Важно также учитывать, что современные общества являются возрастно ранжированными. Возраст социального страхования, социальных привилегий могут влиять на ощущения возраста, что особенно характерно для социально уязвимых групп.

Финские респонденты 55–65 лет оценивали свой субъективный возраст на 3 года меньше, чем хронологический, северные американцы — на 11 лет (Ward, 1977). По нашим данным, разница субъективного и календарного возрастов русскоязычной выборки 60–70 лет (средний возраст — 63,8) составляла 10,45 лет (Сергиенко, 2012). Несмотря на имеющиеся различия, общие данные остаются теми же: большинство людей после 30 чувствуют себя моложе и становятся все субъективно моложе с возрастом. Более молодой субъективный возраст в более позднем возрасте — универсальный феномен, подтвержденный кросс-культурными исследованиями.

Изучение наличия половых различий в когнитивной иллюзии возраста указывает на отсутствие консенсуса по данному вопросу, полученные данные противоречивы. Так, Ф. Купер с соавт. (Cooper et al., 1981) исследовали выборку от 16 до 85 лет и показали, что субъективный возраст женщин ближе к хронологическому, тогда как у мужчин

он значительно меньше календарного. Наибольшая разница у мужчин и женщин наблюдалась после 73 лет, причем предыдущий пик наибольших различий у мужчин отмечается между 48 и 52 годами, а у женщин между 28 и 32. В работе Р. Голдсмита и Р. Хейнса (Goldsmith, Heins, 1992), выполненной с применением опросника субъективного возраста Барака (Barak, 1979), были получены различия по разным когнитивным возрастам у мужчин и женщин: у большего числа женщин, чем мужчин биологический и эмоциональный возраст (составляющие субъективного возраста) моложе хронологического, тогда как больше мужчин, чем женщин, демонстрируют социальный и интеллектуальный возраст моложе хронологического.

Приведенные данные указывают на безусловное доказательство универсальности существования феномена когнитивной иллюзии возраста, но свидетельствуют, что субъективный возраст — это многомерный и многофакторный конструкт.

Дифференциация понятия субъективного возраста

В отечественной психологии проблема «человек и время» изучалась достаточно интенсивно (Б. Г. Ананьев, Н. А. Бернштейн, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, О. К. Тихомиров, А. А. Ухтомский), но собственно конкретные психологические разработки данной проблемы начаты в конце прошлого и начале XXI в. Однако данные работы ставят акценты на изучении проблемы личностного психологического времени, восприятии человеком своего жизненного пути, его субъективной картины (термин, введенный Б. Г. Ананьевым), событиях собственной жизни, отношениях к временной перспективе, соотношениях между прошлым, настоящим и будущим (Головаха, Кроник, 2008; Ковалев, 1979; Нуркова, 2000, 2009; Нюттен, 2004; Толстых, 2010).

Прежде чем изложить современное состояние проблемы субъективного возраста человека, необходимо кратко очертить общепсихологический контекст более разработанной проблемы «личность и время». В данном направлении можно выделить несколько подходов: типологический, каузальный (причинно-целевой) и мотивационный.

Типологический подход выделяет типичную личностную организацию в связи с отношением к фактору времени. Наиболее разработан данный подход в работах К. А. Абульхановой, Т. Н. Березиной (2001). В основу типологии личности положен именно временной фактор. Центральным для К. А. Абульхановой и Т. Н. Березиной яв-

ляется понятие личностной организации времени, которая понимается как способность организовывать время собственной жизни, представляющее субъективную ценность для саморазвития и самосовершенствования. Они выделяют три типа перспективы личности. Первый тип — это когнитивная перспектива, когда личность сознательно и достаточно детально строит свои жизненные планы, структурирует будущее, видит свои перспективы и себя в будущем. Второй тип — личностно-мотивационная перспектива, отличающаяся отсутствием когнитивного плана или даже сколько-нибудь четких представлений о будущем, но мотивация достижения создает могучую направленность личности в будущее и определенную гарантию ее реализации. Третий тип — жизненная перспектива, которая задается предшествующей жизнью человека, когда уже достигнутая жизненная позиция определяет потенциал личности, приоритеты, гарантирующие успешное будущее. Соотношение и выраженность этих временных перспектив и лежит в основе типологии личности. Опережающий тип может соединять и когнитивную, и мотивационно-личностную перспективу, обладает способностью планирования, предвидения последствий, ориентированных на достижение будущих целей. Запоздавающий тип, когда человек следует ходу событий, слабая выраженность временных перспектив приводит к неготовности к неопределенности жизни, отсутствию четких ориентиров. Своевременный тип характеризуется бедным временным ресурсом, но он обладает неким внутренним потенциалом благодаря своей соразмерности.

В работе В. И. Ковалева (1979) выделено четыре типа личности в зависимости от ее временных характеристик: *стихийно-обыденный тип* личности отличается ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы, испытывает трудности организации последовательности событий, их предвосхищения и их последствий; *функциональный тип* эффективно организует течение событий, но не их субъективные и объективные последствия, нет регуляции собственного процесса жизни; *созерцательный тип* видит сложности мира, но не способен их разрешить, нет способности организации времени жизни; *творчески-преобразующий тип* способен к долгосрочной организации времени, его соотносению со смыслом жизни, социальными тенденциями. Приведенные примеры типологий времени личности, безусловно, играют важную роль в понимании возможных вариантов отношений ко времени жизни и ее организации. Однако данные типологии оставляют открытыми вопросы о природе становления подобных личностных типов, об их динамике. Кро-

ме того, они не лишены оценочного основания для более успешных типов, оставляя открытой проблему их эволюционной и социальной целесообразности и адаптивности.

Другой подход к анализу проблемы «время и личность» или психологического времени личности — это причинно-целевой, или каузальный, подход. Широкое распространение и признание получил подход к исследованию проблемы психологического времени, представленный в работах Е. И. Головахи и А. А. Кроника (2008), А. А. Кроника, Р. А. Ахмерова (1988) и в ряде других публикаций.

Основу подхода составляет изучение субъективной картины жизненного пути человека — каузометрия. Понятие «субъективная картина жизненного пути» впервые было использовано Б. Г. Ананьевым (1996) для обозначения важнейшей характеристики самосознания человека, отражающей вехи его индивидуального и социального развития, главные события его жизненного пути, связанные в единую систему отсчета биологического, психологического и исторического времени. Этот образ — субъективная картина — включает и прошлое, и настоящее, и будущее человека. Авторы каузального подхода полагают, что психологическое время отражает не только события прошлой, настоящей и будущей жизни человека в их хронологической последовательности, но и целостную, сложно организованную систему субъективно значимых причинно-следственных связей между этими событиями. При этом события субъективно не только осознаются, но и переживаются как значимые, порождая личностное понимание. При этом анализируется не только причинная обусловленность, т. е. детерминация прошлым, но и целевая детерминация (детерминация будущим). Разработка метода каузометрии потребовала введения и обоснования целого ряда дополнительных понятий и представлений: межсобытийные связи и отношения, жизненные обстоятельства, жизненная программа, виды жизненных планов, биографические кризисы и их типология, событийные группы, психологический возраст личности, коэффициент зрелости, ожидаемая продолжительность жизни, чувство реализованности. Каузометрия успешно используется в психодиагностических, психотерапевтических, профконсультационных целях и служит основой для личностной саморегуляции и саморазвития.

В. В. Нуркова (2009) считает, что в основе каузометрии лежит необоснованное допущение, что структура организации материала в автобиографической памяти определяется единственным принципом — причинности, а принудительное установление причинно-следственных связей между всеми случившимися событиями

жизни есть универсальный механизм работы личности со своим прошлым. Она ссылается на работы Дж. Шрутса, который предлагает свою модификацию методики «Линия жизни». Шрутс основывается на том, что пожилые люди, описывающие свою жизнь, спонтанно употребляют метафоры «реки» или «тропы» (см.: Нуркова, 2009). Обе эти метафоры содержат аспект времени, но лишь метафора тропы подразумевает компонент переживаний трудностей (и активности в их преодолении). Метафора тропы органично подводит к графическому, двухмерному представлению пространства жизни — со временем, отложенным по горизонтали, и аффективным отношением — по вертикали. Таким образом, этот метод дает возможность извлекать биографическую информацию о важнейших событиях не только вербальным, но и визуальным способом. На первом этапе испытуемый размещает «тропу» своей жизни неспецифично, т.е. не отмечая конкретных временных точек. Автор полагает, что имплицитная структура судьбы, состоящая из «подъемов», «спадов», «поворотов», уже присутствует в сознании. Лишь на следующем этапе испытуемому предлагают назвать и датировать каждый «пик» или «провал» жизненной тропы, а также дать вербальный отчет. Таким образом, тот факт, что создание линии жизни предшествует не только полному вербальному отчету, но и нанесению на временную ось конкретных точек-событий, снимает эффекты вытеснения негативного опыта. Дж. Шрутс подчеркивает также конструктивную, «самоструктурирующую» (self-rasing) роль данного метода, его влияние на понимание человеком организации прожитой части своей жизни (см.: Нуркова, 2000, 2009). Следовательно, психологическое время личности не поддается прямому и непосредственному анализу, а предполагает определенные усилия достижения самопонимания.

Третье направление, разрабатывающее проблемы психологического времени, — мотивационный подход. Еще К. Левин выделял в психологическом поле (жизненном пространстве) психологическое прошлое и психологическое будущее, подчеркивая единство представлений о прошлом, настоящем и будущем. Важным компонентом психологического будущего является мотивация, нацеленность стремлений, желаний, планов. Понимание временной перспективы будущего как пространства мотивации — центральная идея Ж. Нютена (2004). Он разводит три различных аспекта психологического времени, которые нередко относят к одному и тому же термину — временной перспективе.

Временная перспектива характеризуется протяженностью, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичнос-

ти. Временная установка — это позитивная или негативная установка субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Временная ориентация относится к преимущественному направлению поведения субъекта и представляется как доминирующая ориентация на объекты и события в прошлом, настоящем или будущем. Наличие индивидуальной временной перспективы создает у субъекта привычную открытость прошлому или будущему. Ее отсутствие означает замкнутость внутри текущего настоящего. Виртуально существующий объект становится действительно существующим тогда, когда он вызывается ситуацией или соответствующей мотивацией. По Ж. Нюттену, экстенсивность (протяженность) временной перспективы играет важную роль в выработке поведенческих планов и проектов. Индивид, который смотрит далеко вперед, создает долговременные проекты и может поэтому находить больше средств для их реализации. Если средства отсутствуют в настоящей ситуации, они могут быть найдены в отдаленном будущем. Таким образом, протяженная, реалистическая и активная временная перспектива важна для планирования и осуществления поведенческих проектов, поскольку почти все важные достижения предполагают наличие координированных и долговременных структур, включающих цели и средства их реализации.

В рамках временной перспективы прошлые и будущие события влияют на происходящее в настоящем поведении в той степени, в какой они актуально существуют на когнитивном уровне поведенческого функционирования. Это означает, что признание влияния временной перспективы на поведение зависит от осознания роли когнитивных процессов в поведенческом функционировании. Будущее для Ж. Нюттена является «ментальным пространством», в котором человеческие потребности когнитивно преобразуются в долговременные цели и поведенческие проекты. В этом смысле ментальный конструкт, называемый «будущее», является фундаментом конструктивного поведения и человеческого прогресса. В идеале эта активная и реалистическая временная перспектива будущего сочетается с временной интеграцией и временной компетентностью. Предложен и используется метод оценки временной перспективы. На основе выявленного набора мотивационных объектов и целей индивида с помощью разработанной им вербальной техники — метода мотивационной индукции (ММИ) — собранные мотивационные объекты локализируются во времени на основании дифференцированной темпоральной шкалы. Мотивационный подход представляется наиболее концептуально разработанным для анализа психологического

времени личности. Он достаточно широко применяется в современных исследованиях. Несмотря на то, что три перечисленных подхода к психологическому времени обладают своеобразием и спецификой, однако они тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. Они фокусируются на разных аспектах одного феномена — психологического времени: типологический подход на личностных «чертах» временной перспективы и отношениях ко времени жизни, событийный, или каузальный, подход на значимых жизненных событиях, представляющих точки отсчета, «якоря», относительно которых человек субъективно представляет картину собственной жизни и относительно которых строит дальнейшее поведение, мотивационный подход концептуализирует механизм текущего поведения как функцию временной перспективы.

На первый взгляд, конструкт субъективного возраста слабо связан с изложенными подходами изучения психологического времени. Однако, как мы покажем ниже, глубинные связи, хотя и не экплицированные ни теоретически, ни эмпирически, существуют.

Природа возрастных различий — фундаментальный вопрос в изучении человеческого поведения. Хотя хронологический возраст является базовым измерением, для понимания человеческого развития, его внутренних субъективных координат это, возможно, ключевой конструкт, позволяющий открыть новые пути анализа самоопределения, субъективного выбора сценариев собственной жизни и их интерпретации. Индивидуальная возрастная идентификация (субъективный возраст), возможно, определяется двумя уровнями ментальных репрезентаций: стабильными (якорными) и более лабильными, изменяющимися проксимальными референциями возраста. Стабильные репрезентации — индивидуальные модели развития, маркирующие собственное поведение относительно возрастных ментальных схем. Проксимальные репрезентации, или ментальные возрастные маркеры, изменяются в соответствии с событиями, которые проблематизируют возраст. Это означает, что именно такие события играют роль интегратора и реинтегратора в изменениях и сдвигах в индивидуальной возрастной идентичности (данное положение подробно обосновано в исследованиях автобиографической памяти, наиболее полно представленных в работах В. В. Нурковой (2000, 2009). К таким событиям можно отнести исторические (дни рождения, свадьба, годовщины, разводы, воссоединения, поминки), физические (события, связанные со здоровьем, сопряженные с возрастом: сердечный приступ, потеря зрения, проблемы с памятью, роды, менархе, менопауза, смерть друзей, родителей, партнера и т. п.), нормативные (собы-

тия связанные с социализацией и культурными нормами, например: поступление в школу/вуз и ее/его окончание, получение паспорта, замужество, выход на пенсию и т. п.) и интерперсональные события (события, связанные со значимыми взаимодействиями, как правило, более старшими людьми, изменяющими собственные представления о возрастных маркерах). Подобное понимание уровневой организации ментальных маркеров возраста, связанных с субъективной идентификацией, позволяет объединить изучение субъективного возраста с разными подходами к психологическому возрасту (типологическим, событийным и мотивационным). Жизненные события оказывают непосредственное и опосредованное влияние на самовосприятие возраста (событийный подход). Временная перспектива тесно связана с субъективным возрастом человека и организацией собственного поведения (мотивационный подход). Выбор стратегии и сценария жизненного пути включает субъективную идентификацию, построение когнитивной и жизненной перспективы (Абульханова, Березина, 2001). Многие аргументы в пользу возможностей подобного взаимодополнения подходов рассмотрены выше, где показана связь субъективного возраста как с временной перспективой, событиями жизни, так и с влиянием субъективного возраста на сценарии жизненного пути. Приведем пример исследования субъективного возраста в связи со степенью его осознания — когнитивной перспективой, для которой характерна высокая детальная осознанность своих планов, целей и т. д. (там же), что играет существенную роль в организации собственного поведения.

Люди, которые в большей степени осознают свой возраст, более детальны в самоописании, употребляют больше возрастных прилагательных и быстрее их актуализируют, чем те, для кого возрастное осознание остается менее релевантным (Montepare, 1989). Большая возрастная схематизация и ее осознание опосредует и возрастную идентичность, связанную с датой дня рождения. Люди, которые в меньшей степени осознают свой возраст, чувствуют себя моложе, особенно при удаленной дате дня рождения, чем те, кто имеет лучшее осознание возраста.

Исследования субъективного возраста как показатель эффективности психологического анализа

Изучение эффективности использования понятия субъективного возраста и его психологического значения было предпринято и продолжается в наших исследованиях.

Кратко изложим основные положения исследований субъективного возраста от 20 до 90 лет (Сергиенко, 2012, 2014; Сергиенко, Киреева, 2015; Мелехин, Сергиенко, 2015 а, б). Изучение феномена субъективного возраста у людей разных возрастов позволило сформулировать гипотезу, согласно которой субъективная возрастная идентичность выполняет регулирующую роль личности, отражая возможности субъекта справляться с жизненными задачами.

В наших работах, проведенных в последние пять лет, изучался субъективный возраст, его внутренние и внешние маркеры, психологическое здоровье, отношение к временной перспективе, возможности совладания с трудными жизненными ситуациями у людей от 20 до 70 лет и пожилых людей в возрасте 55–90 лет. Общим для нескольких исследований была оценка субъективного возраста и его составляющих (биологический субъективный возраст: на сколько лет человека себя чувствует; эмоциональный субъективный возраст: на сколько лет он выглядит; социальный субъективный возраст: на сколько лет он действует; интеллектуальный субъективный возраст: какому возрасту соответствуют его интересы) (Barak, 2009).

В исследовании, выполненном Ю.Д. Киреевой (Туганцевой) под руководством автора, также оценивалась временная перспектива личности по методике временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) (Сырцова и др., 2008). Для оценки собственного психологического здоровья применялся русскоязычный вариант «Опросник SF-36» (Health status survey, Short Form) (Гуревич, Фабрикант, 2008; Ware et al., 1994). Шкалы группируются по двум показателям «физический компонент здоровья» и «психологический компонент здоровья». Важным для изучения маркеров субъективного возраста был метод оценок возраста по фотографиям моделей (реальных людей по 10 примеров в каждой возрастной группе: 20–30, 40–50 и 60–70 лет). Приведем некоторые результаты работы (см.: Сергиенко, Киреева, 2015).

Разница субъективного и хронологического возраста изменяется, причем существенно: если в группе молодых людей субъективный возраст фактически равен календарному, то уже у людей 40–50 лет возникает когнитивная иллюзия возраста, они ощущают себя моложе почти на 5 лет, а пожилые — на 11 лет. При этом обнаружена неравномерность субъективной возрастной идентификации во всех возрастных группах. Составляющие субъективного возраста выражены различно. Наиболее близкие значения к хронологическому возрасту наблюдаются при оценке субъективного биологического и эмоционального возрастов, а значительные отличия — при оценке субъективного социального и интеллектуального возрастов.

Желание чувствовать себя более молодым у людей старшего возраста, выглядеть более молодым, действовать как молодой и интересоваться тем, чем и молодые, может рассматриваться как специальный механизм психологической поддержки (механизм психологической защиты, совладания с проблемами старения). Поддержание такой позитивной иллюзии тесно взаимосвязано с установками общества на молодость, с одной стороны, когда ценность члена общества оценивается относительно его эффективного и продуктивного возраста. С другой стороны, индивидуальные личностные свойства и установки также взаимосвязаны с величиной и фактом позитивной иллюзии возраста.

Общая тенденция увеличения разницы между актуальным и субъективным возрастом на поздних этапах онтогенеза в то же время сопровождается значимыми различиями внутри возрастной группы. Так, например, изучение когорты 60-летних в целом подтверждает, что они моложе по субъективной идентичности в целом, но среди них есть и более молодые индивиды, и ощущающие себя на тот же возраст и на более старший. Кроме того, показано, что могут происходить изменения восприятия собственного возраста. Лонгитюдные исследования обнаружили, что изменения здоровья являются предиктором изменений и субъективного возраста (Markides, Boldt, 1983). Однако сравнение людей с типичным развитием и серьезными двигательными проблемами (*cerebral palsy*, *spina bifida*) показало, что они имеют подобный субъективный возраст (Hubley, Russel, 2009). Важные жизненные события также оказывают влияние на возрастную идентичность. Например, люди в период поздней зрелости оценивают субъективный возраст ближе к хронологическому при приближении дня рождения, разница увеличивается в сторону более молодого субъективного возраста при удаленности этой даты (Cooper et al., 1981).

Переоценка своего возраста сильнее в тех областях, где нелегко однозначно получить информацию, обратную связь. Биологические аспекты субъективного возраста, такие как здоровье и привлекательность, дают более однозначные обратные связи, их стандарты менее двусмысленны, чем общее восприятие возраста или возрастной активности и интересов. Так, в наших исследованиях минимальная разница хронологического и субъективного возраста обнаружена именно в эмоциональной оценке собственного внешнего вида. Действительно, именно здоровье и привлекательность выступали высоконадежными предикторами возрастной идентификации.

Другой информационный аспект относится к тем прототипам, относительно которых оценивают себя люди. Так, если люди ориенти-

руются на устаревшие прототипы (например, предыдущей генерации) для оценки своего собственного субъективного возраста, то тогда они могут недооценивать возраст и других людей. Этот аспект не был исследован экспериментально, и он связан с вопросом о влиянии возрастных стереотипов, их имплицитных моделей и динамики в развитии человека. В нашей работе (Сергиенко, 2012) хронологический возраст человека на фотографиях сравнивался с его субъективной оценкой респондентами (как он выглядит, что соответствует эмоциональному субъективному возрасту). В исследовании участвовало 86 человек. Оценка возраста по 10 фотографиям для каждой возрастной группы отличалась значительно большей реалистичностью и была близка хронологическому возрасту моделей. Эти данные указывают на то, что люди в большей степени ориентируются на реальные представления о себе, временные сравнения собственных представлений (о физическом состоянии и привлекательности), чем на стереотипы и идеалы, транслируемые социумом (ценность молодости любой ценой, молодящиеся вечно юные образцы актрис, медийных персонажей и т. п.). В этом случае в большей степени подтверждается предположение о более надежных обратных связях физического состояния и привлекательности человека для когнитивных имплицитных моделей возраста и его идентификации, чем социально обусловленных сравнений как основе возрастной идентичности (Сергиенко, 2014).

Отношение к временной перспективе и субъективной оценке здоровья

Помимо анализа общих тенденций субъективного возраста и его составляющих, особый интерес представляет дифференцированный анализ восприятия субъективного возраста по степени отличия от календарного: адекватные, понижающие и повышающие оценки — позволил более детально проанализировать взаимосвязи изученных факторов с феноменом субъективной идентификации.

Только в возрастной группе 20—30 лет выделяются три подгруппы занижающих, адекватно оценивающих и завышающих свой возраст. Согласно исследованиям Н.Л. Галамбос с коллегами (Galambos et al., 2009), 23 года — это возраст, когда молодые люди ощущают себя на свой реальный возраст и когда начинается переход от завышения к занижению своего субъективного возраста. Медиана возраста в подгруппах, адекватно оценивающих и завышающих, равна 23 годам (субъективный возраст — 22,75 и 25, соответственно), тогда как медиана хронологического возраста подгруппы занижающих равна 26 годам (субъективный возраст — 21,50), т. е. происходит переход

в сторону снижения собственного возраста. Следовательно, не только общая тенденция возрастной субъективной идентичности, но и индивидуальные психологические факторы воздействуют на данный процесс. Несмотря на то, что различия между подгруппами в выраженности факторов временной перспективы не были обнаружены, получены разные корреляционные связи отношения к временной перспективе, восприятию собственного здоровья с составляющими субъективного возраста в подгруппах. В подгруппе занижающих свой возраст показано, что, чем более молодому возрасту соответствуют действия человека, тем больше он направлен на наслаждение настоящим моментом. Чем младше человек себя чувствует и считает, что выглядит, тем меньше он видит свое прошлое приятным, не считает его значимым. В подгруппе завышающих свой возраст обнаружено, что чем старше чувствует себя молодой человек, тем меньшее значение для него имеет «негативное прошлое», что необходимо для позитивного самоотношения.

Так, молодые люди, снижающие свой возраст, ориентированные на удовольствия в настоящем, пытаются продлить возраст безответственности. Молодые люди, чувствующие себя моложе своего паспортного возраста в области интересов (интеллектуальный возраст), реже прибегают к вредной привычке — курению, но, напротив, чаще курят, если считают, что выглядят моложе своего возраста (эмоциональный субъективный возраст), видимо, для достижения чувства взрослости.

Считая себя молодым, человек 20–30 лет оценивает ниже показатели физического и психического компонентов здоровья, тогда как в старшем возрасте наблюдаются обратные связи: чем моложе человек себя ощущает, тем выше он оценивает уровень своего здоровья.

В возрастной группе 40–50 лет выделяются две подгруппы: занижающих и адекватно оценивающих свой возраст, т.е. в данном возрастном диапазоне обе тенденции представлены примерно одинаково. Они не различаются по хронологическому возрасту, но значимо отличаются в оценках всех составляющих субъективного возраста, а также в степени ориентации на некоторые факторы временной перспективы. У занижающих свой возраст больше выражена ориентация на «гедонистическое настоящее» и «будущее», но меньше на «фаталистическое настоящее», чем у адекватно оценивающих свой возраст (по различию показателей по факторам временной перспективы).

Результаты корреляционного анализа показали, что чем моложе человек чувствует себя, чем более молодому возрасту соответствуют его интересы, тем большее значение в подгруппе занижающих свой

возраст для него имеет «негативное прошлое». Возможно, субъективное снижение собственного возраста указывает на проблемность «негативного прошлого» для собственной идентичности. Напротив, в подгруппе адекватно оценивающих свой возраст обнаружено, что субъективный возраст (социальный: на сколько лет действую) связан с «гедонистическим настоящим», а эмоциональный субъективный возраст (на сколько лет выгляжу) с «позитивным прошлым». Следовательно, при адекватной оценке своего возраста характерна направленность на жизнь «здесь и сейчас», использование позитивного прошлого как ресурса принятия своего возраста.

Были выявлены взаимосвязи социально-экономических факторов и вредных привычек в данной группе. Среди занижающих свой возраст наблюдается тенденция взаимосвязи снижения возраста с частотой употребления алкоголя (чем моложе человек оценивает себя, считает, что выглядит, и чем более молодому возрасту соответствуют его интересы, тем чаще он употребляет алкоголь). У адекватно оценивающих свой возраст выше уровень образования (связь уровня образования с интеллектуальным субъективным возрастом).

При рассмотрении оценок компонентов физического и психического здоровья показано, что у занижающих свой возраст в группе 40–50 лет показатель «жизненная активность» выше, т. е. больше сил и энергии, чем у адекватно оценивающих свой возраст.

Обнаруженные корреляции в подгруппе 40–50-летних, которая оценивает себя моложе, указывают на то, что оценки собственного самочувствия (здоровья) сопряжены с субъективными понижающими оценками биологического возраста, на который человек себя чувствует. Факт занижения напрямую связан с общими показателями психологического здоровья и жизненной активности. Это свидетельствует о том, что субъективная оценка качества здоровья приводит и к субъективному снижению возрастной идентичности, что можно рассматривать как личностный ресурс жизнедеятельности человека.

В возрастной группе 60–70 лет также выделены две подгруппы: занижающих и адекватно оценивающих свой возраст. Они не отличаются по хронологическому возрасту, но значительно различаются в оценках всех составляющих субъективного возраста, а также в степени ориентации на некоторые факторы временной перспективы, оценках психического и физического здоровья. Заметим, что по численности группы примерно равны. У занижающих свой возраст больше выражена ориентация на «гедонистическое настоящее», но меньше на «негативное прошлое» и «фаталистическое настоящее», чем у адекватно оценивающих свой возраст.

У людей 60–70 лет занижение своего субъективного социального (возраста действий) и интеллектуального возраста (возраста интересов) связано с образованием, а биологического субъективного возраста отрицательно связано с частотой курения (вредными привычками). Ощущение себя более молодыми характерно для людей с более высоким уровнем образования и большей тенденцией к вредным привычкам.

В оценках социально-экономического статуса и вредных привычек существуют значимые различия между имеющими и не имеющими семью, между имеющими и не имеющими детей и между довольными и не довольными своим материальным положением в подгруппе занижающих свой биологический возраст.

Никаких связей у пожилых, адекватно оценивающих свой возраст, с факторами социально-экономического статуса, вредными привычками, наличием семьи и внуков, родом занятий обнаружено не было. Возможно, это свидетельствует о том, что реалистичное восприятие собственного возраста у пожилых людей отчасти нивелирует роль социально-экономических условий и социального статуса.

При рассмотрении компонентов физического и психического здоровья выявлено большое число взаимосвязей между отдельными составляющими субъективного возраста и оценками здоровья в отличие от возрастных групп 20–30 и 40–50 лет, что характерно и для занижающих свой возраст, и для людей с адекватной его оценкой в пожилом возрасте. Обращает на себя внимание то, что у людей, занижающих свой возраст, корреляции факторов здоровья наблюдаются только с биологическим и эмоциональными субъективными оценками возраста, тогда как в подгруппе с адекватными оценками все составляющие субъективного возраста вступают во взаимосвязи с факторами здоровья, физического и ментального. Это указывает на то, что при адекватном оценивании пожилые люди в большей степени понимают значимость здоровья для успешного функционирования, а понижающие свой возраст фокусируются в основном на субъективном самочувствии и оценках того, как они выглядят, т. е. ориентируются на более доступные и очевидные маркеры в повседневной жизни, прямо через обратные связи, свидетельствующие о функционировании и внешнем виде (Сергиенко, Киреева, 2015).

Таким образом, проведенный анализ возрастной идентичности у людей 20–30, 40–50 и 60–70 лет продемонстрировал роль субъективного возраста в отношении к временной перспективе и психологическому здоровью, позволил детализировать феномен субъективного возраста, показать, что наряду с общими возрастными тенденция-

ми существуют индивидуальные варианты возрастного самовосприятия, которые выступают внутренним психологическим регулятором собственной жизнедеятельности.

Субъективный возраст и регуляция поведения

Изучение роли субъективной возрастной идентичности в регуляции поведения происходило на молодых людях, проходящих срочную военную службу, и офицерах, постоянно находящихся в военном гарнизоне. Предполагалось, что людям, живущим в ограниченном пространстве гарнизона, потребуется усиленный контроль поведения и совладание со стрессами, что может привести к изменениям возрастной идентичности.

Нами было высказано предположение, что субъективный возраст человека как основа возрастной идентичности может играть регулируемую роль в оценках собственного поведения. Данные о выраженности эмоционального выгорания показывают, что у солдат оно выше, чем у офицеров. Вероятно, что среда военного гарнизона менее всего ориентирована на индивидуальные и личные достижения, ставит иные личностные задачи, прежде всего — подчиненные долгу. Просоциальная ориентация стратегий совладающего поведения и у солдат, и у офицеров указывает на адекватную регуляцию фрустрационных факторов. Но используемые ресурсы у молодых людей и их наставников и командиров различны. Если в группе солдат существует тесная связь контроля поведения с субъективным возрастом, то у офицеров субъективный возраст не играет существенной роли в контроле поведения. Это означает большее напряжение и требование к индивидуальным ресурсам в группе солдат, чем у офицеров, чей статус в гарнизоне и опыт жизни способствует адаптации. При этом солдаты, воспринимающие себя моложе своего молодого возраста, оказываются более уязвимой группой, чем адекватно оценивающие и переоценивающие свой возраст. Во-первых, контроль поведения теснее связан с социальным и интеллектуальным возрастами, т.е. чем в большей степени они субъективно моложе оценивают свой возраст действий и интересов, тем в большей степени это сопряжено с контролем поведения. Во-вторых, у солдат, занижающих свой возраст, обнаружены связи со смысложизненными ориентациями, следовательно, чем моложе себя ощущают молодые люди, тем больше усилий требуется для сохранения собственных экзистенциальных целей и больше усилий в области контроля собственных ценностей и жизни. Ни солдаты, адекватно воспринимающие свой возраст, ни солдаты, переоценивающие свой возраст, не демонстри-

руют сопряженности субъективного возраста ни с копинг-стратегиями, ни с показателями смысловых ориентаций. Можно предположить, что гибкая субъективная идентификация у молодых людей становится личностным фактором, направленным на реализацию субъектных ресурсов (контроль поведения, защитные механизмы), поддержание личностных смысловых ориентаций, сохранение своей индивидуальности.

У офицеров субъективная идентичность скорее становится сама ресурсом, указывая на способность к адаптации и оценку имеющихся ресурсов, что означает, по-видимому, большую уверенность в своих возможностях для реализации личностных задач. Однако большая актуализация копинг-стратегий у офицеров, чувствующих себя моложе, означает необходимость регуляции стрессовых ситуаций, в которые вовлечена возрастная самоидентификация.

В другом исследовании, посвященном субъектно-личностной регуляции поведения у людей строго регламентированных (летчиков ВВС) и нестрого регламентированных профессий (фрилансеров, преподавателей, артистов), было показано, что построение временной перспективы в большей степени связано с субъективным возрастом и контролем поведения у людей с отсутствием строгой регламентации профессиональной деятельности, тогда как у людей со строгой профессиональной регламентацией — со смысловыми ориентациями. При этом контроль поведения был более интегрированным именно у летчиков, они же воспринимали себя преимущественно моложе своего календарного возраста (Павлова, Сергиенко, 2016). Следовательно, личностные составляющие — ориентация на смыслы в большей степени отражают уверенность в реализации собственных целей, уверенность в собственных регуляторных ресурсах.

Субъективный возраст в пожилом и старческом возрасте

На основе исследований, выполненных с участием людей пожилого и старческого возраста (Мелехин, Сергиенко, 2015а, б; Сергиенко, 2012, 2013), был проведен обобщенный анализ субъективного возраста в пожилом возрасте, показавший, что возрастная идентичность в период старения является гибким и неоднородным конструктом, включенным в регуляцию разных аспектов этого процесса. Положительная когнитивная иллюзия возраста может служить основанием улучшения субъективного благополучия, которая регулирует негативные проявления психического здоровья, такие как депрессия и тревога (Keyes, Westerhof, 2012). Взаимосвязь чувства одиночества

в пожилом и старческом возрасте с субъективным возрастом и его составляющими позволяет предположить, что субъективный возраст может рассматриваться в качестве маркера депрессивных состояний и чувства одиночества. Это подтверждается данными исследований, показавшими, что те люди пожилого и старческого возраста, которые оценивают себя моложе, как правило, чувствуют себя счастливыми, востребованными, они удовлетворены своей жизнью (Keyes, Westerhof, 2012; Westerhof, Barrett, 2005). Люди, воспринимающие себя старше своего фактического возраста, как правило, оценивают себя менее счастливыми и сообщают о более низкой удовлетворенности своим качеством жизни, состоянием здоровья, у них наблюдаются выраженные симптомы депрессии и субъективного чувства одиночества, что подтверждается данными других авторов (Logan, Ward, 1992; Stephan, Chalabaev, 2012). Наши данные показывают тесную взаимосвязь качества жизни и субъективного возраста, что свидетельствует о существенной роли субъективной возрастной идентичности для поддержания физического, психологического здоровья, социальных отношений, оценки окружающей среды и ее безопасности в пожилом и старческом возрасте, что согласуется с выводами других исследований (Bergland, Nicolaisen, 2014; Stephan, Sutin, 2015; Westerhof, Barrett, 2005). Соотношение между субъективным возрастом и состоянием здоровья опосредуется рядом физиологических (работоспособность) и психологических факторов (самоэффективность, самооценка, гибкость в оценке ситуации). Уменьшение самооценки здоровья приводит пожилых людей к более широкому использованию социального сравнения, чтобы повысить «физическое-Я», которое часто является буфером против отрицательных эффектов физических симптомов, влияющих на самооценку здоровья. Ф. Инфарна и Д. Герсторф показали, что среди пожилых людей, которые считают, что их здоровье лучше, чем у других людей их возраста, оценивали себя моложе своего возраста (Infurna, Gerstorf, 2010). Таким образом, можно отметить, что в позднем возрасте наблюдается развитие двойной идентичности: с одной стороны, у пожилого человека возникает понимание, что он стареет, а с другой, происходит анализ положительных ресурсов для оценки себя моложе. Данная особенность позволяет пожилым людям расширить свои возможности, оставаться активными членами общества, противодействовать негативным стереотипам и процессам старения. Субъективный возраст может способствовать поддержке состояния здоровья и социальной активности в поздних возрастах, поскольку он отражает биологические и социальные факторы.

Таким образом, приведенный краткий анализ результатов наших исследований субъективного возраста показал, что данный конструкт становится важнейшим расширением и уточнением возрастной идентичности, ее механизмов и роли в психической регуляции.

Индивидуальная возрастная идентификация (субъективный возраст), возможно, определяется двумя уровнями ментальных репрезентаций: стабильными (якорными) и более лабильными, изменяющимися проксимальными референциями возраста. Стабильные репрезентации — индивидуальные модели развития, маркирующие собственное поведение относительно возрастных ментальных схем. Проксимальные репрезентации, или ментальные возрастные маркеры, изменяются в соответствии с событиями, которые проблематизируют возраст. Однако насколько субъективный возраст человека может соперничать с хронологическим возрастом как предиктором различных аспектов поведения, остается в большей степени открытым вопросом. Одной из важных задач нашего исследования является изучение данного вопроса. Были показаны преимущественные связи субъективного возраста и его составляющих с качеством психологического и физического здоровья, с отношением к временной перспективе, с возможностями регуляции поведения в условиях строгой регламентации жизни, с ощущением одиночества, депрессии у пожилых людей.

Биологический субъективный и эмоциональный возраст служат якорной системой оценок, тогда как социальный и интеллектуальный в большей степени подвержены социальным установкам и требованиям. Предположение К. Брэмен (Braman, 2002), что биологический возраст является ключевой характеристикой в общем субъективном возрасте человека, находит свое подтверждение и в нашей работе. Однако он дополняется и эмоциональным субъективным возрастом, что показали исследования оценки возраста по фотографиям. Оценки возраста по фотографиям значительно ближе к реальному возрасту, чем субъективная возрастная идентификация. По-видимому, темпоральные сравнения играют ведущую роль в феномене субъективного возраста, на что указывают наши результаты оценки возраста по фотографиям, временной перспективы и качества здоровья. Темпоральные сравнения — это актуализация собственных ментальных представлений. Однако социальные сравнения и учет социальных маркеров возраста также вносят существенный вклад в самовосприятие возраста, о чем свидетельствуют данные по связи субъективного возраста с важными событиями в жизни, социальным статусом ра-

ботающего или пенсионера, наличием семьи, детей, внуков, уровнем образования. Субъективный возраст человека — феномен, имеющий многоуровневую и многофакторную организацию, его изучение требует значительных усилий. Когнитивная иллюзия возраста, нарастающая особенно интенсивно у пожилых людей, также имеет в своей основе психологические, социальные и временные сравнения и обусловлена многими факторами, небольшая часть которых описана в данной работе. Именно субъективный возраст (суммарный и его составляющие) связан с временной перспективой, с представлениями о физическом и психологическом здоровье. Анализ связей хронологического возраста выявил лишь единичные корреляции, не обладающие принципиальным значением для интерпретации индивидуальных вариантов возрастной идентичности в регуляции различных аспектов жизнедеятельности. Значение сравнений субъективного и хронологического возрастов в психическом развитии человека, особенно на поздних этапах онтогенеза, имеет большое практическое значение для понимания, прогноза, поддержки пожилых людей и помощи им. Субъективные оценки возраста молодых людей (включая солдат срочной службы) так же, как и людей среднего возраста, в том числе офицеров гарнизона, имеют преимущественное значение в регуляции поведения (связаны с контролем поведения и механизмами психологической защиты: стратегиями совладания и психологическими защитами). Данные указывают на ключевое значение субъективной возрастной идентификации на всем протяжении взрослого периода онтогенеза человека. Однако, если у молодых людей субъективное снижение возраста становится предиктором напряжения в самореализации и преодолении трудных жизненных ситуаций, то у пожилых людей более молодой субъективный возраст выступает внутренним ресурсом совладания с проблемами старения. Таким образом, субъективный возраст становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение.

Соотношение понятий хронологического, субъективного, психологического, биологического и социального возрастов

Хронологический возраст — возраст отдельного человека, начиная с момента его рождения и до конца жизни. Иногда его называют паспортным возрастом или календарным. Точкой отчета хронологического возраста становится факт рождения.

Биологический возраст — модельное понятие, определяемое как соответствие индивидуального морфофункционального уровня среднестатистической популяционной норме. Он отражает неравномерность развития, зрелости и старения различных физиологических систем и темп возрастных изменений адаптационных возможностей организма. Биологический возраст может или опережать хронологический, или отставать от него.

Термин «биологический возраст» появился в 1930—1940 годы в работах российских ученых В. Г. Штефко и Д. Г. Рохлина. Среди отечественных ученых, работавших над проблемой определения биологического возраста, первым был П. Н. Соколов. В 1935 г. он разработал таблицу возрастных сдвигов для определения информативных признаков по степени их интенсивности. Гораздо позже Т. Л. Дубина и А. Н. Разумович (1975) опубликовали первый обзор на русском языке по биологическому возрасту. Л. М. Белозерова (1998) разработала онтогенетический метод определения биологического возраста. Проблема биологического возраста является ключом для изучения влияния времени на изменения организма на всех этапах индивидуального развития от рождения до смерти, объединяемых термином «онтогенез».

Биологический возраст напрямую зависит от многих факторов, среди которых основными являются наследственность, окружающая среда и образ жизни. Негативно на биологический возраст влияют такие факторы, как неблагоприятная экологическая ситуация, вредные привычки, стресс, неуверенность в себе, депрессия, неправильное питание и т. д. Биологический возраст — фактическая степень старения или взросления человека, которая определяется с помощью методик и тестов различного уровня сложности. В основе этих методик и тестов лежат следующие морфологические критерии: возраст полового развития, скелетный возраст, зубной возраст, уровень соматического развития, интеллектуальная зрелость. Показатели биологического возраста человека могут быть выше или ниже паспортного возраста.

Социальный возраст определяется путем соотнесения уровня социального развития человека со среднестатистической нормой для его сверстников.

Социальный возраст связан с социальными изменениями, которые происходят в психике и зависят от возраста. К ним относятся важнейшие жизненные события человека, так называемые социальные часы (время вступления в брак, начало и завершение обучения и т. д.), а также возрастные изменения, определяющие мировоззре-

ние человека, его отношение к жизни. Социальный возраст включает уровень социальной зрелости человека, его адаптивности в социуме. Основными критериями данного возраста могут быть усвоение нравственно-правового уровня и социальных ролей, развитие профессиональной направленности и др. Градациями социального возраста выступают следующие: школьный, студенческий, пенсионный возраст и др. Социальный возраст отражает уровень достижений индивида по сравнению с популяционным уровнем людей одного с ним хронологического возраста, живущих в данное историческое время, в данной культуре и данном этническом сообществе. Он одновременно находится в более определенных институализированных нормах (границы брачного или пенсионного возраста) и является достаточно гибким социально-психологическим регулятором *возрастно-ролевых ожиданий и установок*. Изменение социального возраста основывается на социологических данных, исследованиях «жизненных расписаний» людей различных социальных групп (профессиональных, возрастных, социально-демографических и др.). Содержание жизненного расписания — это последовательность основных жизненных событий, движение человека в социуме: изменение социального статуса, овладение социальными ролями в различных сферах деятельности. При этом может наблюдаться как опережение, так и отставание в социальном движении. Можно быть «молодым родителем» или «старым супругом», «молодым бабушкой» и «старым холостяком». При значительном рассогласовании хронологического возраста и присущих ему социальных ожиданий (существенное отставание или опережение) может быть сопряжено с серьезными социально-психологическими проблемами адаптации человека (например, мать-подросток, поздняя защита кандидатской степени). Социальная группа, в которую входит индивид, может способствовать развитию жизненного расписания либо препятствовать ему (например, группа эмигрантов, профессиональная группа с границами самореализации).

Психологический возраст

Большинство психологов отождествляют психологический возраст человека с его личностным развитием, соответствующим периодизации психического развития. Например, развитие ребенка-дошкольника — с развитием игры и мотивации в игре, в которой происходит становление когнитивных и эмоциональных процессов. Подростковый возраст в зависимости от периодизации оценивается как этап познания социальных взаимодействий при общении со сверстниками (периодизация Д. Б. Эльконина) либо как процесс становления само-

идентичности (Э. Эриксон). Но в рамках любой периодизации психологический возраст рассматривается как достижение некоторого уровня развития той или иной психической функции. Эта проблема связана с пониманием психологической зрелости, которая слишком объемна, чтобы к ней обращаться в настоящей работе (см.: Сергиенко, 2007).

Е. И. Головаха и А. А. Кроник (2008) определяют следующие основные характеристики психологического возраста как феномена самосознания. Во-первых, это характеристика человека как индивидуальности измеряется в ее «внутренней системе отсчета» (как интраиндивидуальная переменная), а не путем интериндивидуальных сопоставлений. Для того чтобы определить психологический возраст личности, достаточно знать лишь ее собственные особенности психологического времени. Понятие возраста производно от понятия «время» и не может быть определено без понимания того, о каком времени идет речь, что выступает единицей измерения этого времени. Но в то же время авторы определяют психологический возраст личности как меру психологического прошлого личности, подобно тому, как хронологический возраст — мера его хронологического прошлого. Во-вторых, психологический возраст принципиально обратим, т. е. человек не только стареет в психологическом времени, но может и молодеть в нем за счет увеличения психологического будущего или уменьшения прошлого. В-третьих, психологический возраст многомерен. Он может не совпадать в разных сферах жизнедеятельности. К примеру, человек может чувствовать себя почти полностью реализовавшимся в семейной сфере и одновременно ощущать нереализованность в профессиональной (Головаха, Кроник, 2008).

Понятие субъективного возраста, как уже отмечалось, — это самовосприятие собственного возраста человеком, относящееся к его возрастной идентичности. Однако следует найти общие характеристики данного понятия с существующими: биологический возраст, социальный возраст, психологический возраст. Общими для всех понятий становится их несводимость к хронологическому возрасту человека, выраженность индивидуальной неравномерности в онтогенезе человека, их значение для индивидуального подхода к анализу человеческих возможностей и потенциалов.

Но при общности выделенных характеристик следует указать уже на их обособленность и специфику. Если биологический возраст обращен в большей степени к биологической природе человека, его функциональным возможностям и ресурсам, хотя и вводит психологическое понятие интеллектуального возраста в схему опре-

деления биологического возраста, то социальный возраст — это характеристика социальных достижений и результата социализации, освоения социального пространства. Однако при обращении к понятию социального возраста возникает вопрос: посредством каких индивидуальных психологических механизмов это развитие социального движения осуществляется? Его решение предполагает адресацию уже к социальной психологии, психологии развития и психологической проблематике в целом.

Еще труднее дифференцировать психологический и субъективный возраст человека. Оба эти понятия относятся к психологическим феноменам. Но психологический возраст, в определении Головахи и Кроника, — это понимание и интерпретация событий жизни, их оценка во времени жизни. Авторы каузального подхода полагают, что психологическое время отражает не только события прошлой, настоящей и будущей жизни человека в их хронологической последовательности, но и целостную, сложно организованную систему субъективно значимых причинно-следственных связей между ними. При этом события субъективно не только осознаются, но и переживаются как значимые. Они указывают неравномерность оценки психологического возраста в разных сферах деятельности (например, семейной и профессиональной), что сближает их конструкт с социальным возрастом. Также авторы указывают на обратимость психологического времени за счет или увеличения психологического будущего, или уменьшения прошлого. Однако, как показали наши результаты, этого не происходит в результате простых сдвигов временных координат. Напротив, они всегда индивидуально различны, и в зависимости от оценки прошлого и будущего (позитивного или негативного), в зависимости от временной селективности (Carstensen, 1992) временные координаты различно воздействуют на индивидуальное восприятие и реализацию поведения. Причем эти феномены восприятия временного континуума «прошлое—настоящее—будущее» взаимосвязаны с индивидуальными ресурсами и своеобразны на разных возрастных этапах развития человека: так, молодые люди, чувствующие себя старше, более адаптивны, и их негативное прошлое не имеет столь важного значения, тогда как люди 40—50 лет, воспринимающие себя моложе, чувствуют необходимость преодоления негативного прошлого для позитивного будущего и достижения удовлетворенности качеством жизни и здоровья. Пожилые люди, чувствующие себя моложе, обращены в большей степени в настоящее, более адаптивны и концентрируют свои ресурсы на достижении удовлетворенности качеством жизни и здоровья.

В феномене субъективного возраста его составляющие биологический субъективный возраст, эмоциональный субъективный возраст, социальный субъективный возраст и интеллектуальный субъективный возраст в разной степени вбирают в себя на имплицитном уровне и представление о биологическом возрасте, и представление о социальном возрасте, и психологическом возрасте. Так, давая субъективную оценку «На сколько лет я себя чувствую», человек ориентируется на недифференцированные ощущения не состояния своих зубов, скелета, метаболических процессов, а на возможность функциональной сохранности, обеспечивающей его жизненные задачи и цели. Оценивая себя «На сколько лет я выгляжу» (эмоциональный возраст), человек психологически соотносит себя с другими людьми и самим собой во времени (социальные и временные сравнения). Когда человек субъективно называет свой возраст «На сколько лет я действую», он не может не прибегать к социальным и временным сравнениям, то же касается и возраста его интересов (интеллектуального возраста). Следовательно, при фокусе на субъективной самооценке своего возраста субъективный психологический возраст дает многомерные оценки своего психологического статуса: биологического, социального, психологического, оценку своих возможностей и ресурсов.

Субъективный психологический возраст не противопоставляется психологическому возрасту, но представляет собой самостоятельный понятийный конструкт, обращенный к сознательно-интуитивным оценкам своих адаптивных возможностей. В наших исследованиях была впервые показана индивидуальная дифференциация субъективного возраста и его составляющих, регулятивная функция субъективного возраста в жизнедеятельности. Интересной задачей исследований могло бы стать сравнение психологического возраста личности в каузальном подходе Головахи и Кроника и феномена субъективного возраста как более динамичного на протяжении онтогенеза и повседневной жизни психологического механизма самоидентичности.

Мы относили субъективный возраст к личностным образованиям как феномену возрастной идентичности. Однако уже проведенные и проводимые в настоящее время исследования дают основание полагать, что субъективный возраст человека есть результат взаимодействия личностных и субъектных образований и функций. Так, оценка значимости для человека той или иной деятельности, направленности на определенные виды самореализации (профессиональная сохранность, достижение новых научных результатов, решение ин-

тересной задачи, увлечение искусством и т. п.) создают «запрос» к индивидуальным ресурсам человека, его субъектной индивидуальной интеграции на реализацию поставленных задач с учетом текущей ситуации собственного развития и социальных условий. Следовательно, субъективный возраст становится не только результирующим феноменом оценки хронологического, биологического, социального и психологического возрастов, но и результатом взаимодействия субъекта и личности.

В разработке данных предположений мы видим перспективы развития и применения понятия субъективного возраста.

Заключение

Анализ понятия субъективного возраста, относительно нового в отечественной психологии и получившего распространение в зарубежной психологии с 1950-х годов, показывает, что оно имеет большой потенциал для психологии, социологии, медицины и образования, обращается к индивидуальной субъективной оценке возраста, тем самым учитывается специфика ресурсов и потенциалов человека. Субъективный возраст становится не альтернативой других оценок (биологического, социального, психологического возрастов), но неотъемлемым компонентом психологического исследования, более эффективно предсказывающим индивидуальные возрастные изменения, способность к регуляции жизнедеятельности и даже обозначающим предвестники смерти. Это динамичный и лабильный конструкт возрастной идентичности, играющий важное значение в поведении и реализации человека.

Как показали наши исследования и работы зарубежных авторов, субъективный возраст имеет ключевое значение для субъективной возрастной идентификации на всем протяжении взрослого периода онтогенеза человека. Однако, если у молодых людей субъективное снижение возраста становится предиктором напряжения в самореализации и преодолении трудных жизненных ситуаций, то у пожилых людей более молодой субъективный возраст выступает внутренним ресурсом совладания с проблемами старения. Таким образом, субъективный возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение.

Системно-субъектный подход является релевантным конструкту субъективного возраста: и контроль поведения, и субъективный

возраст делают акцент на внутренней, психической организации человека в реализации и регуляции собственного поведения. Более того, субъективный возраст человека может выступать показателем его психологического ресурса, что согласуется с гипотезой ресурсной природы контроля поведения как субъектной регуляции. Биологический возраст служит якорной системой оценок, тогда как социальный, эмоциональный и интеллектуальный в большей степени подвержены социальным установкам и требованиям. Значение данных составляющих в субъектной организации собственной жизнедеятельности, саморегуляции предстоит еще изучить.

Однако насколько субъективный возраст человека может соперничать с хронологическим возрастом как предиктором различных аспектов поведения, остается в большей степени открытым вопросом. Одной из важных задач нашего исследования является изучение данного вопроса.

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
- Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Белозерова Л. М.* Метод определения биологического возраста по работоспособности // Клиническая геронтология. 1998. № 2. С. 34–38.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2008.
- Гуревич К. Г., Фабрикант Е. Г.* Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний // ГОУ ВПО Московский государственный медикостоматологический университет, 2008. URL: <http://bono-esse.ru/bliz-zard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/pl.html> (дата обращения: 21.04.2018).
- Дубина Т. Л., Разумович А. Н.* Введение в экспериментальную геронтологию. Минск: Наука и техника, 1975.
- Ковалев В. И.* Психологические особенности личностной организации времени: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1979.
- Кроник А. А., Ахмеров Р. А.* Мотивационная недостаточность как критерий картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1988. С. 55–74.

- Мелехин А. И., Сергиенко Е. А. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015а. Т. 4. С. 6–14.
- Мелехин А. И., Сергиенко Е. А. Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2015б. Т. 6. № 4. С. 60–77.
- Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000.
- Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 2009.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
- Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 36. № 2. С. 43–56.
- Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 13–28.
- Сергиенко Е. А. Когнитивная иллюзия возраста // Психология зрелости и старения. 2012. № 4 (60). С. 5–32.
- Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека. Психологические исследования. 2013. 6 (30). 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.04.2018).
- Сергиенко Е. А. Субъективный возраст человека как предиктор жизнедеятельности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3 (76). С. 186–196.
- Сергиенко Е. А. Киреева Ю. Д. Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством жизни // Психолог. журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 39–51.
- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
- Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск–М., 2010.
- Barak B. Age identity: A cross-cultural global approach // International Journal of Behavioral Development. 2009. V. 33. № 1. P. 2–11.
- Bergland A., Nicolaisen M. Predictors of subjective age in people aged 40–79 years: a five-year follow-up study. The impact of mastery, mental and physical health // Aging & Mental Health. 2014. V. 18. № 5. P. 653–661.
- Braman A. C. What is subjective age and who does one determine it: the role of social and temporal comparisons. Dissertation presented to the Graduate

- School of Arts and Sciences of Washington University. Saint Louis, Miss., 2002.
- Carstensen L. L.* Social and emotional patterns in adulthood: support for socioemotional selectivity theory // *Psychology and aging*. 1992. V. 7. № 3. P. 331–343.
- Carp F. M., Carp A.* Mental health characteristics and acceptance-rejection of old age // *American journal of orthopsychiatry*. 1981. V. 51. P. 230–241.
- Cooper P. E., Thomas L. E., Stevens S. J., Suscovich D.* Subjective time experience in an intergenerational sample // *International journal of aging and human development*. 1981. V. 13 (1). P. 183–193.
- Galambos N. L., Turner P. K., Tilton-Weaver L. C.* Chronological and subjective age in emerging adulthood: the crossover effect // *Journal of adolescent research*. 2005. V. 20. P. 538–556.
- Galambos N. L., Albrecht A. K., Jansson S. M.* Dating, sex and substance use predict increases in adolescents' subjective age across two years // *International journal of behavioral development*. 2009. V. 33. № 1. P. 32–41.
- Goldsmith R. E., Heins R. A.* Subjective age: a test of five hypotheses // *The gerontologist*. 1992. V. 32. P. 312–317.
- Hubley A., Russel L.* Prediction of subjective age, desire age, and age satisfaction in older adults: do some health dimensions contribute more than others? // *International journal of behavioral development*. 2009. V. 33 (1). P. 12–21.
- Infurna F. J., Gerstorf D., Robertson S., Berg S., Zarit S. H.* The nature and cross-domain correlates of subjective age in the oldest-old: Evidence from OCTO study // *Psychology and Aging*. 2010. V. 25. № 2. P. 470–476.
- Kastenbaum R., Derbin V., Sabatini P., Arrt S.* "The ages of me": toward personal and interpersonal definitions of functional aging // *Aging and human development*. 1972. V. 3. P. 197–211.
- Keyes C. L., Westerhof G. J.* Chronological and subjective age differences in flourishing mental health and major depressive episode // *Aging Mental Health*. 2012. V. 16. № 1. P. 67–74.
- Lang F. R., Carstensen L. L.* Time counts: future time perspective, goal and social relationships // *Psychology and Aging*. 2002. V. 17. P. 125–139.
- Logan J. R., Ward R.* As old as you feel: Age identity in middle and later life // *Social Forces*. 1992. V. 71. P. 451–467.
- Markides K. S., Boldt J. S.* Change in subjective age among the elderly // *Gerontology*. 1983. V. 23. P. 422–427.
- Montepare J. M.* Variations in adults' subjective ages in relation to birthday nearness, age awareness, and attitudes toward aging // *Journal of adult development*. 1996. V. 3. P. 171–183.
- Montepare J. M., Lachman M. E.* "You are only as old as you feel": self-perceptions of age, fears of aging, and life satisfaction from adolescence to old age // *Psychology and aging*. 1989. V. 4. P. 73–78.

- Mossey J. M.* Importance of self-perceptions for health status among older persons. // Emerging issues in mental health and aging / Ed. M. Gatz. Washington, DC: American Psychological association, 1995. P. 124–165.
- Smith M. A., Plawecki H. M., Houser B., Carr J., Plawecki J. A.* Age and health perceptions among elderly Blacks // Journ. of gerontological nursing. 1991. V. 17. 13–19.
- Stephan Y., Chalabaev A.* Feeling younger, being stronger: an experimental study of subjective age and physical functioning among older adults // The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2012. V. 68. № 1. P. 1–7.
- Stephan Y., Sutin A. R.* How Old Do You Feel? The Role of Age Discrimination and Biological Aging in Subjective Age // PLoS ONE. 2015. V. 10. № 3. P. 1–12.
- Ware J. E. J., Kosinski M., Keller S. D.* SF-36 physical and mental health summary scale: a user's manual. Boston, MA: The Health Institute, New England Medical Centre, 1994.
- Ward R. A.* The impact of subjective age and stigma of older persons // Journ. of gerontology. 1977. V. 32. P. 227–232.
- Westerhof G. J., Barrett A. E.* Age Identity and Subjective Well-Being: A Comparison of the United States and Germany // Journal of Gerontology: social sciences. 2005. V. 60. № 3. P. 129–136.

Психологический смысл понятия «компенсация» в истории науки и в современных исследованиях

Н. Е. Харламенкова

С целью обозначения предметов и их признаков, а также описания, объяснения, обоснования полученных в ходе исследования фактов, закономерностей ученые используют научные понятия.

Понятие, как утверждал известный русский философ и историк философии В. Ф. Асмус, входит в состав суждения о каком-либо явлении; кроме того, понятие «выступает как мысль, выражающая результат, итог научного знания и исследования на данном этапе познания» (Асмус, 1969, с. 282). Понятие может обозначать предмет, его свойство или отношение между предметами, каждый раз являясь «мыслью о признаках», прежде всего о существенных признаках изучаемого предмета или явления.

О необходимости развития научной мысли, выраженной в виде понятий и категорий, писал П. В. Копнин — российский и украинский советский философ, автор научных работ по теории познания, методологии и логике науки. Он утверждал, что понятия и категории определяют направление мыслительной деятельности, ее границы, допустимые формы осуществления. «Движение мысли может застопориться не потому, что оно определяется категориями, а, наоборот, потому, что отсутствуют категории, которые в сложившейся научной ситуации могут определить возможный путь развития мысли, способ синтеза данных опыта и понятий» (Копнин, 1974, с. 465). Рассматривая регулирующую роль *философских категорий* — категорий диалектики, Копнин подчеркивал, что они не ограничивают

Работа выполнена по государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0007.

свободу творчества ученого, но при этом оставляют его в пределах научно-теоретического мышления. Содержание понятий конкретных наук и философских категорий отражает, по мнению Копнина, уровень науки своего времени и должно изменяться по мере развития научного знания.

Для *специальных наук* разработка наиболее общих понятий – категорий – означает возможность взаимодействия с другими науками и составляет основу для обоснования наиболее общих методологических принципов исследования. «Вписывая в себя не только общее, но и особенное содержание разных наук, философские категории способствуют формированию общенаучной методологии, усиливающей взаимовлияние друг на друга различных частных дисциплин» (Анцыферова, 1988, с. 6). Одновременно с этим формирование понятийного аппарата конкретной науки основывается на получении новых научных данных, наполняется новым содержанием и, в свою очередь, меняет отношение между философскими категориями и системой понятий специальных наук. В ряде случаев это отношение может достигать уровня противоречия и выступать серьезным препятствием на пути создания нового фундаментального знания, новых теорий. В связи с этим понятно, что «жизненна только та логическая основа науки, которая непрерывно пополняется новыми элементами, создающими возможность более эффективного влияния на познавательный процесс» (Копнин, 1974, с. 468).

Так же как и развитие наиболее общих категорий науки, формирование *понятий конкретной науки* тесно связано с появлением нового знания, требующего своевременного анализа и обобщения, научной категоризации. Для *психологии* эта задача оказывается наиболее важной, поскольку, как писала Л. И. Анцыферова, нечеткость границ между психологическими понятиями, их многозначность часто становятся предметом научных дискуссий. Кроме того, важно учитывать диалектичность психологического знания, определяемую спецификой понятий психологии, в которых отражается «текучесть, пластичность, постоянная изменчивость, напряженность, многокачественность явлений душевной жизни человека, основным способом существования которой выступает развитие» (Анцыферова, 1988, с. 6). На особенности развития и конструирования психологического знания, его категоризацию указывают и современные философы и психологи (Абульханова, Кольцова, 2017; Асмолов, Гусельцева, 2015; Знаков, 2016; Журавлев, Юревич, 2014; Лекторский, 2008; Максимова, Александров, 2016а, б; Пружинин, Щедрина, 2015; Сергиенко, 2016; и др.).

Разработка понятийного аппарата науки определяется системой методологических принципов и общепсихологических категорий и, по мнению М. Г. Ярошевского, является «коллективным творчеством и достоянием»; устойчивое, «инвариантное в категориях обуславливает то, что они действуют в течение длительного исторического периода, не только прошлого, но также настоящего и будущего... исторические исследования приобретают взамен „антикварного“ актуальное значение, позволяя психологу понять внутреннее родство своей мысли с мыслью прежних и грядущих эпох, и освобождают от „презентистской“ иллюзии» (Ярошевский, 1976, с. 14–15).

В истории развития психологии известны примеры введения в категориальный аппарат науки новых понятий, примеры уточнения или даже изменения содержания понятий, давно используемых учеными для обозначения тех или иных явлений и их признаков. Эта «подвижность» понятий и категорий науки означает динамичность научного знания, которое изменяется в соответствии с новыми запросами общественной практики и логикой развития конкретной науки.

Цель статьи — дать исторический экскурс в изучение феномена компенсации, продемонстрировать разнообразие подходов к толкованию компенсации, отразить современное состояние и перспективы изучения компенсации, определить содержание понятия.

Подходы к изучению компенсации в физиологии, психофизиологии, нейро- и патопсихологии

Явление компенсации широко известно в научном мире и находит свое объяснение в работах физиологов, медиков, психофизиологов, неврологов, нейропсихологов и др. Понятие «компенсация» используется для обозначения особого процесса, в ходе которого происходит возмещение одних, утраченных тканей, органов, функций, навыков за счет других органов, функций и т. п., сохранивших свою целостность и жизнеспособность.

По мнению В. П. Зинченко, отечественный физиолог А. А. Ухтомский видел в необратимости жизненных процессов не только негативные, но и позитивные последствия, одним из них является порождение нового (Зинченко, 2011, с. 238). Используя понятия «физиологический покой», «деятельное мгновение», «оперативный покой», Ухтомский показывает, что неравновесное состояние стремится к покою и гармонии, а также ко все новым и новым состояниям, порождению функциональных органов. «Оперативный покой есть готовность к действию, могущая устанавливаться на различные

степени высоты. Более высоко организованная способность к оперативному покою вместе и более организованная, срочная готовность к действию» (Ухтомский, 1978, с. 175). Это значит, что в относительном физиологическом покое необходимо усматривать компенсацию как преодоление неравновесного состояния и достижение баланса, а одновременно готовность к действию. Иными словами, компенсация, с одной стороны, направлена на преодоление дисгармонии, дисбаланса, а, с другой стороны, на реализацию новых форм жизнедеятельности, новых функциональных решений. *«Возрастающая дееспособность и возрастающая способность к оперативному покою — это две стороны одного и того же биологического достижения»* (там же, с. 175). Обнаруживая в компенсации не только преодоление неравновесности, но и особую энергию организма, направленную на расширение его возможностей, Ухтомский открывает в человеке ресурсы редукции возникшей неполноценности, функциональной несостоятельности, а также такие силы, которые он связал с понятием «духовного организма», личности и свойственным ей «преодолением материи, преодолением себя, претерпеванием, страданием» (Зинченко, 2011, с. 262).

Формулируя «закон о компенсации или замещении», В. М. Бехтерев определяет его как закон, «по которому всякое движение или какая-либо другая форма энергии, встречая то или иное препятствие для своего проявления, замещается другими движениями или другими формами энергии, представляющими в сущности тот же род движения» (Бехтерев, 1994, с. 319). Этот закон, пишет Бехтерев, является прямым следствием принципа сохранения энергии и встречается как в неорганическом, так и в органическом мире, в жизни отдельной личности и целых коллективов. Как и многие из его последователей, Бехтерев обращает внимание на различные дефекты и их компенсацию в виде развития других функций (например, на глухонмоту и ее компенсацию — развитие жестовой речи). Главное, что отмечает Бехтерев, — это возможность реализации процесса *сигнализации* и *символизации* как замещения утраченных или неразвитых функций. Сигнал рассматривается Бехтеревым в качестве условия коллективной деятельности, знака, побуждающего к деятельности, а также как средство согласования коллективной деятельности. Увлечшись поиском символов в разных сферах человеческой деятельности, Бехтерев, по существу, отождествляет компенсацию и символизацию, что, с нашей точки зрения, не совсем верно. Тем не менее, показывая, что замещение может происходить не только на уровне процессов одного порядка (например, замещения дефицита зрения разви-

тием слуховой чувствительности), но и на уровне разных по своей сложности процессов, Бехтерев подтверждает, что функционирование человека происходит *системно*, и разные уровни этой системы являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Важно еще и то, что Бехтеревым отмечена *согласованность* первичного и вторичного (компенсаторного) процессов, в которой эффект замещения достигается только при наличии определенного (прямого или опосредованного символом) *сходства* между ними. До некоторой степени этот вывод подтверждается рассматриваемым им далее «законом зависимых отношений», который более детально объясняется на примере связи исторических событий и общественных явлений (Бехтерев, 1994, с. 331–345).

Обычно компенсация понимается как частный случай приспособительных функций организма, являясь реакцией на повреждение. П. К. Анохин, исследуя механизмы компенсации, показал недостаточность для их изучения декартовой «рефлекторной дуги» и ввел дополнительное звено в схему рефлекса — постоянно действующую обратную афферентацию. Предлагая свой подход к решению проблемы компенсации, Анохин формулирует несколько вопросов, которые касаются того, как происходит оповещение организма о наличии дефекта, какие конкретные физиологические механизмы участвуют в процессе компенсации, на основе какого механизма дается информация о завершении процесса восстановления нарушенных функций. По Анохину, ни одно рефлекторное действие, возникающее в ответ на поступающий сигнал о дефекте функции, не может привести к полезному результату без *обратной афферентации*. «Только при этом условии, — пишет Анохин, — т. е. при наличии постоянной обратной афферентации, сопровождающей, как эхо, каждый рефлекторный акт, все натуральные поведенческие акты целого животного могут возникать, прекращаться и переходить в другие акты, составляя в целом организованную цепь целесообразных приспособлений к окружающим условиям» (Анохин, 1979, с. 317). Согласно данному подходу, принципами компенсации нарушенных функций являются: 1) принцип сигнализации дефекта — реагирование нервной системы на нарушение нормальной жизнедеятельности организма; 2) принцип прогрессивной мобилизации компенсаторных механизмов — актуализация значительных резервных возможностей организма, превышающих степень дефекта; 3) принцип непрерывной обратной афферентации от последовательных этапов восстановления нарушенных функций — контроль и регулирование компенсации на всех ее этапах; 4) принцип санкционирующей афферентации — закрепление, сохранение

в памяти условий, при которых наиболее успешно осуществляется то или иное действие, закрепление новых компенсаторных функций; 5) принцип относительной устойчивости скомпенсированной функции как возможность возврата прежних функциональных нарушений в результате действия сильных и сверхсильных раздражителей; допустимость декомпенсации (Анохин, 1955, 1979). Таким образом компенсация представляет собой процесс, в ходе которого постепенно, на основе корректирующей обратной афферентации и акцептора действия, позволяющего оценить точность и достаточность выполненных актов, происходит восстановление утраченной функции.

Давние и более современные исследования в области физиологии и психофизиологии (Александров, Сварник, Знаменская и др., 2017; Основы психофизиологии, 1997; Alexandrov, Grinchenko, Jarvilehto, 1990; Getzmann, 2012; Martinu, Monchi, 2013; и др.), в которых в той или иной степени ставится проблема компенсации, тесно связаны с изучением механизмов восстановления психических функций при различных нарушениях деятельности мозга (интоксикации, травмах, опухолях и др.) в области *нейропсихологии*.

В ставшей широко известной книге «Потерянный и возвращенный мир» А. Р. Лурия описывает случай младшего лейтенанта Льва Засецкого, который во время войны был ранен в левую теменно-затылочную область головы, потерял память, утратил привычные навыки и способность к обучению. Лурия, анализируя этот случай, описывает, как при невероятной воле и упорстве, человек, лишившийся возможности обращаться к своему опыту, тем не менее смог частично скомпенсировать потерю памяти развитием функции воображения. В многочисленных исследованиях Лурии показано, каким образом осуществляется компенсация утраченных или нарушенных функций; делается вывод о важнейшей роли «смысловой организации материала» для улучшения, например, мнестической деятельности. Наряду с этим отмечается, что в более тяжелых случаях, при выраженных патофизиологических факторах, компенсаторные механизмы, осуществляемые за счет смысловой организации материала, не способны восполнить утраченное (Лурия, 1974, с. 198).

Гипотеза А. Р. Лурии о том, что нейродинамика речевых процессов в ее развитии опережает нейродинамику двигательных процессов и поэтому возможна компенсация нарушений движений посредством речи, была подтверждена в ранних исследованиях Е. Д. Хомской, в кандидатской диссертации «Роль речи в компенсации нарушений условных двигательных реакций у детей» (1957) при сравнении детей с задержкой психического развития и детей-олигофренов. Компен-

сация нарушения движений с помощью речи оказалась возможной только у детей с задержкой психического развития.

Ю. В. Микадзе, обращаясь к проблеме компенсации работы поврежденных участков мозга и ссылаясь на исследования Э. Голдберга, выделяет «градуальный» принцип работы нейронных ансамблей мозга. Автор пишет, что в процессе онтогенеза образуются нейронные группы, которые начинают максимально реагировать на определенные внешние стимулы. Смежные группы также активируются в ответ на эти стимулы, но в меньшей степени. В исследовании выявлено, что компенсация возможна только тогда, когда при повреждении ведущей группы нейронов смежная группа нейронных ансамблей остается сохранной. Усиление с возрастом межполушарной и внутриполушарной специализации нейронных групп, затрудняет компенсацию. Поздно формирующиеся функции (речь) по сравнению с рано формирующимися функциями (перцепция) имеют преимущества в компенсации при повреждениях мозга. Можно предположить, указывает Микадзе, что «большие возможности компенсации речевых расстройств в детском возрасте обусловлены двумя факторами. Первый из них — невысокая степень дифференциации мозговых зон, когда специализация рядом расположенных отделов невелика, и они выполняют сходные функции. Это позволяет им взять на себя роль поврежденного участка. Второй — участие симметричных, правополушарных мозговых зон в речевой системе, которые могут взять на себя при определенных условиях несвойственную им функцию» (Микадзе, 2008, с. 150). Отмечается, что понимание того, в каком возрасте и при каких условиях эти факторы могут влиять на процесс компенсации нарушенных функций, является одной из задач нейропсихологии детского возраста.

В *патопсихологических* исследованиях специфика собственно психической компенсации дефекта обнаруживается наиболее очевидно. Так, рассматривая личностные особенности больного эпилепсией, *Б. В. Зейгарник* отмечает, что такие черты, как педантичность и аккуратность, выступают в качестве способа компенсации первичного дефекта, причем ему отводится роль не механического, автоматического совладания с дефектом, а способа, который вырабатывается *личностью* и которым она *овладевает* в процессе преодоления собственной неполноценности. Зейгарник в связи с этим пишет: «Для того чтобы компенсировать дефект, надо прежде всего выработать адекватные способы и средства его преодоления... надо не только найти способы преодоления дефекта, но и овладеть ими до известной степени свернутости и автоматизации. Навык освобож-

дает субъекта от контроля за исполнением действия и тем самым дает возможность перенесения ориентировки в более широкое поле деятельности» (Зейгарник, 1976, с. 78). Это означает, что участие *субъекта, личности* в процессе компенсации психических нарушений является обязательным условием успешности этого процесса.

На этом фундаментальном основании построено клинико-психологическое исследование патологии шизофренического и шизотипического спектра, которое было начато группой ученых — В. П. Критской, Т. К. Мелешко и Ю. Ф. Поляковым (1991) и продолжено в последующие годы (Критская, Мелешко, 1999, 2004, 2009, 2015; и др.). В целом при характеристике этой патологии была выявлена дефицитарность социальной направленности и социальной регуляции, типичная для обследуемой группы. Были выделены нарушенные стороны психической деятельности больных, а также анализировались сохраненные, которые могли стать основанием для спонтанного или произвольного восполнения дефицита социального общения, для адаптации в социуме. Используя данные обследования больных, Критская и Мелешко предложили оригинальную модель для выявления социально-адаптационных возможностей больных с юношеской малопрогредиентной шизофренией и показали, что социальной адаптации больных способствуют «ориентация на социальные нормы, относительно высокий интеллектуальный уровень, способность к произвольной регуляции и сознательному контролю своей деятельности, достаточно высокий уровень психической активности и общения» (Критская, Мелешко, 2015, с. 345). В том числе указывается, что достижение высокого уровня социальной адаптации невозможно без *активного участия* самого больного в реабилитационном процессе. При этом успех зависит от уровня рефлексивных способностей больных и их волевой активности, которые обычно благоприятствуют преодолению трудностей в общении. При выраженном дефекте оба эти компонента снижены и даже дополнительная стимуляция активности больного не приводит к положительному эффекту. Ссылаясь на работы Д. Е. Мелихова, Критская и Мелешко подтверждают, что в данном случае «речь может идти не столько о социально-трудовой компенсации дефекта, сколько об адаптации, приспособлении личности к дефекту...» (там же, с. 347).

В целом, как было показано выше, компенсаторные механизмы чаще всего рассматриваются с позиции их пользы. Однако может наблюдаться и обратное, когда компенсация начинает препятствовать преодолению трудностей, вызванных нарушением функции, подкрепляя дефект. В частности, в работах *Е. Т. Соколовой* важным

аспектом исследований стало изучение различных феноменов расстройства самоидентичности как защитно-компенсаторных искажений формирования личности и их вклада в развитие «фальшивого» представления о себе и других. Наряду с этим показана позитивная роль компенсации личностного развития и изменений самосознания, которая возможна, согласно Соколовой, при профессиональной поддержке пациента в процессе специально организованного воздействия (консультирования, психотерапии и др.) (Соколова, 2015).

Предположение об универсальности процесса компенсации подтверждается исследованиями, проведенными в области *дефектологии* и *специальной психологии*. Л. С. Выготский, обсуждая проблему компенсации в связи с анализом особенностей развития ребенка, имеющего физические недуги, указывал на неоднозначный характер их последствий. «С одной стороны, дефект есть минус, ограничение, слабость, умаление развития; с другой — именно потому, что он создает трудности, он стимулирует повышенное, усиленное движение вперед» (Выготский, 1983, с. 7). Из этого следует, что для дефектологии объектом исследования и анализа является не недостаток как таковой, а ребенок, страдающий этим недугом, поэтому «реакция организма и личности ребенка на дефект есть центральный основной факт, единственная реальность, с которой имеет дело дефектология» (там же, с. 7). По мнению Выготского, благодаря органическому *единству личности* другая способность принимает на себя функции неполноценного органа. Выготский использует понятия «преодоление» и «выравнивание», которые обозначают стремление личности к тому, чтобы справиться с нарушением внутренней гармонии, совладать с неприятными чувствами. Реагируя на проблему целостно, личность актуализирует особые силы, направленные на преодоление дефекта, недуга, спектр которых оказывается бесконечно разнообразным, а формы — причудливыми и неординарными; равные и подобные им, как говорил Выготский, не наблюдаются в «типическом развитии нормального ребенка».

Важно подчеркнуть, что компенсация, согласно Выготскому, может иметь два крайних исхода — победу и поражение. Исход зависит от многих причин, но в основном — от соотношения степени недостатка и богатства «компенсаторного фонда», который позволяет *замещать, надстраивать, выравнивать* недостаточное, а также от *социальной позиции* ребенка, которая и определяет направление компенсаторных процессов; судьбу личности решает не дефект, а его социальные последствия, социально-психологическая реализация. Более того, согласно Выготскому, сама компенсация приобретает со-

циальный характер, поскольку направлена «не на прямое восполнение дефекта, которое большей частью невозможно, а на преодоление затруднений, создаваемых дефектом» (Выготский, 1983, с. 14), на завоевание социальной полноценности, которая по существу и является целью «социальной компенсации».

В статье «Дефект и компенсация», включенной в качестве отдельной главы в работу «Общие вопросы дефектологии», Выготский обращается к феномену *сверхкомпенсации*, указывая на то, что всякое повреждение вызывает защитные реакции, которые являются гораздо более энергичными и сильными по сравнению с тем, что нужно для того, чтобы парализовать непосредственную опасность. Из неполноценности возникает сверхполноценность, дефект превращается в одаренность, талант. «Таким путем организм не только компенсирует причиненный ему вред, но всегда вырабатывает излишек, перевес над опасностью, приводящий его в более высокое состояние защищенности, чем то, которое у него было до возникновения опасности» (Выготский, 1983, с. 35).

Вопросы развития ребенка с различными аномалиями, теория и практика диагностики и восполнения утраченных или нарушенных функций остаются актуальными темами исследования в современной психологии и дефектологии (Басилова, 2015; Белопольская, 2016; Лубовский, 2006; Лубовский, Коробейников, Валявко, 2016; Щербакова, 2014).

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сказать, что при ослаблении какой-либо функции или при ее дефекте организм реагирует на эту ситуацию целостно, селективно выбирая способы замещения дисфункции; в процессе компенсации могут участвовать функции одного или разных уровней; компенсация имеет процессуальный характер и может приводить к позитивному или негативному результату, а в отдельных случаях быть просто неэффективной. Активное участие личности в процессе компенсации дефекта является одним из главных условий его успешности.

Механизмы компенсации в исследованиях проблемы темперамента, общих способностей и личности

История психологии личности и индивидуально-типологических различий связана с длительным и комплексным исследованием проблемы устойчивых, формально-динамических свойств психики, личностных особенностей, а также с их изменением с целью приспособления к различным жизненным обстоятельствам. Закономер-

ным в связи с этим можно считать вопрос о том, каким образом люди, имеющие разные задатки, способности, свойства темперамента, могут достигать одинаковой результативности при выполнении одной и той же деятельности. *Б. М. Теплов*, исследуя проблему музыкальных способностей, доказывал, как недостаточно высокий уровень развития одних способностей может быть компенсирован совершенствованием других. Например, сравнивая между собой людей с наличием и отсутствием абсолютного слуха, Теплов замечал, что первые узнают высоту звука без каких-либо дополнительных усилий, легко и непосредственно; вторые же основываются на чувстве интервалов и «внутреннем пении» (Теплов, 1947, 128–129), но могут также безошибочно определять высоту звука, как и люди, имеющие абсолютный слух.

В исследованиях проблемы *темперамента* часто высказывается мнение о наличии тесной связи формально-динамических свойств психики и природных особенностей (Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын, В. М. Русалов и др.). Именно поэтому, как считается, темпераментальные особенности не могут быть изменены, но могут быть скомпенсированы.

Разрабатывая проблему индивидуального стиля деятельности, *В. С. Мерлин*, *Е. А. Климов* и другие исследователи подтверждают, что люди с разными свойствами темперамента способны адаптироваться к разным видам деятельности, ведь, как пишет Климов, «индивидуальный стиль есть индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49). Изучение индивидуального стиля деятельности продолжается и в исследованиях современных авторов (Толочек, 2015).

В *психологии личности* слово «компенсация» включено в систему основных понятий теории А. Адлера, К. Юнга, Л. Сонди и многих других известных ученых, представление которых об интересующем нас феномене подробно изложено в другой статье (Харламенкова, 2016). Кратко остановимся на этих исследованиях.

Для *А. Адлера* «постоянным стимулом развития психики индивида» (Адлер, 1997, с. 41) является чувство неполноценности как переживание личностью своей неспособности, некачественности. Объясняя необходимость реализации компенсаторных механизмов, Адлер говорил о так называемом «принуждении к выравниванию», о совладании с неполноценностью. При этом он отмечал, что результат компенсации неоднозначен и зависит от выраженности у человека чувст-

ва общности, или *социального интереса*. Адлер подчеркивал, что часто компенсация направляется не на улучшение способности, а на улучшение неудовлетворительного (связанного или вызванного дефектом) положения самого человека в группе окружающих его и более благополучных, по его мнению, людей. Такого человека влечет к всемогуществу, совершенству, богоподобию. «Очевидно, что в тот момент, когда достижение определенной позиции в группе становится главной целью человека, (сверх-)компенсация превращается уже в социально-психологическую проблему» (там же, с. 30). Исследования Адлера продемонстрировали, что причиной неполноценности может стать не только физический недостаток, но и негативная оценка со стороны другого человека либо его безразличие по отношению к субъекту; при этом компенсация способна как снижать, так и усугублять чувство неполноценности.

В работах *Карла Юнга* компенсация рассматривается не просто как автоматическое восполнение недостаточности сознательных реакций за счет компенсаторной роли бессознательного, но как особая работа, *усилие*, которое должен сделать субъект для гармонизации психического функционирования, для того, чтобы соотношение между сознательным и бессознательным было *уравновешено* (Фрей-Верлин, 2004). Подчеркивая особый статус бессознательного по отношению к сознанию, Юнг писал: «Мы можем выдвинуть утверждение о том, что *бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием*»; при этом недвусмысленно употребляется «слово „компенсаторный“, а не слово „контрастирующий“, потому что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого — *Самости*» (Юнг, 1994, с. 240).

Выделяя в структуре личности сознание, личное и коллективное бессознательное, Юнг различает компенсацию, связанную с индивидуальной жизнью субъекта, и компенсацию, проявляющую себя на уровне коллективных образов. На уровне личного бессознательного компенсируются не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные субъектом; или выводы, не сделанные им вовремя; или аффекты, которые он себе не позволил; или критика, которую оставил при себе. На уровне коллективного бессознательного, писал Юнг, «мы можем, наконец, спокойно признать, что бессознательное продуцирует содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а для других, даже для многих и, может быть, для всех» (там же, с. 241). Компенсация с помощью коллективных образов называется *мифологической компенсацией*.

В концепции Л. Сонди компенсация представляет собой отдельную стадию, когда человек осуществляет развитие одних функций вследствие невозможности развития других. Считается, что подобная задача имеет локальное значение, ее решение позволяет переходить к другим, более сложным задачам. Сонди сделал попытку объединить различные направления глубинной психологии таким образом, что каждая из концепций соотносилась с определенной проблемой, которая возникает перед личностью в процессе развития. «Высшая ступень „homohumanus“ означает конечный пункт этого хода развития, которого, однако, достигают лишь немногие люди, и даже они время от времени отступают назад» (цит. по: Хут, 2004, с. 497). Каждый из этапов соответствует определенному направлению глубинной психологии. Первая фаза обозначена словом „partizipation“ (партиципация, проекция) и отражает идеи, развитые в работах И. Германа и Р. Шпица. Следующая фаза homo repressor, т.е. человека, вытесняющего и образующего симптомы, соответствует классическому психоанализу, т.е. тем проблемам, которые стали предметом изучения в работах З. Фрейда. Фаза homo potentator, т.е. человека, сверхкомпенсирующего свои чувства неполноценности стремлением к власти, по существу, была соотнесена с задачами индивидуальной психологии А. Адлера. Фаза homo individuator, т.е. стадия становления Самости, описывалась в терминах аналитической психологии К. Юнга, а фаза homo elector, т.е. человека, осознающего собственные возможности судьбы и способного свободно выбирать из них возможности существования, в терминах судьбоанализа Л. Сонди. И, наконец, последняя ступень, homohumanus, была поставлена в соответствие с «гуманистическим» или религиозным направлением психотерапии (концепция А. Мёдлера).

Один из наиболее интересных подходов, разработанный Паулем Балтесом, состоит в том, что на каждом возрастном этапе целостность жизненного пути обеспечивается достижением позитивного баланса между потерями и приобретениями (gains and losses). Важную роль в этом процессе играют три жизненные стратегии — селекция, оптимизация и компенсация (Selection Optimization Compensation — SOC model — Baltes, 1997). Ограничение ресурсов (например, времени, энергии), присущее человеку, делает необходимым селекцию целей, поскольку не все возможности могут быть реализованы. Для достижения оптимального уровня функционирования в выбранной области субъект нуждается в приобретении, распределении и совершенствовании внешних и внутренних ресурсов, т.е. в оптимизации возможностей. Наконец, для перехода на другой уровень

функционирования и при столкновении с потерями, снижении доступных средств достижения цели необходимы процессы компенсации. Компенсация описывается следующими конструктами: замена привычных средств, использование внешних средств, в частности, помощи других, приобретение нового мастерства, новых ресурсов, активация неиспользуемых ресурсов, увеличение прикладываемого усилия, энергии, развитие способности распределять время, моделирование поведения успешных людей, способных к компенсации, игнорирование неоптимальных средств (Baltes et al., 1999).

Компенсация как актуальная проблема современных психологических исследований

Особенностью современных представлений о компенсации и ее роли в достижении личностью психологического благополучия является переход от исследования проблемы конкретной личности или группы людей, имеющих физические или психологические трудности, к необходимости их анализа в определенном *контексте*, без которого дать точный и верифицированный ответ на вопрос о компенсации как психическом феномене и понятии ответить уже не так просто. Ранее было показано, что в исследованиях А. Адлера, Л. С. Выготского, В. С. Мерлина, Е. А. Климова физический дефект или ограничения, связанные с индивидуальными особенностями человека, рассматриваются в соответствии с оценкой индивидом социального контекста, в том числе семейной и профессиональной среды. Тем самым раскрывается понятие социальной полноценности и социальной компенсации, обсуждается тема стилевых характеристик деятельности, благодаря которым человеку удастся преодолеть и восполнить недостаточность индивидуальных ресурсов. *Контекстуальный подход* в изучении компенсации — *первое направление* современных исследований этой проблемы.

В этой связи стало вполне уместно обсуждать возрастные различия в реализации модели Selection Optimization Compensation — SOC (Boker, 2013), ее использовании для изучения субъективного восприятия человеком процесса старения (Wurm et al., 2013), психологического благополучия (Teshale, Lachman, 2016) и др. Возраст можно соотносить с понятием контекста, с так называемым *возрастным контекстом*, поскольку он определяет общий смысл социальных условий, ресурсов и ограничений в развитии человека в тот или иной период жизни. Возрастной контекст тесно связан с характеристика-

ми группы людей одного возраста, по которым можно судить о ней как о социальной когорте.

Значительное число работ, посвященных компенсации, проводится с целью изучения жизненных ресурсов и возможностей человека пожилого возраста. Наибольший акцент делается на изучении механизма компенсации, к которому обращаются для поддержания уровня запоминания того или иного материала и уровня его воспроизведения (Garrett, Grady, Hasher, 2010), трудовой мотивации (Kooij, Bal, Kanfer, 2014), активности (Raw et al., 2012), здоровья и удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте (Wurm et al., 2013).

Вторым направлением современных исследований проблемы компенсации стало изучение специфики компенсаторных процессов при *переживании повседневного и травматического стресса*, вызванного стрессорами разной интенсивности. Выбранный ракурс исследования не случаен: он связан со спецификой психологических последствий воздействия на психику человека, прежде всего, интенсивных стрессоров. Одним из таких последствий является компенсация. Оказалось, что при тяжелых переживаниях психотравмирующего характера высока вероятность *сверхкомпенсации* негативных переживаний (при учете социальных и социально-психологических особенностей изучаемой выборки). Так, в диссертационном исследовании А. Н. Зеляниной (руководитель — М. А. Падун), проведенном на выборке мужчин (средний возраст — $37,05 \pm 1,83$), проходивших службу в Афганистане в период Афганской войны (1979–1989) и мужчин (средний возраст — $27,39 \pm 0,79$), участвовавших в I Чеченской войне (1994–1996), была обнаружена следующая особенность: личностный профиль участников боевых действий в Чечне по сравнению с ветеранами-«афганцами» оказался менее поляризованным. У ветеранов I Чеченской войны выявлен высокий уровень тревожности с ее отрицанием и вытеснением, следствием которых стали соматические нарушения, а также недостаточная уверенность в себе и сниженная способность к социальным контактам. В отличие от этой группы личностные особенности ветеранов-«афганцев» оказались иными: наблюдалась явно выраженная компенсация (сверхкомпенсация) негативных переживаний — ветеран оценивал себя как сильную, волевою, выдающуюся, уверенную в себе личность, имеющую уникальный жизненный опыт. Ветераны-«афганцы» демонстрировали строгую ориентацию на индивидуальные нормы, ценности и смыслы, склонность пренебрегать морально-нравственными требованиями социума ради достижения своих целей (Зелянина, 2013). Выявленные особенности были объяснены различиями в социаль-

но-политическом и идеологическом контексте, на котором разворачивались события Афганской и I Чеченской войн.

Явления компенсации и сверхкомпенсации были выделены как особые феномены, сопровождающие посттравматический стресс (ПТС), и в более ранних (Тарабрина, 2001, 2009) и в более поздних (Падун, 2017; Тарабрина, Хажуев, 2015; Хажуев, 2013; Харламенкова, 2016; и др.) исследованиях, посвященных изучению психологических последствий влияния на человека экстремальных факторов.

Исследование влияния на человека последствий травматического стресса раскрывает новые аспекты в изучении проблемы компенсации. Прежде всего, появляется возможность исследовать феномен гиперкомпенсации как признак преодоления негативных последствий интенсивного стресса, а также как особый механизм, благодаря которому личность становится способной к поступательному росту. Кроме того, компенсация травматических последствий стресса требует значительных ресурсов, исследовать которые не всегда удастся при воздействии на человека повседневных стрессоров. Способность личности к перераспределению своих ресурсов, выбор такого способа компенсации, при котором достигается наиболее позитивный эффект, учет возрастных особенностей и таких временных параметров психотравматизации, как давность травмы и возраст, в котором человек был психически травмирован, — новые аспекты исследования феномена и механизма компенсации.

Третьим направлением исследования является анализ компенсации как процесса и выделение факторов, которые приводят к позитивным или негативным последствиям компенсации. Так, компенсация может рассматриваться как фактор стабилизации развития (например, в пожилом возрасте), поступательного или регрессивного развития. В последнем случае негативные последствия компенсации могут быть вызваны неготовностью человека к замещению собственной неполноценности преодолением себя в других видах деятельности, а также отсутствием сходства между компенсируемым недостатком и компенсирующей деятельностью. «Неэквивалентное замещение индуцирует напряжение и в конечном итоге может привести к эмоциональным срывам или к появлению патологически привычных действий, которые направлены на редукцию напряжения неспецифическим путем» (Харламенкова, 2016, с. 249).

Позитивным результатом компенсации недостатка является редукция вызванного им напряжения путем преодоления собственной неполноценности. Впоследствии можно наблюдать замещение самой компенсации другим процессом.

В связи с этим особый интерес в современной психологии вызывает феномен *посттравматического роста* (ПТР) как явления, которое возникает вследствие компенсации негативных последствий посттравматического стресса (Быховец, 2016а, б; Харламенкова, Журавлев, 2016). По-видимому, именно компенсация способствует трансформации симптомов ПТС в ПТР, когда человек, включая травматическое событие в историю своей жизни, признает его в качестве факта своей биографии и находит в нем не только негативные, но и позитивные стороны. Вследствие этого происходит «осознание ценности жизни, укрепление межличностных отношений», появляется «ощущение собственной силы», наблюдается «трансформация жизненных приоритетов, обогащение духовной и экзистенциальной составляющих жизни» (Быховец, 2016б, с. 452).

Проблема соотношения компенсации и ее последствий в виде последующей стагнации, развития либо регресса личности ставит вопросы о *степени* первичного дефекта (низкая, средняя, высокая) и о его *характере* (несоответствие природных особенностей человека условиям деятельности, физическая или социальная неполноценность, психическая травматизация и др.). Наличие разных мнений, например, относительно степени неполноценности или травмированности человека и ее связи с последующим поступательным развитием не позволяют ответить на этот вопрос однозначно. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что любая жизненная проблема должна быть изначально принята субъектом и оценена им с точки зрения необходимости компенсации возникшего чувства неполноценности, результатом которой, однако, может стать как личностный рост, так и стагнация или регресс (Александров, Сварник, Знаменская и др., 2017), причины возникновения которых требуют дальнейших исследований.

Компенсация как научное понятие в системе других понятий психологии

Краткий экскурс в историю изучения феномена компенсации позволяет дать его определение и выделить сущностные черты. *Компенсация — восполнение возникшего физического и/или психического дефекта (дефицита, недостатка) за счет возмещения утраченного сохранным.*

Понятием «компенсация» обозначают *системное* функционирование психических и психофизиологических процессов с целью осуществления *приспособительной* деятельности субъекта, а также выявления внутренних и внешних *резервов и развития* на основе

компенсаторной деятельности новых возможностей. Методологические принципы *системности* и *развития* лежат в основе теоретического обоснования феномена «компенсация». Отметим, однако, что компенсация осуществляется не автоматически, а обнаруживается субъектом, который оказывается чувствительным к возникшим проблемам (принимает «сигнал о дефекте»), способен его символизировать, выбирая пути восполнения имеющегося дефицита (*принцип субъекта*). Предметом компенсации является не любой недостаток, а только тот, который в данный момент (а в некоторых случаях и в последующем) не может быть преодолен прямым путем. Это 1) непреодолимый и неизлечимый физический дефект; 2) психический дефект как стойкая и малообратимая недостаточность; 3) чувство неполноценности, для преодоления которого в настоящем не хватает внутренних или внешних ресурсов; оно при этом могло бы быть восполнено со временем, если бы субъект смог ослабить значимость цели «здесь и сейчас».

Субъект может и не прибегать к компенсации, что, скорее всего, приведет к нарастанию степени тяжести дефекта; может неверно его символизировать или выбрать неадекватный способ его восполнения. Кроме того, как отмечали многие авторы, дефект может быть не «преодолен» в результате объективной невозможности его компенсации; при этом, однако, допустимо приспособление человека к «жизни с дефектом», принятие этой ситуации.

Сущностными признаками компенсации, таким образом, являются:

- *невосполнимый дефект*, его субъективная оценка, который непреодолим прямым путем (путем приложения усилий, научения, тренировки, развития и др.), но может быть компенсирован;
- *сходство* компенсируемой и компенсирующей деятельности (дефекта, функции и др.);
- *замещение* субъектом компенсируемой деятельности компенсирующей при условии достаточной *мотивации*, саморегуляции и контроля, приложения усилий;
- *чувство восполненности* утраченного.

Понятие компенсации следует отличать от других понятий. Так, *адаптация* это — приспособление, которое осуществляется без необходимости замещения одних функций (деятельности) другими; она происходит в границах нормального (повседневного) функционирования субъекта. Потребность в компенсации появляется в случае прямой невосполнимости функции и реализуется путем ее замещения другой

функцией (деятельностью). Компенсация не идентична *замещению* как психологической защите и предполагает преодоление негативной ситуации, вызванной неполноценностью личности. В основе замещения лежит не преодоление (сознательное или бессознательное), а избегание негативной ситуации (в частности замена недоступного объекта — доступным, неприемлемого действия — приемлемым). Понятие «компенсация» сопоставимо с понятием «усилие», однако, если последнее может предполагать прямое устранение проблемы (путем, например, совершенствования навыка, восполнения пробела в знаниях и др.), то первое включает в себя усилие по осуществлению замещения одной деятельности другой и ее подкрепления для достижения: 1) прямой цели замещающей деятельности и 2) опосредованной цели — компенсаторного эффекта.

При проведении категориального анализа понятий необходимо различать *компенсацию как механизм* и *компенсацию как процесс*. Компенсация как механизм описывается в терминах замещения и преодоления недостатка, часто на бессознательном уровне. Компенсация как процесс осуществляется субъектом и включает в себя не только момент замещения и преодоления недостатка, но и такие составляющие компенсации, как *восприятие субъектом* сигнала о дефекте и его символизация, *выбор* деятельности, сходной с компенсируемой, *мотивация* восполнения неполноценности. Компенсация как процесс характеризуется непрерывностью его протекания и предполагает переход компенсаторной деятельности в иные формы активности (например, гиперкомпенсацию, посттравматический рост и пр.).

Подводя итоги исследования истории развития представлений о компенсации как о научном понятии, следует сказать, что с течением времени его содержание практически не изменилось. Этот вывод можно сделать, однако, если иметь в виду только механизм компенсации, но не сам процесс. В этом случае оно включает в себя такие составляющие, как дефект (физический или психический) и замещение.

Современные исследования, однако, показали, что компенсация осуществляется не сама по себе, а личностью (субъектом). Именно личность символизирует дефект и способна выбрать разные способы его возмещения. Включение в схему рассуждений о компенсации реального актора показывает вариативность выбора и индивидуальный характер окончательного решения, т.е. зависимость этого решения от контекста и жизненного опыта человека. С. К. Нартова-Бочавер по этому поводу пишет, что «психика и личность — это живые систе-

мы, они с необходимостью обладают такими качествами, как сложность, множественность, темпоральность», а это означает, что «личность может развиваться по различным траекториям, вырабатывать компенсации и корректироваться» (Нартова-Бочавер, 2014, с. 36).

Расширение научного контекста, в котором в настоящее время происходит изучение компенсаторных процессов, анализируемых в психологии личности, клинической психологии и др. областях психологии, показывает новые возможности в исследовании психики человека как сложного и системного явления.

Заключение

Феномен компенсации в психологии представляет собой одну из наиболее актуальных научных проблем, изучение которой претерпевает изменение по мере развития науки и под влиянием новых запросов общества и социальных практик. Динамичность содержания понятия при устойчивости сущностных признаков предметной реальности, которая им обозначается, в полной мере доказывает его «живучесть» и необходимость обращения к нему при описании и объяснении психологических закономерностей.

В статье показано, что процесс восполнения утраченной или нарушенной функции сохранной функцией проявляет себя на разных уровнях психического, являясь основанием для формулировки теоретических положений (положение о компенсации и гиперкомпенсации в психоанализе З. Фрейда, А. Адлера и др.) и для объяснения ряда методологических принципов психологии — принципа системности, развития, принципа субъекта, личностного принципа и др. Возможность связать между собой разные уровни научного знания — эмпирический, теоретический и методологический, которая возникает при использовании того или иного понятия, доказывает его значимость для данной области знания и принципиальную незаменимость другими понятиями. Таким, как показало наше исследование, является понятие «компенсация», используемое разными науками, но именно в психологии получившее свое наиболее широкое и развернутое толкование, общий смысл которого существенно не меняется при переходе от анализа одного уровня функционирования психического к другому.

В этой устойчивости смыслового содержания понятия и сущностных признаков обозначаемых им явлений при одновременном сохранении возможности его дополнения новыми деталями видится особый статус научного понятия компенсации.

Литература

- Абульханова К. А., Кольцова В. А. Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–52.
- Адлер А. О нервическом характере. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Анохин П. К. Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование // Труды научной сессии по дефектологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955. С. 45–55.
- Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979.
- Анциферова Л. И. Материалистическая диалектика и психологическая наука (Вместо предисловия) // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 3–21.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–45.
- Асмус В. Ф. Понятие // Избранные философские труды. Т. I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 281–300.
- Басилова Т. А. История обучения слепоглухих детей в России. М.: Эксмо, 2015.
- Белопольская Н. Л. Возможности современной оценки психической нормы и патологии: психологические критерии // Неврологический вестник. Журнал им. В. М. Бехтерева. 2016. Т. XLVIII. № 4. С. 74–76.
- Бехтерев В. М. Закон компенсации или замещения // В. М. Бехтерев. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. Гл. XXI. С. 319–331.
- Быховец Ю. В. Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 214–227.
- Быховец Ю. В. Проблема соотношения позитивных и негативных изменений после переживания травматического события // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 441–455.
- Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т. А. Власовой. М.: Педагогика, 1983.

- Зейгарник Б. В.* Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Зелянина А. Н.* Динамика индивидуально-психологических особенностей ветеранов боевых действий с различным характером военной травмы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Зинченко В. П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // *Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко.* М.: РОССПЭН, 2011. С. 231–271.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Счастье как научная категория // *Вестник Российской академии наук.* 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.
- Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психологическим основам научной организации труда, учения, спорта. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969.
- Копнин П. В.* Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974.
- Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Дефицит потребности в общении и особенности развития личности // *Психологический журнал.* 1999. Т. 18. № 3. С. 98–108.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихологический синдром в системном исследовании патологии психической деятельности // *Психологический журнал.* 2004. Т. 25. № 6. С. 53–63.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихологический синдром шизофренического дефекта // *Психиатрия.* 2009. № 2 (38). С. 7–15.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Лекторский В. А.* Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // *Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский.* М.: ИФРАН, 2008. С. 43–62.
- Лурия А. Р.* Нейропсихология памяти (Нарушения памяти при локальных поражениях мозга). М.: Педагогика, 1974.
- Лубовский В. И.* «Врастание в культуру» ребенка с нарушениями развития // *Культурно-историческая психология.* 2006. № 3. С. 3–7.
- Лубовский В. И., Коробейников И. А., Валявко С. М.* Новая концепция психологической диагностики нарушений развития // *Психологическая наука и образование.* 2016. № 4. С. 50–60.

- Максимова Н. Е., Александров И. О. Экспериментальная методология как способ создания нового психологического знания в исследовании. Часть I // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 5–15.
- Максимова Н. Е., Александров И. О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть II // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 5–18.
- Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К. Развитие идей Л. И. Анцыферовой о методологии практической психологии личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 35–45.
- Основы психофизиологии: Учебник / Отв. ред. Ю. И. Александров. М.: Инфра-М, 1997.
- Падун М. А. Тип привязанности и угрозы безопасности в супружеских отношениях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 96–115.
- Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивный реализм, или как возможна культурно-историческая реальность // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1 (43). С. 27–31.
- Сергиенко Е. А. Современная тенденция в психологии развития: переход к общим моделям // Мир психологии. 2016. № 1. С. 40–53.
- Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В., Хажуев И. С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 158–223.
- Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1947.
- Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Ухтомский А. А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.
- Фрей-Верлин К. Т. Аналитическая психология (психология комплексов) Юнга // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 184–265.

- Хажуев И. С.* Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение в условиях чрезвычайной ситуации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Харламенкова Н. Е.* Компенсация как один из механизмов психического развития личности // Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 235–253.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Психология личности в трудах Л. И. Анцыферовой и современные представления о личностном развитии и посттравматическом росте // История отечественной и мировой психологической мысли: судьба ученых, динамика идей, содержание концепций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 369–378.
- Хомская Е. Д.* Роль речи в компенсации нарушений условных двигательных реакций у детей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1957.
- Хут В.* Судьбоанализ Леопольда Сонди // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 464–503.
- Щербакова А. М.* Обращение к образу дома в психологической диагностике и реабилитации подростков с психическими заболеваниями // Культура и образование. 2014. № 3 (14). С. 97–102.
- Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
- Alexandrov Yu. I., Grinchenko Yu. V., Jarvilehto T.* Change in the pattern of behavioral specialization of neurons in the motor cortex of the rabbit following lesion of the visual cortex // Acta Physiologica Scandinavica. 1990. T. 139. № 1–2. P. 371–385.
- Baltes P. B.* On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization and compensation as foundation of developmental theory // American Psychologist. 1997. V. 52. № 4. P. 366–380.
- Baltes P. B., Baltes M. M., Freund A. M., Lang F.* The measurement of selection, optimization and compensation (SOC) by self report: technical report, 1999. Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, Berlin, 1999.
- Boker S. M.* Selection, optimization, compensation and equilibrium dynamics // GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry. 2013. V. 26. № 1. P. 61–73.
- Garrett D. D., Grady C. L., Hasher L.* Everyday memory compensation: The impact of cognitive reserve, subjective memory, and stress // Psychology and Aging. 2010. V. 25. № 1. P. 74–83.
- Getzmann S.* Handicapped due to age? Behavioral and electrophysiological correlates of speech perception of dichotically presented narratives in young

- and middle-aged listeners // *Journal of Psychophysiology*. V. 26. № 3. 2012. P. 132–144.
- Kooij D., Bal P., Kanfer R.* Future time perspective and promotion focus as determinants of intraindividual change in work motivation // *Psychology and Aging*. 2014. V. 29. № 2. P. 319–328.
- Martini K., Monchi O.* Cortico-basal ganglia and cortico-cerebellar circuits in Parkinson's disease: Pathophysiology or compensation? // *Behavioral Neuroscience*. 2013. V. 127. № 2. Apr. P. 222–236.
- Raw R. K., Kountouriotis G. K., Mon-Williams M., Wilkie R. M.* Movement control in older adults: Does old age mean middle of the road? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2012. V. 38. № 3. P. 735–745.
- Teshale S. M., Lachman M. E.* Managing daily happiness: The relationship between selection, optimization and compensation strategies and well-being in adulthood // *Psychology and Aging*. 2016. V. 31. № 7. P. 687–692.
- Wurm S., Warner L. M., Ziegelmann J. P., Wolff J. K., Schüz B.* How do negative self-perceptions of aging become a self-fulfilling prophecy? // *Psychology and Aging*. 2013. V. 28. № 4. P. 1088–1097.

Разработка понятия «психологическое здоровье» в российской психологии

М. И. Воловикова, Т. В. Галкина

Понятие «психологическое здоровье», впервые заявленное в докладе А. Маслоу (Maslow, 1950), в западной психологии не прижилось, а получило свое обоснование и развитие у российских психологов. Причем востребовано оно было во второй половине 1990-х, к настоящему времени получило широкое распространение, отразившееся во многих публикациях (Артемцева, Галкина, 2015; Воловикова, Галкина, 2014, 2016; Воловикова, Джидарьян, 2017; Галкина, 2013; Галкина, Артемцева, 2016; Джидарьян, 2016; Дубровина, 1998; Психологическое здоровье личности..., 2014; Шувалов, 2000, 2012; и др.).

Категориальный анализ понятия «психологическое здоровье» осуществлен И. А. Джидарьян (2016). Работа посвящена ответу на вопрос: не приводит ли появление этого термина к удвоению понятий? Автор обосновывает вывод о том, «что психологическое здоровье — не миф и не метафора, а реальная проблема современной психологии личности, связанная с такими аспектами ее наличного бытия, которые не охватываются и не совпадают с понятием «психическое здоровье» (Джидарьян, 2016, с. 152). И далее: «„Психологическое здоровье“ является парной категорией (здоровье/нездоровье), с его помощью реализуется принцип целостности (системности) человеческой психики. Психологическое здоровье/нездоровье личности — это одновременно и ее нравственное здоровье/нездоровье, важнейшим индикатором которого является совесть» (там же).

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО № 0159-2018-0005.

Действительно, широко распространенное и принятое Всемирной Организацией Здравоохранения понятие «психическое здоровье» в последние годы имеет все меньшее отношение к нравственным проблемам человека, но связано с его дееспособностью, т.е. имеет, прежде всего, медицинский аспект. Тогда как разработка проблемы психологического здоровья и укоренение в научном лексиконе этого термина дает дополнительную возможность ученым и практикам в области психологии сделать акцент на изучении духовно-нравственных детерминант личности как субъекта жизни, причем духовно-нравственный аспект является системообразующим фактором психологического здоровья человека (Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, Артемцева, 2016; Психологическое здоровье личности..., 2014; и др.).

Критерии выделения понятий

«психическое» и «психологическое» здоровье

Термин «психическое здоровье» описывает состояние психики человека, его дееспособность (сохранность ментального, умственного здоровья), способность самостоятельно, без активной помощи близких или специалистов (медиков, психологов) решать жизненные проблемы. Установление границы между психическим здоровьем и нездоровьем находится в зоне ответственности медицины. Хотя психологи могут помогать (и помогают) медикам, для них отчасти это является работой «на чужой территории».

С 1992 г. ежегодно 10 октября празднуется Всемирный день психического здоровья (*World Mental Health Day*). Всемирной организацией здравоохранения разработаны четкие критерии психического (ментального) здоровья (см.: «Справочник...», 2005):

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического Я;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критическое отношение к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам;
- соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;
- способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;

- способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы;
- способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Таких четких, а главное — принятых всеми критериев *психологического здоровья* пока нет. Данная область знания находится в стадии активной разработки и обсуждения. Причем многие критерии психологического здоровья (критерии адекватности, критичности, способности самоуправления) совпадают с критериями психического здоровья, принятыми Всемирной организацией здравоохранения, и лишь несколько достаточно размытых и неопределенных значительно отличаются. Например, критерий психического здоровья, предложенный Всемирной организацией здравоохранения, подразумевает «постоянство и идентичность, способность планировать и способность изменять способ поведения». Критерием психологического здоровья выступают иные психологические качества: целеустремленность, автономия, независимость, а также работоспособность, полноценность семейной жизни, самоактуализация, чувство юмора, ответственность, способность радоваться.

Перечень позитивных качеств, характеризующих психологически здорового человека, может быть продолжен, что и происходит при работе разных авторов с данным понятием (см. также о свойствах социально адаптированной личности: Психология адаптации..., 2007; Сумарокова, Журавлев, 1992; Токаровский и др., 1992; и др.).

Главное отличие названных критериев психического здоровья, предложенных Всемирной организацией здравоохранения, состоит в том, что они имеют единое основание — *дееспособность человека*, обеспечиваемую его психическими процессами. Аналогичного единого основания для выделения психологического здоровья пока нет. Подходы авторов различаются не столько по составу выделенных ими характеристик психологически здорового человека, сколько по разным основаниям для подбора этих характеристик.

Теоретический анализ проблемы, проведенный И. А. Джидарьян, позволил сделать вывод о том, что к атрибутивному признаку психологического здоровья правомерно относить понятие «благополучие» с его четко выраженным позитивно-оздоровительным значением для жизнедеятельности человека (Джидарьян, 2016).

В работах А. В. Шувалова состояние психологического здоровья человека связано с наличием или отсутствием у него теоцентрической картины мира, т. е. с верой в Бога (Шувалов, 2012).

Концепция душевного здоровья Г.С. Никифорова и его коллег опирается на разработанную Б.Г. Ананьевым теорию индивидуальности, где *индивидуальность* — это относительно замкнутая система, «встроенная» в открытую систему взаимодействия человека с миром (Ананьев, 1969; Даниленко, 2008). Никифоров подчеркивает, что именно согласованность мотивов, целей и ценностей человека с требованиями окружающей среды и его внутренними возможностями можно рассматривать как условие душевного (= психологического) здоровья (Здоровая личность, 2013).

Согласно мнению Т.А. Флоренской (2001) и М.Ю. Колпаковой (2013), душевное (психологическое) здоровье-нездоровье человека зависит от состояния его совести. О роли совести в сохранении психологического здоровья пишет также И.А. Джидарян (2016).

В последние годы появились новые работы по проблеме психологического здоровья (Психологическое здоровье личности..., 2014).

Современное состояние исследований психологического здоровья

Анализ существующих теорий и наметившихся исследований в области проблемы психологического здоровья позволяет прийти к выводу о наличии целого ряда недостаточно разработанных и нерешенных вопросов. Это связано, прежде всего, с концептуально-терминологическим аспектом — нет единства и точности в определении понятия «психологическое здоровье», его содержания, критериев и т. п., и, во-вторых, со слабой разработанностью методов исследования этого феномена.

Сложность разработки и анализа проблемы психологического здоровья заключается и в том, что ученые и практики зачастую не разграничивают понятия «психологическое» и «психическое» здоровье, употребляют в качестве синонимов психологического здоровья такие термины как «душевное», «духовное», «личностное», «нравственное» здоровье. При этом существует большое количество различных определений этих видов здоровья, в которых достаточно трудно разобраться и решить, к какому все же виду здоровья относится то или иное определение (Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, Артемцева, 2016).

По мысли И.В. Дубровиной, с работы которой и началась у нас в стране история разработки этой проблемы, термин «психологическое здоровье» (в отличие от «психического здоровья») имеет отношение ко всей личности в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Дубровина, 1998).

Важнейшими ориентирами в разработке проблемы психологического здоровья можно считать нравственную и этическую психологию, которые активно развиваются в последнее время (Воловикова, Журавлев, 2018; Психологическое исследование нравственности, 2013; Юревич, Журавлев, 2010; и др.). Но бурный рост количества исследований, связанных с нравственной проблематикой, стал возможен не только благодаря осознанию современными психологами жизненной необходимости таких исследований, но и постоянному вниманию к нравственным проблемам классиков отечественной психологии советского и последующих периодов. Выдающиеся психологи Л. И. Анцыферова, Л. И. Божович с сотрудниками, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский с сотрудниками, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, Т. А. Флоренская, В. Э. Чудновский, Е. В. Шорохова с сотрудниками, С. Г. Якобсон и др. внесли серьезный вклад в сохранение интереса к духовно-нравственной проблематике. Этот интерес не только сохранился, но и усилился в последнее время (Нравственность современного..., 2012; Психологическое исследование духовно-нравственных проблем..., 2011; Психологические исследование нравственности, 2013; и др.). Разработке этой темы посвящены исследования А. Л. Журавлева, Н. А. Журавлевой, Т. П. Емельяновой, А. Б. Купрейченко, В. П. Познякова, В. Е. Семенова и др. — в социальной и экономической психологии; Л. Г. Дикой, Е. П. Ермолаевой и др. — в психологии труда; Е. А. Сергиенко с сотрудниками — в психологии развития; Н. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой с сотрудниками — в психологии посттравматического стресса; К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой с сотрудниками, А. А. Гостева, В. А. Кольцовой с сотрудниками, Л. М. Попова с сотрудниками, О. Е. Серовой, В. И. Слободчикова, В. А. Соснина, А. В. Шувалова, А. В. Юревича и многих других — в общей психологии, методологии и истории психологии; Н. Я. Большуновой, А. С. Чернышева и др. — в воспитании детей и молодежи. Огромный вклад в разработку принципов коррекции нарушений психологического здоровья вносит теория духовно-ориентированного диалога Т. А. Флоренской и М. Ю. Колпаковой.

Таким образом, духовно-нравственная направленность формирующейся в российской психологической науке концепции психологического здоровья имеет прочный фундамент отечественной гуманитарной традиции. Духовное напрямую связано с системой ценностей человека, которая является стержнем его личности и влияет на все *личностное развитие* и поведенческие проявления в различных сферах жизнедеятельности. Психологическое здоровье, в свою очередь,

связывается многими исследователями не с развитием психических функций, а именно с *личностным развитием*. Поскольку основой личностного развития человека является ценностное самоопределение, опирающееся на его систему ценностей, то психологическое здоровье неизбежно связано с *ценностным самоопределением*, нарушение последнего подрывает саму основу психологического здоровья (Психологическое здоровье личности..., 2014).

Как отмечает Е. Ю. Коржова, «в традициях отечественной духовной психологии критерии нормы и патологии личности с наибольшей очевидностью соотносятся с критериями личностной зрелости, прежде всего нравственной и духовной» (Здоровая личность, 2013, с. 167; см. также: Феномен и категория зрелости..., 2007; и др.).

Психологические исследования по теме здоровья человека давно ведутся в Институте психологии РАН. Можно говорить о существовании в институте как методологической, так и методической базы для проведения широкомасштабного цикла работ, направленных на изучение различных аспектов проблемы психологического здоровья личности, семьи и нации (см.: Психологические проблемы семьи и личности..., 2012; и др.). Методологической основой этих исследований служат научные принципы комплексного и системного подходов; единство теории, эксперимента и практики; основные положения методологических принципов развития, общения и взаимодействия (Методология комплексного человекознания..., 2008; Новое в науках о человеке..., 2015; Принцип развития..., 2016; и др.).

В качестве методического обеспечения исследований различных аспектов психологического здоровья человека используется классический микросемантический анализ высказываний, метод макроаналитического анализа; ведется изучение социальных представлений, связанных с нравственностью и нравственными ценностями, морально-этическими нормами и духовностью, социально-культурными явлениями и изменениями в обществе; проводятся исследования личностных представлений о психологическом здоровье личности и семьи, психологической безопасности, феномене созависимости как возможной угрозе психологическому здоровью и др. (Артемцева, Галкина, 2015; Воловикова, Галкина, 2017; Галкина, 2013; Галкина, Артемцева, 2016; Воловикова, Мустафина, 2016; Проблемы психологической безопасности, 2012; Психология человека в современном мире, 2009; Юревич, 2014; и др.).

Разработка проблемы психологического здоровья представляется прямым подтверждением положения Я. А. Пономарева о типах психологического знания и его прозорливого предположения о том,

что академическая наука в своих исследованиях в XXI в. напрямую обратится к разработке тем, связанных с третьим — действенно-преобразующим — типом психологического знания (подробнее см.: Галкина, Журавлев, 2018). По различным аспектам темы психологического здоровья накоплен богатый эмпирический материал. Сейчас задача состоит в том, чтобы, обобщив полученные результаты и профессионально осознав их, выйти на новый уровень научного знания по этой проблематике. Пономарев писал, что для действенно-преобразующего типа знания особое значение приобретает реализация абстрактно-аналитической ветви системного подхода, а именно: опора на принцип взаимодействия, описание абстрактно выделенных свойств объектов, выявление генезиса событий, возможность формулировать и решать теоретические и методологические задачи на новом более высоком уровне (Пономарев, 1983). Таким образом, проблема психологического здоровья является той областью научного знания, которую уже фактически сейчас можно охарактеризовать как действенно-преобразующую и которую необходимо активно развивать.

Современные исследования психологического здоровья

В обыденном языке различия между психическим и психологическим здоровьем могут и не наблюдаться. Однако проведенное исследование имплицитных личностных представлений о психологическом здоровье показало, что респонденты достаточно тонко понимают и демонстрируют в своих ответах специфику данного понятия.

Т. В. Галкиной и Н. Г. Артемцевой была разработана методика исследования имплицитных представлений о психологическом здоровье и опробована на двух группах испытуемых — независимых и со-зависимых (Артемцева, Галкина, 2015; Галкина, Артемцева, 2016).

Феномен созависимости многолик, и его влияние на человека как субъекта жизни чрезвычайно широко (Артемцева, 2017). Созависимостью в психологии называется зависимость человека от привычек и поведения значимого другого человека. Как особая психологическая реальность «Co-dependence» (созависимость) была выделена в психологии сравнительно недавно. Никто точно не знает, где, когда и кто впервые употребил этот термин.

Феномен зависимости ближайшего окружения от поведения других зависимых от чего-либо или кого-либо (алкоголиков, наркоманов и др.), его динамика были замечены еще в конце XIX в. Однако только в 1986 г. в Америке появились первые анонимные группы для «Co-dependents» — «Со-зависимых», а в 1990 г. был создан Нацио-

нальный Совет по Со-зависимости – NCC (National Council on Co-dependence) (см.: Артемцева, 2017).

Несмотря на многочисленные исследования созависимости, до сих пор остается открытым вопрос об определении этого понятия. Современные авторы ограничиваются лишь описаниями явления созависимости, пытаясь объявить его новой парадигмой в системе психологического знания, не разрабатывая методологической базы для его специального научного исследования. Системный анализ этого сложного многофакторного явления, включенного во всеобщую взаимосвязь психических процессов, влияющих на поведение субъекта, помогает выделить общие, типологические и индивидуальные составляющие этой психологической реальности. Показано, что созависимость является проблемой межличностного общения и присуща в определенной степени практически каждому человеку (Артемцева, 2017).

В эмпирическом исследовании, проведенном Н. Г. Артемцевой и Т. В. Галкиной с использованием разработанной ими методики изучения личностных представлений о психологическом здоровье субъекта на основе принципов ассоциативного эксперимента и специального анализа полученных вербализаций, была обнаружена специфичность имплицитных (личностных) представлений созависимых лиц (Галкина, Артемцева, 2016). Авторы исходили из предположения, что специфичность представлений созависимых о психологическом здоровье может быть связана с особенностями их поведенческих паттернов, ценностных ориентаций, ценностного самоопределения. И это предположение подтвердилось.

В другом исследовании, проведенном Е. А. Сергиенко, показано, что *субъективный возраст* оказывает более значительные воздействия на психологическое здоровье, чем хронологический возраст, который ни в одной возрастной группе не коррелирует с изучаемыми параметрами психологического здоровья. Показано также, что значение субъективной возрастной идентичности для поддержания психологического здоровья особенно важно в пожилом возрасте (Сергиенко, 2014).

В исследовании М. Е. Зеленовой, проведенном на профессиональных пожарных, было обнаружено, что в качестве тревожных индикаторов психологического здоровья субъектов труда выступают стресс и выгорание. Исследователем выявлена взаимосвязь негативных психических состояний, индивидуально-личностных особенностей и профессиональных характеристик. В работе также соотнесены понятия профессионального и психологического здоровья

человека и дан анализ их содержания (Психологическое здоровье..., 2014).

Проблема психологического здоровья человека не может изучаться безотносительно половой принадлежности человека. Природной одаренностью женщины является материнство, проявляемое не только (и не всегда) в рождении и воспитании своих детей, но и в отношении к миру, к другим людям. Та цепочка испытаний, которую налагает на эту одаренность наш «просвещенный» век (включая искушение заработать на вынашивании чужого ребенка в суррогатном материнстве), ведет в конечном итоге к подрыву основ психологического здоровья населения. Печальная статистика роста асоциальных явлений в нашем обществе (Юревич, 2014) является одним из следствий этого процесса.

В анализе художественного текста, проделанном М. И. Воловиковой, было показано, как обращение к лучшим произведениям русской классической литературы, основанной на утверждении нравственного закона, помогает увидеть истоки болезни в самый момент ее зарождения и наметить пути ее излечения (Воловикова, Мустафина, 2016). Применение микросемантического анализа к тексту художественного произведения (роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина») позволило выявить тот момент, когда героиня отказывается (или, скорее, не умеет) слушать голос совести, что в дальнейшем и привело к трагическим последствиям. И главное изменение, случившееся с Анной, заключается в том, что она перестала быть по духу матерью. Родившуюся от Вронского девочку она не любит, а любимому сыну наносит вред, решившись тайком навестить его в день рождения. Сережа после этого посещения долго и тяжело болел, а через год брат Анны Стива Облонский не нашел в подростке доброй памяти о матери, а лишь воспоминания о страдании, которое мальчик глубоко прятал от себя и других. В конце повествования Анна постоянно употребляет опий. Она серьезно душевно больна. Так постепенно происходит разрушение личности и как следствие — самоуничтожение героини.

М. Ю. Колпакова в исследовании матерей, отказывающихся от новорожденных, отмечает динамику душевного состояния женщин в зависимости от принимаемого ими решения. Анализируя один из случаев, автор отмечает: «Вследствие противодействия совести наблюдается подавление материнской привязанности, подчеркивается холодность и безразличие к ребенку, скрывается наличие внутренней борьбы, боли и акцентируется отсутствие тревоги, напряжения, депрессии... Выбор, делаемый ею, не органичен, все существо ее сопротивляется...» (Колпакова, 2013, с. 112).

Один из вызовов самого последнего времени связан как раз с угрозой *целостности личности*, с изменением социальных норм отношения к полу, материнству и отцовству. И если ВОЗ постоянно расширяет границы нормы психического здоровья, то развивающаяся в отечественной традиции концепция психологического здоровья признает нормой традиционные семьи и традиционное отношение к полу.

Перспективные направления исследований психологического здоровья

Вопрос о том, насколько пол представлен в структуре личности, является одной из проблем, к которой должны обратиться психологи и которую они уже начали разрабатывать (см.: Харламенкова, 2007). Связано это с появлением новых возможностей современной медицины в проведении операций по изменению пола. Законодательные органы ряда европейских стран (например, Греции) уже обсуждают закон о том, что 14-летние подростки сами могут принимать решение о смене пола. Трудно себе даже представить, какой вред психологическому здоровью личности при этом будет нанесен.

Проблема психологического здоровья детей теснейшим образом связана с проблемой их *психологической безопасности*. Обеспечение психологической безопасности ребенка нацелено, прежде всего, на его успешное психическое развитие, которое, в свою очередь, является залогом психического и психологического здоровья растущей личности. Психологическая безопасность — одно из главных условий не только психического и психологического здоровья, но и физического. Проблемы психологического здоровья и психологической безопасности логически и содержательно взаимосвязаны.

В рамках проблемы психологического здоровья представляется также перспективным проведение исследований, связанных с проблемой творческого развития детей и взрослых, с выявлением и актуализацией их творческого потенциала, поскольку осознание себя и своих творческих возможностей может вести человека не только к радости самореализации, самоосуществления, но и к духовно-нравственному развитию.

Работы, связанные с помощью людям с ограниченными возможностями здоровья, научная разработка проблемы *инклюзии* и научное обоснование создания специальных структур, в частности, «инклюзивных театров» — важнейшее направление исследований по проблеме психологического здоровья. «Инклюзивный театр» может изме-

нить отношение человека к самому себе, своим детям и миру вокруг себя, что, безусловно, является важнейшей составляющей психологического здоровья личности, семьи и общества в целом.

Широкий круг вопросов материнства и детства, семьи, профессиональной востребованности и профессионального выгорания, отношения к старости и болезни — все это в области интересов исследователей психологического здоровья, хотя сами исследования во многом находятся на начальных этапах (см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Психология, управление, бизнес..., 2016; и др.).

Выводы

«Психологическое здоровье» является актуальной темой исследований в современной психологии. Психологическое здоровье связано с такими аспектами наличного бытия личности, которые не охватываются понятием «психическое здоровье» и не совпадают с его содержанием.

Психологическое здоровье тесно связано с нравственным состоянием личности. Важнейшим индикатором духовно-нравственного здоровья является совесть. Показано, что идеи отечественных мыслителей расширяют современные психологические представления о личности, способствуют целостному пониманию человека, смысла его жизни.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
- Артемцева Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Артемцева Н. Г., Галкина Т. В.* Особенности представлений о психологическом здоровье у созависимых субъектов // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 291–301.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (Вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 5–15.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В.* Проблемы психологического здоровья: современное состояние и перспективы исследования // Фундамен-

- тальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 682–690.
- Воловикова М. И., Джидарьян И. А. Итоги исследования психологического здоровья в лаборатории психологии личности // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 19–31.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Место нравственной элиты в общественной жизни современной России // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 351–363.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Галкина Т. В. Психологическое здоровье личности: духовно-нравственный аспект // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 398–401.
- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г. Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и независимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2016. С. 352–381.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л. Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 246–274.
- Даниленко О. И. Индивидуальность в контексте культуры: психология душевного здоровья. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008.
- Джидарьян И. А. О правомерности использования понятия «психологическое здоровье» // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 145–153.
- Дубровина И. В. Введение в практическую психологию образования // Практическая психология образования: учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений. 2-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. М.: ТЦ «Сфера», 1998. С. 5–116.
- Здоровая личность / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013.
- Колпакова М. Ю. Введение в диалогическую психологию. М.: Канон+, 2013.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.

- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.
- Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А. Субъективный возраст и психологическое здоровье // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 257–279.
- Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью, правам человека и законодательству. 2005 г. URL: http://www.who.int/mental_health/policy/WHO_Resource_Book_MH_LEG_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2016).
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л. Изучение социально-психологических процессов адаптации к условиям длительного проживания на загрязненных территориях. Качественное психологическое исследование. Чернобыль в судьбе человека // Чернобыльский след: соци-

- ально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. М., 1992. С. 53–73.
- Токаровский Г. Д., Бобнева М. И., Родионов В. П., Журавлев А. Л.* Социально-психологические процессы адаптации к условиям проживания на загрязненной территории и особенности взаимодействия населения этих регионов с местными органами власти на примере Брянской и Гомельской областей // Чернобыльский след: Социально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. М., 1992. С. 18–52.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Флоренская Т. А.* Диалоги о воспитании и здоровье: Духовно-ориентированная психотерапия // Духовно-нравственное воспитание. 2001. № 3. С. 1–73.
- Харламенкова Н. Е.* Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 56–64.
- Шувалов А. В.* Интерсубъективные условия психологического здоровья детей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Шувалов А. В.* Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Проблема нравственности в психологической науке // Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 5–12.
- Maslow A. N.* Self-Actualizing People: A Study of Psychological Health // Personality Symposia: Symposium I. N. Y.: Grune & Stratton, 1950. P. 11–34.

Счастье как психологическая категория

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

«Гедонистическое колесо»

Симптоматичная тенденция в развитии современной социогуманитарной науки прослеживается в ее стремлении к точности, в количественном выражении изучаемых характеристик общества и одновременно обращении к тем сторонам его жизни, которые традиционно игнорировались ею как якобы исключающие точный количественный анализ. Одной из таких сторон является *счастье*, к которому стали проявлять интерес самые разные социогуманитарные дисциплины, причем первый импульс пришел из наиболее строгой и математизированной из них — экономики, где сложилось такое направление, как *экономика счастья*.

«Экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей, а «экономика рассматривается в гуманистических координатах — как инструмент создания *благополучия* для социума в целом и каждого человека в отдельности» (Попова, Шахрай, Яник, 2010, с. 62). Экономист Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством как «золотой стандарт» и лежать в основе всех политических решений (Лэйард, 2011). По его мнению, счастье граждан — *единственный* показатель эффективности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для приумножения счастья.

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 14-18-03271.

С экономистами солидарны и психологи. М. Селигман утверждает, что мы вступаем в «экономику удовлетворенности жизнью» и что успех бизнеса напрямую зависит от смысла жизни и межличностных отношений, а «политика государства должна быть направлена на умножение общего благополучия, и благополучием можно измерить ее успех или провал» (Селигман, 2013, с. 122). Автор иронично замечает, что традиционный показатель результативности такой политики — ВВП — растет и тогда, когда строится новая тюрьма, происходит развод, случается автомобильная авария или совершается самоубийство, т.е. рост ВВП может достигаться и путем «умножения несчастий»¹.

Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизнью проявляется, например, в том, что хотя в конце 1990-х годов жители западных стран были в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изменился, а у 37% богатых американцев показатели счастья оказались ниже среднего (Diener, Suh, 1997). М. Аргайл подчеркивает, что ученые до сих пор «не смогли понять, почему огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья. Вероятно, — пишет он, — данный факт обусловлен ростом притязаний: если раньше люди мечтали о собственном велосипеде, то сейчас им уже нужно два автомобиля» (Аргайл, 2003, с. 177). Трудно понять и то, почему латиноамериканцы, живущие на грани нищеты, подчас более счастливы, чем куда более благополучные европейцы (Diener, Suh, 1997). Хорошо известен также «парадокс Истерлина», состоящий в том, что «счастье растет вместе с доходом до определенной точки, но не дальше», связанный с принципом «гедонистического колеса»: «притязания растут вместе с ростом дохода, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большее значение не абсолютный, а относительный уровень дохода» (Степашин, 2008, с. 128).

Большое значение имело и доказательство того, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию гораздо в большей степени, чем реальное положение дел» (Степашин, 2008, с. 136). Как отмечает С. В. Степашин, «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общест-

---

1 На это, правда, можно возразить, что состояние счастье тоже не может быть самоцелью, поскольку его могут испытывать и садисты, и педофилы, и другие антисоциальные личности.

ва, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом», «начинает формироваться консенсус в плане того, что опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» (Степашин, 2008, с. 137). А основное отличие так называемой «вторичной» модернизации от «первичной» принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении (Обзорный доклад..., 2011).

Экономистами разработаны и количественные показатели «уровня счастья»: Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), взятые на вооружение такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро европейского союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская комиссия и др.

Структура Индексов счастья, предлагаемых экономистами, выражает их представления о характере этого феномена и его психологическом содержании. Так, при расчете Индекса счастливой жизни (или Индекса счастливых лет жизни) средний для той или иной страны нормализованный показатель *удовлетворенности* жизнью, изменяющийся в интервале от 0 до 1 и вычисляемый на основе ответов респондентов на соответствующий прямой вопрос «Насколько вы удовлетворены своей жизнью?» умножается на среднюю продолжительность жизни в этой стране, рассматриваемую как показатель *благополучия*. Счастье раскладывается на две слагаемых и выступает как производное от удовлетворенности жизнью и благополучия, оцененных описанным способом. Как пишет С. В. Степашин, «в силу многозначности и предельной субъективности понятия „счастье“ в экономических и психологических исследованиях чаще используется термин *удовлетворенность жизнью* (life satisfaction), а для оценки „степени счастья“ — субъективно оцениваемый уровень *благополучия* (well-being)» (Степашин, 2008, с. 127). Не вдаваясь в детальную критику подобных способов понимания счастья и оценки соответствующих показателей, отметим, во-первых, что, как показывает богатый опыт психологических исследований, «лобовые» вопросы малоэффективны при изучении «тонких» психологических феноменов, к числу которых, несомненно, принадлежит и счастье, скажем, глубоко несчастный человек может ответить, что он вполне удовлетво-

рен жизнью, под влиянием различных защитных психологических тенденций и т. п., кроме того, удовлетворенность жизнью может варьировать даже в течение одного дня в зависимости от различных факторов, во-вторых, можно прожить долгую, но неблагополучную как в материальном, так и психологическом отношении жизнь, и данный показатель благополучия тоже выглядит, как минимум, очень «грубым»¹.

Индекс счастливой планеты рассчитывается таким же способом при добавлении еще одного параметра — «экологического следа», характеризующего потребление природных ресурсов той или иной нацией или социальной группой и имеющего собственно к счастью еще более сомнительное отношение (предполагается, что более счастливы те народы, которые потребляют меньше таких ресурсов, т. е. достигают удовлетворенности жизнью ценой меньшего насилия над природой, а, скажем, в случае Российской Федерации «экологический след» почти в два с половиной раза превышает его критическое значение).

В целом же нетрудно заметить, что при всей позитивности обращения экономической науки и соответствующих организаций к проблеме счастья и понимания цели экономики не как достижения экономических показателей самих по себе, а лишь как средства обеспечения счастья людей, само счастье выступает в этом контексте в весьма условном смысле — скорее в качестве метафоры, имеющей и к бытовому пониманию счастья, и к его психологическому наполнению очень отдаленное отношение.

Психология счастья

Психология счастья как область психологического исследования тоже стремительно разрастается, хотя, по мнению М. Аргайла, пока не оказывает ощутимого влияния на общую психологию: в частности, в учебниках психологии ей пока не находится места. А «теории счастья пока не сложились в единое целое, хотя они, по-видимому, способны объяснить механизм действия многих важных источников счастья» (Аргайл, 2003, с. 181).

М. Селигман, отмечая, что понятие «счастье» от частого употребления на бытовом уровне «потеряло всякий смысл» (Селигман, 2013,

---

1 К тому же этот индекс предполагает экстраполяцию удовлетворенности жизнью в детские годы, основанную на весьма сомнительном предположении о том, что человек, в зрелом возрасте считающий себя благополучным, был таковым и в детстве.

с. 20), считает, что первым шагом его научного анализа должно быть выделение основных *составляющих* счастья, относя к их числу положительные эмоции, вовлеченность в «поток» и смысл жизни (Селигман, 2013, с. 21–22). В качестве первых он называет удовольствие, восторг, наслаждение, теплоту, комфорт и т. п.¹, под вовлеченностью понимает состояние, когда «все отходит на второй план, время останавливается, и вы самозабвенно занимаетесь тем, что поглощает вас целиком» (Селигман, 2013, с. 23), а по поводу третьей составляющей счастья пишет: «Человеку непременно нужны смысл жизни и цель. Жизнь, наполненная смыслом, предполагает принадлежность к чему-то большому и служение ему» (Селигман, 2013, с. 22). М. Аргайл, подчеркивающий, что «счастье — основное измерение человеческого опыта», считает, что «оно включает в себя позитивный эмоциональный настрой, удовлетворенность жизнью, а также такие когнитивные аспекты, как оптимизм и высокая самооценка» (Аргайл, 2003, с. 176), отмечая при этом, что в качестве его составляющих можно рассматривать и другие элементы, например, наличие жизненной цели и т. п.²

К понятию «счастье» очень близки понятия «субъективное благополучие» и «удовлетворенность жизнью». М. Аргайл подчеркивает, что употребляет понятия счастья и субъективного благополучия как синонимы (при этом, правда, признает, что субъективное благополучие, в отличие от счастья, включает и некоторые объективные переменные, такие, как доход и состояние здоровья), а удовлетворенность жизнью считает одной из основных *составляющих* счастья (Аргайл, 2003). М. Селигман тоже отмечает: «Понятия *счастье* и *благополучие* мы используем как взаимозаменяемые термины» (Селигман, 2006, с. 337). Вместе с тем напрашивается трактовка счастья как не просто эквивалента субъективного или психологического благополучия, а как его *превосходной степени*, полюса на его шкале. И. А. Джидарьян пишет о «тонких психологических различиях» (Джидарьян, 2013, с. 172) между счастьем и удовлетворенностью жиз-

---

1 Эмпирические исследования демонстрируют, что наиболее часто упоминаемыми причинами радости, испытываемой человеком, являются: общение с друзьями (36% упоминаний), жизненные успехи (16%) и основные физические удовольствия (еда, напитки, сексуальные отношения) (9%) (там же). Впрочем, в разных выборках подобные соотношения, естественно, варьируют.

2 Этот автор не вполне последователен в понимании счастья, в разных частях своей книги (Аргайл, 2003) он предлагает его несколько различающиеся толкования.

нию, которые не всегда предполагают друг друга. А. Маккеннел выделяет четыре типа личности: 1) «достиженец» — человек, который одновременно счастлив и удовлетворен, 2) «смирившийся» — удовлетворенный жизнью, но несчастливый, 3) «устремленный» — счастливый, но неудовлетворенный, 4) «несостоявшийся» — несчастливый и неудовлетворенный (McKenna, 1978). В целом ряде исследований удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие рассматриваются как *факторы* счастья и, стало быть, не эквивалентные ему понятия, причем факторная нагрузка первой составляет 0,83, а второго — 0,60 (нагрузка других основных факторов следующая: аффективного баланса, т. е. соотношения положительных и отрицательных эмоций, — 0,74, качества жизни — 0,69, оптимизма — 0,69, самооценки — 0,51) (Compton et al., 1996).

Субъективное благополучие обычно понимается как складывающееся из шести факторов: 1) физического и психического здоровья, 2) знания и понимания мира, 3) хорошей работы, 4) материального благополучия, 5) свободы и самоопределения, 6) удовлетворительных межличностных отношений (Giovannini et al., 2009). К. Риф выделяет такие компоненты психологического благополучия, как: 1) внутренняя гармония (принятие себя); 2) позитивные отношения с другими людьми; 3) независимость; 4) контроль над обстоятельствами; 5) наличие цели в жизни; 6) личностный рост (Ryff, 1989). Выделяются и такие элементы субъективного благополучия, как хорошая семья, жизненные достижения, отсутствие депрессии и тревожности (Селигман, 2013), и др.

В целом же психологи явно больше озабочены не изучением *психологического содержания* счастья, а выявлением *факторов*, влияющих на счастье и субъективное благополучие, которому и посвящена большая часть психологических исследований этой проблемы. И, как пишет И. А. Джидарьян, «сегодня акцент ставится не столько на выявлении каких-то новых, ранее не учтенных факторов, способных оказывать воздействие на субъективное благополучие (например, экологическое состояние окружающей среды, степень скученности населения, качественный состав пищи, уровень психических расстройств, число разводов, самоубийств, степень алкоголизации общества т. д.), сколько на раскрытии особенностей и различных опосредованных форм такого влияния, на выявление структуры межфакторных связей, на обнаружение тех новых зависимостей и закономерностей, которые возникают на фоне общего роста благосостояния и уровня жизни людей в наиболее развитых странах Запада» (Джидарьян, 2013, с. 55).

Удовлетворенность жизнью, рассматриваемая то как психологический эквивалент счастья, то как его компонент, то как предпосылка, тоже подвергается структурированию. Различные подходы к изучению этого понятия основаны на выделении составляющих и вычислении интегративных показателей удовлетворенности. Наиболее часто она понимается как объединяющая удовлетворенность: 1) уровнем личной и семейной безопасности; 2) материальным положением; 3) отношениями в семье; 4) достижением поставленных целей; 5) работой и возможностью творческой самореализации; 6) проведением досуга; 7) погодой, климатом и экологией; 8) социальным статусом; 9) отношениями с друзьями; 10) уровнем социальной стабильности и уверенности в будущем; 11) здоровьем.

Общая картина удовлетворенности жизнью при наличии ее достаточно универсальных компонентов, таких, например, как удовлетворенность работой, здоровьем, отношениями с друзьями и близкими, может иметь вариации, связанные с особенностями личности, социальных групп и культур, к которым человек принадлежит, региона, в котором он проживает, и т. п. Например, для жителей неблагоприятных в климатическом отношении районов важным фактором удовлетворенности является климат (здесь человек может лишиться имущества и даже жизни в результате наводнения или какого-либо другого природного катаклизма), не имеющий большого значения в более спокойных в климатическом отношении регионах.

Обращает на себя внимание близость основных составляющих удовлетворенности жизнью к главным показателям *качества жизни*, вычисляемым для разных стран различными международными организациями. В частности, методология его оценки, разработанная в 2005 г. компанией «Economist Intelligence Unit», включает следующие показатели: 1) здоровье населения; 2) устойчивость семьи; 3) интенсивность общественной жизни; 4) материальное благополучие; 5) политическая стабильность и безопасность; 6) климат и география; 7) гарантированность трудовой занятости; 8) политическая свобода; 9) гендерное равенство (см.: Попова и др., 2010)¹. Близость подобных индикаторов к показателям субъективного благополучия выражает сходство основных ценностей на уровне индивида и общества, а их некоторое расхождение — тот факт, что социальные ценности, такие, например, как гендерное равенство, не всегда трансформируются в ценности индивидуальные, а на социальном уровне

1 В первую десятку среди 111 стран мира, оцененных по этим параметрам в 2010 г., входили: 1) Ирландия, 2) Швейцария, 3) Норвегия, 4) Люксембург, 5) Швеция, 6) Австралия, 7) Исландия, 8) Италия, 9) Дания, 10) Испания.

существуют ценности, отсутствующие или не имеющие большого значения на уровне индивидуальном. В целом же соотношение между соответствующими категориями — качеством жизни и удовлетворенностью ею — может быть охарактеризовано как отношение между родственными понятиями, одно из которых свидетельствует о благополучии общества в целом, другое — о благополучии образующих его индивидов. Прямые сопоставления субъективного благополучия и качества жизни демонстрируют, что корреляция между ними составляет 0,57 (Diener, Suh, 1997), что показывает, с одной стороны, тесную связь между ними, с другой, невозможность рассматривать субъективное благополучие как непосредственное психологическое отображение качества жизни, ибо оно отражает влияние и других факторов. Например, в Австрии и в Нигерии зафиксирован примерно одинаковый уровень субъективного благополучия, хотя качество жизни в этих странах существенно разное (Аргайл, 2003).

Вообще проводить международные сравнения, когда речь идет о таких понятиях, как счастье, субъективное благополучие и др., достаточно сложно, в первую очередь, потому что, как отмечает М. Аргайл, счастье может принимать различные формы в разных культурах и понимается по-разному. На разной высоте находится и «планка счастья»: представители менее притязательных народов могут быть счастливы от того, что привычно для представителей других и не вызывает у них эмоций, скажем, обладание автомобилем. Очень важным является вопрос и о *качестве* счастья, конкретном наполнении этого понятия в разных культурах, который пока всерьез не затронут исследованиями (Аргайл, 2003), хотя, казалось бы, эта тема, производная от проблемы психологического содержания счастья, должна быть одной из приоритетных для психологической науки.

Удовлетворенность жизнью в современном обществе, в том числе в российском, характеризующемся большой ролью материальных ценностей, и подвергается большому влиянию экономических факторов, но не столько самих по себе, сколько их психологического преломления, выражаемого понятием *субъективного экономического благополучия* (СЭБ). Исследования В. А. Хашенко демонстрируют, что взаимосвязь СЭБ с удовлетворенностью жизнью носит «взаимный, прямой и опосредованный характер». В частности, «оценка материального положения повышает общую удовлетворенность жизнью только тогда, когда ее материальный уровень воспринимается как благоприятный для индивида, т. е. выше, чем у большинства окружающих его людей» (Хашенко, 2007, с. 68). Свое субъективное экономическое благополучие человек оценивает в соотношении с матери-

альным положением референтных для него окружающих. При этом «субъективное экономическое благополучие, помимо удовлетворенности социально-экономическими условиями жизни, зависит от отношений индивида с ближайшим социальным окружением, восприятия им собственного успеха в жизни, а также реализованности потребности в независимости» (Хашченко, 2007, с. 65) и может находиться в весьма отдаленных отношениях с объективным социально-экономическим статусом человека. Возможны четыре варианта его соотношения с удовлетворенностью жизнью, порождающие соответствующие типы личности: 1) обеспеченные, но недовольные; 2) нуждающиеся недовольные; 3) нуждающиеся, но довольные; 4) обеспеченные и довольные.

Несмотря на возможность подобных расхождений, очевидна тесная связь между такими понятиями, как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, качество жизни и т. п., а также их исследованиями. Как пишет И. А. Джидарьян, «существует прямая связь между исследованиями, посвященными психологии счастья и удовлетворенности жизнью, с одной стороны, и общесоциологической концепцией качества жизни (Quality of Life), с другой». Причем, по ее мнению, «ведущее влияние первоначально исходило со стороны качества жизни». В свою очередь, «в структуре этой концепции (качества жизни. — А. Ж., А. Ю.) важное значение придавалось понятию субъективного благополучия (Subjective Well-Being) личности, которое имело четко выраженный психологический смысл, связанный с понятиями счастья и удовлетворенности жизнью» (Джидарьян, 2013, с. 51). При этом, добавляет И. А. Джидарьян, «психологическая ориентированность понятия «качества жизни» многим авторам представляется настолько очевидной и существенной, что они даже предпочитают прямо определять его как «внутреннюю удовлетворенность», или «чувство субъективного благополучия личности». В результате «иногда бывает трудно определить, направлена та или иная конкретная работа на исследование качества жизни или она посвящена психологии счастья и общей удовлетворенности жизнью» (Джидарьян, 2013, с. 53).

Следует также подчеркнуть *психосоциальный* характер рассмотренных категорий в смысле их отнесенности одновременно и к индивиду, и к обществу, что создает возможность анализа на их основе как индивидуально-психологических, так и макропсихологических феноменов. В то же время на уровне личности и на уровне социума эти категории приобретают существенно разное наполнение, например, понятие психологического благополучия *общества*, видимо, должно

включать такие показатели, как уровень преступности, количество суицидов и т. п., тогда как психологическое благополучие индивида измеряется совершенно иными показателями.

Необходимо также отметить, что в исследованиях счастья часто стирается грань между его структурными элементами и предпосылками, влияющими на него факторами, что создает препятствия для очерчивания этого понятия и анализа его внутренней структуры. А при его фактическом отождествлении с понятиями удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия от исходного — несколько романтического — его наполнения не остается и следа, и оно сводится к другим, более привычным и удобным для научного психологического анализа понятиям, лишенным как соответствующей ауры, так и коннотаций, характерных для бытового восприятия счастья. Нивелируется также различие между счастьем как временным состоянием человека («в этот момент он почувствовал себя счастливым», «с нею он был счастлив» и т. п.) и его стабильным состоянием (во втором смысле счастье действительно предстает как эквивалент удовлетворенности жизнью и др.).

Смыслжизненная основа счастья

Важный аспект обращения психологии к проблеме счастья связан с развитием «позитивной» психологии, служащей альтернативой и противовесом как традиционной психологии, так и выраженной сосредоточенности социогуманитарной науки, как отечественной, так и мировой, на негативных явлениях в обществе. «По своему объективному содержанию и смыслу позитивная психология — это закономерный итог отношения новой генерации ученых к сложившейся в предыдущие годы несбалансированности психологической науки, в которой преимущественное внимание уделялось негативным сторонам и проявлениям психики — депрессии, стрессу, страху, алкоголизму, агрессии, тревожности, одиночеству, беспомощности, когнитивным ошибкам и искажениям, неэффективным решениям и т. д.» (Джидарьян, 2013, с. 220). Как подчеркивает основатель позитивной психологии М. Селигман, «устранить неблагоприятные условия, однако, совсем не то, что создать благоприятные. Если мы стремимся к процветанию и благополучию, страдания действительно нужно свести к минимуму, но кроме того в нашей жизни должны быть положительные эмоции, смысл, достижения и хорошие взаимоотношения с людьми» (Селигман, 2013, с. 70–71). Селигман добавляет, что традиционная психотерапевтическая практика, направленная

на избавление пациентов от гнева, тревоги, печали и других негативных эмоций, делает их не счастливыми, а *опустошенными*, поэтому терапевтические приемы развития положительных эмоциональных состояний не должны сводиться к минимизации негативных состояний. А традиционной психологической науке и практике он дает такую характеристику: «Обычная психология — психология жертв, отрицательных эмоций, психоза, патологии и трагедии» (Селигман, 2013, с. 129). Эту традицию психологии М. Селигман возводит к З. Фрейду, который полагал, что «психическое здоровье — всего лишь отсутствие психического заболевания» (Селигман, 2013, с. 230), и был последователем А. Шопенгаура, считая, как и этот философ, что счастье — иллюзия, и лучшее, на что можно надеяться, — свести несчастья и страдания к минимуму¹.

Важность позитивных предпосылок счастья проявляется и на макропсихологическом уровне. Отмечая, что на протяжении последних лет число удовлетворенных жизнью в нашей стране устойчиво удерживается на уровне 73–75%, в то время как прекрасное настроение имеют только 3% опрошиваемых², И. А. Джидарьян объясняет эти результаты не только тем, что наше общество живет в состоянии психического напряжения, неослабевающего раздражения, глобального недоверия, растерянности и т. п., т. е. под воздействием негативных факторов, но и при *дефиците позитивных* — «как правило, нет уверенности в завтрашнем дне, отсутствуют идеалы, люди не чувствуют себя участниками событий, происходящих в стране»³ (Джи-

- 1 Приведем и еще одно примечательное высказывание М. Селигмана на этот счет: «Благодаря Фрейду и его подходу, психология и медицина смотрят на мир сквозь призму патологии и интересуются лишь вредным воздействием неблагоприятных событий. И психология, и медицина переворачиваются на 180 градусов, если задаешься вопросом, противоположным патологии: об укрепляющем воздействии событий благоприятных. И действительно, любые начинания — в области питания, иммунной системы, социального обеспечения, политики, образования или морали — направленные на лечение, упускают из виду эту идею и делают лишь полдела: исправляют недостатки, не пытаясь укреплять достоинства» (Селигман, 2013, с. 234–235).
- 2 Отметим, что более поздние социологические опросы демонстрируют более оптимистический настрой наших сограждан.
- 3 Это утверждение корреспондирует с данными различных социологических исследований о том, что примерно 80 % наших сограждан убеждены в своей полной неспособности влиять на происходящее в стране (Левашов, 2007). На психологическом уровне это оборачивается форми-

дарьян, 2013, с. 57). При этом чуть ли не каждый второй россиянин не верит в то, что когда-либо будет жить лучше, а людей, чувствующих себя счастливыми, в нашей стране ощутимо меньше, чем в западных странах. Джидарьян заключает, что «все это очень тревожно, поскольку речь идет о состояниях, ведущих к фрустрации и социопатии населения страны» (Джидарьян, 2013, с. 5), фрустрация же, в силу широко известной психологической закономерности, порождает агрессию и т. д.

Исследования показывают, что счастье и такое его слагаемое, как смысл жизни, значат для человека больше, чем деньги и даже возможность попасть в рай (King, Napa, 1998). Смысл жизни в структуре основных составляющих счастья, выделяемых М. Селигманом и другими исследователями, играет ключевую, цементирующую роль своеобразного «стабилизатора», уже хотя бы потому, что, как давно подмечено, человек ежедневно переживает несравненно больше отрицательных эмоций, чем положительных (Франкл, 1990), и необходимо нечто, что сохраняло бы его позитивный тонус в условиях отрицательных эмоций, способствуя их восприятию и вызвавших их событий как ситуативных и малосущественных на фоне «главного» (Леонтьев, 1999). Основополагающая роль смысла жизни связана и с известным феноменом, состоящим в том, что, как заметил еще Сенека, «чем больше стремишься к счастью, тем больше от него отдаляешься» (цит. по: Джидарьян, 2013, с. 80), что побудило Дж. С. Милля сформулировать «целевую» стратегию счастья, в соответствии с которой счастье приносит не стремление к нему самому, а достижение значимых целей, которые должны вытекать из главного для человека — смысла его жизни. Тот факт, что нельзя искать счастье намеренно, что оно должно прийти само, как «побочный продукт» других поступков, подчеркивает и М. Аргайл (2003). Из этого, в частности, вытекает парадоксальный факт, состоящий в том, что народы, живущие в плохих материальных условиях, но объединенные единой целью, которая придает смысл жизни их представителям, часто оказываются более счастливыми, нежели живущие гораздо лучше, но лишённые таких объединяющих целей.

В частности, как отмечает И. А. Джидарьян, «„недостаток“ счастья компенсировался в русском народе его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтой о благополучном и счастливом будущем, поисками более высоких идеальных оснований бытия,

рованием внешнего локуса контроля и чувства беспомощности, а на политическом — «управляемой демократией», для которой характерны априорная предопределенность результатов выборов и т. п.

а также стремлением к смыслу жизни, без которого для русского сознания нет счастья» (Джидарьян, 2013, с. 43). Так, в отмеченные дефицитом товаров первой необходимости и политическими репрессиями советские годы все же «были историческая перспектива, чувство великой Родины и сознание необходимости совместной борьбы и самоотверженного труда за общее благо», а постепенное «испарение» этих спаивающих нацию чувств и послужило главной психологической причиной распада советского государства. Что же касается современной России, то «к сожалению, современное российское общество осталось без идеалов, вдохновляющих и духовно укрепляющих идей, способных придать смысл нашему национальному бытию и историческому существованию в мире» (Джидарьян, 2013, с. 46). В результате симптоматично, что, как показывают социологические опросы, советский человек был счастливее, чем сегодняшний россиянин (Сикевич, 1999), хотя, конечно, в объективности результатов опросов, проводившихся в советское время, можно и усомниться.

Принято различать два основных типа счастья — гедонистический и эвдемонистический, причем для последнего характерна «смысл-жизненная ориентация личности, при которой смысл жизни оказывается выше самой жизни (естественные потребности человека). Соответственно, основным источником удовлетворенности и счастья для этого типа людей выступает не сама по себе возможность жить и иметь обычные житейские радости и блага, не просто возможность развивать и удовлетворять свои насущные потребности, искать и находить все новые источники удовольствия, а наличие высокой цели и смысла жизни, возможность неукоснительно следовать и самозабвенно служить им, добиваясь реализации большой и общественно значимой цели» (Джидарьян, 2013, с. 83).

Слова «самозабвенно служить» в приведенной формулировке могут вызвать ассоциации с жертвованием всем личным ради общественного, которого требовала советская идеология, и которое характерно для таких персонажей, как, например, Павел Корчагин, едва ли способных служить образцами для подражания в современном российском обществе. Вместе с тем «служение идеалам» вовсе не обязательно предполагает подобную жертвенность и характерно, например, для самоактуализирующихся личностей, описываемых А. Маслоу, — выдающихся ученых, писателей, музыкантов и др. (Маслоу, 1999). Наличие в их жизни высоких смыслов не лишает ее земных радостей, а, наоборот, подводит под них устойчивый фундамент, позволяя получать еще большее удовольствие как вписанных

в общий смысложизненный контекст. Это, наверное, и есть современный вариант эвдемонистического счастья, а его антипод — счастье гедонистическое — представляет собой отрыв естественных человеческих удовольствий от еще более естественного для человека — его смысложизненных ценностей.

Тем не менее вычленение «стандартной структуры счастья» и его необходимых компонентов осложняется тем, что, как отмечалось выше, представления о счастливой жизни существенно зависят от особенностей различных культур и народов, и тем, что для разных личностей какие-либо структурные элементы счастья могут выходить на первый план, делая другие элементы менее значимыми. Одним для счастья достаточно служения идее, определяющей смысл их жизни, другим он вообще не особенно нужен, и достаточно лишь постоянного получения удовольствий. Но оба варианта представляются крайними, а «типовая структура счастья» предполагает наличие всех его основных компонентов. Она включает: 1) положительный аффективный баланс — количественное преобладание позитивных эмоций над негативными; 2) определенное восприятие тех и других — радостей как существенных и закономерных, неприятностей как временных и преодолимых (за этим стоят оптимизм, позитивное мышление и соответствующий стиль восприятия); 3) положительный когнитивный баланс — количественное преобладание позитивно окрашенных мыслей над негативно окрашенными; 4) позитивный образ мира в целом; 5) наличие смысла жизни, позволяющего получать от нее удовольствия и одновременно воспринимать ее как достижение значимых целей; 6) полноценную смысловую иерархию, предполагающую гармоничное сочетание личностных и надличностных смыслов; 7) общую удовлетворенность всеми основными элементами жизненной ситуации — своим здоровьем, отношениями с друзьями, членами семьи, ситуацией стране и т. д.; 8) позитивную временную перспективу — представление о том, что «завтра будет лучше, чем вчера».

Вместе с тем человек может быть вполне счастлив и в отсутствие каких-либо из этих компонентов счастья, и возможно выделение «типов счастья» на основе их различных сочетаний. Возможно выделение таких типов и на других основаниях, например, различие «событийного счастья», основанного на насыщенности жизни различными событиями, и «тихого счастья» живущих спокойной, несобытийной жизнью людей, и монокомпонентного счастья, основанного на превалировании одного из его элементов (например, «с милым и в шалаше рай»), и поликомпонентного, и т. п.

Коллективные смыслы

Зависимость счастья от наличия смысла жизни проявляется не только на уровне личности, но и на уровне социума. Правда, и в данном случае возможно сохранить понимание смысла жизни как чисто индивидуального. В принципе общество может состоять из индивидов, каждый из которых преследует чисто индивидуальные цели — разбогатеть, стать знаменитым, обеспечить благополучие своей семьи и т. п., которые придают смысл его личной жизни. Такое общество можно назвать «диссипативным», и оно близко к тому, что представляет собой современная Россия.

Вместе с тем, как отмечает М. Аргайл, для коллективистских культур характерна основанность оценки удовлетворенности жизнью не только на личном счастье, но и на благополучии группы (Аргайл, 2003). М. Селигман пишет: «Осмысленной жизнь становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, — и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь» (Селигман, 2006, с. 335). А анализ воспоминаний людей, переживших невыносимые ситуации, демонстрирует, что выжить в этих ситуациях им помогало наличие важной цели, стоящей выше личных интересов (см.: Поддьяков, 2012).

Общества, в которых сильны традиции коллективизма, переживают свое «диссипативное» состояние как *смысловый вакуум*, а отсутствие коллективных, общенациональных смыслов порождает массовую аномию, утрату объединяющих начал, отсутствие перспективы и другие негативные явления. Подробный перечень таких явлений — «социальных патологий» — приводит А. Маслоу, относя к их числу аномию, отчуждение, потерю вкуса к жизни, безразличие, тоску, скуку, экзистенциальный вакуум, ноогенный невроз (невроз потери интереса к жизни), апатию, отстраненность, фатализм, десакрализацию жизни, духовные кризисы, желание смерти и безразличие к ней, чувство собственной бесполезности, ненужности и незначимости, беспомощность, ощущение отсутствия свободы воли, тотальный скептицизм, безверие, отчаяние, безрадостность, опустошенность, цинизм, агрессивность, вандализм, отчуждение от старших, родителей, авторитетов и т. д. (Маслоу, 1999). Все подобные «социальные болезни» предстают в социологических, психологических и других исследованиях в качестве характерных для современного российского общества, находящегося в состоянии «смыслового вакуума». А попытки отечественных неолибералов внедрить в наше массовое сознание индивидуалистические ценности, заменив общенациональный

смысл индивидуальными смыслами, хотя и не лишены успешности в распространении подобных ценностей, этот вакуум не заполняют.

Соответственно, для коллективистских обществ, в том числе и для современного российского общества, крайне актуально наличие коллективных смыслов, формирующих индивидуальные смыслы его граждан, а также придающих соответствующий смысл объединяющим их сообществам и видам деятельности¹. Возможно построение иерархии таких смыслов на основе выделения их уровней — от смыслов коллективной деятельности различных организаций (корпоративных смыслов) до коллективных смыслов, проявляющихся на уровне общества, нации, государства, а также человечества в целом. Причем в данном случае проступает логика их актуализации, в целом аналогичная логике актуализации личностных потребностей различного уровня в теории А. Маслоу (1999). Так, обострение ситуации на макросоциальных уровнях в условиях войн, других угроз общенациональному благополучию, а также человечеству в целом оттесняет коллективные смыслы более низких уровней на второй план, делая более актуальными глобальные смыслы. А исследовательский проект «Обзор мировых ценностей», реализованный в 80 странах, продемонстрировал, что в современном мире, причем как в богатых, так и в бедных странах, растет доля населения, склонного к размышлениям о смысле и цели жизни (Inglehart, Norris, 2004). При этом отчетливо артикулирована мысль о том, что человеку трудно чувствовать себя счастливым, жить полноценной, наполненной позитивными эмоциями жизнью в больном обществе, зараженном преступностью, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой (см.: Подьяков, 2012).

Подобная ситуация проявляется и в современной России, глобальные проблемы которой обостряют актуальность общенациональных смыслов, среди которых главным служат объединяющие нацию идеи, в различных социогуманитарных науках получившие собирательное обозначение «*национальной идеи*» (в действительности любая «национальная идея» предполагает *систему* идей относительно прошлого нации, ее будущего, исторической «миссии» и т. д.). Ее отсутствие, особенно в условиях традиционного коллективизма²

---

1 Каждый из этих видов может восприниматься их субъектами как решение личных задач, а может — как служение народу, отечеству и т. п., что было очень характерно для советского времени.

2 Следует подчеркнуть, что коллективные смыслы имеют большое значение и для тех культур, которые принято считать индивидуалистическими. В частности, американское общество всегда базировалось не только

российского общества и специфических характеристик российского менталитета, эквивалентно отсутствию главного источника объединяющих наше государство коллективных смыслов. Поэтому закономерно, что с начала 1990-х годов в среде отечественных идеологов, политиков и обществоведов предпринимаются настойчивые попытки поиска национальной идеи, которая послужила бы основой формирования *общенационального смысла*, что имеет не только идеологические, но и психологические предпосылки, связанные с вышеизложенным, а также с тем, что «исторически для России и россиян одних только „хлеба и зрелищ“ всегда было мало, у них постоянно была сильно выражена потребность в национальной идее и вере» (Джидарьян, 2013, с. 198). Эти поиски при всей неудовлетворительности достигнутых на настоящий момент результатов¹, психологически оправданы. Общенациональная идея, которая была бы способной сформировать общенациональный смысл, породила бы и *общенациональную перспективу*, создав, таким образом, важнейшие предпосылки жизнестойкости и жизнеспособности нации, а также массового оптимизма и других важнейших составляющих субъективного благополучия граждан. При этом такие формулировки национальной идеи, как, например, «Россия должна быть и должна быть всегда» (Национальная идея России, 2012), страдают явным дефицитом конкретики, по существу, сводя национальную идею лишь к *существованию* России и оставляя без ответов краеугольные вопросы о том, *какой* ей следует быть и, если ей надлежит выполнять некую историческую миссию, в чем именно эта миссия должна заключаться.

Таким образом, рассмотренные нетрадиционные понятия психологической науки, такие как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему категорий, все же прорисовывается

на ценностях свободы, гарантии прав личности и т. п., но и на *общенациональных* целях, таких, как процветание нации, позднее — ее доминирующее положение в мире и др.

- 1 Одна из главных трудностей в ее нахождении состоит в неоднородности нашего общества, принимающей катастрофические размеры. Какая общая идея может объединять, например, жителей полуразрушенных российских сел, озабоченных главным образом добытанием хлеба настоящего, и олигархов, озабоченных в основном поиском новых способов истратить деньги? Благополучие России и то, какими путями ей надлежит развиваться, они, естественно, понимают по-разному.

определенный вектор детерминации, хотя он, естественно, не является единственно возможным. Так, национальная идея способна служить источником коллективного смысла жизни, формирующего базовый компонент индивидуальных смыслов, хотя, естественно, далеко не исчерпывающего их. Это равносильно в общем-то тривиальному утверждению о том, что ответ на вопрос: «Для чего мы живем?» лежит в основе смысложизненной структуры личности. Он способен служить источником оптимизма¹, жизнестойкости, жизнелюбия и, в конечном счете, жизнеспособности личности и витальности нации, оказывая также большое влияние на субъективное качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и высшее проявление этой удовлетворенности — счастье ее граждан.

Осознание соответствующих влияний должно учитываться государственной политикой, которая в нашей стране все еще страдает «экономическим детерминизмом» и, соответственно, дефицитом внимания к неэкономическим целям. Как отмечает М. Аргайл, «весьма распространена такая точка зрения, что первостепенная задача правительства — повысить материальный уровень жизни людей; правда, признается и значимость других целей (таких, как образование и здравоохранение). <...> Но ничего не говорится о том, чтобы сделать людей счастливее». А именно эта задача, ответы на вопрос о том, «Каковы должны быть действия правительства, чтобы в стране стало больше счастливых людей?» (Аргайл, 2003, с. 181), сейчас выходит на первый план, в том числе, и в нашей стране, где, как и другие общесоциальные задачи, должна решаться с учетом специфики.

Литература

Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.

Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Левашов В. К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М.: Academia, 2007.

Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.

Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

---

1 И. А. Джидарьян отмечает, что категория оптимизма в свою очередь тесно сопряжена с целым кругом других понятий, характерных для позитивной психологии: «вера», «надежда», «жизнестойкость», «энтузиазм», «витальность», «мужество», «юмор», «самоэффективность», «сила духа» и др. (Джидарьян, 2013).

- Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 1—6.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010). М.: Весь мир, 2011.
- Поддьяков А. Н. Психология счастья и процветания и проблема зла // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А. Л. Журавлева и А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН, 2012. С. 109—136.
- Попова С. М., Шахрай С. М., Яник А. А. Измерения прогресса. М.: Наука, 2010.
- Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Селигман М. Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 87—93.
- Степашин С. В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хашченко В. А. Типология субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 58—69.
- Compton W. C., Smith M. L., Cornish K. A., Qualls D. L. Factor structure of mental health measures // J. of Pers. and Soc. Psych. 1996. V. 71. P. 406—413.
- Diener E., Suh E. Measuring quality of life: Economic, social and subjective indicators // Social Indicators Research. V. 40. № 1—2. P. 189—216.
- Giovanini E., Hall J. Morrone A., Rannuzi G. A framework to measure the progress of societies, OECD Working Paper, 2009.
- Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- King L. A., Napa C. K. What makes a life good? // J. of Pers. and Soc. Psych. 1998. V. 87. № 1. P. 156—165.
- McKennel A. C. Cognition and affect in perception of well-being // Social indicators research. 1978. V. 5. № 4. P. 389—426.
- Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // J. of Pers. and Soc. Psych. 1989. V. 57. № 6. P. 1069—1081.

Патриотизм как психологический феномен и понятие

А. В. Юревич

Понятие патриотизма

Проблема патриотизма, точнее, комплекс связанных с ним проблем все более явно попадает в нашей стране в фокус общественного сознания, что связано и с традиционно большой значимостью патриотизма для нашего общества, и с попытками ее отрицания псевдолиберальной идеологией 1990-х годов, и с острой потребностью в общенациональной идее, и с обострением отношений нашей страны с Западом, и с очевидными недостатками отечественной системы воспитания, и с другими подобными факторами. Отмечается, что важнейшей проблемой духовной жизни нашей страны является возрождение ценностей и идей, среди которых главной была и остается идея патриотизма, что в современных российских условиях, когда происходят изменения практически во всех сферах социально-экономической, политической и духовной жизнедеятельности, только она, став объединяющей силой, может способствовать возрождению национальных ценностей и традиций российского общества, выходу нашей страны из состояния затянувшегося поиска основ своего существования (Патриотизм..., 2013). Отдается должное и тому, что «патриотический потенциал — это фактор жизнеспособности индивида, социальной группы и общества» (там же, с. 49), «патриотизм выступает в качестве одного из факторов развития общества, атрибутов его жизнеспособности» (Патриотизм..., 2015, с. 107). И действительно, как свидетельствует история, именно патриотизм помогает выживать народам и государствам в самые критические пе-

---

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 14-18-03271.

риоды их истории (см. также: Кольцова, Журавлев, 2018; и др.), а гибель империй обычно начинается с ослабления патриотизма их граждан. Даже руководитель ЦРУ Аллен Даллес в 1950-е годы утверждал, что сила России в патриотизме ее граждан (Патриотизм..., 2015, с. 328). Подчеркивается и то, что для государства популяризация патриотических настроений является объективной потребностью на пути укрепления национального единства и безопасности в полиэтническом и полирелигиозном пространстве» (Зверев, Морозов, 2015, с. 69), т. е. патриотизм рассматривается как альтернатива межнациональной и межрелигиозной розни. «Патриотизм как любовь к общему Отечеству становится залогом взаимной терпимости, уважения и мирного сосуществования. Он служит препятствием для формирования экстремистских настроений, шовинизма, утверждения национальной исключительности (там же). Становится все более очевидным, что только высокая патриотическая идея, идея государственности и есть тот каркас, то основание, на котором может выстраиваться духовность нашего общества (подробнее см.: Психологические исследования..., 2011; Психологическое здоровье..., 2014; Психология человека..., 2009; и др.), наращиваться потенциал его возрождения и устойчивого развития (Патриотизм..., 2015).

Приняты федеральные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». Безусловную ценность патриотизма подчеркивают в своих выступлениях и лидеры религиозных объединений, в частности, патриарх Кирилл и председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин.

Отмечается и то, что в настоящее время с темой патриотизма связано самое активно развивающееся направление общественной мысли (Зверев, Морозов, 2015). При этом отчетливо проявляется тот факт, что патриотизм при всей эмоциональности и публицистичности сопряженных с ним ассоциаций может и должен быть объектом *научного*, причем *междисциплинарного* изучения, в системе которого видная роль должна принадлежать и психологической науке (подробнее см.: Головей и др., 2017; Психология: современные направления..., 2003; и др.). А трактовка патриотизма в рамках обыденного сознания, перенос в науку закрепленных за этим понятием бытовых и идеологических ассоциаций, препятствуют собственно научному изучению этого очень непростого и неоднозначного явления. В результате отчетливо обозначается потребность в собственно научном анализе патриотизма.

Нет недостатка и в *определениях* патриотизма. Например: «Патриотизм — это искренняя и бескорыстная любовь гражданина к своей стране, ее многонациональному народу, уважительное отношение к культуре, традициям и историческому прошлому России. Патриотизм — это последовательная и твердая защита законных интересов и прав всего российского народа и каждого гражданина, национально-государственных интересов нашей страны. Патриотизм — это реальные действия, направленные на достижение благополучия каждого гражданина России и всей страны в целом. Патриотизм — это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность к его защите вплоть до самопожертвования» (Патриотизм..., 2013, с. 33).

По мнению В. В. Путина, «настоящий патриотизм... — это... глубокое осознание личной причастности к судьбе страны, гражданская ответственность и стремление посвятить России, своим согражданам свой талант, готовность всегда быть со своей Родиной и в минуты торжества, и в периоды испытаний и невзгод» (цит. по: Патриотизм..., 2015, с. 107).

Д. А. Медведев называет патриотизм одной из пяти главных ценностей российского народа. По его мнению, патриотизм — это «вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре» (Послание Президента..., 2008).

В «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации» патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» (цит. по: Патриотизм..., 2015, с. 20–21).

Исследователи патриотизма отмечают, что такие характеристики, как верность своей стране, уважение к ее истории и традициям, внимание к достижениям народов в прошлом и настоящем составляют ядро государственного понимания патриотизма (Зверев, Морозов, 2015). Патриарх Кирилл подчеркивает, что ядро истинного патриотизма — «стремление приносить пользу не только себе лично, но и содействовать благу других и, в первую очередь, благу своего Отечества» (Цит. по: Зверев, Морозов, 2015, с. 69). Важными чертами истинного патриотизма он также считает жертвенность, искреннюю веру, самоотверженное служение Богу, Отечеству и ближним (там же). В Основах социальной концепции Русской православной церкви, утвержденных на состоявшемся в 2000 г. в Москве Архиерейском соборе, перечисляются конкретные формы выражения патриотизма: защита Отечества от неприятеля, труд на благо отчизны, забота об устройении

народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления, сохранение и развитие национальной культуры, народного самосознания (там же). Выделяются и такие первостепенные слагаемые патриотизма, как любовь к Родине, готовность пожертвовать во имя ее блага собственными интересами, уважение и почитание истории своей страны (там же).

В «Википедии» патриотизм определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификация себя (*особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям*) с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа». Подчеркнем в данной связи, что привычное в быту понимание патриотизма как *любви к Родине* является явно недостаточным. Он предполагает также, во-первых, *поведенческий* компонент — готовность действовать на благо Родины даже в ущерб своим личным интересам, т.е. своего рода патриотический альтруизм, не только абстрактную готовность совершать соответствующие действия, но и их реальное совершение: «Истинный патриотизм — это любовь к Родине в действии» (Патриотизм, 2015, с. 100). Во-вторых, чувство гордости за свою Родину — ее историю и культуру. В-третьих, психологически очень важно чувство идентификации со своей страной, ее историей и ее народом (народами) — «это моя страна, моя история и мой народ». Возможно, различные компоненты патриотизма можно свести к одному — *преданности* человека своей Родине, но в целях его аналитического изучения целесообразно не укрупнять, а, наоборот, дифференцировать это понятие. И в качестве основных составляющих «ядра» патриотизма, на которые наслаиваются его многочисленные компоненты, можно выделить: 1) чувство любви к Родине; 2) готовность приносить личные интересы в жертву общественным; 3) соответствующее поведение; 4) идентификацию со своей страной, ее историей и ее народом (см. также: Юревич, Журавлев, 2016; и др.).

Вместе с тем отмечается, что «патриотизм — слово, вызывающее в целом позитивные эмоции у большинства россиян, но «заезженное» и не всегда правильно понимаемое» (Патриотизм..., 2013, с. 48). В частности, патетические воззвания о любви к Родине и о величии русского народа вряд ли возможно принимать как должное проявление патриотизма (там же). Очевидно, вербальные проявления пат-

риотизма должны сопровождаться его поведенческими и прочими проявлениями. Отмечается, что «патриотизм, единый по своей сущности, в то же время многообразен в своем проявлении и осуществлении» (Патриотизм..., 2015, с. 89), соответственно можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена (там же). Отмечается также, что все большее распространение приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие компоненты» (Патриотизм, 2015). При этом «до сих пор не определено конкретное содержание патриотизма как ценности, не исследована ее взаимосвязь с другими близкими ей ценностями, явно недостаточное внимание уделяется изучению реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций, особенно в процессе социализации и деятельности реализации личности, социальной группы в условиях современной России» (Патриотизм, 2015, с. 102), а одним из шагов на пути к решению проблемы самоидентификации российского социума должно стать обсуждение вопроса о сути патриотизма, о его соотношении с национализмом, шовинизмом, интернационализмом и космополитизмом (там же, с. 64), т.е. эта проблема, при всей ее важности для общества и для самых разных научных дисциплин, находится на первых стадиях *научной* проработки. И, что особенно важно отметить в контексте ее *психологического* анализа, «патриотизм можно определить как сложный, социально-нравственный принцип и морально-психологическое чувство» (там же, с. 145), а психологический уровень патриотизма является его основой, фундаментом, от прочности которого зависит возможность возведения теоретической надстройки.

Слагаемые патриотизма

Если судить по приведенным выше определениям, патриотизм — *многосоставное* понятие, и возникают проблемы, связанные с тем, следует ли считать патриотом только человека, которому свойственны *все* основные признаки патриотизма, или же достаточно какого-либо одного (или нескольких) из них, а также как быть в тех случаях, когда различные слагаемые патриотизма рассогласуются друг с другом. За многосоставным понятием патриотизма стоит и *многосоставное явление*. Отмечается многоаспектность явления патриотизма (Патриотизм..., 2015, с. 60), тот факт, что «патриотизм — многогранное и многоаспектное явление, представляющее сложный комплекс

свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на различных уровнях социальной системы» (там же, с. 60). В частности, в психологической науке это явление не может быть описано какой-либо *одной* из психологических категорий, а предполагает комплекс таких категорий, как чувства, установки, переживания, отношения, идентификация, поведение и др.¹ Вместе с тем, подобно установкам, оно может быть описано на тех же, что и установки, уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В. А. Кольцова и В. А. Соснин подчеркивают, что и *воспитание* патриотизма включает когнитивный (знания), эмотивный (чувства) и поведенческий (готовность к действию) аспекты (Кольцова, Соснин, 2005, с. 89).

Вызывают вопросы также отдельные слагаемые патриотизма. Вроде бы очевидное понятие «Отечество» становится непростым в эпоху интенсивных миграций населения, появления немалого количества личностей, которые считают себя «гражданами вселенной» (такое самосознание было характерным, например, для К. Маркса) и других подобных факторов. Допустим, человек родился в одной стране, а живет в другой. Он, конечно, может быть патриотом и своей исторической Родины, и принявшей его страны, но как быть в тех случаях, когда они вступают между собой в конфликтные отношения, должен ли он сделать выбор?

Понятие любви (к Отечеству) является очень сложным и неоднозначным. В психологических текстах любовь определяется, например, как «высокая степень эмоционально положительного отношения, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта (любовь к матери, детям, родине, музыке и т. д.)». При этом отмечается, что «в качестве родового понятия любовь охватывает достаточно широкий круг эмоциональ-

---

1 Отмечается, например, что в чувстве патриотизма находит выражение «широкий спектр потребностей, интересов, идеалов, вкусов, а также черт и особенностей психологического склада людей, их менталитета и смысложизненных ориентаций, например, установки подлинного коллективизма, трудолюбия и трудовой самоотдачи, здорового конформизма и толерантности, чести, достоинства и служения долгу... В состоянии патриотического сознания без труда вычлениваются базовые общественно-психологические состояния, характерные для конкретной национально-культурной общности людей, их доминантные чувства, эмоции, умонастроения, амбиции и приоритеты, общественные настроения, воинственность и миролюбивость, отношение к природе и наследию прошлого, исторический опыт и связь поколений» (Патриотизм..., 2015, с. 362–363).

ных явлений, различающихся глубиной, силой, предметной направленностью и др., — от сравнительно слабо выраженных одобрительных отношений до целиком захватывающих человека переживаний, достигающих силы страсти» (Общая психология, 2005, с. 138). Т.е. любовь — это не чувство, которое либо присутствует в полном объеме, либо полностью отсутствует, возможны и разные виды любви, и ее различная интенсивность. С какой силой надо любить Отчество, чтобы считаться патриотом, и возможны ли разные градации патриотизма в зависимости от этой силы?

Такая слагаемая патриотизма, как «гордость достижениями и культурой своей Родины», не вызывает возражений (хотя у разных людей существуют различные представления о том, что следует считать ее «достижениями»), если речь идет о *высокой* культуре. Но можно ли отказать в статусе патриота человеку, который негативно относится к ее *бытовой* культуре, например, к нашей национальной традиции материться, плевать и бросать окурки в общественных местах?

Еще больше осложняется ситуация, когда патриоту предписывается гордиться *историей* своей Родины. Должен ли он гордиться *всей* ее историей? Ведь в нашей российской истории много предметов для гордости, но много и такого, чем трудно гордиться.

Например, опрос, проведенной в 1990-е годы в Санкт-Петербурге, показал, что жители этого города гордились 82 и стыдились 92 событиями отечественной истории из предложенных для оценки. Причем положительные чувства преобладали в оценке дореволюционной истории (46 событий, получивших положительную оценку и 14 событий, оцененных негативно), в то время как советская история значительно реже вызвала чувство гордости (26 событий, вызывающих чувство гордости, и 40 событий, вызывавших чувство стыда). А наибольший «перекос» в сторону негативных оценок вызвала наша новейшая история, к которой были отнесены события, совершившиеся в период перестройки и наших дней (напомним, что опрос проводился в 1990-е годы). В данном случае только 10 событий вызвали чувство гордости и 38 событий — чувство стыда. Среди событий, вызывавших чувство гордости наших сограждан, явные лидеры (по числу оценок) — Великая Отечественная война и события, связанные с ней, наша военная история в целом, достижения советской науки, включая освоение космоса, Отечественная война 1812 г. Среди событий, вызывавших чувство стыда, — период сталинизма, революционная история в целом, включая Октябрьскую революцию, распад СССР, события октября 1993 г., межнациональные конфликты (Сикевич,

1996). С чувством гордости петербуржцы вспоминали также «петровские победы», «реформы Петра Великого», «царствование Екатерины Великой», «правление Елизаветы», «сталинскую твердую руку» и др. Противоположные чувства у них вызывали «сталинские репрессии» (не будем забывать о противоречивости российского менталитета и обилии прямо противоположных оценок одних и тех же событий), «хрущевская кукуруза», «брежневский застой», «царствование Михаила Сергеевича», «ельцинский переворот» и т. п. Следует отметить и то, что «в многонациональном государстве общегосударственная и национальная история по событийному и оценочному ряду не совпадают, и этноисторическое сознание русского, татарина или осетина отличаются друг от друга, а события государственной истории (например, взятие Казани войсками Ивана Грозного или Кавказская война XIX в.) не только по-разному оцениваются представителями разных народов России, но и вызывают зачастую совершенно противоположные чувства» (Сикевич, 1996, с. 115).

Опрос, проведенный в 2011 г., продемонстрировал, что 77% наших сограждан испытывали чувство стыда за современное состояние нашей страны, не принимают тот социально-экономический уклад, который возник в результате реформ 1990-х годов, выражают неудовлетворенность сложившимися «правилами игры», «порядком вещей», «хозяйственным механизмом» и т. д., которые представлялись опрошенным «не только несправедливыми, но и позорными» (Двадцать лет реформ..., 2011, с. 66).

Подчеркнем также в данной связи, что наша оценка исторических событий во многом опосредована нашим *знанием* истории, и мы гордимся или стыдимся теми ее фрагментами, которые знаем. И это, конечно, во многом предопределено освещением истории в отечественной системе образования. Так, например, царь Иоанн III, при котором было ликвидировано татаро-монгольское иго, отвоевана значительная часть исконно русских территорий, завоеванных Литвой, сделаны новые территориальные приобретения и фактически создано Российское *государство* (Карамзин, 1993), остается малоизвестной фигурой для наших сограждан, хотя этим периодом нашей истории мы могли бы гордиться. Вообще не только определенное отношение к истории своего народа, но и *знание* ее, интерес к ней вполне заслуживают включения в число основных элементов патриотизма. «Огромное значение для формирования патриотического сознания имеет история Отечества, являющаяся необходимым элементом духовно-нравственной природы патриотизма» (Патриотизм..., 2015, с. 116). И очень символично, что в своей исторической

речи в июне 1941 г. И. В. Сталин активно использовал образы полководцев — героев российской истории.

Заслуживает внимания упомянутое в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви такой элемент патриотизма, как *уважение и почитание* истории своей страны. Уважение к истории предполагает не только ее знание, но и *понимание*, умение видеть ее фрагменты не в черно-белом свете¹, выделение даже в негативных событиях позитивных сторон, восприятие нашего народа как жертвы негативных событий и «историческое сострадание» с ним, *идентификация* с историей своего народа. Например, эмоциональное восприятие татаро-монгольского ига, несмотря на отделяющие нас от него века. Видимо, такое *эмоциональное вовлеченное* восприятие отечественной истории во всех ее светлых и темных сторонах более характерно для истинного патриота, чем идентификация с нашими победами и эмоциональное отвержение поражений. Подобное отношение к родной истории, высокую степень идентификации с ней можно назвать «принятием истории на себя». А содержащееся в определениях патриотизма упоминание идентификации себя с «другими членами народа» (Википедия), с народом в целом, можно дополнить идентификацией с его историей.

Такой атрибут патриотизма, как желание сохранять характер и культурные особенности своей Родины, порождает вопрос о том, можно ли считать патриотами радикальных реформаторов, видящих отсталость своей страны и стремящихся радикально изменить ее социально-политическое устройство. Конечно, проще всего отнести к патриотам лишь тех реформаторов, которые осуществляют реформы действительно во благо Родины (а не руководствуются, скажем, какими-либо корыстными целями) и проводят их на фоне бережного отношения к национальной культуре. Но это не всегда получается даже у наиболее благонамеренных реформаторов, а, например, реформы Петра I, которому трудно отказать в патриотизме, далеко не всегда были «щадящими» по отношению к ней (следует вспомнить и то, что во время правления этого монарха население России сократилось на треть).

Непросто обстоит дело и с таким часто выделяемым атрибутом патриотизма, как *вера* в свою страну, в то, что она преодолет все свои основные трудности и ее ожидает замечательное будущее. Подобный атрибут — скорее функция не патриотизма, а оптимизма. Вполне воз-

---

1 З. В. Сикевич отмечает, что для значительной части наших сограждан характерно «черно-белое» восприятие действительности, жесткое и непереносимое» (Сикевич, 1996, с. 117).

можно (и нередко встречается) такое явление, как патриот-пессимист, любящий свою страну, остро переживающий за нее, но не разделяющий оптимистичного образа ее будущего. Можно ли таких людей вычеркивать из числа патриотов?

Естественно, в основе патриотизма лежит *образ* Родины, который у разных людей, в том числе и истинных патриотов, всегда различен. В частности, горячая любовь к Родине может сочетаться с весьма критическим отношением к ней, ее социально-политическому устройству, внешней и внутренней политике и т. п. В таком случае можно говорить о «критическом патриотизме», если, конечно, критическое отношение к своей стране связано с желанием сделать ее лучше, а не ее «очернить».

Но, пожалуй, наибольшие сложности возникают в связи с различием когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов патриотизма (как и вообще при разделении этих трех аспектов социальных установок). Если патриотизм сводится только к своему вербальному компоненту, например, человек повсеместно твердит о своей любви к Родине, но не переживает за нее, не идентифицирует себя с ней и ведет компрадорский образ жизни (что характерно для многих наших чиновников и политиков и выразимо, например, формулой «Да, ворую, но Родину люблю»), то такой, «вербальный» (можно его назвать также показным и т. п.) патриотизм вряд ли можно считать истинным. Труднее обстоит дело в тех случаях, когда на вербальном уровне человек проявляет установки, которые выглядят непатриотическими, но героически погибает за Родину на поле боя. Или когда то же самое совершает человек, не имеющий выраженного эмоционального отношения к своей Отчизне. В подобных ситуациях, видимо, поведенческий компонент патриотизма «перевешивает» два других, а в экстремальных ситуациях могут проявляться скрытые патриотические установки и настроения, которые не выражены в более спокойных условиях.

При этом в истории поведенческий компонент патриотизма у разных социальных групп может иметь прямо противоположную направленность. Например, по мнению современных исследователей, патриотизм был свойствен многим представителям как Красной армии, так и Белого движения, и «сегодня, спустя почти век со времени великого раскола России, вряд ли правомерно отказывать в патриотизме тем нашим соотечественникам, которые потерпели поражение в борьбе за ее иное будущее» (Патриотизм..., 2015, с. 255).

Но и поведенческий компонент патриотизма может не быть решающим, если, например, чувство страха и инстинкт самосохране-

ния перевешивают другие чувства, и горячие патриоты бегут с поля боя, что не раз случалось в истории разных стран и народов. А вышеупомянутый Иоанн III, по свидетельствам историков, демонстрировал странное, если не сказать трусливое поведение в преддверии решающей битвы с татаро-монголами (нерешительность, поиск мира с неприятелем, отъезд от войска в Москву, переселение жены в отдаленные северные земли и т.д.), что не помешало ему победить их, не потеряв ни одного воина и зарекомендовать себя в истории России как истинного патриота. По словам Н. М. Карамзина, «несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой, несмотря на бегство неприятеля, на целостность войска и Державы, Московитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государем, ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собой за честь, за славу отечества» (Карамзин, 1993, с. 300). Патриотизм не тождествен героизму, хотя многие герои совершают свои героические поступки из патриотических побуждений. Возможен как патриотизм без героизма, так и наоборот — героизм без патриотизма, поскольку героизм может иметь и другие мотивы. Тем не менее существует тенденция если не к отождествлению, то, по крайней мере, к сближению этих понятий, а, например, погибшим на поле брани часто приписываются патриотические мотивы, которых на самом деле может и не быть (например, в случае массовой мобилизации).

Из рассмотренных ситуаций возможного расхождения обычно выделяемых слагаемых патриотизма и их непростого внутреннего характера можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев гораздо проще судить о том, кто является патриотом, если у того или иного лица обнаруживаются все эти слагаемые, чем о том, кто им *не* является, поскольку можно быть патриотом и при отсутствии каких-либо из них.

Это дает основания и для выделения различных *видов* патриотизма. Кроме отмеченных выше, следует упомянуть такие его хорошо известные из нашей истории виды, как «квасной патриотизм», «шапкозакидательский патриотизм», «эмигрантский патриотизм», «диссидентский патриотизм», «компрадорский патриотизм», «узконациональный патриотизм» (эквивалентный национализму), «государственно-идеологический патриотизм», «локальный патриотизм» (например, патриотизм русских князей, которые героически отстаивали свои вотчины, но не желали объединяться против общего врага) и т. п. Естественно, возникает соблазн отказать таким видам «патрио-

тизма» в статусе истинного патриотизма, объявить их разновидностями псевдопатриотизма, но с учетом сложности, многосоставности и возможной внутренней противоречивости данного явления, это, как, например, в случае «эмигрантского патриотизма» или «диссидентского патриотизма» не всегда оправданно.

Внешнеполитическим изменениям последнего времени, событиям на Украине, обострениям отношений России с Западом и соответствующим дискуссиям в нашей стране сопутствовали обвинения целых социальных групп в отсутствии патриотизма, обозначения их как «пятой колонны» и т. п., что вывело на первый план вопрос о том, что понимать под патриотизмом, в чем именно он состоит и выделения его различных видов. Эта проблема регулярно обострялась в нашем общественном сознании и раньше, широкую известность приобрели и такие феномены, как «эмигрантский патриотизм» (отмечается, в частности, что эмигранты послереволюционного периода «не покинули Россию, а унесли ее с собой» и проявили свою любовь к России, когда на нее напала фашистская Германия), «диссидентский патриотизм» и т. д., имевшие в этом сознании негативные и «не патриотические» коннотации.

Отметим также, что в современной России сложилась традиция противопоставления патриотизма либерализму, а соответствующие политические ориентации рассматриваются как чуть ли не антагонистические. Для этого есть основания. Современные (псевдо) либералы либо вообще очень агрессивно относятся к понятию «патриотизм» (излюбленные ими выражения — «квасной патриотизм» и т. п.), считают его «последним пристанищем негодяев» (Патриотизм..., 2015, с. 328) либо трактуют его весьма странным образом, например, в том смысле, что глобальные перемены во всех областях в нашей стране по западным образцам — это и есть патриотизм. И вполне закономерно, что в современной России патриоты рассматриваются как антипод либералов, сложилась дихотомия «либерализм-патриотизм», а при общественном обсуждении любого острого социального вопроса, например, отношения к выходке «Пусси райот» или пропаганде гомосексуализма противодействующие стороны поляризуются на эти две категории¹. Вместе с тем следует напомнить, что во времена закла-

---

1 Отмечается, что «аналогичным путем пошли и театральные деятели, и писатели России, разделившись на либерально-ориентированных и патриотов, в результате чего в каждом из расколовшихся союзов оказались люди, чей вклад в развитие русской литературы несомненен и неоспорим, а противопоставление их в творческом плане неразумно и непродуктивно. Однако их различные мировоззренческие позиции

дывания оснований российского либерализма подобное противопоставление вообще не имело смысла, поскольку такие признанные российские либералы, как П. Милюков, Н. Бердяев, П. Струве, одновременно *были и горячими патриотами*, испытывали сакральное отношение к своей Родине, а, например, во время Первой мировой войны были сторонниками ее ведения до победного конца (Ципко, 2004).

Любопытно, что подобный образ российского либерализма закрепился и среди его зарубежных исследователей. Как отмечают Д. Филд и Е. Ламперт, все русские либералы были государственниками, твердо убежденными в том, что только государственная власть может служить оружием прогресса (Field, 1973; Lampert, 1965).

Эмпирические исследования патриотизма

В условиях достаточно выраженной тенденции к «забалтыванию» темы патриотизма, ее предельной идеологизации и обсуждению преимущественно в абстрактной плоскости естественный интерес представляют его эмпирические исследования. Отметим сразу же, что к ним надо относиться с большой осторожностью и ввиду идеологизированности данной темы, и потому, что эти исследования выполнялись в прежние годы, предшествующие присоединению Крыма и другим важным событиям, вызвавшим, по разным оценкам, рост патриотических настроений в нашем обществе. Соответственно, можно предположить, что выявившийся в них уровень патриотизма наших сограждан по сравнению с настоящим временем существенно *занижен*. Вместе с тем они представляют, как минимум, исторический интерес, а также важны в плане выявления взаимоотношений между различными слагаемыми патриотизма.

По данным «Левада-Центра», в 2000 г. слово «патриотизм» вызывало положительные эмоции у 57% респондентов, 22% испытывали как позитивные, так и негативные эмоции, когда в очередной раз слышали с экрана телевизоров или по радио что-либо «про патриотизм», видимо, потому что в таких ситуациях к эмоциональным коннотациям данного понятия добавлялись ассоциации, вызываемые нашими СМИ и конкретными политиками, каждый десятый реагировал на него с неудовольствием или раздражением, 11% затруднились с ответом (Двадцать лет реформ..., 2011). Эти данные свидетельству-

---

стали весомым аргументом в оправдании своей как творческой, так и гражданской позиции» (Тощенко, 2015, с. 46–47).

ют о том, что отношение к патриотизму в нашем обществе было неоднозначно и «зависимо от контекста», что вполне естественно.

Согласно тем же данным, 50% наших сограждан видели патриотизм в укреплении семьи и воспитании детей, 47% — в уважении традиций, 30% — в работе с полной отдачей по своей специальности. Гораздо менее значимы для россиян оказались публичные и политические формы патриотизма, такие как голосование на выборах за патриотические партии и политиков соответствующей ориентации, празднование исторических событий и юбилеев, участие в работе патриотических объединений, т.е. проявилась «бытовая привязка» патриотизма — к формам деятельности, идущим на пользу нашему обществу, и их приоритет перед «символическими» формами патриотизма. Причем первое было более характерно для граждан с высшим и незаконченным высшим образованием, а второе — для людей с образованием ниже среднего (там же).

Обращает на себе внимание и тот факт, что 60% респондентов понимали под патриотической политикой «возрождение России как великой державы», и только 35% — «защиту прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами» (там же). Подчеркнем еще раз, что опрос проводился до присоединения Крыма, которое сопровождалось масштабной и эффективной кампанией по внедрению второго — «надгосударственного» — понимания патриотизма.

Представляют интерес и результаты опроса, проведенного в 2006 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ). На открытый вопрос «Какого человека можно назвать патриотом?» 27% опрошенных ответили, что таковым, по их мнению, является человек, который любит свою Родину, переживает за нее и за ее граждан — «полностью преданный своей стране», «думает не о себе, Родина у него на первом месте», «болеет за свой народ», «переживает за свою Родину», «любит свою страну, несмотря на ее недостатки». 9% респондентов выбрали «деятельный» вариант патриотизма, ответив, что патриотом можно считать человека, который делает что-либо полезное для своей страны и ее народа: «приносит пользу народу, Родине», «старается для своего народа», «заботится о благополучии страны и о людях». 7% предпочли проиллюстрировать свои представления о патриотах упоминанием конкретных политических и общественных деятелей — от А.Д. Сахарова до В.В. Жириновского, нередко упоминая и президента России (Кто такой патриот, 2007).

Опрошенные говорили также о таких признаках патриота, как готовность к самопожертвованию ради своей страны (6%), участие в сражениях за Родину или несение воинской службы (4%), гордость

за свою страну (4%), а 3% отметили, что патриотом можно считать того, кто не хочет уезжать из России, очевидно, отказывая в этом статусе эмигрантам.

В данном исследовании респонденты оценивали также значимость ряда *критериев* патриотизма. Наиболее бесспорным из них оказалось отношение к родной природе: 76% опрошенных заявили, что человек, равнодушный к ней, не может быть истинным патриотом. 70% респондентов сказали, что нельзя считать патриотом человека, не знающего истории своей страны, 69% отказали в чувстве патриотизма тем, кто уклоняется от службы в армии, 56% отказали в патриотизме тем, кто стремился уехать жить и работать в другую страну. Иные признаки, такие как участие в выборах, знание гимна своей страны, предпочтение отечественного искусства зарубежному и др., оказались менее значимыми (31–45% ответов).

57% опрошенных сочли патриотами самих себя, а 30% – не сочли. Чаще прочих считали себя патриотами представители старшего поколения (65%) и люди с высшим образованием (69%). При этом

Таблица 1

Как бы вы определили свои политические взгляды?
(Тошенко, 2015)

Варианты ответов	2002, XII	2003, X	2005, IX	2007, I	2009, VI	2010, XII	2011, VI	2012, XII	2013, VI
Демократические	16	28	23	26	24	33	27	28	31
Патриотические	17	21	24	22	22	21	20	19	17
Коммунистические	7	13	8	10	9	7	8	8	11
Либеральные	4	8	6	10	11	9	9	9	9
Социально-демократические	1	4	4	5	7	7	10	5	6
Социалистические	9	9	9	7	13	8	14	9	5
Консервативные	3	3	5	6	5	6	5	6	5
Националистические	1	3	4	4	3	2	2	3	2
Затрудняюсь ответить	17	30	32	29	26	24	24	28	28

первые более строго, чем в целом респонденты по выборке, относились к обсуждавшимся критериям патриотизма, а вторые — наиболее мягко (Кто такой патриот, 2007).

Удельный вес патриотической самоидентификации и ее динамика по годам были выявлены в исследовании, проведенном в 2013 г. Институтом социально-политических исследований РАН.

Существуют данные, характеризующие уровень патриотизма современной российской *молодежи* и ее представления о перспективах нашей страны. Одно из исследований показало, что лишь 14,2% студентов согласились с мнением, что у России хорошие перспективы, 48,8% полагали, что успокаиваться рано, поскольку трудности еще впереди и посерьезнее тех, что были, 37% считали, что при нынешнем уровне коррупции перспектив у нашей страны нет (Козлов, 2012). Твердо собирались эмигрировать 22,5% студентов, а на поддержку государства в решении своих жизненных проблем рассчитывали только 1,8%, что, с одной стороны, свидетельствовало о позитивном снижении уровня патернализма, формировании тенденции полагаться на себя (69,1% студентов) и не ждать помощи от государства, с другой — о снижении доверия к нему.

По данным ФОМ, чувство гордости от осознания себя гражданином России в начале 2010-х годов возникало у пятой части (21%) опрошенных, у 36% с этим была связана обида за страну, а у 17% ощущение себя гражданином России вообще не вызывало никаких чувств (см.: Мытиль и др., 2013). По данным совместного исследования Института социологии и ИСПИ РАН, 37% часто и 48% иногда испытывали стыд за нынешнее состояние страны (Двадцать лет реформ..., 2011).

При этом обнаруживались и любопытные феномены, демонстрировавшие специфику российского патриотизма. Например, сравнительное исследование, проведенное в 1990 г., показало, что доля граждан, которые гордились быть гражданином своей страны, у нас была ниже, чем в западноевропейских странах (всего 53%), однако доля готовых сражаться за свою страну выше, чем в большинстве из них, и выше, чем доля испытывающих чувство гордости (66%) (Рукавишников и др., 1998). Для наших сограждан было характерным сознание «своей страной не горжусь, но воевать за нее буду», не характерное для европейцев.

Вообще опросы того времени демонстрировали невысокий уровень патриотизма в современной России. Так, в десятке наиболее значимых ценностей отсутствовали такие, которые были бы связаны с общероссийской групповой идентичностью, — «Родина», «патриотизм», «Национальная культура» и др. (Национальная идея Рос-

сии, 2012). А в еще более раннем исследовании выяснилось, что среди качеств, приписываемых респондентами русскому человеку, патриотизм оказался лишь на 8-м месте (по количеству упоминаний), причем о нем упомянули лишь 9,5% опрошенных (Сикевич, 1996). Оценки более позднего времени тоже сводились к констатации «депатриотизации сознания наших сограждан» (Патриотизм..., 2015, с. 52), «затянувшегося духовного кризиса, поразившего общество, одним из проявлений которого стало значительное снижение уровня патриотического сознания россиян» (Патриотизм..., 2015, с. 160). Симптоматично и то, что в современной российской Конституции термины «патриот» и «патриотизм» вообще отсутствуют, а понятие «Родина» встречается лишь 1 раз (Национальная идея России, 2012). В то же время трудно не согласиться и с тем, что «патриотические чувства есть у большинства людей, и это подтверждают многочисленные социологические опросы» (там же, с. 27).

Показательным феноменом является и «социальное расслоение» патриотических чувств. Так, в начале 2000-х годов патриотические суждения поддерживали 51,5% бедных россиян (что, впрочем, тоже немного) и лишь 22,4% богатых (Россия — новая социальная реальность, 2004).

Однако с начала 2014 г. ситуация существенно изменилась: стал наблюдаться значительный всплеск патриотизма, связанный с рядом известных обстоятельств: «В последние годы мы наблюдаем всплеск патриотических настроений» (Патриотизм..., 2015, с. 345). Согласно опросам «Левада-центра», во время зимних Олимпийских игр в Сочи 81% россиян отметили подъем патриотических чувств. Катализатором второй волны патриотизма стало присоединение Крыма. У 88% респондентов это событие вызвало положительные эмоции — одобрение, гордость за страну, чувство торжества справедливости, радость. Однако, по мнению экспертов, «патриотический эмоциональный всплеск», вероятнее всего, продлится недолго: для долгосрочного эффекта нужны успехи внутри страны, в частности, в социальной и экономической сфере (Подмена понятий..., 2014).

Еще ранее — в феврале 2014 г. эксперты Института современной России при содействии социологов «Левада-центра» провели опрос, направленный на выяснение того, как россияне понимают патриотизм. Опрос показал, что большинство россиян считают, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране. Именно так 68% россиян ответили на вопрос «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?». По мнению 27% опрошенных, «быть патриотом» озна-

чает работу (действие) во благо страны, 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Несколько чаще выбирали эти два варианта ответа респонденты с высшим образованием. Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве случаев видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% молодежи патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% — стремление к изменению положения дел в стране. Исследование показало, что в целом по сравнению с 2000 г., когда был проведен аналогичный опрос, представления россиян о патриотизме практически не изменились. Однако количество респондентов, отметивших, что понятие патриотизма включает работу во благо страны, уменьшилось на 8%, а на 6% сократилось число россиян, связывающих патриотизм с необходимостью защиты страны от любых нападков и обвинений.

Опрос показал также, что для подавляющего большинства россиян — 84% — патриотизм означает «глубоко личное чувство», при этом, по мнению опрошенных, каждый человек сам должен определять, что патриотично, а что нет, только 9% опрошенных считают, что определение патриотизма находится в руках государства. Впрочем, респонденты в возрасте от 55 лет и пенсионеры несколько чаще отмечали, что государство должно определять, что патриотично, а что нет (там же).

По мнению значительного количества опрошенных, патриотизм далеко не всегда означает поддержку власти. С мнением о том, что «патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была», в той или иной степени согласились чуть более 23%, а 82% не согласились с мнением о том, что те, кто критикует действующий режим, не являются настоящими патриотами (там же), т.е. в очередной раз получила подтверждение возможность «критического патриотизма».

Ответы респондентов были соотнесены и с пониманием патриотизма как чувства гордости за свою страну. Как показал опрос, россияне большей частью гордятся природными богатствами России (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Гораздо меньшее количество наших сограждан испытывает чувство гордости за достижения страны в социальной и экономической сфере: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 5,2% гордятся системой образования, 5,4% — экономическими успехами и, еще один тревожный показатель, только 7,9% россиян гордятся *своими согражданами* (там же).

Среди существующих интерпретаций данного исследования отметим, в связи со сказанным выше о возможности различных форм патриотизма, что «патриотизм в России принимает различные формы», а также то, что «большинство россиян считают, что патриотизм — это глубоко личное чувство, не поддающееся системному регулированию сверху» (там же).

В преддверии Дня России — 11 июня 2014 г. — ВЦИОМ представил данные еще одного опроса о том, какие чувства россияне испытывают к нашей стране, кого считают патриотами, а кого — нет (Что значит..., 2014). Отвечая на вопрос о том, кто *не* является патриотом, большинство респондентов — 84% — выразили мнение, что, прежде всего, это человек, не чувствующий любви к России. Две трети опрошенных — 68% — полагают, что патриотом не может быть тот, кто хочет переехать в другую страну. Еще 66% россиян считают главным проявлением *непатриотических* чувств уклонение от службы в армии. 66% уверены, что истинный патриот никогда не будет давать или брать взятки, 63% — что он не будет уклоняться от уплаты налогов. Для 65% опрошенных главным признаком, отличающим истинного патриота, является знание государственной символики России. 53% респондентов считают, что патриотом не может быть человек, имеющий счета за границей, 52% — что им не может быть человек, работающий в некоммерческой организации, которая финансируется из-за рубежа. Для 51% опрошенных проявлением отсутствия патриотизма является отказ от участия в выборах, тогда как 40% участников опроса с этим не согласились. 47% респондентов полагают, что гражданин, публично высказывающий мнение, противоположное государственной позиции, не является патриотом, а 44% убеждены, что он все же может искренне любить свою страну и быть ей преданным. Мнения респондентов о том, как охарактеризовать человека, имеющего двойное гражданство, также разделились: 48% думают, что его можно назвать патриотом, а 43% с этим в корне не согласны. По мнению 62% опрошенных, желание вступить в брак с иностранцем не означает, что человек не может питать патриотических чувств к своей стране, а не согласны с этим 30% респондентов. 65% опрошенных также не видят препятствий для того, чтобы назвать патриотом человека, работающего в иностранной фирме, с чем не согласны 29% участников опроса (там же).

Рассмотренные результаты эмпирических исследований патриотизма позволяют сделать ряд *общих выводов* относительно природы этого понятия и его восприятия нашими согражданами.

Они в целом подтверждают адекватность приведенных выше определений патриотизма, в частности, *чувства любви к Родине как его*

основы, и демонстрируют, что восприятие патриотизма гражданами в общем строится в русле существующих определений, хотя в различных ситуациях на первый план выходят те или иные его аспекты. Вместе с тем эмпирические исследования дают основания для некоторых уточнений.

- А. Для граждан особенно существен поведенческий аспект патриотизма — патриотическое поведение для них имеет куда большее значение, чем патриотические речи и заявления. При этом существенное значение для многих из них имеют и такие «поведенческие» проявления патриотизма, как воздержание от дачи взяток, исправная уплата налогов и отсутствие эмиграционных намерений.
- В. Как уже отмечалось, достаточно выражена «локальная привязка» патриотизма в виде соответствующего отношения не только к своей Родине, но и к своей семье, своим детям, к своей профессии и т. д. Как отмечают социологи, «сегодня самоидентификация в кругу близких на порядок выше идентификации с большими социальными общностями... Самоопределение „мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела“ доминирует в нынешнем российском обществе» (Симонян, 2013, с. 62).
- С. В восприятии россиян патриотизм включает не только социальный, но и «физический» компонент — в виде бережного отношения к родной природе. В данной связи возникает вопрос о возможности считать патриотами тех наших многочисленных сограждан, которые выбрасывают мусор где попало, превращают окружающую их природную среду в помойки и вообще ведут себя на родной земле так, как будто это не их родная земля.
- Д. Часто понятие патриотизма персонифицировано, ассоциируется с конкретными личностями и иллюстрируется конкретными примерами.
- Е. Патриотическое отношение к нашей стране часто сочетается с критическим отношением к ней и острой неудовлетворенностью ее нынешним состоянием. Эмпирически подтверждается распространенность «критического патриотизма», а полная удовлетворенность происходящим в стране скорее выглядит как индикатор недоразвитости, как минимум когнитивной составляющей патриотизма. «Истинное отношение патриота к своему Отечеству характеризуется как конструктивно-критическое и творчески созидательное» (Патриотизм, 2015, с. 103–104). В. Г. Белинский писал о том, что истинный патриот характери-

зуется «не мертвым довольством тем, что есть, а живым желанием усовершенствования» (Белинский, 1954, с. 489).

- Ф. Такой атрибут патриотизма, как чувство гордости за страну, не носит «тотального» характера и очень избирательно проявляется в отношении различных аспектов состояния страны и различных фрагментов ее истории. Это делает данный аспект патриотизма очень неопределенным и нуждающимся в уточнениях в каждом конкретном случае.
- Г. Подтверждается необходимость выделения различных видов патриотизма, а также при сохранении общего ядра, цементированного, например, любовью к Родине обнаруживается большое количество его индивидуальных пониманий. Констатируется и то, что «патриотизм в России принимает различные формы» (Патриотизм..., 2015, с. 348).
- Н. Существует большой разброс мнений в отношении частных аспектов патриотизма, таких как двойное гражданство, работа в иностранной фирме, готовность вступить в брак с иностранцем и т. п. Может возникнуть намерение вообще исключить подобные обстоятельства из числа критериев патриотизма, однако большое количество респондентов, придающих им значение, не позволяет этого сделать.
- И. Заметное место в феноменальном поле наших сограждан наряду с понятием патриотизма занимает и понятие *непатриотизма*¹, а то, кто является патриотом, нередко определяется от противоположного — кто им *не* является. Вместе с тем, как обычно бывает в подобных случаях в психологии, трудно судить о том, являются ли патриотизм и непатриотизм полюсами единой школы, как и о том, означает ли непатриотизм лишь отсутствие качеств, свойственных патриотам, или же наличие каких-то особых «непатриотических» качеств. По всей видимости, в подобных случаях необходимо «разбираться» (но только в аналитических целях) с конкретными слагаемыми патриотизма — выяснять, *стоит* ли, например, за отсутствием чувства любви к Родине просто его отсутствие или наличие другого, противоположного ему чувства — например, ненависти к ней, за отсутствием готовности служить в армии — только нежелание нести воинскую службу или какие-либо принципиальные соображения и т. п. Из этого следуют и принципиальные политические выводы, в частности, о том,

---

1 Иногда в качестве антипода патриотизма рассматривается «национальный нигилизм» (Патриотизм ..., 2015, с. 65).

что «непатриотизм» может быть как «пассивным», состоящим просто в отсутствии патриотизма, так и «активным», ориентированным на нанесение вреда своей стране, а всех, лишенных патриотических чувств, нет оснований причислять к «врагам», «пятой колонне» и выдвигать против них другие подобные обвинения.

Результаты эмпирических исследований также демонстрируют, что, несмотря на «спонтанный рост патриотизма в результате таких событий, как присоединение Крыма или успешное выступление россиян на Сочинской Олимпиаде, *необходимы целенаправленные меры по повышению уровня патриотизма в нашем обществе*. Тем более, что, как отмечают исследователи, «многие молодые люди понимают необходимость патриотизма, но патриотами становиться не спешат» (Патриотизм..., 2015, с. 146).

Возрождение патриотизма

Регулярно отмечается, что одним из главных ресурсов возрождения патриотизма в нашем обществе является система образования, поскольку «образовательная сфера относится к числу ведущих, определяющих институтов воспитания в обществе и государстве» (Патриотизм..., 2013, с. 80). Констатируется и ее крайне неудовлетворительное состояние в этом плане вследствие пережитых ею псевдолиберальных реформ, «отстранение школы от воспитательной функции» (там же, с. 81), «отрыв воспитания от обучения, подход к ним как к двум параллельным процессам, взгляд на воспитание как на сопутствующую учению второстепенную деятельность» (там же, с. 90). В частности, «возрождение патриотизма в системе образования и воспитания подрастающего поколения, откуда он был сметен мутными потоками «перестройки», является одной из первостепенных и неотложных задач» (Патриотизм..., 2013, с. 77). Трудно не согласиться и с тем, что «разрушение советской системы патриотического воспитания молодежи произошло практически без вытеснения, замены ее новой системой, в связи с чем российское государственное здание лишилось важнейшей опоры — фундамента. Перестройка этого здания, дальнейшее осуществление реформ вряд ли возможны, если система образования, культуры, формирования и развития молодого поколения россиян будет лишена столь необходимого им компонента, как патриотизм» (Патриотизм..., 2015, с. 85). Исследователи проблемы с сожалением констатируют, что «на деле ослабление социаль-

ных референтов патриотических идей сопровождалось кризисом основного института трансляции патриотических идей — из средней и высшей школы была устранена воспитательная компонента, учитель или преподаватель не только перестал быть транслятором патриотического воспитания, но и сам по большей части перестал испытывать патриотические чувства» (там же, с. 338), «в образовании российская педагогическая традиция, соединяющая образование и воспитание, замещается конвейерной дрессировкой для сдачи ЕГЭ» (там же, с. 338), «именно неразумное обрубание корней, совершаемое разными способами в нашем образовании, и есть одна из причин, по которой мы вновь и вновь вынуждены ставить сегодня вопрос о патриотизме» (там же, с. 338).

Вместе с тем отмечается: «Процесс воспитания патриота — процесс непрерывный» (Патриотизм..., 2015, с. 156), и он не должен заканчиваться в школе. В частности, предлагается дополнить перечень принципов государственной службы принципом патриотизма (там же, с. 160). Выделяются и три основных компонента патриотического образования: патриотические знания, патриотические навыки и патриотическое действие (Патриотизм..., 2015, с. 153). А среди препятствий воспитанию патриотизма выделяются: отсутствие общенациональной идеи и декларативный характер патриотического воспитания; антипатриотичность СМИ; отсутствие эффективных мотиваций к патриотическому поведению (там же, с. 163).

Литература

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1954.

Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700—2707.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) / Под ред. М. К. Горшкова. М., 2011.

Зверев В. О., Морозов А. А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и социальных концепциях религиозных объединений // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2—15. № 1. С. 67—70.

Карамзин Н. М. История государства российского. М.: Московский рабочий, 1993. Т. V—VI.

Козлов А. А. Представления современного студенчества о жизненном успехе и путях его достижения // *Социальное благополучия моло-*

- дежи Санкт-Петербурга и Гданьска / Под ред. А. Бажух, О. Безруковой, Л. Михаловски, Е. Семенова. СПб.: Скифия-Принт, С. 70–75.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л. История и современное состояние российского менталитета // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 183–199.
- Кольцова В. А., Соснин В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6.
- Кто такой патриот? // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 65.
- Мытиль А. В., Дудченко О. Н., Иноземцева В. Е. Кому и зачем нужна профессиональная психологическая помощь? М., 2013.
- Национальная идея России. М.: Научный эксперт, 2012. Т. I–II.
- Общая психология. Энциклопедический словарь / Под ред. А. В. Петровского. М.—СПб., 2005.
- Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И. В. Бочарникова. М.: Российский гос. ун-т им. Г. В. Плеханова, 2015.
- Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: Альфа-М, 2013.
- Подмена понятий: патриотизм в России. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 29.05.2014).
- Послание Президента Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ // Рос. Газета. 2008. 6 ноября.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2004.

- Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998.
- Сикевич З. В.* Национальное самосознание русских. М.: Механик, 1996.
- Симомян Р. Х.* Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.
- Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
- Ципко А. С.* Размышления и природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитиков. 2004. № 3 (17). С. 4–24.
- Что значит «быть патриотом»? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857> (дата обращения: 29.05.2014).
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 56–69.
- Field D.* Kavelin and Russian liberalism // The Slavic review. 1973. V. 32. № 1.
- Lampert E.* Sons against fathers: studies in Russian radicalism and revolution. Oxford: Clarendon Press, 1965.

Аннотации

Индивидуальный субъект в психологии

Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Н. Е. Харламенкова

Понятие субъекта анализируется с исторической точки зрения: показан переход от гносеологического статуса понятия к онтологическому, от философской категории к психологической. Содержательное наполнение понятия субъекта представлено в сопоставлении подходов, разного наполнения и различного изучения. Понятие субъекта сравнивается не только в основных ведущих психологических школах: теории деятельности С. Л. Рубинштейна, теории деятельности А. Н. Леонтьева, культурно-исторической теории Л. С. Выготского, но и в современных психологических подходах. Показано различие понимания субъекта и субъектности как его свойства в разных концептуальных школах. Аргументируется возможность дифференциации понятий «субъект-личность», сопоставляются понятия «субъект-актор», «субъект-агент». Проводится категориальный анализ понятия «субъект» и показаны перспективы реализации данного понятия в разных направлениях психологических поисков.

Ключевые слова: субъект, субъектный подход в психологии, реализация понятия в исследованиях, критерии субъекта, развитие, актор, агент, субъект и личность, перспективы развития.

An individual subject

E. A. Sergienko, V. V. Znakov, N. E. Kharlamenkova

The concept of the subject is analyzed from the historical point of view: the transition from the gnoseological status of the concept to the ontological, from the philosophical category to the psychological one is shown. Substantial filling of the concept of the subject is presented in a comparison of ap-

proaches, of different filling and different studies. The concept of the subject is compared not only in the main leading psychological schools: Theory of activity by S. L. Rubinstein, the Theory of the activity by A. N. Leontiev, the cultural-historical theory of L. S. Vygotsky, but in modern psychological approaches. The difference in the understanding of the subject and subjectness as its properties in different conceptual schools is shown. The possibility of differentiating subjectivity and personality is argued, the concepts of subject-actor, subject-agent are compared. A categorical analysis of the subject's concept is conducted and the prospects for the realization of this concept in different directions of psychological searches are shown.

Keywords: subject, subject approach in psychology, concept realization in research, subject's criteria, subject development, actor, agent, subject and personality, development prospects.

Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии

А. Л. Журавлев

Обоснована целесообразность использования понятия «коллективный субъект» в современной психологии, выделены основные подходы к пониманию этого феномена. Предложены ведущие признаки, наличие которых позволяет группу определить в качестве коллективного субъекта: а) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе; б) способность группы к различным формам совместной активности; в) способность группы к саморефлексии. Показано, что в зависимости от того, какому из признаков группа соответствует в большей степени, целесообразно выделять разные качества (или состояния) ее субъектности: потенциальную, реальную или рефлексирующую. Такая дифференциация субъектности группы позволяет выделять их разные и разные психологические ее типы. Проанализированы многообразные структурные и динамические характеристики коллективного субъекта, в том числе имеющие отношение к большим социальным группам. В заключение сформулированы проблемы, ожидающие дальнейшей разработки.

Ключевые слова: группа, коллективный субъект, совместная деятельность, групповая саморефлексия, уровни развития субъектности, психологические типы субъектности, большая социальная группа.

Collective subject as phenomenon and concept of modern psychology

A. L. Zhouravlev

The suitability of using the concept "Collective Subject" in modern psychology proved. The main approaches for the understanding of this phenomenon allocated. The main signs which existence allows defining a group as the Collective Subject offered: a) coherence and interdependence of individuals in the group; b) the ability of the group to various forms of joint activity; c) the ability of the group to a self-reflection. Shown that depending on to what of signs the group corresponds more, it is expedient to mark out different qualities (or states) to its subjectivity: potential, real or reflecting. Such differentiation of subjectivity of the group allows allocating their different and her different psychological types. The diverse structural and dynamic characteristics of the Collective Subject including which concern big social groups analyzed. The problems were expecting further development formulated in conclusions.

Keywords: group, Collective Subject, joint activity, group self-reflection, levels of development of subjectivity, psychological types of subjectivity, big social group.

Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета

В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев

Представлены результаты теоретического анализа проблемы менталитета. Рассмотрена структура данного феномена, раскрыты его сущностные характеристики, функции в развитии личности и общества, соотношение с культурой. Обоснована необходимость использования системного подхода как условия выявления своеобразия менталитета. На основе анализа работ таких исследователей русского народа, как Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, К. Д. Кавелин, И. В. Киреевский, В. О. Ключевский, Д. С. Лихачев, М. П. Погодин и др., выделены его психологические черты (религиозность, соборность, терпеливость, способность стойко переносить лишения, патриотизм, приоритет духовных ценностей над материальными, «жажда справедливости», стремление к поиску правды и т. д.). Рассмотрены факторы формирования российского менталитета (природно-географический; особенности исторического развития, образа жизни и бытовой культуры народа; роль православия как духовной основы языка и др.). Про-

анализировано соотношение традиционности и инновационности в развитии менталитета.

Ключевые слова: менталитет, структура менталитета, факторы формирования менталитета, бессознательные компоненты, национальный характер, самобытность и самоидентификация народа.

Essential characteristics and factors of formation of mentality

A. L. Zhuravlev, V. A. Koltzova

The results of theoretical analysis of mentality problem are presented. The structure of the phenomenon is examined, their essential characteristics, functions in person and society development and relation with culture are revealed. The necessity to apply system approach as a condition for mentality peculiarity revealing has been grounded. Based on works of such researchers as N. A. Berdyaev, N. O. Losskij, K. D. Kavelin, I. V. Kireevskij, V. O. Klyuchevskij, D. S. Likhachev, M. P. Pogodin et al. psychological characteristics of Russian people (piety, conciliarism, patience, ability to endure hardships, patriotism, priority of spiritual values over material ones, "thirst for justice", searching for truth etc.) have been highlighted. Factors of Russian mentality formation (nature-geographical, peculiarities of historical development, way of life and every-day culture, the role of orthodoxy as a spiritual grounds and language etc.) have been examined. Relationship between traditionality and innovation in mentality development has been analyzed.

Keywords: mentality, structure of mentality, factors of mentality formation, unconscious components, national character, self-identity and self-identification of people.

Психологические отношения человека: история понятия и его разработка в современной психологии

В. П. Позняков

Представлены результаты анализа развития теоретических представлений о психологических отношениях человека в отечественной психологии. Рассматривается зарождение идеи и понятия «отношения» в логике, философии, биологии и социальных науках. Осуществляется анализ развития психологии отношений в отечественной психологии. Дается характеристика вклада В. Н. Мясищева в развитие теории психологических отношений человека. Современное состо-

яние исследований психологических отношений рассматривается как процесс дифференциации научных представлений о субъектах, объектах и видах психологических отношений. Представлен опыт использования понятия «отношение» при разработке новых направлений исследования таких психологических феноменов, как доверие, ответственность, зависть, субъективное экономическое благополучие, социально-психологический капитал личности и др. Делается вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует общепринятая и завершенная теория психологических отношений. Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека в социальной психологии связываются нами с уточнением их структуры, функций и видов.

Ключевые слова: социальная психология, психологическое отношение, совместная жизнедеятельность, индивидуальный и групповой субъекты психологических отношений.

**Psychological relations of human:
the history of the concept
and its development in modern psychology**

V. P. Pozniakov

The article presents the results of the analysis of the development of theoretical ideas about the psychological relations of the person in Russian psychology. It examines the emergence of the idea and the concept of “relationship” in logic, philosophy, biology and social sciences. The analysis of development of psychological relations in Russian psychology is provided in the article and the contribution of V. N. Myasishchev to the development of the theory of psychological relations. The current status of research of psychological relations is seen as a process of differentiation of scientific ideas about the subjects, objects & types of psychological relations. The article presents the experience of using the concept of “relations” in the development of new research directions such psychological phenomena as trust, responsibility, jealousy, subjective economic well-being, socio-psychological capital etc. It is concluded that to date there is no generally accepted and complete theory of psychological relations. Prospects for further research of psychological relations in social psychology are connected with the specification of their structure, functions and types.

Keywords: social psychology, psychological relations, joint activity, individual and group subjects of psychological relations.

**Основные теоретические линии формирования понятия
«интеллект»: ретроспективный анализ**

М. А. Холодная

Анализируется логика переходов от операционального определения интеллекта в тестологических теориях интеллекта к его содержательным определениям (генетическому, функциональному, структурному, онтологическому) в экспериментально-психологических теориях интеллекта и затем к его некогнитивным определениям в альтернативных теориях интеллекта. Обосновывается положение о том, что один из путей встраивания психологии интеллекта в постнеклассическую научную парадигму — это трактовка интеллекта как формы организации ментального (умственного) опыта индивидуального субъекта. Тем самым интеллекту возвращается статус психической реальности на основе анализа состава, строения и эволюции ментальных структур (на уровне когнитивного, понятийного, метакогнитивного, интенционального опыта), а также усиливается аксиологическая нагрузка данного понятия за счет обращения к телесным, эмоциональным, духовно-ценностным составляющим интеллекта, включая уникальные состояния индивидуального ментального опыта.

Ключевые слова: интеллект, определение интеллекта, тестологические теории интеллекта, экспериментально-психологические теории интеллекта, альтернативные теории интеллекта, ментальный опыт.

**The main theoretical directions of the concept of “intelligence”:
a retrospective analysis**

M. A. Kholodnaya

The logic of transitions from operational definition of intelligence in the testological theories of intelligence to its meaningful definitions (genetic, functional, structural, ontological) in experimental psychological theories and then to its non-cognitive definitions in alternative theories of intelligence is analyzed. The author argues that one of the ways of integrating the psychology of the intelligence into the postnonclassical scientific paradigm is the interpretation of the intelligence as a form of individual subject's mental experience organization. This is the way to restore the status of mental reality of intelligence on the basis of analysis of the composition and evolution of mental structures (at the level of cognitive, conceptual, metacognitive, intentional experience), and to underline the axiological meaning

of intelligence, by addressing to the bodily, emotional, existential and value components of the intelligence including unique states of individual mental experience.

Keywords: intelligence, definition of intelligence, intelligence theories in testology, intelligence theories in experimental psychological researches, alternative intelligence theories, mental experience.

Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути

Е. А. Валуева, А. А. Медынцева, Д. В. Ушаков

В обзорной статье кратко изложены основные этапы развития представления об инсайте как этапе творческого процесса. Показано изменение представлений о феномене и лежащих в его основе психологических и нейрофизиологических механизмах. В статье приведены результаты ключевых исследований, на основе которых были сформированы современные взгляды на феномен инсайта и определены дальнейшие пути изучения феномена.

Ключевые слова: инсайт, озарение, творческий процесс, инсайт-ные задачи, Ага-переживание.

The development of views on the insight: the milestones of the long way

E. A. Valueva, A. A. Medyntsev, D. V. Ushakov

The article briefly reviews the main stages of development of science view on insight as a stage of creative solution. It was shown transformation of ideas about phenomenon and its basic psychological and neurophysiological mechanisms. The article presents the results of key research that formed modern approach on the insight phenomenon and determined further ways of its exploration.

Keywords: insight, creative process, insight problems, insight solutions, Aha-experience.

Модель психического — способность понимания мира людей

Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, А. Ю. Уланова

В статье обосновано представление об интегративном характере понятия модели психического, возникшего на пересечении раз-

личных парадигм (когнитивной, социального познания, субъектной парадигмы, психолингвистики, метакогнитивного подхода). Обращение к модели психического позволяет подойти к анализу внутренней концептуализации (внутреннего мира), субъективного опыта, пониманию мира человеком в его индивидуальных и универсальных составляющих. Кроме того, данный подход демонстрирует переход к интегральным полям исследования. Понятие модели психического знаменует переход от матричного принципа в организации знаний человека к сетевому, системному, где понятия различных дисциплин (когнитивной психологии, социальной психологии, психолингвистики и др.) составляют компоненты сети, или системы, понятий, что приводит к новому уровню исследований и анализа, соответствует современным тенденциям психологического знания. В работе аргументирована специфика понятия модели психического, показана динамика его содержания через анализ фило- и онтогенеза. Представлен непрерывный и гетерогенный характер изменения данной способности. Рассмотрены основные теоретические подходы к модели психического. Проведено сравнение понятий модели психического, социального познания, ментализации, чтения психического, социального и эмоционального интеллекта. Делается вывод о перспективности применения данного понятия в психологии, его концептуальных возможностях.

Ключевые слова: модель психического, интегративное понятие, истоки возникновения, фило-, онтогенез, исследования модели психического, уровневая организация, социальное познание, чтение психического, ментализация, метакогниция.

Theory of mind – the ability to understand a human world

E. A. Sergiyenko, E. I. Levedeva, A. Yu. Ulanova

The paper substantiates the idea of the integrative nature of the concept of Theory of mind that emerged at the intersection of various paradigms (cognitive, social cognition, subjective paradigm, psycholinguistics, metacognitive approach). The “Theory of mind” approach allows us to pass to the analysis of internal conceptualization (the inner world of man), to the analysis of subjective experience, to the understanding of the world by man in his individual and universal components. In addition, this approach demonstrates the transition to the integral fields of the study. The Theory of mind

as an integrative concept also marks the transition from the matrix principle in the organization of human knowledge to the networked, systemic, where the concepts of various disciplines (cognitive psychology, social psychology, psycholinguistics and others) make up the components of a network or a system of concepts that allows a new level of research and analysis, which corresponds to the current trends of psychological knowledge. The paper argued the specifics of the concept of Theory of mind, it shows the dynamics of the content of the concept through the analysis of phylo- and ontogeny of this ability. The continuous and heterogeneous character of the change in this ability was shown. The main theoretical approaches to the Theory of mind are considered. The concepts of the Theory of mind, social cognition, mentalization, mindreading, social and emotional intelligence are compared. It is concluded that the concept is promising in psychology, its conceptual possibilities.

Keywords: theory of mind, integrative concept, origins of origin, phylogenesis, research of the theory of mind, level organization, social cognition, mindreading, mentalization, metacognition.

Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции

Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Определяется и раскрывается содержание конструкта «контроль поведения». Контроль поведения — это интегративная характеристика субъектной регуляции, описывающая психологический уровень регуляции поведения, опирающийся на индивидуальные ресурсы психики человека. Он включает три компонента: когнитивный, эмоциональный и волевой контроль. Рассматриваются отличия этого подхода от других концепций саморегуляции, приведены эмпирические результаты, верифицирующие данное понятие: исследования контроля поведения в младенческом, дошкольном и подростковом возрасте, в трудных жизненных ситуациях (на примере беременности) и при наличии травматического опыта, изучение молекулярно-генетических предикторов контроля поведения при подготовке к родам, контроля поведения у людей с различной степенью регламентации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: контроль поведения, системно-субъектный подход, субъект, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, волевой контроль, саморегуляция.

Behavioral control – integrative concept of mental regulation

E. A. Sergienko, G. A. Vilenskaya

The construct “behavioral control” is defined and developed. Behavioral control is an integrative characteristic of subject regulation, a psychological level of behavioral regulation, based on individual resources of the human mental organization. It includes three components: cognitive, emotional and volitional control. The distinctions of behavioral control from other concepts of self-regulation are considered, and empirical data that verify the concept are presented: results of studies of behavioral control in infancy, preschool age and adolescence, behavioral control in difficult situations, in traumatic experience exposure, study of molecular-genetic predictors of behavioral control in preparation for childbirth, study of behavioral control in people with varying degrees of regulation of professional activity.

Keywords: behavioral control, system-subject approach, subject, cognitive control, emotional control, volitional control, self-regulation.

Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии

Т. П. Емельянова

В статье рассматривается статус понятия «социальное представление» в современной социальной психологии. Уделяется внимание содержанию полемики относительно места этого понятия в науке. Анализируется его структура и способы операционализации. Обсуждаются сильные и слабые стороны структурного подхода к исследованию социального представления, а также возможности конструкционистского подхода. Особое внимание уделяется соотношению понятия социального представления с такими традиционными для социальной психологии понятиями, как каузальная атрибуция, аттитюд и др. Намечаются перспективы дальнейшей разработки концепции социального представления.

Ключевые слова: социальное представление, социальный когнитивизм, социальный конструкционизм, аттитюд, каузальная атрибуция.

The concept of social representation as new stage in a development of conceptual apparatus of social psychology

T. P. Emelyanova

The article deals with the status of the concept of “social representation” in modern social psychology. Attention is paid to the content of polemic concerning the place of this concept in science. The structure and ways of operationalizing this concept are analyzed. We discuss the strengths and weaknesses of the structural approach to the study of social representation, as well as the possibility of a constructionist approach. Particular attention is paid to the relationship between the concept of social representation and such traditional concepts for social psychology as causal attribution, attitudes etc. Prospects for the further development of the concept of social representation are outlined.

Keywords: social representation, social cognitivism, social constructionism, attitudes, causal attribution.

Коллективный образ будущего

T. A. Нестик

Предлагается теоретический анализ коллективных представлений о будущем как социально-психологического феномена, рассматриваются основные подходы к их изучению в социальных науках, выделяются их структура, содержание (коллективные цели и планы, групповые ожидания, групповые мечты, коллективные страхи, коллективные идеалы) и психологические функции (идентификационная, консолидирующая, целеобразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к социальным изменениям), а также факторы их формирования (личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные). Обосновывается актуальность и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коллективный образ будущего, групповая временная перспектива, прогнозирование, социальные представления, коллективная память, когнитивные искажения, самосбывающееся пророчество, групповая рефлексивность, лидерское видение, групповая идентичность, групповые эмоциональные состояния.

Collective image of the future

T. A. Nestik

The author undertakes a theoretical analysis of collective representations of the future as a social psychological phenomenon, looking at the principal approaches to studying these conceptions in the social sciences, defining their structure (collective objectives and plans, collective expectations, collective dreams, collective fears, collective ideals) and psychological functions (identificating, consolidating, goal-setting, supporting of values and norms, protecting of a positive group identity, coping with social changes) as well as their formative factors, such as personal, interpersonal, group, inter-group, social. The directions for further psychological research are proposed.

Keywords: collective image of the future, group time perspective, collective representations, foresight, collective memory, cognitive biases, self-fulfilling prophecies, group reflexivity, leadership vision, group identity, group emotional states.

Развитие понятия «дискурс» в психологии речи и психолингвистике

Т. А. Гребенщикова, И. А. Зачесова, Н. Д. Павлова

В развитие понятия «дискурс» внесли вклад различные науки, изучающие homo loquens – человека говорящего. Во многих трактовках можно отметить общее: дискурс имеет речевое выражение, формируется в широком коммуникативном контексте в результате взаимодействия субъектов друг с другом и социумом, влияет на социальные и индивидуальные представления, служит воспроизводству групповых норм. В статье представлены различные направления исследований дискурса, в числе которых теория речевых актов, конверсационный анализ, дискурс-анализ, социальная и когнитивная психология. Особое внимание уделяется интен-анализу психологических оснований дискурса как иерархии присущих ему интенций с учетом различных психологических детерминант: межличностных отношений коммуникантов, их личностных особенностей, статусно-ролевых позиций, решаемых ими в ходе общения задач и др. Приводятся находящиеся в одном тематическом поле понятия: дискурсивная практика, дискурсивное мышление, дискурсивные способности и др. Отмечаются, что актуальной проблемой является изучение видов дискурса, феноменов и закономерностей психологического воз-

действия и взаимодействия, которые связаны с различными сферами современной жизни.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная практика, дискурсивное мышление, дискурсивные способности, интенции коммуникантов, процессы взаимодействия, дискурсивное воздействие, интент-анализ.

Development of the term of “discourse” in psychology of speech and psycholinguistics

T. A. Grebenshikova, I. A. Zachiosova, N. D. Pavlova

Various branches of science that study homo loquens, talking man, have made an important contribution to the development of the term of “discourse”. Several traits that the majority of definitions have in common can be noticed. Firstly, discourse is realized in speech, secondly, it is formed in a wide communicative context as a result of interpersonal communication and interactions between people and society, and finally, discourse has significant impact on social and personal representations and can provide group norms. The paper discusses different approaches to discourse study, including Speech Act Theory, Conversational analysis, Discourse-analysis, Social and Cognitive psychology. Special attention is paid to Intent-analysis which considers basis of discourse as a hierarchy of its speech intentions and their different psychological determinants. These include interpersonal relationships, personality traits, social statuses, roles and the problems speakers solve in the communication process. There are several terms related to discourse are given: discursive practice, discursive thinking, discursive abilities etc. The urgent issues of discourse research such as the typology of discourses, the psychological impact and interpersonal interaction mechanisms connected to the various fields of the current reality are presented.

Keywords: discourse, discursive practice, discursive thinking, discursive abilities, speech intentions, process of interaction, discourse effect, intent-analysis.

Дискурсивные способности: конструкт, эмпирические исследования, направления развития

А. Н. Воронин

Статья посвящена исследованиям в области дискурсивных способностей и перспективам, открывающимся в этом направлении. Дискурсивные способности позволяют человеку эффективно инициии-

ровать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие конкретной ситуации. В статье приведены результаты эмпирических исследований в данной области: разработка диагностических методик, эмпирическая верификация конструкта «дискурсивные способности», определение места дискурсивных способностей в структуре познавательных способностей, влияние дискурсивных способностей на эффективность совместной интеллектуальной деятельности. Представлены перспективные направления исследований: определение места дискурсивных способностей в структуре психики человека, разработка методик диагностики эффективности общения, исследование дискурсивных способностей как специфического фактора интеллекта — «естественного языка описания задачи и/или инструкции», исследование влияния дискурсивных способностей на различные виды совместной деятельности.

Ключевые слова: дискурсивные способности, интеллект, когнитивный ресурс, межличностное общение, дискурс, совместная деятельность.

Discursive capabilities: a construct, empirical researches, directions of development

A. N. Voronin

The article is devoted to researches in the field of discursive capabilities and to the prospects opening in this direction. Discursive capabilities determine the effectiveness of situational and event communication with the help of linguistic means at the disposal of communicating people. Discursive capabilities allow a person to effectively initiate, support, deploy and complete the communication process, using language tools appropriate to a particular situation. The article presents the results of empirical research in the field of discursive capabilities: the development of diagnostic techniques, the empirical verification of the construct “discursive capabilities”, the definition of the place of discursive capabilities in the structure of cognitive capabilities, the influence of discursive capabilities on the effectiveness of collective intellectual activity. The article presents perspective directions of research in this field: the determination of the place of discursive capabilities in the structure of the human psyche, the development of methods for diagnosing the effectiveness of communication, the study of discursive capabilities as a specific factor of intelligence — the “natural language of describing the

problem and/or instructions”, the study of the influence of discursive capabilities on various types of collective activities.

Keywords: discursive capabilities, intelligence, cognitive resource, interpersonal communication, discourse, collective activity.

Вопросы определения и измерения специальных способностей

Е. В. Волкова

Цель данной работы состоит в сопоставлении различных вариантов определения и измерения способностей в отечественной и зарубежной психологии. На основе анализа качественных скачков в развитии содержания понятия и междисциплинарных вариаций его определения выделяются атрибуты термина «специальные способности»: качественность, субстанциальность, функциональность, метричность, конгруэнтность и субъектность. Предлагается определение термина «специальные способности» как меры соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта той или иной объективной реальности, начиная с избирательной чувствительности к определенным характеристикам среды и заканчивая уровнем организации концептуальных структур как референтов знаний и способов предметной деятельности.

Ключевые слова: способности, общие способности, специальные способности, концептуальные структуры, дифференционно-интеграционная теория развития.

The issues in the definition and measurement of special abilities

E. V. Volkova

The purpose of the paper is to compare various definitions and ways of measurement of abilities in Russian and Foreign psychology. Based on the analysis of stage-like transitions the content of term “ability” in the history of cognitive science, it is proposed the definition of this term as a measure of the correspondence between the individual psychological features of a subject and objective reality, beginning with selective sensitivity to certain characteristics of the environment and ending with the level of organization of conceptual structures as referents of knowledge and modes of activity. The distinction between general and special abilities is realized in terms of the universality of application for different specific types of activity. General abilities are invariant individual psychological characteristics that determine the success

of human activity at all stages of development. Specific features that manifest themselves at a certain stage of development and ensure the success of a person in certain types of activity are special abilities. Professional abilities, in this case, can be regarded as an aspect of the realization of special abilities.

Keywords: abilities, general abilities, special abilities, conceptual structures, DI-theory of development.

Стили деятельности

В. А. Толочек

В статье представлен историко-теоретический анализ феномена «стиль» в отечественной и в зарубежной психологии и его разновидностей: когнитивных стилей, индивидуальных стилей деятельности, эмоциональных стилей, стилей лидерства и руководства, стилей общения, жизни, поведения и др. Особое внимание уделяется исследованиям стилей деятельности в отечественной психологии. Рассматривается их генезис и сущностные свойства, структурно-функциональная организация (в которой выделяются три иерархических уровня — *предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности (СУУД); операциональные структуры; идеальные регуляторы/тип организации деятельности*); основные детерминанты (объектная/профессионально-деятельностная, субъектная/индивидуально-психологическая, интересубъектная/социально-психологическая, средовая); связи стиля с успешностью субъекта. Последовательность интеграции стилей с условиями среды можно представить в «цепочке» — «когнитивные (эмоциональные, моторные) стили» — «индивидуальные стили деятельности» — стили профессиональной деятельности — стили деятельности — стили жизни — стили человека».

Ключевые слова: когнитивные стили, эмоциональные стили, индивидуальные стили деятельности, стили деятельности, стили руководства, стили жизни, иерархические уровни, адаптация, пространство (среда), ресурсы, генезис, самоподобные структуры.

Styles of activity

V. A. Tolochek

The article presents a historical and theoretical analysis of the study of the phenomenon of “style” in domestic and foreign psychology, manifested as cognitive styles, individual styles of activity, styles of activity, emotional styles,

styles of leadership and guidance, styles of communication, life and behavior, etc. Particular attention is given to research of styles of activity in domestic psychology. Their genesis and intrinsic properties, structural and functional organization (in which three hierarchical levels are distinguished – preferred, subjectively comfortable operating conditions (SUA), operational structures, ideal regulators/type of organization of activity) are considered; the main determinants (object/professional-activity, subject/individual psychological, intersubject/socio-psychological, environmental); relationship style with the success of the subject. The sequence of styles integration with environmental conditions can be represented in the “chain” – “cognitive (emotional, motor) styles” – “individual styles of activity – styles of professional activity – styles of activity – life styles – human styles”.

Keywords: cognitive styles, emotional styles, individual styles of activity, styles of activity, leadership styles, life styles, hierarchical levels, adaptation, space (environment), resources, genesis, self-similar structures.

Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы

А. В. Махнач

В статье представлен анализ истории понятия «жизнеспособность человека» в психологии. Описаны четыре волны в исследовании этого феномена и предложены основания для выделения пятой волны исследований жизнеспособности человека. Представлены основные подходы и обоснован авторский компонентный подход к изучению жизнеспособности человека. Проведено сопоставление понятия «жизнеспособность человека» с близкими понятиями одного онтологического поля. Обсужден потенциал понятия «жизнеспособность человека» в современной психологии, в междисциплинарных исследованиях, определена необходимость использования метаанализа накопленных данных в полипарадигмальных исследованиях. Выделены основные направления развития изучения жизнеспособности: человека, работающего в условиях воздействия неблагоприятных факторов, лидерства в организационной психологии, жизнеспособности семьи, в частности замещающей семьи.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, компонентный подход, междисциплинарность исследований, метаанализ, полипарадигмальность.

The human resilience: a new concept and new challenges

A. V. Makhnach

The article presents an analysis of the history of the concept of “human resilience”. Four waves in the study of this phenomenon are described and the grounds for the fifth wave of resilience studies are proposed. The main theoretical approaches are presented as well as the author’s component approach to the resilience research is proposed. A comparison of the concept of “resilience” with close concepts of an ontological field is discussed. The potentials of the concept of “resilience” in modern psychology in interdisciplinary studies are discussed, the necessity of using meta-analysis of accumulated data in polyparadigm studies is determined. The main directions of the development of resilience studying: the person working under the influence of unfavorable factors, the leadership, family resilience and in particular the foster family are identified.

Keywords: human resilience, component approach, interdisciplinarity, meta-analysis, poliparadigmality.

Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности

Е. А. Сергиенко

Анализ понятия «субъективный возраст», относительно нового в отечественной психологии и получившего распространение в зарубежной психологии с 1950-х годов, показывает, что оно имеет большой потенциал для психологии, социологии, медицины и образования. Обращение к индивидуальной субъективной оценке возраста позволяет учитывать и специфику ресурсов и потенциалов человека. Субъективный возраст становится не альтернативой других оценок (биологического, социального, психологического возрастов) или подходов к изучению проблемы человека и времени, но неотъемлемым компонентом психологического исследования, более эффективно предсказывающим индивидуальные возрастные изменения, способность к регуляции жизнедеятельности и даже может обозначать предвестники смерти. Это динамичный и лабильный конструкт возрастной идентичности, играющий важную роль в поведении и реализации человека. Как показали наши исследования и работы зарубежных авторов, субъективный возраст имеет ключевое значение для субъективной возрастной идентификации на всем протяжении взрослого периода онтогенеза человека. Однако, если у молодых людей

субъективное снижение возраста становится предиктором напряжения в самореализации и преодолении трудных жизненных ситуаций, то у пожилых людей более молодой субъективный возраст выступает внутренним ресурсом совладания с проблемами старения. Таким образом, субъективный возраст человека становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение. Все это служит доказательством его самостоятельного понятийного значения. Перспективы развития понятия видятся в выявлении его теоретического места в системно-субъектном подходе взаимодействия субъекта и личности.

Ключевые слова: субъективный возраст, хронологический возраст, биологический возраст, социальный возраст, психологический возраст, системно-субъектный подход, эмпирический потенциал понятия.

Subjective age of a person as an extension of the age identity concept

E. A. Sergienko

The analysis of the concept of subjective age, relatively new in Russian psychology and common in foreign psychology since the 1950s, shows that it has great potential for psychology, sociology, medicine and education, referring to individual subjective age assessment, the taking into account and addressing the specifics of human resources and potentials. Subjective age does not become an alternative to other assessments (biological, social, psychological ages), or approaches to studying the problem of man and time, but an integral component of psychological research, more predictive of individual age-related changes, ability to regulate vital activity, and even precursors of death. It is a dynamic and labile construct of age identity, which plays an important role in the behavior and realization of man. As our studies and the work of foreign authors have shown, subjective age is of key importance for subjective age identification throughout the adult period of human ontogeny. However, if for young people subjective age reduction becomes a predictor of tension in self-fulfillment and overcoming difficult life situations, in elder people the younger subjective age is an internal resource of coping with the problems of aging. Thus, the subjective age of a person becomes a core formation in the mental organization and behavior of a person, acting as a psychological mechanism for regulating behavior, overcoming stressful situations, including aging. All this serves as proof of its independent conceptual

meaning. Prospects for the development of the concept are the identification of its theoretical place in the system-subject approach of the interaction between the subject and the person.

Keywords: subjective age, chronological age, biological age, social age, psychological age, system-subject approach, empirical potential of the concept.

**Психологический смысл понятия «компенсация»
в истории науки и в современных исследованиях**

Н. Е. Харламенкова

В статье проведен анализ феномена и понятия «компенсация», дается исторический экскурс в изучение природы этого явления в физиологии, психофизиологии, нейро- и патопсихологии, психологии личности; определены современные тенденции в исследовании компенсации. Категориальный анализ понятия «компенсация» позволил выделить сущностные признаки этого явления в психологии и сравнить с другими понятиями — адаптацией, замещением и др. Показано, что понятие «компенсация» связывает разные уровни научного знания — эмпирический, теоретический и методологический, что доказывает его значимость для данной области знания и принципиальную незаменимость другими понятиями. Специальное внимание уделено вопросу о роли субъекта в символизации дефекта, его замещении и восполнении.

Ключевые слова: понятие, компенсация, дефект, замещение, процесс, развитие, системность, личность, субъект, сходство, восполненность.

**Psychological meaning of compensation as a concept
in the history of science and in modern studies**

N. E. Kharlamenkova

There are analyzed the phenomenon and the concept of “compensation” in the article; a historical excursus into the nature of this phenomenon in physiology, psychophysiology, neuro- and pathopsychology, psychology of personality was given; modern trends in the study of compensation are identified. Categorical analysis of compensation as a concept made it possible to identify the essential features of this phenomenon in psychology, compare it with other concepts — adaptation, substitution etc. It is shown that the concept of “compensation” connects different levels of scientific knowledge — empirical,

theoretical and methodological, which proves its significance for this area of knowledge and the fundamental irreplaceability by other concepts. Special attention is paid to the question of the subject role in the symbolization of the defect, its replacement and replenishment.

Keywords: concept, compensation, defect, substitution, process, development, system, personality, subject, similarity, replenishment.

Разработка понятия «психологическое здоровье» в российской психологии

М. И. Воловикова, Т. В. Галкина

Показано, что «психологическое здоровье» — это актуальное направление исследований современной психологии личности, связанное с такими сторонами бытия личности, которые не охватываются понятием «психическое здоровье». Отмечается, что психологическое здоровье тесно связано с нравственным состоянием личности и таким интегральным образованием личности, как совесть. Подчеркивается, что духовно-нравственный аспект является системообразующим фактором психологического здоровья человека. Рассмотрены критерии выделения понятий «психическое» и «психологическое» здоровье, а также современные и перспективные направления в исследовании проблемы психологического здоровья.

Ключевые слова: психология личности, психологическое здоровье, психическое здоровье, ценности, нравственность, духовность, совесть, имплицитные (личностные) представления.

Development of the concept of “psychological health” in Russian psychology

M. I. Volovikova, T. V. Galkina

“Psychological health” is shown to be topical direction of researches in modern psychology of personality connected with such sides of person’s being that does not include “mental health” notion. It is marked the psychological health is closely associated with person’s moral state and such person’s integral formation as conscience. It is emphasized that the spiritual-moral aspect is a backbone factor of psychological health. The criteria for the allocation of the terms “mental” and “psychological” health, as well as contemporary and future directions in the study of problems of mental health are considered.

Keywords: psychology of personality, psychological health, mental health, values, morality, spirituality, conscience, representations.

Счастье как психологическая категория

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Рассматриваются экономика и психология счастья как новые подходы к пониманию общества и ключевым ориентирам его развития. Описывается психологическая структура счастья и его ключевые компоненты. Анализируется соотношение понятия счастья с близкими понятиями, такими как удовлетворенность жизнью, качество жизни, субъективное благополучие. Высказывается представление о смысле жизни как одном из ключевых компонентов удовлетворенности ею и счастья. Коллективные смыслы жизни характеризуются как один из главных элементов счастья в коллективистских культурах. В качестве одного из главных источников коллективных смыслов жизни рассматривается национальная идея, которой остро не хватает современной России, что порождает целый ряд характерных для нее «социальных болезней».

Ключевые слова: экономика, психология, счастье, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, качество жизни, смысл жизни, коллективные смыслы, национальная идея.

Happiness as psychological category

A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich

The economy and psychology of happiness as new approaches to understanding and investigating the society are under analysis. Interrelation between the concept of happiness and several similar concepts like quality of life, subjective well-being etc. is discussed. The idea of the sense of life as one of the key components of happiness is suggested. Collective senses of life are depicted as one of the main elements of happiness in collectivistic cultures. The national idea is considered as the basic source of such senses.

Keywords: economics, psychology, happiness, life satisfaction, subjective well-being, quality of life, meaning of life, collective senses, national idea.

Патриотизм как психологический феномен и понятие

А. В. Юревич

По мнению автора, патриотизм при всей идеологической нагруженности этого понятия и обилии связанным с ним бытовых ассоциаций должен быть объектом научного изучения, в котором в настоящее время чувствуется острая потребность. Отчетливо выражен и психо-

логический аспект этой проблемы. Автор показывает, что патриотизм — многосоставное понятие и явление, а основными составляющими его ядра являются: 1) чувство любви к Родине, 2) готовность приносить личные интересы в жертву общественным, 3) соответствующее поведение, 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом соответствующие компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в непростых отношениях друг с другом, что усложняет понимание патриотизма и его применение к различным ситуациям, которые разбираются в статье. Рассматриваются также результаты эмпирических исследований патриотизма, проясняющих это понятие, демонстрирующих важные свойства и специфику российского патриотизма, позволяющих сформулировать ряд его закономерностей.

Ключевые слова: патриотизм, основные компоненты, любовь к Родине, поведение, личные и общественные интересы, альтруизм, идентификация, эмпирические исследования, закономерности.

Patriotism as psychological phenomenon and concept

A. V. Yurevich

To the author's view patriotism has to be the object of scientific investigation which is strongly needed in modern times despite the ideologization of this concept and abundance of mundane associations linked to it. The author demonstrates that patriotism is multifaceted concept and phenomenon and the main components of its core are: 1) feeling of love to the Motherland, 2) readiness to sacrifice the personal interests in favor of the collective ones, 3) appropriate behavior, 4) identification with the Motherland, its history and population. At the same time these components of patriotism are ambiguous and demonstrate complex relations with each other what complicates the interpretation of patriotism and application of this concept to different situations which are under the analysis in the article. The results of empirical investigations of patriotism which elucidate this concept, explicate important features and specific character of Russian patriotism, form the path for formulating of some of its regularities are studied as well.

Keywords: patriotism, main components, love for the Motherland, behavior, personal and collective interests, altruism, identification, empirical investigations, regularities.

Сведения об авторах

Валуева Екатерина Александровна кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества, eI<yal@liSI.ru

Виленская Галина Альфредовна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, v3a2001@shai.ru

Волхова Елена Вениаминовна доктор психологических наук, доцент, заведующая лабораторией психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, yo11<oyaey@tai.ru

Воловикова Маргарита Иосифовна – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности

Воронин Анатолий Николаевич доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики, yogo1na@BI<.ru

Галкина Татьяна Викторовна кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности

Гребеникова Таисия Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики, 31'e'[iya@shai.ru

Емельянова Татьяна Петровна доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, [_eteIyano@inBox.ru

Журавлей Анатолий Лактионович – академик **РАН**, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН

Зачесова Ирина Анатольевна кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики, ias1tiozoa-2004@shai.ru

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, znakov50@yandex.ru

Кольцова Вера Александровна — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией истории психологии и исторической психологии

Лебедева Евгения Игоревна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, evlebedeva@yandex.ru

Махнач Александр Валентинович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии.

Медынцев Алексей Алексеевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества, medintseff@yandex.ru

Нестик Тимофей Александрович — доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, nestik@ipras.ru

Павлова Наталья Дмитриевна — доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, pavlova_natalya@mail.ru

Позняков Владимир Петрович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, pozn_v@mail.ru

Сергиенко Елена Алексеевна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, elenasl3@mail.ru

Толочек Владимир Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, tolochek@psychol.ras.ru

Уланова Анна Юрьевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, rachugina@gmail.com

Ушаков Дмитрий Викторович — член-корр. РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН

Сведения об авторах

Харламенкова Наталья Евгеньевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, заместитель директора Института психологии РАН, nataly.kharlamenkova@gmail.com

Холодная Марина Александровна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина, kholod@psychol.ras.ru

Юревич Андрей Владиславович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии личности, заместитель директора Института психологии РАН

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

**РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЙ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Редактор — О. В. Шапошникова

Оригинал-макет, обложка и верстка — С. С. Фёдоров

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7 (495) 540-57-27

www.ipras.ru; e-mail: vbelop@ipras.ru

Сдано в набор 19.07.18. Подписано в печать 25.08.18. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonC

Уч.-изд. л. 40,5; усл.-печ. л. 45. Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

**Книги издательства
«Институт психологии РАН»**

2018 г.

- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 412 с. (Психология социальных явлений)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 568 с. (Труды Института психологии РАН)
- Кольцова В. А., Левкович В. П.* Социально-психологические проблемы супружеских отношений: история и современное состояние. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 174 с.
- Анатолий Лактионович Журавлев. Библиография научных трудов: К 70-летию со дня рождения / Авт.-сост. В. И. Белопольский, Е. Н. Аксамит, О. В. Шапошникова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 120 с.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 530 с.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)
- Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 716 с. (Методология, история и теория психологии)

2017 г.

- Когнитивные исследования. Вып. 7. Избранные труды конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. А. Медынцева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Когито-Центр, 2017. 188 с.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с. (Психология социальных явлений)